

ISSN 2225-7756

Міністерство освіти і науки,
молоді та спорту України

ВІСНИК

ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

імені В.Н.Каразіна

№ 981

СЕРІЯ “ПСИХОЛОГІЯ”

Випуск 47

Започаткована у 1967 р.

Харків 2011

У віснику подано результати теоретичних та експериментальних наукових досліджень у галузі фундаментальної та прикладної психології, присвячених теорії настанови Д.М. Узнадзе та її сучасній інтерпретації.

В вестнике представлены результаты теоретических и экспериментальных разработок проблем фундаментальной и прикладной психологии, посвященных теории установки Д.Н. Узнадзе и ее современной интерпретации.

“Vestnik” contains the results of theoretical and experimental researches, dedicated to the attitude theory of D. Uzmadze and its modern interpretation.

Затверджено до друку рішенням Вченої ради Харківського національного університету.
(протокол №11 від 11.11.11.)

Редакційна колегія:

Іванова О.Ф. (відп. ред.) - завідувач кафедри загальної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, доктор психологічних наук, професор.

Дусавицький О.К. - професор кафедри загальної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, доктор психологічних наук, професор.

Коваленко А.Б. - професор кафедри соціальної психології Київського національного університету імені Т. Шевченка, доктор психологічних наук, професор.

Кочарян О.С. - завідувач кафедри психологічного консультування та психотерапії, доктор психологічних наук, професор.

Саннікова О.П. - завідувач кафедри загальної та диференціальної психології Південноукраїнського державного педагогічного університету імені К.Д. Ушинського, доктор психологічних наук, професор.

Третьяченко В.В. - завідувач кафедри психології Східноукраїнського університету імені В. Даля, доктор психологічних наук, професор.

Шестопалова Л.Ф. - завідувач відділення “Інститута неврології, психіатрії та наркології АМН України”, доктор психологічних наук, професор.

Яновська С.Г. (відп. секр.) - старший викладач кафедри прикладної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна

Адреса редакційної колегії: 61022, Харків, пл.Свободи, 6, Харківський національний університет імені В.Н.Каразіна, факультет психології, каб. 441
тел. 8-057-707-56-32.

Електронна адреса: yanovskaya_s@mail.ru

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 11825-696 ПР від 04.10.2006
Статті прорецензовано

Зміст

Від редакції		6
<i>Белканиа Н.</i>	Жизнь и деятельность Д.Н. Узнадзе	7
<i>Дусавицкий А.К.</i>	Грузия – любовь моя	11
<i>Беляева О.Е.</i>	Проблема ставлення дівчат-підлітків із розладами менструального циклу до порушень репродуктивного здоров'я в контексті теорії установки	16
<i>Беседіна Н.О.</i>	Взаємозв'язок установки та психологічної готовності до безпечної поведінки	19
<i>Бойко Г.В.</i>	Активізація настанови на працевлаштування у консультативній роботі	23
<i>Бурдули Н.</i>	Понятие зоны принятия и ее актуальность	27
<i>Ваханиа З.Н.</i>	Теория установки - гуманитарная и естественнонаучная парадигма	31
<i>Габелкова О.Е.</i>	Роль установки на здоровый образ жизни в формировании здорового поведения молодежи	39
<i>Гарькавецъ С.О.</i>	Розгляд соціально-нормативної поведінки особистості в контексті проблеми установки	43
<i>Гимаева Ю.А.</i>	Установки учителей в отношении популярности и умственного развития учеников младших классов	48
<i>Глушко О.И.</i>	Концепция волевой активности Д.Н. Узнадзе и современные подходы к изучению субъектной активности	53
<i>Головнева И.В.</i>	Социальные установки в сфере менеджмента: гендерный аспект проблемы	57
<i>Горностаи П.П.</i>	Коллективные установки и групповая идентичность	62
<i>Єльчанінова Т.М.</i>	Становлення уваги дитини: підхід з позицій вчення про установку	67
<i>Жовтянська В.В.</i>	Зв'язок понять смислу та установки в контексті психосемантичних досліджень	71
<i>Заболотна В.О.</i>	Актуальність теорії установки та її використання в організаційному контексті	75
<i>Заика Е.В.</i>	Связь коммуникативных установок с личностными особенностями студентов	79
<i>Заика Е.В.</i>	Некоторые исследования памяти с позиции теории установки	83
<i>Зотова Л.Н.</i>	Установка на здоровый образ жизни у студенческой молодежи и факторы ее определяющие	88
<i>Іванова Е.Ф.</i>	Коллективная память и установка	94
<i>Коваленко А.Б.</i>	Вплив теорії установки Д.М.Узнадзе на розвиток учення про соціальну установку	98

<i>Крейдун Н.П., Кряж И. В., Луценко Е. Л., Павленко В. Н., Поливанова Е. Е.</i>	Современные представления студентов о евроинтеграции Украины – установка или аттитюд?	103
<i>Кривоконь Н. І.</i>	Значення доробок Д.М. Узнадзе в контексті розвитку психології соціальної роботи	108
<i>Кряж И.В.</i>	Категория установки в объяснении смысловой регуляции жизнедеятельности личности	113
<i>Кузнецов М.А.</i>	Чувство, установка и эмоциональная память	120
<i>Луценко Е. Л.</i>	Значение теории установки для исследования психологической адаптации	125
<i>Медникова А.И.</i>	Теория установки и проблема исследования самосознания личности в психологии	131
<i>Мельник И.М.</i>	К вопросу о возможности изменения социальных установок в процессе игровой деятельности	136
<i>Мельник О.А.</i>	Теоретичні основи формування предмета психології	140
<i>Митроченко О.Є.</i>	Теоретичні уявлення Д.М.Узнадзе про увагу та сучасні теоретичні та емпіричні розробки	144
<i>Моргун В.Ф.</i>	Принцип дополнительности деятельности, установки и поступка в многомерной теории личности	147
<i>Москаленко В.В.</i>	Політичні установки особистості в соціальному житті	153
<i>Надареишвили В.Г.</i>	Актуальные проблемы психологии установки	157
<i>Носенко Е.Л., Четверик-Бурчак А.І.</i>	Роль особистісних настанов у формуванні емоційного інтелекту як чесноти	161
<i>Олефір В.О.</i>	Взаємозв'язок життєстійкості, копінг – стратегій та психологічного благополуччя	168
<i>Оніщенко Н.В., Тімченко О.В.,</i>	Установка на життя як фактор збереження фізичного та психічного здоров'я в умовах екзистенціальної загрози	173
<i>Плохих В.В.</i>	Длительность действия и установка	177
<i>Подшивалкина В.И.</i>	Методологические проблемы психологии и теория установки Д.Н.Узнадзе	184
<i>Поляков И.А., Побидаш А.Ю.</i>	Влияние психологических установок на процесс волевого поведения в чрезвычайных ситуациях	187
<i>Посохов С.И.</i>	Д.Н. Узнадзе и Харьковский университет: страницы общей истории	191
<i>Севостьянов П.А.</i>	Установка и индивидуальный опыт	197
<i>Скворчевська Є.Л.</i>	Особливості визначення поняття “мотивації” та “установки” у вітчизняній психології	199
<i>Сорока А. В.</i>	Особливості установки на толерантну поведінку у спілкуванні співробітників державної пенітенціарної служби в процесі професійної діяльності	204
<i>Соснюк О.П.</i>	Проективна методика «креативний простір» як психодіагностичний та дослідницький інструмент	207

<i>Филенко И.А.</i>	Установки восприятия, социальное поведение и адаптация	211
<i>Хомуленко Т.Б.</i>	Потенциал теории установки для исследований в психосоматике и психологии здоровья	218
<i>Христенко В.Е., Титаренко Д.С.</i>	Беспомощность пострадавшего в очаге чрезвычайной ситуации и жизненная установка личности быть жертвой	222
<i>Цільмак О.М.</i>	Психологічні особливості егоцентричних особистісних установок	226
<i>Шевченко Н.Ф.</i>	Вплив смислової настанови на характер переживання негативних психічних станів	232
<i>Шестопалова Л.Ф., Бородавко О.О.</i>	Роль установки у формуванні терапевтичного альянсу між лікарем та пацієнтом	238
<i>Яновская С.Г.</i>	Роль установки в формировании доверия в межличностных отношениях	243
Відомості про авторів		246
Правила оформлення статей для фахового збірника «Вісник Харківського національного університету. Серія Психологія»		249

Від редакції

У 2011 році виконалося 125 років з дня народження видатного грузинського психолога Дмитра Миколайовича Узнадзе. Цій даті була присвячена Міжнародна наукова конференція «Наукова спадщина Д.М. Узнадзе і сучасність», яка проходила в Харківському національному університеті імені В.Н. Каразіна 9-10 грудня 2011 року.

Особливо приємно, що в конференції, разом з ученими України і Португалії, взяли участь психологи з Грузії – безпосередні представники школи Д.М. Узнадзе.

Весь номер даного Вісника складений з наукових статей, присвячених теорії настанови Д.М. Узнадзе і її сучасній інтерпретації. Конференція і представлені матеріали ще раз підкреслили важливість і плідність теорії настанови Д.М. Узнадзе.

Пленарне засідання відкривали представники Харківського і Тбіліського університетів, тому їх наукові доповіді передують цьому номеру Вісника.

От редакции

В 2011 году исполнилось 125 лет со дня рождения выдающегося грузинского психолога Дмитрия Николаевича Узнадзе. Этой дате была посвящена Международная научная конференция «Научное наследие Д.Н. Узнадзе и современность», которая проходила в Харьковском национальном университете имени В.Н. Каразина 9-10 декабря 2011 года.

Особенно приятно, что в конференции, наряду с учеными Украины и Португалии, приняли участие психологи из Грузии – непосредственные представители школы Д.Н. Узнадзе.

Весь номер данного Вестника составлен из научных статей, посвященных теории установки Д.Н. Узнадзе и ее современной интерпретации. Конференция и представленные материалы еще раз подчеркнули важность и плодотворность теории установки Д.Н. Узнадзе.

Пленарное заседание открывали представители Харьковского и Тбилисского университетов, поэтому их научные доклады предваряют этот номер Вестника.

From editorial Staff

In 2011 it's 125 years when the prominent Georgian psychologist Dmitry Uznadze was born. The international scientific legacy of D Uznadze and Contemporaniety devoted to this date took place in Kharikov Karazin national university, December, 9-10, 2011.

It's especially pleasant, that in the conference, along with the scientists of Ukraine and Portugal, psychologists from Georgia, direct representatives of school of D.N. Uznadze took part.

All issue of this "Vestnic" is made up from the advanced studies, devoted to the theory of setting of D. Uznadze and its modern interpretation. A conference and presented materials underlined the importance and fruitfulness of D. Uznadze's theory setting once again.

The plenary meeting was opened by the representatives of Kharikov and Tbilisi universities, so their scientific lectures anticipate this "Vestnic" issue.

Жизнь и деятельность Д.Н. Узнадзе

Белканиа Н.

Д. Н. Узнадзе создал известную в современной психологии теорию установки. Он был среди основателей первого в Закавказье Тбилисского университета в 1918 году и с первых же дней его основания преподавал там психологию. Он воспитал целую плеяду грузинских психологов, которые под руководством учителя провели огромную научную работу по экспериментальному исследованию разных проблем психологии и разработали оригинальную психологическую теорию, которая нашла широкое признание в Советском Союзе и за его пределами.

Наряду с такими выдающимися представителями советской психологии как Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А.Р. Лурия, А. Н. Леонтьев, имя Д. Н. Узнадзе было широко известно за рубежом уже в советское время. Он до конца 30-х гг. прошлого столетия печатался также за пределами Советского Союза, в основном в ведущих немецких психологических журналах. Интересно, что известный швейцарский психолог Жан Пиаже в 1944 году посвятил специальную работу эффекту Узнадзе.

Трудно переоценить значение Д. Н. Узнадзе для истории науки и культуры Грузии.

Д. Н. Узнадзе родился 20 декабря 1886 г. в селе Сакара Зестафонского района Западной Грузии в крестьянской многодетной семье. Родители Узнадзе придавали большое значение образованию детей. В 1896 году 10-летний Узнадзе был зачислен в Кутаисскую мужскую гимназию. Он с самого начала был отличным учеником. В 1905 г., будучи в восьмом заключительном классе, он вместе с другими учениками был исключен из гимназии за революционно-политическую активность.

В том же году семья для продолжения учебы послала его в Германию. Он стал студентом философского факультета Лейпцигского университета, где в то время психологию преподавал знаменитый философ и психолог Вильгельм Вундт, который в 1879 году основал там первую в мире психологическую лабораторию и тем самым дал мощный толчок развитию экспериментальной психологии. В этой лаборатории под руководством Вундта работали молодые психологи со всего мира, в том числе из Америки, Англии, России и т. д. Д. Н. Узнадзе в лаборатории Вундта работал вместе с В. Келером и другими молодыми учеными, ставшими впоследствии известными во всем мире психологами.

В 1907 году Узнадзе получил премию философского факультета Лейпцигского Университета за работу, посвященную философии Лейбница. По предложению Вундта Узнадзе начал работать над философской теорией великого русского мыслителя Владимира Соловьёва. В 1909 г. в университете Галле он защитил докторскую диссертацию на тему “Вл. Соловьёв: его теория познания и метафизика”. В тогдашней Германии это была первая серьезная попытка рецепции философии Соловьёва.

В том же 1909 году он возвращается на родину и начинает преподавать историю в Кутаисской гимназии. Но поскольку в тогдашней России зарубежный диплом не считался действительным, Д. Н. Узнадзе в 1910 г. поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета, экстерном сдал все экзамены и в 1913 г. получил диплом первой степени. Можно сказать что, этим самым Узнадзе 100 лет назад создал предпосылку для проведения настоящей конференции и вместе с другими грузинскими учёными, получившими в разные годы высшее образование в Харьковском университете, связал друг с другом Харьковский и Тбилисский университеты.

В Кутаисской мужской гимназии он преподавал историю, в женской гимназии – психологию и историю педагогики, а в кутаисском епархиальном училище – психологию и логику. По инициативе Д. Н. Узнадзе в Кутаиси была основана женская школа “Синатле” (свет). Он стал ее директором и преподавал разные предметы. Преподавание шло на грузинском языке, методы и принципы преподавания были разработаны самим же Д. Н. Узнадзе. Как активный сотрудник народного университета он часто выступал с публичными лекциями на разные педагогические и психологические темы. Он много печатался в эти годы. Его статьи были посвящены по преимуществу проблемам педагогики, философии, психологии и искусства. Он составил несколько учебников по Древней истории. Заслуживает внимание выпущенная им в 1912 г. книга “Введение в экспериментальную педагогику”, в которой уже встречаются, хотя и в зачаточной форме, педагогические идеи, подробно разработанные и осуществленные им позднее на практике.

С 1909 по 1916 гг. Д. Н. Узнадзе, живший тогда еще в Кутаиси, развернул широкую педагогическую и научную деятельность. В 1910 г. он, будучи еще совсем молодым, публикует философскую статью “Индивидуальность и ее генезис”, которая примечательна со многих точек зрения. Здесь уже намечаются отдаленные контуры будущей теории установки. В ней он, философски обосновывая рождение индивидуальности, впервые касается проблемы бессознательного и выделяет нейтральное досознательное состояние человека, которое очень напоминает используемые им позднее понятия “биосферы” и “подпсихического”.

В 1917 г. Д. Н. Узнадзе переезжает в Тбилиси и принимает активное участие в работе группы ученых, возглавляемой И. Джавахишвили, которая завершилась в начале 1918 г.

основанием первого в Закавказье университета. В том же 1918 г. в Тбилиском университете Д. Н. Узнадзе открывает кафедру психологии и педагогики, которая становится центром подготовки молодых психологов и педагогов. А чуть позже в 1920 г. – и психологическую лабораторию.

Параллельно с этим Д. Н. Узнадзе возглавлял созданный на базе Тбилиского института учителей Институт педагогики. В университете и Педагогическом институте он преподавал общую психологию, педагогическую психологию, психологию труда и дифференциальную психологию.

В 1927 г. Д. Н. Узнадзе основал общество психологов Грузии – первое в Советском Союзе. И это – всего лишь за неполных 10 лет со дня основания Тбилиского университета – единственного центра по подготовке психологов в тогдашней Грузии. Он до конца своих дней был бессменным председателем этого общества.

Помимо множества статей, посвященных разным проблемам философии, психологии и педагогики, перу Д. Н. Узнадзе принадлежат превосходные учебники, на которых в течение десятилетий воспитывались молодые поколения грузинских психологов. Они во многом и по сей день не утратили педагогической и научной ценности. В их числе “Основы экспериментальной психологии” (1925 г.), “Педология” (1933 г.), “Общая психология” (1940), “Психология ребенка” (1947) и др.

В 1919 г. Д. Н. Узнадзе в журнале “Моамбе” Тбилиского университета напечатал статью “Petites perceptions Лейбница и их место в психологии”, которая была попыткой понять бессознательное и его значение в психологии. В 1920 г. он выпустил монографию “Анри Бергсон”, в которой критически рассматривается интуитивная философия Бергсона. По мнению автора, Бергсон неправомерно принижает значение интеллекта для познания мира и понимания природы психологической активности человека. Д. Н. Узнадзе считает необходимым создание системы научных понятий, с помощью которых могут быть поняты и объяснены любые представления человека, в том числе и мистические и интуитивные.

Начиная с вышедшего в свет в 1923 г. исследования “Имперсоналия”, Д. Н. Узнадзе пытается создать такую систему психологии, в которой психические процессы объясняются не через психическое или физическое, как пытались это сделать сторонники т.н. “постулата непосредственности”, среди которых был и учитель Д. Н. Узнадзе В. Вундт. В “Имперсоналии” Узнадзе вводит понятие “подпсихического”, которое им понимается не как субъект или объект, а сфера, опосредующая воздействие физического на психическое или психического на психическое. Этим понятием, которое являлось предшественником понятия установки, Узнадзе пытался преодолеть упомянутый выше постулат непосредственности. В то время он ещё ставил знак равенства между психикой и сознанием и считал необходимым объяснение психики только таким понятием, которое выходит за пределы самого психического, чтобы не впасть в логическую ошибку *Petitio principii*.

В 1925 г. появляется основополагающая монография Д. Н. Узнадзе “Основы экспериментальной психологии”, в которой понятие “подпсихического” уступает место понятию “биосфера”, хотя значение его не меняется. Оно более точно обозначает тот участок действительности, который имеется в виду – биологическая сфера.

В конце 20-х – начале 30-х гг. Д. Н. Узнадзе вместо “подпсихического” и “биосферы” вводит понятие установки. Оно подразумевает психическое состояние человека, выражающего его готовность к определенному поведению. Установка, в понимании Д. Н. Узнадзе, служит также объяснительным понятием общих закономерностей психической активности человека и его сознания. Теория установки, как общепсихологическая теория, делает возможным объяснение психологических связей между окружающей средой, человеческим сознанием и его поведением.

В самом зрелом периоде своей научной деятельности – в 30-х и 40-х гг. – Д. Н. Узнадзе, с одной стороны, логически довершает теорию установки, а с другой стороны, вместе со своими учениками экспериментально обосновывает ее. Д. Н. Узнадзе и его ученики помимо разработки самого понятия установки разработали также метод экспериментального исследования феномена установки. В результате сформировалось следующее понятие установки. Установка – это не психический процесс и не поведенческий акт, а специфическая форма отражения действительности. Ее возникновение обуславливается как объектом, так и субъектом. С одной стороны, установка – это реакция на определенную ситуацию, а с другой стороны – она возникает в результате удовлетворения определенной потребности. Человеческая деятельность, по мнению Д. Н. Узнадзе, требует определенной внутренней подготовки. Этот процесс подготовки протекает бессознательно. Позднее его ученики, например Ш. А. Надирашвили, допустили возможность осознания установки особенно в сфере социального взаимодействия людей.

На основе проведенных ими экспериментов Д. Н. Узнадзе и его ученики выявили такие закономерности установки как генерализация, иррадиация, возбудимость и т. д. На основе этих и других экспериментов Д. Н. Узнадзе пришел к выводу, что установка является не локальным феноменом, характеризующим отдельные свойства того или иного органа чувств, а состоянием, характеризующим всю личность человека. В зависимости от скорости возникновения установки, ее сохранности во времени, силы воздействия и скорости смены Д. Н. Узнадзе выделил три основных типа личности – динамический, статический и вариабельный.

К первому относятся уравновешенные люди, легко приспосабливающиеся к окружению, ко второму - люди, свободные от импульсивности поведения. Этому типу свойственны грубые статические установки. Третий - переменный тип характеризуется сильными стремлениями, но в то же время выказывает конфликтную структуру личности.

Д. Н. Узнадзе ввел в психологию принцип иерархии - он различал два уровня психической активности: уровень установки, который является общим для человека и животных и понимается Д. Н. Узнадзе как первичное свойство организма. На этом уровне поведение определяется в основном воздействием ситуации и происходит удовлетворение только актуальных потребностей. На уровне объективации деятельность не зависит только от ситуации, она осуществляется при участии самого человека, который учитывает особенности ситуации и социальную среду.

Во время второй мировой войны Д. Н. Узнадзе при военном госпитале в Тбилиси открыл кабинет патопсихологии, где он руководил работой по реабилитации психических расстройств солдат и офицеров Советской армии.

В 1941 г. создается Академия наук Грузинской ССР. Д. Н. Узнадзе входит в число основателей Академии, становится членом Президиума отделения общественных наук и при Академии открывает сектор психологи. В 1943 г. на основе этого сектора по инициативе Д. Н. Узнадзе создается Институт психологии АН ГССР, директором которого он состоял до конца жизни.

В вышедшей в 1949 г. незадолго до смерти ученого монографии “Экспериментальные основы психологии установки” Д. Н. Узнадзе подытожил результаты, полученные им и его учениками за два десятилетия, обобщил их и окончательно сформулировал свою теорию, переработав и завершив отдельные важные ее детали.

Д. Н. Узнадзе пришлось жить в непростое время, хотя в 20-е и 30-е гг. удивительным образом он печатался и за рубежом, в частности, в Германии. Как это ни удивительно, последнюю свою статью в немецком психологическом журнале он опубликовал в 1939 г. Но, несмотря на это, ему не всегда было легко при советском режиме. Особенно с 40-х г. его не редко обвиняли в идеализме, что в тогдaшнее время было опасно не только для научной карьеры, но и для жизни.

В 1950 г. в Москве по указанию Сталина состоялась печально знаменитая объединённая сессия двух академий – Академии наук СССР и Медицинской академии СССР. На ней фактически была аннулирована психология как самостоятельная наука, поскольку она была сведена к физиологии высшей нервной деятельности, в частности, к учению Павлова об условных рефлексах. Вслед за этим и в Грузии начали обсуждать проблемы взаимоотношения физиологии и психологии. Разгорелась дискуссия о том, насколько теория Д. Н. Узнадзе отвечает требованиям материалистической науки и советской идеологии, не является ли она идеалистическим и субъективным учением. Это было 1952 г., уже после смерти ученого. В дискуссии принимали участие почти все ученики Д. Н. Узнадзе, и они с честью и достоинством отстаивали позицию учителя и убедительно доказали необоснованность аргументов против теории установки.

В 1955 г. на страницах журнала «Вопросы психологии» развернулась дискуссия о месте и значении теории установки в советской психологии. На XVIII международном конгрессе психологов, который состоялся в Москве в 1968 г., проблемам психологии установки был посвящен отдельный симпозиум. В 1979 г. на XXII международном конгрессе психологов в Лейпциге среди обсуждаемых проблем были и проблемы психологии установки. Это лишний раз доказывает, что теория установки Д. Н. Узнадзе получила мировую известность и стала органической частью современного психологического дискурса.

В том же 1979 г. в Тбилиси по инициативе грузинского философа А. Е. Шерозиа была проведена большая международная конференция, посвященная проблемам бессознательного. На этой конференции школа Д. Н. Узнадзе ещё раз предстала перед сообществом психологов, съехавшихся в Тбилиси со всего мира, и вела на равных дискуссии о проблемах бессознательного с известными представителями современной психологии.

В кратком докладе в рамках конференции, конечно, невозможно охватить все аспекты научной и педагогической деятельности Д. Н. Узнадзе.

Д. Н. Узнадзе скончался 12 декабря 1950 на научном семинаре Института психологии, среди своих учеников, когда он обращался с речью к собравшимся. Эти семинары проводились в течение десятилетий по средам, и их инициатором в свое время также был Д. Н. Узнадзе. 21 мая 1988 г. состоялось перезахоронение его останков из кладбища Ваке г. Тбилиси в сквер Тбилисского университета, где покоятся тела выдающихся грузинских учёных – основателей университета.

Литература

1. Берулава, Н. Д., Дмитрий Узнадзе. Жизнь и творчество. Тбилиси «Мецниереба» 1967. (На груз. яз.)
2. Ketchuashvili, G. N., Dimitry Uznadze. PROSPECTS: the quarterly review of comparative education. Paris UNESCO: International Bureau of Education), vol. 24, no. ¾, 1994, p. 687-701.

3. Кодуа, Э. И., Введение. В кн. Д. Н. Уznaдзе, *Философские труды*. Том 1, Сост. Э. И. Кодуа. Тбилиси, изд. Тбилисского гос. Университета 1986. Стр. 3-75. (На груз. яз.)
4. Надирашвили, Ш. А., Дмитрий Уznaдзе. Краткий очерк научной и общественной деятельности. В кн. Библиография. Тбилиси «Сакартвелос мацне» 2009. Стр. 7-27 (На груз. яз.)
5. Уznaдзе, Д. Н., Анри Бергсон. Тифлис, изд. Тифлиского университета 1920. (На груз. яз.)
6. Уznaдзе, Д. Н., Основы экспериментальной психологии. Тифлис, Известия Тифл. Ун., 1925. (На груз. яз.)
7. Уznaдзе, Д. Н., Общая психология. Тбилиси, изд. Тбилисского гос. Университета 1940. (На груз. яз.)
8. Уznaдзе, Д. Н., Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, изд. АН ГССР, 1961.
9. Уznaдзе, Д. Н., Психологические исследования. Москва, «Наука» 1966.

Грузия – любовь моя

Дусавицкий А.К.

Начало 70-х годов XX века было исключительно плодотворным для отечественной психологии. В основных центрах психологической науки – в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси проходили конференции и симпозиумы, ожидался рывок в массовую психологическую практику.

Особенно интересными были встречи корифеев психологической науки – авторов теории деятельности и теории установки – в Грузии. Мне посчастливилось присутствовать на Всесоюзном психологическом съезде в 1971 году и на последующих конференциях, посвященных психологии социогенных потребностей и усовершенствованию учебно-воспитательного процессов в школе, весной и осенью 1974 года в Тбилиси.

Я бывал в Грузии еще в студенческие годы и в молодости: туризм и альпинистские тропы привлекали юношество со всего Союза. В памяти остались красоты Рокского перевала, Южной и Северной Осетии, морские причалы в Гаграх и Сухуми. Но, по-настоящему я оценил грузинскую ментальность в дни встреч с грузинскими психологами.

В Харькове в те годы активно возрождались идеи известной психологической школы, и поэтому на съезде и конференциях присутствовали харьковские психологи – Г.К. Серeda, В.В. Репкин, Г.В. Репкина и др. Кратко остановлюсь на наиболее интересных моментах, которые мне запомнились. Свой доклад на Всесоюзном съезде психологов А.Н. Леонтьев посвятил категории деятельности в советской психологии. По его мнению, задача психологии – изучение конкретных видов деятельности, особенности их структуры, механизмов и характеристик, которые приобретают в деятельности личностный субъективный смысл. Важно изучать новые виды деятельности и связи между ними. А.Н. Леонтьев считал, что психологическим исследованиям деятельности положено лишь начало. Ближайшие задачи: психологический анализ деятельности должен охватить всю реальности психики. Важно рассматривать проблемы деятельности в связи с установкой. Оба понятия теоретически сближаются в двух кардинальных пунктах: преодоление постулата непосредственности, на котором настаивает бихевиоризм, и включение понятия о трансформации первичных потребностей в результате их опредмечивания (объективации). Деятельностный человек приносит приставку «от себя», он переходит за грань наличной ситуации. Этот переход, самодвижение – важнейшая проблема.

А.Н. Леонтьев задал широкое пространство для дискуссии в котором принимали участие многие известные психологи: А. Прангишвили, В. Давыдов, Г. Андреева, А. Запорожец и другие. Но мне хотелось подробнее остановиться на конференции, посвященной усовершенствованию учебно воспитательного процесса начальных классов школы, инициированной замечательным грузинским психологом и педагогом Ш. Амонашвили.

В те годы уже много было говорено о впечатляющих результатах генетико-моделирующего эксперимента по формированию учебной деятельности, который осуществлялся в лабораториях Харьковского университета и пединститута. Внимание педагогической общественности страны привлек документальный телевизионный фильм « $2X2=X$ », рассказывавший о результатах уникального эксперимента по обучению младших школьников теоретическим знаниям. Перед конференцией в Харьков приехала группа грузинских журналистов для интервью с авторами эксперимента.

В.В. Давыдов свой доклад посвятил проблеме развития обобщения у детей. Начальная школа, по его мнению, призвана воспитывать высокий уровень интеллектуальной деятельности у школьников, позволяющий им в дальнейшем самостоятельно учиться в средних и старших классах. Традиционная школа эти задачи никогда не ставила. Имеется много видов умственной активности, поэтому надо понять какие формы умственной активности являются продуктивными, основными, а какие производными. В трудах Л. Рубинштейнв, Ж. Пиаже общей тип умственной активности определялся видом и характером степени обобщения учебного материала. Это сердцевина мыслительной деятельности человека.

В докладе В. Давыдова подробно рассматривались характерные черты эмпирического и теоретического типов обобщения и сформулировалась гипотеза, что уже в начальных классах необходимо не давать готовые знания, а осваивать их в процессе происхождения понятий.

В выступлениях В.В. Репкина и автора этих строк содержалась характеристика результатов генетико-моделирующего эксперимента по формированию теоретического мышления и учебно-познавательных интересов детей.

Доклад грузинского психолога А. Алказишвили был посвящен проблеме мотивационной основы учения младших школьников. Рассматривались две формы поведения: регулирующее, обеспечивающее создание равновесия между организмом и средой (то есть адаптация) и формирующее, направленное на познание нового. В современной школе эти мотивы не формируются. Важен вопрос об оценке учебной деятельности. Все зависит от того, как используют оценку: для адаптивного или формирующего поведения. Ребенок

останавливает свою деятельность после выяснения оценки, если он не направлен на задачу. Но если он решает задачу ради задачи, оценка информирует его об успешности. Решение задачи не вызывает прекращения его деятельности, а наоборот стимулирует.

Г.П. Щедровицкий обозначил узловым пунктом дискуссии: противопоставления эмпирического и теоретического способов обобщения и тех программ, которые предложены Давыдовым и Занковым. Вопрос: целесообразно ли сравнивать друг с другом эти две концепции начального обучения? Сегодня Зверева сформулировала ряд принципов, которые по ее мнению оправдывают концепцию Занкова. Важным соображением является легкость программы и методы воплощения в практику сегодняшней школы. Но если ее легко реализовать, тем хуже для этой программы.

Большое впечатление на участников конференции произвело выступление Г. К. Середы. «У меня есть внутренний критерий позволяющий ответить на вопрос «кто есть кто?» - сказал Г.К. Середа. «Если человек говорит, что он признает наличие перемен, но при этом не надо забывать о детях, или нужно реализовать принцип научности, но не забывать и о принципе доступности, я считаю, что он адепт старой системы обучения... В традиционной дидактике принципы научности и доступности враждуют между собой. Этот парадокс доживает последние годы». Проблема доступности, по мнению Г. Середы, не проблема возраста, а проблема общества. Она стоит не перед ребенком, а перед нами. У ребенка механическое запоминание – это самозащита от того метода, который мы ему навязываем. Никогда не существовало механической памяти как возрастной. Память также творится как и другие психические процессы.

Подводя итог дискуссии, В. Давыдов предложил гипотезу: в ближайшем будущем основная задача начальной системы обучения – формирование полноценной учебной деятельности у учащихся. Для последующего полноценного обучения в средней школе. Начальное обучение должно формировать теоретическое отношение к действительности у ребенка. Только на развитом теоретическом мышлении можно построить фундамент системы образования.

Материалы конференции были изданы в двух томах, они и сегодня представляют большой интерес при решении проблем обучения и воспитания младших школьников.

Исключительный интерес вызвала международная конференция «Проблемы формирования социогенных потребностей». В 70-е годы в стране шли активные процессы пересмотра устоявшихся представлений о воспитании личности.

На конференцию приехали известные психологи из разных стран: Н. Обуховский (Польша), Й. Лингардт (Чехословакия), М. Ферверг (Германия) и другие.

Доклад А. Прангшвили был посвящен проблеме связи потребностей, мотивов и установки. Каково взаимоотношение между понятиями мотива и установки? Некоторые считают, что мотив – энергетическое начало деятельности, а установка – направляющая деятельность, целостное состояние. То есть момент побуждения плюс момент направленности. Это неверно. Установка – единство энергетических и регулирующих начал. Из понятия мотива нельзя вывести личность. Л. Божович вводит понятие направленности - ведущей мотивации как центральное понятие психологии личности. Определенная потребности и есть установка.

Б. Додонов посвятил свое выступление проблеме интереса – одному из наиболее загадочных психологических феноменов. Существует много толкований интереса: направленность внимания (Теплов), осознанная потребность (Спиркин), познавательный аспект потребности. А. Ананьев считал, что интерес – миф. Почему веер мнений? К анализу одного явления подходят с разных сторон. Интерес – сложный, текучий, многогранный предмет. Надо взять за основу анализа не интерес переживания, а в его наиболее развитой форме – как свойство личности.

В ряде выступлений рассматривались попытки описать структуру личности. Г. Розен считал, малопродуктивным подход объединения черт (свойств) личности в такие образования как темперамент, характер, способности и так далее. Личность - предмет роста, развития. Воздействия на индивида извне кажутся случайными. Но вдруг - критическая точка: они объединяются в единый сплав. Возникает ядро личности – переживание «Я» (ядро развивается, преобразуется). Но наряду с ядром существуют и внешние, переходящие элементы личности (например, социальные роли). В ядре несколько направляющих механизмов: потребности, ценностные ориентации и комплекс явлений связанных с отношением к себе (самосознание, самооценка, уровень притязаний и т.д.). Но это не вся личность. Можно ее рассматривать под разными углами, но в развитии.

В. Сафин в своем докладе «Структура личности и проблема потребностей» предлагал изучать личность как целостность через ее самооценку. По его мнению, именно самооценка – ядро личности. Вопрос – устойчивости самооценки. Для ее сохранения необходима компенсаторная деятельность – оценка одних свойств за счет других значимых свойств. Сафин приводил примеры динамики самооценки личности в разных системах и возрастных группах.

На конференции выступали не только психологи, но и представители других научных

школ. Академик Г. Чавчавадзе (институт кибернетики) считает, что нет ответа на вопрос: откуда берутся потребности, чем отличается потребность от синдрома потребности. Если это синдром — чем он предопределен. Надо знать генезис, какова начальная гамма, начальные элементы, переплетение которых дает все богатство потребностей. Незримо присутствует идея гомункулуса, когда мы говорим об изначальном алфавите. Потребности надо дать не психологический, а физиологический смысл. Полемизуя с Г. Чавчавадзе, Ю. Соколовский утверждал, что попытки объяснить все психические процессы математическими методами, кибернетикой непродуктивны. Физиология — материал, позволяющий проявиться психологическим механизмам. Но физиология — не производительная сила, на которой вырастают психологические отношения. «Когда мне говорят о мозге как источнике активности, я настораживаюсь. Все человеческое находится вне человека и усваивается им. Я сторонник Выготского».

Выдающийся физиолог и кибернетик Н. Амосов назвал свой доклад: «Моделирование личности и общества». «Я дилетант, но мое преимущество — не принадлежность к епархии, поэтому я могу высказываться более свободно» — начал свое выступление Н. Амосов. Что может кибернетика дать психологии? Пока — статистику. Но она может дать больше, потому что кибернетика получила возможность овладеть сложностью: учитывать много переменных. Любая модель сложной системы субъективна, так как всякое упрощение субъективно. Мир в сложном положении (если судить не по средствам массовой информации). Пользуясь известными (существующими) потребностями мы пустим мир по ветру. Человек не может охватить все, а машина может. Поэтому спасение человека без действующих моделей не возможно. Модели могут дать материал доказательства. Дело продвигается плохо, потому что за дело взялись кибернетики. Но машина — модель клетки, организм она не может создать. Необходимо содружество: математиков и специалистов, которые выдают гипотезы. Философы зажаты в такие рамки, что ничего не могут себе позволить. Психология, которая пришла от философии — не настоящая. Потому что она потеряла естественно-научный объект. Я — за философию. Общие законы необходимы. Но когда с позиции общественных законов толкуют частные законы — ничего не получается. Модельный подход делает все что нужно. Необходимо коллективное творчество: отдельные специалисты создают куски модели. Изучение человека и общества неотделимо друг от друга. Не с вымышленным ли человеком мы работаем под влиянием философии? Разве человек настолько воспитуем, — задает вопрос Н. Амосов, — что стоит создать общество и сразу с ним можно будет делать, что хочешь? Разве возможно это экспериментально подтвердить? Я тоже уверен, что человек воспитуем, но нет учения о степени воспитуемости человека. Размеры статьи не позволяют привести соображения Н.Амосова о способах самоорганизации общества с помощью обобщенных моделей. Но очевидно, что его суждения еще более актуальны в сегодняшнем глобализованном мире.

Участие в таких конференциях, которые проводили в Тбилиси, серьезная научная школа, позволяющая видеть пространство развития отечественной и мировой психологии, оценить роль грузинской психологии в этом процессе. Но наиболее яркие впечатления от встреч с грузинскими психологами у меня остались от поездки в Тбилиси в 1972 году, когда в харьковских исследованиях потребностной основы учебной деятельности возникла необходимость поиска новых диагностических методов оценки ее формирования. Я уже знал, что у грузинских психологов был очень интересный опыт использования новых, особенно зарубежных, методов диагностики развития личности.

Автор книги «Типы характера и фиксированная установка» В. Норакидзе познакомил меня с материалами психологических исследований личности, которые еще не были опубликованы, подарил несколько известных зарубежных тестов, дефицитных в то время.

Н. Имедадзе и А. Алхазивили передали Харьковскому университету модифицированный тест французских психологов Дорки и Амен по изучению тревожности, которая рассматривалась ими как мотив деятельности. Впоследствии этот тест был широко использован мной при исследованиях развития личности в учебной деятельности.

Но самым неожиданным и удивительным было мое знакомство с неопубликованной ранее оригинальной педагогической системой Д. Узнадзе, созданной в первой половине XX века.

Д. Узнадзе писал свои статьи на немецком и грузинском языках, но даже в опубликованных в 2000 году, в переводе на русский Н. Имидадзе и И. Имидадзе, фрагментах его педагогического творчества вырисовывается впечатляющая картина психолого-педагогической системы, имеющей значение в наше время.

Единой философско-психологической основой педагогической концепции Д. Узнадзе была идея целостной и активной личности как субъекта воспитания. Воспитание, по Д. Узнадзе, как стремление к идеальному, как целостный процесс формирования своей жизни и жизни другого, есть предмет педагогики. Воспитание не достигает цели, если педагог не понимает природу ребенка. Поэтому педагогика основывается на постижении педагогической сущности воспитуемого. Д. Узнадзе считал, что это возможно при обращении психологии к

естественнонаучным методам исследования, психологии развития.

Социальная природа цели воспитания приводит Д. Узнадзе к характеристике важнейшего противоречия воспитательного процесса, которое он называет основной трагедией воспитания. Пропась между устремлениями воспитателя и воспитуемого возникает, потому что воспитатель считает, что руководствуется будущим благом ребенка, не прислушиваясь к его желаниям, не учитывает индивидуальных особенностей.

Единый путь преодоления этого противоречия – глубокое изучение богатства, заключенного в душе ребенка, этапов его естественного развития. «Главное зло школы», по Д. Узнадзе – превращение ее в фабрику, обезличивание, унификации. Школа – фильтр индивидуальности, фабрика подготовки под шаблон «мифического» среднего ученика.

Д. Узнадзе считал принципиально неверным построение воспитания в школе, как набора так называемых предметов, необходимых ученику. Д. Узнадзе считал бессмысленным бесконечную дискуссию о важности того или иного предмета. Одинаковое значение имеет любой предмет, если он развивает ребенка. Д. Узнадзе утверждал, что спор, о так называемых, школьных стандартах, предусматривающих минимум знаний – мнимый спор. Школе нужен стандарт, как современная особая форма деятельности, обеспечивающей развитие способностей ребенка, а не стандарты суммы знаний. Будущее педагогики, по Д. Узнадзе, за деятельностным и личностным подходом к пониманию стандартов образования. Какие нормы деятельности надо конструировать, чтобы у ребенка родилась целостная картина мира.

Думаю, что даже эти фрагменты из педагогической концепции Д. Узнадзе можно использовать как своеобразный эпиграф ко всем дискуссиям о различиях образования.

Надеюсь, что грузинские коллеги переведут на русский язык основные педагогические работы Д. Узнадзе: «Основная трагедия воспитания», «Введение в экспериментальную педагогику», «Педагогическое образование родителей», «Психология и педагогика», его основной труд – «Психология ребенка. Полная картина динамики развития от рождения до старшего школьного возраста».

Очевидно, что знакомство с наследием великого философа, педагога, психолога еще впереди.

В завершении моих заметок не могу не сказать о встрече с грузинским философом З. Какабадзе, автором замечательной книги «Человек как философская проблема». Экскурсии и поездки в горы, в монастырь «Шиом-Гвини» в Кахетию, родину замечательных грузинских вин, навсегда останутся в моей памяти.

Впечатления о Грузии, ее добрых и умных людях я попытался отразить в стихотворном цикле «Грузинские миниатюры». Выдержками из этого цикла я хочу завершить свою статью.

Вечерний Тбилиси.

У фонтана играли дети.
А на каменных плитах
Нагретых за день
Сидели грузинки.
Мимо текла толпа.
У фонтана играли дети
А в бронзовых пальцах
Мыслителя – горела свеча
И пламя ее касалось
Зеленой листвы.
Здесь быстро темнеет,
И матери к теплым постелям
Уводили сонных детей,
Был вечер.
Почернела листва.
Остывали плиты из камня.
Перестал бить фонтан.
А в руках у Мыслителя
Все горела свеча...

Философ
Мы сидим у камина -
я и философ.
Я пришел к нему за советом,
Но он почему-то молчит.
И вот говорить приходится мне:
Сначала о цели визита,
Потом, чтоб заполнить паузу,
А он все медлит и медлит.

Я пришел к нему за советом,
А он почему-то молчит.
Разве это философ?
Я читал его книгу:
Слова били в набат.
Я читал ее в самолете,
Земля темнела внизу.
А мне хотелось бежать.
И вот мы в креслах
Друг против друга
Он молод и сед
И спокойны живые глаза.
Я пришел к нему за советом,
Но говорю почему-то Я.
Он только кивает слегка.
И я ухожу
Тонкую руку пожав.
Почему же так много он дал мне?
Я иду по темной земле,
Небо летит над горами,
И хочется мне бежать!

При мне говорили по-грузински,
Меня это не смущало.
При мне говорили обо мне –
Я просто стоял и слушал.
Я видел их лица: проникающий в душу свет.

Психология.
Вот человек...
Мы никогда раньше не виделись.
Он протянул мне руку
И у меня возникло
По отношению к нему
Фиксированная установка –
Я полюбил его.
Разве так может быть?
Мой совет:
Приезжайте в Грузию
С открытым сердцем
Приезжайте!

Тбилиси – Харьков, октябрь 1972 г.

УДК 159.922.73: 618.17–008.8

Проблема ставлення дівчат-підлітків із розладами менструального циклу до порушень репродуктивного здоров'я в контексті теорії установки

Беляєва О.Е.

Стаття присвячена дослідженню феноменології ставлення до хвороби дівчат-підлітків із порушеннями менструального циклу на підставі якісного та кількісного аналізу результатів інтерв'ю. Розглядаються питання наявності попередньої поінформованості підлітків щодо можливих порушень менструації, стратегії їх реагування при появі ознак нерегулярності та особливості визнання дівчатами гінекологічного порушення як хвороби. Встановлено, що суб'єктивні труднощі визнання менструальних порушень як відхилення від здорового розвитку мали зв'язок із пізнім інформуванням підлітків щодо менструації.

Ключові слова: дівчата-підлітки, фіксовані установки, порушення менструального циклу, ставлення до репродуктивного здоров'я.

Статья посвящена исследованию феноменологии отношения к болезни девочек-подростков с расстройствами менструального цикла на основе качественного и количественного анализа результатов интервью. Рассматриваются вопросы наличия предварительной информированности подростков в отношении возможных нарушений менструации, стратегии их реагирования при появлении признаков нерегулярности, особенности признания девочками гинекологического нарушения как заболевания. Установлено, что субъективные трудности признания менструальных нарушений как отклонения от здорового развития были связаны с поздним информированием подростков о менструации.

Ключевые слова: девочки-подростки, фиксированные установки, нарушения менструального цикла, отношение к репродуктивному здоровью.

The article deals with researching of phenomenology of the relation to illness of adolescent girls with disorders of menstrual cycle. Investigation based on the qualitative and quantitative analysis of results of interview. Questions of presence of preliminary knowledge of adolescents concerning possible disorders of menstruation, strategy of their reaction are considered at occurrence of signs of an irregularity, feature of recognition girls of gynecologic disorders as diseases. It is established, that subjective difficulties of a recognition menstrual disorders as deviations from healthy development have been connected by adolescents with late informing about menstruation.

Key words: adolescent girls, attitudes, disorders of menstrual cycle, relation to reproductive health.

Проблема збереження репродуктивного потенціалу молоді набуває великого значення в сучасному суспільстві, обумовлюючи майбутнє нашої держави. Формування репродуктивного здоров'я людини – складний і тривалий процес, найбільш відповідальним етапом якого постає пубертатний період, коли відбувається бурхливий розвиток індивіда як на соматичному, так і на психічному рівні [1]. Саме на цей період припадає активний розвиток репродуктивної системи, у дівчат з'являються перші менструації. Сучасні дослідження показують, що дівчата не надто поінформовані про менструацію. Імплицитні табу, пов'язані з менструацією, обмежують отримання підлітками необхідної інформації [2,3]. Порушення регулярності менструацій – поширене явище в підлітковому віці, особливо перші 2-3 роки після менархе [4]. Проблеми психологічного опанування дівчатами-підлітками тілесних аспектів жіночої зрілості набувають особливого забарвлення в разі виникнення тих чи інших відхилень в процесі становлення менструальної функції. Ситуація виникнення порушень репродуктивної системи ставить перед дівчиною психологічно складні питання, що вимагають усвідомлення, осмислення й додаткової регуляції. Медики зазначають, що своєчасна ідентифікація менструальних відхилень у підлітків може дати можливість покращити потенціал репродуктивного здоров'я щодо дорослості [5]. Вказане обумовлює актуальність дослідження психологічних складових відношення підлітків до нерегулярності менструації.

Поняттям установки визначають цілісний динамічний стан готовності людини до певної активності. Фіксована установка утворюється під впливом попереднього досвіду або вербальних настанов щодо майбутніх подій [6].

Метою нашої роботи було дослідження ставлення дівчат-підлітків із розладами менструального циклу (РМЦ) до порушень репродуктивного здоров'я.

Проведене дослідження спиралося на матеріали інтерв'ювання дівчат-підлітків із РМЦ. Обстежено 90 дівчат віком 14-17 років, що перебували на стаціонарному лікуванні в клініці Інституту охорони здоров'я дітей і підлітків АМНУ з приводу порушень менструального циклу у вигляді пубертатних маткових кровотеч, первинної та вторинної аменореї.

Для визначення особливостей ставлення дівчат до репродуктивного здоров'я було використано напівструктуроване інтерв'ю, під час якого прояснювали наявність у респондентом будь-яких попередніх відомостей щодо можливості порушень менструації, з'ясовували стратегії їх реагування при появі ознак нерегулярності менструацій. Наявні уявлення підлітків про менструацію як таку визначали за допомогою непрямих запитань.

Результати якісного аналізу інтерв'ю дозволили окреслити проблематику усвідомлення підлітком порушення менструальної функції як захворювання. При визначенні когнітивних складових осмислення підлітком ситуації гінекологічного захворювання, що включають

спектр контекстних знань щодо менструації та її порушень, передусім слід зазначити, що власне порушення менструального циклу виходять за рамки усталених уявлень підлітків про захворювання, тобто фіксовані установки підлітка щодо хвороби оминають симптоматику менструальної іррегулярності. Звичні індикатори хворобливого стану (біль, нездужання, слабкість), що задають суб'єктивну межу між соматичною хворобою та здоров'ям, виявляються недовідними при порушеннях регулярності менструацій. Це обумовлено тим, що з одного боку, менструації часто супроводжуються відчуттями слабкості, нездужання чи навіть болем, а стереотипи ставлення до менструації, поширені в жіночій культурі, припускають нормативність менструального болю як неминучого супутника «жіночого прокляття». Про поширеність серед підлітків уявлень про усталений зв'язок менструальних кровотеч із больовими почуттями яскраво свідчать повідомлення дівчат із ПА, які ще не мали власного досвіду менструацій. Так, на питання, що могла б розповісти про місячні одна дівчинка передусім каже, що могла б порадити, які таблетки вживати від болю. Інша говорить: «Живіт болить перед ними, що стан такий, нервуєш, на всіх кричиш, зриваєшся». «Ну, в принципі, конечно, хочеться, але я думаю, що буде боліти живіт, все таке...». Уявлення про зв'язок менструації з болем знайшли відбиток у в повідомленнях 76,7% дівчат із РМЦ.

З іншого боку, власне зміни ритмічності появи менструації, що визначають стан маткової кровотечі або проявляються аменореями, не пов'язані з больовими відчуттями. Порушення менструального циклу як захворювання неможливо виділити на підставі лише звичного розуміння перцептивних сигналів. Суб'єктивне визначення гінекологічних порушень даного кола як захворювання потребує від підлітка оновлення когнітивної опори, залучення культурної інформації, спрямованої на переоцінку й нове осмислення тілесних сигналів в контексті дівочого розвитку, іншими словами – специфічної фіксованої установки, орієнтованої на майбутнє та цінності репродуктивного здоров'я.

Виділити маткову кровотечу як захворювання дозволяють знання про нормативну тривалість менструації. Визначити первинну аменорею як порушення менструальної функції дозволяють уявлення про нормативні дати даного покоління строки розвитку вторинних статевих ознак у дівчат та строки появи менархе. При вторинній аменореї основним симптомом порушення циклу є тривалість відсутності менструації. Оцінити подібний стан як захворювання дівчина може лише спираючись на знання й переконання, що менструації приходять з певною регулярністю.

Незважаючи на те, що розлади менструацій у підлітків – досить поширене явище, дівчата часто були не поінформовані в цій області до того як зустрілися із порушеннями в особистому досвіді. Так, 42,2% респонденток вказували, що не мали попередньої поінформованості щодо розладів менструацій.

Опитані дівчата, стикнувшись у власному досвіді з порушеннями менструації на етапі становлення репродуктивної системи, по різному реагували на ситуацію захворювання. Вони могли звертатися для прояснення до матері (43,0%) чи до інших жінок у своєму оточенні; пасивно спостерігати, дотримуючись вичікувальної позиції (21,0%); або були схильні зневажати тілесні та соціальні сигнали щодо особливостей становлення власної репродуктивної системи.

Деякі дівчата, навіть перебуваючи на лікарняному ліжку з приводу РМЦ категорично відкидали визначення особливостей тілесного розвитку як хвороби – такі хворі становили 11,7% опитаних. Аналіз матеріалів опитування дозволив встановити, що дівчатка, які наполегливо демонстрували впевненість у анозогностичних поглядах, зазначали, що отримували перші відомості щодо менструації досить пізно. Перше звістки щодо місячних вони співвідносили зі своїм 12-річним віком.

Серед тих дівчат, які вказували, що вперше дізналися про місячні після того, як їм виповнилося 11 років, 50,0% суб'єктивно не визнавали наявне гінекологічного порушення як соматичне нездоров'я. В підгрупі хворих, що вперше дізнавалися про місячні в більш ранньому віці, таких не було. Це свідчить, що запізніле інформування щодо менструації як такої, нетривалий час психологічного опанування питань дівочого статевого розвитку обмежували спроможність дівчат достатньою мірою інтегрувати отримані відомості до цілісної системи уявлень про власне здоров'я. Дівчата, які пізніше залучались до психологічного опанування циклічних аспектів жіночої зрілості, в подальшому в половині випадків були неготовими зріло та відповідально ставитися до менструальних порушень, не мали змогу виробити реалістичну свідому позицію щодо власного здоров'я в разі виникнення гінекологічного розладу в підлітковому віці.

Отже, дослідження психологічних аспектів ставлення до розладів менструації дозволило констатувати, що когнітивні складові опанування менструацій й адекватне усвідомлення дівчатками-підлітками меж норми й порушень менструальної функції й статевого розвитку постають значним резервом на шляху формування відповідальної здоров'язберігаючої поведінки підлітків в ситуації гінекологічного захворювання. Отримані в процесі якісного емпіричного дослідження результати окреслюють проблемні тенденції в ставленні дівчат-підлітків із розладами менструального циклу до порушень репродуктивного здоров'я, зокрема суб'єктивні труднощі визнання особливостей власного тілесного функціонування як відхилення від здорового розвитку. Своєчасне залучення дівчат до культурного досвіду,

пов'язаного із менструацією, забезпечує підлітків адекватними установками, що орієнтовані на майбутнє та враховують цінності репродуктивного здоров'я. Підтримка розвитку і становлення цих аспектів світогляду дівчини є важливим напрямком психоосвітньої роботи з підлітками, що страждають на порушення менструального циклу.

Література

1. Бацильова О. В. Медико-психологічні особливості репродуктивного здоров'я молоді у сучасних умовах [Текст] / О. В. Бацильова // Збірник наукових праць Інституту психології ім. Г. С. Костюка / [за ред. С. Д. Максименка]. – Т. X., Ч. 9. – К, 2008. – С. 63-72.
2. Stubbs Margaret L. Cultural Perceptions and Practices around Menarche and Adolescent Menstruation in the United States [Text] / Margaret L. Stubbs // Annals of the New York Academy of Sciences. – 2008. – Vol.1135. – P.58-66.
3. Потон Л. Сексуальная жизнь подростков. Открытие тайного мира мальчиков и девочек. [Текст] / Л. Потон. – Пер. с англ. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – С. 35-51.
4. Golden N.H. The Pathophysiology of Amenorrhea in the Adolescent [Text] / Neville H. Golden and Jennifer L. Carlson // Annals of the New York Academy of Sciences. - 2008.- Vol.1135. - P.163-178.
5. Popat V. B. The Menstrual Cycle : A Biological Marker of General Health in Adolescents [Text] / V.B. Popat, T. Prodanov, K. A. Calis and L. M. Nelson // Annals of the New York Academy of Sciences. – 2008. – Vol.1135. – P.43-51.
6. Узнадзе Д. Н. Психология установки [Текст] / Д.Н.Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 416с.

УДК 15. 019. 9 + 153. 1

Взаємозв'язок установки та психологічної готовності до безпечної поведінки

Беседіна Н.О.

Розглядається поняття і структура установки, динамічна структура стану психологічної готовності до діяльності. Проводиться порівняльний аналіз цих структур. Виводиться взаємозв'язок психологічної готовності до безпечної поведінки та установки.

Ключові слова: психологічна готовність до безпечної поведінки, динамічна структура готовності до діяльності, установка.

The notion and structure of attitude, dynamic structure of mental set state to activities is being observed. Comparative analysis of these structures is being made. The relation of mental set to safe activities and attitude is being introduced.

Key words: mental set to safe activities, dynamic structure of readiness to activities, attitude.

Рассматривается понятие и структура установки, динамическая структура состояния психологической готовности к деятельности. Проводится сравнительный анализ этих структур. Выводится взаимосвязь психологической готовности к безопасному поведению и установки.

Ключевые слова: психологическая готовность к безопасному поведению, динамическая структура готовности к деятельности, установка.

Темп і динаміка сучасного життя часто не залишають людині часу на те, щоб приділяти увагу таким важливим речам, як безпека та охорона життєдіяльності. Люди все частіше йдуть на ризик, нехтуючи елементарними правилами безпеки. Про це свідчать статистичні дані про побутовий та виробничий травматизм, які відзначають постійне зростання цих показників. Багато людей травмуються через власну провину. І це зумовлено, між іншим, і на психологічному рівні.

Актуальність нашого дослідження полягає в необхідності обґрунтування такого явища, як психологічна готовність людини до безпечної поведінки, та пошуку способів цілеспрямованого виховання цієї готовності. Це підтверджується кількістю запобіжних заходів, спрямованих на забезпечення безпеки життєдіяльності людини, що проводяться у країні. Так, наприклад, силами ДАІ України з 12 лютого поточного року розпочато глобальний проект «Безпека для усіх», що проходить у 10 найбільших містах країни та спрямований на навчання дітей правильної поведінки на дорогах з метою зниження травматизму.

Об'єктом нашого аналізу виступає психологічна готовність до певної поведінки як стійке особистісне утворення.

Предмет – взаємозв'язок установки та психологічної готовності до безпечної поведінки.

Метою нашого дослідження є розгляд теоретичного вивчення установки та психологічної готовності до діяльності, а також порівняльний аналіз структур цих утворень особистості.

У сучасній психологічній науці зібрано досить великий теоретичний і практичний матеріал щодо проблеми готовності людини в різних видах діяльності. Визначено безліч сформованих понять готовності, виведено зміст, структуру, основні параметри готовності й умови, що впливають на динаміку, тривалість і стійкість її проявів. Готовністю займалися й розробляли ідеї, пов'язані з нею, такі вчені як: М.І. Дьяченко, Ф.І. Іващенко, Л.О. Кандилович, Я.Л. Коломенський, О.Т. Короткевич, І.Б. Котова, О.І. Кочетов, В.С. Мерлін, В.М. Мясичев, М.Д. Левітов, Л.С. Нерсисян, А.Ц. Пуні, В.Н. Пушкін, К.К. Платонов, Д.М. Узнадзе, П.Р. Чамата тощо.

Готовність у буквальному розумінні має два значення. Перше – це згода зробити щонебудь, у другому ж, як стан, при якому все зроблено, усе готово для чого-небудь.[1]

Огляд літератури свідчить про те, що цілісного визначення поняття готовності немає, тому що є в наявності кілька напрямків його розкриття.

«Термін (готовність) описує той факт, що організми краще пристосовані до асоціювання певних сполучень стимулів і реакцій».[8] Аналізуючи термін можна роз'яснити те, що сполучення стимулів і реакцій можуть передвіщати небезпеку. У зарубіжній літературі закон готовності існує в комплексі законів навчання Е. Л. Торндайка. Е. Л. Торндайк спробував сформулювати свою ідею у квазіневрологічних термінах, висунувши гіпотезу про те, що нервова система повинна налаштуватися або бути готовою до оперативного керування певними зв'язками. Закон готовності, або установки – попередня готовність до акту (у найпростішому випадку, стимул-реакція), підвищує задоволення від його виконання.

У вітчизняній психології термін використовується переважно для позначення усвідомлених готовностей особистості до оцінок ситуації й поведінки, обумовлених її попереднім досвідом.

«Диспозиція (предиспозиція) – готовність, схильність суб'єкта до поведінкового акту, дії, вчинку або їхньої послідовності. [12]

Диспозиційна концепція, що її запропоновано В.О. Ядовим, полягає в характеристиці соціальної поведінки особистості, залежно від станів її готовності до певного способу дій. Концепція поєднує готовність особистості з поведінкою у даній соціальній ситуації й умовами попередньої діяльності, у яких формується стабільна схильність до здійснення обумовлених

потреб суб'єкта у відповідних умовах.

Диспозиція особистості – це ієрархічно організована система, верхівка якої утворює загальну спрямованість інтересів і систем ціннісних орієнтацій як продукт впливу загальних соціальних умов. У середині ієрархії – система суспільних соціальних установок на різноманітні соціальні об'єкти й ситуації. А нижній шар – ситуативні соціальні установки як готовність до оцінки й дії у конкретних («мікросоціальних») умовах діяльності. Провідною ланкою диспозиції стає той рівень, що особливо повно відповідає даним умовам і меті діяльності в даному моменті. [11]

Єдиного підходу щодо готовності до діяльності немає, але у вітчизняній психології вона розглядається в різних підходах, і найпоширенішими є особистісний і функціональний підхід.

Особистісний підхід до готовності аналізується як прояв індивідуальних якостей особистості і їхньої цілісності, які обумовлені ефективним характером діяльності з високою результативністю. Прихильниками особистісного підходу є М.І.Дьяченко, Л.О.Кандибович, Б.Г. Ананьєв, В.А. Крутецький, В.Д. Шадриков, А.О. Деркач і ін.

Зміст функціонального підходу виражається в припущенні, що готовність розглядається як певний психічний стан індивіда.

У даному підході готовність розглядається в часовому стані, точніше як короткочасне або довгострокове. Готовність пояснюється як уміння себе мобілізувати психічно й фізично. Прихильниками даного підходу були Ф.П. Генев, Є.П.Льїн, М.Д. Левітов, Л.С.Нерсесян, В.Н.Пушкін, Д.Б.Узнадзе, А.Ц.Пуні та інші.

Отже, проблемі психологічної готовності до певної діяльності присвячено багато досліджень, але ми зосередили свою увагу на такому явищі, як психологічна готовність до безпечної поведінки (ПГБП). Цю проблему розвивав у своїх дослідженнях В.І. Безродний. Він вважав ПГБП «системоутворюючим фактором, що детермінує ймовірність травмування» [5]

Велике значення для розуміння проблеми ПГБП має розгляд такого психологічного явища як установка. Установка – дуже гнучке поняття і його може бути використано як для характеристики простої диспозиції ізольованої людини, так і якоїсь стереотипної форми поведінки – певної культури.

Поняття установки вперше було використано в науці у 1862 році Гербертом Спенсером. Перша наукова теорія установки була сформована у 1888 році Ланге у вигляді теорії моторної установки. В той же час, у 1889 році, Мюстербергом було сформульовано теорію дії уваги, в основу якої він поклав установку. Водночас виникла теорія моторної активності Фере, в основу якої покладено селективний свідомий стан, тобто установку [9].

Поняття установки використовувалося для визначення готовності до різних форм спрямованого реагування: моторна установка, готовність до зорового фіксування сигналу, установка свідомості в процесі суджень та оцінок; установкою називали стан після прийняття завдання тощо. При цьому деякі психологи Вюрцбурзької школи сформулювали низку важливих положень, які розкривають вплив свідомих і несвідомих цілей, установок, на впорядкованість та спрямованість поведінки [4]. У їхніх експериментальних дослідженнях було показано, що установка, яку ми можемо створити в експериментальних умовах, визначає не тільки час реакції, але і виконання будь-яких завдань, поданих експериментатором піддослідному.

До установки зверталися у своїх дослідженнях багато вчених. Різного забарвлення набувало поняття установки у різних галузях психології. Найбільш розробленою в психології є теорія установки Д.М.Узнадзе і його учнів.

Установка є, як вважав Узнадзе Д.М., основним регуляторним механізмом поведінки людини, визначаючи її спрямованість та вибірку активності. Саме тому установка виступає головним психологічним утворенням, що виникає при взаємодії потреб людини та ситуацій, в яких вони актуалізуються.

Особливостями установки за Д.М. Узнадзе є те, що вона, по-перше, випереджає появу певних фактів свідомості. Цей стан, не будучи свідомим, все ж таки являє собою своєрідну тенденцію до певних складових свідомості. Отже, установка є не частковим змістом свідомості, не ізольованим психічним змістом, а цілісним станом суб'єкта. По-друге, установка є моментом динамічної визначеності змісту психічної діяльності суб'єкта. І нарешті, це цілісна спрямованість свідомості суб'єкта у певну сторону на певну активність [14].

Узнадзе вважав установку явищем позасвідомим (несвідомим). Психологи Вюрцбурзької школи (Мессер, Кюльпе, Ватт) трактували її як стан, що знаходиться «на межі свідомого і позасвідомого, в якому багато неусвідомленого» [10]. До того, як людина скоїть ту чи іншу складну дію або вчинок, вона свідомо будує план (структуру, модель) цієї дії або вчинку, а потім цей план дії йде зі свідомості та повністю переміщується в цілісно-особистісний стан (установку) суб'єкта. Після цього здійснення поведінки відбувається на основі цілісно-особистісного стану людини – установки, яка вже не представлена у свідомості [6].

Для того, щоб виразніше уявити утворення та функціонування установки, розглянемо структуру цього утворення.

У радянській психології В.А. Ядов запропонував схему ієрархії рівнів установки. Вона складається з таких позицій:

- 1) елементарна фіксована установка (в розумінні Узнадзе);

2) установка, що формується на основі потреби в спілкуванні в малій групі в ситуаціях, створених групою, - соціальна фіксована установка – аттїтюд;

3) базова соціальна установка, при якій фіксується загальна направленість інтересів особистості, відносно конкретної сфери соціальної активності [2].

Наступну структуру запропонував О.Г. Асмолов. Він виділяв три рівні установок: рівень смислової установки, рівень цільової установки та рівень операціональної установки.

О.Г. Асмолов відзначає, що провідним рівнем установочної регуляції поведінки є рівень смислових установок. Смилова установка актуалізується мотивом діяльності і являє собою форму вираження особистісного смислу у вигляді готовності до виконання певним чином спрямованої діяльності. Зміна смислової установки завжди опосередкована зміною діяльності і мотиву діяльності, тому що особистісний сенс і смислова установка є невід'ємними від системи ставлень людини до світу. Тільки за умови перебудови мотивів діяльності відбувається перебудова загальних смислових установок.

Критерієм для виділення наступного рівня установочної регуляції діяльності є наявність цілі дії. Під цільовою установкою розуміється готовність суб'єкта виконувати насамперед те, що відповідає цілі його дій, яка виникає після прийняття певного завдання. Цільова установка виконує функцію стабілізації дії. Вона феноменологічно проявляє себе у тих випадках, коли на шляху протікання дії виникають ті чи інші перепони.

Операціональна установка розуміється як готовність до виконання певного способу дії, що спирається на попередній досвід поведінки у подібних ситуаціях, яка виникає в ситуації вирішення завдання на основі урахування умов наявної ситуації та передбачення цих умов. У повсякденному житті операціональні установки діють у звичних стандартних ситуаціях, цілком визначаючи роботу «звичного» за виразом Д.М.Узнадзе, плану поведінки [3].

Поняття установки у психології тісно пов'язано з поняттям психологічної готовності людини до діяльності. Проблемою психологічної готовності до різних видів діяльності вітчизняні психологи почали займатися порівняно нещодавно (з кінця 50-х – початку 60-х років ХХ ст.). Різні автори по-різному називали психологічну готовність. Незважаючи на відмінності у конкретному тлумаченні поняття готовності, більшість авторів дотримуються думки, що це особливий психічний стан. Багато підходів є і щодо структури цього стану, але ми розглянемо один з них.

М.І. Кандилович та Л.О.Дьяченко на основі своїх досліджень представили динамічну структуру стану психологічної готовності до складних видів діяльності. Вони наполягають, що цей стан є виразом сукупності інтелектуальних, емоційних і вольових сторін психіки людини у їх співвідношенні з зовнішніми умовами та майбутніми завданнями [7]. М.І.Кандилович та Л.О.Дьяченко виділяли такі взаємопов'язані елементи стану психологічної готовності до складних видів діяльності.

1. Усвідомлення своїх потреб, вимог суспільства, колективу або поставленого завдання іншими людьми.

2. Усвідомлення цілей, рішення яких приведе до задоволення потреб або виконання поставленого завдання.

3. Усвідомлення і оцінка умов, у яких протікатимуть майбутні дії, актуалізація досвіду, пов'язаного у минулому з рішенням завдань та виконанням вимог подібного плану.

4. Визначення на основі досвіду й оцінки майбутніх умов діяльності найбільш вірогідних та допоміжних засобів рішення завдань або виконання вимог.

5. Прогнозування прояву своїх інтелектуальних, емоційних, мотиваційних і вольових процесів, оцінка співвідношення своїх можливостей, рівня домагань та необхідності досягнення певного результату.

6. Мобілізація сил відповідно до умов і завдань, самонавіювання у досягненні цілі.

Але всі елементи цієї структури усвідомлюються людиною в процесі підготовки до діяльності. Психологічна готовність до безпечної поведінки – це стійке особистісне утворення. Воно може бути розглянуто згідно з цією структурою, але замість чіткого усвідомлення елементи складатимуться з відчуттів, неусвідомлених емоційних та когнітивних оцінок небезпечних ситуацій.

Процес формування стану психологічної готовності до діяльності являє собою послідовність взаємозалежних процедур і дій:

- усвідомлення своїх потреб, вимог суспільства, колективу або завдання, що поставлено іншими людьми;

- усвідомлення цілей виконання завдань, рішення яких приведе до задоволення потреб або виконання поставленого завдання;

- осмислювання й оцінка умов, у яких будуть протікати майбутні події, актуалізація досвіду, пов'язаного з рішенням завдань і виконанням вимог подібного роду;

- визначення на основі досвіду й оцінки майбутніх умов діяльності найбільш раціональних і можливих (допоміжних) засобів рішення завдань або виконання вимог;

- прогнозування прояву своїх інтелектуальних, емоційних, мотиваційних і вольових процесів, оцінка співвідношення своїх можливостей, рівня домагань і необхідності досягнення певного результату;

- мобілізація сил відповідно до умов і завдання, самонавіювання віри в успішне досягнення мети.

Проаналізувавши структури установки та психологічної готовності до діяльності, можна вивести певну закономірність ієрархічності цих утворень. Спочатку людиною відчувається або усвідомлюється певна потреба. Коли ця потреба набуває особистісного сенсу для людини, з'являється ціль дії, здатної задовольнити цю потребу. Відчуваючи або усвідомлюючи ціль дії, людина починає шукати конкретні, найбільш продуктивні способи дій, спрямованих на задоволення потреби. Починається загальна мобілізація зусиль, будується певна модель поведінки.

Таким чином, можна зробити висновки, що ПГБП – це стійке психологічне утворення, яке зумовлює схильність людини діяти певним чином з метою самозбереження та застереження отримання травм. ПГБП тісно пов'язана з установкою. Ці обидва психологічні утворення мають складну ієрархічну структуру, елементи якої тісно переплітаються між собою.

Також слід зазначити, що вивчення ПГБП та розробка засобів цілеспрямованого виховання цієї готовності дозволить зменшити показники побутового та виробничого травматизму.

Література

1. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. — М., 1980.-336 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. — М.: Изд-во МГУ, 1980. — 416 с.
3. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. — М.: Смысл, 2002. — 480 с.
4. Асмолов А.Г. Ранние этапы развития понятия «установка» - В сб.: Психологические исследования, вып. 6. М., 1974, с. 3 – 12.
5. Безродний В.І. Психологічна готовність до безпечної поведінки // Психологія. Збірник наукових праць. НПУ імені М.П.Драгоманова. Випуск 14. — Київ, 2001. — С. 396 – 403.
6. Григолава В.В. Контрастная иллюзия, установка и бессознательное. — Тбилиси: Мецниереба, 1987. — 209 с.
7. Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А. Психологические проблемы готовности к деятельности. — Минск: Изд-во БГУ, 1976. — 176 с.
8. Кордуэлл М. Психологический справочник. Пер. с англ. К. С. Ткаченко. М. ФАИР - ПРЕСС. — 2002/
9. Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. — Тбилиси: Мецниереба, 1974. — 171 с.
10. Надирашвили Ш.А. Установка и деятельность. — Тбилиси: Мецниереба, 1987. — 361 с.
11. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности /Под. ред. В.А. Ядова. Л.: Наука – 1979/
12. Словарь практического психолога/Сост. С.Ю. Головин. Минск, Харвест – 1998.
13. Шаповаленко И.В. Психология развития и возрастная психология. Гардарика – 2007.
14. Узнадзе Д.Н. Психология установки. — СПб.: Питер, 2001. — 416 с.

УДК 159.947.5:331.5

Активізація настанови на працевлаштування у консультативній роботі

Бойко Г.В.

Анотація. У публікації проаналізовано досвід здійснення консультативної роботи із застосуванням прийомів та методів розроблених в системному підході. Визначено місце консультування серед інших методів психологічної підтримки в умовах відсутності роботи. Проаналізовано використання положень теорії настанови Д.М.Узнадзе для виявлення причин ускладнень працевлаштування в ситуації відсутності роботи та теоретичного обґрунтування консультативної роботи, спрямованої на активізацію настанови на працевлаштування.

В публикации проанализирован опыт осуществления консультативной работы в условиях поиска работы с применением приемов и методов, разработанных в системном подходе. Определено место консультирования среди других методов психологической поддержки в условиях отсутствия работы. Обосновано использование положений теории установки Д.Н.Узнадзе для выявления причин осложнений трудоустройства в ситуации отсутствия работы, теоретически обосновано консультационную работу направленную на активизацию установки на трудоустройство.

The article is devoted the analysis of experience in the field of consulting work, using means and methods that are developed in the system approach. Taking into consideration the conditions of unemployment, among different methods of psychological supporting the place of consulting is defined. The points of attitude theory by D.M. Uznadze are elaborated. The analysis pursues to discover reasons, which prevent to get a job in the situation of unemployment, and in theory to ground the consulting work, aiming to activate attitudes for placing in a job.

В сучасній Україні проблема безробіття стала повсякденною реальністю. Відповідно, питання ефективного пошуку роботи та працевлаштування є актуальним предметом наукових пошуків та важливим прикладним завданням. В психологічному знанні увага приділена етапам переживання періоду відсутності роботи, динаміці самооцінки в цей період, саморегуляції активності безробітного, тощо. Важливим питанням залишається пошук та обґрунтування конкретних методів та прийомів психологічної підтримки, які дозволять сприяти ефективному пошуку роботи та працевлаштування тих, хто того потребує.

Важливим у теоретичному обґрунтуванні психологічної підтримки є використання ідей та положень, розроблених у теоретичній школі настанови, що створена видатним грузинським радянським психологом, Дмитром Миколайовичем Узнадзе. Саме звернення до наукової спадщини школи Д.М. Узнадзе дозволяє, на наш погляд, проаналізувати психологічні причини виникнення проблеми безробіття та шукати можливості її подолання, навіть у випадку тривалої відсутності роботи (більше року), (інколи навіть «наполегливої неможливості знайти роботу»), віднайти шляхи активізації настанови на працевлаштування у консультативній роботі. У визначенні Д.М. Узнадзе, настанова – це не уроджена властивість людини як біологічної системи, а стан особистості, який виникає внаслідок взаємодії її потреби та відповідної зовнішньої ситуації [6, 142]. Вплив установи на конкретну поведінку людини пов'язаний з провідною роллю свідомості. Людина спочатку усвідомлює власну поведінку, і звертається до того або іншого акту поведінки, лише в залежності від результату його усвідомлення. У ґрунті настанови, що визначає поведінку людини, лежить ситуація, що спочатку уявляється [6, 76]. Особливо важливим, на наш погляд, є застосування поняття фіксованої настанови до визначення готовності особистості вирішувати проблему працевлаштування. Фіксовані настанови, як вказує Д.М. Узнадзе, є продуктом минулого особистості, тобто ситуацій в яких відбувалося її життя, результатом вагомим для людини вражень та переживань. Саме такого роду настанови є засадою готовності до поведінки у визначеному напрямку [6, 150]. Вважаємо, що це положення пояснює індивідуальні особливості переживання періоду відсутності та пошуку роботи, індивідуальну спрямованість різних людей на пошук роботи, його реалізацію та продуктивність такого пошуку. Відповідно частина тих, хто шукає роботу – реалізують не тільки активну, але і конструктивну поведінку, знаходять її врешті решт. Інші, навпаки, залишаються безробітними, оскільки ті пошуки, які вони реалізують є безрезультатними. Теоретичний аналіз проблеми переживання періоду безробіття особистістю та практичний досвід індивідуальної консультативної роботи дає можливість припускати, що в процесі переживання періоду відсутності роботи виникає та закріплюється настанова на бездіяльність, відпочинок. Цьому сприяють цілий ряд ситуацій, що передбачають відсутність регулярної організації робочого дня, тижня, місяця. Ціла низка таких ситуацій поступово привчають людину до готовності бути бездіяльною. Особливо це закріплюється, коли безробіття набуває певного стажу (більше півроку – рік).

До ефективного працевлаштування має привести послідовна та комплексна діяльність, для якої характерна наполегливість та завершеність. У весь цей період настанови працевлаштування конкурують із настановами на бездіяльність, і для досягнення мети перші постійно мають домінувати над другими. Досвід консультативної роботи дозволяє навести конкретний приклад того, як підготовка до працевлаштування поведінка,

реалізована в реальності, не призводить до здійснення мети. Безробітний, який дуже вдало здійснював контакти з роботодавцями у телефонному спілкуванні (з'ясував специфіку підприємства, інформував про себе, домовлявся про зустріч з роботодавцем, отримував згоду на цю зустріч), але, тим не менше, протягом року не ходив на жодну зустріч, і, відповідно, не працював. В цьому випадку, можемо бачити, що певна підготовча активність здійснюється, але вона не включає безпосередню зустріч з роботодавцем. І в такому випадку, до відмови роботодавця навіть справа не доходить.

В ситуації «пошуку роботи» активізується настанова на працевлаштування, яка конкретизується реальними та послідовними кроками, що мають бути здійснені. Наприклад, пошук вакантних робочих місць, вибір потенційних місць працевлаштування (у ґрунті якого лежить адекватне співвідношення «бажаного» та «реальності»), зустріч із роботодавцем тощо. Але такі настанови не є єдиними, вони співіснують та конкурують з іншими настановами, наприклад на «бездіяльність», які є «безпечними», тобто такими, що не несуть за собою ані перемог (працевлаштування), ані поразок (відмов роботодавців). Відповідно, разом із настановою на працевлаштування, усвідомості виникають картини відмов у працевлаштуванні, що гальмує поведінку, спрямовану на завершення пошуку роботи [6, 75].

Таке розуміння конкуренції настанов визначає необхідність активізації настанови на працевлаштування у здійсненні психологічної підтримки, що сприяє ефективному пошуку роботи. Ця психологічна підтримка має бути така, щоб активізована настанова на працевлаштування могла успішно конкурувати із настановою на бездіяльність.

Спираючись на авторські емпіричні дослідження вирішення проблеми пошуку роботи та враховуючи етапність переживання періоду відсутності роботи, вважаємо ефективними наступні заходи щодо здійснення психологічної підтримки [1]. У ґрунті здійснення психологічної підтримки має бути діагностична робота, спрямована на збір об'єктивної інформації для виявлення специфіки переживання періоду відсутності роботи, індивідуальних особливостей таких переживань. Адже таке переживання є різним у різних людей і, відповідно, психологічна підтримка ефективна, якщо враховує ці особливості. На початкових етапах переживання періоду відсутності роботи (для безробітних), як і для студентів, що завершують навчання у ВНЗ, коли поведінка характеризується активністю, налаштуванням на оптимістичний варіант вирішення проблеми працевлаштування, ефективними та «економічно виправданими» методами психологічної підтримки є групові методи. Насамперед, це груповий тренінг та групи взаємодопомоги. Ми цілком згодні із Р.М. Грановською, К. Рудестамом, Л.А. Петровською та ін., які вважають надзвичайно результативною саме групову тренінгову роботу. Це пов'язано з тим, що, наприклад, на думку Р.М. Грановської, нові відомості про себе, які людина отримує у груповому тренінгу глибоко укорінюються у її психіку, внаслідок того, що ці нові відомості емоційно пережиті. І таке емоційне переживання нових відомостей про себе стає поштовхом, який спонукає до переосмислення себе та свого ставлення до ситуації, виникнення та закріплення нових настанов, що визначають готовність до діяльності, спрямованої на працевлаштування. Саме група може допомогти людині відчувати, що проблеми є у всіх, і виявити, що у інших ці проблеми можуть бути такими болючими як і в неї, і, навіть, ще більш гострими та складними. Тоді людина починає розуміти, що її складності можна подолати, і це їй «під силу», вона зможе знайти вихід із складного становища, прийняти рішення і ефективно діяти [2, 110].

Організація груп взаємодопомоги базується на розвитку відносин взаємної підтримки між людьми, які переживають та ті, які пережили однакові проблеми або труднощі. Участь у групі взаємодопомоги сприяє активізації настанови на працевлаштування через отождення того, хто шукає роботу з тим, хто її так само шукав, і знайшов, і, внаслідок цього, реалізує успішний професійний розвиток. Участь у таких групах може полегшити для людини переживання відсутності діяльності, позбавити від почуття самотності, забезпечити обмін інформацією з людьми, які мали і подолали таку проблему. Включення в групу дозволяє через процес ідентифікації відчувати учасникам, які переживають життєвий період, позначений втратою роботи, свою спроможність також конструктивно подолати таку проблему у власному житті. Важливим психологічним ґрунтом такого процесу є виникнення та закріплення настанов на ефективні дії, спрямовані на подолання проблеми відсутності роботи.

Особливої уваги заслуговує індивідуальне консультування як метод психологічної підтримки тих, у кого переважають негативні емоційні стани у початковий період відсутності роботи, або тих, чий період відсутності роботи триває більше року. Індивідуальне консультування може використовуватися як окрема форма роботи, так і як підготовка до участі у групових формах роботи.

Досвід здійснення консультативної роботи з питань ефективного працевлаштування дозволяє визначити основні заходи, що можуть бути здійснені в процесі консультування для активізації настанови на працевлаштування.

У цій публікації в якості ілюстрації ми наводимо основні моменти консультативної роботи, спрямованої на вирішення проблеми працевлаштування. При здійсненні консультативної роботи ми спиралась на положення системної психотерапії, що передбачає 1) спрямованість консультативного процесу на вирішення проблеми; 2) пошук ресурсів у проблемі; 3) використання завдань-інтервенцій, спрямованих на активізацію настанови на працевлаштування [7].

Клієнтом такого консультування був випускник вищого навчального закладу, який після завершення навчання та отримання диплому мав бажання, але не зміг працевлаштуватися за спеціальністю. Вважаємо за важливе відзначити, що спочатку консультативної роботи запит клієнта не був пов'язаний з проблемою працевлаштування. Запит, з яким звернувся клієнт, був визначений ним як конфлікт у стосунках з батьками. Після двох зустрічей клієнт повідомив, що сімейна проблема вирішена і стосунки його задовольняють, але хвилює проблема відсутності роботи. Відповідно, подальша консультативна робота (ще вісім зустрічей) була спрямована на вирішення проблеми працевлаштування. На наш погляд, така зміна запитів можливо пов'язана з намаганням клієнта відкласти вирішення основної проблеми, для чого на початку висувається проблема другорядна.

В процесі консультативної роботи було з'ясовано, що клієнт після завершення вищої освіти (два роки тому) мав досвід кількох зустрічей з роботодавцем, але роботи не отримав і працевлаштувався на прийнятно оплачувану роботу, не за спеціальністю і без перспектив професійного зростання. Через рік у клієнта з'явилося почуття розчарування і згайяного часу, він звільнився та витратив ще рік на самоосвіту у професійній сфері, тому, що вважав себе недостатньо кваліфікованим для працевлаштування за фахом. Останнім часом (близько кількох місяців) почав переживати сумніви стосовно можливості отримати роботу за фахом внаслідок власної невпевненості. Хвилювався, що він не зможе справити позитивне враження на роботодавців і отримати роботу в одній з приватних фірм, де були вакантні місця за фахом, які клієнт вважав привабливими для власного працевлаштування.

В консультативній роботі було реалізовано:

1) Аналіз чинників самопрезентації клієнта в ситуації прийому на роботу через:

- визначення клієнтом його позитивних якостей, що дозволяють ефективно впливати, справляти враження на інших людей, і, безпосередньо, на роботодавця в ситуації прийому на роботу;

- визначення клієнтом його обмежень, через аналіз власної риси, яка може, на думку клієнта, завадити йому справити позитивне враження на роботодавця. Цю рису було пропрацьовано з використанням класичної тріади вправ, що розроблено у системному підході.

- а) Чим «найулюбленіша» неулюблена риса може бути корисна у ситуації працевлаштування, як її подати так, щоб вона з обмеження стала перевагою клієнта, як претендента на вакантну посаду, чим вона може допомогти справити позитивне враження на роботодавця;

- б) «Винятки»: в яких ситуаціях міжособистісної взаємодії та риса не проявляється, і що робить клієнт для того, щоб вона не проявлялася;

- в) «Диво»: створення уявної ситуації через поставку запитань клієнту для формування умов переживання досвіду відсутності цієї риси: якщо станеться диво і неулюблена риса зникне, як буде почуватися клієнт, що він буде безпосередньо робити, хто з його оточення зауважить, що риса зникла, як відреагує, тощо.

2) Визначення клієнтом переваг, які він має в ситуації відсутності роботи (більше вільного часу, свободи, відсутність напруження пов'язаного з необхідністю встановлювати контакти в новому колективі, опанувати нові форми діяльності, тощо). Визначення клієнтом того, як він буде давати собі раду в ситуації наявності роботи, чим їх замінить, або зможе компенсувати відсутність таких переваг.

3) Організація дня, основна частина якого зайнята пошуком роботи. Це передбачає планування клієнтом розпорядку дня, конкретних дій, які мають бути реалізовані для пошуку роботи. Визначення того, що, на його думку, може перешкодити у реалізації окресленого клієнтом плану та визначення того, як клієнт подолає ці перешкоди, для того, щоб досягти бажаного.

4) Формування мережі підтримки: аналіз оточення через складання переліку осіб (друзі, рідні, приятелі, сусіди, однокласники, одногрупники, тощо). Визначення з них ключових фігур і тієї підтримки, допомоги, яку вони можуть надати для вирішення проблеми працевлаштування (інформаційної, організаційної, поділитися досвідом щодо працевлаштування, дати пораду, зробити протекцію, тощо). Визначення власних зусиль клієнта, що мають бути реалізовані для того, щоб така допомога та підтримка була отримана від тих людей (як їм повідомити про власне намагання знайти роботу, ту форму допомоги, яку хоче від них отримати клієнт, як віддячити за надану допомогу, тощо)

5) Визначення значення роботи, як професійної діяльності, серед системи життєвих цінностей та пріоритетів клієнта. Аналіз найважливіших бажань, та аналіз того, яке місце серед них займає працевлаштування. Визначення тих бажань, які безпосередньо з роботою не пов'язані, але можуть бути здійснені лише при ефективному працевлаштуванні клієнта. Значення працевлаштування для здійснення подальшого професійного зростання, формування та розвитку професійних планів. Розуміння працевлаштування як початкової умови для здійснення професійних планів. Переформулювання «мати» в «бути» за допомогою «навіщо?, що це змінить в мені?» («мати роботу» в «бути професіоналом»). Визначення власних зусиль, що мають бути здійснені для того, щоб це реалізувати. Аналіз того, що може стати перешкодою для такої реалізації та визначення того, як ці перешкоди планує подолати клієнт.

6) планування та реалізація конкретних кроків спрямованих на працевлаштування

(складання резюме, телефонне спілкування з потенційними роботодавцями, досягнення домовленості про зустріч, підготовка до зустрічі з конкретним роботодавцем).

Підводячи підсумки, вважаємо за доречне відзначити важливість використання теорії настанови Д.М. Узнадзе для вирішення широкого кола прикладних завдань, зокрема, активізації настанови на працевлаштування при здійсненні психологічної підтримки в умовах пошуку роботи. Має враховувати конкуренцію настанов та, відповідно, бути спрямованою на активізацію та підтримку «настанови на працевлаштування». Сучасні напрямки консультативної роботи, зокрема системний підхід, дає можливість реалізувати такі прикладні завдання через переосмислення власних рис, конкретизації зусиль та ситуацій, пов'язаних з вирішенням проблеми.

Література

1. Бойко Г.В. Трансформація уявлення про себе і втрата роботи.- Запоріжжя: Тандем-У, 2005. -
2. Грановская Р.М., Крижанская Ю.С. Творчество и преодоление стереотипов. — СПб.: ОМС, 1994. — 192 с.
3. Логвинова Н.Ю. Украина, безработица, стресс (Особенности влияния ситуации безработицы на человека) — Харьков: НУА, 2005. — 348 с
4. Пельцман Л. Стрессовые состояния у людей, потерявших работу // Психологический журнал. — 1992. — № 1. — С. 126 – 129.
5. Соколова Е.Е. Тринадцать диалогов по психологии. Хрестоматия с комментарием по курсу «Введение в общую психологию». М., Смысл, 1995. – 653 с.
6. Узнадзе Д.Н. Общая психология / Пер. с грузинского Е.Ш.Чомахидзе. Под ред. И.В.Имедадзе. – М., Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
7. Фон Шліппе А., Швайцер Й. Системна психотерапія та консультування. Пер. з нім.. – Львів: ВНІЛ. – Класика, 2004. – 320 с.

УДК 159.9(075.8)

Понятие зоны принятия и ее актуальность

Бурдули Н.Г.

Выявлена независимая и существенная характеристика аттитюда – зона принятия, которая есть мера возможности сознательного принятия в процессе оценки, кроме личной позиции, также и других позиций и оценок. Статистический анализ выявил надежную корреляцию зоны принятия с характеристиками аттитюда и личностными характеристиками

Ключевые слова: установка, диспозиционная установка, ценностная установка, аттитюд, зона принятия, типология личности.

Виявлено незалежна і суттєва характеристика аттитюда - зона прийняття, яка є міра можливості свідомого прийняття в процесі оцінки, крім особистої позиції, також і інших позицій та оцінок. Статистичний аналіз виявив надійну кореляцію зони прийняття з характеристиками аттитюда і особистісними характеристиками

Ключові слова: установка, диспозиційна установка, ціннісна установка, відношення, зона прийняття, типологія особистості.

Spotted an independent and essential characteristic of attitude - a zone of acceptance, which is a measure of the possibility of a conscious decision in the evaluation process, except for personal items, and other products and assessments. Statistical analysis revealed a strong correlation between the adoption of the zone with the characteristics of attitude and personality characteristics

Keywords: installation, installation of disposition, values, attitudes, the area of adoption, personality typology.

Изучение особенностей установки личности, начатое основоположником грузинской психологической школы Д. Узнадзе, давно приняло масштабный характер. В частности, следует упомянуть исследования В.Норакидзе и его сотрудников. Ими была подтверждена корреляция между типом установки и показателями, полученными разными психодиагностическими методами [19]. Следовательно, метод фиксированной установки [1], [2] приобрёл значимость психодиагностической техники, которая, через формально-динамические характеристики фиксированной установки, даёт возможность выявить характерологические черты личности [19].

В наших исследованиях [6-18] были изучены следующие характеристики личностно-социального аттитюда: валентность, крайность-умеренность, зона принятия и др. Также выявилось, что закономерности формирования, действия и изменения перцептивной, сенсомоторной и личностно-социальной установки подобны [5].

Академик Ш. Надирашвили в сфере сенсомоторной модальности обнаружил общие закономерности действия фиксированной установки: фиксированная установка всегда действует ассимилятивно; это иногда вызывает иллюзии: в ситуации, подобной фиксации – ассимилятивные, в резко отличающейся ситуации – контрастные иллюзии [3], [4].

Ш. Надирашвили такую же закономерность выявил и в личностно-социальной оценке [3], [4].

Установочная закономерность контраста-ассимиляции действует одинаково в разных модальностях, т.е. отдаленные от фиксированной установки объекты оцениваются контрастно, а близкие – ассимилятивно. Эта закономерность распространяется на перцептивную, сенсомоторную, мыслительную и личностно-социальную установку. Это подтверждается и в экспериментах Д. Надирашвили [5], [4].

Уточним значение нескольких ключевых понятий.

1. Диспозиционная установка – это стойкая, прочная и продолжительная фиксированная установка человека. К её видам относятся: навыки, привычки, типологическо-характерологические индивидуальные свойства, индивидуальные наклонности, ценностные диспозиции.

2. Ценностная диспозиция – диспозиционная установка, которая проявляется в сознании в виде валентных аттитюдов.

3. Аттитюд – отношение, переживание принятия-непринятия разных культурно-общественных явлений или ценностей, природных или личностно-психологических ценностей; также сопутствующая оценка, мнение и побуждение. Например, каково отношение человека к той или иной политической партии или нации, к церкви, к математике, к животным, к классической музыке, к джазу, к гомосексуализму, к коллекционированию старых вещей, и т.д. (Как видно уже из этого перечня, неправильно ограничение аттитюда только «социальностью», он относится также и к другим ценностями [24]; поэтому считаем целесообразным применение более широкого понятия «личностно-социальный» аттитюд.) Аттитюд всегда является оценивающим, поэтому направлен на какую-либо ценность [25].

Аттитюд состоит из следующих трёх компонентов: I. Эмоционально-чувственный; II. Волевой – желание осуществить соответствующее поведение, или воздержание от него, нежелание или колебание. III. Мыслительный – соответствующее рассуждение и оценка. I и II – непосредственные проявления соответствующей оценочной диспозиции, а III – последующее мыслительное действие.

Аттитюд есть самое непосредственное переживаемое проявление, отображение в сознании ценностной диспозиции или одного из видов устойчивой фиксированной установки.

Существенное свойство аттитюда:

Существенные свойства аттитюда:

2. Валентность – положительность-отрицательность, выраженная антинейтральность. Валентность attitude придает эмоциональный компонент – именно чувство является самым валентным среди всех переживаний [25].

Валентность в сознании субъекта проявляется положительными или отрицательными оттенками эмоций: 1. переживание одобрения-принятия или неодобрения-непринятия; 2. импульсы желания-притяжения или нежелания-отталкивания, или сознательные намерения. Ясно, что им обоим всегда сопутствует эмоциональный фон.

3. Интенсивность attitude – мера величины валентности. Валентность имеет два значения: «+» или «-»; но оба имеют различные уровни или степени – более или менее положительные (или отрицательные). Интенсивность измеряется специальными шкалами. Мы используем 11-ти ступенчатую шкалу Терстоуна. Эту шкалу можно представить на числовой оси, как положения (оценки, утверждения), расположенные на позициях -5, -4, -3, ..., 0, +1, ... +5. Эти положения, с использованием специальных статистических методов [23], разработаны предварительно и оценены экспертами; соответственно, каждому приписан показатель интенсивности, и положение именно этому числу соответствует на числовой оси. Каждое положение включает оценочное суждение или оценочное утверждение по отношению к одной и той же ценности. Значит, каждая шкала – это инструмент измерения attitude испытуемого к одной определенной ценности.

Испытуемому предлагается вся шкала, т.е. 11 положений, и он должен выбрать то положение, которое наиболее близко, наиболее приемлемо для него. На основе этого определяется:

4. Позиция (к соответствующей ценности) – это число от -5 до +5, которое соответствует изначально выбранному испытуемым положению. Очевидно, что позиция – это объединение валентности и интенсивности.

На основе многолетних исследований и анализа эмпирического материала, позиции по крайности и умеренности мы разделили на три группы: крайние (-5, -4, +4, +5), средние (-3, -2, +2, +3) и умеренные (-1, 0, +1).

В наших исследованиях, после определения позиции, испытуемый должен был выбрать все те положения, которые были приемлемы для него.

5. Мономичность-полиномичность attitude – измеритель количества приемлемых положений, выбранных испытуемым на шкале Терстоуна: если испытуемый выбирает одно или два положения, то attitude мономичный, если больше – полиномичный (ясно, что по отношению к данной ценности).

6. Зона принятия – промежуток на шкале, который ограничивается наименьшим числом и наибольшим числом, соответствующими выбранным, приемлемым испытуемым положениям. Напр., если испытуемый выбрал положения соответствующие числам +2, +1, -2 и +3, тогда зона принятия – от -2 до +3 (несмотря на то, что 0 и -1 пропущены).

Зона принятия в процессе оценки есть мера возможности сознательного принятия, кроме личной позиции, также других позиций, положений, поведений, рассуждений или оценок. Широкая зона принятия указывает на большую приемлемость, а узкая зона – на меньшую.

Зоны принятия нами разделены на группы: узкая (диапазон, содержащий 1 или 2 положения), средняя (3, 4), широкая (5, 6, 7, 8) и очень широкая (9 и больше). При этом, очень широкая зона встречается настолько редко (не более 1-1,5%), что мы сочли ее исключением и во избежании усложнения статистического анализа объединили ее с широкой зоной.

Естественно возникает вопрос: от чего больше зависят рассмотренные характеристики attitude – от шкалы или от особенностей личности? Для выяснения этого вопроса мы провели сравнение характеристик attitude по отношению к нескольким личностно-социальным ценностям: математика, алкоголь, церковь, свобода, также грузинский и русский народ. Обнаружилось, что не менее 70% испытуемых выявляют узкую, среднюю или широкую зону принятия одновременно ко всем ценностям. Подобное распределение имело место в случаях крайности-умеренности и мономичности-полиномичности. Например, если attitude мономичен по отношению к одной ценности, он оказался мономичным и к другим ценностям, то же самое выявилось по отношению полиномичного attitude. Между показателями характеристик выявилась надежная положительная корреляция ($p < 0,01$). Исходя из этого, рассмотренные характеристики можно считать типологическими характеристиками attitude личности.

Остается группа испытуемых с «вариабильным» attitude (ср. узнадзевское понятие «вариабильной установки» [1]). Естественно, что каждой группе соответствуют индивидуальные личностные свойства и различные тенденции социального поведения.

Наши исследования подтверждают, что зона принятия – это независимая и существенная характеристика attitude [6], [7], [8], [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15], [16], [17], [18].

На основе анализа полученных данных были выявлены следующие закономерности:

1. Широкая зона принятия связана ($p < 0,01$) с умеренным и полиномичным attitude, а узкая зона принятия – с крайним и мономичным (см. табл. №1).

табл. 1

Величина зоны принятия	% распределение испытуемых	Интенсивность позиции	Мономичность-полиномичность
узкая - 1,6	25	4,2	2,3
средняя - 3,4	50	2,4	3,4
широкая - 6,5	25	1,2	4,3

2. Связь зоны принятия с контрастно-ассимилятивными оценками. В предыдущих исследованиях испытуемый выбирал приемлемые для него положения, а в следующих исследованиях мы изучали закономерности оценки различных положений, а не их выбора.

Большинство испытуемых (48-64%) положения, выражающие «ближайшую» позицию (отдаленную от собственной позиции двумя ступенями шкалы) оценивали ассимилятивно, т.е. рассматривали эту позицию в соответствии со своим отношением. Приблизительно 24-26% испытуемых оценивали положения, выражающие «ближайшую» позицию, адекватно со своей позицией, т.е. приписывали соответствующий балл и место на шкале. А часть испытуемых (2-28%) контрастно оценивали положения, выражающие «ближайшую» позицию, т.е. считали более отдаленными от собственной позиции и рассматривали их на две ступени дальше.

В случае узкой и средней зоны принятия, «отдаленные» позиции вначале чаще всего оцениваются контрастно, а затем – адекватно. В случае широкой зоны принятия, эти позиции вначале чаще всего оцениваются так же контрастно, а затем – ассимилятивно.

Следовательно, узкая зона принятия при сравнении с широкой зоной обуславливает адекватную оценку. С одной стороны, это вроде должно вызывать лучшее приспособление субъекта, но в сущности выходит наоборот. По теории установки, для быстрого пресечения неадекватного ассимилятивного действия фиксированной установки, в любой ситуации, изначально требуется сильная контрастная иллюзия, а для приспособления индивида к измененным условиям – дифференциация установки [6]. Ш. Надирашвили доказывает значение величины контрастной иллюзии для быстрого и легкого приспособления к окружающей среде [4].

3. Связь зоны принятия с личностными характеристиками: самооценка успеха, самообладания и самоконтроля; конфликтность, локус контроля, асертивность (самоуверенность, социальная смелость) и стратегии поведения в конфликтной ситуации: соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление.

Людам с узкой зоной принятия присущи: высокий уровень соперничества в конфликтной ситуации, промежуточный локус контроля, высокая уверенность в себе, сильное переживание успеха и низкая оценка собственной конфликтности, а свою нацию (грузин) они оценили как менее эмоциональную и более успешную.

Группе со средней зоной принятия в целом в конфликтных ситуациях характерен низкий показатель компромисса, а в конкретных конфликтных ситуациях – низкий показатель соперничества; Эту группу также характеризует: высокий уровень самоуверенности, социальной смелости, успеха и стойкости и низкий уровень конфликтности. Эта группа испытуемых свою нацию (грузин) считают более теплой, успешной, а другую (русских) – менее эмоциональной и активной.

Группе с широкой зоной принятия присущи: экстернальный локус контроля, низкий уровень самоуверенности, успеха, стойкости и высокий уровень конфликтности. Они свою нацию оценивают как менее эмоциональную и более успешную, а другую – менее эмоциональную и активную. Кроме того, широкая зона принятия связана с приспособлением субъекта к социальной среде, экстернальному локусу контроля и социальной смелости [9].

Таким образом, широкая зона принятия, которая подразумевает приемлемость и признание как схожих, так и различных позиций, характеризуется полиномичной и неопределенной позицией. Естественно, что это в личности вызывает внутреннюю конфликтность, неуверенность, чувство неудачливости и личностную слабость; такие люди избегают ответственности, на что указывает их экстернальный локус контроля, свою и другую нацию оценивают как менее эмоциональную, это, по нашему мнению, объясняется их чувством неудачливости. К тому же, в конфликтных ситуациях они предпочитают стратегию избегания. При этом, такие люди более социальны.

Таким образом, зона принятия – эта независимая и важная характеристика отношения, которая связана с типологией личности.

Выявилась надежная корреляция между зоной принятия и отношением, а также с характеристиками личности. Оказалось, что людям с узкой зоной принятия присущи: малая толерантность, однозначно выраженная позиция и высокий уровень соперничества - в отличие от людей с широкой зоной принятия, которые выражают собственную позицию многозначно, характеризуются большей толерантностью и высоким уровнем избегания в конфликтных ситуациях.

Людам с узкой зоной принятия присущи высокая уверенность в себе и малое принятие других позиций, а с широкой зоной принятия – нерешительность, колебание, внутренняя конфликтность, но к тому же и социальность.

Более оптимальной является средняя зона принятия.

Статистический анализ данных выявил надежную корреляцию зоны принятия с характеристиками атитюда и с известными личностными характеристиками.

Литература

1. Узнадзе Д. – т. VI. Тб. – 1977 (на груз. языке)
2. Узнадзе Д. – Общая Психология, т. III-IV. Тб. -1964 (на груз. языке)
3. Надирашвили Ш. А. – Психология Установки, т. I-II, 1983-85 (на груз. языке)
4. Надирашвили Ш. А. – Антропная Теория Установки. Тб.-2001 (на груз. языке)
5. Надирашвили Д. Ш. – Социально-психологическое влияние - Тб., 2005 (на груз. языке)
6. Бурдули Н.Г. – Зона принятия и конфликтность - «Научные поиски», VI т. Тб., 2010 (на груз. языке)
7. Бурдули Н.Г. – Связь зоны принятия с типами оценок культурных ценностей - «Психология», т. XXI, Тб., 2009 (на груз. языке)
8. Бурдули Н.Г. – Соотношение между зоной принятия и личностными свойствами - «Психология» XX, Тб., 2008 (на груз. языке)
9. Бурдули Н.Г. – Связь между основными характеристиками социальной диспозиционной установки _ «Мацне», #1. Тб., 2007 (на груз. языке)
10. Бурдули Н.Г. – Крайность-умеренность установки в социальной активности - «Мацне», Тбилиси, 2006, №2 (на груз. яз.)
11. Бурдули Н.Г. – Отношение четкости-расплывчатости установки к характеристикам социальной установки - «Мацне», Тбилиси, 2006, №1 (на груз. яз.)
12. Бурдули Н.Г. – «Крайность-умеренность установки и другие характеристики социальной установки» – Кавказоведение №10, Москва, 2006 г. стр. 110-122.
13. Бурдули Н.Г. – «Валентность установки и саморегуляция личности» - Кавказоведение №9, Москва, 2005 г, стр. 146-151.
14. Бурдули Н.Г. – «Влияние валентности социальной установки на стратегии поведения» - Кавказоведение №7, Москва, 2005 г. стр. 185-189.
15. Бурдули Н.Г. – Отношение зоны принятия к характеристикам социальной установки - «Мацне», Тбилиси, 2005, №1 (на груз. яз.)
16. Бурдули Н.Г. – Валентность установки и характеристики социальной активности- «Интеллект», №1 (21), Тбилиси, 2005 г. (на груз. яз.)
17. Бурдули Н.Г. – «Валентность установки и независимые от неё характеристики социальной установки»; «Мацне», Тбилиси, 2004, №2 (на груз. яз.); стр. 9-18
18. Бурдули Н.Г. – Характеристики установки зависимые от ее валентности «Мацне», Тбилиси, 2004, №2, стр.19-26. (на груз. яз.)
19. Норакидзе В.Г. – Типы характера и фиксированная установка. Тбилиси, 1966.
20. Надирашвили Ш. А. – Фиксированная установка и перцептивно-моторная активность. Сб. «Экспер. исслед. по психологии установки», т.V, 1970.
21. Небиеридзе А.Д. – Действие установки в различных сферах психологической активности. Сб. «Экспериментальные исследование по психологии установки», т.5, Тбилиси, 1971.
22. Майерс Д. – «Социальная психология», Москва, «ПИТЕР». 1998.
23. Robyn M.Dawes. Fundamentals of Attitude Measurement. - Foundations of Social Psychology Series, 1972.
24. Вахания З. Эксперимент Лапиера и понятие социальной установки. - “Вестник психологии Грузии”, Тб.-2007, № 1. (на груз. яз., резюме на русск.)
25. Вахания З. Акцентированность и ее языковое выражение. - «Психология», т. 21, Тб.-2009. (на груз. яз., резюме на англ.)

УДК 159.9(075.8)

Теория установки - гуманитарная и естественнонаучная парадигма

Вахания З.Н.

We constructed the following scheme for classification of psychological theories; we used well-known methodological characteristics, also A. Maslou's classification and our own philosophical research:

		I. Natural Science Paradigm	II. Humanities Paradigm
1	Philosophy, General Approach	Reductionistic Positivism; Materialistic Rationalism	Philosophy of Life; Vitalism (F.Nietzsche, A.Bergson, W.Diltay, C.G.Jung...)
2	Main Method	Explaining; Empirical; Deterministic	Describing; Understanding; Phenomenology; Hermeneutics
3	Direction of Research	Nomothetical: accentuating mainly abstract and general regularities	Idiographical: accentuating mainly individual properties
4	Main Relations as objective	Causalism: admitting only causal relation as supreme	Teleologism: admitting also aim-mean relation as supreme
5	Principle	Atomism; Partism	Wholism; Functionalism
6	Models	mostly Statical and Closed systems; Homeostasis and Adaptation (ecological, physiological, social, psychological...)	mostly Dynamical and Open systems; Inborn Tendency of Activity; Transcendation \ Selfactualization
7	Level of Profundity	researching mostly superficial regularities; admitting only behaviour or + consciousness	researching mostly deep regularities; admitting unconsciousness
8	Wishful Partners	Physiology, Cybernetics, Biology, Physics, Mathematics, Sociology, Linguistics	Sociology, Philosophy, Philology, History, Culturology, Ethnology, Mithology

The most consistent representative of I position is Bahaviourism, of II - Existentialistic Humanistic Psychology (B. Frankl, C. Rogers). More moderate representatives of I are Cognitivism, Marxist Psychology, Social Cognitivism; of II - Humanistic Psychology of C.G. Jung, E. Fromm, K. Horney, A. Maslou... All these Theories by every characteristic from (1) to (8) have correspondingly only I or only II positions.

Psychoanalysis of S. Freud by all characteristics except (7) is on I, but by (7) - on II position. Criticism of Freudism by C.G. Jung and neofreudists was, essentially, criticism of I position from II viewpoint.

The Set Theory of Georgian psychologist and philosopher D. Uznadze is a general psychological theory, among existing 7-10 general psychological theories. In this theory also took place a polemics between statical (I) and dynamical (II) positions. We've shown that the main point of this opposition is not the opposition of statical-dynamical, but discrete-continual. The crucial problem concerns the main and most fundamental source of motivation, evolution and development. The crucial question: is this source only Homeostasis-Adaptation or not? Here are only two possible answers. So this answer is the most sharp watershed between I and II. The I position answers «yes», the II - «no». For the II position Homeostasis-Adaptation is only a mean for more fundamental trend - Inborn Tendency of Activity, Transcendation, Individuation, Selfactualization... D. Uznadze was among the pioneers who established this concept in psychology. D. Uznadze used the term «Functional Tendency». This means that a living being has not only inborn organs, functions and forces, but also the every force has an inborn tendency of activity, of continuous unfolding. One of these multiple forces is the whole conscious Ego, which also has it's functional tendency - Selfactualization. So Selfactualization is one concrete kind of Functional Tendency.

The Set Theory is on the II position by (1), (4), (6) and (7) characteristics; on the middle position - by (5) and (8); and on the I position by (2) and (3). Accordingly The Set Theory is mostly humanistic theory, but using natural science methods - empirical, explaining-analytical, nomothetical. This makes up an oneness of the Set Theory and shows it's wide prospects.

1. Классификационная схема психологических теорий

Главная проблема психологии - это такая пестрота методологий и парадигм, которое не встречается в ни в какой другой науке. Эта проблема остро стоит уже с начала XX века и иногда обостряется даже до взаимного непонимания и неприятия направлений психологии [1]. В науке подобное состояние недопустимо, лишь в искусстве естественно. Главный вопрос коротко формулируется так: какого типа науку представляет психология? Парадигмы - между двумя крайними позициями, с разными комбинациями основных характеристик:

	парадигма:	I. Естественнонаучная	II. Гуманитарная
1	Философия, общий подход	Редукционистический позитивизм; Материалистический рационализм	Философия Жизни; Витализм (Ницше, Бергсон, Дильтай, Юнг...)
2	Главный метод	Объясняющий; эмпирический; детерминистический	Описывающе-Понимающий; Феноменология; Герменевтика
3	Направление исследования	Номотетический - преимущественно абстрагирование и акцент на общее	Идиографический - акцент преимущественно на индивидуальные свойства
4	Начало, принцип	Атомизм; Партизм; Частичность	Холизм; Функционализм; Целостность
5	Главные изучаемые отношения	Каузализм - почитание только причинноследственного отношения	Телеологизм - рядом с каузальным почитание также целесредственного отношения
6	Модели	более статические и закрытые системы; Гомеостаз/Адаптация	более динамические и открытые системы; Трансценденция, Самореализац.
7	Уровень углубления	Исследование преимущественно поверхностных закономерностей	Исследование преимущественно глубинных закономерностей
8	Желаемые партнеры	физиология, кибернетика, физика, биология, математика, социология, лингвистика	социология, философия, фолология, культурология, этнология, мифология, история

Классификация по подобным характеристикам более-менее принята в методологии психологии [17]. Мы сформулировали также (7) [см. ниже] и, вслед А. Маслоу, - (6). Согласно Маслоу, эти 8 характеристик взаимосвязаны. Т.е. если, ученый настроен, напр., более атомистически, то вероятно, что его позиция и по остальным характеристикам будет I типа; так же, если он настроен, напр., более динамистически, то вероятно, что его позиция и по остальным характеристикам будет II типа [26:гл.1,13]. Поэтому не существует теории, которая равномерно принадлежит обоим типам. Но ясно, что взаимосвязь характеристик лишь вероятна а не необходима. Поэтому теория может иметь один-две характеристики из противоположного типа. Эта теория будет не полностью, а частично I или II типа - с разными комбинациями характеристик противоположного типа [см. ниже]. Это не то же самое, что эклектизм - это последнее значит смесь идей из разных теорий, а не характеристик I и II типа.

Мы, вслед за З. Какабадзе, выявили также общую философскую основу теорий II типа - Философию Жизни [39][42:\$9][47].

Самый последовательный представитель I-го - бихевиоризм. I-го типа также его приемник - кибернетический когнитивизм, социал-когнитивные теории и марксистская психология (теория деятельности). Они по всем 8 характеристикам на I позиции. Вторая крайность - экзистенциалистическая гуманистическая психология, которая целиком отвергает эксперимент и вообще, эмпирические исследования (Б. Франкл, К. Роджерс); она всем 8 характеристикам на резкой II позиции. Более умеренна гуманистическая психология Г. Олпорта, А. Маслоу, К. Хорни, Э. Фромма и др. Оно применяет эмпирические исследования, т.е. в (2) занимает среднюю позицию.

Вообще, умеренная II позиция отвергает не I позицию, а ее ограниченность и жесткость. Т.е. она более широкая и гибкая, чем I, в науке допускает больше тем и методов. В соответствующих случаях применяет методы и I типа, но не жестко. А I позиция полностью отвергает II-ю, как ненаучную.

Классическая гештальтпсихология и теория К. Левина в (4) на резкой II позиции. Более того, принцип целостности в психологии утверждён именно гештальтпсихологией, при том так четко, что им пренебречь просто невозможно. В (5) и (7) гештальтпсихология на средней позиции, а по остальным характеристикам - на I позиции.

Хотя в (4) гештальтпсихология не до конца находится на позиции психологического холизма - в психологии последовательный холизм требует первичности, не только вообще целостности, а конкретно - живого целостного индивида. А этого в гештальтпсихологии почти нет, в чем и упрекал ее Д. Узнадзе [6, с.49-50].

Фрейдовский психоанализ по всем характеристикам, кроме (7) - на I позиции, но в (7) - резко на II. Более того, принцип глубинности в психологии утверждён именно З. Фрейдом. Поэтому в (1) рационализм Фрейда нестоек. Но Фрейд не изменяет рационализму, что и вызывает раздвоение в его теории. Проявление этого - например, фрейдовский трагический раскол между инстинкт-природой и сознание-культурой и полагание целью обуздание Природы. Но, согласно самому Фрейду, обуздание Природы вызывает невроз. Поэтому культура обречена на невротичность. Но это ложно фактически, что видно хотя бы из многочисленных примеров самоактуализирующихся высококультурных людей, исследованных А. Маслоу [26, с.11]. Эту ложную дилемму хорошо заметили Э. Фромм, К. Хорни, Г. Маркузе, А. Маслоу и др. [27, с.81]. Причина этой дилеммы - ложное отождествление культуры с рационализмом и цивилизацией. Рационалистическая цивилизация (также религиозная) - а не культура вообще! - действительно борется против Природы и поэтому заканчивается неврозом и девиациями (а также экологическими катастрофами).

Интересно, что спор и раскол между К.-Г. Юнгом и З. Фрейдом точно соответствует противостоянию I и II позиций. От психоанализа Юнг требовал: отвержения редуционализма и рационализма; взамен принятия феноменологии, хотя - параллельно эмпирическим исследованиям (анализ клинического материала и многочисленных полевых интервью, ассоциативный эксперимент, который изобретен самим Юнгом и применяется даже в физиологии [30, с.65-73]); холистического подхода; пополнения ретроспективного анализа проспективным анализом; пополнения каузальности телеологием; применения открытых систем, динамичности и трансцендентации [28].

Интересно также, что критика и оценка фрейдовской теории Д. Узнадзе совпадает с частью критики и оценки Юнга. Оба признают величайшей заслугой Фрейда открытие и исследование психологического бессознательного; но оба отвергают мысль, что единственный путь образования бессознательного - это цензура сознания [9, с.55]. Более того, правильным есть аргумент обоих, что если бессознательное - не что иное, как бывшее сознательное, т.е. если оно вторично по отношению к сознанию, тогда понятие бессознательного непригодно для объяснения явлений сознания. Понятие бессознательного должно иметь какое-то положительное содержание - кроме того, что оно уже не есть сознание - что только количественное изменение сознания, а не качественное [9, с.70][6, с.284-285].

Юнг углубил (7) еще больше, пытаясь достичь в бессознательном самых глубоких слоев - коллективного бессознательного. Бихевиоризм интересуется только тем, что поддается внешнему наблюдению и измерению. В более умеренных теориях, например, в когнитивизме, в науку допускается внутреннее психическое, но игнорируется бессознательное [44]. Для II позиции, напротив, проявленный феномен само собой почти ничего не стоит; главное то, что находится за и под этим феноменом и проявлением чего и является этот феномен. Поэтому и приняты в качестве основных методов феноменология и герменевтика.

Самый поверхностный уровень - бихевиористический или уровень поведения, например, то, что Петр с определенной частотой ходит на художественные выставки. Для психологии этот факт почти ничего не говорит, потому что Петр может ходить на выставки из-за любимой женщины, с целью показаться в обществе, или под влиянием памяти матери... Второй, более глубокий уровень - это уровень сознания, который проявляется в интервью и опросниках. Сознательной мотивацией, единственной, по словам Петра, может оказаться, например, интерес к живописи. Третий - уровень установок, который проявляется социально-психологическими шкалами. У Петра сильный положительный настрой к живописи. Но для психологии это тоже не очень достоверно, т.к. настрой может не выражать настоящую установку. Причины этому: более или менее неосознанная неискренность, социальная желательность, «Я-образ» и др. [45]. П позиция пытается как можно глубже вникать в настоящую мотивацию поведения, используя проекционные тесты, двусмысленные ситуации, психоанализ и т.д. Может оказаться, что Петр на выставки ходит в основном из-за притяжения замужней художницы; но Петр не признается даже себе, что его притягивает замужняя женщина. Согласно Юнгу, это уровень подсознания или личного бессознательного, который потенциально осознаваем. Часто он осознается во время психоанализа, или даже спонтанно, вследствие эмоционального потрясения; чаще он вытеснен из сознания, иначе мог бы быть сознательным. Еще глубже находится уровень коллективного бессознательного, который неосознаваем. Например, для Петра это могло быть активностью архетипа «Анима».

Интересно, что подобный спор произошел и в теории установки. Статическая модель установки оказалась в тупике и Ш. Чхартишвили заменил ее на динамическую модель, чтобы логически исправить теорию [13]. Мы последовательно до конца развили и пополнили динамическую модель [43, с.3]. В настоящее время динамическая модель становится все более признанной в теории установки.

2. Противопоставление континуальный-дискретный и понятие трансценденции

Мы показали, что для динамической теории более существенна непрерывность, континуальность, чем динамичность [43, с.3]. Сущность яснее видна противопоставлением континуальный-дискретный [34], чем динамической-статической. Теория I типа каждое поведение, процесс или явление рассматривает изолированно, как завершенную в себе единицу. В лабораторных условиях такой подход хотя бы более или менее приближенно описывает действительность. Но в реальной жизни живого человека он гораздо чаще непригоден, т.к. поведение или переживание не имеют начала или конца, не имеют границ, а вплетены в непрерывное становление. Глубинный подход показывает, что на значимое поведение или переживание оказывают влияние впечатления, переживания и диспозиции многолетней давности. И также, значимое поведение или переживание полностью не заканчиваются, т.к. оставляют за собой множество «хвостов» и становятся прелюдией многих последующих поведений и переживаний - они взаимно переплетены, и невозможно их глубокое изучение в отрыве друг от друга. Это особо подчеркивал А. Бергсон [8, с.143]. При этом, человек, как правило, параллельно осуществляет разные отрезки нескольких поведений [43, с.3]. Онтологическая основа подобного подхода - это диалектика, онтология становления (Гераклит, Ницше, Бергсон, Уайтхед) [8, с.133-149], взамен традиционной онтологии сущего [46, с.1].

Рассмотрим пример А. Маслоу [26, приложение В]. Исследуя препарированный желудок на лабораторном столе, можно изучить строение или статическую структуру желудка. Но сущность этого строения остается неясной, т.к. структура предназначена для функционирования, и ее сущность выявляется только из процесса функционирования (принцип функционализма). Тем более неясной остается жизнедеятельность желудка. Изучение жизнедеятельности живого желудка невозможно такими способами, потому что она непрерывно и нераздельно вплетена в жизнедеятельность всего организма. Это же подтверждается доводами виталиста-биолога Х. Дриша: если бы организм не был неразделимым целым, невозможным стала бы, например, регенерация, даже заживание простой раны; т.к., как показали эксперименты Х. Дриша, в регенерации участвует весь организм [35, с.129]. Сам термин «индивид» значит «неделимый», что имеет глубокое философское содержание [46, с.4]. И как неразделим живой индивид, так же непрерывны его поведения и переживания.

Континуальности нужна психологическая основа или механизм. Им не может быть «поток сознания» (У. Джемс), ни «Я» и самосознание, т.к. сознание вообще вторично и большинство индивидов ее не имеют. Поэтому непрерывность самого этого потока основывается на более глубокой непрерывности. Поэтому для динамически-континуальной позиции необходимо понятие какого-то единого, непрерывного, внутреннего, изначально бессознательного стремления. Следовательно, естественно, что появляются открытые системы, понятие трансценденции и телеологизм.

Итак, введение этих непозитивистических понятий в психологию было логическим следствием желания глубоко исследовать реальное поведение или психику живого человека - вместо поверхностных суждений или построения запутанных теорий расплывчатыми понятиями, которые пытаются исследовать жизнедеятельность пищеварительной системы живого организма с помощью микроскопического изучения препарированного желудка.

Характеристика (6), на наш взгляд, самая существенная. Она самая важная и в том аспекте, что, по сравнению с другими характеристиками, образует самый резкий «водораздел»; т.е. почти не допускает срединных позиций. Она четко делит теории на две группы, т.к. зависит лишь от ответа «да» или «нет» на единственный вопрос: главный двигатель жизни, главное стремление, самый глубокий и первичный источник мотивации, есть или нет адаптация к

окружающей среде, самосохранение и гомеостаз («среда» здесь понимается в широком смысле - как физиологическо-экологическая, так и экономическая, социальная, интеллектуальная, лично-эмоциональная и т.д.). I группа отвечает «да», II - «нет». Для нее самосохранение и адаптация есть не первичная и конечная основа, а только необходимое средство для другого, действительно основополагающего стремления.

Классический первообраз этого стремления - аристотелевское понятие Энтелехия. Это самореализационное стремление активного формирующего начала, эйдоса, путем формирования и придания образа пассивной безликой возможности - материи. Этим и обусловлена общая целесообразность всего мира [3, с.459,564][16, с.24-25]. Под влиянием понятия энтелехии образовано много существенно подобных понятий (подробно см. [42, с.9]): «Жизнесозидающий дух» неоплатонизма; «Саморазвертывание абсолюта - воплощение в мир» диалектиков Ренессанса (Кузанский, Бруно, Бёме) и Гегеля; «Внутренняя цель» Лайбница; Elan Vital (жизненный порыв или сила) Бергсона [8, с.124,157]; «Трансцендентация» или стремление существа к более и более полному бытию М. Хайдегера; «Жизненная душа» или «Формирующее начало», придающее живому организму цельную форму - виталистов-биологов; «Хорме» или «стремление к цели» У. Мак-Даугола - проявление жизненной или витальной энергии, которое воплощается в инстинктах [16, с.248-253]; «Индивидуация - стремление к Самости» и «Либи́до - жизненная энергия» Юнга (в отличие от узкосексуального фрейдовского понятия - Юнг сам ссылается на Бергсона); «Врожденный внутренний динамизм» Ж. Ньютена; основное понятие гуманистической психологии, например, «Стремление к самоактуализации» или «Потребность внутреннего роста» Олпорта, Маслоу и Роджерса; «Трансцендентация» Э. Фромма и Б. Франкла; и др.

Существенное содержание всех этих и подобных понятий одно – они все отвергают всякие адаптационно-гомеостатические теории: бихевиоризм, пиажевский генетизм, когни-ти-визм, биологизм, дарвинизм, марксизм, фрейдизм, социал-когнитивизм и др. Главный двигатель жизни или сознания - это не адаптация к среде, а необузданное изначальное стремление к нарушению равновесного состояния и к переступанию пределов, что и составляет этимологию термина Transcendo. Оно изначально заложено в каждом человеке и в разных видах растений и животных. Это стремление часто одерживает верх даже над сильнейшим инстинктом самосохранения, вызывая антиадаптационное поведение, на уровне человека – иррациональный порыв и даже жертвование жизнью ради чего-то непонятного. Это еще больше усиливается в массовых движениях людей (например, этноконфликты).

Д. Узнадзе это стремление назвал «Функциональной тенденцией». Это врожденное стремление всего живого к развертыванию и действию каждой внутренней возможности. Т.е. у индивида врожденные не только многообразные органы и психофизиологические силы, но также и потребность активации и активности каждой силы. Особенно сильную тенденцию к самовоплощению имеет талант [37]. Это как бы «метаинстинкт-метапотребность». Частный вид этого - стремление целостной личности к самоактуализации, самореализации, т.к. одна из сил человека - это его сознательное «Я», которое тоже имеет врожденную потребность самоактивности. Итак, самое общее понятие - Трансцендентация; его частный вид - Функциональная тенденция; а частный вид этого последнего - Самоактуализация.

Согласно Узнадзе, функциональная тенденция и есть двигатель процесса даже самого рождения: когда цыпленок изнутри ломает скорлупу яйца и вылупляется; человеческий зародыш в нормальном случае тоже сам рождается и сам выходит из материнской утробы. Узнадзе это бесспорно считает проявлением функциональной тенденции [7, с.7]. Это блестящее открытие. Если главное - это адаптация-гомеостаз, тогда человек сам бы не родился, потому что в материнской утробе такая идеальная адаптация-гомеостаз, даже подобие которого недостижимо в течение всей жизни. Слабый и пассивный зародыш человека или курицы действительно сам не рождается и требуется искусственное выведение наружу. А тот аргумент, что выросший зародыш уже не помещается в утробе - ложен: если помещался час назад, то какой скачок произошел в течение часа, что вдруг уже не помещается? Так же и всякое восходящее развитие и в филогенезе, и в онтогенезе: оно всегда - нарушение адаптации-гомеостаза. Например, когда ребенок отдалается от семьи и выходит во внешний мир, отдалается от материнского лона и начинает бунт переломного возраста - этим сильно нарушается его социально-биологическо-психологическая адаптированность, которая не восстановится очень и очень долго. Так же, просоциальный простак лучше адаптирован к социальной среде, чем творческий интеллеktуал. А к экологической среде лучше всех приспособлены амёба, одноклеточные, бактерии и вирусы...

Закономерно, что Фрейд, человек с острейшим умом, не смог вникнуть в замечание Р. Роллана о том, что человек не живет только ради самосохранения рода, беззаботности и удовольствия, а главное для него - какое-то «океаническое чувство». Писатель прекрасным образом выразил понятие трансцендентации, но Фрейд назвал это «поэтической фантазией» [31]. Это потому, что I позиция не терпит открытых систем, динамизма-континуальности и телеологизма. Не терпит дионисийства.

На наш взгляд, сущность противопоставления I и II позиций лучше всех выражается противопоставлением «Аполоническое-Дионисийское» (Ф. Ницше [32]). Это противопоставление ясной, утонченной, завершенной формы и глубокого, чувственного, непрерывного становления. Образно: противопоставление живописного рисунка музыке.

3. Критерий научности - логичность (вообще)

Между прочим, такая пестрота методологий и парадигм немислима в

естественнонаучной отрасли. Это еще один серьезный аргумент того, что психология в целом - именно гуманитарная наука. Или другой возможный выход: разделение психологии на две разные науки, из которых I должна честно признать, что она не представляет психологию в этимологическом значении этого термина, т.е. не есть «душеведение», и подыскать для себя другое название.

При этом каждая позиция имеет подходящее ей поприще (хотя бы за пределами душеведения) и, соответственно, право существования. Но при одном строгом условии. Мы твердо убеждены, что теория обязана соблюдать законы логики. Как раз это и есть критерий научности, и как раз это и отличает науку от всякого рода астролого-окультино-магических учений. К сожалению, что касается логичности, в современной психологии существуют проблемы. В первую очередь это касается достоверности анализа эмпирических данных и теоретического обобщения. Этому не поможет статистическая точность, пока не будет строго соблюдена психологическая чистота самого эксперимента или опроса и логичность получения выводов [50].

Эта нелогичность - естественное следствие упадка уровня преподавания логики. Раньше, даже вплоть середины XX века, человек не мог стать официальным ученым, если сначала в школе и потом в вузе основательно не овладевал логикой. А на сей день даже всемирно известный психолог и его переводчики и редакторы не могут вывести правильный вывод из простого стандартного силлогизма [44, с.3].

Нелогичность больше всего проявляется в отсутствии научно-понятийного аппарата [51]. Вроде бы парадокс, что обвиненный в «мистицизме» Юнг всегда тщательно заботился над определением используемых им понятий и над логической правильностью системы понятий [29]. А современные когнитивисты даже не утруждают себя логикой и понятия заменяют метафорами; притом в работах многих новых авторов появляются все новые и новые расплывчатые термины-метафоры. Они находятся на уровне не научных понятий, а размытых бытовых терминов [51][38]. Это больше способствует углублению кризиса психологии, чем методологическая пестрота [44, с.12].

Хорошо было бы, если психология подражала естественным наукам в логической правильности, а не в мании измерения и «рубрикации» [26, с.13] всего; это изгоняет изучение души живого человека (целостной психики) за пределы науки.

Вообще, по нашей оценке, теории II позиции в среднем больше соблюдают логику, чем I. А наша оценка не будет беспочвенной, хотя бы из-за знания логики (что подтверждается нашим учебником логики [52]).

4. Методологическая позиция Теории Установки

Методологию теории установки создал Д. Узнадзе. Из его последователей только Ш. Чхартишвили и Ш. Надирашвили внесли новшества в основы теории [13][14].

И. Имедадзе считает, что теория установки - однозначно естественнонаучного типа [17] [18]. Мы с этим не согласны. Рассмотрим ее по очереди по каждой основной характеристике из нашей схеме.

(1) Нами исследовано, что философские основы теории установки связаны с Философией Жизни [42, с.9]. Это же видно из монографии Узнадзе «Анри Бергсон» [8]. Рассмотрим конкретные примеры. 1. В теории Узнадзе среда индифферентна для индивида; среду в ситуацию поведения превращает потребность, вычленив предметы, связанные с актуальной потребностью. Эта мысль изложена виталистом И. Иксулем и А. Бергсоном [4, с. 37,60,269], Узнадзе и сам излагает эту мысль Бергсона [8, с.32,87]. Позднее К. Левин назвал это «притяженностью» [16, с.497], в результате чего эта мысль потеряла четкость.

2. В теории установки существование сознания и мышления опирается на понятие объективации. Нами исследованы онтологические основы этого понятия [46]. Сам Узнадзе неоднократно указывает, что объективация начинается приостановкой непрерывного становления-течения действительности и выделения из нее отдельного предмета [6, с.129-142]. Эта мысль опирается на бергсониянское понятие «интеллекта» и на начала этого интеллекта [8, с.34-39].

3. Понятие фиксированной установки, как его понимает Узнадзе, опирается на бергсониянское понятие «(органической) памяти» [8, с.88-90][47].

4. Понятие функциональной тенденции - исконно принадлежит Философии Жизни [см. выше].

5. Объединение причины и цели [см. ниже].

В условиях СССР Узнадзе и его сотрудники работали под постоянным страхом. Против них несколько раз была организована атака с обвинением в уклонении от марксизма. Ясно, что Узнадзе не мог писать все так, как считал правильным. Обнаружение влияния Философии Жизни и витализма, названных марксизмом «реакционным мракобесным иррационализмом», было немислимо. Поэтому эта сторона теории установки оказалась в тени. Только в последнее время началось ее возрождение. Особенно примечательно сближение «Антропической теории установки» Ш. Надирашвили [14] с гуманистической психологией и сближение лично академика Надирашвили с международной ассоциацией гуманистической психологии.

Редукционизм и позитивизм чужды для теории установки. Это доказывается хотя бы тем, что в теории установки имеют важнейшее значение такие непозитивистические понятия, как воление личности, духовные ценности личности, свобода [5][6][10][11][12][14][15][19] [20][21] и др. Также чужд рационализм, т.к. первичность «рацио» невозможна там, где само «рацио» управляется установкой - бессознательным [49][44]. Узнадзе и сам однозначно

отмежеввался от «немогущего» рационализма [8, с.188]. А когнитивизм даже в XXI веке не смог осознать немощь и бесплодие рационализма и пытается все объяснять стратегиями [44].

(2) С другой стороны, основной метод теории установки - это экспериментальное исследование и анализ эмпирических данных. Это может быть: 2.1) классический лабораторный эксперимент [6][13][14]. 2.2) Самонаблюдение [5][9][11][13]. 2.3) полевое исследование, интервью, социально-психологическое исследование [14][22][23]. А описывающе-понимающий, феноменологическо-герменевтический методы в теории установки применяются только нами [42, с.2], что нетипично. При этом и мы главными методами оставляем экспериментальное исследование [40][41][44][48][49].

(3) Так же теория установки в основном номотетическая теория. Только В. Норакидзе проводил идиографические исследования (психологические портреты известных грузинских деятелей) [25].

(4) Но теория установки четко холистична. Один из ее основополагающих постулатов - это как раз целостность индивида и первичность этой целостности по сравнению с составляющими психическими процессами [6, с.264-273]. Именно этим и отвергает Узнадзе порочный «постулат непосредственности» [6, с.46-52]. Целостность индивида не сводима к сумме составляющих. В этом единокорны Узнадзе и все его последователи, включая тех, кто изменил некоторые основные положения Узнадзе [13][14][40][43], и кто критически рассмотрел теорию установки [33]. Узнадзе выявил также психологическую основу этой целостности - это функциональная тенденция индивида [см. выше] и первично-актуальная установка индивида; также, в случае сознательного субъекта, объективация и основанное на ней «Я» - самосознание [22][46, с.4]. Как и Юнг, Узнадзе считал, что сознательное «Я» - единственный источник волевого поведения; и что волевое поведение - в отличие от произвольно-импульсивного - переживается как активность «Я» [5, с.181][28, с.27-32].

(5) Узнадзе особо критикует одностороннюю каузальность [6, с.47-48]. Основополагающий постулат теории установки - первичная, естественная, бессознательная целесообразность, которым Узнадзе опровергает «эмпирический постулат» [6, с.46]. Для психологического объяснения целесообразности Узнадзе объединяет причину и цель поведения и помещает их вместе в установку: «Ведь поведение определено установкой, она есть его непосредственная причина. Но ведь установка значит, что организм уже предварительно настроен на определенное поведение. Так что, как будет он вести себя в той или иной ситуации, это уже предварительно дано в его установке... Итак, установка не только как настоящая причина воздействует на поведение, но одновременно и наподобие цели: как в цели предварительно дано то, что произойдет в будущем, именно так же и в установке [5, с.89]. В нашем специальном исследовании тщательно доказывалось, что теория установки гармонически объединяет каузализм с телеологием [42, с.1,7,9]. Такое же объединение утверждается Бергсоном [8, с.74-78,108-132] и Юнгом [30, с.247,281].

(6) В теории установки понятие функциональной тенденции имеет самое важное значение после самого понятия установки. Ш. Чхартишвили назвал её дополнительно «первичной потребностью активности» [10, с.26-27,33-36]. Это, по существу, метапотребность самоактивности. Согласно Узнадзе, она есть глубокая фиксированная (диспозиционная) установка, филогенетически врожденная [6, с.63]. Без этого понятия в основе невозможно построить теорию. На него опирается психология ребенка и развития, психология игры и творчества [5, гл.10][7] и др. На него же опирается динамическо-континуальная модель установки [43, с.3]. Но это чисто виталистическое понятие. Удивительно, что Узнадзе посмел ввести его. Поэтому естественно, что в условиях СССР это понятие нормально не разрабатывалось. Хотя все это показывает, насколько существенно это понятие для теории установки - если бы не настоятельная необходимость, Узнадзе обошел бы его стороной.

(7) Теория установки явно глубинна: ее главное стремление - это исследование установок - бессознательных глубинных слоев поведения, сознания, переживаний вообще. В этом аспекте теория установки есть альтернатива фрейдовского психоанализа, что было признано ведущими психологами мира на первой международной конференции, посвященной бессознательному [2].

(8) Эта же конференция показала, что теорией установки интересуются и естествоиспытатели и гуманитарии. Теория установки может иметь отношение ко всем перечисленным наукам.

Итак, теория установки принадлежит II типу по (1), (4), (6) и (7) характеристикам; занимает срединную позицию по (5) и (8); принадлежит I типу по (2) и (3).

Следовательно, теория установки, по существу, теория гуманитарного типа, но с объясняюще-эмпирическими, экспериментально-аналитическо-номотетическими методами. Однако, в условиях политико-идеологической ограниченности последователи Узнадзе этого почти не осознавали. Но сейчас гуманитарное направление уже возрождено и развивается (Ш. Надирашвили [14], Д. Надирашвили [21], Р. Мирцхулава [24], З. Вахания [42][43][44][46] и др.).

Весьма важно, что теория установки - одна из общепсихологических теорий, количество которых в мире не более десяти. Теория установки объемлет и единым подходом обосновывает: исследование всех основных психических процессов; тематику социальной психологии и психологии личности; психологию ребенка и развития; патопсихологию; зоопсихологию; общую методологию психологии; тематику психологической чистоты эксперимента и анкетирования; тематику инженерной психологии и психологии труда; тематику психологии

творчества и эстетики; тематику психологии культуры и нации; тематику психолингвистики; тематику психологии образования и методик обучения; тематику этики, нравственного воспитания, превенции девиаций (в том числе - наркомании и агрессии) и др.

Теория установки - единственная гуманитарная теория среди общепсихологических теорий, которая применяет в основном объясняюще-эмпирические, экспериментально-аналитическо-номотетические методы. Все эти достоинства показывают оригинальность и широкие возможности теории установки.

Литература

1. Хрестоматия по истории психологии - период открытого кризиса. М.-1980.
2. Бессознательное - сборник, т.1, т.2, т.3, т.4. Тб.-1978.
3. Философская Энциклопедия, т. 5, М.-1970.
4. Современная западная философия - Словарь. М.-1991.
5. Узнадзе Д. Общая психология. Тб.-1964. (на груз. яз.)
6. Узнадзе Д. Экспериментальные основы психологии установки. Осн. положения психол. установки. Тб.-1960.
7. Узнадзе Д. Психология ребенка. Психология школьного возраста. Тб.-2003. (на груз. яз.)
8. Узнадзе Д. Анри Бергсон. Тб.-1986. (на груз. яз.)
9. Узнадзе Д. Сон и сновидение. Тб.-2004. (на груз. яз.)
10. Чхартишвили Ш. Социальная психология воспитания. Тб.-1974. (на груз. яз.)
11. Чхартишвили Ш. Проблема воли в психологии. - в сб. “Психологические исследования”. Тб.-1966.
12. Чхартишвили Ш. Проблема личности в психологии установки. - в сб. “Психологические исследования, посвященные 100-летию со д.р. Д. Узнадзе”, Тб.-1986.
13. Чхартишвили Ш. Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тб.-1971.
14. Надирашвили Ш. Антропическая теория установки. Тб.-2001. (на груз. яз.)
15. Надирашвили Ш. Психолого-педагогические вопросы воспитания. - в сб. «Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии», т. 2. М.-1981.
16. Имедадзе И. История психологии. Тб.-2009.
17. Имедадзе И. Основные направления психологии XX века. Тб.-2004.
18. Имедадзе И. Научное творчество Узнадзе и проблемы общей психологии. В кн.: Д.Н. Узнадзе – Общая психология. Москва: Смысл, 2004.
19. Имедадзе И. Феноменология вольного поведения. - сб. «Психология», Тб.-2010, т. 22 (на груз. яз., резюме на англ.)
20. Сакварелидзе Р. Проблема свободы... - “Вестник психологии Грузии”, Тб.-2007, № 1. (на груз. яз., резюме на русск.)
21. Надирашвили Д. Феномен Воли с позиции теории установки. - сб. «Психология», Тб.-2010, т. 22 (на груз. яз., резюме на англ.)
22. Марина Балиашвили. Объективация “Я” и теория установки. - в настоящем сборнике.
23. Нана Бурдули. Зона принятия в теории установки. - в настоящем сборнике.
24. Мирцхулава Р. Значение функциональной тенденции для арттерапевтической практики. - “Вестник психологии Грузии”, Тб.-2008, № 1. (на груз. яз.)
25. Норакидзе В.Г. Методы исследования характера личности. Тб.-1989.
26. Маслоу А. Мотивация и личность. пер. 1999-2004 г. с изд. 1970 г. (интернет-версия)
27. Маслоу А. Психология бытия. «Рефл-бук-Ваклер»-1997.
28. Юнг К.Г. Избранные труды по аналитической психологии, т.1. (ред. Э.Метнер). Цюрих-1929.
29. Юнг К.Г. Психологические типы. (ред. Э.Метнер). Цюрих-1929.
30. Юнг К.Г. Основы аналитической психологии. Сновидения. Тб.-1995.
31. Фрейд З. Будущее одной иллюзии - в сб. «Избранное», т. 1 (ред. Е.Жиглевич). Лондон-1969.
32. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. С.-Пб.-1910.
33. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979.
34. Налимов В.В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении. - «Бессознательное», т.3, Тб.-1978.
35. Авалиани С. Телелогия. Тб.-2003. (на груз. яз.)
36. Какабадзе З. Философия жизни; Дилтай, Фрейд, Бергсон. - сб. «Бурж. философия XX века». Тб.-1970. (на груз. яз.)
37. Вахания З. Способности, одаренность, интуиция и установка. - сб. «Психология человека в современном мире», М.-2009.
38. Vakhania Z. Strict Scientific Terms on the Level of Everyday Mentality. - «Bulletin of the Georgian Academy of Sciences», 1998, 158, # 3.
39. Вахания З. Сознание, Бытие и Дух Жизни. - «Вестник» АН Грузии, серия Философии, 1993, № 4.
40. Вахания З. Обновление экспериментальных основ психологии установки. - «Вестник психологии Грузии», Тб.-2011.
41. Вахания З. «Мышечный фактор» И.Бжалава в опытах фиксированной установки. - сб. «Психология», т. 19, Тб.-2004.
42. Вахания З. Иерархия основных отношений и понятие «цели». - «Вестник психологии Грузии», Тб.-2007, № 1.
43. Вахания З. Определение понятия установки на основе мыслей Ш.Чхартишвили. - «Психология», т. 22, Тб.-2010.
44. Вахания З. Критика главного постулата когнитивизма. - «Вестник психологии Грузии», Тб.-2008, № 1.

45. Вахана З. Эксперимент Лапьера и понятие социальной установки. - «Вестник психологии Грузии», Тб.-2007, № 1.
46. Вахана З. Философские основы психологии установки - понятие объективации в теориях Д.Узнадзе и Ш.Надирашвили. - в сб. «Психология», т. 20, Тб.-2007.
47. Вахана З. К. Капанели и Дм. Узнадзе. - сб. «Актуальные проблемы современной психологии». Тб.-2001.
48. Вахана З. Иррелевантные ощущения, установка и сознание. «Вестник психологии Грузии», Тб.-2003, № 1.
49. Вахана З. Направляющая сила мышления - умственная установка. - «Вестник психологии Грузии», Тб.-2006, № 2.
50. Вахана З. Влияние инструкции на результаты эксперимента. - сб. «Психологические исследования», Батуми-2006.
51. Вахана З. О сущности размытых понятий. - сб. «Психология», т. 18, Тб.-1998.
52. Вахана З. Логика (теста общих способностей), I и II части. Тб.-2006-2007.

УДК 159.923.2:613.97-057.87

Роль установки на здоровый образ жизни в формировании здорового поведения молодежи

Габелкова О.Е.

Статья посвящена анализу роли установки на здоровый образ жизни в формировании здоровьесберегающего поведения молодежи. Выявлено, что здоровый образ жизни объединяет все, что способствует выполнению человеком профессиональных, общественных и бытовых функций в оптимальных для здоровья и развития условиях. Установка на здоровый образ жизни понимается в качестве готовности личности следовать нормам и требованиям здоровой жизнедеятельности, основанной на сознательной ориентации на определенный способ восприятия, отношения и реагирования в ситуациях, затрагивающих ее физическое, психическое и духовное здоровье.

Ключевые слова: молодежь, здоровый образ жизни, здоровое поведение, установка

Стаття присвячена аналізу ролі настанови на здоровий спосіб життя у формуванні здоров'ясберігаючий поведінки молоді. Виявлене, що здоровий спосіб життя поєднує все, що сприяє виконанню людиною професійних, громадських і побутових функцій в оптимальних для здоров'я та розвитку умовах. Настава на здоровий спосіб життя розуміється в якості налаштованості особистості додержуватися норм і вимог здорової життєдіяльності, заснованій на свідомій орієнтації на визначений спосіб сприйняття, відносин та реагування в ситуаціях, що торкаються її фізичного, психічного і духовного здоров'я.

Ключові слова: молодь, здоровий спосіб життя, здорова поведінка, настава

This article is about the analysis of the role of the set to healthy lifestyle in formation of youth's health caring behavior. It is revealed that the healthy lifestyle combines everything which contributes implementation of human professional, social and domestic functions in optimal conditions for health and development. The set of a healthy lifestyle is understandable in case of human's willingness to follow the standards and requirements of a healthy lifestyle, which is based on a conscious focus and particular way of perception, attitude and reaction in situations, which deal with its physical, mental and spiritual health.

Key words: the youth, healthy life style, healthy behavior, set.

Введение. Во второй половине прошлого века в науках о человеке возникло новое направление – психология здоровья. Один из наиболее известных ученых в этой области, главный редактор издаваемого в Великобритании журнала «Journal of Health Psychology» Д.Маркс определяет психологию здоровья как «междисциплинарную область, связанную с применением психологического знания и методов к проблемам здоровья, болезни и здравоохранения»[3]. Здоровью среди жизненных ценностей человека, несомненно, отводится первостепенное значение. Здоровье – это такая форма жизнедеятельности, которая обеспечивает необходимое качество жизни и достаточную ее продолжительность[9]. Без надлежащего уровня здоровья процесс жизнедеятельности не может полностью удовлетворить человека, дать ему удовольствие, радость, интерес, вдохновение, спокойствие. XXI век характеризуется ростом заболеваемости и смертности населения на фоне высоких достижений медицины, совершенства технических средств диагностики и лечения болезней. Уровень здоровья человека зависит от многих факторов: наследственного, социально-экономического, экологического, психологического, физического и деятельности системы здравоохранения. По данным всемирной организации здравоохранения уровень здоровья лишь на 15-20% обусловлен генетическим фактором, на 25% его определяют экологические условия и на 50-55% - условия и образ жизни человека. Исходя из этого, можно сказать, что первостепенная роль в сохранении и укреплении здоровья принадлежит самому человеку, его образу жизни, его ценностям, установкам, степени гармонизации его внутреннего мира и отношений с окружением. Современный этап развития украинского общества связан с демографическим, экологическим и экономическим кризисами, снижением продолжительности жизни и ранней потерей трудоспособности, повышением уровня наркотизации и алкоголизации молодежи[1,2,10]. Сохранение здоровья как значимый внутренний мотив возникает, как правило, в период зрелости. В качестве побуждающих факторов выступает болезнь или совокупность постоянно обостряющихся хронических заболеваний, пониженная работоспособность, жизненные кризисы или другие экстремальные жизненные ситуации. В действительности забота о своем здоровье должна целенаправленно и постоянно формироваться у человека с самого раннего возраста, так как состояние здоровья молодежи – важнейший показатель благополучия общества и государства, отражающий не только настоящую ситуацию, но и дающий точный прогноз на будущее [14]. В нашей стране отсутствует приоритет здорового образа жизни, не разработан механизм ответственности молодого человека за свой способ жизнедеятельности, не пропагандируется установка на здоровый образ жизни, средства массовой информации мало внимания уделяют формированию гармонично развитого, физически и духовно здорового человека. Поэтому, первоочередной задачей для повышения уровня здоровья, формирования установки на здоровый образ жизни должно стать не развитие медицины, а сознательная, целенаправленная работа самого человека по укреплению и развитию жизненных ресурсов, по принятию на себя ответственности за собственное здоровье, когда здоровый образ жизни становится потребностью [4].

Целью нашей статьи является анализ роли понятия установка на здоровый образ жизни в формировании здорового поведения молодежи.

Задачи: проанализировать отсутствие стремления к здоровьесберегающему поведению современной молодежи; обосновать роль понятия установка в формировании здорового образа жизни.

Анализ проблемы. Здоровье – важнейший фактор реализации жизненной программы человека. Современное определение понятия “здоровье” впервые было сформулировано Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) в 1940 г. В нем говорится, что здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезни [13]. При этом подразумевается гармоничное сочетание социального, физического, интеллектуального, эмоционального и духовного аспектов жизни. Осуществить такую программу способен человек, обладающий определенным мировоззрением, уровнем развития личности, а также всесторонними знаниями, умениями и привычками здорового образа жизни. Образ жизни – это система взглядов, которая формируется у человека в процессе жизни под влиянием различных факторов на проблему здоровья не как некую абстракцию, а как на конкретное выражение возможности человека в достижении любой поставленной цели. Образ жизни человека включает три категории: уровень жизни, качество жизни и стиль жизни. Под уровнем жизни следует понимать степень удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей; качество жизни – категория, характеризующая комфорт в удовлетворении человеческих потребностей; стиль жизни – поведенческая особенность жизни человека, т.е. определенный стандарт, под который подстраивается психология и психофизиология личности [10]. Здоровье человека в значительной мере зависит от стиля жизни, который в большой степени имеет персонифицированный характер и определяется национальными традициями и личностными наклонностями. Здоровый образ жизни – это способ жизнедеятельности, соответствующий генетически обусловленным типологическим особенностям данного человека, конкретным условиям жизни и направленный на формирование, сохранение и укрепление здоровья и на полноценное выполнение человеком его социально – биологических функций. Здоровый образ жизни объединяет все, что способствует выполнению человеком профессиональных, общественных и бытовых функций в оптимальных для здоровья и развития условиях [11].

От установки (отношение к здоровью) зависит выберет человек здоровый или нездоровый способ жизни. В разработке проблемы «установка» в советской психологии выделяются две прямо противоположные позиции, отражающие концепции различных школ. Представители школы Д.Н. Узнадзе (И.Т.Бжалава, Ш.А.Надирашвили, А.С.Прангишвили, Б.И.Хачапуридзе, З.И.Ходжава, Ш.Н. Чхартишвили, А.Е.Щерозия и др.) последовательно отстаивают идею о существовании первичной (бессознательной) установки, предвещающей и определяющей развертывание любых форм психической активности. Исследователи, стоящие на позициях теории деятельности (П.К.Анохин, А.Г.Асмолов, Н.А.Бернштейн, Л.С.Выготский, А.Н.Леонтьев, А.В. Запорожец, А.Р.Лурия, Д.Б.Эльконин и др.), выдвигают альтернативную позицию, согласно которой не деятельность должна выводиться из установки, а установка – из деятельности [5]. «Установка является целостным динамическим состоянием субъекта, состоянием готовности к определенной активности, состоянием, которое обуславливается двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией» [13].

В середине прошлого века в англоязычной психологии проводилось большое количество исследований направленные на то, как установки влияют на поведение человека. Их результаты и созданные на их основе теории были заимствованы психологией здоровья.

В структуре установки на здоровый образ жизни можно выделить три компонента: когнитивный, эмоциональный и мотивационно-поведенческий. Когнитивный компонент характеризует знания человека о своем здоровье, понимании роли здоровья в жизнедеятельности, знание основных факторов, оказывающих как негативное (повреждающее), так и позитивное (укрепляющее) влияние на здоровье человека. Эмоциональный компонент отражает переживания и чувства, связанные с состоянием его здоровья, а также особенности эмоционального состояния, обусловленные ухудшением физического или психического самочувствия человека. Мотивационно-поведенческий компонент определяет место здоровья в индивидуальной иерархии ценностей человека, особенности мотивации в области здорового образа жизни, характеризует особенности поведения в сфере здоровья и особенности поведения в случае ухудшения здоровья [6].

В отличие от установок ценности – это устойчивые убеждения в том, что определенный образ поведения или конечная цель существования имеет большие преимущества с личной или социальной точки зрения, чем противоположный образ поведения или противоположная цель существования. Ценности разделяют на терминальные (относительно конечной цели существования) и инструментальные (определенные способы поведения). Ценность здоровья, как свидетельствуют многочисленные исследования, всегда избирается молодежью как самая важная, первейшая и переживается как терминальная. Вместе с тем повседневное поведение редко отвечает этому абстрактному идеалу, то есть инструментальные ценности не отвечают терминальным. Реальные способы поведения, направленные на здоровый образ жизни, молодежью, как правило, не принимаются и не усваиваются. В молодом возрасте здоровья

чаще всего хоть и воспринимается как ценность, но очень абстрактная, такая, что не имеет отношения к повседневным привычкам молодого человека, стилю его жизни [4,6,14].

Как вид социальной установки, установка на здоровый образ жизни выполняет следующие функции:

- инструментальную, показывающую, что человек приобщается к системе норм и ценностей здоровой жизнедеятельности;
- самозащиты, оберегающей человека от негативных чувств по отношению к самому себе в процессе его приобщения к здоровой жизнедеятельности;
- оценочно-экспрессивную, отражающую способность человека выражать индивидуально-личностное отношение к нормам и требованиям здорового образа жизни;
- познавательную, выражающуюся в стремлении человека привести в систему личные знания о нормах и ценностях здорового образа жизни.

Социальные установки молодежи, касающиеся здоровья — это не всегда осознанное отношение молодежи к собственному будущему, к продолжительности и качеству своей жизни, к собственной роли в сохранении здоровья.

Титаренко Т.М. обратила внимание на просоциальными, асоциальными и антисоциальными установки у молодежи, связанные со здоровьем:

- просоциальные установки характеризуются доминированием у молодежи полезных с точки зрения общества морально-этических, юридических, идеологических ориентаций, положительным отношением к социальной действительности и собственной роли в ее преобразовании, готовностью действовать согласно общественным нормам и в интересах социума. Здоровый образ жизни для молодого человека с просоциальными установками есть естественным, если государство, профессиональное сообщество, значимое окружение воспринимают здоровье как реальную ценность;

- асоциальные установки воссоздают незаинтересованность молодежи в общественных проблемах, равнодушие к общепринятым нормам, готовность действовать ради собственных интересов, несмотря на интересы окружения. Собственные интересы могут быть целиком прагматическими, материальными или карьерными и о здоровье никто не будет упоминать;

- антисоциальные установки предусматривают доминирование у молодежи индивидуалистических, вредных для общества привычек и интересов. Такая близкая к криминальной среде молодежь отрицательно относится к социальным ожиданиям и любым нормативным ограничениям и готова действовать против общепринятых правил и общественных интересов. Она воспринимает нездоровый образ жизни как что-то «классное», «современное» и активно отталкивает от себя положительные примеры, обесценивая их [12].

К значимым установкам, которые могут содействовать усилению роли здорового образа жизни, можно отнести статусные, креативные и автономные. Статусные установки воссоздают не всегда осознанное стремление самовыражения и самоутверждение в референтной группе, потребность в признании права занимать соответствующее место в социальном окружении. Креативные установки содействуют проявлению склонности к самостоятельному поиску, созданию и реализации новых образов самореализации, новых форм отношений, образов взаимодействия, в том числе и через противопоставление себя общепринятым нормам. Автономные установки свидетельствуют о готовности к самостоятельности, независимости собственного бытия от иногда очень неположительного окружения [9,10].

Формирование установки на здоровый образ жизни очень длительный и многоаспектный процесс. Как отмечает Максименко С.Д., пропагандирование здоровьесберегающего поведения должно быть направлено на формирование у молодежи стойких убеждений относительно необходимости: соблюдения оптимальных для здоровья режимов дня, обучения, отдыха; рационального питания; соблюдение индивидуального оптимального двигательного режима; постоянного закаливания и повышения иммунитета организма; соблюдение личной гигиены и санитарно-гигиенических требований условий проживания, работы и учебы; развития привычек саморегуляции эмоционального состояния и установление оптимальных межличностных отношений; развития личностно важных качеств (силы воли, целеустремленности, активности, самодисциплины); соблюдение культуры сексуального поведения; отказ от вредных привычек [7,8].

Роль установки на здоровый образ жизни – один из центральных, но пока еще слабо разработанных вопросов психологии здоровья. Поиск ответа на него сводится к одному – как добиться того, чтобы здоровье стало ведущей, органичной потребностью человека на всем протяжении его жизненного пути.

Выводы.

Здоровый образ жизни – это поведение человека, которое отражает определенную жизненную позицию, направленную на сохранение и укрепление личного (индивидуального) и общественного здоровья.

Забота о здоровье должна целенаправленно формироваться у человека с самого раннего возраста, т.к. состояние здоровья молодежи есть важнейший показатель благополучия общества.

Установка на здоровый образ жизни понимается нами в качестве готовности личности следовать нормам и требованиям здоровой жизнедеятельности, основанной на сознательной

ориентации личности на определенный способ восприятия, отношения и реагирования в ситуациях, затрагивающих ее физическое, психическое и духовное здоровье.

Литература

1. Васильева О.С., Журавлева Е.В. Здоровый образ жизни – стереотипные представления и реальная ситуация // Школа здоровья. – 1999. – № 2. – С. 23-31
2. Васильева, О.С. Валеология - актуальное направление современной психологии // Психологический вестник РГУ. Ростов-на-Дону, 1997. - Вып.3. с. 406-411.
3. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. - М.: Академия, 2001. – 352с.
4. Дубровский В.И. Валеология: здоровый образ жизни. – М., 1999. – 860 с.
5. Зинова У.А. Формирование установки на здоровый образ жизни как актуальная проблема //Седьмая волна психологии. Вып. 7./Сб. под ред. Козлова В.В.– Ярославль: МАПН, ЯрГУ, 2010 – 444 с.
6. Майерс Д. Социальная психология. – 7-е изд. – СПб.: Питер, 2009. – 794с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
7. Максименко С.Д., Кокун О.М. Загальні концептуальні засади пропагування психогігієнічного виховання і здорового способу життя серед сучасної молоді // Практична психологія та соціальна робота. – 2011. - №11. – С.75 – 77.
8. Максименко С.Д., Кокун О.М. Практика психологічного обґрунтування заходів пропагування серед молоді здорового способу життя //Практична психологія та соціальна робота. – 2010. - №8. – С.11 – 14.
9. Психология здоровья: Учебник для вузов/Под ред. Г.С.Никифорова. – СПб.:Питер,2003. – 607с.: ил. – (серия «Учебник для вузов»).
10. Тимофієва М.П., Двіжона О.В. Психологія здоров'я: Навчальний посібник. – чернівці: Книги – ХХІ, 2009. – 296с.
11. Титаренко Т.М. Актуальні соціально – психологічні настанови молоді на здоровий спосіб життя: Зб. наук. ст. //Вісн. Київ. міжнар. ун-ту. Сер.: Психол. науки. – К., 2005. – Вип.6. – С. 172-187.
12. Титаренко Т.М., Лепіхова Л.А., Кляпець О.Я. Формування в молоді настанов на здоровий спосіб життя: Методичні рекомендації. – К.: Міленіум, 2006. – 124с.
13. Худякова, Н.Л. Теория и методика воспитания, ориентированного на развитие ценностного мира человека: учеб. пособие //Н.Л. Худякова. – Челябинск: изд-во ЧелГУ, 2008. – 202с.
14. Чудовский В.Э. Проблема становления смысложизненных ориентаций личности // Психол. журн. – 2004. –Т.25, №6. – С.5 – 11.

УДК 159.9(075.8)

Розгляд соціально-нормативної поведінки особистості в контексті проблеми установки

Гарькавець С.О.

The article deals with the socio-normative behavior of personality on the basis of the theoretical and methodological approaches that define the attitude as one of the leading psychological mechanisms of its installation. We analyze the concept of attitude and the concept of social attitude, in native and foreign psychology. Determined the values of the situational pressure and the role of social attitude, which determine the socio-normative behavior of the personality.

Keywords: personality, the psychological mechanism, the social attitude, social-normative behavior, attitude.

У статті розглядається соціально-нормативна поведінка особистості крізь призму теоретико-методологічних підходів, що визначають установку в якості одного з провідних психологічних механізмів її інсталяції. Аналізується як поняття установки, так і поняття соціальної установки у вітчизняній та зарубіжній психології. Визначено значення ситуаційного тиску та роль соціальної установки, які обумовлюють прояви соціально-нормативної поведінки особистості.

Ключові слова: особистість, психологічний механізм, соціальна установка, соціально-нормативна поведінка, установка.

В статье рассматривается социально-нормативное поведение личности сквозь призму теоретико-методологических подходов, которые определяют установку в качестве одного из ведущих психологических механизмов ее инсталляции. Анализируется как понятие установки, так и понятие социальной установки в отечественной и зарубежной психологии. Определено значение ситуационного давления и роль социальной установки, которые детерминируют социально-нормативное поведение личности.

Ключевые слова: личность, психологический механизм, социальная установка, социально-нормативное поведение, установка.

Актуальність проблеми. Суспільні трансформації, які зумовлюють появу нових соціально-нормативних відносин, призводять до якісних змін у соціально-нормативній сфері свідомості особистості. Це викликає злам старих стереотипних уявлень про нормативно-анормативне, бажане-непотрібне, корисне-шкідливе тощо. Проте не визначеність того, що будеється, спонукає людей до пошуку власних засобів виживання, що далеко не завжди є конвенційним і просоціальним. На цьому фоні зростають такі інтравертовані прояви, як тривога, самотність, відчуженість, замкненість, недовіра тощо. У цілому відбувається відторгнення діючої соціально-нормативної моделі суспільства (власно ще не побудованої), виникнення та поширення різних форм соціальних девіацій.

Отже, розробка проблеми соціальної нормативності особистості стає складним та актуальним завданням сьогодення, особливо, коли мова йде про дітей та молодь.

Аналіз наукових досліджень. Академік Н.В. Чепелева поведінку визначає як систему взаємозв'язаних дій, вчинків, які здійснюються суб'єктом з метою реалізації певних функцій, які потребують його взаємодії з середовищем [4]. Зазначається, що чинники регуляції поведінки поділяються на зовнішні та внутрішні. Перші – це соціальні, групові, індивідуальні норми та цінності. Завдяки ним відбувається нормативна регуляція поведінки. Тобто людині пропонується певний тип поведінки, той або інший спосіб досягнення мети, реалізації прагнень і т. ін.. "Задається" потрібна форма та характер відносин і взаємовідносин між людьми, а сама поведінка оцінюється у відповідності до цих норм. Другі – це установки, ціннісні орієнтації, система особистісних смислів і мотивів.

Проте, власно до проблеми соціально-нормативної активності особистості існує велика кількість підходів, але більшість вчених (як зарубіжних, так і вітчизняних) розглядають її крізь призму відповідності існуючим соціально-нормативним критеріям оцінки [1; 10; 11]. При цьому соціально-нормативна поведінка має широкий спектр свого відтворення: моральна, просоціальна, етична, правомірна (правовиконавча, правослухняна, законотрухняна) тощо. Соціально-нормативна поведінка має свою внутрішню диференціацію, яка полягає у розмежуванні за ступенем її значущості та в залежності від мотивів, що її обумовлюють. Вона є результатом взаємодії численних чинників і зв'язків між ними, що може слугувати доказом її системності та системного обумовлення. І разом із цим, багатофакторність обумовлення породжує наявність значної кількості підходів до її вивчення та визначення.

Основними детермінантами соціально-нормативної поведінки особистості вважаються: волева регуляція діяльності в єдності та взаємодії інтелектуальних, моторно-виконавчих та емоційно-оцінюваних процесів; моральна та правова активність; наявність в особистості певної ціннісно-нормативної системи, яка відповідає потребам суспільства; пристосування свідомості людини до суспільних умов, що знаходить своє відтворення в процесі соціалізації.

Проте, соціально-нормативна поведінка не є чимось універсальним. Завдяки тому, що соціальні норми постійно змінюються, люди змушені до них пристосовуватись, але настільки, наскільки дозволяють це зробити їхні потреби та соціальний стан, у якому вони знаходяться.

Отже ми вважаємо, що соціально-нормативна поведінка особистості, у широкому

сенсі свого розуміння, виступає системним утворенням, елементами якого, з одного боку – виступають соціальні норми морального, резидуального та правового характеру, що пов'язані між собою, які утворюють єдиний оптимальний функціональний оптимум та, які інтеріоризовані особистістю, а з іншого боку – явища соціального середовища, в якому безпосередньо індивід перебуває та, в яке екстеріоризує свої ціннісно-нормативні інтенції.

Мета статті полягає у тому, щоб проаналізувати соціально-нормативну поведінку особистості з позиції підходів, які розглядають установку в якості одного з провідних психологічних механізмів індивідуальної активності.

Виклад основного матеріалу. Як відомо, саме слово “установка” походить від латинського “*aptus*”, що має значення або, як фізичний чи розумовий стан підготовленості до дії, або, як поза людини в змісті моторного чи розумового нахилу. У цілому, під установкою розуміється сформована на основі минулого досвіду схильність сприймати й оцінювати який-небудь об'єкт певним чином і готовність діяти у відношенні до нього, й у відповідності до цієї оцінки [5].

Також установка розуміється й “... як цілісний стан особистості, який виробляється на підставі досвіду готовності, стійкого реагування на передбачення певних об'єктів або ситуацій, прояв доцільності, вибіркової активності, спрямованої на задоволення потреби у ситуації пов'язаної з нею” [4, с. 140]. Отже, це психічний стан людини, суб'єкта діяльності, який визначає готовність і конкретні особливості її поведінки у відповідь на впливи зовнішнього середовища.

Як відомо, Д.М. Узнадзе одним з перших у радянській психології спробував визначити установку як цілісний-особистісний стан готовності, налаштування і на поведінку в певній ситуації і для задоволення певної потреби [8; 9]. Установка формується в психіці суб'єкта в результаті попередніх досвідів у вигляді споконвічної реакції на вплив ситуації, в якій йому доводиться ставити й вирішувати завдання. Характерною рисою установки є її несвідомий психічний процес, який робить вирішальний вплив на утримання та плин свідомої психіки.

Учений відзначав, що в результаті повторення ситуації, у якій може бути реалізована та або інша потреба, установка особистості закріплюється, фіксується. Але фіксована установка виступає вторинною, первинною є актуальна ситуативна установка. Свідомість бере участь у виробленні установки, коли звична дія натрапляє на перешкоду й людина об'єктивує власну поведінку, осмислює її, коли акт поведінки стає предметом осмислення. При цьому вчений зазначав, що установка “лежить в основі цих свідомих процесів” [9, с. 41].

Таким чином, установка до поведінки, виступає певним психологічним механізмом, який забезпечує психічний настрій особистості на поведінку в певній соціальній ситуації. Тобто, наприклад, у структурі правосвідомості присутні установчі відносини індивіда до тих або інших правозначущих категорій, які «після запуску» обумовлюють реальні вчинки і, в цілому, його поведінку.

Відносно поведінки Узнадзе зазначав, що у людини під впливом потреб і відповідного предметного середовища складається цілісний психічний стан, підготовленість до поведінки, що визначає її наступну активність та надає доцільну спрямованість цій активності [8]. У залежності від того, які потреби є у людини та в якому предметному середовищі вона знаходиться, у неї виникає певна установка, яка і запускає відповідну поведінку. Учений виокремлював три типи такої поведінки: імпульсивну, примусову та вольову.

Імпульсивна поведінка детермінована імпульсивним виникненням потреб, які необхідно задовольнити за принципом «тут і зараз».

Примусова поведінка виникає на підставі примусу з боку інших людей або соціального середовища. Така поведінка задовольняє потреби інших людей. При цьому вона відбувається на свідомому рівні, їй відповідає певний мотив, і не дивлячись на примус, у людини виникає почуття відповідальності за її наслідки.

Вольова поведінка здійснюється при активній участі самої особистості. Установка на вольову поведінку виникає в момент, коли людина вирішує діяти у певному напрямку. Для формування такої установки необхідна доцільна поведінка, усвідомлення її можливих наслідків. Необхідно уявляти і предметну ситуацію, в якій буде продукуватися ця поведінка. Урахування всіх цих складових, перетворення їх у «консистентний цілісний психічний стан» обумовлює формування установки вольової поведінки. На думку Узнадзе: “... саме в цей час у людини й виникає переживання інтенсивної внутрішньої активності, що якісно відрізняє цей тип поведінки від інших” [8, с. 89].

Учений поділив потреби людини на два великих класи: субстанціональні (потреби у предметах) та функціональні потреби (потреби у самій активності). І на його думку, на підставі потреб першого класу виникає екстерогенна поведінка (імпульс від потреби у предметах), на підставі другого – інтерогенна поведінка (імпульс задає потреба в активності). До екстерогенної поведінки відноситься усе, що пов'язане з працелюбністю, обслуговуванням, задоволенням допитливості. Інтерогенна поведінка містить в собі творчість, гру, спорт і розваги. Навчання виявляє собою перехідну форму між екстерогенною та інтерогенною поведінкою.

Ш.А. Надірашвілі у контексті теоретичних розробок Д.М. Узнадзе ввів власну класифікацію форм поведінки на підставі двох принципів: за типом потреб, які покладені в основу екстерогенної та інтерогенної поведінки й за психологічною її складністю (здійснюється вона імпульсивно або за активною участю особистості) [2].

Учений стверджує, що гра, задоволення допитливості, потреба у спілкуванні, які здійснюються імпульсивно або без особливого втручання свідомості є нижчим ступенем людської активності та власне це є поведінка особистості. Вищі форми активності – спорт, розумова праця, суспільна діяльність і т. ін.. Ці форми активності не можуть бути здійснені без участі свідомості бо, на думку Надірашвілі, це діяльність людини.

Також ученим були виокремлені проміжні форми поведінки, до яких він відносить задоволення естетичних потреб, навчання, розваги, виконання суспільних вимог тощо. Ці форми активності також слугують задоволенню безпосередніх та імпульсивних потреб, проте вони формуються у соціальному середовищі й для їхнього задоволення не вистачає відповідних імпульсивній поведінці психічних сил. Потрібна участь свідомості, але надалі вони можуть здійснюватися імпульсивно.

Разом із поняттям «установка» у науковому обігу існує поняття «соціальна установка». Акцентує увагу на ній переважна більшість зарубіжних учених, які стверджують, що нормативна поведінка є наслідком дії установок, що "виробляє" індивід у відповідь на очікування суспільства.

Поняття соціальної установки в науковий обіг вперше було введено в 1918 р. У. Томасом і Ф. Знанецьким, які визначили її як психологічний процес, розглянутий у відносинах із соціальним світом і взятий насамперед у зв'язку з соціальними цінностями. На їхню думку, цінність є об'єктивною стороною установки, а установка є індивідуальна (суб'єктивна) сторона соціальної цінності [12].

Зарубіжні дослідники, в основному, визначають установку на підставі категоризації стимулів у відповідності з оцінювальними параметрами, які засновані на афективній, когнітивній і поведінковій інформації [7]. При цьому існує різноманіття підходів до розгляду як самої проблеми, так й визначення поняття «соціальна установка» ("social attitude") [2; 12].

Г. Олпорт, провів велику роботу з узагальнення визначень, які були надані установці в зарубіжній психології та одним із перших сформулював загальноприйняте визначення, яке і до тепер зберігає своє значення. На його думку: "Установка є станом психонервової готовності, яка склалася на основі досвіду і, яка справляє прямий і (або) динамічний вплив на реакції індивіда щодо всіх об'єктів або ситуацій, з якими він зв'язаний" [3, с. 44]. Як зазначав учений: "Фрейд наділив установку життєвою силою, зрівняв її з бурхливим потоком несвідомого життя" [цит. за: 12, с. 89]. У цьому випадку, мова йде про те, що за Фрейдом, установка, не маючи власного енергетичного заряду, черпає його, регулюючи наявну психоенергетику. "Установка індивіда відносно класу об'єктів визначається особливою роллю, яку ці об'єкти стали грати в сприянні реакціям, що зменшують напруженість особливих мотивів і вирішують особливі конфлікти між мотивами" [6, с. 369].

Більшість представників біхевіористського напрямку (Ж. Ховланд, Х. Келли, А. Мосер, Дж. Лордж і ін.) розглядають установки як результат навчання за допомогою асоціації, підкріплення й наслідування [11]. У біхевіористській схемі установка розглядається як імпліцитна, опосередкована реакція гіпотетична конструкція або проміжна змінна між об'єктивним стимулом і зовнішньою реакцією. Установка реакція, яка недосяжна для зовнішнього спостерігача, є одночасно реакцією на спостережуваний стимул і стимулом для спостережуваної реакції, діючи на подібну "сполучного" механізму. Обидва ці стимульно-реактивних зв'язки (спостережувальний стимул установка; установка об'єктивна реакція) приблизно підкоряються всім законам теорії поведінки... Установка визначається як імпліцитна, зухвала драйв реакція, яка вважається соціально значущою в суспільстві для індивіда [12, с. 88].

Представники когнітивної психології (А. Аронсон, Е. Елліот, Д. Брем, Т. Ньюкомб, Л. Фестінгер та ін.) вважають, що установка є оцінкою індивіда ціни й результату, які основані на виважуванні всіх аргументів "за" і "проти", а також установки виступають одним із елементів узгодженості психічної рівноваги людини [1; 10].

Так, Т. Ньюкомб, Д. Брем і Л. Фестінгер відзначають, що між установками й поведінкою існує певний ступінь узгодженості. Поняття "певна" означає, що існують й неузгодженості. Однак, учені зазначають: "Якщо установка стійка, є важливою для індивіда, як результат прямого досвіду, що має високу кореляцію між знаннями й почуттями, то на підставі її досить упевнено можна пророкувати його поведінку" [7, с. 251]. У цілому, когнітивісти вважають, що роль установки складається в опосередкуванні інформації, яка надходить, в асиміляції, модифікації або блокуванні її. Тобто, установки це динамічні незалежні змінні, які мають іманентну здатність регулювати поведінку індивіда. При цьому одинична установка позбавлена динамічного потенціалу. Він виникає тільки при наявності неузгодженості когнітивних компонентів двох установок.

У визначенні М. Рокіча, соціальна установка виступає відносно стійкою в часі системою поглядів, уподобань про об'єкт або ситуацію, що зводить до певної реакції [14]. При цьому вчений вважає, що саме поведінка є дією двох установок на ситуацію й на об'єкт. Перші відносяться до способів дії (інструментальні), другі відносно об'єктів дії (цільові).

С. Аш на основі положень гештальтпсихології описує соціальну установку як організацію досвіду й знань, пов'язаних з даним об'єктом. Для нього це "... ієрархічно організована структура, частини якої функціонують відповідно до їх місця в загальній структурі" [6, с. 368].

Існують емпірично виведені чинники, які визначають високу узгодженість установки й поведінки. До них дослідники відносять: несуперечність установки, інформація про об'єкт установки, відповідність когнітивного й афективного компонентів установки, особистий досвід, стабільність установки із часом, відповідність установки поведінці, виразність установки, відсутність суперечливого ситуаційного тиску [7, с. 256].

Несуперечність установки складається в мінімізації психічної напруги (дисонансу), що виникає внаслідок невідповідності вчинків індивіда з його реальними уявленнями про нього. Несуперечність означає узгодженість і гармонію установки та вчинку.

Таким чином можна зазначити, що у своїх численних дослідженнях соціальної установки зарубіжні дослідники встановили наступні залежності.

По-перше, інформація про об'єкт установки підсилює впевненість суб'єкта у правоті своїх переконань або вчинків. Когніції виступають своєрідним фундаментом або мірилом того, що людина збирається відстоювати або робити.

По-друге, відповідність когнітивного й афективного компонентів установки припускає тотожність переконань і почуттів. Людина прагне змінити свої переконання й сприйняття фактів таким чином, щоб ті відповідали її оціночним перевагам, навіть тоді, коли у неї відсутня необхідна інформація для підтвердження або виправдання своїх учинків.

По-третє, особистий досвід припускає знання про об'єкт установки, знайомство з ним не на підставі того, що чув або бачив, а на підставі особистого спілкування або пізнання.

По-четверте, стабільність установки із часом визначається її незмінністю та сталістю. При цьому максимальна узгодженість між установками й поведінкою відбувається тоді, коли вони оцінюються приблизно в один і той же час.

По-п'яте, відповідність установки поведінці виявляється у тому, що при мінімальному розходженні установки й конкретного вчинку суб'єкта, останній досягає більшого задоволення. При цьому існує тенденція більшого узгодження саме поведінки установкам.

Виразність установки найбільш сильно корелює з реальною поведінкою людини. Така установка підсилюється афективним (тобто, почуттями, які порушують об'єкт установки) або когнітивним (тобто активізація переконань людини, які стосуються об'єкта установки) компонентом. При цьому, як відзначають дослідники, когнітивний компонент є більш сильною детермінантою реальної поведінки індивіда. Найбільш істотним є те, що відсутність суперечливого ситуаційного тиску сприяє тому, що суб'єкт у різних ситуаціях може застосовувати ту саму установку для того ж об'єкта. Саме ситуаційна складова часто втручається в узгодження реальної поведінки з реальною установкою людини.

Таким чином, ми можемо констатувати, що хоча серед психологів й існує поляризація думок щодо поняття "соціальна установка" та її функціональної ролі, проте, ми згодні з тими дослідниками, які дотримуються положення про трикомпонентну її структуру та доводять можливість зміни реальної поведінки людини через зміни її когніцій (думка, переконання) та афективних проявів (радість, страх) [11; 13].

Як ми вважаємо, соціально-нормативну поведінку особистості також доцільно розглядати крізь призму соціальної установки. Її спрямованість та амплітуда значною мірою задаються когнітивним та афективним компонентами, які випробовують тиск зовнішніх чинників, що продукують умови соціального життя або соціальної ситуації, в якій знаходиться індивід. Власно соціальна установка «зв'язує» як активність індивіда, так і зазначені компоненти, а отже, вона виступає одним із психологічних механізмів інсталяції соціально-нормативної активності особистості.

Разом із цим, якщо така поведінка є системним утворенням, то вона володіє системними якостями (складність, багатомодальність, дифузність або розмитість, стаціонарність, інерційність, нелінійність), які певним чином (певним тому, що не завжди) і роблять її як цілком залежною від впливів соціального середовища, так й відносно самостійною. В одному середовищі поведінка стає соціально-нормативною, а в іншому, за тих же самих обставин аномативною. При цьому, установка як один із провідних психологічних механізмів, власно «запускає» таку поведінку в «готовому та особливому вигляді», але її оцінка (нормативна-анормативна) вже залежить від існуючих суспільно-нормативних координат.

Таким чином ми можемо зробити такі висновки.

1. Соціально-нормативна поведінка особистості – це системне утворення, у якому перетинаються внутрішні (особистісні) та зовнішні (соціального середовища) елементи та зв'язки між ними. Установка, як психологічний механізм «зв'язує» когнітивні, афективні та конотативні компоненти особистості й зумовлює спрямованість та амплітуду її соціально-нормативної активності у соціальному середовищі.

2. Найбільш істотним у процесі інсталяції соціально-нормативної активності особистості є те, що відсутність суперечливого ситуаційного тиску сприяє тому, що індивід у різних ситуаціях може застосовувати одну соціальну установку до різних об'єктів (суспільно-нормативних координат) і саме ситуаційна складова впливає на узгодження його реальної поведінки з його реальною соціальною установкою.

Література

1. Аронсон Э. Социальная психология. Психологические законы поведения человека в социуме. / Аронсон Э., Уилсон Т., Эйкерт Р. – СПб. : ПРАЙМ-ЕВРОЗНАК, 2002. – 560 с.
2. Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии / Ш.А. Надирашвили. – М. : Наука, 1985. – 285 с.
3. Оллпорт Г. Личность в психологии / Гордон Оллпорт. – СПб. : Ювента, 2002. – 325 с.
4. Психологія особистості: Словник-довідник / [за ред. П.П. Горностая, Т.М. Титаренко]. – К. : Рута, 2001. – 320 с.
5. Психологический словарь / [под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова] – [2-е изд. перераб. и доп.] – М. : Педагогика-Пресс, 1996. – 440 с.
6. Социальная психология / [под ред. С. Московичи.]. – СПб. : Питер, 2006. – 592 с.
7. Тейлор Ш. Социальная психология / Тейлор Ш., Пипло Л., Сирс Д. – [10-е изд.]. – СПб. : Питер, 2004. – 767 с. – (Серия «Мастера психологии»).
8. Узнадзе Д.Н. Теория установки / Д.Н. Узнадзе. – Москва-Воронеж, 1997. – 448 с.
9. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки / Д.Н. Узнадзе. – Тбилиси : Изд-во АН Груз. ССР, 1961. – 210 с.
10. Фернхем А. Личность и социальное поведение / А. Фернхем, П. Хейвен. – СПб. : Питер, 2001. – 368с.
11. Хегенхан Б. Теории научения / Б. Хегенхан, М. Олсон. – СПб. : Питер, 2004. – 474 с. (Серия «Мастера психологии»).
12. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США / П.Н. Шихирев. – М. : Наука, 1979. – 186 с.
13. Homans G.C. Social behavior: its elementary forms / G.C. Homans – N.Y. : Harvourt Brace, 1961. – 404 p.
14. Rokeach M. Beliefs, Attitudes, and Values / Milton Rokeach. – San Francisco, 1968. – P. 148-152.

УДК 373.3.015.311

Установки учителей в отношении популярности и умственного развития
учеников младших классов

Гимаева Ю.А.

Стаття присвячена питанню сприйняття учнів молодших класів вчителем в аспекті їх розумового розвитку та популярності серед однолітків. Оскільки очікування та оцінки з боку значущих дорослих спрямовують розвиток дитини, для учнів думка вчителя може бути вельми впливовою. Змістом роботи є аналіз кореляційних зв'язків між соціометричним статусом учнів, об'єктивними оцінками розвитку інтелекту, оцінками розумового розвитку учнів самими вчителями та оцінками вчителів поведінкових, емоційних, вольових та інших проявів учнів у першому, другому і третьому класах. Висвітлені зв'язки, що характеризують популярних та інтелектуально розвинених дітей у цілому та окремо дівчинок та хлопчиків. З'ясовано, як характеризують вчителі тих учнів, яких самі ж оцінюють як розумового розвинених.

Ключові слова: молодший шкільний вік, учень, популярність, розумовий розвиток, вчитель, оцінка, настанова, кореляція, структура зв'язків.

Статья посвящена вопросу восприятия учеников младших классов учителем в аспекте их умственного развития и популярности среди сверстников. Поскольку ожидания и оценки со стороны значимых взрослых направляют развитие ребёнка, для учеников мнение учителя может быть очень влиятельным. Содержанием работы является анализ корреляционных связей между социометрическим статусом учеников, объективными оценками развития интеллекта, оценками умственного развития учеников самими учителями и оценками учителей поведенческих, эмоциональных, волевых и других проявлений учеников в первом, втором и третьем классах. Выделены связи, характеризующие популярных и интеллектуально развитых детей в целом, а также – отдельно девочек и мальчиков. Выявлено, как характеризуют учителя тех учеников, которых сами же оценивают как умственно развитых.

Ключевые слова: младший школьный возраст, ученик, популярность, умственное развитие, учитель, оценка, установка, корреляция, структура связей.

The article contains the research of apprehension by teacher younger forms pupils' mental development and popularity in class group. Expectations and attitudes of significant adults direct of child's development, therefore teacher's opinion has a great influence on. The subject of this article is analysis of correlations between pupils' sociometrical status, objective appreciations intellectual development, teachers' appreciations of pupils' mental development and teachers' appreciations of pupils' peculiarities of behaviour, emotions and something else in first, second and third forms. Connections which characterize popular and intellectual children in whole and girls and boys separately were discovered. Characteristics of those pupils which were qualified as mental advanced by teachers were revealed.

The key words are: younger school age, pupil, popularity, mental development, teacher, appreciation, attitude, correlation, structure of connections.

В психології давно стала привычною ідея об определяющей ролі соціального оточення в психическом розвитку ребінка. Ожидания и оценки являются теми конкретными агентами, через которые социальная среда воздействует на ребінка, формируя его представления о себе и своих возможностях, его притязания и самосознание в целом. Однако установки и стереотипы восприятия, особенно со стороны психологически значимых лиц, могут задавать как продуктивное направление развития, так и создавать «фантомы», качества, препятствующие социальной адаптации и обуславливающие проблемность личностного развития.

Интересно, что субъект оценки относительно редко осознаёт реальные основания своих оценок. Это означает, что соотношение действительно воспринимаемых и приписываемых свойств в содержании оценки может быть разным. В отношении межличностного восприятия известен механизм атрибуции, согласно которому объекту оценки приписываются такие качества, которые позволяют его действия и отношения к нему субъекта оценки непротиворечиво интерпретировать [2; 35-38].

Любой человек, так или иначе, участвует в процессе оценивания, хотя, согласно К. Роджерсу, к оценкам себя относится с опаской. При этом дети оказываются в менее выгодном положении, поскольку их оценочные способности развиты ещё недостаточно, поэтому у них гораздо больше вероятность попасть под влияние «фантома».

Наше исследование посвящено особенностям восприятия и установкам учителя в отношении учеников младших классов. Известно, что внешние установки влияют даже на успеваемость учащихся (хотя экспериментально это доказано только для студентов), мы в этой связи хотим проследить, как отличаются восприятие и оценки учителем популярных и умственно развитых мальчиков и девочек.

Актуальность вопроса о восприятии учеников учителем обусловлена тем, во-первых, что учитель является почти единственным источником сведений, например, для родителей, о поведении ребінка в учебной обстановке. Во-вторых, в младшем школьном возрасте учитель является для детей лицом в высокой степени референтным. Его мнение очень много значит для восприятия детьми самих себя и друг друга: если учитель дал определённую оценку, то она воспринимается младшеклассниками как абсолютная. В этих условиях неосознаваемые

установки учителя, отражаясь в его оценках ученика, могут создавать фантомные характеристики, не всегда полезные для процесса обучения.

Разумеется, мы ни в малейшей степени не подвергаем сомнению компетентность учителя и его способность адекватно воспринимать и оценивать ребёнка. Речь идёт о гораздо более общих установках восприятия и ожиданиях, носителем которых может оказаться также и учитель. Показательными в этом ключе являются взаимосвязи между объективными оценками интеллектуального развития и популярности учеников и теми характеристиками, которые они получают от учителя. Таким образом, цель данного исследования: выявить связи между популярностью и умственным развитием мальчиков и девочек младшего школьного возраста и восприятием их учителем. Следует отметить, мы сейчас ограничиваемся рассмотрением только традиционной системы образования.

Для оценки невербального интеллекта нами была использована методика «Рисунок человека», для оценки вербального интеллекта – методика экспресс-диагностики отклонений в умственном развитии Переслени Л. И. и Чупрова Л. Ф., для выявления взаимной популярности учеников – социометрия по эмоциональному критерию. С помощью методики «Карта наблюдений» Д. Стотта в учителя оценивали поведенческие, эмоциональные и некоторые другие проявления ребенка к школе. Карта наблюдений включает в себя 16 шкал-синдромов [3; 168-178]. Для выявления корреляционных связей был использован критерий ранговой корреляции Спирмена (программный продукт SPSS).

В исследовании принимали участие учащиеся 1-х, 2-х и 3-х классов УВК №14 г. Харькова. Испытуемые были объединены в шесть экспериментальных групп: первоклассники мальчики (97 детей) и девочки (81 ребёнок), второклассники мальчики (90 детей) и девочки (99 детей), третьеклассники мальчики (93 ребёнка) и девочки (93 ребёнка).

Полученные структуры значимых корреляций представлены в таблице 1.

Таблица 1

Структуры корреляций в группах мальчиков и девочек 1, 2 и 3 классов

мальчики-первоклассники										
	ВИ	2.Д	3.У	5.ВВ	7.А	8.ВД	9.Н			
КСВ		(-) ¹				(-) ¹				
14.УО	(-) ¹	(+) ²	(+) ²	(+) ²	(+) ²	(+) ²		(+) ¹		
девочки-первоклассницы										
	ВИ	2.Д	7.А	8.ВД	9.Н	10.ЭН	14.УО	15.Б	16.Ф	
НИ		(-) ²								
КСВ					(-) ²		(-) ¹			
14.УО	(-) ³		(+) ³		(+) ³	(+) ²		(+) ¹	(+) ¹	
мальчики-второклассники										
	КСВ	1.НД	2.Д	6.ТД	7.А	8.ВД	9.Н	11.НС	12.С	13.СР
ВИ	(+) ¹	(-) ¹	(-) ¹	(-) ²			(-) ²	(-) ¹	(-) ¹	(-) ¹
КСВ		(-) ¹	(-) ¹	(-) ²			(-) ²	(-) ¹		
14.УО	(-) ¹			(+) ²	(+) ¹	(+) ¹	(+) ²	(+) ¹		
девочки-второклассницы										
	НИ	1.НД	2.Д	3.У	4.ТВ	7.А	9.Н	10.ЭН	11.НС	14.УО
ВИ					(-) ¹		(-) ¹	(-) ²	(-) ²	(-) ³
КСВ	(+) ¹		(-) ¹			(-) ¹	(-) ²	(-) ¹	(-) ³	(-) ¹
12.С										(+) ³
14.УО		(+) ²	(+) ¹	(+) ²	(+) ¹	(+) ³	(+) ²		(+) ³	
15.Б	(-) ¹									
16.Ф	(-) ¹									
мальчики-третьеклассники										
	НИ	1.НД	2.Д	3.У	5.ВВ	7.А	8.ВД	9.Н	10.ЭН	14.УО
НИ			(-) ²		(-) ¹					
ВИ	(+) ²	(-) ²	(-) ²	(-) ²		(-) ³	(-) ¹	(-) ¹	(-) ²	(-) ³
6.ТД										(+) ²
12.С										(+) ¹
14.УО		(+) ²			(+) ²	(+) ³	(+) ³	(+) ³	(+) ³	(+) ²
девочки-третьеклассницы										
	НИ	КСВ	2.Д	3.У	7.А	9.Н	10.ЭН	11.НС	12.С	14.УО

НИ			(-) ¹		(-) ¹		(-) ²	(-) ³	(-) ²	
ВИ	(+) ²	(+) ¹	(-) ³	(-) ¹	(-) ³	(-) ¹	(-) ²	(-) ¹	(-) ¹	(-) ³
КСВ			(-) ²	(-) ¹	(-) ¹		(-) ²	(-) ¹	(-) ³	
1.НД	(-) ¹	(-) ¹								
5.ВВ		(-) ¹								
8.ВД										(+) ²
13.СР	(-) ¹									
14.УО			(+) ³	(+) ²	(+) ³		(+) ³	(+) ²		
15.Б	(-) ¹	(-) ¹								
16.Ф		(-) ³								

(+) / (-) – положительные / отрицательные корреляции.

¹ – уровень значимости 0,05; ² – уровень значимости 0,01; ³ – уровень значимости 0,001.

НИ – невербальный интеллект, ВИ – вербальный интеллект, КСВ – количество социометрических выборов, 1.НД – недоверие к новым людям, вещам, ситуациям, 2.Д – депрессия, 3.У – уход в себя, 4.ТВ – тревожность по отношению к взрослым, 5.ВВ – враждебность по отношению к взрослым, 6.ТД – тревога по отношению к детям, 7.А – недостаток социальной нормативности (асоциальность), 8.ВД – враждебность к детям, 9.Н – неугомонность, 10.ЭН – эмоциональное напряжение, 11.НС – невротические симптомы, 12.С – неблагоприятные условия среды, 13.СР – сексуальное развитие, 14.УО – умственная отсталость, 15.Б – болезни и органические нарушения, 16.Ф – физические дефекты.

Сравнивая структуры корреляций, можно отметить, что благоприятное положение девочек среди сверстников (показатель КСВ) во всех возрастных группах связано с более высоким уровнем развития интеллекта (или вербального, или невербального). Для мальчиков эта зависимость актуальна только во 2 классе. Но для мальчиков в 1 и 3 классах выявлена тенденция к образованию связи между популярностью и развитием интеллекта.

Кроме этого в 1 классе популярность девочек связана с большей усидчивостью (9.Н), во 2-м – с усидчивостью (9.Н) и активностью (2.Д), нормативностью (7.А) и адекватным эмоциональным развитием (10.ЭН, 11.НС). В 3 классе – наряду с активностью (2.Д), нормативностью (7.А) и эмоциональным благополучием (10.ЭН, 11.НС) приобретают значение открытость новому опыту (1.НД, 3.У) (усидчивость при этом перестает фигурировать), здоровье (15.Б) и привлекательная внешность (16.Ф). Последнее, возможно, указывает на приближение подросткового возраста.

Популярность мальчиков в 1 классе связана с активностью, энергичностью (2.Д) и доброжелательностью к сверстникам (8.ВД), во 2-м – с активностью (2.Д), открытостью новому опыту (1.НД), усидчивостью (9.Н), доверительным отношением к сверстникам (6.ТД) и эмоциональным благополучием (11.НС). В 3 классе какие-либо значимые корреляции не обнаружены.

Очевидно, популярность девочек и мальчиков во всех возрастных группах связана по оценке учителя с разными факторами: в 1 классе популярная девочка одновременно усидчивая, спокойная и умственно развитая, а мальчик – активный и, для равновесия, доброжелательный. Во 2 классе девочка – нормативная, а мальчик – открытый для нового опыта (хотя структуры популярности во 2 классе у мальчиков и девочек достаточно близки и включают также активность, усидчивость, эмоциональное благополучие и умственную развитость). В 3 классе популярность девочки связана с наибольшим количеством характеристик. К ним кроме тех, что присущи и мальчикам, и девочкам во 2 классе, прибавляются общительность и физическое здоровье. Таким образом, девочка должна удовлетворять более жестким и разнообразным требованиям по сравнению с мальчиком, чтобы занимать одинаковый с ним статус: она должна быть усидчивой, нормативной, эмоционально развитой и при этом общительной, энергичной, интеллектуальной и привлекательной, в то время как мальчику достаточно быть активным, настойчивым и готовым экспериментировать.

В отношении интеллектуального развития были обнаружены следующие половозрастные различия. У мальчиков в 1 классе значимых корреляций между показателями интеллекта и другими шкалами нет. Но выявлены тенденции к образованию связи между показателем невербального интеллекта и комфортностью отношений со сверстниками (6.ТД); вербальным интеллектом и усидчивостью (9.Н) и социометрическим статусом. Во 2 классе мальчики с более высоким показателем вербального интеллекта популярны у сверстников (показатель КСВ), комфортно чувствуют себя в среде сверстников (6.ТД), энергичны (2.Д), открыты для нового опыта (1.НД) и одновременно усидчивы (9.Н), в целом эмоционально благополучны (11.НС), их сексуальное развитие отвечает норме (13.СР), социальное окружение благоприятно (12.С). У мальчиков 3 класса взаимно связаны показатели невербального и вербального интеллекта, а так же чем выше невербальный интеллект, тем ребёнок более активен (2.Д) и доброжелателен к взрослым (5.ВВ). Мальчики с более высоким вербальным интеллектом более открыты для нового опыта (1.НД, 3.У), активные (2.Д), при этом усидчивые (9.Н), социально приспособленные (7.А), эмоционально благополучные (10.ЭН), более доброжелательно относятся к сверстникам (8.ВД). В целом структуры связей во 2-м и 3-м классах у мальчиков очень похожи.

Девочки в 1 классе с более развитым невербальным интеллектом одновременно более активны (2.Д). Во 2 классе девочки с большим показателем невербального интеллекта более популярны у других детей и менее болезненны (15.Б, 16.Ф); с большим показателем вербального интеллекта – более усидчивы (9.Н), эмоционально благополучны (10.ЭН, 11.НС), менее тревожны в отношении взрослых (4.ТВ). В 3 классе у девочек показатели вербального и невербального интеллекта взаимосвязаны (как и у мальчиков в 3 классе), более высокий невербальный интеллект связан с большей открытостью для нового опыта (1.НД), активностью (2.Д), эмоциональным (10.ЭН, 11.НС) и социальным (12.С) благополучием, социальной приспособленностью (7.А), лучшим здоровьем (15.Б), адекватным сексуальным развитием (13.СР). Более высокий вербальный интеллект образует похожую структуру связей, дополненную большей общительностью (3.У), усидчивостью (9.Н) и популярностью у сверстников. Структура связей вербального интеллекта у девочек в 3 классе походит на соответствующую структуру у мальчиков 3 класса.

Сравнительный анализ позволяет сделать вывод, что развитость интеллекта приобретает большее значение для эмоционального и социального благополучия ребёнка во 2-м и особенно в 3-м классе, чем в 1-м, что согласуется с ранее описанными нами данными [1]. Интеллектуально развитые дети оказываются более активными, усидчивыми, эмоционально благополучными, приспособленными и любознательными. При этом во 2 классе у мальчиков в отличие от девочек интеллектуальное развитие связано с активностью и любознательностью, а у девочек – со здоровьем. В 3 классе интеллектуальное развитие девочек также связано со здоровьем, в отличие от мальчиков. Наиболее гармонично развитыми оказались девочки в 3 классе: у них структуры связей вербального и невербального интеллекта, во-первых, очень похожи, чего нет в других группах, во-вторых, включают наибольшее число связей.

Интерес в связи с целью нашего исследования вызывает то, какого ребёнка сам учитель оценивает как интеллектуально развитого (14.УО). Оказывается, что практически во всех группах учителя ассоциируют умственное развитие только с вербальным интеллектом (кроме мальчиков 2 класса, у которых оценка умственного развития учителем с показателями интеллекта не коррелирует). Ни в одной группе нет связи шкалы 14.УО с невербальным интеллектом, то есть, учителя «не видят» эту сторону развития, и, значит, она «выпадает» из учебного процесса. Это в итоге поддерживает дисбаланс в интеллектуальном развитии учащихся («вербализм»), который обычно даёт о себе знать несколько позже, при изучении курсов физики и химии.

Кроме показателя вербального интеллекта восприятие ученика учителем как умственно развитого связано во всех половозрастных группах с усидчивостью (9.Н) (кроме девочек 3 класса) и нормативностью (7.А). Для мальчиков 1 класса также – с большей активностью (2.Д), общительностью (3.У), доброжелательным отношением к взрослым (5.ВВ). Для восприятия мальчиков 2 класса как умственно развитых ведущей оказалась система их отношений со сверстниками: популярность у сверстников (КСВ), доброжелательность к ним (8.ВД), низкая тревожность (6.ТД), эмоциональное благополучие (11.НС). Умственное развитие мальчиков 3 класса в глазах учителя аналогично связано с системой детских отношений (6.ТД, 8.ВД), а так же с доброжелательностью к взрослым (5.ВВ), любознательностью (1.НД), эмоциональным (10.ЭН) и социальным (12.С) благополучием.

Девочки в 1 классе воспринимаются учителем как умственно развитые, если они одновременно популярны у сверстников (показатель КСВ), эмоционально благополучные (10.ЭН) и здоровые (15.Б, 16.Ф). Девочки во 2-м классе воспринимаются учителем как умственно развитые, если они, как и в 1-м классе, популярны у сверстников (показатель КСВ), эмоционально (11.НС) и социально благополучные (12.С), а так же активные (2.Д), любознательные (1.НД), общительные (3.У), доверяют взрослым (4.ТВ). Девочки в 3-м классе воспринимаются учителем как умственно развитые, если они активные (2.Д), общительные (3.У), доброжелательные к детям (8.ВД), эмоционально благополучные (10.ЭН, 11.НС).

В итоге, обобщённый портрет умственно развитого младшего школьника – усидчивый, организованный, доброжелательный, эмоционально и социально благополучный, популярный у сверстников, общительный, активный ребёнок – «положительный» во всех отношениях. Но ведь из выявленных связей только часть соотносится с умственным развитием. Действительно, умственно развитые дети являются одновременно более организованными и усидчивыми. Они с большей лёгкостью устанавливают и поддерживают отношения со сверстниками (так как для них эта задача более лёгкая) и, как следствие, эмоционально благополучные. Другая же часть характеристик, таких как аномальность, негативизм, враждебность, тревожность, эмоциональная напряжённость и невротизация, может быть связана с семейной ситуацией ребёнка. А степень активности, общительности, открытости к новым обстоятельствам, усидчивость – с его типологическими особенностями (темпераментом, акцентуациями характера), типом и состоянием нервной системы.

Вследствие такого смещения ребёнка непопулярный, замкнутый, эмоционально неблагополучный, из проблемной семьи, с ненормативным поведением, враждебно настроенный к взрослым и/или детям и даже просто болезненный или некрасивый может произвольно восприниматься учителем как умственно неразвитый и поэтому неуспевающий. Подобные установки со стороны значимого взрослого обладают значительным суггестивным действием.

То есть, ожидания со стороны учителя как значимого взрослого, особенно если обе стороны их не осознают, могут вызвать у ребёнка комплиментарное к этим ожиданиям поведение. В таком случае ребёнок будет проявлять себя как умственно неразвитый, хотя в других условиях мог бы демонстрировать интеллектуальную и учебную успешность.

Выводы.

1. Популярность девочек и мальчиков связана по оценке учителя с разными факторами: у девочек во всех возрастных группах – с более высоким уровнем развития интеллекта, у мальчиков популярность связана с интеллектом только во 2 классе. В 1 классе популярные девочки, кроме того, что умственно развиты, одновременно усидчивы, спокойны, а мальчики – активные и доброжелательные. Во 2 классе структуры популярности у мальчиков и девочек достаточно близки и включают активность, усидчивость, эмоциональное благополучие и умственную развитость. При этом девочки – нормативные, а мальчики – открытые для нового опыта. В 3 классе популярность девочек связана с характеристиками, присущими детям во 2 классе, а также общительностью и физическим здоровьем. Таким образом, девочка, чтобы быть популярной, должна соответствовать гораздо более разнообразным ожиданиям, требованиям по сравнению с мальчиком: она должна быть усидчивой, нормативной, эмоционально развитой и при этом общительной, энергичной, интеллектуальной и привлекательной, в то время как от мальчика ждут активности, настойчивости и готовности экспериментировать.

2. Интеллектуально развитые дети одновременно более активные, усидчивые, эмоционально благополучные, приспособленные и любознательные. При этом во 2 классе интеллектуальное развитие у мальчиков связано с активностью и любознательностью, а у девочек – со здоровьем. В 3 классе интеллектуальное развитие девочек также связано со здоровьем, в отличие от мальчиков. Наиболее гармонично развитыми оказались девочки 3 класса: у них структуры связей вербального и невербального интеллекта очень похожи, в отличие от других возрастных групп, и содержат наибольшее количество связей.

3. Представляется интересным, какого ребёнка сам учитель оценивает как умственно развитого: практически во всех возрастных группах учителя ассоциируют умственное развитие учеников только с вербальным интеллектом и «не видят» невербального интеллекта. Это приводит к дисбалансу в интеллектуальном развитии учащихся.

По собственным оценкам учителей умственно развитый младший школьник в целом – усидчивый, доброжелательный, эмоционально и социально благополучный, популярный у сверстников, общительный, активный ребёнок – беспроблемный, хорошо адаптированный. При этом обращает внимание, что из перечисленных характеристик только часть связаны именно с умственным развитием, в то время как остальные – с особенностями семьи, темпераментом, акцентуациями характера, типом и состоянием нервной системы ребёнка. Вследствие такого смещения ребёнок непопулярный, замкнутый, эмоционально неблагополучный, из проблемной семьи, с ненормативным поведением, враждебно настроенный к взрослым или детям и даже просто болезненный или некрасивый может произвольно восприниматься учителем как умственно неразвитый и поэтому неуспевающий. Подобные установки со стороны учителя как значимого взрослого могут оказывать внушающее действие на ученика, вызывая комплиментарное поведение. В таком случае ребёнок будет действительно проявлять себя как умственно неразвитый.

Литература

1. Гимаева Ю. А. Взаимосвязи между компонентами школьной дезадаптации у учеников младших классов // Вісник Харківського національного університету. Серія «Психологія». № 857. 2009 р. С. 10-17.
2. Межличностное восприятие в группе / Под ред. Г.М.Андреевой, А.И.Донцова. – М.: Изд-во Моск.ун-та, 1981. – 295 с.
3. Рабочая книга школьного психолога / И.В.Дубровина, М.К.Акимова, Е.М.Борисова и др.; Под. ред. И.В.Дубровиной. – М.: Просвещение, 1991. – 303 с.

УДК 159.9(075.8)

Концепция волевой активности Д.Н. Узнадзе и современные подходы к изучению субъектной активности

Глушко О.И.

В рамках статьи осуществлен анализ представлений о волевой активности, ее механизмах и проявлениях выдающегося психолога Д. Н. Узнадзе. Рассмотрены стадии протекания волевого процесса и особенности субъективных переживаний человека в момент принятия волевого решения, внутренним механизмом которого является смена установки.

Ключевые слова: воля, волевая активность, субъектная активность, решение, смена установки.

У межах статті здійснено аналіз уявлень про волюву активність, її механізми та прояви видатного психолога Д. М. Узнадзе. Розглянуто стадії перебігу волевого процесу та особливості суб'єктивних переживань людини у момент прийняття волевого рішення, внутрішнім механізмом якого є зміна настанови.

Ключові слова: воля, волюва активність, суб'єктна активність, рішення, зміна настанови.

The analysis of the concept of volition, its mechanisms and forms of manifestation of the outstanding psychologist D. N. Uznadze are made in the article. The stages of the process of volition and peculiarities of the person's subjective experience in the moment of making decision, the internal mechanism of which is the change of settings, are presented.

Keywords: volition, volitional activity, agency, decision, change of a set.

Концепция волевой активности Д. Н. Узнадзе вызывает особый интерес в свете современных подходов к изучению субъектной активности, поскольку позволяет не только расширить представления о феномене волевой саморегуляции, но и по-новому взглянуть на механизмы возникновения самодетерминированной активности личности.

Понятие воли теснейшим образом связано с понятиями свободы, спонтанности, самоиницируемой активности. А. А. Волочков отмечает, что «в западной психологии с 30-х по 80-е годы XX века практически прекратились исследования проблемы воли» [1, с. 23]. По его мнению, это произошло потому, что в бихевиоризме и психоанализе утверждается зависимость поведения человека от внешних или внутренних факторов, а «проблема воли рассматривается в психологических системах, в которых признается активный характер поведения человека, кроме того, подчеркивается, что его деятельность заранее не предопределена» [1, с. 23]. В. А. Иванников также обращает внимание на то, что «в концепциях, отрицающих собственную активность человека или не придающих ей самостоятельного значения (например, бихевиоризм), понятию воли не находится места в их понятийном аппарате. Наоборот, внимание к собственной активности человека увеличивает интерес к проблеме воли» [4, с. 15–16]. Именно поэтому изучение волевой активности имеет большое значение для понимания предпосылок возникновения субъектной активности, рассматриваемой нами как интегративное, динамическое, контекстуализированное личностное свойство, которое позволяет субъекту осуществлять собственную деятельность самоиницировано, самодетерминировано, саморегулируемо, осмысленно и творчески [3].

Таким образом, целью данной статьи является обсуждение представлений о воле Д. Н. Узнадзе в контексте современных подходов к изучению субъектной активности.

Говоря о роли воли в поведении человека, Д. Н. Узнадзе подчеркивает ее значение для осуществления «самоактивности», отмечает особые переживания собственной субъектности, авторства, возникающие у человека в момент волеизъявления: «воля переживается как активность «я» или «я» переживается в воле активным, действующим» [6, с. 318]. Без сомнения, данные представления, присутствующие в работах большинства исследователей воли, скорее сближают, нежели выделяют уникальность и неповторимое своеобразие подхода к изучению воли Д. Н. Узнадзе. В то же время, в данной концепции, в отличие от многих других, предпринята попытка приблизиться к решению основной проблемы исследования воли, которая, по словам Л. С. Выготского, состоит в необходимости «...с одной стороны, объяснить детерминированный, каузальный, обусловленный ...ход волевого процесса, ...а с другой, – применяя такой научный подход к объяснению волевого процесса, сохранить в воле то, что ей присуще, ... что делает детерминированное, каузальное, обусловленное действие человека в известных обстоятельствах свободным действием» [2, с. 461].

Нам представляется, что в подходе к изучению воли Д. Н. Узнадзе можно выделить два наиболее важных направления, освещение которых поможет раскрыть специфику его позиции, проявившуюся при решении данной задачи, а именно: 1) постулирование принципиального отличия волевой активности от остальных видов активности с выделением соответствующего критерия, и 2) описание переживаний субъекта в момент осуществления волевой активности. Рассмотрим первое из них.

Д. Н. Узнадзе обращается к понятию воли, пытаясь обозначить специфичность труда как особой формы активности человека в отличие от импульсивного поведения и поведения обслуживания, вызванных актуальными потребностями. Такой уникальной особенностью, по его мнению, следует считать направленность труда на удовлетворение «возможной», а не

наличной потребности – потребности, которая не представлена в конкретной ситуации, но лишь может возникнуть через какое-то время. Более того, Д. Н. Узнадзе определенным образом противопоставляет «возможные» потребности актуальным, утверждая, что «...в случае воли источником деятельности или поведения является не импульс актуальной потребности, а нечто совсем иное, что иногда даже противоречит ему» [6, с. 319].

Следует отметить, что в данном вопросе позиция Д. Н. Узнадзе представляется нам несколько противоречивой, поскольку он признает, что любая активность начинается с потребности, а значит: во-первых, «возможная» потребность, по-видимому, не менее действенна, нежели актуальная (что приводит к необходимости продолжения поисков различительного критерия между импульсивным и волевым поведением). Во-вторых, согласно теории деятельности А. Н. Леонтьева, деятельность не может направляться потребностью как таковой – она побуждается мотивом (опредмеченной, конкретизированной потребностью), следовательно, для того, чтобы деятельность началась, – потребность (даже если ее окончательное достижение и отсрочено во времени) должна быть опредмечена уже перед ее началом, т. е. будучи «возможной» потребностью, она не может направлять деятельность. В-третьих, любая активность полимотивирована [5], а потому крайне трудно предположить, что трудовая деятельность человека всегда подчинена только «будущим» потребностям, в то время как в процессе ее протекания могут реализоваться и вполне актуальные потребности.

Данное противоречие еще более усиливается указанием Д. Н. Узнадзе на неизвестно откуда взявшуюся способность человека объективировать свои желания, локализуя источник активности в себе самом. Для того, чтобы раскрыть данное утверждение, обратимся к представлениям Д. Н. Узнадзе о принятии решения и осуществлении волевого акта.

Согласно Д. Н. Узнадзе, волевая активность возникает лишь на определенном этапе, в некий переломный момент активности, который сопровождается сменой установки. Этот момент, названный им объективацией, есть выход за пределы наличной ситуации и возможность переосмыслить свои собственные установки. Таким образом, если рассмотреть данное явление шире – это есть момент «приложения» свободы субъекта к механистически разворачивающейся импульсивной активности. Д. Н. Узнадзе также точен и в указании «места» данного «приложения» – момент возникновения противоречия, сомнения, находясь на этапе которого личность пересматривает свое поведение.

Осмысление ситуации, которая возникает в момент появления противоречия является началом субъектной активности, поскольку с него начинается принятие ответственности субъекта за свои действия, согласование собственных мотивов и целей, трансформирование своей деятельности. Рассмотрим подробнее последовательность действий и переживаний, посредством которых человек реализует функции субъектно активного организатора собственной деятельности на этапе осмысления ситуации и своего места в ней, представление о котором было выстроено нами как на основании описания проявлений и характеристик волевой активности Д. Н. Узнадзе, так и с учетом современных исследований субъектной активности (см. рис. 1).

Сталкиваясь с противоречием и намереваясь понять причину его возникновения, субъект нередко пытается определить значимость для себя отдельных действий и операций, устанавливая соотношения между мотивом и целью собственной деятельности – решая «задачу на смысл» [5]. Осознав несоответствие между мотивом и целью, субъект стремится изменить содержание отдельных компонентов своей деятельности – изменяет свои цели и свое отношение к ситуации; корректирует действия, желая достичь максимальной эффективности; создает наиболее подходящие условия для осуществления намерения.

Важным моментом утверждения своеобразия субъектной, волевой активности по отношению к другим видам активности является то, что в образе ситуации, которая ей предшествует, присутствует не только недовольство смыслом, не только осознание необходимости изменений, вызванных сравнением этого смысла с идеальными образами, присутствующими в сознании, но и, что особенно важно, одновременно с ними в сознании присутствует и образ самоэффективности. Субъект приступает к действию только тогда, когда представляет себя достаточно компетентным, эффективным, способным осуществить запланированное.

Д. Н. Узнадзе объясняет данные состояния актом решения, который «преобразует» субъекта. Согласно его объяснению механизм такого преобразования – смена установки, которая сопровождается четким переживанием «я действительно хочу!», в отличие от недифференцированного «я хочу». В этом важном «действительно хочу», на наш взгляд, сосредоточено, во-первых, четкое осознание конкретного желания, на котором сконцентрировано внимание, заострен фокус сознания, а во-вторых, «я действительно хочу» обозначает, что субъект уже принял решение достигать желаемого, чувствует собственную компетентность, уверен в своей эффективности.

Сомнения, порожденные чрезмерными размышлениями о возможностях осуществления действия, могут стать препятствием для веры в собственный успех, поскольку вера – это не столько знание, сколько убежденность, нередко иррациональная, предполагающая определенный «скачок» в неизвестное, непредсказуемое. Возможно, именно поэтому тщательное рефлексирование, попытка все проконтролировать и проверить как в

обстоятельствах осуществления запланированного, так и в себе, может стать преградой на пути достижения цели, увеличить разрыв между планом и его реализацией.

Именно поэтому, планируя деятельность, субъекту необходимо в определенный момент абстрагироваться от осознания собственной несовершенности (если таковое имеется), специфически сузить фокус сознания и, исключив из его «объектива» себя как «неидеального», максимально сконцентрироваться на поставленной задаче и начать действовать. Вот почему, как отмечал М. Чиксентмихай, люди, которые переживают состояние «потока» («flow»), максимально погружены в ту деятельность, которую выполняют и полностью «забывают» о себе, будучи нацелены исключительно на ее предмет, испытывая при этом положительные эмоции, воспринимая труд как наслаждение [7].

Итак, самостоятельный характер цели характеризуется не сходством, или различиями между извне заданным и самостоятельно предложенным ее вариантами, а тем, насколько цель соответствует мотиву, т. е. каков смысл деятельности. Делать не то, что предписано, но и не то, что прямо ему противоречит в знак сопротивления и бунта, однако то, что соответствует собственной иерархии мотивов, собственным идеалам и смыслам. Описанная последовательность переживаний и действий субъекта на стадии осмысления субъектной активности представлена на рис. 1.

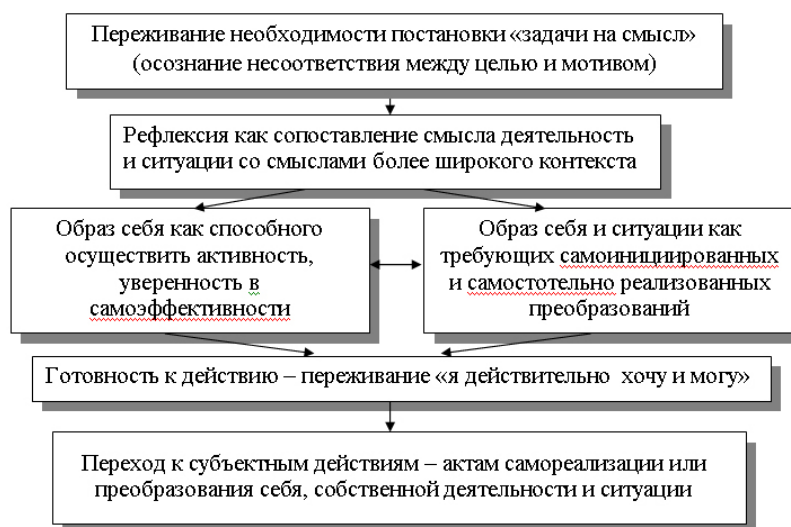

Рис. 1. Последовательность переживаний и действий субъекта на стадии осмысления субъектной активности

Противоречие, с которого начинается субъектная активность, является отправной точкой и для начала волевой активности в концепции Д. Н. Узнадзе. Более того, на наш взгляд, данный момент крайне важен еще и потому, что описывая его, великий психолог пытается постигнуть тайну психики, тайну активности и свободы. Однако этот же момент может быть понят и как критический, переломный, поскольку именно в данном вопросе особенно заметно то, как желание обнаружить и описать возникновение воли, уткнувшись в тупик нерешенной психофизической проблемы, становится отправным пунктом отрицания воли. Так, подробно описав феноменологию воли, Д. Н. Узнадзе указывает на механизм ее возникновения – смену установки, – но не может объяснить его причину. Поясним детальней предпосылки подобного суждения.

Прежде всего, выделяя момент решения в качестве отправной точки волевого акта, Д. Н. Узнадзе не поясняет причины его возникновения. В стройном и логичном ряде его рассуждений появляется не вполне обоснованная фраза: «...субъект внезапно чувствует, что он действительно и окончательно хочет выполнить определенный акт...» [6, с. 333]. За данным утверждением следует описание акта решения как момента смены установки, однако, к причинам и самой возможности подобной смены Д. Н. Узнадзе так и не возвращается.

Можно лишь предполагать какие причины привели великого мыслителя к данной непоследовательности, тем не менее, очевидно, что исходная возможность смены установки, путем ее осознанного пересмотра, выходит далеко за пределы психологии воли – ее корни, на наш взгляд, следует искать все в той же главной, по мнению Л. С. Выготского проблеме психологических исследований воли – проблеме научного обоснования ее свободного характера. Действительно, кажется несколько удивительным, что субъект, побуждаемый актуальной потребностью, реализующий импульсивное поведение и поведение обслуживания, начинает осознавать свои возможности и направлять свое поведение осмысленно и субъектно «внезапно». По-видимому, стараясь подчеркнуть самоактивность субъекта в момент осуществления воли, Д. Н. Узнадзе, также как и многие другие исследователи данного вопроса, останавливается перед «пропастью», пролегающей между детерминированным и свободным. «Заглядывая» в нее, он пытается «проложить мостик» между импульсивным и волевым поведением, заполнить

пустоту произвольной сменой установки так же, как Л. С. Выготский пытался заполнить этот промежуток произвольным использованием знака как психологического орудия.

Следует отметить, что осуществляя подобный критический анализ, мы стремились выделить и проанализировать те специфические «точки роста» концепции волевой активности Д. Н. Узнадзе, которые могут стать основой для дальнейшего исследования такого чрезвычайно актуального как для общества, так и для науки вопроса как развитие воли. Нам также представляется, что данная задача не может быть решена в рамках одной лишь психологии. По-видимому, для решения данного вопроса не просто целесообразно, но необходимо обратиться к философской традиции изучения свободы и активности.

Литература

1. Волочков А. А. Активность субъекта как фактор психического развития (гипотезы, модели, факты) / А. А. Волочков // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 3. – С. 22–31.
2. Выготский Л. С. Лекции по психологии / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 2. – С. 362–465. (Собр. соч. в 6 т.)
3. Глушко О. І. Психологічна структура та форми прояву суб'єктної активності особистості : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. психол. наук : спец. 19.00.01 «Загальна психологія. Історія психології» / О. І. Глушко. – Д., 2011. – 20 с.
4. Иванников В. А. Психологические механизмы волевой регуляции : автореф. дис. на соискание научн. степени доктора психол. наук : спец. 19.00.01 «Общая психология. История психологии» / В. А. Иванников. – М., 1989. – 46 с.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. / А. Н. Леонтьев. – М. : Политиздат, 1975. – 304 с.
6. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб. : Питер, 2001. – 416 с.
7. Чиксентмихайи М. В поисках потока: психология увлеченности повседневной жизнью / М. Чиксентмихайи. – Basic Books, 1998. – 112 с.

УДК 159.922.1

Социальные установки в сфере менеджмента: гендерный аспект проблемы

Головнева И.В.

The article deals with questions of social attitudes and stereotypes in the field of management. The influence of gender stereotypes and attitudes that are manifested in the perception of female and male leadership. By author study showed that the images of women-managers and man-manager includes a bright expression of gender characteristics. But if the image of the man head is clear enough, then the analysis of representations of the image of an effective women leader aborted in the public consciousness of the social attitudes and stereotypes.

У статті аналізуються питання соціальних установок і стереотипів у сфері менеджменту. Відмічений вплив гендерних установок і стереотипів, що виявляються в уявленнях про жіноче і чоловіче керівництво. Проведене автором дослідження показало, що образи жінки-керівника і чоловіка-керівника включають яскраво-виражені гендерні характеристики. Але, якщо образ чоловіка-керівника є досить чітким, то аналіз уявлень про образ ефективної жінки-керівника свідчить про несформованість в суспільній свідомості відповідних соціальних установок і стереотипів.

В статье анализируются вопросы социальных установок и стереотипов в сфере менеджмента. Отмечено влияние гендерных установок и стереотипов, проявляющихся в представлениях о женском и мужском руководстве. Проведенное автором исследование показало, что образы женщины-руководителя и мужчины-руководителя включают ярко-выраженные гендерные характеристики. Но, если образ мужчины-руководителя является достаточно четким, то анализ представлений об образе эффективной женщины-руководителя свидетельствует о несформированности в общественном сознании соответствующих социальных установок и стереотипов.

Постановка проблемы. Теоретико-методологические основы анализа психологических явлений через призму установки, заложенные работами Д.Н. Узнадзе и психологов его школы, были реализованы при изучении социального поведения человека, и, в частности, его гендерных аспектов.

В рамках теории Д.Н.Узнадзе установка трактовалась как целостное, недифференцированное и бессознательное состояние субъекта, возникающее при столкновении потребности субъекта с объективной ситуацией ее удовлетворения и, соответственно, предшествующее его деятельности. [12]. Фактически, установка выступает в качестве опосредствующего звена между отдельными состояниями, функциями, элементами психической сферы индивида и объективной реальностью, связанной с окружающим миром.

Продолжением работ Д.Н. Узнадзе стала концепция «социальной установки» Ш.А. Надирашвили [11].

В исследованиях социальных установок, проведенных в контексте грузинской школы психологии, было показано, что они представляют собой сложную организацию, в которой могут быть выделены эмоциональные, смысловые и поведенческие аспекты предрасположенности к восприятию и поведению в отношении различных социальных объектов и ситуаций. При этом социальные поступки регулируются сложными социальными установками.

Установки обычно включают три компонента. Когнитивный компонент представляет собой наше мнение об объекте, эмоциональный – наши чувства по отношению к объекту, а поведенческий – наше фактическое поведение по отношению к объекту. Не имея определенных установок, мы больше полагаемся на эмоциональный компонент и высказываем свое отношение к чему-либо в терминах «нравится» или «не нравится».

Социальная же установка также представляет собой устойчивую систему взглядов и представлений, но при этом она может быть выражена в форме отрефлексированных суждений. Если процесс социализации объясняет, каким образом личность усваивает социальный опыт и, вместе с тем, активно воспроизводит его, то формирование социальных установок личности отвечает на вопрос: как усвоенный социальный опыт преломлен личностью и конкретно проявляет себя в ее действиях и поступках?

Социальная установка (аттитюд) представляет собой готовность к определенному виду социальной активности, ориентацию на какую-либо ценность, отношение к чему-либо или кому-либо. Аттитюд направляет внимание и действия человека к тем объектам, которые служат достижению его целей, а представления об этих целях и о способах их достижения обычно формируются в предшествующем опыте, на основе которого и складывается аттитюд [1].

Обладая свойством регуляции социального поведения, социальная установка помогает человеку адаптироваться к условиям социального мира, и оказывает влияние на значимые для человека отношения. Термин «социальный стереотип» по своему значению приближается к понятию «социальная установка». Основные функции социальных стереотипов связаны с установлением различий между группами и объяснением или оправданием уже сложившихся отношений между ними. Другими словами, социальные стереотипы в основном используются в качестве объяснительной модели уже сложившихся позитивных или негативных отношений между реальными группами [4].

Социальные стереотипы могут выполнять позитивную либо негативную функцию. Выполняя положительные функции, стереотипы существенно облегчают нашу жизнь. Они ускоряют восприятие и понимание ситуации, задают критерии для оценок, ориентируют в принятых в данном социуме ценностях, создают благоприятную почву для взаимопонимания. Но стереотипам присуща и негативная, искажающая реальность роль. В этом случае они сужают восприятие, формируют неточное или даже ложное мнение о происходящих событиях или людях. [5].

Социальные стереотипы и установки могут выступать в различных формах: стереотипные действия и ритуалы; обобщенные представления; общественное мнение; социальные ярлыки; типичные эмоциональные реакции и доминирующие чувства; устойчивые предписания и запреты. Глубинные механизмы функционирования многих психологических проявлений тесно связаны с концепцией установки. Например, понятие «свой-чужой» опираются на подсознательно сформировавшуюся у человека внутреннюю норму. От этой нормы обычно идёт неосознаваемый отсчёт наблюдаемого «отклонения» - то есть оценка ситуации как нормальной или девиантной (патологической, враждебной и т. п.).

Отметим, что этот процесс очень важен для формирования гендерной идентичности, так как осознание ребенком своей половой принадлежности происходит во многом благодаря отстройке от образа «Другого» (мальчики – такие, а девочки – другие). Феномен установки объясняет как смещаемость внутреннего эталона, которая обеспечивает способность человека адаптироваться к изменяющимся социальным и психологическим условиям среды, так и такие явления, как предубеждения по отношению к представителям противоположного пола, гомофобию, и т.п.

Сфера, в которой социальные установки и стереотипы проявляются особенно ярко – это сфера гендерных отношений.

Гендерные отношения представляют собой определенную структуру, пронизывающую все сферы социального бытия, которая производит и воспроизводит гендерное неравенство. Именно эта структура, как отмечает И.С.Клецина, есть тот невидимый гендерный барьер, который должен преодолеть личность на пути к различным формам самоактуализации [7].

Гендерным установкам присущи те же функции, что и всем прочим социальным установкам: инструментальная (приспособительная, адаптивная), эго-защитная, функция выражения ценностей и функция организации знаний. В гендерных установках отражены распространенные нормы поло-специфичного поведения, т. е. поведения, характерного для мужчин и женщин как представителей социальных групп [9].

Гендерные установки формируют поведение в соответствии с общепринятыми представлениями о маскулинном и фемининном образах, позволяют адаптироваться к социуму, избежать осуждения и заслужить одобрение. Они помогают человеку сохранять и утверждать свою идентичность, дают возможность выразить себя как субъекта определенного пола и носителя гендерно окрашенных знаний и представлений.

Как отмечают многие исследователи, особенностью гендерных отношений является то, что они кажутся «естественно заданными», а значит, мало подверженными прямому или косвенному социальному воздействию.

На самом же деле, к одним из наиболее устойчивых социальных стереотипов, влияющих на восприятие человеком человека относятся стереотипы, связанные с полом. Такие, в частности, как предназначение женщины — быть матерью и женой; женщина не может быть руководителем; мужчины умнее женщин; мужчины должны руководить и т.п.

Насколько гендерные установки и стереотипы проявляются в сфере менеджмента – вопрос, имеющий не только научную, но и практическую значимость. Современное общество предъявляет единые требования к работающим – как к мужчинам, так и к женщинам. И те, и другие обязаны быть высокопрофессиональными, эффективными в решении возникающих в их деятельности проблем, надежными и исполнительными.

Но, при этом, в общественном сознании до сих пор существуют стереотипы, отводящие женщине вторичную, вспомогательную роль при мужчине – активном деятеле.

Особенно сильна власть гендерных стереотипов в сфере управления и лидерства. Причем, нужно отметить, что сомнения в своих способностях быть эффективным лидером испытывают и сами женщины, что является серьезной преградой для их профессионального становления. Конечно, в большей степени сложности становления женщины как лидера организации, лидера в своей профессиональной группе обусловлены трактовкой гендерных особенностей с точки зрения слабости женщины, отсутствием, зачастую, поддерживающей среды внутри организации, объективно существующими в нашем обществе сложностями в интеграции женщиной двух важнейших жизненных сфер – работы и семьи.

Если же говорить об объективной реальности, то психологические исследования показывают, что женщины не менее карьерно – ориентированы чем мужчины. Действительно, существуют различия в успешности мужчин и женщин в различных сферах деятельности, но нет значимых различий в интеллекте. Более того, именно женщины демонстрируют высокие показатели Е. Q (эмоционального интеллекта), который является предпосылкой успешности деятельности в системе «Человек-Человек», к которой и относится управленческая деятельность.

Но, в соответствии с традиционными представлениями, сложившимися в социуме, предполагается, что женский труд должен носить исполнительский, обслуживающий характер, быть частью экспрессивной сферы деятельности. Женщины чаще всего работают в сфере торговли, здравоохранения, образования. Для мужчин возможна творческая и руководящая работа, их труд концентрируется в инструментальной сфере деятельности.

Подобное распределение гендерных ролей подтверждалось концепцией взаимодополняемости полов, разработанной Т. Парсонсом и Р. Бейлзом. [2]. А, по мнению С. Фаррела и Д. Лорбер, в обществе существует «табу на подобие», которое утверждает и подтверждает существование половых различий в социальных ролях мужчин и женщин, детерминирующее гендерное неравенство [13].

Соответственно, стереотипное восприятие «настоящей женщины» не коррелирует с не менее стереотипным образом «настоящего руководителя», который, априори, воспринимается как представитель мужского пола.

Результаты исследования. Целью нашего исследования стало выявление социальных установок по отношению к гендерным аспектам менеджмента. В исследовании принимали участие 40 менеджеров среднего звена, 20 мужчин и 20 женщин в возрасте от 27 до 45 лет, имеющих высшее образование и опыт работы на руководящей должности не менее трех лет. Для проведения исследования была разработана анкета, состоящая из 10 вопросов. Анкетирование проводилось в индивидуальном порядке [3]. Был проведен вторичный анализ результатов, полученных в исследовании. Один из наиболее интересных результатов, демонстрирующих противоречивость интеграции современных реалий и гендерных стереотипов, показал ответ на приведенный ниже вопрос.

Отвечая на вопрос: «Если вы могли бы выбирать, то кого бы хотели видеть своим руководителем?» - 70% опрошенных, как мужчин, так и женщин, с одной стороны, отметили, что пол руководителя не имеет значения, но, при этом, ни один из мужчин не выбрал бы руководителем женщину и только 5% женщин предпочли руководителя своего пола.

Отвечая на вопрос, «Какие личностные качества присущи эффективному руководителю - мужчине?», руководители-мужчины отметили, прежде всего качества, как предприимчивость, уверенность в себе, эмоциональную стабильность, стремление к достижениям, и умение четко формулировать цели. Женщины-руководители назвали энергичность, инициативность, решительность, в том числе и в условиях риска, умение четко формулировать цели, ответственность, уверенность в себе, а также широту взглядов и глобальный подход. Подавляющее большинство названных опрошенными качеств эффективного руководителя – мужчины относятся к группе маскулинных.

Ответы на вопрос, «Какие личностные качества присущи эффективному руководителю - женщине?» показали следующее: мужчины выделяют у женщины-руководителя такие качества, как ответственность, предприимчивость, личное обаяние, а женщины – так же личное обаяние и эмоциональную стабильность. Тут мы видим уже наличие фемининных характеристик личности.

Показательно, что набор характеристик, описывающих эффективного мужчину – руководителя, значительно шире, чем образ женщины-руководителя, что позволяет характеризовать его как более устойчивый (перечислены были те характеристики, которые отметили 40 и больше процентов опрошенных).

Также опрошенным было предложено назвать наиболее типичные недостатки женщины и мужчины-руководителя. Были получены следующие ответы: наиболее типичными недостатка женщины-руководителя мужчины считают эмоциональную нестабильность (45%), женщины также считают основным недостатком эмоциональную нестабильность (55%) и пристрастность (35%).

Анализ всех перечисленных мужчинами-руководителями недостатков, показал, что в представлениях мужчин о недостатках женщин-руководителей доминируют типично фемининные качества (эмоциональная нестабильность, нерешительность, неуверенность в себе, зависимость и т. д.).

На предложение назвать наиболее типичные недостатки мужчины-руководителя респонденты обеих полов дали широкий спектр ответов, но наиболее типичным недостатком мужчины-руководителя сами мужчины считают жадность, а женщины – самоуверенность.

Для нас представлялось важным выявить гендерные особенности мотивации к занятию управленческих должностей, поэтому ряд вопросов разработанной нами анкеты связан именно с этим.

В ответах на вопрос: «Я хотел(а) бы стать руководителем потому, что ...» можно выделить следующие ведущие мотивы:

1. У опрошенных мужчин ведущими мотивами стали: самореализация; достижение материального благополучия; профессиональный рост, стремление к власти.

2. У женщин-руководителей главными мотивами к занятию руководящих должностей стали мотивы самовыражения, стремления к власти, достижения материального благополучия.

Таким образом, мотивация к занятию управленческих должностей у женщин и мужчин практически не отличается, но вот ответ на вопрос: «Я не хотел(а) бы быть руководителем потому, что ...» показал наличие ярко выраженных гендерных различий. Причинами

нежелания у мужчин стали: боязнь ответственности, ограничение свободного времени, необходимость все делать самому, боязнь критики и конкуренции. У женщин-руководителей список причин значительно шире: большая ответственность, невозможность сочетать должность руководителя и наличие семьи, нежелание быть жестокой, неуверенность в себе, боязнь быть в центре внимания, желание работать по своей специальности.

Общим внутренним барьером для занятия руководящих должностей, как для мужчин, так и для женщин является боязнь ответственности. Но у женщин проявился ряд ограничений, связанных со спецификой их социальных и гендерных ролей (трудности в совмещении работы и семьи, нежелание быть жесткой, находиться в центре внимания).

В целом, проведенное нами исследование показало, что образ женщины-руководителя менее четко представлен в сознании опрошенных по сравнению с образом мужчины-руководителя, значительно шире разброс мнений и, как результат, мы можем говорить о несформированности (пока!) в общественном сознании социальных установок и стереотипов, связанных с личностными характеристиками, присущими эффективному руководителю женского пола. Подчеркну еще раз, что речь идет именно об эффективном руководителе-женщине, так как негативные социальные установки по отношению к женскому руководству и лидерству имеют в социуме вполне устойчивый характер. Образ же мужчины-руководителя более стереотипизирован и он во многом совпадает с образом эффективного руководителя «вообще», так как он строится в соответствии с социальными установками и стереотипами об эффективности именно мужского руководства и лидерства. В исследованиях С.А. Ильиных также было выявлено влияние гендерных установок в оценке личностных качеств мужчины-руководителя и женщины-руководителя, необходимых для достижения успеха. Выявилось, что женщина-руководитель должна обладать большим числом позитивных личностных качеств, чем мужчина-руководитель. Вероятно, тем самым, как предполагает автор исследования, она сможет опровергнуть гендерные стереотипы о том, что занимается «не своим» делом. Исследования С.А. Ильиных показали, что мужской группой опрошенных поддерживались гендерные стереотипы и гендерные представления о женской противоречивости, женской нелогичности, женской конфликтности, страхе утраты женщинами женственности, невозможности одновременного исполнения женщиной ролей матери, жены, работницы на хорошем уровне, о значительно меньшем числе личностных качеств руководителя, имеющихся у женщины, о прирожденном лидерстве мужчин, о необязательности женского карьерного продвижения и акценте на семье и детях. Мнение же о мужской агрессивности, страхе утраты мужчинами маскулинности, меньшей мужской интуитивности в большей мере присутствовало у женской группы опрошенных.

Очень показательным, что и в этом исследовании проявилась противоречивость интеграции современных реалий и гендерных стереотипов. Так, с одной стороны, позиция о равной социальной ответственности мужчин-руководителей и женщин-руководителей разделялись обеими группами респондентов, но, при этом, обе группы сошлись на том, что мужчины склонны к инновационному, а женщины – к традиционному стилям управления. [6].

Проводя исследование социальной роли женщины-руководителя, М.В. Михайлова приходит к выводу, что проблемность социальной роли женщины-руководителя обусловлена противоречием между гендерными социокультурными стереотипами феминных и маскулинных характеристик личности, возникающими при раскрытии лидерского потенциала женщины и ролевым гендерным конфликтом. [10].

Выводы. Гендерные установки и гендерные стереотипы порождают гендерные предубеждения или предрассудки. Как отмечает И.С. Клецина, предубеждения - это социальная установка с искаженным содержанием ее когнитивного компонента, вследствие чего человек воспринимает некоторые социальные объекты в неадекватном виде, это предвзятое мнение, по отношению к представителям другого пола. [8]. В гендерных предубеждениях отражены распространенные нормы полоспецифичного поведения, поэтому предубеждения возникают по отношению к тем субъектам, которые, как представляется, нарушают нормы традиционного ролевого поведения мужчин и женщин. К этой категории относятся и женщины на руководящих постах. Поэтому, научные и практические разработки в сфере психологии менеджмента невозможны без обращения к изучению социальных установок и, прежде всего тех, которые связаны с полом.

Исследование социальных установок приобретает особое значение в условиях глобальных социальных перемен, когда быстро идущие изменения в различных сферах общественной жизни оказывают влияние не только на макросоциальные процессы, но и на индивидуальную жизнь каждого конкретного человека. Глобальные социальные трансформации изменяют систему ценностей, культуру, меняют понятие «нормы». Все это приводит к тому, что формируется противоречивый набор гендерных норм, стереотипов, правил поведения. Ярчайшим примером таких противоречий является сфера менеджмента, где с каждым годом увеличивается количество женщин, занимающих руководящие посты (особенно это заметно на уровне среднего руководства), но при этом гендерные стереотипы и социальные установки, связанные с полом руководителя, меняются медленно и противоречиво.

Сомнения в эффективности женщин-руководителей, существующие на ментальном

уровне как у мужчин, так и у самих женщин, препятствуют оптимальному решению кадровых проблем в организации, становятся, в ряде случаев, преградой в планировании карьеры женщиной.

Одним из путей разрешения таких негативных ситуаций может как раз стать широкомасштабные исследования гендерных установок в сфере менеджмента и изучение реальной ситуации с эффективностью деятельности руководителей обоих полов. Такие исследования проводятся и они показывают ряд различий в стилях управления, во взглядах, в подходах, в применяемых технологиях работы в зависимости от пола руководителя – но эти различия не определяют эффективность деятельности. Установки же при этом продолжают действовать, создавая эффект предубежденности по отношению к женщинам-руководителям. Изучение и выведение «на поверхность» этих противоречий может внести значимый вклад в преодоление эффекта «стеклянного потолка», когда на законодательном уровне у женщин нет ограничений в карьерном росте, а в реальности они не всегда могут преодолеть невидимую преграду установок, стереотипов и предубеждений.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология Учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Аспект Пресс, 2007. — 363 с.
2. Берн Ш. Гендерная психология / Ш. Берн. — СПб., 2001. — 320 с. — (Секреты психол.)
3. Головнева И.В. Исследование гендерных стереотипов в управленческой сфере / И.В. Головнева, Ю.Л. Твердохвалова // Теорія і практика управління соціальними системами: філософія, психологія, педагогіка, соціологія. - 2007. - № 2. - С. 21-28.
4. Донцов А.И., Стефаненко Т.Г. Социальные стереотипы: вчера, сегодня, завтра // Социальная психология в современном мире / Под ред. Г.М. Андреевой и А.И. Донцова. — М.: Аспект-Пресс, 2002, с. 76-95.
5. Змановская Е. В. Руководство по управлению личным имиджем / Е.В. Змановская. — СПб.: «Речь», 2005, с. 11-15.
6. Ильиных С.А. Гендерная концепция организационной культуры: Монография. — / С.А. Ильиных. - Новосибирск: НГУЭУ, 2009. — 320 с.
7. Клещина И.С. Гендерная проблематика в работах российских психологов // Гендерные проблемы в общественных науках / Отв. Ред. Н.М. Семашко. — М., 2001. — С. 72-84.
8. Клещина И.С. Развитие гендерной компетентности государственных и муниципальных служащих в процессе гендерного образования // «Женщина в российском обществе». Российский научный журнал. № 3 (44) - 2007. с. 60-65.
9. Малкина-Пых И.Г. Гендерная терапия - / И.Г. Малкина-Пых. - М., Эксмо, 2007 — 928 с.
10. Михайлова М.В. Социальная роль женщины-руководителя в современной российской гендерной культуре — Автореф. на соискание степени канд. социол. наук — / М.В. Михайлова. - М., 2009 — 21 с.
11. Надирашвили Ш. А. Понятие установки в общей и социальной психологии / Ш. А. Надирашвили. — Тбилиси : Мецниереба, 1974. — 171 с.
12. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования / Д. Н. Узнадзе. — М. : Наука, 1966. — 452 с.
13. Фаррел С., Лорбер Д. Принципы гендерного конструирования // Хрестоматия феминистских текстов. — СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2000. — С. 187-192.

УДК 159.964: 316.023

Коллективные установки и групповая идентичность

Горноста́й П.П.

В статье исследуется проблема функционирования группового психологического поля в различных социальных группах. В структуре этого поля выделяется сфера группового бессознательного и его наиболее важные элементы: коллективные установки и групповая идентичность. Описаны синергетические группы, в которых проявление группового бессознательного особенно сильно.

Ключевые слова: групповой субъект, групповое психологическое поле, групповое бессознательное, коллективные установки, групповая идентичность, синергетические группы.

У статті досліджується проблема функціонування групового психологічного поля в різних соціальних групах. У структурі цього поля виділяється сфера групового несвідомого і його найбільш важливі елементи: колективні установки та групова ідентичність. Описані синергетичні групи, у яких прояв групового несвідомого особливо сильний.

Ключові слова: груповий суб'єкт, групове психологічне поле, групове несвідоме, колективні установки, групова ідентичність, синергетичні групи.

In article the problem of functioning of a group psychological field in various social groups is investigated. In structure of this field the sphere group unconscious and its most important elements is allocated: collective attitudes and group identity. Are described synergetic groups in which display group unconscious is especially intense.

Keywords: group subject, group psychological field, group unconscious, collective attitudes, group identity, synergetic groups.

Проблема. Значение научного наследия Д. Н. Узнадзе оценивается, прежде всего, его вкладом в психологию бессознательного [12]. Им сформулирована уникальная миссия нашей науки: создать такую систему понятий, с помощью которой можно понять и объяснить даже досознательные явления, мистические и интуитивные представления человека. Одной из таких идей является идея «групповой психики» как системы, объединяющей индивидуальную психику людей, входящих в социальную группу. Сам Д. Н. Узнадзе не занимался напрямую проблемами социальной психологии, но развитие его последователями идей социальной установки и других приложений его теории к социальной психологии [7] свидетельствуют о плодотворности этого направления исследований.

Проблема существования группового субъекта с недавнего времени является одним из важных аспектов не только психологии групп, но и психологии личности, индивидуальности, теории и методологии субъекта [см. 10]. Социальность присуща самой природе психики человека – это положение вряд ли будет оспариваться современными исследователями. Но справедливо ли обратное – обладает ли свойствами субъектности группа, можно ли говорить о ее идентичности, поведении, настроении? Является ли это простой метафорой, или за этим скрыта глубокое психологическое содержание?

Психология уже давно опирается на различные представления о групповой психике, или, по крайней мере, на некоторые психологические модели, основанные на коллективных психических проявлениях социальных систем. Это, прежде всего – идеи В. И. Вернадского о ноосфере, или сфере коллективного разума человечества [2]. Это – теория архетипов коллективного бессознательного К. Г. Юнга [17]; понятие о поле, использованное (хоть и по-разному) К. Левиным [4] и Б. Хеллингером [14]; понятие «со-бессознательное», описанное Я. Л. Морено, одним из проявлений которого является феномен «теле» [6]. Наконец, в работах групповых психоаналитиков и их последователей активно используется понятие «групповое бессознательное», касающееся, прежде всего, малых групп людей, активно взаимодействующих друг с другом [1; 19; 21; 23].

Цель данной статьи – проанализировать идеи, касающиеся групповых психологических феноменов, и выяснить, какое место в них занимают представления о групповой идентичности и коллективных установках.

Для обозначения проявлений групповой психики мы будем использовать обобщенное понятие «групповое психологическое поле». Еще не вполне понятно, как оно формируется, но можно предположить, что когда собирается вместе группа людей, индивидуальная психика каждого из них, взаимодействуя между собой, образует некую метапсихическую систему, которая не сводится к сумме психических реальностей входящих в эту группу индивидов. Мы можем говорить о «голографическом эффекте» группового поля, которое могло бы быть выражено так: каждый член группы является не только носителем индивидуальной психики, но и обладает некоторой информацией о других людях и о группе в целом, причем не сводимой только к результатам прямой коммуникации. Иными словами, мы знаем о группе (и о других ее членах) больше, чем мы об этом догадываемся, и чем нам об этом сообщалось во внутригрупповом взаимодействии.

Групповое психологическое поле может функционировать на различных уровнях (по аналогии с индивидуальной психикой мы использовали трехкомпонентную модель): а) интрапсихический: имманентные свойства группы, прежде всего – групповая идентичность (идентичность группы); б) интерпсихический: особенности восприятия группами самых

себя и других групп; в) метапсихический: общегрупповые и надгрупповые (вплоть до трансцендентных) феномены, как продукты групповой психики, в основе которых лежат механизмы, связанные с групповыми (коллективными) установками. Групповая идентичность и групповые установки являются системообразующими факторами системы группового психологического поля.

Среди наиболее важных форм проявления групповой психики можно назвать: образ группы (групповое имаго); историю группы (групповые традиции); групповые ценности и символы; групповые стереотипы, предубеждения, мифы; групповые защитные механизмы; нарциссизм группы (групповую гордость, группоцентризм); групповую лояльность и групповую референтность; динамические процессы в группе, внутригрупповое и межгрупповое взаимодействие; групповой психологический климат; групповую дифференциацию; групповую интеграцию, сплоченность и др.

Отдельные формы находятся в различных взаимосвязях между собой. Образ группы (групповое имаго) сопряжен с групповыми ценностями и символами. Динамические процессы в группе связаны с групповой идентичностью и идентичностью группы: всплески групповой динамики всегда сопровождаются кризисом групповой идентичности (или изменениями в ее структуре). История группы может выступать в форме повествовательного текста (нарратива). Существует целое направление современной психологии – нарративная психология, которая исследует текстовую природу социально сконструированной реальности. Но текстовая информация может быть представлена не только в историях, но и в тайнах. Первое – это то, что мы рассказываем, второе – то, о чем умалчиваем, но оно тоже передается от индивида к индивиду, но на неосознаваемом уровне и принадлежит области группового бессознательного. Групповая лояльность представляет собой интересный и еще не до конца исследованный феномен, в основе которого лежит механизм обмена бессознательной информацией между индивидами и группами. Это видно на примере неосознаваемой лояльности в семейных системах, описанной И. Бузормени-Надем [18]. Групповые мифы тоже хорошо иллюстрируются примером семейных мифов, которые стали предметом изучения в миланской школе системной семейной психотерапии. Групповые защитные механизмы отличаются от индивидуальных психологических защит тем, что они направлены не на защиту эго человека, а на защиту группы (ее целостности, неприкосновенности, идентичности).

Уже сложилось определенное представление о коллективных (или групповых) установках, которое можно встретить в литературе, хотя оно еще не приобрело статуса научных категорий. Так, понятие установка используется в определении менталитета как характеристики состояния и поведения группы людей. С. В. Лурье в книге «Историческая этнология» подчеркивает важность коллективных установок в построении этнической картины мира [5]. Д. В. Ольшанский пишет о политических установках и национально-этнических стереотипах и установках [9]. В. Э. Франкл обосновывает роль установок в развитии неврозов. Так, он описывает симптомы коллективного невроза – установка на временность бытия, фаталистическая установка по отношению к жизни, коллективистское мышление и фанатизм [13, 73–76].

Под групповыми установками мы понимаем особую психическую готовность группы (как группового субъекта) к определенному типу или способу восприятия социальных объектов, реагирования, действия. Групповые (коллективные) установки не следует смешивать с понятием «социальная установка» (или аттитюд). Социальная установка – это характеристика индивида относительно его социального бытия, определяющая его социальное поведение, как члена группы, а групповые установки – это установки группы как субъекта социальной жизни. Они тесно связаны с групповыми стереотипами и предубеждениями. Групповые установки – это отношения группы–как–целого к другим большим и малым группам и к миру в целом, это регулятор групповых процессов, они определяют отношение к лидерам, отверженным и другим членам группы, которое «навязывается» группой и преломляется в индивидуальном сознании и индивидуальном бессознательном каждого отдельного члена группы. Коллективные установки – это механизм, лежащий в основе разных процессов: 1) формирования и изменения групповой идентичности; 2) групповой идентификации и как следствие динамических процессов в группе; 3) групповой дифференциации или, наоборот, деструктуризации; 4) групповой интеграции или дезинтеграции.

Групповое бессознательное является важной (и, пожалуй, наиболее интересной для исследования) составной подструктурой группового психологического поля. По мнению А. Синга, большая доля переживания группой себя относится к области бессознательного. Он дает следующее определение этого понятия: «Групповое бессознательное является интегрированным психосоматическим явлением, которое одновременно сидит в телах индивидуумов, находящихся в группе, и в пространстве группы–как–целого. <...> Групповое бессознательное является отличным, но не отдельным от воплощенных переживаний индивидуумов в группе – оно существует внутри и переживается через тело» [23, 16].

Существует ряд практических методов, исследующих групповое бессознательное. Пионерами здесь являются представители группового психоанализа (Ю. Е. Ван Вик [1], С. Фулкс [19], А. Синг [23] и др.). Значителен вклад системного семейного подхода (семья рассматривается как система с семейным и родовым бессознательным). Трансгенерационная

передача родовой (в том числе и бессознательной) информации исследуется в трансгенерационной психотерапии (А. А. Шутценбергер [15; 16], В. Волкан [24]). Системные расстановки активно вкладывают в модели группового (например, родового) бессознательного [14]. Значительный вклад в эмпирическую разработку этой проблематики принадлежит методам действия, в частности – социодраме, работающей с групповыми стереотипами и предубеждениями [20].

Отдельные методы (например, групповой психоанализ) непосредственно работают с бессознательным группы, формирующимся в аналитическом процессе. Но многие из перечисленных методов моделируют групповое психологическое поле (в том числе и групповое бессознательное), которое находится в другой реальности. Примеры – модель родового бессознательного в группе расстановок или модель социального поля в группе социодрамы. В последних случаях (особенно в расстановках) реальный прототип группового поля находится вовне и весьма отдален в пространстве и во времени от ситуации психотерапевтической группы. В то же время, чувства, ощущения и поведение заместителей в расстановках отражают аналогичные состояния реальных представителей рода, и хотя эти заместители с ними незнакомы, однако, многие из этих состояний довольно точно отражают вытесненную из группового сознания информацию. Вопрос моделирования является весьма относительным, в групповое бессознательное аналитической группы также привносится прошлый бессознательный опыт участников в форме переносов и проекций. Скорее всего, групповое психологическое поле является сложной системой, связанной с другими ее составляющими, простирающимися в очень широкие пространственные и временные координаты по принципу голографического эффекта (см. табл.).

Табл. Уровни групповой психики в различных социальных системах

	Структурные уровни групповой психики		
	первичный	промежуточный	глобальный
Социальные объекты	индивид	малые, средние и большие группы	человечество
Ситуация	«здесь и теперь»	от «здесь и теперь» до «там и тогда»	от «там и тогда» до «везде и всегда»
Форма бессознательного	индивидуальное бессознательное	групповое бессознательное	коллективное бессознательное (архетипы)

В характеристиках группового психологического поля многое на первый взгляд граничит с мистикой, и возникает соблазн построения различных эзотерических, парапсихологических, а иногда и просто мистических или магических моделей. Надо не спешить прибегать к паранаучному толкованию, а искать более простое и логическое объяснение, ведь простота часто является критерием истинности научной теории. Но феноменология группового психологического поля существует, о чем свидетельствуют закономерности вроде синдромов годовщины и семейных повторений [17; 18]. Многие практические методы используют эту феноменологию, не вдаваясь к придумыванию искусственных моделей (вроде вместилища космического разума), не подтвержденных достаточными фактами. Научные модели и трактовки этих феноменов помогают избежать обеих крайностей: игнорирования этих явлений в целом и впадения в мистику.

Рассмотрим некоторые феномены, связанные с бессознательным обменом информацией. Наиболее яркие из них – примеры трансгенерационной передачи. Как говорила Ф. Дольто: «Все, что замалчивается в первом поколении, второе носит в своем теле» [цит. по: 15, 30]. Непроработанные коллективные травмы наследуются потомками, которые не были травмированы, но переживают последствия травматизации. Об этом свидетельствует опыт психотерапевтической работы с потомками жертв и преступников [8; 20]. На бессознательном обмене информацией строятся закономерности, связанные с понятием справедливости и лояльности [18]. Они объясняют, например, причины такого явления, как кровная месть. Примеры телепатической связи и телеотношений (описанных Я. Морено) – тоже являются свидетельством в пользу бессознательного взаимодействия, несводимого к осознанной коммуникации. Ощущения заместителей в системных расстановках, отражающие информацию о представителях рода, которых они замещают, еще один яркий пример подтверждения наших рассуждений.

Можно говорить о некоей пространственной локализации бессознательной информации, хотя не совсем понятно, какую роль здесь играют физические свойства этого пространства, и как оно взаимодействует с тем, что мы называем «психической энергией». Так, понятие «намоленное место» свидетельствует о связи между людьми, находящимися в этом пространстве сейчас, и людьми, совершавшими здесь ритуальные действия в прошлом. То же самое можно сказать и об ощущениях на «месте пыток», где кажется, что сами стены «кричат». Так называемые призраки и закономерности их появлений – еще одно свидетельство в пользу существования группового психологического поля. По мнению Н. Абрахама и М. Тёрёк, «призрак – это некое образование бессознательного; его особенность состоит в том, что оно

никогда не было осознанным <...> и является результатом передачи из бессознательного родителя в бессознательное ребенка, механизм которого пока не ясен» [цит. по 15, 65]. По их мнению «навязчиво преследуют не усопшие, а те проблемы, которые остаются в нас из-за тайн других» [там же].

Групповое психологическое поле имеет разную степень выраженности в различных социальных системах. В некоторых оно особенно сильное. По мнению А. Синга – групповое бессознательное наиболее ярко проявляется в толпах и синергетических группах [23]. Но происходит это по-разному (можно даже сказать – диаметрально противоположно): если для первых присуща деиндивидуация, то для вторых – индивидуация.

Вот некоторые примеры групп, которые по уровню своего развития могут считаться синергетическими. Это, прежде всего – семейные системы разного масштаба, где групповое сознание и бессознательное бывает особенно сильно. Несомненно, к синергетическим относятся терапевтические группы (или диады, если речь идет об индивидуальной терапии). К ним могут приближаться тренинговые группы, если там существуют очень развитые близкие отношения. Уровня синергии могут достигать творческие коллективы, взаимодействующие как одно целое в процессе решения творческой задачи. Профессиональные коллективы (команды) или учебные коллективы могут быть синергетическими, хотя на практике это случается довольно редко.

В истории науки есть немало примеров научных школ, являющихся яркими образцами творческих синергетических групп. Среди первых можно назвать группу учеников Сократа и академию Платона. Такой была знаменитая школа Нильса Бора, собравшая плеяду талантливых физиков со всей Европы (почти все они стали Нобелевскими лауреатами). Таким был семинар Э. Берна: его участники впоследствии стали активно развивать теорию и практику трансактного анализа во всем мире. Такой была школа Л. С. Выготского с его учениками-коллегами – А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурией и другими (особенно харьковский период их деятельности). Школу Д. Н. Узнадзе тоже можно причислить к синергетическим, ибо подлинная наука может твориться только в условиях высокого развития человеческих отношений между авторами.

Еще одним примером синергетической группы является спортивная команда на пике формы, когда отдельные игроки понимают друг друга без слов, и даже не глядя, когда эффективное взаимодействие происходит в доли секунды. Военное подразделение во время выполнения сложной боевой задачи тоже может быть синергетической группой. Примером является экипаж подводной лодки или экипаж космического корабля (особенно в сложной, нештатной обстановке). Если экипаж является синергетической группой, то в этих условиях он работает максимально эффективно, если не является, то – наоборот, вероятны очень сильные негативные процессы в этой группе, которые могут привести к расколу, бунту и другим негативным последствиям.

Религиозная община тоже может быть синергетической, если уровень общения достигает степени высокой близости (и одновременно является глубоким – таков парадокс синергии). Наивысшим примером такой общины является Иисус Христос и апостолы. Отдельного рассмотрения требует такая религиозная община, как тоталитарная секта (точнее, группа, так как секта может быть большой по размеру и состоять из многих малых групп). Некоторые свойства такой группы напоминают синергетическую, но она ближе к понятию «толпа», в которой групповое бессознательное тоже очень сильно (крайности, как известно, сходятся). Точно также, мафиозная структура (организованная преступная группа или банда) традиционно не причисляется к синергетическим группам, но процессы идентификации там могут быть не менее сильные, что дает право утверждать о наличии развитого группового психологического поля.

Одной из самых характерных особенностей описанных выше групп является групповая идентичность, которая, в силу сказанного выше, приобретает новую окраску. Групповая идентичность (идентичность группы как группового субъекта) является качеством, определяющим принадлежность индивида к группе или группы к сообществу. Существует связь между понятиями групповая идентичность, социальная идентичность, ролевая идентичность и другими ее видами, исследуемыми в социальной психологии [3; 11; 22]. Групповая идентичность для малых групп имеет особенности, определяющие участие всех членов группы в реальном групповом взаимодействии, то есть идентификацию не с групповыми ролями, а с реальными людьми (членами группы) [11]. Но, опираясь на фрактальные закономерности, мы можем экстраполировать эти рассуждения на группы разного масштаба, говоря об идентичности групповых субъектов, входящих в большие группы (этими субъектами являются группы меньшего уровня).

Подобная модель групповой идентичности является очень плодотворной, так как позволяет исследовать связь процессов групповой динамики и групповой идентичности. Через характеристики групповой идентичности можно выразить все эмоциональные и когнитивные связи (социометрическую близость) социальных объектов, входящих в группу (это не только проблема совместимости). Можно сформулировать перспективную задачу разработки методик для измерения социометрической близости между социальными субъектами, определяющей идентификационные процессы. Вот некоторые составляющие отношений идентичности, которые могут быть рассмотрены: «теле»; эмпатия; идентификация; отождествление; восприятие другого как Альтер-эго; принятие роли другого («обмен ролями»); процессы

переноса и контрпереноса; привязанность; дружба; любовь; близость; симбиоз; слияние; поглощение; растворение; созависимость; ненависть и другие.

Таким образом, можно сделать выводы, что в социальных группах формируются феномены группового психологического поля, которое проявляется тем сильнее, чем развитее внутригрупповые и межгрупповые отношения. Ярче всего это проявляется в синергетических группах и группах-толпах. Групповое психологическое поле функционирует на трех уровнях (интрапсихическом, интерпсихическом и метапсихическом) а системообразующим фактором его выступает групповая идентичность и групповые установки. Групповая идентичность неоднородна, что связано с неоднородностью группы и групповой структуры (и/или наоборот). Изменение (в том числе и кризис) идентичности в малых группах лежит в основе процессов групповой динамики. Важнейшей составляющей группового психологического поля является групповое бессознательное.

Литература

1. Ван Вик Ю. Е. Действующие факторы групповой аналитической терапии / Ю. Е. Ван Вик // Психоаналитический журнал Харьковского областного психоаналитического общества. – 2001. – № 2. – С. 57–80.
2. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере / В. И. Вернадский // Успехи современной биологии. – 1944. – № 18, Вып. 2. – С. 113–120.
3. Горноста́й П. П. Личность и роль : Ролевой подход в социальной психологии личности / П. П. Горноста́й. – К. : «Интерпресс ЛТД», 2007. – 312 с.
4. Левин К. Теория поля в социальных науках / К. Левин ; пер. с англ. – СПб. : Речь, 2000. – 368 с.
5. Лурье С. В. Историческая этнология : Учебное пособие для вузов. – 2-е изд. / С. В. Лурье. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 448 с.
6. Морено Я. Психодрама / Я. Морено ; пер. с англ. – М. : Апрель Пресс, Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 528 с.
7. Надирашвили Ш. А. Понятие установки в общей и социальной психологии / Ш. А. Надирашвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1974. – 170 с.
8. Наор Я. Театр Холокоста / Я. Наор // Психодрама и современная психотерапия. – 2005. – № 4. – С. 15–30.
9. Ольшанский Д. В. Основы политической психологии / Д. В. Ольшанский. – Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 496 с.
10. Психология индивидуального и группового субъекта / Под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М. : ПЕР СЭ, 2002. – 368 с.
11. Тришкина Н. С. Социально-психологические особенности идентичности индивида в малой группе и неформальной подгруппе : автореф. дисс. ... канд. психол. наук : спец. 19.00.05 «Социальная психология» / Н. С. Тришкина. – Ростов-на-Дону : ЮФУ, 2010. – 20 с.
12. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб. : Питер, 2001. – 416 с.
13. Франкл В. Е. Теория и терапия неврозов : Введение в логотерапию и экзистенциальный анализ / В. Е. Франкл ; пер. с нем. – СПб. : Речь, 2001. – 233 с.
14. Хеллингер Б. Порядки любви: как жизнь и любовь удаются вместе / Б. Хеллингер ; Пер. с нем. – М.: Институт Консультирования и системных решений, 2007. – 348 с.
15. Шутценбергер А. А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы / А. А. Шутценбергер. – М. : Изд-во Ин-та Психотерапии, 2005. – 240 с.
16. Шутценбергер А. А. Психогенеалогия : Как излечить семейные раны и обрести себя / А. А. Шутценбергер. – М. : Психотерапия, 2010. – 224 с.
17. Юнг К. Психология и алхимия / К. Юнг ; пер. с англ., лат. – М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 1997. – 592 с.
18. Boszormenyi-Nagy I. Invisible Loyalties: Reciprocity in Intergenerational Family Therapy / I. Boszormenyi-Nagy, G. V. Spark. – New York : Brunner/Mazel, U.S.A., 1984. – 408 p.
19. Foulkes S. H. Gruppenanalytische Psychotherapie / S. H. Foulkes. – München : Kindler, 1974. – 272 S.
20. Kellermann P. F. Sociodrama and Collective Trauma / P. F. Kellermann. – London : Jessica Kingsley, 2007. – 191 p.
21. Nichol B. The Group Unconscious. – Business Coach Institute, 2001 [Электронный ресурс] / B. Nichol // Режим доступа : http://www.businesscoachinstitute.com/library/group_unconscious.shtml
22. Robinson W. P. (Ed.) Social groups and identities: developing the legacy of Henri Tajfel / Ed. by W. P. Robinson. – Oxford : Butterworth-Heinemann, 1996. – 386 p.
23. Singh A. The Group Unconscious: A Synthesis Paper, 2005 [Электронный ресурс] / A. Singh // Режим доступа до брошури : <http://www.johnniemoore.com/blog/archives/synthesis.pdf>
24. Volkan V. Bloodlines: from ethnic pride to ethnic terrorism / V. Volkan. – New York : Farrar, Straus and Giroux, 1997. – 280 p.

УДК 159.9(075.8)

Становлення уваги дитини: підхід з позицій вчення про установку

Ельчанінова Т.М.

Стаття присвячена проблемі зв'язку уваги з установкою. У психології під установкою розуміють психічний стан людини як суб'єкта діяльності. Вона визначає готовність і конкретні особливості поведінки людини у відповідь на впливи зовнішнього середовища. У широкому значенні ми розуміємо установку як фізичний або розумовий стан підготовленості до дії. У вітчизняній психології теоретичні принципи установки були сформовані грузинським психологом Д.Н. Узнадзе. У нашому дослідженні ми визначаємо установку як особливий стан психіки, що випереджає появу окремих фактів свідомості або передує їм. Виявлено, що увага обумовлюється установкою. Довільна увага пов'язана з поняттям об'єктивізації, її образ стає об'єктом уваги. У статті також розглянуті деякі фактори, які впливають на розвиток уваги.

Ключові слова: установка, увага, свідомість.

Статья посвящена проблеме связи внимания с установкой. В психологии под установкой понимают психическое состояние человека как субъекта деятельности. Она определяет готовность и конкретные особенности поведения человека в ответ на воздействия внешней среды. В широком смысле мы понимаем установку как физическое или умственное состояние подготовленности к действию. В отечественной психологии теоретические положения установки были сформированы грузинским психологом Д.Н. Узнадзе. В нашем исследовании мы определяем установку как особое состояние психики, которое предвещает появление отдельных фактов сознания или предшествует им. Выявлено, что внимание обуславливается установкой. Произвольное внимание связано с понятием объективизации, ее образ становится объектом внимания. В статье также рассмотрены некоторые факторы, которые влияют на развитие внимания.

Ключевые слова: установка, внимание, сознание.

Article is devoted a problem of communication of attention with attitude. In psychology as attitude understand a mental condition of the person as the subject of activity. It defines readiness and concrete features of behaviour of the person in reply to environment influences. In a broad sense we understand attitude as a physical or intellectual condition of readiness to action. In domestic psychology theoretical positions of attitude have been generated by the Georgian psychologist D.N. Uznadze. In our research we define attitude as a special condition of mentality which anticipates occurrence of the separate facts of consciousness or precedes them. It is revealed that the attention is caused by attitude. Any attention is connected with concept of an objectivization, its image becomes object of attention. In article some factors which influence attention development also are considered.

Keywords: attitude, attention, consciousness.

Постановка проблеми. Психологи досліджують увагу, як сам процес, її особливості, закономірності розвитку, намагаються дати найбільш повне, точне визначення уваги. Увага була предметом вивчення у представників діяльнісного підходу Л.С. Виготського, П.Я. Гальперіна, Ю.Б. Гіппенрейтер, М.Ф. Добриніна, О.М. Леонтєва. Взаємозв'язок окремих властивостей уваги з процесом навчання досліджували І.Л. Баскакова, Ф.М. Гоноболін, М.С. Горбач, Н.П. Дієва, Н.В. Лаврова, М.М. Ліла, Є.А. Мілер'ян, В.О. Моляко, А.І. Раєв, А.С. Рецук, О.Г. Солодухова, І.В. Страхов. Вплив властивостей та рівнів розвитку уваги на якість інших пізнавальних процесів висвітлений у працях Б.Г. Ананьєва, С.П. Бочарової, П.Я. Гальперіна, М.Ф. Добриніна, Є.В. Заїки, С.Л. Кабільницької, В.А. Крутецького, О.М. Леонтєва, Є.А. Мілер'яна, П.Б. Невельського, І.В. Страхова та ін. Процес вікового становлення уваги описаний у працях Ф.М. Гоноболіна, О.М. Леонтєва, С.О. Лукомської, С.Ф. Спічак, Л.М. Форменко. Дотепер продовжується розробка різноманітних методів вивчення властивостей уваги.

У психології уваги виявлені і обґрунтовані форми проявів уваги, її види, властивості, шляхи її розвитку, засоби її формування у навчанні, динаміка її вікових змін, виявлені фізіологічні механізми. Однак, незважаючи на ряд досліджень, присвячених умовам розвитку й вихованню уваги учнів, дана проблема залишається недостатньо вирішеною. Психологи відзначають низький рівень розвитку уваги як одну із основних труднощів навчання дітей молодшого шкільного віку (Л.І. Баскакова, О.Л. Венгер, Ф.Н. Гоноболін, В.В. Давидов, І.В. Дубровіна, С.Л. Кабільницька й ін.). При цьому специфіка розвитку уваги у першокласників у процесі адаптації до навчання поки ще не стала предметом спеціального вивчення. Окремим і потенційно важливим напрямком наукових розробок можна вважати вивчення становлення установок у дітей та вплив цих установок на розвиток уваги. Ми вважаємо, що без постановки спеціального завдання розвитку уваги учнів вже в першому класі, її властивостей, що є основою для формування самоорганізації учня як суб'єкта навчальної діяльності, віковий потенціал розвитку дитини в навчальній діяльності не буде реалізований. Практична значимість досліджуваної нами проблеми вкупі з недостатньою розробленістю її теоретичних аспектів визначають її актуальність і мають пряме відношення до підвищення ефективності навчальної діяльності учнів, поглиблюють теоретико-методологічну основу вікової та педагогічної психології. Соціальна значущість та актуальність порушеної проблеми, потреба психологічної науки у дослідженні проблеми розвитку уваги дітей на початку шкільного навчання, зокрема під впливом установок, визначила вибір напрямку нашого дослідження.

Аналіз актуальних досліджень. Теоретико-методологічною основою дослідження стали фундаментальні положення про розвиток та формування особистості (О.Г. Асмолов, Л.І. Божович, Л.С. Виготський, І.С. Кон, С.Д. Максименко та ін.); концепції особистості як суб'єкта власної життєтворчості (К.О. Абульханова-Славська, М.Й. Боришевський, М.Р. Гінзбург, С.Л. Рубінштейн та ін.); ідеї системного підходу до вивчення психічних явищ (Б.Г. Ананьєв, Л.І. Анциферова, Б.Ф. Ломов та ін.); положення вітчизняної психології про увагу та її роль у процесі засвоєння знань (П.Я. Гальперін, Ф.Н. Гोनоболін, М.Ф. Добринін, Є.О. Мілерян, О.Г. Солодухова, І.В. Страхов, В.І. Страхов); концептуальні положення теорії установки (Д.М. Узнадзе).

Мета статті. Визначити особливості впливу установок на розвиток уваги дітей.

Теоретичне та практичне значення дослідження полягає в необхідності подальшого вивчення взаємозв'язку установок та уваги. Це може розкрити подальші шляхи удосконалення навчально-виховного процесу початкової школи.

Виклад основного матеріалу. Традиційно поняття уваги вважається одним із складних питань психології. Безсумнівним є факт значущості уваги у житті людини, її вагомої ролі при відборі об'єктів із свідомого досвіду. У вітчизняній психології проблема уваги розглядалася у різних теоретичних позиціях. Безсумнівно, фундаментальне значення мають роботи видатного вітчизняного психолога, засновника культурно-історичної теорії Л.С. Виготського. Він зробив свій внесок і в вивчення проблеми уваги. Виготським було зазначено, що увага підпорядковується загальним законам культурного розвитку й утворення вищих форм поведінки. Довільна увага й за складом, і за структурою й функцією є не просто результатом природного, органічного розвитку уваги, а результатом її зміни й перебудови під впливом зовнішніх стимулів-засобів. За результатами проведених експериментів Л.С. Виготський робить висновок про те, що природні коріння довільної уваги знаходяться в функції вказівки. Спочатку цю функцію виконує вказівний жест, а потім і слово. Виготським досліджено розвиток спрямованості та зосередженості уваги під час формування уваги як вищої психічної функції.

На думку вітчизняних психологів увага людини розвивалася в процесі свідомої трудової діяльності, особливо такої, що потребує від людей вольових зусиль. У руслі діяльнісного підходу можемо виділити два основних напрямки, два погляди на природу уваги й, відповідно, на умови, необхідні для її розвитку.

Перший напрямок представлений такими відомими вітчизняними психологами як Б.Г. Ананьєв, Ф.Н. Гोनоболін, М.Ф. Добринін, С.Л. Рубінштейн, І.В. Страхов. Вони визначають увагу як «спрямованість і зосередженість будь-якої діяльності». Прихильники даної концепції не вважають увагу самостійним процесом, а лише характеристикою інших, в яких вона й проявляється.

Перші спроби розробки проблеми уваги в рамках уявлення про суспільно-історичну і діяльнісну природу психіки зробили Н.Ф. Добринін і С.Л. Рубінштейн. М.Ф. Добринін висловлювався проти зведення уваги до орієнтувальної діяльності. Він зазначав, що при утворенні умовного рефлексу орієнтувальний рефлекс згасає і, у такий спосіб, діяльність перестає бути орієнтувальною, хоча без уваги вона перебігати не може. Отже, увага зберігається і тоді, коли орієнтувального рефлексу вже немає, коли він згаснув. М.Ф. Добриніном була чітко сформульована думка про залежність уваги від вимог, що висувають людині соціальні умови. У його роботах здійснювався підхід до уваги з позицій психології особистості, яка здійснює вибірково поведінку. Визначення уваги М.Ф. Добриніна ввійшло до основних навчальних посібників з психології. «Увага представляє собою спрямованість і зосередженість психічної діяльності особистості. Під спрямованістю розуміємо вибірково характер цієї діяльності і її зберігання, під зосередженням - поглиблення в дану діяльність і відволікання від іншого». М.Ф. Добринін зі своїми учнями досліджували спрямованість та зосередженість уваги і встановили, що вони щільно пов'язані з спрямованістю особистості, з її світоглядом, потребами, інтересами, переконаннями, активністю.

Зведення уваги до спрямованості і зосередженості будь-якої психічної діяльності на якомусь об'єкті отримало критичні зауваження багатьох авторів. Наприклад, С.Л. Рубінштейн, погоджуючись із тим, що увага позбавлена самостійного змісту, водночас відзначає, що характеристика уваги як вибіркової спрямованості на визначений об'єкт є його феноменологічною характеристикою, але при ній джерела уваги залишаються нерозкритими.

Ф.Н. Гоноболін, аналізуючи психолого-педагогічні аспекти розвитку уваги вказував на те, що її не можна вважати самостійним психічним процесом. Вона характеризує стан психічних процесів та є однією з характеристик психічної діяльності особистості.

Багато дослідників вказували на те, що увага (як пам'ять та свідомість) є наскрізним, стрижневим психічним процесом, який проходить усі інші види та форми діяльності і є одним із інтеграторів психіки людини.

Іншими словами, увага – це процес регуляції інтелектуальної активності; процес, який допомагає функціонувати іншим пізнавальним процесам. Для виникнення і перебігу всіх цих процесів потрібна увага, що виявляється в певній спрямованості, зосередженості та стійкості психічної діяльності.

Другий напрямок виник хронологічно пізніше й містить у собі критичне ставлення до першого напрямку. Так, П.Я. Гальперін визначав увагу як самостійну форму психічної діяльності, «спеціальну діяльність контролю», яка ґрунтується на основі контрольної фази будь-якої діяльності.

Отже, у площині діяльнісного підходу під увагою розуміють, з одного боку, властивість чи характеристику функціонально-фізіологічної системи діяльності, «феноменальний і продуктивний вияв роботи провідного рівня організації діяльності». А з іншого, увагу можемо розглядати як самостійну діяльність, яка виступає на різних рівнях аналізу, як акт, що спрямований на функціонально-фізіологічну систему діяльності. На думку Ю.Б. Дормашева, увага – це особлива діяльність зі своїм власним змістом і функціями. Відповідно до поглядів О.М. Леонтьєва на природу діяльності, акт уваги можна розглядати на кожному з рівнів аналізу діяльності (операція, дія, діяльність) та місця, яке він займає у структурі певної діяльності. П.Я. Гальперіним названо специфічний зміст діяльності уваги, «розумовий контроль», що робить можливим виокремлення і самої такої діяльності.

На сучасному етапі увага визначається як спрямованість будь-якої діяльності суб'єкта на певний об'єкт і зосередженість на ньому зусиль для найкращого виконання цієї діяльності.

Наведемо ще одне розповсюджене визначення уваги. Увага – це здібність людини зосереджувати свідомість на будь-яких предметах чи явищах. Іншими словами, увага – це процес регуляції інтелектуальної активності, процес, який допомагає функціонувати іншим пізнавальним процесам.

Надзвичайно важливу роль увазі відводить грузинська школа установки. У доробках Д.М. Узнадзе увага визначається як особливий стан налаштованості, породжений впливом попереднього досвіду на подальші дії суб'єкта. Увага внутрішньо зумовлюється установкою, це в подальшому впливає на орієнтацію в умовах певної ситуації. Поняття установки Д.М. Узнадзе визначав як цілісний і зазвичай неусвідомлюваний стан суб'єкта, як його цілісну спрямованість на певну активність, а саме готовність до виконання певної дії чи до реагування в певному напрямку. Із поняттям установки Д.М. Узнадзе співвідносять різні форми мимовільної уваги. Довільна увага ним пов'язувалася із поняттям об'єктивації – затримці на певному предметі чи дії, подоланні імпульсивності поведінки. Цей образ, або враження, і стає об'єктом уваги.

Звичайно прийнято вважати, що увага по суті має вибірний характер, що воно дає нам можливість із ряду діючих на нас вражень вибрати яке-небудь із них і зосередитися на ньому, для того щоб представити його з максимальною ясністю й виразністю. Вся поведінка, як би й де б вона не виникала, визначається впливом навколишньої дійсності не безпосередньо, а насамперед опосередковано - через цілісне відбиття цієї останньої в суб'єкті діяльності, тобто через його установку. Окремі акти поведінки, зокрема вся психічна діяльність, являють собою явища вторинного походження.

Отже, у кожний момент у психіку діючі в певних умовах суб'єкта проникає з навколишнього середовища й переживається їм з достатньою ясністю лише те, що має місце в руслі його актуальної установки. Це значить, що те, чого не може зробити увага, мислима як формальна сила, стає функцією установки, що є, таким чином, не тільки формальним, але й чисто змістовним поняттям.

Таким чином, стає зрозумілим, що в умовах імпульсивного поведіння у діючого суб'єкта можуть виникати досить ясні психічні змісти, незважаючи на те що про наявність у нього уваги в цьому випадку говорити не доводиться. Ми бачимо, що це може відбуватися на основі установки, що визначає діяльність суб'єкта взагалі й, зокрема, роботу його психіки. На основі актуальної в кожному даному випадку установки у свідомості суб'єкта виростає ряд психічних змістів, пережитих їм з достатнім ступенем ясності й виразності для того, щоб йому - суб'єктові - могли орієнтуватися в умовах ситуації його поведінки.

Можливості розвитку довільної, стійкої, концентрованої уваги молодших школярів у процесі навчання дуже великі. Сам процес навчання вимагає від дитини постійних вправ у довільній увазі, вольових зусиль для зосередження. Довільна увага розвивається разом із розвитком високих суспільних мотивів навчання, свідомістю відповідальності за успіх навчальної діяльності. На цій основі в молодшого школяра формується вміння організувати і регулювати свою увагу, свідомо керувати нею.

Співвідношення інтелектуальних та вікових особливостей дає змогу стверджувати про значні потенційні можливості розвитку уваги молодших школярів. Розвиток довільної уваги у молодших школярів здійснюється успішно, якщо дорослими створюються умови для їх цілеспрямованої роботи, під час якої вони навчаються керуватись метою, яку самостійно поставили. Розвиток уваги йде від керування цілями, які ставлять дорослі, до реалізації цілей, які ставлять учні; від постійного контролю вчителя за діями учня до контролю дитиною своїх однокласників, а потім – і до самоконтролю (М.С. Горбач, М.Ф. Добринін, М.М. Ліла, І.В. Страхов та ін.). У зв'язку із цим необхідно назвати дослідження Л.В. Бондар та І.М. Толмачової. Дослідження Л.В. Бондар показало, що систематичне використання групових форм організації навчальної діяльності учнів, дозволяє учням на більш високому рівні засвоювати знання, краще орієнтуватися у навчальному матеріалі, позитивно впливає на розвиток пізнавальних процесів. Спільна навчальна робота молодших школярів підвищує рівень задоволеності учнів шкільним життям, знижує рівень конфліктності у класному колективі. Спільна навчальна робота позитивно впливає на розвиток пізнавальних інтересів та інтелектуальну активність учнів.

І.М. Толмачовою реалізована організація суб'єкт-суб'єктної взаємодії вчителя і молодших школярів, яка спрямована на здійснення учнями контрольно-оцінних функцій у перебігу навчання. Автором рекомендується залучення молодших школярів до створення та

використання освітніх продуктів (цілей діяльності, моделей, засобів самоперевірки, збірки завдань, порад щодо запобігання й усунення помилок, малюнків рефлексивного змісту, засобів фіксації меж знань тощо), що впливає на сформованість у них навчально-пізнавальних мотивів як провідних у навчанні і на якість здійснення ними операцій навчальної дії контролю та розвитку самоконтролю.

Розв'язуючи це питання ми пристали до думки В.А. Бодрова. Увага займає ключову позицію у теорії адаптації. З одного боку, це визначається тим, що лише ті явища зовнішнього середовища можуть виступати як адаптогенний чинник, які потрапляють безпосередньо у сферу зовнішньої уваги чи опосередковано, через наслідки своєї дії на функціональний стан людини. У цьому плані велике значення має селективність уваги, яка може визначити первісну структуру побудови адаптації. З іншого боку, увага виконує функції акцептора дії і обумовлює не тільки поточну корекцію адаптаційних процесів, що формуються та розгортаються, але і часто визначає вибір стратегії адаптації. До того ж, увага виступає як потужний осередок активності, яка, у свою чергу, служить одним із чинників, що визначає рівень розгортання адаптаційних реакцій. У регуляції процесів адаптації функція уваги виконує задачу захисту суб'єкта від перевантаження інформацією, концентрації на необхідній інформації. Відповідно до теоретичних поглядів У. Найсера увага представляє процес активного передбачення (рос. - предвосхищения), яке зумовлює одну із властивостей уваги – вибірковість. Інакше кажучи, первісна сенсорна інформація визначає лише напрям пошуку, а потім розгортається власне процес уваги, який, змінюючи налаштування сенсорної системи, за допомогою пам'яті орієнтує свідомість на пошук необхідної інформації.

Зауважимо, що увага у багатьох випадках відіграє пускову роль в генезі адаптації як процесу, особливо у випадках так званої передбачувальної (рос. – предвосхищающей) або превентивної адаптації. Значно більш складнішою є внутрішня увага, яка спрямована не на пошук будь-яких предметів, а на контроль за перебігом когнітивних процесів і на їх забезпечення. Ймовірно, саме стан уваги визначає вибір очевидних чи неочевидних стратегій адаптації, не кажучи вже про те, що саме увага визначає початок адаптаційного процесу, особливо тоді, коли дія адаптогенного чинника ще не досягла значної виразності. Однією із функцій уваги є захист від надмірно інтенсивної або небажаної інформації. Ця властивість отримала назву «перцептивного захисту» і виявляється у тому, що люди, як правило, приділяють більше часу негативній інформації, ніж аналізу позитивної.

Висновки та перспективи подальших досліджень. Розглядаючи проблему розвитку уваги в дітей у роботах вітчизняних психологів, можна виділити два основних шляхи її розв'язання. Переважна більшість дослідників пріоритетний напрямок бачить у розвитку особистості дитини - її спрямованості, які, зокрема, можуть бути пов'язані із певним набором установок (Б.Г. Ананьев, М.С. Горбач, Н.П. Дієва, М.Ф. Добрынін, Є.Т. Коробов, М.В. Матюхіна, Т.С. Михальчик, К.Т. Патріна, В.І. Страхов, М.М. Шардаков). Значна роль у розвитку уваги в дітей приділяється організації навчальної діяльності (П.Д. Білоус, Ф.Н. Гоноболін, О.Ю. Єрмолаєва, В.С. Компанець, О.М. Леонт'єв). Найважливішою умовою розвитку уваги автори вважають усвідомлення школярем значення його власної навчальної роботи, необхідності вивчення основ наук для подальшого навчання й майбутньої діяльності. Тому проблематика вивчення впливу установок на розвиток уваги дитини є достатньо актуальною для сьогодення, а її теоретична та практична розробленість розкриє нову віху в розумінні уваги.

Література

1. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти томах. Т. 3. Проблемы развития психики / Под ред. Д. Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти томах. Т. 4. Детская психология / Под ред. Д. Б. Эльконина. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
3. Добрынин Н. Ф. О новых исследованиях внимания / Н.Ф. Добрынин // Вопросы психологии. – 1973. – № 3. – С.121-128.
4. Добрынин Н. Ф. Основные вопросы психологии внимания / Н.Ф. Добрынин // Психологическая наука в СССР. – М.: Наука, 1959. – Т.1. – С. 207–220.
5. Дормашев Ю.Б., Романов В.Я. Психология внимания / Ю. Б. Дормашев, В.Я. Романов; послесловие В. П. Зинченко. – Изд. 2-е, переработанное и исправленное. – М.: Тривола, 1999. – 336 с.
6. Надирашвили Ш.А. Основные направления развития психологической науки в Грузинской ССР / Шота Александрович Надирашвили // Психологический журнал. – 1981. – Т.2., № 6. – С. 156-160.
7. Психология внимания / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. – М.: ЧеРо, «Омега-Л», 2005. – 858 с.
8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / Сергій Леонідович Рубинштейн. – СПб.: Питер Ком, 1999. – 720 с.: (Серия «Мастера психологии»).
9. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования / Дмитрий Николаевич Узнадзе. – М.: Наука, 1966. – 450 с.
10. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Дмитрий Николаевич Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 414 с.

УДК 159.9(075.8)

Зв'язок понять смислу та установки в контексті психосемантичних досліджень

Жовтянська В.В.

The article is devoted to the analysis of the connection between the concepts "sense" and "set". It is shown, that the two approaches to the definition of a set, which gives the different characteristics of this phenomena, is implicitly presented in D.N.Uznadze's theory. All of this characteristics are functionality peculiar to the sense, what could be operationally defined with the connotative scales of a semantic space. It's means, that concepts of sense and set, which was postulates by the different methodological approaches, are defines almost the same psychology reality.

Key words: sense, set, connotative scales, semantic space.

Статтю присвячено аналізу зв'язку між змістами понять "смысл" та "установка". Показано, що в теорії Д.Н.Узнадзе імпліцитно присутні два підходи до визначення установки, які задають різні характеристики цього явища. Усі ці характеристики функціонально притаманні смислу, який операціонально може бути визначений за конотативними шкалами семантичного простору. Це значить, що поняття смислу і установки, розроблені в межах різних методологічних підходів, позначають, значною мірою, одну і ту саму психічну реальність.

Ключові слова: смысл, установка, конотативні шкали, семантичний простір.

Статья посвящена анализу связи между содержаниями понятий «смысл» и «установка». Показано, что в теории Д.Н.Узнадзе имплицитно присутствуют два подхода к определению установки, которые задают разные характеристики этого явления. Все эти характеристики функционально свойственны смыслу, который операціонально может быть определен по коннотативным шкалам семантического пространства. Это значит, что понятия смысла и установки, разработанные в пределах разных методологических подходов, обозначают, в значительной степени, одну и ту же психическую реальность.

Ключевые слова: смысл, установка, коннотативные шкалы, семантическое пространство.

Множинність та неузгодженість теоретико-методологічних підходів виступає постійною проблемою психологічної науки протягом останнього століття. Тому одним із найважливіших завдань сучасної психології є пошук того концептуального поля, на якому могли би доповнювати одне одного наукові здобутки, отримані в межах різних парадигм. Відтак методологічна рефлексія, спрямована на пошук змістовного зв'язку між основними поняттями, навколо яких структуруються масиви теоретичних і емпіричних досліджень, має свою наукову актуальність.

Одним із найяскравіших парадигмальних підходів в історії психології є теорія установки, розроблена Д.М.Узнадзе та його послідовниками. За період існування відомої грузинської наукової школи були неодноразові спроби зіставити конструкт, який посідає центральне місце в цьому підході, з іншими психологічними концептами. Зрозуміло, що найчастіше робилися порівняння між поняттями "установка" та "атитюд", які є значною мірою змістовно спорідненими. Окрім того, існують відомі дослідження, в яких було представлено спробу зіставлення поняття установки з поняттям смислу. Йдеться передусім про теоретичні розвідки А.Асмолова, який намагався поєднати, чи принаймні узгодити напрацювання двох потужних наукових шкіл, які співіснували в рамках радянської психології – школу установки Узнадзе та діяльнісний підхід.

Проектуючи уявлення про установку на схему процесу діяльності, яка була запропонована А.Н.Леонтьєвим, Асмолов розвиває ідею про ієрархічну рівневу структуру установки [1]. Найнижчий рівень посідає так звана ситуаційна установка, яка відповідає найконкретнішому аспекту протікання діяльності – операції і визначається як готовність, пов'язана з налаштованістю до тих конкретних обставин, у яких протікає діяльність. Феноменологічно ситуаційна установка проявляється, зокрема, в дослідках з імовірнісного прогнозування. Другий рівень займає установка, яка відповідає більш загальному елементу перебігу діяльності – дії і проявляється як готовність до досягнення мети. Найбільш відомі дослідження цього феномену були представлені у вюрцбергській школі і пов'язані з поняттям "детермінуюча тенденція". Нарешті, найвищий ієрархічний рівень, який відповідає діяльності в цілому, належить соціальній установці. Її основу складає відношення мотиву діяльності до мети діяльності, і самий цей рівень прояву установки безпосередньо пов'язаний з особистісним смислом. Адже особистісний смысл, за Леонтьєвим, задається відношеннями між мотивом і значенням, а значення як раз і відповідає меті діяльності [2]. Тобто, фактично, соціальна установка за концепцією Асмолова – це і є особистісний смысл.

У представленій теоретичній побудові установка виступає неоднорідним феноменом і розпадається на декілька видів. Причому перші два пов'язані з поняттям готовності – чи то до характеру протікання діяльності, чи то до досягнення мети, а третій задається відношеннями мотиву і мети діяльності, що виражається в понятті особистісного смислу. Можна поставити два взаємопов'язаних питання: чи дійсно установка розпадається на різні мало подібні між собою види, і наскільки така позиція узгоджується з вихідною теорією установки?

Почнемо з другого питання. Слід зазначити, що теорія Узнадзе справді дає підстави для неоднозначного тлумачення феномену установки і надає різні можливості для його визначення.

Як відомо, демонстрація самого явища установки здійснювалася на основі дослідів, у яких доводилось існування готовності до наперед заданого, стереотипного сприйняття зовнішніх об'єктів [3]. При цьому шаблони сприйняття формувалися на основі індивідуального досвіду контактів з низкою подібних між собою об'єктів. Крім того, доводилося, що формування установки відбувається позасвідомо, оскільки результати підтверджувались і в тому випадку, коли досліди проводилися під гіпнозом.

Далі постулювалася первинність установки стосовно до будь-яких форм психічної активності. Це означає, що установка має формувати не тільки особливості суб'єктивного сприйняття (або ширше – відображення), а й особливості поведінки в цілому. Таке узагальнення вимагало встановлення зв'язку між установкою та відомими чинниками поведінкової активності – потребами, мотивами тощо. Це питання вирішувалося Узнадзе наступним чином: “Достатньо з'явитись певній ситуації, що потрібна для задоволення потреби, щоб у суб'єкті виникла конкретно окреслена установка і щоби він відчув би в собі імпульс до діяльності в цілком заданому напрямку” [там само, с.167].

Таким чином, вводяться дві особливості функціонування установки. З одного боку, вона проявляється як готовність до сприйняття, сформована на основі попереднього досвіду. З іншого боку, установка актуалізується завдяки існуванню потреби і за умови існування ситуації, придатної для її задоволення. Те, що обидва аспекти характеризують одне й те саме психічне явище, принаймні, не є очевидним. Адже не зрозуміло, яким чином та специфічна налаштованість на сприйняття певних стимулів, що утворилася внаслідок попередньої взаємодії індивіда з цими стимулами і яка так яскраво була продемонстрована в досліді Узнадзе, вимагала зустрічі потреби із предметом її задоволення.

Отже, можна говорити про наявність двох аспектів існування установки, введених у межах однієї теорії. Перший з них – готовність до сприйняття, сформована на основі попереднього досвіду – є дуже подібним до класичного визначення атитюда, наданого Г.Олпортом і доволі часто цитованим, у якому атитюд визначається як нейропсихологічний стан готовності до відповіді, організований на основі досвіду і такий, що спрямовує поведінку індивіда [4]. Другий аспект задається зустріччю актуальної потреби індивіда та ситуації її задоволення, або, іншими словами, – опредметненням потреби, що низкою дослідників розглядається як основа формування мотивації діяльності. В будь-якому разі, наявність потреби та ситуації її актуального або потенціального задоволення дозволяє говорити про відповідність цієї ситуації до мотивів індивіда, або, що те саме, про особистісний смисл цієї ситуації.

Проведений аналіз змісту поняття “установка”, введеного в межах теорії Узнадзе, фактично підтверджує позицію Асмолова про те, що установка має декілька різновидів, і що одні з них визначаються як стан готовності (зараз не так важливо, чи йдеться про ситуативні умови протікання діяльності, чи про налаштованість на мету), а інші, точніше, інший, може бути визначений як особистісний смисл. Отже, чи справді потрібно говорити про множинність феноменів установки і про смисл як один з видів цих феноменів? Для вирішення цієї теоретичної проблеми звернемося до результатів досліджень, проведених в галузі психосемантики.

Спочатку пригадаємо ще одну традиційну визначення атитюдів, коли під ними розуміється конструкт, який вербально розгортається як уготована думка чи судження і виступає їх латентною передумовою. Для дослідження таких конструктів Л.Турстоуном була запропонована процедура шкального вимірювання [5], яка згодом була запозичена і розвинута Ч.Осгудом [6]. Саме Осгуд помітив, що між різними судженнями, наданими досліджуваними з певного приводу, існує висока кореляція, що дозволяє говорити про латентну шкалу, яка стоїть за цими судженнями. Так само, висока кореляція спостерігалася і між характеристиками, за допомогою яких досліджувані визначали деяке значення. Виділяючи латентні шкали, які стоять за різними значеннями, і проводячи цю процедуру для різних груп досліджуваних Осгуд з'ясував, що набір таких шкал виявляється переважно константним. Це дало можливість побудувати спільний простір оцінювання для різних об'єктів, який зазвичай позначається як ЕРА, від “Emotion”-“Potency”-“Activity” – назв, які отримали виділені базові шкали. Їх ще називають конотативними, або емоційно-оцінними характеристиками, підкреслюючи, що вони мають неспецифічний характер на відміну від так званих денотативних характеристик і можуть бути застосовані для опису об'єктів різної природи. Процедура виділення конотативних шкал дістала назву семантичного диференціала, оскільки розміщуючи значення у спільному просторі ми отримуємо можливість для їх порівняння, тобто для диференціації значень одне відносно одного.

Саме зв'язок конотативних характеристик з емоційними оцінками навів згодом дослідників на думку, що позиції, які отримують значення за цими шкалами, можуть бути зіставлені з тим, що в радянській психології було назване особистісним смислом [7]. Справа в тому, що смисл через свій внутрішній зв'язок з мотиваційною сферою як раз і виступає таким собі емоційним аспектом значення. Таким чином, оцінки значення за конотативними шкалами, з одного боку, можуть бути зіставлені з поняттям смислу, а, з другого боку, історично прив'язані до засобів визначення атитюдів. Але чи можуть вони нести ті функції атитюдів, на які вказував Олпорт? Чи можуть вони виражати готовність до відповіді, організовану на основі попереднього досвіду суб'єкта? Бо якщо це так, то функціонально смисли можуть бути зіставлені з установкою в тому розумінні, як вона вводилася в досліді Узнадзе, і виражатися в налаштованості на сприйняття нових об'єктів з позиції, обумовленої попередньою взаємо-

дією з іншими у чомусь подібними об'єктами. Крім того, ми пам'ятаємо, що важливою відмінною рисою установки, за Узнадзе, є її неусвідомлюваний характер, тобто те, що її дія відбувається поза процесами об'єктивації. Гіпотезою представленого тут дослідження виступає те, що смисл, віднайдений на основі конотативних оцінок, задовольняє попередньо виступленим умовам, тобто він задає готовність до сприйняття об'єктів, організовану на основі попереднього досвіду індивіда, і ця його функція здійснюється поза процесами свідомої об'єктивації.

Опосередкованим свідченням на користь такої гіпотези є сам спосіб визначення конотативних шкал як латентних характеристик, які лежать "за" вербально заданими ознаками об'єкта. Вони не присутні в змісті значення безпосередньо, але неявно проявляються в організації способу бачення цього змісту. Крім того, конотативні характеристики не пов'язані з об'єктивними властивостями денотата (об'єкта, що відповідає значенню). Все це не прямо вказує, що конотативні оцінки (оцінки значення, представлені в конотативних шкалах) формуються і проявляються поза процесами об'єктивації.

Про це ж свідчить і феномен першобачення, відкритий О.Артемьевою в експерименті з тахістоскопічним пред'явленням малюнків [7]. Його результати, коротко, полягали в наступному. При швидкій зміні картинок досліджувані часто не встигали упізнати та предметно описати зображені об'єкти. Водночас їхній опис об'єктів в емоційно-оцінних шкалах доволі точно відповідав тому опису, який надалі давався ними вже при статичному пред'явленні цих зображень. З цього Артемьевою був зроблений висновок, що сприйняття об'єктів на рівні емоційно-оцінних характеристик відбувається раніше, ніж ті будуть сприйняті на рівні об'єктних, тобто денотативних характеристик.

Тобто є підстави говорити, що існує рівень сприйняття об'єктів дійсності поза об'єктивацією і, відповідно, усвідомленням, і він пов'язаний з конотативними оцінками цього об'єкта. Але чи можуть оцінки об'єкта за конотативними шкалами нести в собі досвід попередньої взаємодії індивіда з цими чи іншими об'єктами? Сама Артемьева вважала, що це справді так, і що смисли, які визначаються за неспецифічними характеристиками об'єктів, є слідами діяльності індивіда, що фіксують його ставлення до цих об'єктів [там само]. Якщо вдасться це підтвердити емпірично, то це надасть можливість перекинути місток між поняттями смислу та установки і показати спільність тієї психічної реальності, яка відкривається за цими концептами.

Експеримент. Емпіричне дослідження, яке далі буде коротко представлене, більш докладно описувалося раніше [8] і проводилося з метою пояснити механізми впливу емоційної реклами. Однак, віднайдені в ньому закономірності можуть бути розглянуті в ширшому контексті і використані для підтвердження заявленої вище гіпотези.

Головне питання, на яке мало дати відповідь дослідження було наступне: яким чином реклама, яка не містить ніякої змістовної інформації про представлений у ній товар, спроможна впливати на формування образу цього товару у реципієнта? Про наявність таких можливостей опосередковано свідчила кількість подібного роду рекламної продукції в сучасному інформаційному просторі.

У якості стимульного матеріалу було відібрано 8 примірників поліграфічної реклами, кожна з яких містила назву торгової марки, а також деякий художній образ, який прямого відношення до рекламованого товару не мав і тим більше не містив про нього жодної конкретної інформації. Досліджуваними були студенти технічного ВНЗ у кількості 99 осіб. До розгляду брались результати лише тих учасників, які не мали попередніх уявлень про названу продукцію. Це давало змогу аналізувати становлення образів товарів лише на основі наданої реклами.

Досліджуваним було запропоновано за допомогою прикметників по черзі охарактеризувати рекламовані товари, а потім рекламні зображення. При цьому виявилось, що у досліджуваних не виникає труднощів при описі об'єктів, представлених наданою рекламою. Більш того, середня кількість прикметників, що характеризували товари, майже у всіх випадках перевищувала кількість прикметників, вжитих по відношенню до рекламних зображень. Тобто було підтверджено, що на основі "неінформаційної" реклами дійсно формується первинний образ об'єкта, принаймні на рівні очікувань на його властивості.

З отриманого масиву характеристик були відібрані найбільш частотні, які потім використовувались при суб'єктивному шкалюванні. Надалі числові оцінки оброблювались за допомогою факторного аналізу, тобто проводилася стандартна процедура семантичного диференціалу.

Результати. Серед отриманих факторів були як традиційні ("оцінка", "сила", "енергія"), так і не традиційні, але в будь-якому разі зміст факторів оцінювання товарів та відповідних рекламних зображень був переважно подібним. Це давало змогу визначити коефіцієнти кореляції між спільними факторами оцінювання товарів та відповідних реклам. У переважній більшості випадків між цими факторами було виявлено наявність тісного кореляційного зв'язку, причому чим більш навантаженими були фактори, тим вищі були коефіцієнти кореляції. Причому виявилось, що найбільш навантажені фактори загалом пов'язані більш тісними кореляційними зв'язками, ніж окремі спільні характеристики, що входять до цих факторів.

Інтерпретація. Отримані результати дають змогу говорити, що з реклами на рекламований товар переносяться оцінки по конотативним шкалам. Надалі, у вербальній репрезентації цього товару вони знаходять своє вираження вже через специфічні саме

для нього характеристики (наприклад, досліджувані вважають, що ще невідомі для них парфуми мають бути дорогими, вишуканими, ароматними тощо). Іншими словами, загальне враження від реклами заповнює собою зміст рекламованої торгової марки – брэнда. Це деякі неспецифічні характеристики, насичені емоційним ставленням, тобто по відношенню до позначеного брэндом товару це і буде його особистісний смисл. Він виступає прообразом тих ознак, які формуються на його основі і приписуються досліджуваними ще невідомому для них об'єкту, в образі якого вони потім розгортаються вже через ряд предметних характеристик.

Тобто сформований рекламою смисл тут виступає елементом суб'єктивного досвіду, на основі якого формуються очікування властивостей заздалегідь невідомого об'єкта. Досліджувані виявляються налаштованими на те, що позначений брэндом товар повинен мати ті чи інші характеристики. Специфікою формування досвіду в даному експерименті було те, що він базувався на взаємодії з об'єктом зовсім іншої природи ніж сам товар – рекламним зображенням, тобто його перенесення могло здійснюватися лише поза предметними ознаками, а предметність вважається однією з властивостей свідомого образу. Крім того, реклама не надавала досліджуваним ніякої конкретної інформації, і в них не було жодних об'єктивних підстав для формування експектацій (на що в самозвітах вказували і самі досліджувані). Тоді можна говорити, що трансляція смислів з реклами на товар і подальше розгортання предметних очікувань не пов'язана з свідомим оперуванням образами і відбувається поза об'єктивацією.

Таким чином, дані психосемантичних досліджень засвідчують функціональну близькість таких психологічних конструктів як смисл та установка. Але поняття смислу зазвичай застосовується до репрезентацій дійсності, опосередкованих знаком, і вводилося воно Леонтьєвим саме як “значення для мене” [2]. Чи означає це, що смисл виступає підставою для формування експектацій лише про значенню представлені об'єкти? Для відповіді доцільно звернутись до численних експериментів, у яких було показано, що універсальні конотативні шкали проявляються при оцінюванні об'єктів дуже різної природи, і зовсім необов'язково семантично заданих. Зокрема, у наведених вище дослідженнях Артемьєвої досліджуваними оцінювалися малюнки, тобто не значення, а зображення. При цьому те, що предметному сприйняттю цих зображень, як це було показано, передує їхня фіксація у конотативних шкалах, говорить про те, що смисл може слугувати експектацією при сприйнятті різних об'єктів оточуючої дійсності.

Тут можна пригадати гіпотезу С.Смирнова [9], про те, що образ дійсності не формується при відображенні “з нуля”, а постійно накладається на існуючу систему експектацій, на основі якої відбувається подальше структурування окремих сенсорних даних. За Смирновим, роль цієї системи відіграє образ світу, який складається зі значень і емоційно-особистісних смислів. Однак, наведені вище психосемантичні експерименти доводять, що саме смисли спроможні виступати тією психічною реальністю, на основі якої експектуються і структуруються предметні характеристики дійсності; і саме вони виступають тим амодальним досвідом взаємодії індивіда з дійсністю, в якому зберігається емоційно-оцінне ставлення до різних її елементів, що дозволяє не просто очікувати на появу тих чи інших стимулів, а цілісно налаштуватись на ту чи іншу реакцію по відношенню до цих стимулів. Така фіксована готовність до сприйняття і подальшої реакції по відношенню до нових об'єктів, з одного боку, дозволяє організму максимально зекономити ресурс і максимально ефективно пристосуватись до складного середовища, що, очевидно, колись було запорукою виживання у ньому, а, з іншого боку, є передумовою до стереотипного сприйняття і реагування на багатообразність проявів дійсності, яка спонукає свідому особистість до постійної рефлексії і об'єктивації власної діяльності.

Висновок. Дані психосемантичних досліджень дозволяють говорити про функціональну близькість таких психологічних конструктів, як смисл та установка. Тобто ці конструкти із різних методологічних підходів позначають, значною мірою, одну і ту саму психічну реальність, яка відповідає тій частині безсвідомого, що виступає підґрунтям і опосередковувачем всієї множини взаємовідносин індивіда зі світом.

Література

1. Асмолов А.Г., Ковальчук М.А. О соотношении понятия установки в общей и социальной психологии // Социальная психология. Хрестоматия. – М.: Аспект-Пресс, 2003. – С. 377-392.
2. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. — М.: Политиздат, 1975. — 304 с.
3. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. — М.: Наука, 1966. — 451 с.
4. The Handbook of Social Psychology. — 1969. — Vol. 3. — 978 p.
5. Thurstone L.L. Attitudes Can Be Measured // American Journal of Sociology. — 1928. — №33. — P. 529-554.
6. Osgood Ch.E. Method and Theory in Experimental Psychology. — N.Y.: Oxford University Press, 1953. — 800 p.
7. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. — М.: Наука, Смысл, 1999. — 350 с.
8. Жовтянська В.В. Можливості художніх засобів візуальної реклами у формуванні образу рекламованої продукції // Наукові студії із соціальної та політ. психології: Зб.наук. праць Ін-ту соц. та політ. психол. АПН України. — К., 2000. — Вип. 3 (6).- С. 191-198.
9. Смирнов С.Д. Мир образов и образ мира // Вестник Московского университета: Сер. “Психология”. — 1981. — №2. — С. 15—30.

УДК 159.9(075.8)

Актуальність теорії установки та її використання в організаційному контексті

Заболотна В.О.

Сучасні реалії функціонування організацій незаперечно доводять важливість врахування впливу психологічних досягнень на якість управління людськими ресурсами. Розумний та науково обґрунтований підхід до використання людського ресурсу стає необхідним компонентом існування будь-якої організації в ринкових умовах. Стаття аналізує трансляцію вихідних положень теорії установок Д.Н.Узнадзе на методи свідомого управління людьми в організаціях. Поряд із розкриттям основних понять теорії установки, автор статті продемонстрував основні сучасні підходи та розуміння феномену установок по відношенню до роботи, та вплив останніх на підвищення ефективності виконання задач організації. А також ті можливості, які використовують сучасні менеджери, у якості практичних засобів дослідження, формування, зміни та закріплення позитивних, з організаційної точки зору, установок, щ обули розроблені Д.Н.Узнадзе.

Современные реалии функционирования организаций неоспоримо доводят важность учета влияния психологических достижений на качество управления человеческими ресурсами. Разумный и научно обоснованный подход к использованию человеческого ресурса становится необходимым компонентом существования любой организации в рыночных условиях. Статья анализирует трансляцию исходных положений теории установок Д.Н.Узнадзе на методы сознательного управления людьми в организациях. Рядом с раскрытием основных понятий теории установок, автор статьи продемонстрировал основные современные подходы и понимание феномена установок по отношению к работе, и влияние этих установок на эффективность выполнения задач организации. А также в статье отображены те возможности, практические средства исследования, формирования, изменения и закрепления позитивных, из организационной точки зрения, установок, которые используют современные менеджеры, базируясь на теоретических разработках Д.Н.Узнадзе.

Modern realities of organizational functioning, beyond controversy, stress on the importance of consideration the influence of psychological achievements on quality of Human Resource Management. The reasonable and scientifically grounded utilization of human resources becomes the necessary component of existence of any organization in market conditions. The article analyses translation of initial positions of the attitude theory developed by D.N.Uznadze on the methods of conscious management people in organizations. The article reveals basic concepts of the attitude theory. Moreover, the author showed basic modern approaches and understanding of the phenomenon of attitude in relation to work, and influence of these attitudes on efficiency of implementation of tasks of organization. Furthermore, in the article represented the number of possibilities, practical abilities of research, forming, change and fixing positive, from the organizational point of view, attitudes used modern managers, which being based on theoretical developments of D.N.Uznadze.

Формування соціальних установок особистості дає можливість зрозуміти, як засвоєний соціальний досвід трансформується особистістю та специфічно проявляє себе в вчинках цієї особистості та її діях. Сьогодні, як ніколи, актуальним є питання передбачуваності соціальних відносин та розуміння впливу, що спричиняють нехтування питаннями досягнень психологічної науки в організаціях та суспільному житті. Розробка проблеми установки була фаховим предметом дослідження в школі Д.Н.Узнадзе.

Сам Д.Н.Узнадзе над концепцією установки працював з 20-х років і до кінця свого життя. У своїй теорії Д.Н.Узнадзе стверджував, що установка є не приватним психічним феноменом, а що вона охоплює, організує всю психіку особистості, при цьому лишаючись неусвідомлюваною. Установка визначає цілісний модус особистості, який передує свідомій діяльності, спрямовуючи її. Установка не виявляє себе у свідомості, проте спрямовує діяльність свідомості, пов'язану із задоволенням різних потреб людини. Детермінуючи людську діяльність, установка є джерелом незліченної кількості характеристик діяльності, які під час зовнішнього спостереження здаються не поєднаними, випадковими, але водночас інтегрованими однією установкою та взаємопов'язані. Установка структурує як внутрішню психологічну сферу, так і зовнішнє оточуюче середовище, що надане людині у її суб'єктивному сприйнятті.

Для того, щоб зрозуміти, що саме передувало розгортанню реальної дії або вчинку, потрібно проаналізувати потреби та мотиви, що спонукали людину до такого діяльнісного акту. Поняття, яке в певному ступеню може пояснити обрання цього спонукача – мотиву, є поняттям соціальної установки. Такі знання стали особливо актуальними в організаційному контексті, з точки зору управління людським ресурсом для оптимізації організаційних процесів. Дослідження Д.Н.Узнадзе є значним досягненням нашої науки, яке внесло величезний вклад у формування та розвиток вітчизняної психології.

Поступ будь-якої цивілізації не можливий без міцної організаційної бази. На індивідуальному рівні розвиток людини також не можливий без соціального середовища, яке виступає у формі певної організації. На найелементарнішому рівні організація є не чим іншим, як взаємовідносинами людей, які об'єднані певною (спільною) метою. Цією метою є задоволення потреб однієї чи декількох осіб або зацікавлених сторін.

Для досягнення власного професійного успіху та розуміння правил, за якими функціонують сучасні організації, недостатньо вивчати лише закономірності й основи економічної складової функціонування організацій. Практика доводить, що саме люди та їх потенціал виводили в лідери «об'єктивно» слабкі організації, в той час як інколи саме люди ставили під загрозу або навіть руйнували, здавалося б, фінансово благополучний бізнес. Людський капітал складається із нематеріальних ресурсів (вроджених здібностей, набутих знань, компетенції, енергії і, звичайно, установок), що їх працівники привносять у свою діяльність. Саме працівники, а не їх роботодавці володіють цим капіталом та вирішують, коли, як та куди вони будуть його вкладати. Іншими словами, вони можуть обирати, чи максимально викладатися на роботі, чи виконувати необхідний, аби їх не звільнили, мінімум.

Історія виникнення ідей про те, як ефективніше керувати організацією, напевно, така ж давня, як і сама цивілізація. Ще від часів створення перших організованих груп, які мали спільну мету, керівники (організатори, лідери) шукають шляхи підвищення ефективності та продуктивності праці. Проте багато століть ці зусилля були спрямовані на підвищення екстенсивних засобів виробництва. Лише ХХ століття науково обґрунтовано довело позитивний ефект, що його справляє свідоме управління людським ресурсом на підвищення конкурентоспроможності організацій.

Будь-яка організація складається з окремих людей, між якими виникають численні відносини, які опосередковано стосуються безпосереднього виконання роботи: розподіл ролей, симпатій, престижу, виділення лідерів, які в свою чергу впливають на установки людини відносно роботи.

Останнім часом в організаційному середовищі поняття установки набуло критичної важливості. Через вплив на ефективність виконання роботи, дослідженню аспектів установки працівника до роботи, процесу формування позитивної установки, моніторингу динаміки змін установки до роботи приділяється багато уваги в системі управління людським ресурсом в організації.

Установки провають послідовну стійку схильність реагувати на різноманітні характеристики індивідуумів, ситуацій або об'єктів. Установки – це ті особисті орієнтири, які дозволяють нам бути в стані «готовності» до певної дії, реакції та відношення. Ми виводимо індивідуальні установки людини з її вербального вираження своїх вірувань, відчуттів або з поведінкових реакцій по відношенню до об'єкта або ситуації.

Формування установок відбувається під впливом багатьох факторів протягом усього нашого життя, починаючи з самого дитинства. Цінності та установки взаємно переплетені з особистістю та можуть впливати на поведінку людей. Розуміння природи та впливу цінностей та установок на робочому місці може допомогти і менеджерам, і працівникам виявляти причини специфічних організаційних ситуацій та пропонувати рекомендації для ефективного керування ними й вдосконалення, яке забезпечить досягнення організацією поставленої мети.

Переконання та цінності (передумови) створюють відчуття (установку), яка впливає на свідому поведінку (результат). Наприклад, якщо для людини самостійність та незалежність мають велике значення, а установка не надає можливості самостійно вирішувати робочі питання, формується негативна установка до даного робочого місця, що в свою чергу призводить до саботування, зниження ефективності праці та бажання змінити місце роботи.

Явище установки було відкрито німецьким психологом Л.Ланге (L.Lange, 1888); загальнопсихологічна теорія установки на основі багатьох чисельних експериментальних досліджень, що була розроблена Д.Н.Узнадзе та його школою (1956р) стала вагомим підґрунтям для практичного використання теоретичних надбань в організаційному контексті. Найбільш повно етапи формування установки розкриті на базі поняття контрастна ілюзія. Поряд з неусвідомлюваними найпростішими установками визначають більш складні соціальні установки, ціннісні орієнтації особистості тощо.

Особистісні цінності – це базові принципи та догмати, які керують віруваннями, установками та поведінкою. Цінності є відносно стабільною характеристикою, часто створюються упродовж дитинства та декларуються на роботі та поза роботою протягом усього дорослого життя.

Установки – це сприятлива або несприятлива оціночна реакція на щось або на когось, яка висловлюється у судженнях, почуттях та цілеспрямованій поведінці. Установки складаються із афективного компонента, або почуттів, сентиментів, настроїв та емоцій щодо особи, ідеї, події чи об'єкта; когнітивного компонента, або переконань, поглядів, знань чи інформації, та біхевіорального компонента, або схильності діяти певним чином за сприятливої чи несприятливої оцінки чого-небудь. Афективний аспект установки (позитивний чи негативний) додає нашій поведінці емоційного забарвлення та орієнтує її в певному руслі. Когнітивні компоненти – це ті, що пов'язані з характером переробки інформації та впливають на наші переконання, думки, погляди; вони складаються з норм, віри, засобів сприймання та переробки інформації. Поведінкові компоненти установки є певним характером реакції, що співпадає з нашим ставленням до ситуації.

Задоволеність роботою є основною установкою, що визначає відношення співробітника до роботи, яка пов'язана із продуктивністю співробітника и з реалізацією його потреб на роботі. Вона також має відношення до поточності кадрів, не виходам на роботу, фізичному

та емоційному здоров'ю, показникам роботи, а також сприйняттю справедливості винагород. Поряд із задоволеністю роботою, системному вивченню підлягають дві інші важливі установки – організаційна відданість та залученість до роботи. Задоволеність роботою є ключовою установкою відношення до роботи, тому що вона постійно формує сприйняття співробітником подій, що відбуваються на роботі. Задоволеність не сприймається співробітником, як суцільна та всеохоплююча концепція. Скоріше люди розглядають задоволеність роботою як перелік окремих елементів, що відносяться до їх сприйняття робочого оточення, заохочень, управління, робочих вимог, тощо. Кожний аспект в дійсності є окремою установкою або упередженістю (тенденцією), який набувається в досвіді (монотонно-рутинному або виключному), для того, щоб реагувати на людей, об'єкти, установи позитивно або ж негативно.

Дослідники організаційних установок виокремлюють наступні аспекти задоволеності роботою: 1) задоволеність змістом чи характером роботи; 2) задоволеність оплатою праці; 3) задоволеність колективом; 4) задоволеність керівництвом та 5) задоволеність можливостями кар'єрного зростання. Важливість будь-якого аспекту може змінюватись в залежності від ситуації. Крім того, співробітник може бути дуже задоволеним одним з аспектів та вкрай розчарованим іншим. Наприклад, співробітник може бути дуже задоволеним своїм нещодавнім підвищенням, проте відчувати відразу до своїх нових колег.

Існує психологічна закономірність між віком людини та її готовністю змінювати отримані чи сформовані установки. Установки за якістю поділяють на центральні (релігія, мораль, норми) – принципи, – та периферійні (вподобання, погляди) – цінності та аттит'юди. Центральні установки транслюються нам у процесі соціалізації за допомогою сім'ї, значущого оточення, соціальних взірців, супроводжують інколи нас протягом усього усвідомлюваного життя і дуже повільно та неохоче змінюються. Периферійні установки є менш ригідними, ситуативними, більше зазнають впливу середовища, що підштовхує до змін.

Очевидно, що загальні установки, які є підставою для особистої поведінки індивіда, дають змогу проектувати та передбачати його загальні реакції на ту або іншу ситуацію. Специфічні установки дають змогу передбачити специфічну поведінку особи.

Чим більш неоднорідну робочу силу ми маємо, тим вища ймовірність значної кількості різних установок. Вірування, що були сформовані здебільшого завдяки соціо-економічному підґрунтя та власному досвіду, можуть значно варіюватись і призводити до різних установок.

Важливо розуміти, що установки можуть змінюватись або їх можна змінювати. Зміна установок часто відбувається як відповідь на соціальний вплив, навіть дуже особиста та внутрішня установка є значною мірою соціальним феноменом, тому що обумовлена уявною чи реальною поведінкою інших людей. Популярність президента, обраного в 2004 році, була високою, але стрімко впала через низку факторів. І навіть ті люди, які завзято відстоювали на Майдані його обрання, вже через рік менш позитивно оцінювали дії свого обранця. Вплив на зміну установок є вихідним припущенням реклами. Вважається, що на установки людей можуть вплинути уподобання чи точка зору значимих для них інших осіб. Тому рекламуючі певні товари або послуги користуються двоступеневим комунікаційним потоком, в процесі якого вплив засобів масової комунікації здійснюється через «лідерів думки або відношення», які, в свою чергу, впливають на оточуючих.

Зміна установок може відбуватись через когнітивний дисонанс – коли люди чинять усупереч власним установкам і часто не можуть пояснити поведінку впливом сторонніх факторів. Коли людина не може знайти зовнішнє виправдання власній поведінці, вона намагається знайти внутрішнє виправдання – зблизити дві когніції: установку та поведінку. Людина починає вірити власним суперечливим твердженням, хоча б до певної міри.

Для того щоб змінити установки якомога більшої кількості людей необхідно звернутися до іншої техніки зміни установок – техніки переконуючої комунікації. На сьогодні соціально бажані установки свідомо нав'юються та закріплюються серед населення. Наприклад, цілеспрямована робота і постійне пропагування відмови від дискримінації та впровадження відповідних законів призвели до кардинальної зміни установок щодо різних націй, расових груп, а також різних статевих ролей.

Класичне дослідження Річарда Лап'єра (1934) довело, що установки людей непередбачають їх реальної поведінки. Проте пізніші дослідження були не такими песимістичними і довели, що установки дійсно можуть передбачати поведінку людини, і це дає можливість практичного використання теорії установок, проте лише в конкретних умовах. Головне, потрібно знати, який тип поведінки ми збираємось передбачити – спонтанний вчинок чи обдуманий та заздалегідь спланований. За нещодавніми дослідженнями, установки передбачають спонтанну поведінку людей лише тоді, коли вони доступні. Доступність пов'язана з силою асоціації між об'єктом та установкою по відношенню до цього об'єкта. Якщо доступність установки достатньо висока, то поведінку людини можна з високою ймовірністю передбачити. Однак якщо установка відносно недоступна, вона повільніше виникає у свідомості і, відповідно, в ситуації, коли рішення потрібно прийняти швидко і часу на роздуми немає, поведінка може бути непередбачуваною. Теорія спланованої поведінки доводить, що установки людини по відношенню до конкретної поведінки, суб'єктивні норми та можливості контролю за своїми діями краще за все визначають її сплановану, навмисну поведінку (А. Ейзен, М. Фішбейн).

Потрібно пам'ятати, що тільки конкретні установки по відношенню до даної поведінки, а

не загальна установка, можуть передбачити її. Суб'єктивні норми відносяться до уявлення про те, як близьке оточення сприйме такий вчинок чи поведінку. На наміри також здійснює вплив відчуття можливості контролю за власною поведінкою, тобто уявлення людей про легкість, з якою вони можуть здійснити той чи інший вчинок. Знаючи ці три компоненти, за теорією спланованої поведінки можна передбачити наміри людей, які корелюють з їх запланованими вчинками.

Для менеджера актуальною проблемою є, з одного боку, зрозуміти, яким чином установки, що склалися під час онтогенезу людини, впливають на її поведінку в організації, та, з іншого, як скорегувати різні особистісні установки та задоволеність працею людей, пов'язаних одним професійним завданням.

Підводячи підсумок, можна сказати, що особистість дає опис загальному профілю або комбінації рис, які представляють унікальну природу індивіда і те, як він взаємодіє з оточенням. Діяльність, поведінка є найзагальнішими формами цілісного вияву особистості як суб'єкта. Психічне виявляється у багатьох зовнішніх та внутрішніх проявах діяльності людини, а особливості поведінки індивіда пов'язані із психічним світом. Схема особистості складається із соціальних рис, особистих концепцій, емоційної стабільності та відкритості до надбання досвіду. Важливість особистісних рис обумовлена тим, що вони дозволяють передбачувати поведінку людей. Поряд з індивідуальними відмінностями в організаційному контексті особливого значення набуло розуміння та свідоме використання процесів формування бажаних установок людини по відношенню до роботи.

Загальні положення теорії установки Д.Н.Узнадзе зберігають своє принципове значення і для соціальної, і для організаційної психології. Дослідження поняття установки дало нам можливість зрозуміти, що людина має цілу сферу активності, яка передує її звичайній свідомій психічній діяльності. Неоціненна теоретична база дала можливість сучасним фахівцям з управління персоналом розробити низку практичних засобів дослідження, формування, зміни та закріплення позитивних, з організаційної точки зору, установок. Таким чином нерозривний зв'язок психологічної теорії з практичними аспектами соціального функціонування незаперечно доводять актуальність надбань наших вітчизняних науковців, тих корифеїв, якими насправді пишається наша наука.

Література

1. Заболотна В.О. Психологічні основи управління персоналом. – Навчальний посібник. – К.: Гнозис, 2010. – 248с.
2. Степанов С.С. – Психологія в особах. – М.: Изд-во ЕКСМО-Прес, 2001. – 384с.
3. Узнадзе Д.Н. Теория установки. – М., МПСИ, 1997. – 448с.
4. Уотсон Дж.Б. Психологія як наука про поведінку. М. – Л., 1926.

УДК 159.9

СВЯЗЬ КОММУНИКАТИВНЫХ УСТАНОВОК С ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ СТУДЕНТОВ

Заика Е.В.

Представляем результаты экспериментального исследования студентов по методикам оценки коммуникативных установок как степени выраженности различных позиций в общении, а также 16 ЛФ Кэттела и САТ Шострем. Показано, что коммуникативные установки и черты личности характеризуются множеством разнообразных связей. Но в целом коммуникативные установки сохраняют специфику и относительную самостоятельность и не сводятся к непосредственному проявлению личностных особенностей.

Ключевые слова: коммуникативные установки, позиции в общении, черты личности, студенческий возраст.

Представляємо результати експериментального дослідження студентів по методиках оцінки комунікативних установок як міри вираженості різних позицій в спілкуванні, а також 16 ЛФ Кеттела і САТ Шострем. Показано, що комунікативні установки і риси особистості характеризуються безліччю різнобічних зв'язків. Але в цілому комунікативні установки зберігають специфіку і відносну самостійність і не зводяться до безпосереднього прояву особистісних особливостей.

Ключові слова: комунікативні установки, позиції в спілкуванні, риси особистості, студентський вік.

We present the results of experimental research of students on the methods of estimation of the communicative settings as degrees of expressed of different positions are in intercourse, and also 16 LF Kettela and SAT Shostrem. It is rotined that the communicative settings and lines of personality are characterized in a number of various connections. But on the whole the communicative settings save a specific and relative independence and not taken to the direct display of personality features.

Keywords: communicative settings, positions in intercourse, lines of personality, student vozrast.ya to the direct display of personality features.

Постановка проблемы и ее связь с научными и практическими задачами. Теория установки, разработанная Д.Н. Узнадзе и его сотрудниками [4,6], оказалась полезной для решения целого ряда проблем не только общей психологии (познавательных процессов, особенностей деятельности, свойств личности), но и социальной. В 50-70-е годы в Советской психологии интенсивно разрабатывалось понятие социальной установки, показана его эвристическая роль в анализе саморегуляции личности и ее социального поведения [4,5]. Важной составной частью социальных установок являются установки коммуникативные (КУ), направленные на реализацию непосредственного взаимодействия в парах или малых группах [5]. КУ рассматриваются как психологический базис широкого набора различных коммуникативных качеств и проявлений личности, поскольку именно они обеспечивают готовность строить отношения в определенном стиле и определенным типом предпочитаемых партнеров [3]. При этом КУ как элемент структуры личности, тесно связаны и взаимодействуют с другими разнообразными особенностями личности, образуя с ними единую целостную систему, внутри которой КУ, во первых, выражают собой, реализуют вполне конкретные сочетания личностных качеств, а, во вторых формируют и закрепляют их (что, впрочем, не исключает возможности и противоречий, расхождений между ними). Изучение связи конкретных КУ с широким набором личностных качеств важно как для теоретического понимания структуры личности с точки зрения взаимосвязи ее характерологических качеств и коммуникативных проявлений, так и для практического прогнозирования особенностей ее общения по личностным качествам и, наоборот, личностных качеств по коммуникативным проявлениям.

Анализ публикаций по проблеме. В литературе исследован широкий набор различных социальных установок и их связей с трудовой деятельностью, социальной активностью, асоциальными проявлениями, психокоррекционными возможностями [2,4,5]. Что касается непосредственно КУ, то они изучались в связи с позициями в общении: сверху, снизу, на равных; социометрическим статусом человека; типами конфликтов, возникающих в общении [2]. Особый интерес представляет собой концепция КУ, основанная на теории Э. Берна, выделившего три эго-состояния личности: Дитя, Родитель, Взрослый [1]; эта концепция представлена в работе [3].

Среди имеющихся многочисленных исследований по психологии студенческого возраста описаны данные о широком круге различных личностных, профессиональных, мотивационных и коммуникативных качеств студентов, охарактеризована их динамика от курса к курсу с учетом специфики специальности [7,8 и др.]. Но при этом, отсутствуют работы, в которых изучалась бы связь между, с одной стороны, КУ студентов и, с другой стороны, их личностными качествами. Это и есть тот нерешенный аспект проблемы связи личности и общения, разработке которого и посвящается статья.

Цель статьи – изучить и охарактеризовать взаимосвязи между особенностями КУ студентов и их личностными чертами.

Изложение основного материала состоит из двух частей:

- 1) описание методик исследования;
- 2) приведение его результатов и их анализ.

Часть 1. Методики исследования.

Для исследования КУ применялась методика, подробное описание и обоснование которой содержится в [3]. Используемый в методике материал – 12 карточек с кратким и полярным описанием позиций личности в общении (см. табл. 1). Эти позиции образованы пересечением трех эго-состояний (Дитя, Родитель, Взрослый) с четырьмя типами общения:

- 1) аффилиативного, которому свойственна естественность, энергичность и внимание к индивидуальности партнера;
- 2) формального, характеризующегося преобладанием нормативности, аналитичности и тенденции к деиндивидуализации партнера;
- 3) отгороженного, которому присущи низкая продуктивность, неэнергичность и невнимание к партнеру;
- 4) конфликтного, связанного со склонностью к аффектам и неадекватному поведению, иногда граничащему с патологическим.

Таблица 1

Эго-состояния	Тип общения			
	гармоничный	формальный	отгороженный	конфликтный
Дитя	1. Общается, оригинальничает, острит, играет, использует уловки в своих интересах, притворяется и фантазирует	2. Стремится соблюдать правила и нормы, ориентируется на авторитеты, чувствителен к похвалам и упрекам, полагается на других	3. Стремится плыть по течению, избегает ответственности, предпочитает быть беззаботным и иметь покровительство	4. Делает все шиворот - навыворот, напрашивается на наказания, назло «тянет резину», дерзит и мечтает свести счеты
Родитель	5. опекает другого, всегда готов оказать поддержку, тревожится за других, доброжелательно и доступно объясняет, сглаживает конфликты	6. Требуется ответственного поведения и строгого соблюдения правил и норм, часто выражает одобрение или неудовольствие поведением других	7. Отчуждается, предоставляя свободу, отстраненно наблюдает, критикует людей и времена, склонен к упрекам	8. Настойчиво ищет недостатки, категорически требует послушания, часто отстаивает свой авторитет, не терпит возражений
Взрослый	9. Заключает взаимный договор, творческий союз, соперничает и понимает других, обменивается мыслями и чувствами	10. Собирает факты, хладнокровно рассчитывает и взвешивает, заранее планирует, обладает «железной» логикой, умеет держать себя в руках	11. Избегает споров, живет в мире иллюзий, во всем сомневается, копается в себе, не умеет воплощать замыслы	12. Имеет непоколебимую систему взглядов, логически обосновывает свои предубеждения, придумывает себе врагов, плохо понимает людей

Испытуемому предлагается проранжировать эти карточки по степени схожести на себя, а затем по степени привлекательности содержащихся в них психологических портретов (тексты инструкций см. в [3]).

Фиксируемыми показателями здесь выступают: реальные осознаваемые позиции человека в общении, представленные в виде полного ранжированного ряда позиций по степени схожести на себя; желаемые идеальные позиции в общении – в виде ранжированного ряда по степени привлекательности позиций; степень удовлетворенности реальными позициями – как коэффициент ранговой корреляции Спирмена между двумя этими ранжировками.

Для изучения личностных особенностей применялись два широко распространенных в психологии опросника:

- 1) 16-факторный опросник Кэттелла, включающий в себя 16 шкал направленных на комплексную всестороннюю характеристику различных особенностей поведения человека и его представлений о себе, и
- 2) тестсамоактуализации Шострем (САТ), измеряющий уровень самоактуализации личности по 14 шкалам.

Испытуемые – 49 человек (10 мужчин и 39 женщин), студенты естественно научных факультетов разных вузов (35 чел), а также слушатели курсов менеджеров (14 чел), средний возраст 23 года.

Часть 2. Результаты исследования и их анализ.

Сперва приведем результаты, дающие общую характеристику КУ. Убывающий усредненный порядок реальных позиций в общении для юношей составляет: 9 1 11 5 12 10 6 7 3 8 4 2 и для девушек: 11 5 1 9 6 7 3 12 2 10 4 8. Желаемые позиции для юношей и девушек сходны, их усредненный ряд: 9 5 1 6 10 11 7 12 8 4 3 2. Степень удовлетворенности собственными позициями (коэффициент корреляции) у юношей колеблется от -0,47 до +0,92 при среднем значении +0,51, у девушек: от -0,23 до +0,96 при среднем 0,54. При этом каждая из 12 позиций в общении имела больший или меньший но всегда достаточно выраженный диапазон вариаций (например, позиция 11- от 1-го до 9-го места, 7 – от 1-го до 12-го; 8 – от 5-го до 12-го).

В результате статистического анализа были получены коэффициенты линейной корреляции Пирсона между степенью выраженности позиций испытуемым в общении (рангом, занимаемым каждой позицией в общем ряду) и значениям показателей по тестовым шкалам опросников 16ЛФ и САТ

Те, у кого в общении более выражена позиция №2, сравнительно конформны, скромны, тактичны, доброжелательны; робки в социальных ситуациях, застенчивы, осторожны; не гибки в реализации своих ценностей (факторы Е и Н по 16 ЛФ); соответственно, те, у которых эта позиция на последних местах, обладают противоположными личностными чертами. А те, у кого относительно более выражена в общении позиция №5, сравнительно эмоционально устойчивы, имеют достаточно высокую степень интериоризации социальных норм, тенденцию к доверчивости, бескорыстны, жизнерадостны, не истероидны; ориентированы лишь на один из отрезков временной шкалы (прошлое, настоящее, будущее) (это расшифровка связей со шкалами С, G и 16ЛФ и шкалы компетентности во времени САТ). Аналогично может быть охарактеризована связь каждой позиции в общении с каждой из исследованных черт личности.

Наибольший интерес представляют некоторые обобщенные результаты корреляционного анализа. Так, степень выраженности различных позиций в общении, характеризующих КУ, в целом, имеет гораздо больше связей с широким набором различных качеств личности, тестируемых по 16ЛФ, чем с особенностями самоактуализации личности, выявляемыми по САТ. Так, связь КУ с 16 шкалами 16ЛФ дает аж 23 статистически значимых связи, в то время как с 14 шкалами САТ – лишь 14 связей.

При этом выраженность разных позиций в общении характеризуется различным количеством связей с показателями личностных особенностей. Наибольшее количество этих связей дает позиция №8 (с тремя шкалами 16ЛФ и четырьмя САТ), №9 (с пятью шкалами 16ЛФ и одной САТ), №7 (с тремя 16ЛФ и двумя САТ). При этом позиция №1 не дает ни одной связи (из 16+14=30 возможных), а позиции №3,4,11 – лишь по одной связи. В целом, наибольшее количество значимых связей приходится на позиции Р и В, а позиция D почти не имеет значимых связей.

Различные личностные качества также обнаруживают неодинаковую связанность с КУ. Из черт личности, тестируемых 16ЛФ, наибольшее количество таких связей дают факторы G (4 из 12 возможных), А,С,Е (по три связи); среди показателей САТ: спонтанность (три связи), сензитивность к себе, самоуважение (по две связи).

Сопоставление личностных качеств со степенью удовлетворенности реальными позициями в общении (коэффициентом Спирмена) не дало ни одной статистически значимой связи; но близкими к значимым оказались две связи – со шкалами САТ: сензитивность к себе имеет тенденцию сочетаться с низкой удовлетворенностью позициями в общении, а самоуважение – с высокой.

Выводы. Между особенностями КУ и выраженностью различных личностных особенностей (диагностируемых опросниками 16ЛФ и САТ) имеются статистически значимые связи. Эти связи охватывают широкий набор различных позиций в общении и личностных качеств. Однако эти связи, как правило, не очень сильные, все они находятся в интервале от 0,305 до 0,496 (по абсолютной величине); не обнаружено ни одной связи, которая превышала бы 0,5. При этом одни позиции в общении обнаруживают больше связей с личностными особенностями, другие меньше, а третьи не обнаруживают совсем. Аналогично, одни черты личности связаны с позициями в общении больше, другие меньше, третьи не связаны совсем.

В целом особенности КУ и личностные качества имеют хотя и не сильные, но многосторонние связи, что явно свидетельствует о их взаимодействии и взаимодетерминации в общей структуре личности. Вместе с тем КУ и черты личности отнюдь не растворяются одно в другом, КУ имеют относительную независимость от личностных особенностей и характеризуются относительной самостоятельностью. При том, что КУ имеют широко разветвленную укорененность в различных личностных особенностях, они все же прямо и однозначно из них не выводятся.

Перспективу дальнейших исследований представляет выяснение того, что же все-таки стоит за этим относительным несовпадением КУ и личностных качеств: реальная неизбежная расщепленность между личностью как таковой (вещь-в-себе) и ее проявлении в конкретных актах общения? Напряженность противоречия между одним и другим, как движущая сила

их взаимных изменений и совершенствования? Относительная несформированность КУ в юношеском возрасте? Для выяснения этих (и других) вопросов считаем целесообразным для начала провести аналогичное исследование и с другими возрастными группами: школьниками старших классов и взрослыми разного возраста.

Литература

1. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры: Пер. с англ. – Спб.: Лениздат, 1992.-400с.
2. Добрович А.Б. Воспитатель о психологии общения. – М.: Просвещение, 1987. – 207с.
3. Ивашов А.Н., Заика Е.В. Методика исследования коммуникативных установок личности // Вопр. Психологии. 1991. №5. с. 162 - 167.
4. Надирашвили Ш.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. – Тбилиси: Мецниереба, 1974. - 170с.
5. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. – Л.: Наука, 1979. - 264с.
6. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. – 451с.
7. Фальова О.Е., Заїка Е.В. Особистість і пізнавальні процеси студентів ВНЗ: діагностика, розвиток, корекція: Навч. Посібник. – Краматорськ: КЕГУ, 2005. – 404с.
8. Фальова О.Е., Заїка Е.В. Особливості особистості студентів ВНЗ: динаміка від курсу до курсу та зв'язок зі спеціальністю // Практична психологія та соціальна робота. 2011. №6. с. 69-76.

УДК 159.9

Некоторые исследования памяти с позиции теории установки

Заика Е.В.

Описаны и проанализированы экспериментальные исследования по психологии памяти, выполненные в русле теории установки Д.Н. Узнадзе. Представлены методики и основные результаты таких исследований, проведенных в 50-80-е годы. Показана продуктивность теории установки в разработке проблем психологии памяти, в частности, в выяснении закономерностей проявления неосознаваемого в памяти, а также изучении динамических аспектов работы памяти.

Ключевые слова: теория установки, установка, память, запоминание, неосознаваемое в памяти.

Experimental researches are described and analyses on psychology of memory, options of Д.Н. executed in the river-bed of theory. Узнадзе. Methodologies and basic results of such researches, conducted in 50-80th in soviet psychology. The productivity of theory of setting in development of problems of psychology of memory is shown, in particular, in finding out of conformities to law of display unrealized in memory, and also study of dynamic aspects of work of memory.

Keywords: theory of setting, setting, memory, memorizing unrealized in memory.

Описані і проаналізовані експериментальні дослідження по психології пам'яті, виконані в руслі теорії установки Д.Н. Узнадзе. Представлені методики і основні результати таких досліджень, проведених в 50-80-і роки в радянській психології. Показана продуктивність теорії установки в розробці проблем психології пам'яті, зокрема, в з'ясуванні закономірностей прояву неусвідомлюваного в пам'яті, а також вивченні динамічних аспектів роботи пам'яті.

Ключові слова: теорія установки, установка, пам'ять, запам'ятовування, що не усвідомлюється в пам'яті.

Постановка проблемы и ее связь с важными научными и практическими задачами.

Проблема памяти в отечественной (советской, российской и украинской) психологии памяти 20-го века оказалась разработанной в целом достаточно хорошо. При этом разработка основных процедур и методик изучения, памяти, проведение ее экспериментальных исследований и анализ полученных результатов осуществлялись преимущественно в русле лишь двух основных подходов к памяти, реализованных в советской психологии: функционально-генетического, разработанного Л.С. Выготским и А.Н. Леонтьевым в 20-30-е годы, и деятельностного, разработанного П.И. Зинченко и А.А. Смирновым и их сотрудниками в 30-80-е годы [2].

Вместе с тем, важным достижением советской психологии является теория установки, разработанная в Грузии в 30-80-е годы усилиями Д.Н. Узнадзе и его сотрудников [1, 5, 6]. Эта теория содержит в себе огромные потенциальные возможности для теоретической и экспериментальной разработки проблем психологии памяти. В дополнение к существующей деятельностной концепции, в русле которой проблематика психологии памяти интенсивно разрабатывалась и продолжает разрабатываться, а также в сочетании, во взаимодействии с ней применение для этого теории установки Д.Н. Узнадзе позволит раскрыть новые горизонты исследований памяти, важных как для разработки ее теории, так и для решения разнообразных практических задач, связанных с функционированием памяти.

Анализ последних публикаций. В психологической литературе по психологии памяти и по теории установки сложилась следующая парадоксальная ситуация. С одной стороны, в украинской и российской психологии памяти последовательно реализуются лишь деятельностный, а также и другие подходы к изучению памяти: личностный, системный, психофизиологический, но при этом почти не используется исследовательский потенциал теории установки. С другой стороны, в грузинских и российских разработках теории установки основной упор делается на решение проблем личности, социальных взаимодействий, восприятия, воображения и мышления, но при этом явно недостаточно внимания уделяется решению проблем психологии памяти.

Такой наметившийся разрыв между теорией установки и психологией памяти представляется совершенно неестественным. Его необходимо срочно преодолеть. И это вполне возможно, хотя бы потому, что еще в 50-80-е уже был проведен ряд интереснейших экспериментальных исследований памяти с позиций теории установки, причем как грузинскими психологами (в Тбилиси), так и российскими (в Москве) [1, 3]. К огромному сожалению, эти исследования к настоящему времени подверглись ничем не оправданному забвению, о них почти не упоминают в психологических обзорах, и более того, их иногда относят не к психологии памяти, а к иным рубрикам: социальные установки, восприятие, ориентировочная реакция и т.п.

Следовательно, важным этапом синтеза теории установки и психологии памяти и построения программы дальнейших исследований психологии памяти с позиций теории установки (как самой по себе, так и в сочетании с традиционным для психологии памяти деятельностным подходом) являются экспликация, систематизация и анализ уже имеющихся достижений на этом пересечении.

Цель статьи – описать и проанализировать основные экспериментальные исследования по психологии памяти с позиций теории установки, обратив при этом особое внимание на процедурно-методические аспекты таких исследований и на анализ полученных результатов

с позиций психологии памяти.

Первая частичная попытка такового синтеза предпринята нами в работе [2]; настоящая статья представляет собой дополнения к этому анализу – описание методик, которые в предыдущую работу не вошли.

Изложение основного материала. Описаны исследования выполнены грузинскими психологами: И.Т. Бжалава [1] и Л.Д. Квавилашвили [4].

Запоминание слов, связанных с содержанием картины (И.Ф. Бжалава) [1].

Методика направлена на изучение зависимости запоминания слов от общей установки, связанной с ситуацией запоминания. Проводится в два этапа.

На первом этапе у человека вырабатывается общая установка на один из элементов экспериментальной ситуации – на висящую перед испытанием большую картину (размер примерно 1 на 2 метра, расстояние 2-2,5 м), висящую на стене прямо перед столом, за которым он работает. В течение 20-30 мин. Испытуемый за столом выполняет ряд заданий, не имеющих никакого отношения ни к содержанию картины, ни к его памяти – ряд обычных традиционных тестов на внимание: пробы Бурдона, выходы из лабиринтов, распутывание пересекающихся линий, расположение двузначных чисел в порядке их возрастания. Картина, висящая непосредственно над столом все время пребывает в поле периферического зрения исследуемого, а иногда попадает и в центральную его часть. Экспериментатор не обращает никакого внимания испытуемого на эту картину, она выглядит как не имеющий отношения к исследованию элемент декора.

На картине в реалистической манере изображен двор крестьянина: часть дома, деревянный забор, хлев, корова, несколько бидонов, горшков и ведро и пр.

Второй этап исследования проводится на следующий день. Исследуемый снова попадает в этот кабинет, но картина уже отсутствует. Проводится исследование его памяти. Зачитывается один раз, медленно (интервал 3 сек) ряд из 24 слов. Испытуемый должен их запомнить, а потом воспроизвести (устно или письменно) в любом порядке. При этом 9 слов непосредственно связаны с содержанием висевшей над столом картины, а 15 – не связаны. Слова из этих обеих групп представляются вперемешку. Слова, связанные с картиной: корова, скамья, забор, метла, окно, арбуз, телега, ведро, сено. Слова с ней не связанные: грузовик, пальто, театр, орел, бритва, овраг, вокзал, правнук, газета, весло, рояль, плакат, циркуль, метель, фуражка.

Для каждого испытуемого подсчитывается количество слов из обеих групп, которые он воспроизвел правильно, и доли переводятся в проценты (например, при правильном воспроизведении 5 слов, связанных с картиной, и 7 не связанных результат будет: $5:9 = 55,6\%$ и $7:15 = 46,7\%$). Вычисляется также средний результат по всем испытуемым.

Для большей аргументации вывод в исследовании участвует также и контрольная группа испытуемых, которые эту картину не видели, но также накануне проходили тестирование на внимание и теперь им предлагается запомнить ряд из 24 слов.

После воспроизведения всех слов испытуемым первой, основной группы задается вопрос: во время выполнения задания вспоминали ли они о картине, насколько часто и обратили ли они внимание на связь слов с содержанием картины. По ответам на эти вопросы они разделяются на две подгруппы: а) вспомнившие о содержании картины (хоть мимолетно, хоть на мгновение) и б) не вспомнившие о ней.

Испытуемые – взрослые люди в возрасте 25-55 лет, находящиеся в санатории на отдыхе и в связи с лечением различных нетяжелых хронических заболеваний.

Результаты, свидетельствуют о том, что влияние общей установки, связанной с картиной, как частью прежней экспериментальной ситуации, действительно имеет место в процессах памяти и сказывается на их результатах. Так, если бы эта картина никак не влияла на запоминание слов, результаты оказались бы равны примерно 37,5 и 62,5 %, что соответствует ситуации, когда обе группы слов запоминаются с абсолютно одинаковой эффективностью (в соотношении 9 к 15), или хотя бы 44,3 и 55,7 %, что соответствует показателям контрольной группы (их отличие от средне-ожидаемых статически не значимо и находится в пределах возможных случайных колебаний).

Экспериментальная же группа, подверженная влиянию установки, запомнила слова, связанные с картиной, гораздо лучше: аж 63,5 %, причем этот факт проявился и на тех испытуемых, которые в ходе исследования вспомнили о картине (68,0 %) и – что особенно интересно и показательно – даже на тех, которые о картине совершенно не думали и не вспоминали (60,3 %). В этом случае установка отчетливо работала на неосознаваемом уровне.

Следовательно, протекание процессов памяти: запоминания и воспроизведения материала, в значительной мере определяется ранее выработанной установкой на элементы ситуации запоминания, причем факт этого влияния установки может человеком не осознаваться.

Предъявление осмысленного поручения (Л.Д. Квавилашвили)[4].

Исследуется особый вид памяти – памяти на намерения, которая проявляется в выполнении или невыполнении определенного заданного действия, адресованного другому человеку. Если при обычном функционировании памяти человек основные усилия прилагает на запоминание определенного содержания (информации), то при воспоминании намерения

наряду с воспроизведением конкретного содержания память берет на себя и функцию обеспечения самого факта припоминания этого содержания в нужный момент, т. е. установку на восприятие совершающееся в конкретный, строго определеннный момент. Исследуется связь между качеством памяти на содержание и памятью на намерение т. е. установкой на воспроизведение (функционируют ли они по одному механизму или представляет собой различные феномены)

Испытуемому дается несложное осмысленное поручение, а затем фиксируются как сам факт выполнения или невыполнения этого намерения, так и качество сохранения в памяти того содержания, которое следует воспроизвести.

Эксперимент проводят два экспериментатора, находящиеся в двух разных комнатах. Основная цель эксперимента маскируется от испытуемого выполнением других, не имеющих отношения к цели исследования заданий.

Инструкция испытуемому (заданная первым экспериментатором): «Наш эксперимент имеет комплексный характер. Первый опыт мы проведем здесь, затем Вы перейдете в соседнюю комнату, где проведете ряд опытов со вторым экспериментатором. Когда вы вернетесь сюда, мы проведем еще один опыт. Все опыты состоят из коротких тестов, выполнение которых не потребует от Вас много времени». После этого проводится опыт с тестом Бурдона, который не имеет прямого отношения к цели исследования. Когда испытуемый заканчивает выполнение задания, экспериментатор просит его перейти в соседнюю комнату и еще раз напоминает, что потом он должен вернуться обратно. Испытуемый встает и выходит из комнаты, но у двери экспериментатор обращается к нему со следующей просьбой: «Извините, 1 по-моему, здесь допущена какая-то ошибка (указывает на протоколы опытов, которые он до этого перелистывал и что-то из них выписывал на листок). Если можно, спросите второго экспериментатора, какие данные получил во вчерашних опытах испытуемый Каледин».

Как только испытуемый переходит в соседнюю комнату, он сразу же передает просьбу второму экспериментатору, который на несколько секунд заглядывает в протокол опытов, делая вид, что ищет необходимые данные, а потом сообщает испытуемому: «Видимо, данные Каледина находятся не в этом протоколе, поэтому будет лучше сперва провести опыт, а после окончания напомните мне, чтобы я нашел данные этого испытуемого». После этого экспериментатор предлагает испытуемому выполнить несколько тестов на запоминание слов, чисел или фигур. По окончании этих опытов экспериментатор сообщает испытуемому, что теперь он должен вернуться в первую комнату. Именно в это время наступает «критический» момент эксперимента. В поведении испытуемого возможны четыре исхода:

1. Если по окончании опыта испытуемый напомнит экспериментатору просьбу и сможет безошибочно воспроизвести фамилию, то экспериментатор открывает шкаф, достает тетрадку, записывает на листке фиктивные данные Каледина, дает листок испытуемому. Тот, возвращаясь в первую комнату, передает его экспериментатору.

2. Если испытуемый напомнит просьбу, но не сможет воспроизвести фамилию, то экспериментатор говорит ему, что после окончания экспериментов он сам увидится с первым экспериментатором.

3. Если испытуемый выходит, забывая просьбу, тогда экспериментатор зовет его обратно и сам напоминает ему об этом. Если испытуемый сам припоминает фамилию, экспериментатор ведет себя как в первом варианте.

4. Если же испытуемый не может в этом последнем случае безошибочно воспроизвести фамилию, тогда экспериментатор говорит ему то же, что и во втором варианте.

Таблица 1

Результаты воспроизведения намерения и воспроизведение содержания (в %)

Воспроизведение намерения	Воспроизведение содержания		
	Называние фамилии	Забывание фамилии	Всего
Напоминание просьбы в нужный момент	15	40	55
Забывание напоминания просьбы в нужный момент	6	39	45
Всего	21	79	

После возвращения испытуемого в первую комнату экспериментатор проводит еще один опыт (также не имеющий отношения к цели эксперимента) и объявляет, что работа окончена.

При обработке результатов определяется связь между воспроизведением намерения (напоминания экспериментатору) и воспроизведением содержания (фамилии).

Полученные результаты (табл.1) показывают, что память на намерения, т. е. установка на воспроизведение, и память на содержание крайне слабо связаны друг с другом ($r = 0,16$); два рассматриваемых вида памяти не зависят друг от друга и имеют различные механизмы функционирования. Следовательно, если в памяти сохранено содержание намерения, то это еще не обуславливает обязательности припоминания этого содержания в нужный момент. И, наоборот, воспроизведение намерения в определенный момент не обуславливает воспроизведения содержания этого намерения. Этот факт позволяет объяснить многие ошибки

нашей памяти в повседневной жизни.

Изучение факторов, влияющих на вспоминание намерения (Л.Д. Квавилашвили) [4]. В дополнение к вышеописанной методике, исследуется вопрос о том, какие факторы оказывают влияние на вспоминание или забывание намерения (выполнения поручения). Для исследования выделено три таких фактора:

1) значительность или незначительность намерения, определяемая степенью важности его выполнения для других лиц (и возможных последствий его невыполнения),

2) характер латентного периода между предъявлением поручения и моментом, в который нужно его выполнить; этот период может быть «незаполненным» (просто отдых) или «заполненным» какими-либо действиями: в одном случае неинтересными, в другом – интересными,

3) наличием или отсутствием персевераций во время латентного периода, т.е.: вспоминал ли он о намерении или нет.

Исследование строится по схеме естественного эксперимента. При этом испытуемые разделяются на 6 групп в соответствии с табл. 2.

Таблица 2

Шесть групп испытуемых

		Характеристика латентного периода		
		Незаполненный	Заполненный неинтересными действиями	Заполненный интересными действиями
Намерение	Незначительное	1-я	2-я	3-я
	Значительное	4-я	5-я	6-я

Испытуемые всех групп, участвуя в эксперименте, по одиночке, сперва проходят измерение времени реакции на специальном аппарате, а затем экспериментатор предлагает пройти в соседнюю комнату.

В 1-й и 4-й группах незаполненный интервал вводится так: испытуемому сообщается, что через 5 минут он пройдет повторное тестирование на время реакции, но для этого ему нужно просто расслабиться, посидеть спокойно, отдохнуть.

Во 2-й и 5-й группах заполненный неинтересными действиями 5-минутный интервал предполагает выполнение традиционного теста Бурдона на внимание (зачеркивание и подчеркивание заданных букв).

В 3-й и 6-й группах заполненный интересными действиями 5-минутный интервал предполагает рассматривание 40 фотографий, которые надо разложить на 2 группы: обыкновенные и преступники; задание предполагается, как тест на интуицию.

Во всех шести группах испытуемых латентный период длительностью в 5 минут задается крупными песочными часами, установленными на столе перед испытуемым.

Далее во всех группах испытуемых экспериментатор говорит: «Чтобы вам ничто не мешало, я отключу этот телефон, стоящий на столе (и нажимает на кнопку отключения). Но когда пройдут эти пять минут, то, пожалуйста, его включите, хорошо?» Так задается намерение включить телефон незначительное – в группах № 1, 2 и 3.

В группах же № 4, 5 и 6 к этому добавляется: «Телефон включите обязательно. Наш заведующий ждет очень важного звонка от коллеги из другого города. Пожалуйста, включите».

Всем испытуемым также говорится, что по истечении 5-минутного интервала, отмеренного по песочным часам, они должны немедленно вернуться в комнату, где находится прибор для измерения времени реакции. И продолжить на нем работу.

Главный фиксируемый показатель – это включил испытуемый телефон или не включил, когда переходил из комнаты в комнату.

Затем с испытуемым проводится беседа, в ходе которой выясняется, насколько интересно ему было выполнение заданий и т.п., и в частности, выясняется, вспоминал ли он о просьбе экспериментатора включить стационарный телефон во время 5-минутного периода и насколько часто. Если испытуемый вспоминал о телефоне – он входил в подгруппу «с персеверацией», если совсем не вспоминал и не думал об этом – в подгруппу «без персевераций».

Испытуемые – студенты вузов. В каждой группе по 50 чел. Анализ полученных данных свидетельствует о следующем:

1) чем важнее намерение, тем больше вероятность его вспоминания в нужный момент, этот фактор действует при любом характере латентного периода;

2) характер латентного периода также влияет на вспоминание намерения; вероятность такого вспоминания наибольшая при незаполненном интервале и наименьшая при заполненном интересными действиями;

3) наличие персевераций о намерении также повышает вероятность его вспоминания; при этом сама вероятность появления персевераций больше при значительном намерении и меньше при незначительном, а также больше при интервале незаполненном.

Следовательно, проявление установки на совершение действия, т.е. вспоминание намерения зависит от целого ряда факторов, среди которых: важность или неважность намерения, характер латентного периода, наличие или отсутствие персевераций.

Выводы. 1. Экспериментальные исследования закономерностей работы памяти в русле теории установки Д.Н. Узнадзе (как и выходы концепции установки в разработку проблем памяти) имеют давнюю традицию, прочный фундамент конкретных наработок (разработанных исследовательских методик и полученных с их помощью результатов), свидетельствующий о чрезвычайной плодотворности применения теории установки для исследований памяти.

2. Имеющиеся исследования касаются в основном следующих аспектов памяти, которые оставались недостаточно изученными в русле традиционного деятельностного (а также функционально-генетического, системного, личностного) подходов к памяти: неосознаваемое в памяти: возможности фиксации и актуализации материала на неосознаваемом уровне; запоминание материала, входящего в фон деятельности: возможности и условия его фиксации и актуализации; динамические тенденции в памяти, связанные с воспоминанием и осуществлением намерения: условия, способствующие и препятствующие этому. Разработка прежде всего этих аспектов памяти может плодотворно осуществляться с позиций теории установки.

3. В целом исследовательский потенциал теории установки для разработки проблем памяти (как и изучение разных аспектов памяти для развития теории установки) использован пока крайне недостаточно. Новые методики исследования памяти в русле теории установки можно разрабатывать как в плане уточнения, дополнения и усовершенствования уже имеющихся и описанных выше методик, так и в противовес им, как альтернативные им. В любом случае, представленный в статье материал может рассматриваться как хорошая стартовая площадка для широкого развертывания дальнейших исследований памяти либо в русле непосредственно теории установки, либо на стыке теории установки с традиционно применяющимися к ней подходами: деятельностным, системным и др.

Литература

1. Бжалава И.Ф. Психология установки и кибернетика. – М.: Наука, 1966. – 250 с.
2. Заика Е.В. Экспериментальная психология памяти: Основные методики и результаты исследований. – Харьков: ХГУ, 1992. – 364 с.
3. Запорожец А.В. Избранные психологические труды: В 2 т. – Т. 2: Развитие произвольных движений. – М.: Педагогика, 1986. – 296 с.
4. Квавилашвили Л.Д. Воспоминание (забывание) намерения как особая форма памяти и влияющие на него факторы. – Тбилиси: Мецниереба, 1990. – 86 с.
5. Прангишвили А.С. Исследование по теории установки. – Тбилиси: Мецниереба, 1967. – 316 с.
6. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М.: Наука, 1966. – 451 с.

УДК 159.9(075.8)

Установка на здоровый образ жизни у студенческой молодежи и факторы ее определяющие

Зотова Л.Н.

Исследованы условия формирования установки студентов на здоровый образ жизни – представления о здоровье, восприятие разных видов социальной поддержки и чувствительность к действию стресс-факторов учебной деятельности. Выявлена пятифакторная структура представлений студентов об их собственном здоровье и качестве жизни. Доказано, что способность студентов к восприятию разных видов социальной поддержки и повышенная чувствительность студентов к действию стресс-факторов учебной деятельности в вузе тесно коррелируют со способностью поддерживать на высоком уровне здоровье и качество жизни в разных сферах.

Ключевые слова: здоровье; здоровый образ жизни; установка на здоровый образ жизни у студентов; восприятие социальной поддержки; стресс-факторы учебной деятельности студентов.

Досліджені умови формування установки студентів на здоровий спосіб життя – уявлення про здоров'я, сприйняття різних видів соціальної підтримки і чутливість до дії стрес-факторів учбової діяльності. Виявлена п'ятифакторна структура уявлень студентів про їх власне здоров'я і якість життя. Доведено, що здатність студентів до сприйняття різних видів соціальної підтримки та підвищена чутливість до дії стрес-факторів учбової діяльності у виз тесно корелюють із здатністю підтримувати на високому рівні здоров'я і якість життя в різних сферах.

Ключові слова: здоров'я; здоровий спосіб життя; установка на здоровий спосіб життя у студентів; сприйняття соціальної підтримки; стрес-фактори навчальної діяльності студентів.

The present paper studied skill formation for healthy way of life in student-their understanding of health, the perception of different kinds of social approval and the ability to respond to stress-factors of studying process. It was proved that the high ability to respond to stress-factors of studying process at the Universities and perception of different kinds of social approval are closely correlated with the ability to keep high level of health and the life level in different spheres.

Key words: health; healthy way of life; skill formation for healthy way to life; perception of social approval; stress-factors of studying process.

Постановка проблемы. Основным содержанием феномена здорового образа жизни является забота о физическом, психическом, социальном и духовном здоровье как высшей ценности. К числу факторов, обеспечивающих следование здоровому образу жизни обычно относят: 1) макросоциальный фактор (культурные традиции общества, страны, нации, этноса), 2) микросоциальный фактор (условия жизни семьи, к которой принадлежит и в которой живет человек), 3) психосоциальный фактор (место здоровья в иерархии потребностей и ценностей данной семьи) и 4) психологический фактор (установка личности, ее готовность принять на себя ответственность за свое здоровье) [5]. Наличие такой установки свидетельствует о том, что здоровье занимает одно из ведущих мест в иерархии потребностей личности.

По Д.Н. Узнадзе, установка как неосознаваемая готовность к деятельности возникает в результате пересечения (встречи, синтеза) потребности и ситуации, в которой эта потребность может быть удовлетворена [6]. Формирование установки предшествует деятельности, содержит в себе «проект» этой деятельности. Следовательно, здоровому образу жизни как деятельности предшествует установка на такую деятельность. Здоровый образ жизни можно рассматривать как активную общественно-трудовую, коммуникативную, семейно-бытовую деятельность людей, в которой всесторонне проявляются физические и духовные способности людей в единстве и относительной гармонии с окружающей природой и социальной средой.

В студенческом возрасте следование здоровому образу жизни (или отход от него) тесно связаны с учебно-познавательной деятельностью. Учебная деятельность студентов может быть источником многочисленных (в большинстве своем умеренных по интенсивности и хронических по длительности) стрессов, которые, аккумулируясь в психике, препятствуют всесторонней самореализации и раскрытию творческого и духовного потенциала личности студента, подрывают его физическое и психическое здоровье. Студентам необходимо сдавать ответственные экзамены, присутствовать на занятиях, характеризующихся монотонностью, проявлять интенсивную интеллектуальную активность при усвоении разнообразного научного материала, поддерживать и развивать контакты с однокурсниками, преподавателями, вузовской администрацией и т.п. В студенческой среде с особой силой проявляется все многообразие перегрузок и требований к личности. Оптимистическая оценка собственного здоровья преобладает над тенденцией заботиться о нем. Юноши и девушки, как правило, неадекватно воспринимают свои личностные ресурсы как неисчерпаемые. Опасения, связанные с пребыванием в условиях длительного стресса вытесняются из сознания выраженной мотивацией достижения и преимущественной ориентацией на настоящее. Стиль студенческой жизни часто оказывается несовместимым с заботой о собственном здоровье. Все это является испытанием для подсистем личности, находящихся в состоянии неустойчивого равновесия.

Формирование установки на здоровый образ жизни у студентов происходит в тесной связи

с успехами и неудачами в учебной деятельности. При этом важной внутренней переменной, участвующей в формировании такой установки, является совокупность знаний и убеждений студентов относительно того что такое здоровье и от чего оно зависит. Важными внешними переменными являются трудные (стрессовые, напряженные) ситуации, возникающие в процессе учебной деятельности, а также разного рода источники социальной поддержки, которые студент способен обнаружить и которыми он может воспользоваться. Поэтому в нашем исследовании решались следующие задачи: 1) выявить особенности и структуру представлений студентов о наиболее важных факторах их собственного здоровья, 2) изучить взаимосвязь между оценками собственного здоровья и установками на использование социальной поддержки и 3) исследовать взаимосвязь между оценками собственного здоровья и степенью чувствительности к действию различных стресс-факторов, проявляющихся в процессе учебной деятельности в вузе. В качестве испытуемых в исследовании участвовали 233 студента (198 женщин и 35 мужчин) в возрасте от 18 до 31 года – студенты Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина и Харьковского национального педагогического университета им. Г.С. Сковороды (в основном – психологи).

Результаты и их обсуждение. Для сбора, упорядочения и систематизации представлений испытуемых о том, чем определяется их здоровье, использовалась та часть опросника ВОЗЖ-100, которая диагностирует наиболее значимые для здоровья аспекты жизни [2]. В инструкции говорилось, что необходимо по пятибалльной системе отметить степень важности того, или иного жизненного явления для качества жизни, для здоровья.

Таблица 1

Структура представлений испытуемых о значимых факторах их здоровья (n = 233)

Формулировки значимых аспектов жизни, влияющих на здоровье	Факторы				
	I	II	III	IV	V
Общее качество жизни					0,508
Быть свободным от любой боли			0,525		
Иметь жизненную энергию				0,503	
Ощущать счастье и наслаждение от жизни			0,547		
Ощущать удовольствие			0,657		
Усваивать и помнить важную информацию	0,650				
Разбираться с ежедневными проблемами и принимать решения	0,610				
Быть способным к концентрации внимания	0,663				
Иметь четкое представление о своем теле и внешности			0,646		
Быть свободным от негативных чувств (печали, депрессии, тревоги, беспокойства и т. п.)			0,707		
Свободно передвигаться				0,543	
Быть способным выполнять повседневную деятельность (умывание, одевание, приготовление пищи и т. п.)				0,645	
Быть способным к работе				0,562	
Получать поддержку окружающих		0,569			
Сексуальная жизнь					0,655
Получать необходимую медицинскую помощь		0,774			
Получать необходимую социальную помощь		0,793			
Получать новую информацию или знания	0,698				
Получать новые навыки	0,798				
Окружающая среда (загрязнение, шум, климат, привлекательность)		0,502			
Адекватная работа транспорта в повседневной жизни		0,582			
Личные убеждения	0,566				
Факторный вес	4,33	3,67	3,39	2,98	2,54
% общей дисперсии	13,5	11,5	10,6	9,3	7,9

Факторизация ответов 233 испытуемых методом главных компонент и вращением по типу варимакс выполнялась с помощью пакета программ Statistica 6.0. Критерий «Каменистой россыпи» показал, что оптимальным является пятифакторное решение для укрупнения массива данных (см. табл. 1). Пять факторов в совокупности объясняют более 50% общей дисперсии данных. Выявленные факторы перечислим в порядке убывания их факторных весов: I – «когнитивный» (факторный вес – 4,33; объясняет 13,5% общей дисперсии); II – «коммуникативно-средовой» (3,67; 11,5%); III – «чувственно-гедонический» (3,39; 10,6%);

IV – «энергетико-праксический» (2,98; 9,3%) и V – «сексуальный» (2,54; 7,9%).

Первый («когнитивный») фактор оказался нагруженным оценками высказываний об особенностях протекания познавательных процессов. Быть здоровым, по мнению наших испытуемых – это, прежде всего, быть способным к приобретению новых навыков (корреляция с фактором – 0,798), получать новую информацию (0,698). К числу, так сказать, «здоровьеобразующих» умственных процессов наши испытуемые отнесли внимание (в частности, способность к его концентрации) (0,663), мышление (как решение повседневных проблем, принятие решений вообще) (0,610) и память (как усвоение и удержание важной информации) (0,650). Присутствие этих переменных в структуре представлений испытуемых о наиболее значимых факторах здоровья легко объяснимо сложившейся ещё в Новое Время традицией отдавать пальму первенства в психическом функционировании интеллекту, отождествлять здоровое с разумным.

Содержание второго – «коммуникативно-средового» – фактора лучше всего раскрывают утверждения о возможности получения необходимой помощи – социальной (0,793) и медицинской (0,774). Посредством данного фактора здоровье получает интерпретацию в сознании испытуемых как некая сущность, которая «привносится извне». В связи с этим «здоровая окружающая среда» по мысли наших испытуемых – это среда, «богатая предложениями». Обязательными особенностями «здоровой среды» являются поддержка окружающих (0,569), хорошо работающий транспорт (0,582), хорошее структурирование и оформление внешней среды (0,502). Таким образом, интерактивный, транзактный аспект здоровья здесь редуцирован до преимущественно одностороннего (извне, от среды внутрь, к индивиду) движения оздоравливающих информационных потоков и благ. Этот фактор, входящий в структуру представлений испытуемых о наиболее важном для здоровой и качественной жизни, отражает установку человека современного индустриального общества на здоровье, как на свойство, субстанцию, которую «можно получать извне» (например, в обмен на деньги, «правильное» поведение, которое соответствует извне заданному образцу и т.п.).

Третий – «гедонически-чувственный», – фактор свидетельствует о существенной роли эмоциональных компонентов в структуре предикторов здоровой жизни. Свобода от негативных эмоциональных переживаний (депрессии, тревоги и т.п.) (0,707) и наличие удовольствия (0,657) образуют противоположную по модальности пару, которая структурирует данный фактор. По-видимому, реализация здорового образа жизни регулируется, помимо всего прочего, противоположными по знаку гедоническими моделями, т.е. моделями «приятного» и «неприятного», к воплощению (и, соответственно, избеганию воплощения) которых стремится субъект. Именно эту, – субъективно-чувственную, – сторону жизнедеятельности и отражает данный фактор. Он оказался также наполненным пунктами «ощущение счастья и наслаждения от жизни» (0,547) и «свобода от боли» (0,525). Данный результат отражает еще одну характерную для большинства людей установку на «отсечение неприятного», удаление его из своей жизни, желание наполнить личное бытие одними лишь удовольствиями. Однако мировой опыт оздоровления (от древних восточных практик до современной западной психотерапии) убедительно свидетельствует, что «анестезия к боли и страданию», обеспечивая локальные, тактические преимущества, не ведет индивида к успеху в борьбе за здоровье в масштабах всей его жизни. Таким образом, наши испытуемые не учитывают, что боль, оцененная как сигнал, как информация об ошибках в деятельности, о деформации характера, о нарушении информационного баланса со средой и внутри организма, может оказаться весьма полезной на пути к выздоровлению. Примечательно то, что в структуре данного фактора определенным образом присутствует телесность (в виде «четкого представления о своем теле и внешности») (0,646).

Структура четвертого – «энергетико-праксического» – фактора свидетельствует о том, что в представлении испытуемых здоровье тесно связывается с наличием у человека жизненной энергии (0,503), которая необходима для повседневной деятельности (0,645), работы (0,562), свободного передвижения (0,543).

С пятым, – «сексуальным» – фактором на значимом уровне коррелировали оценки только двух утверждений – «Сексуальная жизнь» (0,655) и «Общее качество жизни» (0,508), что свидетельствует о тесной взаимосвязи представлений о «здоровом» и «эротическом» в том, что подразумевается под качественной жизнью.

Таким образом, математико-статистический анализ ответов студентов показал не только факт структурированности их представлений о здоровье, но и выявил ряд тенденций, лучше всего вписывающихся в так называемую «адаптационную модель здоровья» [1]. Испытуемые убеждены, что для обретения и сохранения здоровья важна «правильная» работа интеллекта; если здоровье утрачено, то его можно вернуть, обратившись за медицинской и социальной помощью; отсюда же (т.е. из внешнего мира) приходит и болезнь (загрязненная, опасная для жизни внешняя среда); на «языке эмоций» здоровье означает максимум положительных переживаний, удовольствия и минимум (в пределе – отсутствие) отрицательных эмоций, страдания; сексуальность – непременная составляющая здоровья. К сожалению, при доминировании такой установки оказывается отодвинутой на второй план наиболее важная составляющая того, что называют здоровым образом жизни – собственная творческая

активность личности, направленная на утверждение ее ценностей и смыслов.

О наличии ресурсов здоровья и совладания с ситуациями, его подрывающими свидетельствует способность субъекта к восприятию разных источников социальной поддержки, умение эффективно ими воспользоваться. Поэтому в нашем исследовании мы использовали «Многомерную шкалу восприятия социальной поддержки» («MSPSS»), разработанную D. Zimet в 1988 году, адаптированную к русскоязычной выборке Н.А. Сиротой и В.М. Ялтонским в 1994 году и модифицированную Г.С. Кобытовой [3]. Методика предназначена для диагностики средовых копинг-ресурсов и диагностирует чувствительность испытуемых к разным источникам социальной поддержки. На данном этапе исследования участвовали 133 испытуемых из числа тех, кто перед этим заполнял пункты опросника ВОЗКЖ-100. Вычислялись коэффициенты линейной корреляции r_{xy} (по К. Пирсону) между показателями структуры сфер, составляющих здоровый образ жизни по ВОЗКЖ-100 (физическая, психологическая и духовная сферы, уровень независимости, окружающая среда, а также показатель общего качества жизни и здоровья) и показателями готовности испытуемого обращаться за поддержкой к разным источникам (семья, сокурсники, друзья, значимый Другой, общественные организации, а также суммарный показатель готовности обратиться за помощью вообще) (см. табл. 2). Примечательной особенностью полученной корреляционной матрицы является отсутствие сколько-нибудь тесных взаимосвязей такого параметра здоровья как «Уровень независимости» с получением помощи извне. Способность быть независимым определяется главным образом внутренними ресурсами личности. Показатели всех остальных сфер здоровья и интегральный показатель оказались тесно связанными с теми, или иными показателями шкалы восприятия социальной поддержки. Важнейшим из источников поддержки для студентов является «Значимый Другой» – близкий друг, человек, с которым у испытуемого установлены доверительные отношения. Оздоровляющее влияние значимого Другого особенно заметно при решении проблем, возникающих у студенческой молодежи в социальном функционировании (преодоление одиночества, установление и поддержание личных взаимоотношений, способность оказывать поддержку другим людям и т.п.) ($r_{xy} = 0,36$; $p < 0,001$).

Таблица 2

Взаимосвязи между показателями опросников ВОЗКЖ-100 и Многомерной шкалы восприятия социальной поддержки»

Показатели самооценки качества жизни и здоровья	Источники ожидаемой поддержки					
	Семья	Сокурсники	Друзья	Значимый Другой	Общественные организации	Суммарный показатель
Общее качество жизни и здоровья	0,09	0,22**	0,11	0,13	0,14	0,27***
Физическая сфера	0,06	0,11	0,12	0,21*	0,01	0,18*
Психологическая сфера	0,10	0,16	0,12	0,25***	0,03	0,23**
Уровень независимости	0,01	0,08	0,09	0,11	0,01	0,11
Социальные взаимоотношения	0,20*	0,11	0,20*	0,36****	0,01	0,27***
Окружающая среда	0,05	0,25***	0,24**	0,19*	0,07	0,31****
Духовная сфера	0,09	0,04	0,01	0,17*	0,06	0,11

Примечание: «*» – $p < 0,05$; «**» – $p < 0,01$; «***» – $p < 0,005$; «****» – $p < 0,001$.

Вторая по важности сфера здоровья в которой проявляется фактор Значимого Другого – психологическая (сфера качественного когнитивного функционирования, саногенных эмоциональных переживаний, конструктивной мотивации и саморегуляции) ($r_{xy} = 0,25$; $p < 0,005$). «Значимый Другой» как источник оздоровления проявляется в физической сфере ($r_{xy} = 0,21$; $p < 0,05$) и сфере «Окружающая среда» ($r_{xy} = 0,19$; $p < 0,05$). Интересно то, что духовная сфера здоровья (наличие смыслов, способность опереться на собственные убеждения в борьбе

за здоровье, в противостоянии трудностям и т.п.) близка сфере «Уровень независимости». В обоих случаях обращение субъекта к источникам внешней помощи минимально. Значимый Другой – единственный внешний источник, проявление которого заметно в сфере духовного здоровья ($r_{xy} = 0,17$; $p < 0,05$).

Стремясь к здоровью в сферах «Социальные взаимоотношения» и «Окружающая среда» (предпочтение безопасного окружения, качественного жилья, финансовой стабильности и т.п.) испытуемые, напротив, проявляют готовность получить поддержку из множества разных внешних источников. Коэффициенты корреляции суммарного показателя Шкалы восприятия социальной поддержки с показателями ВОЗКЖ-100 отражают общую тенденцию: независимость и духовность – это сферы, здоровье к которых достигается преимущественно собственными усилиями субъекта; стремясь к здоровью в сферах «Социальные взаимоотношения» и «Окружающая среда» испытуемые охотно пользуются внешней поддержкой. Еще одним интересным результатом является отсутствие сколь-нибудь тесных взаимосвязей проявления стремления к здоровью в разных сферах с фактором «Общественные организации». Наши испытуемые продемонстрировали убеждение в том, что от общественных организаций «никакой помощи не дождешься». К сожалению, эта закономерность свидетельствует обо все еще кризисном характере взаимоотношений в системе «Человек – Общество» в современной Украине.

Для решения третьей задачи нашего исследования диагностировалась степень чувствительности испытуемых к действию стресс-факторов, проявляющихся в процессе учебной деятельности в условиях вуза. Для этого использовался опросник, разработанный М.А. Кузнецовым и предназначенный для определения роли взаимоотношений с однокурсниками и с преподавателями, особенностей организации учебного процесса, условий обучения, собственных личностных качеств в возникновении состояний напряженности и стресса у студентов. На этом этапе принял участие 124 студента из числа тех, кто перед этим был продиагностирован с помощью опросника ВОЗКЖ-100. В таблице 3 представлены коэффициенты линейной корреляции r_{xy} между показателями двух опросников. Обращает на себя внимание факт наиболее тесной взаимосвязи показателей большинства сфер здоровья и качества жизни (кроме духовной сферы) с поводами для стресса, связанными с собственными личностными качествами студентов.

Таблица 2

Взаимосвязи между показателями опросников ВОЗКЖ-100 и «Стресс-факторы учебной деятельности студентов»

Показатели самооценки качества жизни и здоровья	Стресс-факторы студентов				
	Взаимоотношения со студентами	Взаимоотношения с преподавателями	Организация учебного процесса	Условия обучения	Личностные качества
Общее качество жизни и здоровья	-0,18	0,03	-0,08	-0,20*	-0,26***
Физическая сфера	-0,22*	-0,01	-0,21*	-0,27***	-0,36*****
Психологическая сфера	-0,23*	-0,01	-0,16	-0,24**	-0,43*****
Уровень независимости	-0,34*****	0,00	-0,19*	-0,26***	-0,39*****
Социальные взаимоотношения	-0,10	0,10	-0,08	-0,12	-0,23**
Окружающая среда	-0,29***	-0,06	-0,21*	-0,32*****	-0,31****
Духовная сфера	-0,01	0,06	-0,06	-0,14	-0,14

Примечание: «*» – $p < 0,05$; «**» – $p < 0,01$; «***» – $p < 0,005$; «****» – $p < 0,001$; «*****» – $p < 0,0005$; «*****» – $p < 0,0001$.

Отход от эталонов здоровья и качества жизни демонстрируют, прежде всего, те студенты, которые в рамках учебной деятельности повод для недовольства находят в собственных

личностных качествах (недостатках когнитивной сферы, слабости учебной мотивации, нехватки воли, дефектов самоорганизации учения). У ряда студентов имеет место особый стиль атрибуции, при котором неудачи в учебной деятельности связываются внутренними и долговременными причинами, что неизбежно затрудняет совладание с проблемами, подрывает здоровье [4]. При этом наибольшей угрозой подвергаются «Психологическая сфера» ($r_{xy} = -0,43$; $p < 0,0001$), «Уровень независимости» ($r_{xy} = -0,39$; $p < 0,0001$) и «Физическая сфера» ($r_{xy} = 0,36$; $p < 0,0001$) здоровья и качества жизни.

Чувствительность студентов к действию стресс фактора «Условия обучения» (неудобство аудиторий, проблемы с расписанием, недостаточная техническая оснащенность учебного процесса и т.п.) не затрагивает только духовную сферу и сферу социальных взаимоотношений. Наиболее выражено его влияние на здоровье студентов в сфере «Окружающая среда» ($r_{xy} = -0,32$; $p < 0,0005$). Свообразным «слабым звеном» в совокупности сфер здоровья, подверженным негативному воздействию стрессов и напряжения, возникающих во взаимоотношениях с однокурсниками является «Уровень независимости» ($r_{xy} = -0,32$; $p < 0,0005$). Соперничество и конфликты в студенческой группе, отсутствие взаимопонимания и групповой сплоченности – это испытание на прочность, прежде всего, способности быть самодостаточным в действиях, суждениях, поступках, а также быть свободным от необходимости принимать лекарства. Плохая (по мнению студентов) организация учебного процесса снижает уровень здоровья и качества жизни в физической сфере ($r_{xy} = -0,21$; $p < 0,05$), а также в аспектах «Социальной среды» ($r_{xy} = -0,21$; $p < 0,05$) и «Уровня независимости» ($r_{xy} = -0,19$; $p < 0,05$).

Интересно то, что, судя по полученным нами данным, способность студентов поддерживать на высоком уровне здоровье и качество жизни в «Духовной сфере» почти никак не затрагивается стрессами и проблемами в учебной деятельности. Кроме того установлено, что если студент, переживая напряжение и стрессы в учебной деятельности, связывает их не с собой, а с личностью преподавателя, то ему удастся поддерживать на достаточно высоком уровне здоровье и качество жизни во всех основных сферах.

Выводы

1. Представления студентов об их собственном здоровье и качестве жизни определённым образом структурированы и включают в себя пять факторов – «когнитивный», «коммуникативно-средовой», «чувственно-гедонический», «энергетико-праксический» и «сексуальный».

2. Способность студентов к восприятию разных видов социальной поддержки и сформированность установки на их активное использование для совладания со стрессовыми ситуациями тесно коррелирует со способностью поддерживать на высоком уровне здоровье и качество жизни в разных сферах.

3. Повышенная чувствительность студентов к действию стресс-факторов учебной деятельности в вузе отрицательно коррелирует со способностью поддерживать на высоком уровне здоровье и качество жизни в разных сферах. Наиболее выраженное негативное влияние на эту способность оказывает обуславливание неудач и проблем учебной деятельности долговременными внутренними факторами (чертами собственной личности).

Литература

1. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья. Феномен здоровья в культуре, психологической науке и обыденном сознании. – Ростов-на-Дону: ООО «Мини Тайп», 2005. – 480 с.
2. Диагностика здоровья. Психологический практикум / Под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Речь, 2007. – 950 с.
3. Корытова Г.С. Модификация психодиагностической методики «MSPSS» для изучения ресурсов совладания // Современные наукоемкие технологии. – 2007. – №3. – С. 77-80.
4. Налчаджан А. Атрибуция, диссонанс и социальное познание. – М.: Когито-Центр, 2006. – 415 с.
5. Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. Г.С. Никифорова. – СПб.: Питер, 2003. – 607 с.
6. Узнадзе Д.Н. Общая психология. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.

УДК 159.9(075.8)+159.953(075.8)

Коллективная память и установка

Иванова Е.Ф.

В статье проанализировано понятие установки, ее узкая и расширительная трактовка, а также функции установки. Проанализированы понятия коллективной памяти, официального и неофициального ее вариантов, и понятие схемы. Показано, что схемы выполняют по существу роль установок в коллективной памяти.

Ключевые слова: коллективная память, установка, схема.

В статті проаналізовано поняття настанови, її вузьку та розширену трактовку, а також функції настанови. Проаналізовані поняття колективної пам'яті, офіційного й неофіційного її варіантів, і поняття схеми. Показано, що схеми виконують власне роль настанов в колективній пам'яті.

Ключові слова: колективна пам'ять, настанова, схема.

The article gives a concept of set, its narrow and broad interpretation and its functions. Concepts of collective memory, official and unofficial collective memory, and schema have been analyzed. It is proved that schemas fulfill the role of sets in collective memory.

Key words: collective memory, set, schema.

Предметом данной статьи является связь коллективной памяти и установки. Для установления этой связи необходимо рассмотреть понятие коллективной памяти и понятие установки.

Понятие установки было введено в психологию в качестве ее предмета Д.Н.Узнадзе. Он понимал установку как бессознательное состояние субъекта, предшествующее осуществляемой деятельности, и считал, что установка возникает при встрече потребности субъекта с объективной ситуацией ее удовлетворения. «Для возникновения установки необходимо наличие соответствующей ситуации, в условиях которой она принимает вполне определенный, конкретный характер. Следовательно, объективным фактором, определяющим установку, следует считать именно такого рода ситуацию» [4, с. 167-168]. Субъективным же фактором является наличие у субъекта потребности. На основании обширного экспериментального материала Д.Н.Узнадзе выявил целый ряд свойств установки, видов установок, говорил о первичной и фиксированной установке и т.д.

В то же время установка присутствовала в теоретических взглядах и представлениях психологов разных школ и направлений, не занимая в них центрального места. В этом случае чаще всего ее понимали расширено и сближали это понятие, как отмечает А.Г.Асмолов, с другими понятиями, как образ потребного будущего, акцептор действия, гипотеза, схема и др. [1, с. 9].

Рассуждая в логике теории деятельности, А.Г.Асмолов выделяет установки различных уровней: смысловую, целевую и операциональную, подчеркивая динамические отношения между ними и возможности взаимопревращений. В связи с этим встает вопрос о функциях установки и возможности установки одновременно выполнять побуждающую и направляющую функции. Мнения по этому поводу разделились: ряд ученых утвердительно отвечает на этот вопрос (А.С. Прангишвили), другие, например, Г.Олпорт, отрицательно, разводя эти две функции. Так, Г.Олпорт говорит о необходимости выделения двух типов установок: побуждающих поведение (или мотивационных) и направляющих его (или инструментальных). Независимо от понимания установки и ее функций, всеми подчеркивается бессознательный характер установки.

Как отмечал А.Г.Асмолов, понятие установки сближалось и с понятием схемы.

Понятие схемы известно в психологии достаточно давно и использовалось разными психологами. Первым понятие схемы предложил Ж.Пиаже в 1926 году. Так, в его теории когнитивного развития схема – это комплекс когнитивных структур (или действий), которые ребенок конструирует, чтобы понять те или иные факты.

Обычно под схемой понимают когнитивную структуру, которая является абстрактной репрезентацией типичных событий, предметов, ситуаций. Люди используют схемы при восприятии, чтобы организовать знания, которые они получают, обеспечить рамку или каркас для дальнейшего понимания при мышлении и других познавательных процессах.

Понятие схемы стало одним из основных в теории памяти Фр. Барлетта [6]. В отличие от Ж.Пиаже, изучавшего схемы, которые создает сам ребенок, Фр. Барлетт говорил о существовании социальных схем, то есть стойких групповых тенденций, согласно которым разворачиваются процессы запоминания и воспроизведения. Таким образом, он подчеркивал тот факт, что на память человека оказывает влияние социальный контекст, в котором происходят любые процессы памяти. Следует также отметить активный характер памяти и ее процессов в понимании Фр. Барлетта: у него не просто память (memory), а запоминание (remembering). То есть на основе схемы разворачивается какой-то активный процесс, какое-то действие.

Фр. Барлетт считал, что схемы играют ключевую роль и в познавательных процессах, в том числе памяти, и в реакциях человека. В памяти схемы задают направление, рамки,

согласно которым человек запоминает, а потом воспроизводит информацию. В то же время, принимая во внимание конструктивный и реконструктивный характер всех процессов памяти, Фр. Бартлетт доказывает, что на основе одной и той же схемы могут быть созданы разные по форме и содержанию воспроизведения.

Возвращаясь к понятию установки, можно заключить, что схема, задающая рамки запоминания и воспроизведения, является направляющей (инструментальной) установкой или выполняет направляющую функцию установки. Причем происходит это на неосознаваемом уровне.

Зафиксировав это положение, перейдем к рассмотрению понятия коллективной памяти. На протяжении длительного времени единственным предметом изучения психологии памяти была индивидуальная память человека. Однако в XX веке все большее внимание психологов разных направлений стали привлекать коллективные процессы (коллективные представления, коллективное сознание, коллективное бессознательное и т.д.). Так, понятие коллективной памяти было введено в научный дискурс французским ученым М. Хальбваксом. В 1925 году вышла его книга «Социальные рамки памяти», в которой были намечены основные положения его концепции [5]. М. Хальбвакс считал, что любому индивиду доступны два вида памяти – индивидуальная и коллективная. Индивидуальная память связана с личностью и ее личной жизнью. Коллективная память, которую М. Хальбвакс считал социально сконструированным понятием, создается разными социальными группами и институтами, и в обществе может существовать столько вариантов коллективной памяти, сколько в нем существует разных социальных групп. При этом коллективная память группы разделяется всеми членами, входящими в данную группу. Конечно, помнят и вспоминают отдельные люди, но их память и воспоминания детерминируются групповым контекстом [8].

Коллективная память может существовать в разных формах: это и памятники, и мемориалы, и музеи, но наиболее распространенными являются ее текстовые или нарративные формы, такие как мифы, легенды, истории и т.д. Чаще всего коллективная память представлена в виде рассказа (narrative), или нарратива, о событии. Благодаря нарративу мы можем осмысливать и интерпретировать реальность. Люди осмысливают и свою собственную жизнь, и жизнь и историю социальных групп, к которым они себя относят, в том числе и государства, через рассказы, или нарративы, о них.

В нарративе обычно есть герой или герои и другие действующие лица. Кроме того, завязка (или начало рассказа), основные действия или события и окончание (итог). То есть нарратив содержит в себе определенную схему, которая сохраняется либо в индивидуальной памяти, если речь идет о ней, либо в коллективной.

На примере индивидуальной памяти было показано, как память использует средства, сформированные другими познавательными процессами, прежде всего мышлением и восприятием. Так, в работах П.И. Зинченко было установлено, что интеллектуальные операции становятся средствами, способами памяти [2], а Т.П. Зинченко показала, что средствами памяти могут становиться схемы [3].

Но схемы могут быть созданы не только отдельным человеком, а обществом или группой, о чем писал еще Фр. Бартлетт. Именно такие схемы и воплощены в коллективной памяти. Эти схемы как раз задают то направление, в котором осуществляется и запоминание, и сохранение и воспроизведение информации об определенных событиях. Следовательно, можно сделать вывод, что коллективная память представляет собой нарратив, развернутый на основе имеющейся схемы. То есть схема дает направление развертыванию нарратива, выполняя по существу функцию установки. На субъективном уровне, когда человек вспоминает и рассказывает о каком-то событии, он не осознает этого действия схемы-установки.

Говоря о коллективной памяти, необходимо разделять память официальную и неофициальную [7].

Официальная память представлена в государственных средствах информации, в выступлениях официальных лиц и государственных деятелей, памятных датах, отмечаемых на государственном уровне, учебниках истории, в которых представлена официальная версия истории, и т.д. То есть этот вид коллективной памяти, который поддерживается в обществе – в определенной исторической ситуации – на государственном уровне. В то же время существует так называемая неофициальная память, которая сохраняется в семьях, неформальных группах и сообществах и т.д. Она отличается от официальной памяти и представляет несколько иную версию о том или ином событии или касается тех моментов, которые никак не освещаются в официальной версии.

Нами было выделено несколько возможных вариантов взаимодействия официальной и неофициальной памяти.

1. Официальная память толерантна по отношению неофициальной, поскольку неофициальная память ее подкрепляет и насыщает более яркими красками и конкретными событиями и ситуациями. Когда разные версии коллективной памяти (официальная и неофициальная) не являются противоречащими, то схемы официальной и неофициальной памяти могут объединяться, образуя общую, обобщенную схему.

2. Официальная память игнорирует неофициальную память, но не считает ее угрожающей. В этом случае обе схемы сосуществуют, дополняя друг друга, и используются человеком в разных ситуациях.

3. Неофициальная память может находиться в оппозиции к официальной версии и даже в противоборстве с нею. Официальная память подавляет неофициальную память, считая ее содержание о некоем событии ложным, неправильным, неприемлемым. Это происходит в том случае, когда существуют разные, противоположные версии об одном и том же событии: одна официальная, а другая – неофициальная, причем противоречащая официальной версии. Соответственно, существует и две разные схемы данного события, и обе сохраняются, одна в официальной коллективной памяти, другая – в неофициальной. В зависимости от ситуации будет воспроизводиться версия события согласно одной или другой схеме.

4. Существуют разные официальные версии одного и того же события, например, старая версия еще существует в обществе, а новая уже появилась. Эти схемы сосуществуют, причем новая стремится вытеснить старую.

Таким образом, относительно одного и того же события в коллективной памяти может существовать одновременно несколько разных схем, между которыми существуют разные взаимодействия. Поскольку, как уже было отмечено, схема в коллективной памяти выполняет функцию установки, то можно говорить о взаимодействии разных установок.

Человек может сохранять в памяти, а потом воспроизводить не только «личную» информацию, но и ту, которая относится к жизни и прошлому той группы или групп, к которым он себя относит (нация, государство, профессиональная группа и т.д.), то есть информацию коллективной памяти.

В зависимости от потребности человека, запоминающего или воспроизводящего информацию из коллективной памяти, и конкретной ситуации, в которой это происходит, будет выбираться та или иная схема-установка, направляющая эти действия. Человек может воспроизводить официальную версию какого-то события, если у него нет никакой другой, и тогда он будет пользоваться именно данной схемой. Если человек знает и помнит не противоречащие друг другу официальную и неофициальную версии, то на основе этих двух схем и будет разворачиваться воспроизведение. Либо в зависимости от внешней ситуации он будет использовать или одну схему (официальной памяти в публичной сфере), или другую (неофициальной памяти в приватной сфере). Но, как уже отмечалось, официальная и неофициальная память (и соответственно схемы) могут противоречить друг другу. Такая ситуация сосуществования противоположных схем может быть приемлемой для человека, а может вызывать отрицательные эмоции, когнитивный диссонанс, чувство раздвоенности. Если человек выдерживает такое напряжение, то в зависимости от ситуации он использует либо одну схему, либо другую. Если же напряжение и когнитивный диссонанс слишком велики, то чтобы снизить напряжение, избежать раздвоенности и противоречия, преодолеть возникший когнитивный диссонанс, одна из схем может человеком вытесняться и «забываться».

Приведем конкретный пример. Так, существовавшая в течение нескольких десятилетий в Советском Союзе коллективная память о революции 1917 года и та схема, на основе которой она строилась, после распада страны резко изменилась, и коллективная память об этом событии также начала меняться кардинальным образом. Если представители старшего поколения сохраняют прежнюю схему и вариант коллективной памяти, то молодежь ее совсем не знает, и их коллективная память о революции совершенно другая.

Коллективная память может исполнять роль установки, направляющей и ход запоминания информации, и ее воспроизведение. Как уже отмечалось, в большинстве случаев у человека относительно одного и того же события (речь идет в данном случае об исторических или общественных событиях) существует несколько схем, которые им могут использоваться. Потребность человека и конкретная ситуация (как считал Д.Н.Узнадзе) создают определенную установку. Такую установку в экспериментальной ситуации создает экспериментатор, который просит выполнить то или иное задание. Что происходит, если экспериментатором дается неопределенное задание, установка которого явным образом не выражена? Например, в проводимых нами исследованиях испытуемым намеренно давалась неопределенная инструкция: написать (или рассказать) о ...– и указывалось событие (например, написать о второй мировой войне). Такая инструкция ставила многих испытуемых в тупик: они не знали, что именно писать. Часто задавались вопросы, о чем писать, писать о том, что знаем, о своем отношении, о том, что помним из учебника, о чем рассказывали в семье и т.п. То есть из существующих многих схем нужно было самостоятельно выбрать одну, на основе которой будет строиться рассказ, следовательно, самому создать установку. Как оказалось, эта задача для многих оказалась не совсем простой.

Подведем некоторые итоги.

1. Понятие установки может пониматься как в узком, собственно по Д.Н.Узнадзе, так и в расширительном смысле, как образ потребного будущего, акцептор действия, гипотеза, схема и др. Выделяются две разные функции или два разных типа установок: побуждающая и направляющая.

2. Индивидуальная память связана с личностью и ее личной жизнью. Однако человек может сохранять в памяти и «безличные» воспоминания, те, которые относятся к жизни и прошлому тех групп, к которым он себя относит (нация, государство, профессиональная группа и т.п.). Коллективная память создается разными социальными группами и институтами, и в обществе может существовать столько вариантов коллективной памяти, сколько в нем

существует разных социальных групп.

3. Коллективная память может существовать в разных формах, но чаще всего она представлена в виде рассказа, или нарратива. Нарративы строятся по определенной схеме, которая сохраняется в памяти.

4. Важную роль как в индивидуальной, так и коллективной памяти человека играют схемы, которые задают направление, согласно которым человек запоминает, а потом и воспроизводит информацию. Схема, задающая рамки запоминания и воспроизведения, является направляющей установкой. Таким образом, коллективная память не просто сохраняет информацию о каких-то событиях, но является установкой, направляющей запоминание, сохранение и воспроизведение этой информации.

Литература

1. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М.: МГУ, 1979.- 150с.
2. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. М.: изд-во АПН РСФСР, 1961. – 562с.
3. Зинченко Т.П. Память в экспериментальной и когнитивной психологии. – СПб.: Питер, 2001. – 320с.
4. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. – 450с.
5. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. – 348с.
6. Bartlett F. C. Remembering. A Study in Experimental and Social Psychology. – NY: Cambridge University Press. – 1932.
7. Burke P. History as Social Memory – T. Butler (Ed.). Memory: History, Culture and the Mind. – Oxford. – 1989. P. 107.
8. Halbwachs M. On Collective Memory. – Ed., Translated and with Introduction by Lewis A. Coser. – Chicago and London: The University of Chicago Press. – 1992.

УДК 159.9(075.8)

Вплив теорії установки Д.М.Узнадзе на розвиток учення про соціальну установку

Коваленко А.Б.

У статті розглядаються головні положення теорії установки Д.М.Узнадзе та їх вплив на вивчення соціальної установки особистості. Представлено аналіз досліджень зарубіжних та вітчизняних дослідників з проблеми сутності, структури, функцій соціальної установки.

Ключові слова: соціальна установка, аттитюд, поведінка, ціннісні установки.

В статье рассматриваются главные положения теории установки Д.Н.Узнадзе и их влияние на изучение социальной установки личности. Представлен анализ исследований зарубежных и отечественных исследователей по проблеме сущности, структуры, функций социальной установки.

Ключевые слова: социальная установка, аттитюд, поведение, ценностные установки.

In the article main positions of theory of setting of D.N.Uznadze and their influence are examined on the study of the social setting of personality. The analysis of researches of foreign and domestic researchers is presented on issue of essence, structure, functions of the social setting.

Key words: social setting, attitude, behavior, value settings.

Актуальність дослідження соціальної установки важко переоцінити, оскільки значна кількість соціально-психологічних явищ пояснюється саме з точки цього феномену. Це, зокрема, проблема відповідності реальної поведінки намірам індивіда, вплив рекламного повідомлення на особистість тощо. Тому вивчення витоків проблематики соціальної установки, її особливостей та специфіки вимагає подальшого розвитку.

Вивченням особистості з позицій теорії установки займалися численні учні школи Д.М.Узнадзе: Ш. А. Надірашвілі, В. Г. Норакидзе, А. С. Прангішвілі, Н. И. Сарджвеладзе, Г. И. Цинцадзе, Ш. Н. Чхартішвілі, А. С. Шерозія та ін. Дослідження соціальної установки бере початок від Г.Спенсера, У.Томаса і Ф.Знанецького і переважно досліджується як проблема аттитюда у західній соціальній психології Р.Лап'єром, М.Смітом, Д.Брунером, І Р.Уайтом, Л.Добом М.Фішбайном, М.Смітом, Дж.Брунером, Х.Келменом та ін., та у вітчизняній науці Д.Кацом, Г.М.Андреевою, В.О.Ядовим та ін.

Метою нашого дослідження є вивчення впливу теорії установки Д.М.Узнадзе на розвиток учення про соціальну установку.

Поняття установки було вперше введено до експериментальної психології німецьким психологом Л. Ланге, а пізніше розроблялося Д.М.Узнадзе та його школою. Теорія установки, за власною оцінкою Д.М.Узнадзе, є спробою пояснити активність живого організму як цілого, його взаємостосунки з дійсністю за допомогою введення особливого внутрішнього утворення, поначеного поняттям «установка». У загальному плані установка розглядається ними як готовність до певної активності в певній ситуації. Причому ця готовність визначається взаємодією конкретної потреби та ситуацією її задоволення. Звідси поділ установок на два різновиди — актуальні та фіксовані. Перші виявляються у формі дифузного, недиференційованого стану, другі — цілком диференційовані, одержані в результаті повторного впливу ситуації, тобто базуються на досвіді. Установка виникає за наявності одночасно двох умов: потреби, що актуально діє в даний момент, і об'єктивної ситуації задоволення цієї потреби. Таким чином, у її формуванні враховуються внутрішні і зовнішні чинники.

У рамках теорії установки розроблено метод експериментального дослідження установки, вивчення види установок, процес їх формування, описано їх властивості. З позиції установки дано характеристики психічних процесів, здійснено оригінальну класифікацію форм поведінки та діяльності людини, виявлено ієрархічні рівні психічної активності — індивіда, суб'єкта, особистості.

На відміну від установки в зарубіжній психології, в якій цей феномен виступає як окреме психологічне утворення, Д.М.Узнадзе надає поняттю установки статус загальнопсихологічної категорії, а теорія цього феномена перетворюється в загальнопсихологічну теорію установки і поширюється на вивчення патопсихологічних явищ, знаходить застосування в педагогіці, виступає основою при розробленні системи методів психотерапії — сет терапії.

Установка описувалася як те опосередковуюче утворення між впливом середовища і психічними процесами, яке пояснює поведінку людини, її емоційні і вольові процеси, тобто виступає детермінантою будь-якої активності організму. Зокрема, мислення (а також творча фантазія, праця тощо) виникає в ситуації утруднення актів поведінки, викликаних певною установкою, коли ускладнення ситуації викликає необхідність зробити спеціальним об'єктом дослідження це ускладнення.

Поряд з неусвідомлюваними найпростішими установками виокремлюють складніші соціальні установки, ціннісні орієнтації особистості тощо. Тому загальні положення теорії установки Д.М.Узнадзе зберігають своє принципове значення і для соціальної психології, особливо що стосується фіксованої установки. Власне кажучи, загальнопсихологічні установки можна вважати частковим виявом установки соціальної (аттитюда). Хоча, на відміну від установки, яка частіше за все пов'язана з задоволенням простих, фізіологічних потреб людини

в добре знайомих ситуаціях і виявляється на неусвідомлюваному рівні, соціальна установка є станом свідомості людини і стосується питань, пов'язаних з аналізом соціальних ситуацій і соціальних об'єктів.

Важливими ознаками установки є інтенсивність позитивного чи негативного афекту, тобто відношення до якогось психологічного об'єкта, та її латентність, або недоступність для прямого спостереження.

Виходячи з цих ознак, установка вимірюється на підставі вербальних самозвітів опитуваних. Цей самозвіт є нічим іншим, як узагальненою оцінкою особистості власного почуття схильності або несхильності до конкретного об'єкта. Інакше кажучи, аттитюд — це міра почуття (афекту), викликаного конкретним об'єктом («за» чи «проти»). Саме так побудовані відомі шкали установок Л.Терстоуна, Д.Лайкерта та інших, що є біполярним континуумом з полюсами: «дуже добре» — «дуже погано», «повністю згоден» — «повністю не згоден» тощо.

Поняття «установка» у соціальній психології вперше з'явилося у Г.Спенсера. Дослідження цієї проблеми було започатковано американськими соціологами У.Томасом і Ф.Знанецьким у 1918 р. у праці «Польський селянин в Європі та Америці», в якій вони розглядали установку як предмет соціальної психології. Соціальна установка означає певний психічний стан переживання індивідом цінності, значення, смислу соціального об'єкта. Зміст же цього переживання визначається зовнішніми, тобто локалізованими в соціумі, об'єктами. Саме тому, що соціальна установка розглядалась як елемент структури особистості й одночасно як елемент соціальної структури, вона набула такого широкого визнання в соціальній психології. В ній вбачали ту пояснювальну категорію, вихідну одиницю («клітинку»), яка може подолати дуалізм соціального та індивідуального, визначити соціально-психологічну реальність в її цілісності. Приваблювало психологів у цьому понятті також його операційність, можливість вимірювати емпірично.

У загальному плані соціальна установка — це пояснювальне поняття для визначення суб'єктивних орієнтацій індивіда як члена групи (суспільства) на ті чи інші цінності. Ці орієнтації диктують індивідові певні, соціально прийнятні способи поведінки. Цим поняттям визначається один з найважливіших психологічних механізмів включення індивіда в соціальну систему, соціальна установка функціонує одночасно і як елемент психологічної структури особистості, і як елемент соціальної структури.

Складність та багатогранність поняття «аттитюд» є причиною його неоднозначного трактування. Розуміння природи соціальної установки, функцій, які вона виконує, визначається концептуальним підходом до її вивчення.

Узагальнюючи різні дефініції установки, Г.Олпорт визначав її як стан психонервової готовності індивіда до реакції на всі об'єкти чи ситуації, з якими він пов'язаний. Справляючи спрямовуючий і динамічний вплив на поведінку, установка завжди є залежною від минулого досвіду. Таке розуміння соціальної установки суттєво відрізняється від того, як її визначали У.Томас і Ф.Знанецький. Якщо в них аттитюд є дуже близьким до колективних уявлень, то для Г.Олпорта це вже суто індивідуальне утворення.

У всіх численних визначеннях соціальної установки виокремлені її головні функції. Визначення соціальної установки як готовності до дії, як передумови дії фіксує насамперед її регулятивну та випереджувальну функції.

У працях М.Сміта, Д.Брунера і Р.Уайта виділяються три функції аттитюда: 1) оцінки об'єкта — інформація, що надходить іззовні, співвідноситься з існуючими у людини мотивами, цілями, цінностями та інтересами; 2) соціального пристосування — аттитюд допомагає людині оцінити, як інші люди ставляться до соціального об'єкта; 3) екстерналізації (функція втілення) — установка стає «виразником» глибинних мотивів людини.

Подібні погляди висловлює і Д.Кац, який намагається інтегрувати уявлення про установку різних теоретичних напрямків. Він виділяє чотири функції аттитюда: 1) інструментальну (пристосувальну, адаптивну) — аттитюд допомагає збільшити винагороди і зменшити втрати і спрямовує суб'єкта до тих об'єктів, які слугують досягненню мети; 2) егозахисну — аттитюд сприяє розв'язанню внутрішніх конфліктів особистості, захищає людей від одержання неприємної інформації про саму себе і про значущі для неї соціальні об'єкти; 3) виразу цінностей — аттитюди дають змогу людині виразити те, що важливо для неї, і організувати свою поведінку відповідним чином; 4) організації знань — прагнення людини до смислового впорядкування навколишнього світу.

Подібну точку зору висловлює і Г.М.Андреева, яка пов'язує аттитюд із задоволенням певних важливих потреб суб'єкта і виокремлює наступні його функції: 1) пристосувальну (утилітарну, адаптивну) — спрямовує суб'єкта до тих об'єктів, які слугують досягненню мети; 2) функція знання — аттитюд дає спрощені вказівки відносно способу поведінки відносно конкретного об'єкта; 3) функція виразу (функція цінності, самореалізації) — аттитюд виступає засобом звільнення суб'єкта від внутрішньої напруженості; 4) функція захисту — аттитюд сприяє розв'язанню внутрішніх конфліктів особистості.

У ході дослідження аттитюду в його структурі було виокремлено когнітивний (пізнавальний), афективний (емоційний) та поведінковий (конативний) компоненти. Соціальна установка, таким чином, почала розглядатися одночасно як знання суб'єкта про

предмет його відношення, як емоційна оцінка та певний намір — програма дій щодо конкретного об'єкта.

Одночасно з розробкою уявлень про структуру соціальної установки робляться висновки про якість самої структури: рівні інтенсивності, спрямованості, компактності, стійкості визначених компонентів. Деякі автори вбачають суперечність між емпіричним дослідженням соціальної установки як оцінного відношення та двома іншими її компонентами — когнітивним та поведінковим. Адже пізнавальний компонент (знання про об'єкт) вже включає певну оцінку об'єкта як корисного чи шкідливого, доброго чи поганого. Так само поведінковий компонент включає оцінку дії стосовно предмета установки.

Справді, в реальному дослідженні дуже важко відокремити в чистому вигляді когнітивний та поведінковий компоненти від оцінного (емоційного). Ця суперечність з'ясувалася під час дослідження так званого парадокса Р.Лап'єра — проблеми взаємозв'язку між аттитюдами та реальною поведінкою. Цікаво, що одна з найвідоміших його статей мала назву «Аттитюди проти дій».

До Р.Лап'єра взаємозв'язок між аттитюдами і реальною поведінкою взагалі не вивчався. Беззастережно бралася на віру твердження про їхній збіг. Дослідник виходив із припущення, що відповідь на запитання, задане господарям готелів і ресторанів, про їхню згоду чи незгоду прийняти та обслужити китайців, є об'єктивним критерієм їхньої поведінки щодо представників цієї раси. Результати дослідження змусили автора змінити своє припущення. Загальний висновок був таким: вербальні відповіді є нічим іншим, як вербалізованою реакцією на символічну ситуацію, що відрізняється від реальної ситуації взаємодії. Але дослідження Р.Лап'єра не тільки зруйнувало звичну аксіому взаємозв'язку соціальної установки і поведінки, але надовго послабило інтерес до її вивчення.

У 1969 році експеримент був повторений Аланом Уікером, але результати виявилися подібними. У зв'язку з цим постало цілком логічне запитання: «Чи поводять себе люди в житті так, як вони про це говорять?». Можна сформулювати це запитання й інакше: «Який зв'язок існує між відповідями на слово і тією реальністю, яку вона символізує?». Узагальнений висновок, зроблений дослідником: на основі установок, про які говорять люди, не можна передбачити їхню поведінку.

Невідповідність між установкою (вербальною поведінкою) і реальною поведінкою дослідники пояснювали тим, що характер відповіді залежить від ситуації, в якій перебуває досліджуваний суб'єкт. Виокремлюють три типи ситуацій:

1. Знеособлена ситуація, наприклад, лист, в якому є відповідне запитання. Ця ситуація диктує одноманітну поведінку — залишити лист без відповіді.

2. Частково особистий контакт (безпосередня або телефонна розмова). У цьому випадку відповіді будуть дещо різноманітнішими — від згоди до пошуків аргументів для відмови.

3. Безпосередня взаємодія (особистісна ситуація), коли відповіді будуть майже одноманітними: «прийmemo й обслуажимо». Так поступово складалася думка про те, що прямого зв'язку між установкою та поведінкою немає. Потрібно було лише знайти допоміжні змінні, які вказували б на конкретну ситуацію. Такими змінними можуть бути норми, прийняті в групі, очікування, вплив референтної групи, риси особистості тощо.

Вчені, які були переконані у взаємозв'язку установок і поведінки, критикували організацію експерименту, проведеного Р.Лап'єром. Вони вказували на те, що відповіді були одержані лише від половини власників готелів. Не було інформації також про те, чи одна й та сама особа приймала китайців і відповідала на лист. Крім того, М.Рокіч висловив думку про те, що у людини може існувати одночасно два подібних аттитюда: безпосередньо на об'єкт і на ситуацію, пов'язану з цим об'єктом.

М.Рокіч одним із перших почав досліджувати ситуативні змінні і спробував за допомогою двох типів аттитюдів: «до об'єкта» і «до ситуації» подолати ускладнення, що виникають під час з'ясування психологічних характеристик аттитюдів і соціальних характеристик ситуації. Таким чином, парадокс Р.Лап'єра можна було пояснити тим, що існувало дві різні ситуації, а отже і два різні типи поведінки. У першому випадку важко було відмовити китайцям, яких супроводжує біла людина, але дуже легко було відмовити, даючи відповідь поштою. Висновки М.Рокіча про два типи установок підтвердили дослідження Р.Д.Майнерда.

Ще одну спробу пояснити розбіжності між установкою і поведінкою здійснили Л.Доб та М.Фішбайн. Установка розглядалася ними як схильність індивіда до реакції, засвоєна у процесі навчання. Зрештою Л.Доб довів, що індивід може засвоювати потрібні відповіді для кожної ситуації. І якби установка завжди позитивно підкріплювалася, було б більше відповідності між нею та поведінкою. М.Фішбайн підтвердив, що поведінка людини значною мірою перебуває під контролем змінних, які відрізняються від установки індивіда стосовно конкретного об'єкта, тобто змінних мотиваційного, нормативного, ситуативного характеру. Замість того, щоб передбачити вплив установки на поведінку, він виокремив протилежний зв'язок — вплив поведінки на установку. Інакше кажучи, його модель прогнозувала не поведінку, а поведінковий намір суб'єкта щодо реалізації певного акту. Цей намір стосувався саме дії, а не об'єкта — стимула установки.

Так у працях цих дослідників установка зовсім втрачає свій соціальний зміст і перетворюється на індивідуальну поведінкову реакцію, засвоєну за схемою «стимул—реакція».

Спроби подолати «індивідуалізм» соціальної установки були здійснені також у дослідженнях М.Сміта, Дж.Брунера, Х.Келмена. Розуміючи установку як стійку систему поглядів, уявлень, вони пов'язали її з потребою індивіда у збереженні чи розриві відносин з іншими людьми. Стійкість установки, на їхню думку, забезпечується або зовнішнім контролем, що виявляється у необхідності підкоритися іншим, або процесом ідентифікації з оточенням, або тим, що вона має для індивіда особистісне значення й інтерналізується ним.

Але й у цьому разі лише частково враховувалось соціальне, бо аналіз самої установки йшов не від соціуму, а від особистості. Крім того, коли наголос робиться на когнітивному компоненті структури установки, поза увагою по суті залишається її об'єктивний бік — цінність (ціннісне відношення). Адже у У.Томаса і Ф.Знанецького цінність виступає як об'єктивний бік установки, а сама установка індивідуальним (суб'єктивним) боком цінності. З усіх складових установки головну роль в її регулятивній функції відіграє саме ціннісний (емоційний, суб'єктивний) компонент, який пронизує когнітивний та поведінковий компоненти.

На нашу думку, подолати розбіжність соціального та індивідуального, установки і ціннісної орієнтації допомагає поняття соціальної позиції особистості, що поєднує ці компоненти. Ціннісна орієнтація є підґрунтям виникнення позиції, бо це той компонент структури особистості, який становить деяку вісь свідомості, навколо якої обертаються думки і почуття людини, і з огляду на яку розв'язується багато життєвих питань. Установка «повідомляє» позиції дійовий, активний момент, який виражає ставлення особистості на практиці, у вольовому акті, вчинку. Установка ситуативніша, ніж позиція, і предметніша, ніж ціннісна орієнтація.

Властивість ціннісної орієнтації виступати як установка (або система установок) реалізується на рівні позиції особистості, де ціннісний підхід сприймається як установчий, а установчий як ціннісний. Позиція є в цьому розумінні системою ціннісних орієнтацій і установок, що відображають активні вибіркові відносини особистості.

Еквівалентом динамічної структури особистості, ще більш інтегральним, ніж установка, Б.Д.Паригін вважає психічний настрій особистості, який включає як предметно спрямовані, так і безпредметні психічні стани. Ми згодні з тим, що психічний настрій є важливим структурним утворенням особистості, проте він не перекидає поняття позиції. Психічний настрій, так само як і ціннісна орієнтація, передують виникненню позиції. Тобто умовою виникнення позиції особистості є її оцінне ставлення і певний психічний стан (настрій), який надає позиції різного емоційного забарвлення — від глибокого песимізму і пригніченості до життєстверджуючого оптимізму й ентузіазму.

Установчо-позиційний (диспозиційний) підхід до структури особистості має свої особливості у концепції В.О.Ядова, де диспозиція — це комплекс зафіксованих у соціальному досвіді схильностей, готовності до певного сприйняття та оцінки умов діяльності, власної активності і дій інших, а також готовність до певної поведінки за цих умов. Тобто вона є дуже близькою до поняття установки (аттитюда).

Диспозиційна концепція розглядає диспозиції особистості як ієрархічно організовану систему з кількома рівнями:

— перший (нижчий) — елементарні фіксовані установки, без модальності (переживання «за» чи «проти») та когнітивних компонентів, формуються на основі вітальних потреб в найпростіших ситуаціях;

— другий — соціальні фіксовані установки, або аттитюди («відношення», згідно з В.М.Мясищевим) — складніші диспозиції, які формуються на основі потреби людини у спілкуванні, що здійснюється в малій групі;

— третій — базові соціальні установки, або загальна спрямованість інтересів особистості на конкретну сферу соціальної активності, мають трьохкомпонентну структуру і виражають відношення не стільки до певного об'єкта, скільки до певних більш значущих соціальних сфер;

— четвертий (вищий) — система ціннісних орієнтацій особистості на цілі життєдіяльності та засоби досягнення цих цілей, формуються на основі вищих соціальних потреб особистості і детермінована загальними соціальними умовами, типом суспільства, системою його економічних, політичних, ідеологічних і культурних принципів.

Головна функція диспозиційної системи — психічна регуляція соціальної діяльності та поведінки суб'єкта в соціальному середовищі. Кожний з рівнів диспозиції відповідає за регуляцію певного рівня поведінки.

Перший рівень регулює «поведінкові акти» безпосередні реакції суб'єкта на актуальну предметну ситуацію.

Другий рівень регулює вчинки особистості. Вчинок є елементарною соціально значущою «одиницею» поведінки. Доцільність вчинка виражається у встановленні відповідності між простою соціальною ситуацією і соціальними потребами суб'єкта.

Третій рівень регулює деякі системи вчинків, що утворюють поведінку в різних сферах життєдіяльності, де людина переслідує більш віддалені цілі, досягнення яких забезпечується системою вчинків.

Четвертий рівень регулює цілісність поведінки, або власне діяльність особистості. Цілепокладання на цьому рівні являє собою «життєвий план», важливим елементом якого виступають віддалені життєві цілі, пов'язані з головними соціальними сферами діяльності людини.

Така ієрархічна система є результатом усього попереднього досвіду і впливу соціальних умов. Вищі рівні здійснюють загальну саморегуляцію поведінки, нижчі є відносно самостійними, вони забезпечують адаптацію особистості за конкретних мінливих умов.

Розглянута концепція є спробою знайти взаємозв'язок між диспозиціями, потребами та ситуаціями, які теж утворюють ієрархічні системи.

Власне кажучи, ми не бачимо великої розбіжності між диспозиціями у В.О.Ядова та позицією особистості. Адже позиція і є системою поглядів, установок, уявлень, ціннісних орієнтацій стосовно умов власної життєдіяльності, які реалізуються в поведінці особистості. Важливим тут є те, що позиція — це власне, суб'єктивне відношення, пов'язане з оцінкою навколишньої дійсності та вибором оптимальної поведінки.

Позиція особистості як її суб'єктивна якість тісно пов'язана і багато в чому зумовлена об'єктивними параметрами життя людини — місцем у соціальній системі, структурі групи і тими правами та обов'язками, які відповідають цьому її стану. Єдність об'єктивного і суб'єктивного (статусу і позиції) в структурі особистості виявляється в її рольовій поведінці.

Перспективи подальших досліджень полягають в поглибленому вивченні теорії установки Д.М.Узнадзе та пошук можливостей її розвитку в соціальній психології.

Література

1. Коваленко А.Б. Соціальна психологія / А.Б.Коваленко, М.Н.Корнев – К.: Геопринт, 2006. – 400 с.
2. Узнадзе Д.Н. Психология установки / Д.Н. Узнадзе - СПб.: Питер, 2001. - 416 с.
3. Ядов В.А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / В.А. Ядов – Л.: Наука, 1979. – 265 с.

УДК 159.922.4

Современные представления студентов о евроинтеграции Украины – установка или аттитюд?

Крейдун Н. П., Кряж И. В., Луценко Е. Л.,
Павленко В. Н., Поливанова Е. Е.

Статья посвящена анализу представлений современного студенчества о процессе евроинтеграции Украины. Используются методы интервью, ненаправленный ассоциативный эксперимент, субъективное шкалирование. Выявлено, что евроинтеграция ассоциируется у студентов с входжением Украины в Евросоюз, открытостью границ, появлением новых норм и стандартов, возможностей в учебе, работе, свободой, успехом, а также с более высоким качеством жизни. При этом есть опасения, связанные с появлением новых проблем.

Показано, что в представлениях студентов о евроинтеграции ведущая роль принадлежит когнитивному компоненту, в то время как поведенческий и аффективный компоненты выражены крайне слабо, поэтому данный феномен не может считаться установкой в трактовке этого понятия Д.Н.Узнадзе.

Ключевые слова: евроинтеграция, установка, представления, аттитюд

Статтю присвячено аналізу уявлень сучасного студентства про процес евроінтеграції України. Використані методи інтерв'ю, ненаправлений асоціативний експеримент, суб'єктивне шкалювання. Виявлено, що евроінтеграція асоціюється у студентства з входженням України до Євросоюзу, відкритістю кордонів, появою нових норм і стандартів, можливостей в навчанні, праці, свободою, успіхом, а також з більш високою якістю життя. При цьому є побоювання появи нових проблем.

Показано, що в уявленнях студентів щодо евро інтеграції провідна роль належить когнітивному компоненту, в той час як поведінковий і афективний компоненти виражені значно слабше, тому даний феномен не може вважатися установкою в трактовці цього поняття Д.Н.Узнадзе.

Ключові слова: евроінтеграція, установка, уявлення, аттитюд

In this article we are analyzing the mental representations of modern students about the process of European integration. It were used such methods like interview, nondirectional associative experiment and subjective scaling. It were found that students associate European integration with entering to the European Union, frontiers opening, appearance of new norms, standards, opportunities in learning and working, liberty, success and higher life quality.

It was shown that the cognitive component has the dominant role in students' mental representation about eurointegration of Ukraine, while the behavior and especially affective components expressed very slightly. That is why such a phenomenon can not be considered as a set in the treatment of this notion in the theory of D.N.Uznadze.

Key words: European integration, set, mental representations, attitude

Введение. Согласно современным определениям, установка — это психологическое состояние предрасположенности субъекта к определенной активности в определенной ситуации. На данное явление впервые обратил внимание немецкий психолог Л. Ланге. Общепсихологическая же теория установки на основе многочисленных экспериментальных исследований была разработана грузинским психологом и философом, главой грузинской психологической школы Дмитрием Николаевичем Узнадзе (1886-1950) и его последователями.

Теория установки Д.Н. Узнадзе зародилась и развивалась как теория, описывающая одну из форм неосознаваемой нервной деятельности. Он пытался объяснить явления восприятия, как отражения действительности, и поведение живого существа. Наиболее полно этапы формирования установки были раскрыты им на базе понятия контрастная иллюзия. Вместе с тем постепенно становилось очевидным, что рассматриваемые теорией установки факты и закономерности по своей природе общепсихологические. Поэтому теория установки стала претендовать на роль общепсихологической концепции, а наряду с неосознаваемыми простейшими установками со временем начали выделять более сложные социальные установки - готовность к восприятию и действию в определенном ключе в социуме.

Для характеристики социальной регуляции поведения человека часто используется понятие «аттитюд», которое У. Томас и Ф. Знанецкий определяли как «состояние сознания индивида относительно некоторой социальной ценности», «психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта» [2]. В традиционной психологии личности аттитюд рассматривался как некая внутренняя аффективная ориентация (преднастройка), зависящая прежде всего от прошлого опыта, которая могла бы объяснять действия личности. Понятия «установка» и «аттитюд» в современной литературе часто выступают как синонимы. Вместе с тем, некоторые исследователи, не отождествляя их, пытаются в своих работах найти точки соприкосновения данных понятий. Так, рассматривая установки, аттитюды и ценностные ориентации личности как регуляторы реализации потребностей, В. А. Ядов объединяет все эти регулятивные образования как диспозиции, т. е. «предрасположенности». В своей «диспозиционной концепции регуляции социального поведения личности» В. А. Ядов [13], аргументирует иерархическую организацию системы

диспозиционных образований. В разработанной им схеме на низшем уровне системы диспозиций располагаются элементарные фиксированные установки, носящие неосознаваемый характер и связанные с удовлетворением витальных потребностей. Второй уровень составляют социально фиксированные установки, или аттитюды, формирующиеся на основе потребности человека во включении в конкретную социальную среду. Третий уровень системы диспозиций — базовые социальные установки — отвечает за регуляцию общей направленности интересов личности в тех или иных конкретных сферах социальной активности человека. Высший уровень диспозиций личности представляет собой систему ее ценностных ориентаций, соответствующую высшим социальным потребностям и отвечающую за отношение человека к жизненным целям и средствам их удовлетворения.

Вместе с тем, для многих исследователей [1], в том числе представителей грузинской школы Д.Н.Узнадзе[3, 11 и др.] понятия «установка» и «аттитюда» исконно различны. Первое отмечаемое различие заключается в следующем: в отличие от установки, носящей скорее неосознанный характер, аттитюд понимается как осознанное явление, которое человек может выразить в языке. Так В.В. Григолава подчеркивает, что «аттитюд, отношение всегда сознательно или осознаваемо для субъекта, чего нельзя сказать об установке. Самой первой характеристикой установки считается, что она «не является феноменом сознания» (Д.Н.Узнадзе) [3, с.95].

Указанное различие вызывает необходимость применения принципиально разных исследовательских процедур для изучения данных феноменов. Так, установка преимущественно определяется экспериментальными условиями и выводится логическим путем из эффектов, вызываемых манипулированием этими условиями. В отличие от установки, аттитюд требует независимого от ситуации измерения, обычно достигаемого использованием личностного теста. Когда различия проявляются в выполнении задания, тогда исследователь может связать их с внутренними вариациями в когнитивной структуре.

Еще один момент, на котором акцентируют внимание последователи Д.Н.Узнадзе, это жесткая связь установки и поведения. А.С.Прангишвили отмечает: «Мы попытались показать, что в результате исследований Д.Н.Узнадзе и его школы установку следует отнести к обязательным и основополагающим условиям основных общепсихологических особенностей человеческого поведения, его единства и целостности, направленности, целенаправленности, единства стабильности и вариабельности, единства моментов внутренней и внешней деятельности, индивидуальности, синергии неосознаваемых и сознательных форм психического отражения и т.д. [11, с.268]. Таким образом, понятие «установка» трактуется не как вообще отношение к какому-либо предмету, явлению, человеку, а как диспозиция — т.е. готовность к определенному поведению в конкретной ситуации. Иными словами, наличия какого-либо аттитюда недостаточно для того, чтобы имело место соответствующее ему поведение в данной конкретной ситуации, тогда как в подобном случае соответствующая установка непременно гарантирует свою реализацию.

Попытаемся применить приведенные разграничения понятий установка и аттитюд в отношении представлений украинского студенчества о евроинтеграции Украины. Кафедра прикладной психологии Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина провела исследование, нацеленное на изучение степени европейской идентификации, восприятия евроинтеграции и отношения к этому процессу у современного студенчества.

Методы и выборка. В исследовании использовались ненаправленный ассоциативный эксперимент, открытый вопрос о евроинтеграционных ожиданиях и субъективное шкалирование.

Для изучения представлений о евроинтеграции у студенчества был организован ненаправленный ассоциативный эксперимент [9], в основу которого был заложен принцип Теста двадцати утверждений на самоотношение М. Куна-Т. Макпартленда, который является классическим методом изучения идентичности личности. В этом тесте испытуемого просят в течение 12 минут дать 20 различных ответов на вопрос, обращенный к самому себе: «Кто я?» [3, с. 365]. В нашем случае мы попросили исследуемых написать пять ассоциаций, которые у них возникают в связи с понятием «евроинтеграция»: «Евроинтеграция — это...».

В данной статье мы остановимся только на контент-анализе ассоциаций о явлении евроинтеграции, результаты по иным использованным методам представлены в других публикациях [4].

Выборка исследуемых лиц состояла из студентов 1-го, 2-го и 5-го курсов факультета психологии Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина (основной разброс возраста исследованных 17-23 года, средний возраст 19 лет). Общий объем выборки составил 116 человек, из них 13 юношей и 103 девушки. Выборка является смещенной по полу, в связи с чем результаты могут экстраполироваться преимущественно на представительниц женского пола. Все исследуемые лица добровольно и с интересом приняли участие в исследовании.

Обсуждение результатов. Контент-анализ ассоциаций о явлении евроинтеграции и связанных с ним ожиданий, позволил выявить следующий набор представлений — см. табл. 1.

Табл. 1

Представления «Евроинтеграция – это...

Общая Сумма ответов	Содержание представлений	1 курс (37 чел.)		2 курс (48 чел.)		5 курс (31 чел.)	
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
65	Евросоюз, слияние, объединение, интеграция, синтез	28	75,7	21	43,8	16	51,6
44	Открытость границ, контакты, путешествия, поездки, эмиграция	19	51,4	15	31,3	10	32,2
42	Новые нормы, стандарты, ценности	8	21,6	28	58,3	6	19,4
36	Новые возможности в учебе, работе, свободе, успехе, «новый уровень», «прорыв»	12	32,4	16	33,3	8	25,8
34	Вхождение в Европу, «окно в Европу», взаимодействие с Европой, помощь от Европы	15	40,5	14	29,1	5	16
34	Более высокий уровень жизни, зарплат, доходов, качества жизни	11	29,7	14	29,1	9	29
30	Изменение, развитие, движение, прогресс	6	16,2	13	27,0	11	35,4
25	Утрата политической и экономической независимости, экономические и национальные проблемы, неконтролируемые последствия, ксенофобия и деморализация	9	24,3	4	8,3	12	39,0
23	Приток инвестиций, новые контракты, торговля	12	32,4	9	18,8	2	6,5
20	Более высокий статус страны на международной арене, престиж, гордость	8	21,6	7	14,5	5	16,0
18	Евро - 2012	6	16,2	9	17,8	3	9,7
13	Доступ к инновациям (наука, технологии)	2	5,4	6	12,5	5	16,1
13	Сотрудничество, взаимодействие, взаимопомощь стран как равных партнеров	-	-	11	22,9	2	6,5
9	Евровалюта	3	8,1	4	8,3	2	6,5
7	Культура	-	-	5	10,4	2	6,5
3	Стыд за свою страну	-	-	-	-	3	9,7

Приведенные результаты показывают, что для большинства студентов Евроинтеграция — это преимущественно формальный процесс, характеризующийся как «слияние», «объединение» нескольких стран (1-е рейтинговое место). Причем у выпускников, в отличие от студентов 1-2 курсов, понимание Евроинтеграции сводится к более высокому уровню взаимодействия, которое связано не столько с формальным объединением, сколько с сотрудничеством и взаимопомощью стран, предполагающим равное партнерство, что позволяет стране подняться на более высокий уровень развития. Вместе с тем, мы фиксировали у первокурсников синонимическую близость понятий «Евроинтеграция» и «Европа» (40,5%), когда Европа выступает как нечто внеположенное Украине, находящееся на более высоком уровне развития, объект желаний и устремлений. Однако в процессе обучения, построенного по принципам Болонской Конвенции, количество подобных ответов снижается и понимание евроинтеграции становится более конкретным, операциональным (у выпускников соответственно 16%).

Одним из основных показателей Евроинтеграционного процесса для студентов (2-е рейтинговое место) является открытость границ. «Открытость границ» как понятие, которое отмечают студенты, трактуется ими по-разному в зависимости от времени обучения в вузе. Если для первокурсников это просто контакты, путешествия, поездки, то старшекурсники уже сосредоточены на содержательных и процессуальных характеристиках данного понятия: студенты 3 курса считают, что пересечение границы с целью пребывания в другой Европейской стране необходимо для успешного трудоустройства, развития межличностных контактов, а для пятикурсников на первый план выступают практические аспекты, связанные с облегчением процедуры пересечения границы.

Отметим, что Евроинтеграцию студенты понимают как многоуровневый процесс, включающий в себя взаимодействие на разных уровнях: экономическом, социальном, образовательном, общекультурном. При этом процесс взаимодействия предполагает принятие новых норм, стандартов, формирование новых ценностей (3-е рейтинговое место).

На поведенческом уровне механизм формирования и принятие нового рассматривается у младшекурсников как «жизнь по образцу» (42,3% вместе по 1-2 курсам), т.е. слепое подражание уже имеющимся образцам поведения, стилю жизни. Старшекурсники же (19,4% на 5-м курсе) делают акцент на ценностно-нормативном обмене, что по их мнению может привести к формированию совершенно новых, даже до сих пор несуществующих образцов и стандартов, вырабатываемых в ходе этого обмена. Именно новые стандарты, по мнению студентов, приведут к появлению новых возможностей в экономическом, образовательном, научном пространстве Украины (4-е рейтинговое место). Для выпускников эти возможности приобретают ярко выраженную личностную окраску, тем самым формируя новые способы жизнестроения. Для них эти способы затрагивают, в первую очередь, экономическую сферу: студенты ожидают приток инвестиций в Украину, оживление товарообмена, заключение новых контрактов (5-е и 8-е рейтинговые места). В образовательной и научной сферах ожидания студентов связаны с возможностью обучения в ВУЗах Европы, участие в общеевропейских научных проектах, прохождение практик и стажировок в других ВУЗах: появление таких возможностей связано, по мнению студентов с такими понятиями, как «работа», «прорыв», «успех», «свобода» (4-е и 11-е рейтинговые места). Отметим, что при этом, абсолютно все студенты осознают, что знание иностранного языка является одним из факторов достижения успеха.

Каждый третий студент, принявший участие в исследовании, считает, что Евроинтеграционный процесс приведет к общему повышению уровня жизни, который затронет не только экономический аспект (повышение зарплаты, увеличение доходов), но и изменит качество жизни вообще.

Заслуживает внимание оценка студентами положения Украины в Европе. Так 17,2% от общей выборки студентов ожидают от Евроинтеграции укрепление положения страны на международной арене, причем у младше- и старшекурсников ожидания студентов приобретают диаметрально противоположную личностную окраску: от «гордость за страну» до «стыд за страну».

Наряду с вышеизложенным Евроинтеграция трактуется ещё и как «Евро-2012», и как единая валюта, использующаяся по всей Европе. Мы рассматриваем это как реакцию студентов на актуальные, не сходящие со страниц СМИ, проблемы, в которые включена Украина.

Следует отметить что для большинства студентов Евроинтеграция выступает как амбивалентный процесс: они выделяют не только позитивные последствия но и негативные стороны этого процесса (7-е и 14 рейтинговые места). В первую очередь отмечается, что Евроинтеграция может привести к утрате политической и экономической независимости. Однако их волнуют и проблемы, которые мы относим к разряду проблем национального менталитета: ксенофобия, деморализация населения страны. Стихийность, отсутствие единой стратегии процесса Евроинтеграции, а также неконтролируемость со стороны субъектов его последствий является, по мнению студентов, также одной из негативных тенденций вхождения Украины в общеевропейское пространство.

На основании приведенного первичного контент - анализа представлений студентов о евроинтеграции Украины возможно продолжение процесса обобщения полученных данных на более высоком уровне. В частности, возможно группирование исходных данных контент – анализа по трем категориям – отражающим аффективный, когнитивный и поведенческий аспекты представлений:

- Так, к аффективному аспекту можно отнести представления, подчеркивающие негативно окрашенные последствия евроинтеграции - утрату политической и экономической независимости, экономические и национальные проблемы, неконтролируемые последствия ксенофобии и деморализации (25), а также стыд за свою страну (3). С другой стороны к этой же группе необходимо отнести представления, в которых присутствует позитивная окраска процесса приобщения Украины к Европе – представление о том, что евроинтеграция представляет собой прогрессивное движение, развитие Украины (30), а также отмечается предполагаемый результат этого движения - более высокий статус страны на международной арене, усиление ее престижа и гордость за свою страну (20). Таким образом, аффективная окраска представлений наблюдается в 78 ответах, что составляет 18,75% от общего числа ассоциативных реакций.

К когнитивному аспекту представлений о евроинтеграции можно отнести формализованные определения европейской интеграции как процесса взаимодействия между социальными и политическими институтами государств Европы, способствующие созданию Европейского Союза (65); идею взаимодействия Украины с Европой (34); представления об определенных атрибутах Евросоюза - нормах, стандартах и ценностях этого политического объединения (42), единой евровалюте (9), знания о более высоком уровне зарплат и доходов, уровне и качестве жизни в Евросоюзе (34), особенностях культуры европейцев (7); а также представление о новых возможностях, которые несет с собой евроинтеграция – притоке инвестиций, расширении торговых связей (23), развитии науки (13) и т.п. Таким образом, когнитивный аспект суммарно представлен в 245 ассоциациях, что составляет 58,89% от общего числа ответов-реакций.

К поведенческому аспекту представлений о евроинтеграции можно отнести подчеркивание идеи расширения контактов, путешествий, поездок в другие страны, вплоть

до эмиграции (44); новые возможности в учебе, работе, свободном передвижении (36); а также разнообразные варианты сотрудничества и взаимодействия (13). Таким образом, поведенческий аспект суммарно представлен в 93 ассоциациях, что составляет 22,35% от общего числа ответов.

Проведенный анализ свидетельствует о явном преобладании чисто когнитивного аспекта в ассоциациях, связанных с процессом евроинтеграции Украины, по сравнению с аффективным и поведенческим аспектами. Последнее же означает, что выявленные в исследовании представления о евроинтеграции, господствующие в сознании студентов Украины, и в силу своей хорошей осознанности и вербализации, и в силу невыраженности поведенческого компонента вряд ли можно причислить к установочным образованиям в трактовке данного понятия в теории Д.Н.Узнадзе. На практике же это означает, что подобные представления, лишённые мощного аффективного и поведенческого зарядов не будут проявляться в жизни широкими и массовыми студенческими движениями в поддержку евроинтеграции, борьбой за ускорение евроинтеграционного процесса или акциями протеста в случае замедления движения Украины в направлении Евросоюза.

Выводы.

1. В наибольшей степени евроинтеграция ассоциируется у студентов с вхождением Украины в Евросоюз, открытостью границ, расширением перспектив для контактов, путешествий, поездок, эмиграции; появлением новых норм, стандартов и ценностей; появлением новых возможностей в учебе, работе, свободе, успехе, а также с более высоким качеством жизни.

2. Опасения связаны с угрозой утраты политической и экономической независимости, появлением новых экономических и национальных проблем, неконтролируемостью последствий, стыдом за свою страну. Особенно данные опасения характерны для студентов последнего года обучения.

3. Большое количество и легкость вербализации ассоциаций, касающихся евроинтеграционных процессов, продемонстрировали высокую степень осознания студентами данных процессов и явное преобладание когнитивного аспекта по сравнению с аффективным и поведенческим. Это означает, что представления о евроинтеграции, господствующие в сознании студентов, вряд ли можно причислить к установочным образованиям в трактовке данного понятия в теории Д.Н.Узнадзе.

4. На феноменологическом уровне подобное преобладание когнитивного компонента и слабая выраженность мощных аффективных и поведенческих зарядов означает соответствующее снижение вероятности массовых студенческих движений в поддержку евроинтеграционных стремлений, борьбы за ускорение евроинтеграционного процесса, равно как и акций протеста в случае замедления движения Украины в направлении Евросоюза.

Литература

1. Большой психологический словарь. Сост. Мещеряков Б., Зинченко В. Олма-пресс. 2004.
2. Будинайте Г. Л., Корнилова Т. В. Личностные ценности и личностные предпосылки субъекта // Вопросы психологии — 1993. — Т. 14. — № 5.
3. Григолава В.В. Установка Д.Н.Узнадзе и аттитюд \ \ Д.Н.Узнадзе – классик советской психологии. – Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1986. – с.90-101.
4. Крейдун Н. П., Кряж И. В., Луценко Е. Л., Павленко В. Н., Поливанова Е. Е. Евроинтеграция Украины в представлениях современного студенчества \ \ Проблеми політичної психології. - Київ, 2011 (у друці).
5. Павленко В.Н. Формирование европейской идентичности и ее соотношение с национальной и этнической идентичностью в Украине // Вісник Харківського університету. 2001. - № 517. – С. 138-142.
6. Попова Т. В. Ассоциативный эксперимент в психологии / Т.В. Попова – М.: Флинта: МПСИБ 2006. – 72 с.
7. Прангишвили А.С. К вопросу о взаимосвязи между установкой и поведением \ \ Д.Н.Узнадзе – классик советской психологии. – Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1986. – с.258 -272.
8. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966.
9. Ядов В. А. Стратегия социологического исследования. Описание, объяснение, понимание социальной реальности/ В.А. Ядов. — 3-е изд., испр. — Москва: Омега-Л, 2007. — 567 с.

УДК 316.614

Значення доробок Д.М. Узнадзе в контексті розвитку психології соціальної роботи

Кривоконь Н.І.

Анотація. Публікація присвячена окресленню проблем формування методологічних засад психології соціальної роботи. Зокрема, йдеться про необхідність розбудови наукових уявлень даної галузі з використанням теоретичних здобутків видатного психолога Дмитра Миколайовича Узнадзе. Підкреслюється особлива роль теорії установки у вирішенні теоретичних та прикладних завдань психології соціальної роботи.

Ключові слова. Психологія соціальної роботи, проблеми особистості з позицій теорії установки, чинники, що зумовлюють діяльність, життєва ситуація особистості, потребнісно-мотиваційна сфера особистості.

Аннотация. Публикация посвящена проблемам формирования методологических основ психологии социальной работы. В частности, речь идет о необходимости развития научных представлений в данной отрасли на основе теоретического наследия выдающегося психолога Дмитрия Николаевича Узнадзе. Подчеркивается особая роль теории установки в решении теоретических и прикладных задач психологии социальной работы.

Ключевые слова. Психология социальной работы; проблемы личности с позиций теории установки; факторы, обуславливающие деятельность; жизненная ситуация личности, мотивационная сфера личности.

Annotation. A publication is sanctified to the problems of forming the methodological bases of psychology of social work. In particular, the question is about the necessity of development of scientific presentations for this industry on the basis of theoretical heritage of prominent psychologist Dmitry Nikolaevich Uznadze. The special role of theory of setting in the decision of theoretical and applied tasks of psychology of social work is underlined.

Keywords. Psychology of social work; problems of personality from positions of theory of setting; factors, stipulating activity; vital situation of personality, motivational sphere of personality.

Постановка проблеми. Сучасні тенденції розвитку людської цивілізації зумовлюють актуальність визначення нових ліній розвитку соціальної психології та її галузей. Йдеться про методологічні проблеми, котрі постають перед науковцями у зв'язку з необхідністю дієво реагувати на виклики часу, спрямовуючи свої зусилля на вирішення саме тих питань, котрі є найбільш нагальними та такими, що викликають найбільший інтерес з боку соціуму. Власне, дискусію про нову парадигму та вектори розвитку світової соціальної психології підтримують наразі чимало авторитетних науковців [1, 5, 7], котрі обґрунтовують тези щодо перспектив та завдань сучасної науки, говорять про необхідність узгодження теоретичних пошукань з практикою, визначають пріоритетні напрямки досліджень, окреслюють проблеми методології тощо.

Приміром, в одній із концептуальних статей Г.М. Андреевої [1] йдеться про зміст нової соціально-психологічної парадигми, котра базується на наступному положенні: «...соціальні психологи повинні займатися взаємодією соціальних змін та вибору, тобто досліджувати, які аспекти соціальних змін розкриваються у сприйнятті індивіда як альтернатива його поведінки, який зв'язок між когнітивними і мотиваційними процесами, чим у кінцевому рахунку детерміновані вибори тих чи інших патернів поведінки» [1]. Тобто окреслюються декілька основних напрямків, котрі є визначальними в контексті розвитку сучасної соціальної психології як науки: конструювання соціального світу (опис, пояснення та систематизація сучасних соціальних явищ, необхідність більшого включення соціального контексту в соціально-психологічні дослідження); апеляція до ідеї соціальних змін (а саме, – «проблема сприйняття рядовим членом суспільства змін, що відбуваються в соціумі та розробка стратегії поведінки відповідно до цього сприйняття»); актуалізація соціального пізнання (причому, необхідно розкрити механізми, завдяки яким людина усвідомлює себе частиною тієї реальності, в якій вона проживає та діє, а також уся сукупність тих факторів, котрі зумовлюють ці процеси); ідея включеності комунікації в пізнавальний процес, розгорнута концепція діалогу [1].

Усі вищеперераховані напрямки нової парадигми соціальної психології підтверджують неабияке значення та зумовлюють активний розвиток такої доволі молодого галузі соціально-психологічної науки як психологія соціальної роботи, що вважається інтегрованою галуззю знань, яка формується на стику соціальної психології та соціальної роботи.

Психологія соціальної роботи вивчає закономірності розвитку та соціалізації особистості, яка перебуває у складних життєвих обставинах, особливості взаємодії особи з різними групами та суспільством в цілому, тобто, на думку деяких авторів [4, с. 9] досліджує «розвиток оптимальної соціалізації і разом з цим соціальної адаптації та реабілітації клієнта». Важливою складовою психології соціальної роботи є також вивчення соціально-психологічних характеристик соціальних служб і соціальних працівників, а також розробка способів їх ефективного функціонування. Слід відмітити, що наразі відбувається формування та поповнення методологічних принципів, закономірностей, понятійно-категоріального

апарату психології соціальної роботи, відпрацьовуються теорії і методи.

Не дивлячись на різноманітність підходів щодо розуміння місця та ролі психології соціальної роботи в системі соціально-психологічних знань, розвиток даної галузі тісно пов'язаний із новою парадигмою соціальної психології, загальними тенденціями гуманізації соціальних відносин сучасного суспільства, зростанням уваги до конкретної особистості та її проблем взаємодії зі світом, активним запровадженням в суспільстві системи соціальної роботи та надання соціальних послуг, що базується на індивідуальному (адресному) підході.

Однак, інтегрований характер самої соціальної роботи та недостатність розробки концептуальних та теоретичних засад психології соціальної роботи, породжує певні труднощі методологічного характеру, подолання яких можливе завдяки використанню, творчому переосмисленню, ретельному аналізу наукових доробок вітчизняних та зарубіжних науковців. Зокрема тих, хто спрямовував свої пошукування на висвітлення проблем розвитку та соціалізації особистості, вивчення особливостей взаємодії людини з соціальним оточенням, досліджував поняття та категорії, що дозволяють пізнавати соціально-психологічну реальність.

Безперечно, серед видатних вчених, чії здобутки мають стати основою для розвитку методології психології соціальної роботи почесне місце займає Дмитро Миколайович Узнадзе. В даній публікації маємо на меті запропонувати до розгляду деякі міркування щодо можливостей використання наукової спадщини Д.М. Узнадзе - видатного радянського психолога, автора теорії установки для розвитку методологічних засад психології соціальної роботи.

Теоретичний аналіз проблеми. Як вже згадувалося вище, серед векторів наукового пошуку соціальних психологів, котрі працюють в царині психології соціальної роботи, особливої актуальності набувають проблеми, що пов'язані з:

- дослідженням особливостей розвитку та соціалізації особистості (особливо людей, які потрапили в скрутну життєву ситуацію і не в змозі самостійно її подолати);
- аналізом життєвої ситуації особистості та відношення особи до власних життєвих обставин;
- наснаженням, актуалізацією внутрішніх резервів людини для вироблення в неї активної позиції щодо вирішення власних проблем, а також спроможності допомогти іншим;
- вивченням особливостей ставлення соціуму до тих, хто стає клієнтами соціальної роботи та проблем соціальної взаємодії з ними з боку інших членів суспільства;
- виокремленням та описом чинників, що визначають життєві стратегії особистості, особливо в скрутних умовах;
- дослідженням потребнісно-мотиваційної сфери особистості;
- пошуком шляхів налагодження ефективної взаємодії між клієнтом і соціальним працівником тощо.

Чимало відповідей на запитання та проблеми, сформульовані вище, можна віднайти, аналізуючи науковий доробок Д.М. Узнадзе.

Перш за все, при розгляді концепції розвитку особистості в контексті психології соціальної роботи велике значення мають ідеї теорії особистості Д.М. Узнадзе, згідно яким поведінка і життєдіяльність суб'єкта зумовлені наявністю в нього потреб. В свою чергу, для задоволення потреб людині необхідна наявність певної ситуації: без наявності факту спільного і узгодженого впливу ситуації та потреби на суб'єкт немає підстав до того, щоб він був готовим до дії. Тобто, існування потреб та відповідної ситуації викликає особливий стан, котрий характеризує його схильність, направленість, готовність здійснювати певні дії. Цей стан і є установка [11, с. 36].

Такий підхід дозволяє розглядати причини виникнення проблем людей як результат, принаймні, наступних чинників: незадоволених потреб; відсутності належної для задоволення потреб ситуації; невідповідності ситуації, що склалася, нагальним потребам. Постійне незадоволення потреб і відсутність належної ситуації/умов спричиняє дисбаланс розвитку особистості, порушує нормальний процес вирішення соціалізаційних завдань на певному етапі формування індивіда, що і призводить до виникнення скрутною життєвою ситуації, яка містить проблеми. Наприклад, дитина, яка в силу тих чи інших життєвих обставин позбавлена батьківського піклування, - постійно перебуває в групі ризику, тобто існує загроза виникнення в неї життєвих труднощів. Причому, якщо створити умови (ситуацію), за яких потреби цієї дитини (як матеріальні, так і духовні, психологічні) будуть задоволені (наприклад, внаслідок усиновлення чи виховання у будинку-інтернаті сімейного типу), - ризик виникнення проблем у цієї дитини значно зменшиться.

В контексті психології соціальної роботи велике значення має також підхід, запропонований Д.М. Узнадзе, до розуміння категорій «потреба», «ситуація», «активність», «поведінка» та їх взаємозв'язку.

За Узнадзе «як потребу можна кваліфікувати будь-який стан психофізичного організму, який, перебуваючи змін оточуючого середовища, дає імпульси до необхідної для цієї мети активності» [10, с. 25]. Причому, варто пам'ятати, що активність повинна розумітися в даному випадку не лише як прийом, що гарантує нам засоби задоволення потреб, а одночасно і як джерело, що дає можливість безпосереднього їх задоволення. Згідно теорії установки виділяють два різновиди потреб – субстанціональні та функціональні. Перші – передбачають

наявність субстанції, отримання якої задовольняє потребу. Другі – це потреби в діяльності, функціонуванні, в тому чи іншому напрямку. Ці дві групи потреб слугують основними категоріями і тих потреб, які з'являються у людей по мірі розвитку умов її соціального, культурного життя, це – теоретичні потреби [3, с. 18].

Необхідною умовою появи установки в певному напрямку, окрім потреби, є наявність відповідної їй ситуації. Звичайно, потреба може існувати поза ситуацією, але в такому випадку вона не має закінченого, індивідуально визначеного характеру. В конкретній ситуації потреба стає індивідуально визначеною, а її задоволення можливе лише за наявності цієї конкретної ситуації. Достатньо з'явитися певній ситуації, потрібній для задоволення цієї потреби, щоб у суб'єкта з'явилася конкретно окреслена установка і він би відчув у собі імпульс до діяльності у абсолютно визначеному напрямку. Такі підходи до розуміння потреб і ситуації, необхідної для їх задоволення, визначають неабияку роль дослідження життєвих ситуацій та потребнісно-мотиваційної сфери особистості, яка є клієнтом соціальних служб, оскільки взаємодія цих чинників якраз і зумовлює тип і зміст поведінки, який бере людина в подальшому, а також, великою мірою, визначить тип ставлення індивіда до власних скрутних обставин і визначить, у подальшому, життєву стратегію людини.

Розвиток ідей Д.М. Узнадзе щодо взаємозумовленості потреби, ситуації, установки і поведінки знайшов відображення і у роботах його послідовників, завдяки яким було здійснено тривірневу характеристику психічної активності людини [6]. Було встановлено, що на першому рівні фізична ситуація пов'язується із життєвими потребами, формується установка практичної поведінки. На другому рівні здійснюється об'єктивація соціально доречної поведінки, виникає потреба у пізнанні, формулюється проблемна ситуація, установка усвідомлення та оцінки. Результатом цього рівня є вибір прийняттого рішення – теоретична діяльність. На третьому рівні у потребнісну сферу включаються соціальні потреби, атитюди, процеси мотивації, відповідна поведінка. Процес прийняття рішення на цьому рівні призводить до формування установки соціальної поведінки, для якої притаманні цінності, соціальні та моральні орієнтації, соціальні оцінки та ін.

Усе вище сказане доводить той факт, що сформована на основі соціальної установки соціальна поведінка особи (яка, до речі є виявом соціальності особистості) характеризується більш складною структурою у порівнянні з теоретичною та практичною поведінкою, а також уможливорює діяльність людини як члена соціальних взаємовідносин, що відповідають інтересам інших людей, суспільним вимогам. В такому разі, асоціальна поведінка, корекція якої часто виступає як завдання соціальних працівників, є результатом несформованих установок практичної та теоретичної поведінки особистості, тобто незадоволення потреб, невідповідності ситуації або неправильно прийнятого рішення на другому рівні психічної активності. Усвідомлення цього механізму розвитку індивіда та прояву його поведінки дозволяє соціальним працівникам вдосконалювати впливи та соціально-психологічний супровід особистості, зокрема і при вирішенні проблеми наснаження, яка в контексті психології соціальної роботи виступає дуже важливою категорією.

Перш за все наснаження розглядається як шлях для спонукання клієнтів до змін. Йдеться про необхідність формування у особистості, що потрапила в скрутну життєву ситуацію, нового досвіду, спрямування особи на конструктивне ставлення до життєвих обставин, вироблення активної позиції, стратегії поведінки, яка б сприяла покращанню ситуації та недопущенню у майбутньому повторного розвитку негативних подій, а також про підтримку прагнення до саморозвитку та самореалізації. Власне, наснаження виступає як гуманістичний, етико-деонтологічний наратив даного фаху, і розглядається багатьма авторами як основна цінність та принцип соціальної роботи.

Однак, залишається актуальним питання щодо пошуку дій, впливів, які спонукають клієнтів до наснаження. На наш погляд, теорія установки має відповіді і на ці запитання.

За Д.М. Узнадзе установка означає мобілізацію сутнісних сил людини при задоволенні потреб. За його визначенням «установка є цілісним динамічним станом суб'єкта, станом готовності до певної активності станом, який зумовлюється двома факторами: потребою суб'єкта і відповідною об'єктивною ситуацією» [9, с.17]. Дослідники установки відмічають, що і соціальна, і психічна установка передають стан мобілізації психіки, налаштованості її до виконання операцій задоволення потреби, вони націлені на предмет потреби і передбачають подумки засоби і способи її задоволення. «Соціальна установка пов'язана з детермінуючим активність параметром особистості – соціогенною потребою, причому або споживальною, або творювальною» [12].

Інакше кажучи, в соціальній роботі впливати на людину можна шляхом формування установки на соціально корисні дії, або на соціальну активність, на задоволення актуальних потреб. Активна позиція людини при вирішенні власних проблем і є першим кроком до наснаження. В разі, коли людина з певних причин не в змозі самостійно задовольняти власні потреби, підтримуючими стратегіями можуть стати створення відповідних для задоволення потреб ситуацій (із залученням ресурсів, оточення, формування нових навичок тощо) і об'єктивація установки.

Д.М. Узнадзе стверджує, що людина із життєвих негараздів виходить, звертаючись до акту об'єктивації, зміни спрямування і внутрішньої природи своєї поведінки. Об'єктивація

розуміється як затримка чи припинення реалізації наявної установки, призупинка відповідної діяльності. Акт об'єктивації включає в себе ідентифікацію того, що переживається зараз, з тим, що переживалося безпосередньо перед цим. В скрутні моменти людина зупиняється на деякий час, щоб спочатку уважно проаналізувати ситуацію, і лише після цього, в залежності від результатів аналізу, знову почати діяти. Саме на цьому проміжку і доречно буде допомога і підтримка соціального працівника, психолога, з якими можна обговорити, усвідомити необхідні для задоволення потреби, проговорити наявні проблеми, визначитися із можливими шляхами їх вирішення.

Відтак, не менш важливою тезою теорії установки для психології соціальної роботи є закріплення об'єктивації актом розуміння в мові. Д.М.Узнадзе експериментально довів, що не оточуюча дійсність, не фактично діюча на людину ситуація є чинником, що безпосередньо визначає виникнення установки, а лише «вербально опосередкована форма дійсності». В акті вербальної об'єктивації полягає пізнавальне ставлення до світу, воно є рівнозначним механізму усвідомлення.

Підтвердження цієї тези знаходить вияв у практиці соціальної роботи, коли клієнти (особливо зрілого та старшого віку) наголошують на пріоритетності комунікативної взаємодії із тими, хто надає їм соціальні послуги. Вони часто просять, щоб з ними «просто поговорили, вислухали, поспілкувалися, дали можливість розказати про свої проблеми та ін.». В ході такого спілкування відбувається об'єктивація потреб і формування нової установки, що виступає першим кроком до наснаження. Тобто, для того, щоб спонукати людину прийняти рішення щодо необхідності досягнення змін у власній життєвій ситуації треба проговорити з особою (обговорити, переконати), допомогти їй окреслити актуальні потреби і проблеми, показати нові перспективи, і врешті-решт допомогти змінити установку.

Зупинимось ще на одному важливому явищі психології соціальної роботи, яке може бути пояснене з точки зору теорії установки. Йдеться про так звану «стигматизацію», «таврування», «дискримінацію». Ці терміни використовують для позначення соціальних феноменів, що характеризують становище індивіда, яке сприймається в даному середовищі, як принизливе, упереджене та негативне [2, с. 20]. В основі інтерпретації цих явищ лежать негативні стереотипи, упередження. Будучи негативною установкою по відношенню до певної соціальної групи, упередження містить в собі негативні емоції, які породжують нетерпимість, несправедливість, грубість, ворожу поведінку.

В соціальній психології та соціальній роботі найбільш дослідженими є такі види упередженої поведінки як расизм, сексизм, ейджизм. І важливим завданням підготовки та діяльності соціальних працівників та практичних психологів є формування такого відношення до людей, яке передбачає відсутність будь-якого упередження стосовно віку, статі, національності, класової приналежності, вибору способу життя тощо.

Теорія установки пояснює причини виникнення таких негативних стереотипів і шляхи їх подолання. Зокрема, згідно Д.М. Узнадзе, зміст установки залежить від об'єктивного чинника, що викликає установку. Відтак, при дослідженні змісту установки щоразу необхідно віднайти той предмет в ситуації розв'язання завдання, на який спрямована установка, і те, яку роль виконує цей предмет в детермінації діяльності. Науковець у зв'язку з цим виділяє декілька форм /видів установок по їх відношенню до «визначеного» предмета і за походженням: безпосередні і опосередковані. Перші, - це установки практичної поведінки, а опосередковані можуть бути індивідуальними і опосередковані чужою об'єктивацією [10, 13].

Відтак, негативні стереотипи дуже часто породжуються завдяки прийняттю особистістю таких опосередкованих чужою об'єктивацією установок, які привносять певні «викривлення», помилки у процес ставлення до оточення та поведінки. Однак, важливо враховувати, що «гіпотеза про зумовленість поведінки соціальною установкою спростована цілим рядом дослідників, оскільки вона є налаштованістю і алгоритмом поведінки, а не її рушійною силою, якою є потреба» [12]. Цінним, особливо в контексті подолання проблем стигматизації, є інтерпретація результатів відомого «парадоксу Р.Лап'єра» (де якраз описується дослідження упередженого ставлення до представників іншої раси) вітчизняним науковцем – дослідником теорії установки В.Т. Цибою згідно з регулятивно-детерміністською концепцією: «оскільки активність особистості спричинюється тільки біо- і соціогенними потребами, а соціальна установка-атитюд є лиш налаштованістю на початок дії, то, детермінуючим чинником господарів готелів є домінуюча потреба в одержанні прибутку, при цьому актуалізуються внутрішні соціальні (морально-етичні) настанови щодо надання сервісу клієнтам, а соціальна настанова щодо етнічної їх приналежності є неактуалізованою» [12].

В практиці соціальної роботи дані міркування можуть знайти своє відображення як наукове пояснення поведінки тих, хто має певні упередження щодо інших, а також в плані формування індивідуальних, а не опосередкованих чужою об'єктивацією, установок.

Таким чином згідно теорії установки Д.М. Узнадзе, діяльність соціальних працівників та психологів, які надають свою підтримку клієнтам соціальної роботи, може розглядатися як вплив на особу, яка потрапила в скрутну життєву ситуацію, з метою спонукання до змін власної установки шляхом допомоги у реалізації потреб, створення належних ситуацій для їх задоволення, спонукаючи до активності, формуючи ті установки, які дозволяють проявляти конструктивні типи поведінки.

Висновки. Зрозуміло, що в межах даної публікації неможливо осягнути усю значимість наукових здобутків Дмитра Миколайовича Узнадзе. Ми лише навели деякі приклади, що на наш погляд, демонструють можливість використання та актуальність психологічних ідей автора теорії установки в контексті психології соціальної роботи. Сподіваємося, що до подальших наукових пошуків у цьому напрямку і розвитку методологічних засад психології соціальної роботи надихатимуть наступні слова Дмитра Миколайовича: «В установці ми знаходимо нову сферу своєрідного відображення дійсності, ...- в цьому слід шукати ключ до розуміння дійсного ставлення живої істоти до умов середовища, в якому їй доводиться будувати своє життя» [11, с.4].

Література

1. Андреева Г.М. Социальная психология: векторы новой парадигмы [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. научн. журн. 2009. № 1 (3). – Режим доступа: <http://psystudy.ru>.
2. Введення у соціальну роботу: Навчальний посібник. – К.: Фенікс, 2001. – 288 с.
3. Девяткин А.А. Явление социальной установки в психологии XX века: Монография / Калинингр. ун-т. - Калининград, 1999. – 309 с.
4. Кулебякин Е.В. Психология социальной работы. – Учебное пособие. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2004. – 87 с.
5. Москаленко В.В. Психология социального влияния. – Навч. посібник. – К.: Центр учбової літератури. – 2007. – 448 с.
6. Надирашвили Ш.А. Закономерности формирования и действия установки разных уровней. В кн.: Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т.1 – Тбилиси: Мецниереба, 1978. – с.111-112.
7. Парыгин Б.Д. Социальная психология: истоки и перспективы. – СПб: ГУПБ, 2010. – 538с.
8. Семечкин Н.И. Психология социального влияния. – СПб.: Речь, 2004. – 304с.
9. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. – Тбилиси, 1961.
10. Узнадзе Д.Н. Основные положения теории установки. Труды, Т.6. - Тбилиси: Мецниереба, 1977. – с.263-326.
11. Узнадзе Д. Н. Психология установки. — СПб.: Питер, 2001. — (Серия «Психология-классика»). 416 с.
12. Циба В. Т. Аналіз понять теорії особистості: соціальна настанова, соціальна установка, атитюд [Електронний ресурс]//Український центр політичного менеджменту: Соціальна психологія, 2008. - №3(30). Режим доступу: <http://www.politik.org.ua/vid/magcontent.php3?m=6&n=64&c=1435>
13. Чхартишвили Ш.Н. К вопросу об онтологической природе бессознательного. Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Т.1 – Тбилиси: Мецниереба, 1978. – с.95-110.

УДК 159.9

Категория установки в объяснении смысловой регуляции жизнедеятельности личности

Кряж И.В.

Теоретический анализ показывает, что вопрос о роли установки в регуляции поведения решается в зависимости от понимания онтологического статуса установки. При изучении смысловой динамики категория установки выступает в качестве формы, в которой субъективный смысл репрезентируется исследователю. На примере отношения к проблеме глобальных экологических изменений исследуется динамическая организация устойчивых компонентов смысловой сферы личности, включенных в смысловую регуляцию жизнедеятельности.

Ключевые слова. Установка, динамическая смысловая система, смысловой паттерн, смысловая регуляция, моделирование структурными уравнениями.

Теоретичний аналіз показує, що питання про роль установки в регуляції поведінки вирішується залежно від розуміння онтологічного статусу установки. При вивченні смислової динаміки категорія установки виступає у якості форми, у котрій суб'єктивний зміст репрезентується досліднику. На прикладі ставлення до проблеми глобальних екологічних змін досліджується динамічна організація сталих компонентів смислової сфери особистості, що включені у смислову регуляцію життєдіяльності.

Ключові слова. Установка, динамічна смислова система, смисловий патерн, смислова регуляція, моделювання структурними рівняннями.

The theoretical analysis shows, that the question on an attitude role in regulation of behaviour dares depending on understanding of the ontological status of attitude. At studying of meaning dynamics the category of attitude acts as the form in which the subjective sense is represented to the researcher. On an example of environmental concern the dynamic organization of steady components of meaning sphere the persons included in meaning regulation of activity is investigated.

Keywords. Attitude, dynamic meaning system, a meaning pattern, meaning regulation, structural equation modeling

Предметом данной статьи является динамическая организация устойчивых компонентов смысловой сферы личности, включенных в смысловую регуляцию жизнедеятельности. Говоря об устойчивых компонентах, мы хотим подчеркнуть роль установочных образований или собственно установки в процессах смысловой регуляции, обращаясь при этом к теории установки Д. Н. Узнадзе.

Содержание понятия «установка», как отмечает А. Г. Асмолов, очень сильно варьирует и связывается с различными теориями и близкими терминами: моторная установка, сенсорная установка, установка сознания, диспозиция, детерминирующая тенденция, целевая установка, квазипотребность, информационная модель, вероятностное прогнозирование, антиципация, схема, валентность, вектор, ригидность, доминанта, акцептор действия, социальная установка (аттитюд), ценностная ориентация, черта и т.д. [2]. В работах Д. Н. Узнадзе под установкой понимается модификация активного субъекта как целого, это то понятие, которое раскрывает взаимосвязь субъекта и актуальной ситуации, в которой он решает свои задачи. Установка в теории Д. Н. Узнадзе – это центральное понятие для психологического анализа субъекта и субъектной активности: «Если основная психологическая сущность субъекта открывается нам в каждом отдельном случае его активности в определенных модификациях его установки, то это значит, что основная, определяющая проблема его психологии – это проблема установки» [15]. Представляя собой «момент динамической определенности» психической жизни [14, 25], установка выражает целостную направленность сознания на определенную активность.

Вопрос о смысловой регуляции поведения в теории Д. Н. Узнадзе, как нам представляется, снимался за счет понятия первичной установки, «которая, не являясь ни физическим, ни психическим, устанавливает между ними связь и обеспечивает биологическое приспособление и психическую деятельность» (А.Т. Бочоршвили, цит. по: [11, 118]). Поскольку в установке выражается соответствие между потребностью субъекта и наличной ситуацией, именно установка объясняет целесообразность и смысл поведения [14, 262]. Категория установки при этом выносится за пределы сферы психического, т.е. установка наделяется особым онтологическим статусом и рассматривается в качестве первичной, нерасчлененной целостности [там же, 116]. По оценке Н. И. Сарджвеладзе, «эту парадигму следует определить как парадигму диалектического единства противоположностей внутреннего и внешнего, субъективного и объективного, психологического и физиологического. Такая парадигма единства прослеживается также в связи с временными характеристиками установки, а именно в том пункте, в котором она определяется как актуальное («здесь и сейчас») состояние, включающее в себя как прошлый опыт, так и антиципацию будущего («опережающее отражение»); эта же парадигма налицо и при определении сущности психического развития как процесса дифференциации изначально диффузного целого» [там же, 118].

Д. Н. Узнадзе подчеркивает, что необходимо различать установку и собственно конкретное содержание (состояние) сознания. «Установка сама, конечно, не представляет собой ничего из этого содержания, и понятно, что характеризовать ее в терминах явлений

сознания не представляется возможным. Но допустим, что мы зафиксировали достаточно прочно какую-нибудь из наших установок. В этом случае она будет представлена в сознании всегда каким-либо определенным содержанием, возникающим на базе этой установки. Если актуализировать эту последнюю повторно, то мы будем замечать, что каждый раз у нас возникает в сознании все то же содержание... Одна и та же фиксированная установка может лежать в основе одинакового переживания ряда различных, но близко стоящих друг от друга объективных содержаний. Установка в этом случае обуславливает идентификацию в переживаниях ряда сравнительно незначительно различных ситуаций» [13, 33-34]. Иначе говоря, фиксированная установка обуславливает смысловую общность различных ситуаций. Рассматривая установку как психологический феномен, можно сказать, что именно установка раскрывает смысловой контекст поведения, являясь механизмом его смысловой регуляции, а фиксированная установка является формой фиксации смысла. Тогда смысл, в свою очередь, может быть определен как содержание установки. Однако в работах Д. Н. Узнадзе само понятие смысла / смысловой регуляции оказывается избыточным, поглощаясь категорией установки.

Собственно смысловое содержание установки получило освещение в работе А. В. Запорожца, где, в частности, ставится вопрос о том, какого рода опыт конденсируется в установке [5, 222]. А. В. Запорожец пишет: «Предметы человеческой деятельности должны рассматриваться психологией в двоякого рода отношениях: в отношениях к другим объектам и в отношении к субъекту, к его жизненным потребностям и интересам. Второй род отношений, личностно-смысловых, и отражается в форме установки в отличие от предметно-технических отношений, получающих отражение в форме навыков, а также различных знаний о предметах» [там же].

Субъективно-смысловое содержание установки обнаруживается не только в сложных действиях, раскрывающих отношение субъекта к объекту, но и в классических лабораторных экспериментах по выработке фиксированной установки: «мы склонны утверждать, что и те установки, которые обычно вырабатываются в лабораторных экспериментах, есть если не личностные..., то, по крайней мере, субъектные образования. В них, наряду с объективно-предметными отношениями вещей и, так сказать, маскируясь ими, отражается и отношение к вещам субъекта, тот смысл, который эти вещи для него имеют» [5, 224-225].

Наряду с вопросом о смысловом содержании установки А. В. Запорожец сформулировал проблему системной организации установок, указывая, что даже выполнение простых поведенческих актов обусловлено участием не одной, а как минимум пары противоположных установок, «одна из которых находится в активном состоянии, другая же хотя и заторможена, но, во-первых, и в заторможенном состоянии влияет на процесс..., а во-вторых, готова ...при каждом подходящем случае прийти в деятельное состояние и подавить ранее действующую противоположную установку» [там же, 225]. Еще более, заключает А. В. Запорожец, выражена роль установок, как системы смысловых противоположностей, взаимодополнений и соподчинений, в регуляции тех сложных видов активности, в которых реализуются основные отношения личности к окружающему миру.

Сравнивая содержание понятия «установка» в работах Д. Н. Узнадзе и А. В. Запорожца, можно отметить, что если Д. Н. Узнадзе делал акцент на состоянии готовности субъекта действовать в актуальной ситуации определенным образом (готовности, определяемой отношением между ситуацией и потребностями субъекта), то А. В. Запорожец на первый план выводил субъективное отношение к предметной ситуации, определяемое потребностями субъекта и проявляющееся в форме готовности к определенному типу активности. Соответственно, понятие смысл в работах Д. Н. Узнадзе используется редко и в значении осознанности либо обоснованности выполняемого поведения, в то время как А. В. Запорожец рассматривает смысл как «субъективное значение вещей, а вместе с тем и производимых по отношению к ним соответствующих действий» [5, 218].

Проблема смысла и смысловой регуляции жизнедеятельности была обозначена в отечественной психологии работами Л. С. Выготского, прежде всего, в форме положения о динамической смысловой системе, представляющей собой «единство аффективных и интеллектуальных процессов» и рассматриваемой в качестве единицы анализа психической жизни [4, 22]. «Анализ, расчленяющий целое на единицы... показывает, что во всякой идее содержится в переработанном виде аффективное отношение человека к действительности, представленной в этой идее. Он позволяет раскрыть прямое движение от потребности и побуждений человека к известному направлению его мышления и обратное движение от динамики мысли к динамике поведения и конкретной деятельности личности» [там же]. Отметим два момента, в силу которых понятие динамической смысловой системы, введенное Л. С. Выготским, может быть сопоставлено понятию установки – это момент зафиксированного отношения к действительности и момент движения от потребности через динамику мысли к динамике поведения.

Важным шагом в развитии представлений о смысловой сфере личности стала разработка А. Н. Леонтьевым понятия личностного смысла как единицы сознания [7]. Как отмечалось выше, А. В. Запорожец показал, что личностно-смысловые отношения получают выражение в форме установки [5]. Позже В. А. Ядов писал о сходстве понятия личностного смысла в работах А. Н. Леонтьева с такими понятиями, как «отношение», «ценность», «социальная фиксированная установка», «диспозиция» [10].

С конца 1970-х гг. быстро растет число работ, обращенных к смысловой сфере личности, специфике ее строения и функционирования [1; 2; 3; 12; 16; 8 и др.]. Импульсом к активизации исследований в этом направлении послужило создание в 1977 году на факультете психологии МГУ научно-исследовательской группы по исследованию личности [8, 92], обратившейся к смысловым образованиям личности, под которыми понимались «порожденные развитием деятельности субъекта психические образования, в которых в специфической форме отражено пристрастное, индивидуализированное отношение субъекта к миру» (цит. по: [8, 93]).

Среди смысловых образований (наряду со смыслообразующим мотивом и личностным смыслом) предлагалось рассматривать смысловую установку как «форму выражения личностного смысла в виде готовности к совершению определенным образом направленной деятельности» [2, 63]. Одновременно в рамках психосемантического направления исследования смысловой сферы личности было введено понятие категориальной установки как опосредующего звена между субъективными значениями и осуществляемой субъектом категориальной активности [16]. Категориальные установки (КУ) отвечают за быструю и точную категоризацию ситуации, обеспечивая «эффект избирательной актуализации потенциальных семантических признаков значения» [там же, 34]. «Актуализация определенной КУ означает готовность к осуществлению определенной категориальной активности. Если значение – единица анализа статики репрезентативных систем, то КУ – единица анализа динамики этих систем» [там же, 44]. Если смысловая установка рассматривается как ведущий уровень «психологического механизма стабилизации деятельности» (более высокий, чем уровень целевой установки и уровень операциональной установки) [2], то понятие категориальной установки объединяет установки сразу трех уровней регуляции – оперативного, тактического и стратегического, из которых к собственно смысловым КУ относятся установки мотивационного происхождения и стратегического уровня [16, 43].

Различение смысловой установки как готовности к поведенческой активности, выражающей личностные смыслы во внешнем плане, и категориальной смысловой установки как готовности к внутренней активности по выделению в потоке событий содержания, релевантного личностным смыслам, обуславливало вопрос о разноуровневых «смысловых готовностях». Такой вопрос может быть сформулирован двояко: как вопрос о структурной организации и, соответственно, структурных элементах смысловой сферы и как вопрос о системной организации и, соответственно, единицах смысловой сферы в целом (в русле идеи Л. С. Выготского). В связи с этим Д. А. Леонтьев предложил различать смысловые структуры и смысловые системы: «Понятие смысловых структур выступает как обобщающее родовое понятие для ... специфических элементов структурной организации смысловой сферы личности; понятие смысловых систем относится к особым образом организованным целостным многоуровневым системам, включающим в себя целый ряд различных смысловых структур» [8, 126].

В качестве смысловых структур, различающихся по структурным и функциональным характеристикам и образующих иерархию, Д. А. Леонтьев рассматривает личностный смысл, смысловую установку, смысловую диспозицию, смысловой конструкт, мотив и личностную ценность [там же, 127]. Все смысловые структуры тесно связаны между собой, представляя собой «превращенные формы» основных жизненных смыслов личности. Личностный смысл, смысловая установка и мотив функционируют «в пределах конкретной отдельно взятой деятельности», в то время как смысловой конструкт, смысловая диспозиция и личностная ценность являются устойчивыми транситуативными структурами. Согласно Д. А. Леонтьеву, ценности образуют высший уровень регуляции, выполняя функцию смыслообразования по отношению к остальным структурам, из которых, в свою очередь, мотивы, смысловые конструкты и диспозиции «образуют второй иерархический уровень смысловой регуляции», порождая личностные смыслы и смысловые установки [там же, 129]. Проводя параллель с теорией установки Д. Н. Узнадзе, Д. А. Леонтьев уточняет: «первичной и фиксированной установке в нашей модели соответствуют различные виды смысловых структур: смысловая установка актуальной деятельности и смысловая диспозиция» [там же, 183].

Не останавливаясь здесь на специфических характеристиках перечисленных смысловых структур, отметим, что каждая из них выполняет установочную функцию, определяя готовность субъекта к тому или иному способу осмысления ситуации. Для описания согласованного взаимодействия таких установочных смысловых компонентов Д. А. Леонтьев обращается к понятию динамической смысловой системы (ДСС), определяя последнюю как «относительно

устойчивую и автономную иерархически организованную систему, включающую в себя ряд разноразмерных смысловых структур и функционирующую как единое целое» [там же, 235]. Личность характеризуется многообразием ДСС, при этом каждая из ДСС обеспечивает «специфическую группировку, кластеризацию мотивов, установок, ценностей». Как целостная смысловая единица, регулирующая определенную сферу жизнедеятельности и являющаяся результатом системного взаимодействия значительного числа соответствующих смысловых компонентов, ДСС придает устойчивость отношениям субъекта с миром и, вместе с тем, обеспечивает необходимую степень поведенческой гибкости в изменяющемся окружении.

Предметом нашего эмпирического исследования стала системная организация смысловых диспозиций, специфичных для изучаемой сферы жизнедеятельности, а именно – смысловых диспозиций, выраженных в форме основных параметров отношения субъекта к проблеме глобальных экологических изменений.

Наше исследование было выполнено в русле психологии экосохранения, для которой одним из базовых является понятие экологической озабоченности (environmental concern). Под последней понимается отношение субъекта к экологическим проблемам, определяющее готовность внести свой вклад в их решение [17, 485]. Экологическую озабоченность (ЭО) можно охарактеризовать как установочное образование (аттитюд, диспозиция, глубинное отношение), возникающее в контексте экологических изменений и проявляющееся в переживании и осмыслении экологических параметров жизненной ситуации как жизненно значимых.

Для исследования смысловых диспозиций, отражающих отношение субъекта к глобальным экологическим проблемам, нами был разработан опросник из 44 утверждений (ЭкО-44), объединяемых в 7 шкал: • «Экологическая интернальность» (выражает смыслы человеческой ответственности за разрушение природного мира ради наращивания потребления), • «Отрицание» (отрицание значимости экологических проблем), • «Личная актуальность» (ощущение экологических проблем в своей жизни), • «Биоцентризм» (выражение экологического эгалитаризма в оценке последствий экологических проблем), • «Технологии» (технологический оптимизм – экологические проблемы могут быть успешно решены за счет новых технологий), • «Деньги» (приоритет финансово-экономических проблем над экологическими), • «Экологическое возмездие» (осмысление глобальных экологических изменений как возмездия за человеческий – видовой – эгоизм, за пренебрежение экологическими законами) [6]. В исследовании принял участие 501 человек в возрасте от 17 до 63 лет (335 женщин и 166 мужчин). Из них 487 человек заполняли также модифицированный вариант опросника Ш. Шварца, на основе которого рассчитывались показатели шести мотивационных типов ценностей: универсализм, власть, безопасность, самостоятельность, стимуляция, конформность, а также учитывалась отдельная ценность «экологическая безопасность». При обработке данных были применены статистика таблиц сопряженности, методы кластерного, дисперсионного, корреляционного анализа, а также методы моделирования структурными уравнениями (путевой анализ) на основе программного пакета Statistica 7.

В качестве основных индикаторов различий в понимании экологических проблем и в способах осмысления экологической ситуации рассматривались шкалы «биосферное беспокойство» и «деньги». По этим двум параметрам был проведен кластерный анализ данных. После анализа дендрограммы (метод невзвешенного попарного среднего) были выделены методом К-средних пять кластеров, из которых в рамках данной статьи мы рассмотрим два: кластер «Б» с самыми высокими по выборке показателями биосферного беспокойства и самыми низкими значениями по шкале «Деньги» (147 человек), кластер «Д» – самые высокие показатели по шкале «Деньги» и относительно низкое биосферное беспокойство (61 человек). Как показал анализ таблиц сопряженности, эти два кластера различались по половозрастному составу. Кластер «Б» на 3/4 был образован женщинами, в то время как в кластере «Д» мужчины и женщины встречались одинаково часто (различия значимы при $p < .01$ по критерию 2 Пирсона). Также в кластере «Д» процент старших респондентов был выше, чем в «биоцентрическом» кластере и по выборке в целом ($p < .05$). Отметим, что из 25 активистов ДОП (дружины охраны природы), работавших с методикой, 18 оказались в кластере «Б». Таким образом, выраженная ориентация на финансово-экономические проблемы в сочетании с антропоцентрическим пренебрежением экологической ситуацией более характерна для работающих взрослых, в первую очередь мужчин, в то время как беспокойство о других живых существах в сочетании с экологическими приоритетами более типично для студентов, преимущественно – девушек. Можно сказать, что отношение к глобальным экологическим проблемам обусловлено финансово-экономической стороной жизни, которая, будучи прямо связана с доступом к жизненным ресурсам, закрепляет отношение к деньгам как к непосредственному универсальному ресурсу, что ведет к игнорированию значения экосистемы как первоисточника жизнеобеспечения.

Дисперсионный анализ показал, что в группе «Б» значимо ниже, чем в группе «Д» показатели отрицания экологических проблем и технологического оптимизма, значимо выше – показатели экологической интернальности, личной актуальности экологических проблем (во всех случаях $p < .0001$) и экологического возмездия ($p < .01$). Также были выявлены различия в личностных ценностях: в группе «Б» более высоко, чем в группе «Д» оцениваются универсализм ($p < .01$) и экологическая безопасность ($p < .01$) и значимо ниже – ценности власти ($p < .0001$). Выявленные межгрупповые различия в целом подтверждают ключевое значение двух смысловых диспозиций – биосферного беспокойства и «денежной» озабоченности – в общей оценке экологической ситуации. Однако каков характер связи этих диспозиций с другими смысловыми образованиями, различается ли он в двух анализируемых группах?

Для ответа на этот вопрос мы обратились к методам путевого анализа. С учетом результатов дисперсионного анализа и на основе корреляционного анализа данных, проведенного отдельно по двум кластерам, были разработаны структурные модели для описания взаимосвязей смысловых диспозиций в рамках каждого кластера. При оценке адекватности и подгонке исходных моделей использовались индексы подгонки, предлагаемые программным модулем SEPATH. Использовался метод асимптотически свободного от распределения оценивания, не требующий многомерной нормальности данных. Схематическое изображение итоговых моделей представлено на рис.1-2 (на рисунках не отражены вариации и остаточные члены, поэтому они не являются в строгом смысле диаграммами путей), там же приводятся основные показатели пригодности модели: критерий согласия χ^2 ($p > .05$ означает, что нулевая гипотеза не может быть отброшена), отношение χ^2 к числу степеней свободы df (не должно превышать 2), индекс Джорескога GFI (указывает на хорошее соответствие при значениях более .95), квадратичная усредненная ошибка аппроксимации RMSEA (для принятия нулевой гипотезы не должна превышать .05) [9].

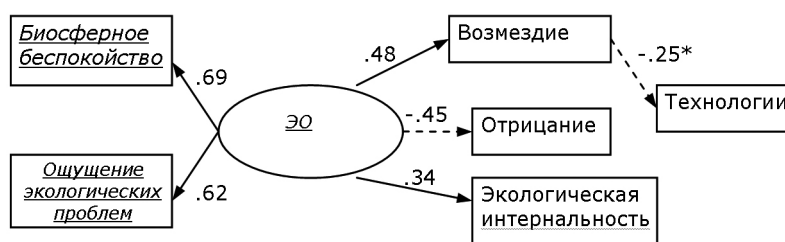

Рисунок 1. Модель осмысления глобальных экологических изменений в группе «Б» (связи значимы при $p < .001$, кроме * - $p < .01$). $\chi^2/df=6,5/8$; $p=.59$; RMSEA 0; GFI .99.

Модель для кластера «Б» включает независимый латентный фактор (овал на рис.1) с двумя явными переменными: биоцентризмом и личной актуальностью экологических проблем, который оказывает влияние на выраженность трех смысловых диспозиций, усиливая экологическую интернальность и смыслы экологического возмездия и ослабляя отрицание экологических проблем. Содержательно такой латентный фактор может быть охарактеризован как экологическая озабоченность (ЭО). Фактор ЭО не связан прямо с технологическим оптимизмом, но может оказывать подавляющее влияние на эту смысловую диспозицию, усиливая смыслы экологического возмездия. Предложенная модель не включает диспозицию «Деньги», которая не имеет значимых корреляций с другими шкалами. В остальном можно говорить об общем для данной группы смысловом паттерне, упорядочивающем отношение к отдельным аспектам экологической проблематики в единую смысловую систему. Правомерно рассматривать систему ЭО как самостоятельную функциональную единицу, действующую наравне с ценностной системой. Последнее утверждение базируется на нескольких фактах: во-первых, несмотря на значимые корреляции отдельных диспозиций с мотивационными типами ценностей, включение ценностей в диаграмму путей вело к заметному ухудшению показателей пригодности модели; во-вторых, ни одна из моделей, в которых предполагалось влияние ценностей на систему смысловых диспозиций (а не корреляционная связь), не подтвердилась, зато подтвердились модели, включающие влияние ЭО на мотивационные типы ценностей. Т.е. латентная переменная, интегрирующая экологические диспозиции в единую смысловую систему экологической озабоченности, может быть отнесена к уровню мировоззренческой позиции (жизненных принципов или концепции жизни по В.А.Ядову [10]), которая может стать основой экологической направленности личности (для того, чтобы говорить о самой направленности, должна быть готовность не только к определенному способу осмысления ситуации, но и готовность к проэкологическим действиям).

В кластере «Д» экологические диспозиции образуют систему (рис.2), смысловым центром которой является слабое противостояние биосферных и «денежных» смыслов (связь значима при $p < .1$). За такой оппозицией стоит ценность власти, усиливающая финансовый прагматизм в экологической сфере и ослабляющая биоцентрическую оценку ситуации (это следует из результатов корреляционного анализа и подтвердилось путевым

анализом). Проверка регрессионной модели (в качестве регрессоров рассматривались смысловые диспозиции и мотивационные типы ценностей) показала, что личная актуальность экологических проблем в этой группе не связана с биосферным беспокойством, зато зависит от ценностей универсализма, т.е. осмысление глобальных экологических угроз как актуальных обусловлено здесь альтруистическими побуждениями.

В модель для кластера «Д» не вошла диспозиция «Возмездие», не имеющая значимых корреляций ни с другими смысловыми диспозициями, ни с ценностями. Обратим внимание на связь «биосферное беспокойство» - «экологическая интернальность» - «технологический оптимизм», из которой следует, что представления об уроне, наносимом живой природе в результате человеческой экспансии, если и способствуют в группе «Д» признанию экоразрушительной роли промышленной цивилизации, то в конечном итоге нейтрализуются представлениями о том, что экологические проблемы могут быть решены за счет денежных инвестиций и технологических достижений. Иначе говоря, биосферное беспокойство в этой группе трансформируется в смыслы экопреобразования, и тем самым – в смыслы экологической экспансии.

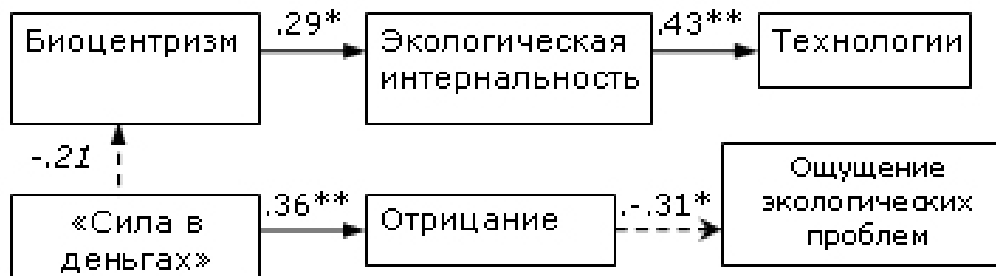

Рисунок 2. Модель осмысления глобальных экологических изменений в группе «Д-1» (связи значимы при $p < .1$, кроме * - $p < .01$, ** - $p < .001$). $\chi^2/df=4,5/10$; $p=.89$; RMSEA 0; GFI .99.

Таким образом, в каждой из двух групп прослеживается свой смысловой паттерн, своего рода смысловой гештальт, поэтому специфика отношения к проблеме глобальных экологических изменений раскрывается не только через выраженность соответствующих смысловых диспозиций, но и через их взаимосвязь. Подобный смысловой паттерн и может быть охарактеризован как момент динамической определенности (Д.Н.Узнадзе) смысловой активности субъекта или, другими словами, как актуальная установка (в нашем случае – установка на ситуацию исследования представлений о глобальных экологических изменениях). Вместе с тем, такой паттерн есть отражение динамической смысловой системы, обеспечивающей на когнитивном и аффективном уровнях согласованность смысловых диспозиций, являющихся функциональным аналогом фиксированных установок.

В какой мере выявленные смысловые паттерны могут быть использованы для описания динамики индивидуальных смыслов, для понимания мировосприятия отдельных индивидов, учитывая, что они отражают некую абстрактную общность смысловой динамики в рамках изучаемой группы? Конечно, в отношении каждого отдельного субъекта мы можем говорить только об общих тенденциях, о наиболее вероятных смысловых связках и взаимопереходах. Вслед за А. Е. Шерозия и Д. А. Леонтьевым мы можем прибегнуть к аналогии с принципом дополнительности Бора-Гейзенберга, согласно которому исследователь может определить либо местоположение элементарной частицы, либо ее импульс (скорость), но не то и другое одновременно. В нашем случае можно говорить с достаточной точностью либо о зафиксированном на момент исследования отношении конкретного субъекта к экологической проблематике, либо об общих закономерностях, объясняющих изменчивость показателей такого отношения в пределах отдельной социальной общности.

Перспективной дальнейших исследований в обозначенном направлении является более глубокое изучение взаимосвязи системы смысловых диспозиций с личностными ценностями.

Выводы. Вопрос о роли установки в регуляции поведения решается в зависимости от понимания онтологического статуса установки. Рассмотрение установки в качестве специфической реальности, не сводимой к сфере ни психического, ни физического, снимает проблему регуляции поведения как таковую, поскольку сама поведенческая активность в таком случае представляет содержание установки как взаимосвязи субъекта и актуальной ситуации. Напротив, отнесение установки к психологическим феноменам приводит к выявлению ее смыслового содержания и определению установки в качестве формы выражения / существования субъективных смыслов. С другой стороны, при анализе смысловой динамики возникает необходимость в категории установки как механизме смысловой регуляции субъектной активности, т.е. категория установки выступает в качестве формы, в которой субъективный смысл репрезентируется исследователю. При этом смысловое содержание отдельного установочного компонента смысловой сферы может быть раскрыто только в системе его отношений с другими смысловыми образованиями, релевантными исследуемой проблеме.

Література

1. Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 128 с.
2. Асмолов А.Г. Деятельность и установка / А. Г. Асмолов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 150 с.
3. Братусь Б. С. К изучению смысловой сферы личности / Б. С. Братусь // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 14. Психология. – 1981. – №2. – С. 46-56.
4. Выготский Л.С. Проблемы общей психологии / Л. С. Выготский. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с. – (Собрание сочинений: В 6-ти т. / Под ред. В.В. Давыдова; т.2).
5. Запорожец А. В. Избранные психологические труды: в 2-х Т.П. / А. В. Запорожец. – М.: Педагогика, 1986. – С. 189-227
6. Кряж И. В. Структурная модель обыденных представлений о проблеме экологической безопасности / Кряж И. В. // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Серія: «Психологія». – 2010. – №902. – Вип.43. – С. 126-137
7. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т.П. / А. Н. Леонтьев. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с.
8. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.
9. Митина О. В. Моделирование латентных изменений с помощью структурных уравнений / О. В. Митина // Экспериментальная психология. – 2008. – № 1. – С.131-148
10. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова – М.: Наука, 1979. – 264 с.
11. Сарджвеладзе Н. И. Бессознательное и понятие установки в концепции Д. Н. Узнадзе / Н. И. Сарджвеладзе // Вопросы психологии. – 1985. – №4. – С. 114-120
12. Столин В.В. Личностный смысл: строение и форма существования в сознании / В.В. Столин, М.Кальвиньо // Вестник Моск. ун-та. – Серия 14. Психология. – 1982. – №3. – С. 38-47.
13. Узнадзе Д. Н. Психология установки / Дмитрий Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
14. Узнадзе Д. Н. Общая психология / Д. Н. Узнадзе / Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; Под ред. И. В. Имедадзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
15. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологической установки / Д. Н. Узнадзе. – Тбилиси: Издательство АН Гр.ССР, 1961. [Электронный ресурс] <http://ethnopsychology.narod.ru/libr/U/uznadze2.htm>
16. Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности / А. Г. Шмелев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 158 с.
17. Dunlap R.E. Environmental concern: conceptual and measurement issues / Riley E. Dunlap, Robert E. Jones // Handbook of environmental sociology / Ed. by R. E. Dunlap and W. Michelson. – Westport, CT: Greenwood Press, 2002. – P. 482-524

УДК 159.9(075.8)

Чувство, установка и эмоциональная память

Кузнецов М.А.

The role of emotional memory in generation and formation of human feelings has been analyzed. It is shown that D.N. Uznadze's emotional attitude concept has substantial resources for explanation of emotional memory functioning mechanisms. The feelings are being fixed in the memory according to the emotional attitude mechanism and determine the readiness of the subject for emotional reaction to important objects.

Key words: memory, emotional memory, feeling, attitude, emotional attitude.

Проаналізовано роль емоційної пам'яті у виникненні і формуванні почуттів людини. Показано, що значні можливості для пояснення механізмів функціонування емоційної пам'яті має концепція установки Д.М. Узнадзе. Почуття фіксуються в пам'яті за механізмом емоційної установки і визначають готовність суб'єкта до емоційного реагування на значущі об'єкти.

Ключові слова: пам'ять, емоційна пам'ять, почуття, установка, емоційна установка.

Проанализирована роль эмоциональной памяти в возникновении и формировании чувств человека. Показано, что значительными возможностями для объяснения механизмов функционирования эмоциональной памяти обладает концепция установки Д.Н. Узнадзе. Чувства фиксируются в памяти по механизму эмоциональной установки и определяют готовность субъекта к эмоциональному реагированию на значимые объекты.

Ключевые слова: память, эмоциональная память, чувство, установка, эмоциональная установка.

Эмоциональная память – один из наиболее очевидных для повседневного житейского наблюдения (и самонаблюдения) и в то же время – один из наименее изученных в научной психологии видов памяти. Трудности ее эмпирического изучения обусловлены тем, что традиционные для психологии памяти экспериментальные схемы и планы здесь либо вообще неприменимы, либо не могут быть использованы в полной мере. Попытки экспериментирования с эмоциональной памятью наталкиваются на следующие препятствия:

- 1) трудно разграничить актуализацию эмоций и актуализацию потребностей, желаний, мотивов;
- 2) затруднительно, а часто и практически невозможно искусственно стимулировать воспроизведение испытуемым тех или иных эмоций в лабораторной обстановке, «по просьбе экспериментатора»;
- 3) из-за специфики «материала для запоминания» невозможно «предоставить» испытуемому эмоцию для мнемической обработки так, как это принято при изучении словесной, образной и моторной памяти, когда предъявляют тексты, картинки, двигательные эталоны;
- 4) затруднения при регистрации показателей запоминания и воспроизведения эмоций (исследователь имеет дело с системной реакцией человека, в которой комплексно представлены феноменологические, психовегетативные, экспрессивные, мотивационно-побудительные, экспрессивные и когнитивные компоненты актуализирующейся эмоции);
- 5) затруднения при изучении воспроизведения неотчетливо выраженных эмоциональных состояний, состояний, сложных по структуре и меняющихся с течением времени;
- 6) нельзя реализовать принцип повторения; эмоция уникальна; первый же опыт по изучению эмоций изменит самого испытуемого, как бы «создаст ему другую историю» (К. Левин) [8];
- 7) нет возможности опереться на объективные мерки и образцы, с которыми можно было бы сравнить то, что воспроизводит испытуемый (нет эталона для сравнения).

В теоретических и экспериментальных исследованиях эмоциональной памяти, выполненных в разное время в контексте различных общих (естественнонаучной и культурно-исторической) и частных парадигм отчетливо проявились две тенденции. Во-первых, стало очевидным, что эмоциональная память существенно отличается от других – «когнитивных», – видов памяти (образной, словесной), причем в некоторых аспектах – радикально. Это касается специфики мнемического процесса, мнемического «продукта», природы запоминаемой «эмоциональной информации», характера связи памяти с физиологическими процессами и состояниями, степени подверженности эмоциональной памяти влиянию социальной среды, места этого вида памяти в мнемической системе личности, специфики ее вклада в психическую регуляцию деятельности и общения, степени опосредованности эмоциональной памяти речью, меры ее произвольности и возможности ее контролировать и др.

Во-вторых, из всех видов памяти именно эмоциональная память наиболее тесно связана с личностью. Если образная и словесная память исходно настроены на прием и переработку информации, поступающей, в основном, из внешнего мира, то эмоциональная память обращена к личности. Она фиксирует, консолидирует и удерживает следы эмоционально значимых событий, которые в дальнейшем могут стать элементами структуры личности (мотивами, ценностями, мировоззренческими установками, предпочтениями, вкусами и др.).

Эмоциональная память – это подсистема (вид) памяти, в которой происходят фиксация, сохранение, трансформация и последующее воспроизведение определенных чувственных состояний человека, в которых закодировано его отношение к объектам, событиям, ситуациям, людям [7]. Коды аффективной информации имеют в эмоциональной памяти субъективную (смысловую) форму и строятся в двоичной системе оценок («приятно / неприятно», «полезно / вредно», «да / нет»). Во взаимосвязи с объективными кодами образной, словесной и моторной памяти они обеспечивают информационную основу деятельности человека.

Мнемическая единица эмоциональной памяти («эмоциональный след») представляет собой аффективно-когнитивную структуру, состоящую из, как минимум, двух взаимосвязанных компонентов: 1) когнитивной модели «волнующего объекта» и 2) отношения человека к этому объекту (в нем закодирована связь объекта с потребностями и мотивами личности). Отношение к объекту открывается субъекту изнутри (феноменологически) в форме «аффективного волнения» (эмоционального переживания).

Разделение памяти на образную, интеллектуальную, моторную и эмоциональную во многом условно и отражает специфику функционирования мнемической системы при решении тех или иных жизненных задач. Специфика задачи, требующей для своего решения эмоциональной памяти, состоит в определении личностной значимости происходящего. Это осуществляется за счет активного связывания в эмоциональной памяти образов объектов, событий и ситуаций с мотивационно-смысловыми образованиями личности, фиксации этих связей и последующего их использования при решении других жизненных задач.

Актуализация эмоциональных следов – результат акта сопоставления образов желаемого («потребного будущего») с оперативными образами реального положения дел. Образы желаемого сохраняются в долговременной памяти субъекта в разнообразных формах (это мотивы, цели, жизненные планы, нравственные принципы, установки и ожидания, параметры психофизиологического функционирования). Образы реального положения вещей возникают в процессе деятельности и общения. В ходе сопоставления образов желаемого и реального положения вещей обнаруживается их рассогласование или, наоборот, согласованность. От результатов сопоставления зависит интенсивность, знак, модальность, продолжительность актуализируемой памятью эмоции. Эмоциональная память функционирует на всех уровнях иерархии активности (от нейрофизиологических – до высших психических) и во всех измерениях бытия человека. В «индивидуальном» измерении актуализация программ эмоциональной памяти определяет силу, интенсивность, скоростные параметры и длительность воспроизводимой эмоции. В «субъектном» бытии человека эмоциональная память – фактор регуляции деятельности и общения, влияющий на модальностные, пространственно-временные, причинно-следственные и вероятностные характеристики психического отражения. В измерении «личность» эмоциональная память обеспечивает консолидацию и удержание универсальных и обобщенных оценочных критериев, образующих систему ценностных ориентаций, мировоззренческих установок, убеждений человека, взглядов, вкусов, нравственных и эстетических ориентиров, общей эмоциональной направленности. Взятая в аспекте индивидуальности, эмоциональная память выражается в уникальной и неповторимой манере человека эмоционально откликаться на значимые для него события (эмоциональный стиль).

Эмоциональная память в единстве с другими видами памяти выступает как необходимое условие интеграции всех этапов (от побудительных до исполнительских и контрольно-корректировочных) и уровней (от «глубинных» до «вершинных») психической активности, являясь тем самым механизмом формирования структуры личности как единой функционально-динамической системы.

Одно из важных направлений разработки теоретических моделей и проведения эмпирических исследований продуктивного функционирования эмоциональной памяти является изучение роли мнемических процессов в возникновении, развитии, проявлении в деятельности и общении чувств человека. Чувства – важнейшая из форм эмоциональных явлений, традиционно выделяемая наряду с эмоциональным тоном, собственно эмоцией, аффектом, настроением, страстью.

Чувство является основным «продуктом» функционирования эмоциональной памяти и одновременно с этим – своеобразным «функциональным органом» обеспечения и поддержки устойчивости психики индивида и направленности его личности. Чувство – это способ упорядочения аффективной жизни индивида посредством согласования его потребностной сферы с миром культурных «предметов» [2; 13]. В традиционно выделяемых особенностях чувства отчетливо видны проявления двух основных и взаимообусловленных тенденций памяти – ретенциональной («сохранение следов того, что было пережито») и интенциональной («подготовка будущего переживания на основе имеющегося опыта») [11]. Для чувства характерны:

1) предметность (она выражает отношение человека к объекту, имеющему стабильную, долговременную мотивационную значимость; чувство всегда привязано к какому-либо предмету, о котором человек «помнит» и который по-разному может быть представлен в его сознании – в вещественной форме, в форме символа-заместителя, идеи);

2) модальность (т.е. обобщенный и устойчивый знак – позитивный или негативный),

3) устойчивость и обобщенность (т.е. относительная независимость высокозначимого отношения от ситуации; в чувстве эмоционально проявляется обобщенное отношение к объекту как к представителю определенного класса объектов);

4) системность строения (чувство реализуется через совокупность ситуативных переживаний – эмоций);

5) формируемость (насыщенное аффективное общение с ребенком развивает его особую «мнемическую способность» к установлению и закреплению устойчивых связей с высокозначимыми объектами окружающего мира; развитие личности – это, прежде всего развитие и возвышение сферы чувств).

Тесную связь обобщенности и предметности чувства, а также обусловленность этой связи функционированием памяти отметил А.Н. Леонтьев с помощью примера, заимствованного из произведения Стендаля «О любви» (кристаллизация солевого раствора на ветке, погруженной на продолжительное время в воды Зальцбургского пещерного озера). Формирование чувства – процесс достаточно медленный и постепенный. В этом процессе частные, ситуативные эмоции, переживаясь многократно, привязываются к определенному объекту (подобно кристаллам соли, выпадающим на сухой веточке). В психике образуются прочные связи между эмоциями и образами объектов. Человек накапливает эмоциональный опыт, попадая во множество эмоциогенных ситуаций, сталкиваясь со многими волнующими его объектами. Ситуации и объекты классифицируются, разбиваются на группы, обобщаются [9].

Условием формирования и проявления чувства является актуализация и интеграция широкого спектра активностей субъекта, направленных на обнаружение и восприятие объектов, их распознавание и категоризацию, достраивание их элементов в воображении, эмоциональную оценку, актуализацию побуждений, построение целей и программ действий с ними. В чувстве содержится в снятом виде опыт совершения таких когнитивных, эмоциональных и мотивационно-побудительных активностей.

«Кристаллизация» переживаний в объекте происходит на разных, иерархически соподчиненных уровнях (то есть уровнях, как бы вложенных один в другой). Эту мысль легко пояснить с помощью примера А.Н. Леонтьева. Так, образ полкового знамени как объект чувств для ветерана на одном уровне вбирает в себя переживания, связанные с сотоварищами и однополчанами. На другом, более высоко стоящем уровне оно напоминает о воинской чести подразделения, полка. На третьем уровне оно концентрирует переживания, связанные с армией вообще. Над этим уровнем расположен «уровень Родины», которую защищал этот ветеран и т.д. Таким образом, высшее чувство – это «система систем», прижизненно формирующаяся у человека в памяти в процессе усвоения им общественно-исторического опыта действий, отношений и переживаний в общем культурном контексте.

С.Л. Рубинштейн описал трехуровневую иерархию эмоционального в структуре психического [10]. Чувства в этой иерархии находятся на втором (среднем) и третьем (высшем) уровнях, надстраивающихся над низшим уровнем элементарной органической аффективно-эмоциональной чувствительности. Отнесение чувства ко второму – предметному, или третьему – мировоззренческому – уровню зависит от того, на каком «предмете» «кристаллизовано» данное чувство. Предметные чувства (моральные, интеллектуальные и эстетические) выражаются в эмоциональных переживаниях, ассоциировавшихся в процессе жизнедеятельности субъекта с конкретными «объектами». В качестве таковых выступают люди, различные предметы трудовой, познавательной, коммуникативной, учебной, творческой деятельности. Следы накопленных эмоциональных переживаний сохраняются в долговременной памяти в тесной связи с образами объектов, с представлениями, фантазиями и мыслями о них. Данные когнитивные образования делают чувства опредмеченными, дифференцированными в зависимости от соответствующей предметной сферы. Чувства легко осознаются благодаря ассоциированным с ними когнитивным структурам. Это ассоциирование не является случайным: оно – закономерный продукт деятельности человека, в ходе которой он вступает в сложные и многоплановые взаимоотношения с миром, с другими людьми. Субъект определенным образом конструирует свою чувственную сферу, направляя себя на решение тех или иных жизненных задач, выбирая те или иные ситуации взаимодействия с миром.

Образы, представления и мысли об объектах служат средством доступа к соответствующим чувствам. Появление в сознании по какой-либо причине того или иного образа (представления, мысли) об объекте быстро переводит чувство из латентного состояния в активированное. Чтобы вспомнить какое-либо чувство (именно чувство, а не о чувстве!) человек намеренно воспроизводит образы объектов или думает об объектах, связанных с этим чувством, конструирует воображаемые ситуации и события. Именно это рекомендовал молодым актерам К.С. Станиславский, обучая их добиваться адекватного сценического самочувствия [12].

Обобщенные мировоззренческие чувства привязаны к обобщенным мировоззренческим идеям, убеждениям и установкам личности. «Предметом», образ которого вбирает в себя и кристаллизует переживания человека, здесь является уже общий взгляд на мир в целом, общая оценка своего места в нем (Образ Мира и Я-образ).

Чувства – это своеобразные, «стойкие формы эмоционального отношения к действительности», которые образуются вследствие многократного повторения эмоциональных реакций. Установившееся в результате многократных повторений,

устойчивое эмоциональное отношение к определенному явлению или кругу явлений – главная характеристика чувства. Чувства надолго закрепляются в психике и сохраняются в ней в латентной форме, периодически переходя в форму актуальную («живое переживание здесь и теперь»). Находясь в латентной форме, чувство сохраняется в долговременной памяти субъекта в форме устойчивой направленности на тот или иной аспект окружающего мира и взаимодействие с ним. При этом чувство занимает в структуре личности определенное место. Став достоянием эмоционального опыта, чувство превращается в личностную черту и с этого момента начинает существенно влиять на переживания, мысли и действия человека. Чувство как «живое переживание здесь и теперь» попадает в оперативную память субъекта, где оно может быть обогащено, переработано, привязано к новым объектам и распространено на новые ситуации общения и деятельности. Переходя обратно в латентную форму, оно вносит вместе с собой в долговременную память новый опыт, который будет ассимилирован личностью.

Переход чувства из латентного состояния в актуальное обусловлен, прежде всего, изменениями объекта чувства (угрожающими или, наоборот, благоприятствующими ему). Переживание чувства может возникнуть и в воображаемой ситуации. При этом вновь пробуждаются и становятся актуальными те переживания, которые в силу своих специфических качеств характеризуют конкретное эмоциональное отношение, испытываемое к данному объекту. В некоторых случаях чувства актуализируются беспрепятственно и их течение носит обычный характер нарастания и постепенного спада. Однако возникшие переживания могут встретить противодействие в других устремлениях человека, его жизненных установках и т. д. И тогда возникает своеобразный эмоциональный конфликт.

Серьезным объяснительным потенциалом для раскрытия механизмов образования чувств обладает концепция установки Д.Н. Узнадзе. Установка для Д.Н. Узнадзе – это целостная модификация субъекта, возникающая в ситуации, в которой может быть удовлетворена его потребность [14]. Ситуация как бы получает внутри субъекта свое представительство, вследствие чего человек готов действовать и переживать в данной ситуации определенным образом. Эксперименты, проведенные Д.Н. Узнадзе и его последователями, свидетельствуют о:

1) не локальности установки, ее центральном, не периферическом происхождении (это состояние целостного субъекта, а не отдельного органа);

2) не феноменальности (неосознаваемости, имплицитности) установки, ее не представленности в сознании;

3) корректируемости установки (она может изменяться под влиянием сигналов обратной связи, «регрессировать», или наоборот, разрастаться, усиливаться;

4) существовании установки не только в актуальной (актуализированной, проявленной) форме, но и в качестве личностной диспозиции, фиксированной установки (т.е. в скрытой, хронической, латентной форме); Д.Н. Узнадзе в связи с этим отмечал, что «...фиксированная установка довольно долго сохраняет готовность к активации» [15, с. 85]; установка может сохранить готовность к актуализации даже после проверки реальностью (т.е. после серии критических опытов);

5) образовании установки вследствие повторений (но не формальных, когда повторяется только внешняя ситуация, а содержательных, т.е. с вовлечением мотивационно-смысловой сферы субъекта); после каждого содержательного («правильного») повторения субъект меняется; такие повторения с полным правом могут быть названы «повторениями без повторений» в том смысле, в котором Н.А. Бернштейн говорил о повторениях в моторной памяти при построении движений и формировании двигательных навыков [1].

Все пять особенностей установок, выявленные психологами грузинской школы присущи также и чувству. Чувства целостны (охватывают всего человека), могут меняться со временем под влиянием поступающей субъекту информации, существуют и в актуальном и в латентном виде, закрепляются в памяти в результате повторений. Сомнения может вызвать только тезис о преимущественной неосознаваемости чувства. Чувство – это закрепленное в эмоциональной памяти долгосрочное отношение к объекту, которое реализуется в конкретных ситуативных эмоциях. Осознаются именно они, а не само чувство. Чувство же играет роль своеобразного фрейма, долговременного фактора, обязывающего человека определенным образом эмоционально реагировать на объект чувства.

Точку зрения на чувство как на эмоциональную установку защищает Е.П. Ильин [3]. По его мнению, возникновение чувства означает установление тесной эмоциональной привязки субъекта к объекту. Человек становится «эмоционально заряженным» на реагирование определенным образом на данный объект. Основой и детерминантой такого реагирования является эмоциональная установка, т.е. чувство как стойкое субъективное отношение человека к чему-либо.

Становление чувства состоит в формировании и актуализации программ эмоционального реагирования на определенный объект при его восприятии и представлении в определенных жизненных ситуациях. Чувства – это особые установки, сохраняющиеся длительное время в эмоциональной памяти и многократно воспроизводящиеся в адекватных для них ситуациях. Это длительное и скрытое положительное или отрицательное отношение человека к кому-либо или к чему-либо.

Наши собственные эмпирические исследования показали, что сохраняющиеся в

емоциональной памяти установки задают критерии, в соответствии с которыми происходит актуализация и развертывание актуального чувства. Эти критерии представляют собой «следы» ранее пережитых чувств, сопровождавших актуализацию потребностей в значимых ситуациях жизнедеятельности [4 – 6].

Функционированием эмоциональных установок обеспечиваются: а) предметная отнесенность чувства (фиксация и длительное сохранение образа значимого предмета), б) обобщенность чувства (накопление и обобщение следов множества эмоциональных переживаний), в) устойчивость чувства (сохранение его в латентной форме, как готовности к переживанию определенной эмоции). Динамические процессы в мнемической системе обеспечивают обратимый перевод чувства из латентного (установочного) состояния в актуальное, в ходе которого происходит развитие личности.

Чувство, переведенное из латентного состояния в актуальное, координирует (синхронизирует) субъективные, моторно-экспрессивные, когнитивные, мотивационные и психофизиологические аспекты деятельности человека, обеспечивая тем самым возможность решения какой-либо жизненной задачи. Память о пережитом чувстве представляет собой иерархическую соподчиненную систему следов активностей субъекта, проявленных на разных уровнях при актуальном переживании данного чувства. Поэтому мнемические следы пережитых чувств определенным образом структурированы. Так, в воспоминаниях о чувстве любви выделяются «депрессивный», «психовегетативный», «сексуально-эротический», «мнемический» компоненты и компонент «когнитивно-моторной оптимизации» [4]. В воспоминаниях о чувстве гнева выделяются компоненты «моторно-когнитивные нарушения», «моторно-вегетативный», «агрессивный», «позитивный аспект гнева» и «самоконтроль гнева» [5]. Системный характер следов чувств придает человеку свойство субъектности. Субъект чувств способен к их осознанию и произвольному конструированию через организацию своей деятельности и управление ею. Оперируя образами и идеями предметов, субъект имеет доступ к памяти на свои чувства.

Память через эмоциональные установки (чувства) и посредством их участвует в формировании определенной линии поведения. Линия поведения остается относительно устойчивой, несмотря на разнообразие жизненных ситуаций, в которых оказывается человек.

Литература

1. Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. – М.: Наука, 1990. – 495 с.
2. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Собр. соч. в 6-ти томах. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 3: Проблемы развития психики. – С. 5-328.
3. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.
4. Кузнецов М.А. Структура воспоминаний о любовных переживаниях // Вісник Харківського університету. № 617. Сер. Психологія. – Харків, 2004, С. 108-112.
5. Кузнецов М.А. Структура воспоминаний о переживании гнева // Актуальні проблеми практичної психології. Збірник наукових праць. – Херсон: Персей, 2004, С. 137-140.
6. Кузнецов М.А. Роль цінностей особистості у виникненні почуття заздрості // Вісник Харківського національного педагогічного університету ім. Г.С. Сковороди. Психологія. Випуск 19. – Харків: ХНПУ, 2006, С. 62-77.
7. Кузнецов М.А. Эмоциональная память. – Харьков: Крок, 2005. – 568 с.
8. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды / Пер. с нем., англ. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.
9. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2001. – 511 с.
10. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – М.: Учпедгиз, 1946. – 704 с.
11. Середа Г.К. Избранные психологические труды: Сборник / Сост. Е.Ф. Иванова, Е.В. Заика. – Х.: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2010. – 352 с.
12. Станиславский К.С. Работа актера над собой. Части I и II. Дневник ученика. – М.: Гос. изд-во «Искусство», 1951. – 667 с.
13. Тхостов А.Ш., Колымба И.Г. Эмоции и аффекты. Часть I: Общепсихологический и патопсихологический аспекты // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. – № 4. – С. 41-48.
14. Узнадзе Д. Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с
15. Узнадзе Д.Н. Общая психология. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.

УДК 159.923: 316.42

Значение теории установки для исследования психологической адаптации

Луценко Е.Л.

В статье дано теоретическое обоснование ценности теории установки, разработанной Д. Н. Узнадзе и грузинской психологической школой, для современных исследований психологической адаптации. Приводятся мнения разных авторов, доказывающие тесную связь психических явлений установки и адаптации. Практическим результатом теоретических исследований является разработка психодиагностической проективной методики «Актуальные адаптационные установки». Методология конструирования данной методики, ее ключ, способы обработки и стимульный материал описаны в статье.

Ключевые слова: психологическая адаптация, теория установки Д.Н.Узнадзе, грузинская психологическая школа, переходный период в обществе, актуальные адаптационные установки

У статті надається теоретичне обґрунтування цінності теорії установки, яка була розроблена Д. М. Узнадзе та грузинською психологічною школою, для сучасних досліджень психологічної адаптації. Наводяться думки різних авторів, що доводять щільний зв'язок психологічних явищ установки та адаптації. Практичним результатом теоретичних досліджень є розробка психодіагностичної проективної методики «Актуальні адаптаційні установки». Методологія конструювання даної методики, її ключ, способи обробки та стимульний матеріал також описані в статті.

Ключеві слова: психологічна адаптація, теорія установки Д.М.Узнадзе, грузинська психологічна школа, перехідний період у суспільстві, актуальні адаптаційні установки

This article is devoted to the substantiation the significance of D. N. Uznadze and Georgian psychological school theory of set/attitude for the studying of psychological adaptation. It were cited the thoughts of different authors, which argue the existence of close connection between psychological set/attitudes and adaptation. The practical result of this theoretical researches is working out the psychodiagnostic projective method "The Actual Adaptation Attitudes". It is decrypted the methodology, key, process of getting results and interpretation, stimulus material in the article too.

Key words: psychological adaptation, the D. N. Uznadze set/attitud theory, Georgian psychological school, transition period in society, actual adaptation attitudes

Введение. Нестабильность и изменчивость – характеристики современных обществ, и украинское общество не является исключением. С момента распада СССР все бывшие республики вот уже 20 лет переживают период адаптации или так называемый переходный период, чертами которого являются отсутствие стабильности в экономике, экономическая, социальная и политическая поляризованность социума, смена геополитических векторов, усиление миграционных процессов. Эти явления находят отражение в динамике установок субъектов переходного периода, ведь, как обосновали Д. Н. Узнадзе, А.С. Прангишвили, установка лежит в основе адаптации [18, 20].

Более того, Ш. А. Надирашвили обращает внимание на то, что установка не проявляет себя в ситуации стабильной обыденной деятельности, феноменологически она проявляется в ситуации неопределенности, препятствий, резкого изменения деятельности. В таких условиях установки разных уровней (смыслового, целевого, операционального) как бы прорываются на поверхность в виде тех или иных феноменов [15].

Исходя из вышесказанного, целью данной статьи является обоснование значения теории установки, разработанной Д. Н. Узнадзе и грузинской психологической школой, для изучения психической адаптации и описание проективной методики, разработанной для изучения адаптационных установок к переходному периоду в обществе.

Теоретический анализ. Вклад в теорию адаптации, внесенный благодаря изучению феномена установки, прослеживается в большом количестве работ, затрагивающих как проблему установки, так и проблему адаптации, в том числе адаптации в периоды социальных трансформаций [2, 3, 5, 8, 9, 13, 17, 18, 20, 21, 22].

Ф. В. Бассин подчеркивает, что значение установок в том, что они являются важнейшими функциональными компонентами всякой приспособительной деятельности, всякого целенаправленного поведения вообще. Установка выступает как результат определенной организации предшествующего опыта, который становится фактором поведения, поскольку сам в свою очередь создает дифференцированное отношение, избирательную готовность к предстоящим восприятиям и действиям [3].

Установка именно благодаря своей вариабельности является фактором целесообразно-приспособительной деятельности, т.е. деятельности в соответствии с реальной ситуацией (потребностью и условиями ее удовлетворения) [8, 18].

Г.М. Шавердян доказывает, что диффузная и фиксированная установки неспособны выполнять адаптивную функцию; ее выполняет актуальная установка, понимаемая как процесс [22]. Автор поясняет, что хотя адаптация к новым условиям начинается с диффузных установок, но остановка на стадии диффузного отношения (несформировавшиеся установки)

не реализует познавательную цель (познавательная функция), не защищает личность от угрожающего многообразия и ценностного разноречия социального мира (эго-защитная функция), не актуализирует и не «выражает» личность (ценностно-экспрессивная функция), не может явиться инструментом приспособления к среде (инструментальная функция) и не выполняет в целом адаптивной функции. Отрицательное действие диффузных установок заключается в том, что через них личность не достигает постоянства в изменчивом (и изменившемся) мире опыта. С другой стороны, как показывает исследователь, когда фиксация части опыта приобретает ригидность и личность сопротивляется изменениям, которые диктуются последующим опытом, то актуальная установка трансформируется в фиксированную. Сопротивление фиксированной установки к изменению ведет к остановке процесса познания и к неразрешимому когнитивному диссонансу, а также препятствует дальнейшему самовыражению личности. Защитные адаптационные механизмы, при своей фиксированности, превращаются в невротические, патологические реакции. Помехообразная роль фиксированных установок заключается в постоянном центрировании личности на предыдущей фиксации, не допускающей восприятия изменчивости мира опыта. Актуальная установка понимается как процесс, в котором происходит сопряжение противоположных свойств опыта: изменчивость-в-постоянном и постоянство-в-изменчивом, прерывное-в-непрерывном и непрерывное-в-прерывном, ограниченное-в-неограниченном и неограниченное-в-ограниченном, ситуативное-в-личностном и личностное-в-ситуативном. Актуальная установка как «точка водорота» психического и социального, фиксированного и диффузного максимально полно отражает эти связи.

Как считает известный исследователь психической и психофизиологической адаптации Ф. Б. Березин, построение интегрированного поведения, являющегося показателем успешной адаптации, определяется реализацией мотивации не непосредственно в поведении, а через систему установок, отношений и ролевых структур. Отдельные установки могут образовывать систему, диссонировать друг с другом и определять установку интегральную [4]. Ф. Б. Березин экспериментально доказал, что адаптация максимально снижается, если диссонирующая отрицательная установка определяет предуготованность индивидуума к отрицательной реакции на его непосредственное окружение. У 92% испытуемых с такой установкой были нарушения психической адаптации. Второй по степени влияния на эффективность адаптации является установка по отношению к тем аспектам среды, которые непосредственно значимы для реализации сложившихся жизненных стереотипов. При отрицательном характере этой установки нарушения психической адаптации обнаруживались у 80% испытуемых [4].

Данный анализ демонстрирует тесную связь психологических явлений установки и адаптации, что позволило нам использовать её для разработки проективной методики «Актуальные адаптационные установки» [10].

Описание методики. Теоретическая основа для разработки авторской проективной методики незавершенных предложений «Актуальные адаптационные установки» состояла в следующем. В связи с тем, что длительность обсуждаемого исторического периода перешла за пятнадцатилетний рубеж, можно говорить о том, что это достаточно большой срок для формирования определенного специфического опыта, выработки комплекса психологических установок, отношений, являющихся проявлением процесса адаптации к данной ситуации.

Для выявления такой информации мы решили использовать проективный подход, а именно, модифицировать методику «Завершения предложений» [7]. Е. Т. Соколова выделяет следующие особенности проективных методик: «Проективное исследование, в отличие от исследования с помощью объективных тестов или личностных опросников, ориентировано на выявление индивидуальных, «уникальных» способов адаптации личности к социальному окружению и к себе самой»; «Предмет проективного исследования – не объективные отношения личность-среда, а их субъективная концептуализация личностью»; «Личность – это саморегулирующаяся система, цель которой – организация субъективного опыта в соответствии с адаптивными задачами»; «Личность – это уникальная система познавательных процессов, потребностей, черт и способов адаптации, образующих ее индивидуальный стиль» [19, с. 22].

Б.Ф. Бурлачук отмечает, что в проективных методах данного типа, реализуется структурный тип проекции, связанный с объективацией неосознаваемых установок – элементарных программ организации поведения, обеспечивающих готовность к восприятию явлений в определенном ракурсе, отношении [6].

Для методики «Актуальные адаптационные установки» были сконструированы незавершенные предложения, стимулирующие респондента проявлять отношение к определенным явлениям, характерным для переходного периода (ПП). Опросный лист методики «Актуальные адаптационные установки» приведен в приложении ниже. Предложения методики образуют девять блоков информации: два главных блока (по шесть предложений в каждом) о целях и препятствиях в процессе адаптации, и семь дополнительных блоков (из одного-трех предложений), касающихся удовлетворенности потребностей, актуальных ценностей, социальных связей и основных сфер жизни, в которых реализуется адаптационный потенциал личности в актуальной ситуации.

Первый блок содержит предложения, стимулирующие проявление сформировавшегося в сознании индивидуума образа ситуации - переходного периода, в котором он живет.

Второй блок выявляет представления о задачах, которые этот период ставит перед ним (цели адаптации). Третий блок касается представлений о проблемах, препятствующих успешному решению задач адаптации субъектов (препятствия адаптации).

Сферами жизнедеятельности, более всего затронутыми изменениями переходного периода, и соответственно, требующими от личности адаптационной активности, являются следующие. Сфера занятости (блок №4), через которую человек получает материальный доход и возможность профессиональной и социальной самореализации; сфера бизнеса (блок №5), через которую человек не только получает доход и возможность самореализации, но и участвует в создании рабочих мест и влияет на экономику государства.

Через сферу политики (представлена одним предложением №6) человек также может получать доход, иметь возможность профессиональной и целостной самореализации, участвовать в процессе государственного управления. Не менее важными аспектами процесса психологической адаптации субъекта являются его способность удовлетворять свои потребности и отвечать ожиданиям социального окружения. Поэтому, в опросник были заложены предложения-стимулы по выявлению степени удовлетворенности потребностей (одно предложение №7), а также, особенностей социального взаимодействия (блок №8). Два предложения из блока «Цели адаптации» были в процессе апробации валидизированы как выявляющие актуальные ценности, и в результате был образован соответствующий блок (блок №9).

Каждое предложение стимулирует установки, связанные с современным историческим периодом за счет включения в них слов и словосочетаний: «сегодня, в наше время, сейчас, на нынешнем этапе», кроме блока предложений по бизнесу, так как бизнес сам по себе явление, получившее развитие с момента отказа от советских форм экономического устройства.

Анализ качественной информации методики, а именно установок личности касательно адаптационных целей и препятствий, сфер работы, бизнеса, политики, потребностей, социальных связей и ценностей возможен методом суммирования частот повторяющихся ответов, а также дальнейшего контент-анализа и интерпретации как повторяющихся, так и индивидуальных ответов.

Для количественного анализа была разработана процедура перевода результатов методики «Актуальные адаптационные установки» в порядковую измерительную шкалу. Аналогичная процедура имеет прецеденты в зарубежной психодиагностике, например, Бланк незаконченных предложений Роттера-Рефферти 1950 г., где каждое завершение предложения оценивается по 7-бальной шкале в соответствии с обнаруженной степенью приспособленности-неприспособленности к действительности [1, с. 467] или Тест завершения предложений Вашингтонского университета, где каждое предложение получает ранговую 9-бальную оценку уровня развития эго [там же, с. 496].

Предложенный нами способ перевода в количественный вид основан на использовании выявленных в ходе анализа литературы критериев эффективной адаптации. Успешной адаптации способствуют такие личностные характеристики, как активность, интернальность и осознание (осмысление своей жизни, рефлексия). Мы ввели порядковую 5-бальную шкалу для оценки уровня адаптированности через триаду «активность – интернальность – осмысленность».

5 баллов присваивается ответу, если в нем есть признаки активности, интернальности и осмысленности («добиваться цели», «повышать компетентность», «успех зависит только от нас», «те, кто имеет собственное дело, балансируют между налоговыми законами и требованиями рынка»).

4 балла - если в предложении присутствуют индикаторы активной позиции, но опора осуществляется на внешние обстоятельства – деньги, связи, удачу, семью и др., а намерения к действию чисто гипотетические («иметь цель», «быть компетентным», «быть влиятельным политиком»).

3-мя баллами оцениваются шаблонные стереотипные ответы, типа «общество деградирует», «мы живем во время перемен». Как отмечают различные исследователи, обращение к штампам – одно из следствий замены собственных размышлений тем, что предлагает пропаганда [16]. 3-мя баллами также оцениваются ответы, содержащие сложные отвлеченные рассуждения, как свидетельство о защитном поведении, т.е. попытке уйти от ответа, заменить его резонерством, рационализацией, эффекте «фасада», социальной желательности.

2-мя баллами - ответы, содержащие отписки, не имеющие отношение к вопросу шутки и комментарии, реакцию типа «ерунда, зачем это нужно, ну и что» или тавтологию типа «чтобы чувствовать себя уверенно нужно быть уверенным».

Отсутствие ответа или ответ «затрудняюсь» оценивается в 1 балл, так как за этим стоит некоторая реакция, но ее вербальная выраженность отсутствует, что не позволяет ее интерпретировать.

Кроме того, если в ответе нет явных признаков активности-интернальности-рефлексии, но явно выражено положительное или отрицательное эмоциональное отношение, то более высокие баллы присваиваются положительной установке по сравнению с негативизмом, поскольку положительный эмоциональный настрой свидетельствует о лучшей адаптации, что доказано Ф. Б. Березиным [4].

Если ответ является многосложным высказыванием, мы присваиваем ему высший балл, которым оценивается какая-либо из его частей, так как присутствие более высокого уровня реагирования на проблему уже соответствующим образом характеризует испытуемого.

Таким образом, суммарный балл, присвоенный испытуемому по оценкам его ответов в 5-бальной порядковой шкале на все незавершенные предложения методики, является показателем уровня его установочной психологической адаптированности в переходном периоде по трехкомпонентному критерию «активность-интернальность-осмысленность». Этот показатель использовался нами для проверки конвергентной валидности методики.

Первоначально для методики было разработано 40 незавершенных предложений. В процессе апробации были отсеяны неэффективные предложения [12]. Были удалены недискриминативные стимульные предложения, и оставлены те, которые дифференцируют испытуемых и дают нормальное или близкое к нему распределение результатов. Дальнейший анализ привел к отбору 26 предложений, конструктивная валидность которых подтвердилась в ответах исследуемых, в соответствии с определением конструктивной валидности как представленности исследуемой переменной в результатах теста [1, 7].

Конвергентная валидность количественного показателя «уровень установочной адаптированности» была также проверена на 225 исследуемых лицах различного пола, возраста, социального статуса методом корреляционного анализа с аналогичным конструктом теста МЛЮ «Адаптивность» - показателем ЛАП [14]. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена $r_s = -0,132$ (очень слабая корреляция) при высоком уровне значимости $p=0,01$. Валидность подтверждается, во-первых, направлением связи: чем больше величина показателя ЛАП по тесту Маклакова – тем ниже адаптированность личности. По методике «Актуальные адаптационные установки» обратная картина - чем больше величина показателя «Уровень установочной адаптированности» - тем выше адаптированность. Поэтому корреляция имеет отрицательный знак. Наличие данной корреляции тем более доказывает валидность методики «Актуальные адаптационные установки», так как это проективная методика с результатами в виде качественной информации, что при переходе к количественным данным, не может дать такой же высокий коэффициент корреляции, который наблюдается в психометрических опросниках и объективных тестах. Кроме того, как показало дальнейшее исследование, интернальность в области неудач играет роль дезадаптирующего фактора, что уменьшает корреляцию с тестом Маклакова. Поэтому мы рекомендуем методику «Актуальные адаптационные установки» прежде всего как инструмент качественной оценки адаптации субъекта, а количественную оценку необходимо производить дифференцированно по блокам.

При факторизации переведенной в количественный вид методики «Актуальные адаптационные установки» был определен уровень факторно-дисперсионной надежности [7, с. 200]. Полученный коэффициент надежности $r_t=0,53$ приближается к нижней границе достаточного уровня надежности, что вполне допустимо для проективной методики (обычный психометрический тест считается надежным при $r_t \geq 0,6$). Как отмечают ведущие специалисты по психодиагностике, к проективным методикам не применимы обычные требования валидности и надежности, так как для них характерен глобальный подход к оценке личности, что приводит к снижению этих психометрических критериев [1, 6, 7].

В табл. 1 приводится ключ к методике, необходимый для интерпретации содержания ответов испытуемых.

Табл. 1

Ключ к методике «Актуальные адаптационные установки»

Номер блока	Название блока	Номер предложения
1	Представления о переходном периоде («Образ переходного периода»)	1, 16
2	Факторы, необходимые для адаптации к переходному периоду («Цели адаптации»)	4, 7, 10, 17, 18, 25
3	Факторы, осложняющие адаптацию к переходному периоду («Препятствия адаптации»)	5, 9, 11, 12, 13, 21
4	Отношение к работе в переходном периоде	2, 15, 20
5	Отношение к бизнесу	3, 8, 19
6	Отношение к политике в переходном периоде	23
7	Удовлетворенность потребностей	22
8	Социальные отношения	14, 24
9	Актуальные ценности	6, 26

Приложение. Стимульный материал методики «Актуальные адаптационные установки»
Е. Л. Луценко.

Инструкция:

В данном исследовании ставится задача изучить отношение людей к социально-

экономическим изменениям в нашей стране.

Прочитайте эти незаконченные предложения, дополнив их первой, пришедшей Вам в голову мыслью. Делайте это быстрее. Если не можете закончить какое-нибудь предложение, оставьте его и займитесь им позже.

Предложения:

1. Мы живем в такое время...
2. Сейчас можно устроиться на работу...
3. Бизнес в наше время...
4. Чтобы чувствовать себя уверенно, нужно...
5. Я боюсь того, что нынешние изменения...
6. Самое важное в наше время...
7. Успех в нынешней жизни...
8. Те, кто имеет собственное дело...
9. Думаю, что в нынешней ситуации я не смогу...
10. Современная жизнь требует от меня...
11. Мне мешает на нынешнем этапе жизни...
12. Сейчас я не уверен(а)...
13. Я не понимаю, почему в наше время...
14. Наше общество сейчас...
15. Я бы хотел, чтобы моя работа...
16. Ситуация в нашей стране...
17. Чтобы решать свои проблемы сегодня...
18. Счастливый человек в наше время...
19. Иметь свой бизнес в наше время это...
20. Сейчас я предпочитаю работать...
21. В наше время очень трудно...
22. Мои потребности сегодня...
23. Чтобы влиять на политическую ситуацию...
24. Отношения с людьми у меня сейчас...
25. Для достижения моих основных целей...
26. Я доволен(а) тем, что в моей жизни...

Результаты наших исследований процесса психологической адаптации к переходному периоду с помощью данной методики приводятся в текстах автореферата и кандидатской диссертации [10, 11].

Выводы. Психологические феномены установки и адаптации являются неразрывно связанными, образующими интегративное единство. Благодаря этому о состоянии психологической адаптации можно судить по динамике установок личности к себе и окружению, и наоборот, по состоянию психологической адаптации можно прогнозировать особенности установок субъекта адаптации, в частности их отрицательный характер, недостаточную дифференцированность, фиксированность и ригидность.

На базе обнаруженной связи установок и адаптации можно конструировать психодиагностические инструменты, где свойства установок являются диагностически значимыми для анализа стратегий, механизмов и уровня адаптации личности, что было продемонстрировано при разработке и использовании проективной методики незаконченных предложений «Актуальные адаптационные установки».

Литература

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. - СПб.: Питер, 2003. - 688 с.
2. Асмолов А. Г. Психология личности. - М.: Изд-во МГУ, 1990. - 367 с.
3. Бассин Ф. В. Проблема бессознательного. - М.: Медицина, 1968. - 468 с.
4. Березин Ф. Б. Психическая и психофизиологическая адаптация человека. - Л.: Наука, 1988. - 270 с.
5. Бжалава И. Т. Психология установки и кибернетика. М.: Наука, 1966. - 250 с.
6. Бурлачук Л. Ф. Введение в проективную психологию. Киев., 1997. - 128 с.
7. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. - СПб.: Питер, 1999. - 528 с.
8. Горбатков А.А. К проблеме структуры установки // Прикладная психология. - 2002. - №3. - С. 72-77.
9. Корнев М.Н., Коваленко А.Б. Соціальна психологія: Підручник. - К.: Київський університет ім. Тараса Шевченка, 1995. - 304 с.
10. Луценко Е. Л. Стратегии и механизмы психологической адаптации к переходному периоду в обществе: Дис. ... канд. психол. наук по специальности 19.00.01 - общая психология, история психологии. - Харьков, 2006. - 221 с.
11. Луценко Е.Л. Стратегии и механизмы психологической адаптации к переходному периоду в обществе: Авторе. дис. ... канд. психол. наук. - Харьков, 2006. - 22 с.

12. Луценко Е.Л. Изучение психологической адаптации к переходному периоду с помощью модифицированной методики «Незавершенных предложений» // Вісник Харківського національного університету. Серія: Психологія. – 2002. - № 576. – С. 123-128.
12. Майерс Д. Социальная психология. – СПб.: Питер Ком, 1998. – 688 с.
13. Маклаков А. Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, №1. – С.16-24.
14. Надирашвили Ш. А. Установка и деятельность. – Тбилиси: «Мецниереба», 1987. – 361 с.
15. Николаева О. П. Сравнительный анализ развития правового сознания // Психология личности в условиях социальных изменений. - М.: Ин-т психол. РАН, 1993. – С. 7-20.
16. Оллпорт Гордон В. Личность в психологии. – М.: «КСП+», СПб. «Ювента», 1998, - 345 с.
17. Прангишвили А. С. Психологические очерки. – Тбилиси: Мецниереба, 1975. – 112 с.
18. Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. М., Изд-во Московского Университета, 1980, - 172 с.
19. Узнадзе Д. Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
20. Харламенкова Н. Е. Сопоставление смысловых характеристик целеполагания у личности с консервативной и радикальной установками. // Психологический журнал. – 1994. - №2. – С. 17-25.
21. Шавердян Г.М. Функции социальной установки в процессе адаптации личности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ереван, 1975. – 25 с.

УДК 159.9(075.8)

Теория установки и проблема исследования самосознания личности в психологии

Медникова А.И.

В статье анализируются основные проблемы, связанные с изучением самосознания и Я-концепции в отечественной психологии. Отмечается тенденция к рассмотрению самосознания и Я-концепции как установочных образований без привлечения категориального аппарата теории установки Д.Н. Узнадзе и научных положений, разработанных представителями грузинской психологической школы. Отмечается созвучность идеи объективации Д.Н. Узнадзе ряду теоретических положений А.Н. Леонтьева относительно конфликтных смыслов и их роли в развитии самосознания.

Ключевые слова: самосознание, Я-концепция, установка, объективация, конфликтный смысл.

У статті аналізуються основні проблеми, пов'язані з вивченням самосвідомості і Я-концепції у вітчизняній психології. Відзначається тенденція до розгляду самосвідомості і Я-концепції як настановних утворень без залучення категоріального апарату теорії установки Д.М. Узнадзе й наукових положень, розроблених представниками грузинської психологічної школи. Відзначається співзвучність ідеї об'єктивації Д.М. Узнадзе ряду теоретичних положень О.М. Леонтьєва щодо конфліктних змістів і їх ролі в розвитку самосвідомості.

Ключові слова: самосвідомість, Я-концепція, установка, об'єктивація, конфліктний зміст.

Basic problems, related to the study of self-consciousness and self-conception in domestic psychology, are analysed in the article. A tendency is marked to consideration of self-consciousness and self-conception as attitudes educations without involving of categorial mechanism D.N. Uznadze's attitudes theory and scientific regulations developed by representatives of Georgian School of Psychology. There's observation of correspondence of D.N. Uznadze's idea of objectification to the row of A.N. Leontjev's theoretical propositions concerning the conflict senses and their role in self-consciousness development.

Key words: self-consciousness, self-conception, attitudes, objectification, conflict sense.

Проблема самосознания личности неизменно актуальна для психологической науки, но сегодня она приобрела особую остроту, что обусловлено изменениями в обществе, характеризующимися, с одной стороны, ростом уровня свободы граждан, с другой, - девальвацией многих устоявшихся в прошлом моральных ценностей, ориентиров. В данной ситуации социальная адаптация человека, реализация им своего личностного потенциала, успешность жизнетворчества во многом определяется уровнем развития способности к осознанию собственных интересов, чувств и представлений.

Проблеме самосознания посвящены фундаментальные работы таких выдающихся психологов как К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, М.И. Лисина, С.Л. Рубинштейн, Е.Т. Соколова, А.Г. Спиркин, В.В. Столин, П.Р. Чамата, И.И. Чеснокова, Е.В. Шорохова. В работах этих и многих других исследователей отмечается системно-целостный характер самосознания. В современной отечественной психологии накоплен значительный теоретический и эмпирический материал относительно структуры, механизмов, развития самосознания в онтогенезе (М.И. Боришевский, О.М. Гавалешко, О.М. Кочубейник, М.В. Савчин, Л.С. Сапожнікова, В.О. Татенко, Т.М. Титаренко, О.В. Шевченко, Т.М. Яблонская и др.).

Однако по ряду ключевых вопросов не только не существует единства мнений, но можно отметить явные противоречия. Это, в первую очередь, касается категориального аппарата, базовых образований самосознания, проблемы его функционирования, что можно объяснить сложностью, масштабностью изучаемого феномена, а также различием исходных методологических позиций различных авторов.

Цель данной статьи состоит в анализе основных проблем, связанных с изучением самосознания и Я-концепции в отечественной психологии, а также в выявлении положений теории установки Д.Н. Узнадзе, которые могут послужить методологическим основанием для исследований в области психологии самосознания.

Моментом, затрудняющим развитие и интеграцию знаний по проблематике самосознания, выступает определенная терминологическая пестрота. Такие категории, как «Я», «образ Я», «Я - концепция» часто употребляются в качестве синонимов. В тех случаях, когда данные понятия разводятся, зачастую высказываются диаметрально противоположные точки зрения относительно соотношения самосознания и Я-концепции: одни авторы рассматривают самосознание как часть Я-концепции, другие, наоборот, видят в Я-концепции составляющую самосознания. Например, в работе А.В. Иващенко, В.С. Агапова и И.В. Барышнікова Я-концепция определяется как установка по отношению к самому себе на основе знания себя, отношения к себе, познания закономерностей своего поведения, своих побуждений, их реализации, что обеспечивает целостность и единство личности. Самосознание же определяется как когнитивный компонент Я-концепции, ответственный за осознание самого себя, своих мотивов, целей, своего поведения, осознание себя как субъекта деятельности и общения [5]. По мнению К.А. Абульхановой-Славской, Я-концепция является ядром самосознания, в котором сосредоточены определенные отношения: к себе, к другим и других к себе, т.е. Я-концепция схватывает специфику отношений «Я-другой» [1].

А.А. Налчаджан в качестве основных способов проявления самосознания рассматривает самонаблюдение, самоанализ и установки, направленные на свое «Я» в целом и на его отдельные аспекты. «Я-концепцию» он считает следствием самосознания, результатом социализации и социально-психической адаптации личности к типичным ситуациям ее жизнедеятельности. Особенности Я-концепции являются показателем того, как адаптирована личность в социальным условиям. Также им признается, что в структуре самосознания могут быть как адаптивные, так и неадаптивные «Я-концепции» [9].

В.И. Слободчиков и Е.И. Исаев рассматривают самосознание как сознание самости, собственной субъективности. В зависимости от целей и задач, стоящих перед человеком, самосознание может принимать различные формы и проявляться как самопознание, самооценка, самоконтроль и самопринятие. Самооценка человека реализуется через уровень притязаний, который проявляется в степени сложности целей и задач, которые человек ставит перед собой. Результатом самопознания человека является выработка им системы представлений о самом себе или «образа Я». «Образ Я» определяет отношение индивида к самому себе, выступает основой построения взаимоотношений с другими людьми [12].

Однако большинство отечественных психологов рассматривают самосознание как процесс, а под «Я-концепцией» понимают результат этого процесса. Последнее более всего согласуется и с употреблением понятия «Я-концепция» в зарубежной психологии.

Наиболее принятым является понимание Я-концепции как особой установочной модели, включающей в себя когнитивный, эмоциональный и поведенческий компонент. Р. Бернс определяет «Я-концепцию» как совокупность представлений и установок индивида, направленных на себя, соединенных с их оценкой. [2]. В психологическом словаре под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского также отмечается, что «Я-концепция» - это относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит свое взаимодействие с другими людьми и относится к себе. «Я-концепция» - целостный, хотя и не лишенный внутренних противоречий, образ собственного Я, выступающий как установка по отношению к самому себе [10]. Е.Т. Соколова отмечает, что «самосознание рассматриваемое со стороны своей структуры, представляет собой установочное образование, состоящее из трех компонентов - когнитивного, аффективного и поведенческого, которые имеют относительно независимую логику развития, однако в своем реальном функционировании обнаруживают взаимосвязь» [13, С. 7].

Анализ Я-концепции и самосознания как установочной системы, по мнению И.С. Кона, дает психологам значительные методологические преимущества: «...Установочная модель позволяет представить когнитивные, аффективные, поведенческие и ценностно-нормативные моменты самосознания не как разные сущности (самопознание - это одно, а отношение к себе - нечто совсем другое), а как разные аспекты одного и того же явления» [6, С. 28].

Кроме того, данная модель ориентирована на установление динамической взаимосвязи интраиндивидуальных и контекстуальных факторов, обуславливающих процессы самосознания, позволяет рассматривать разнообразные функции самосознания в диалектическом единстве. Однако в данном случае речь скорее идет не об установке, а об attitude, то есть социальной установке, которая определяется как психологическое переживание индивидом ценности, значения, смысла социального объекта, в частности, самого себя. Специфика Я-концепции как системы attitude состоит в исключительной личностной значимости, а также в том, что субъект и объект установки в данном случае совпадают.

Следует отметить, что при относительной разработанности аспектов проблемы самосознания, связанных с когнитивным и аффективным его компонентами, поведенческий компонент изучен в значительно меньшей степени. Дальнейшие перспективы разработки проблемы самосознания видятся в переходе от исследования отдельных его компонентов к изучению самосознания как целостного феномена в единстве и взаимосвязи его структурных и функциональных характеристик. С нашей точки зрения, на многие вопросы, возникающие при попытке теоретической интеграции знаний о процессах самосознания, могут быть найдены ответы с опорой на базовые положения теории установки Д.Н. Узнадзе и положения, развиваемые в рамках психологии установки.

Если понятие attitude изначально трактовалось, как готовность к конкретному действию по отношению к данному объекту, и скорее может быть рассмотрено как структурное понятие, установка в понимании Д.Н. Узнадзе рассматривалась в качестве динамического образования как модус целостного субъекта, формирующийся каждый раз заново в момент, непосредственно предшествующий данному поведенческому акту. Кроме того, установка обладает определенной направленностью сознания, что важно в контексте нашей статьи. «Мы могли бы сказать, что это состояние, не будучи сознательным, все же представляет своеобразную тенденцию к определенным содержаниям сознания. Правильнее было бы называть это состояние установкой субъекта, и это потому, что, во-первых, это не частичное содержание сознания, не изолированное психическое содержание, которое противопоставляется другим содержаниям сознания и вступает с ними во взаимодействие, а некоторое целостное состояние субъекта; во-вторых, это не просто какое-нибудь из содержаний его психической жизни, а момент ее динамической определенности. И, наконец, это не какое-нибудь определенное

частичное содержание сознания субъекта, а целостная направленность его в определенную сторону на определенную активность. Словом, это, скорее, установка субъекта как целого, чем какое-нибудь из его отдельных переживаний, – его основная, его изначальная реакция на воздействующие ситуации, в которой ему приходится ставить и решать задачи» [16, С.150].

С точки зрения Д.Н. Узнадзе, установка представляет собой специфическое состояние, возникающее у субъекта под воздействием объективной ситуации удовлетворения потребности. При этом в процессе взаимодействия с внешней действительностью субъект поведения, стремящийся к удовлетворению определенной потребности, как единое целое изменяется, модифицируется в соответствии с ситуацией ее удовлетворения. Специфическое состояние субъекта побуждает его к определенному поведению, являясь явлением динамического характера, которое находит выражение в определенной активности [15, С. 73].

Активность человека разворачивается на двух уровнях: на уровне импульсивного поведения, где реализация установки происходит беспрепятственно, и на уровне объективации, где осуществление поведения сталкивается с трудностями. В чем же Д.Н. Узнадзе усматривает возможные трудности? В том, что у человека как субъекта поведения естественно существование многообразных потребностей (биологических, моральных и эстетических), которые в некоторых случаях могут противоречить друг другу. В таком случае одна из потребностей тормозит процесс реализации установки в деятельности, что приводит к акту объективации. Объективация создает условия для начала теоретической активности, направленной на решение возникшей проблемы и корректировку установочного механизма, обеспечивающего целесообразность поведения. Для этого субъект приводит в действие свои когнитивные функции, рефлексивное сознание в целом.

В предисловии к книге Д.Н. Узнадзе «Общая психология» И.В. Имедадзе отмечает, что благодаря акту объективации у человека появляется возможность переживания чего-то как данного, как некоего объекта. Этот объект или ситуация содержат причину задержки поведения [15, С.13]. Однако необходимым и действительным условием возникновения установки является единство потребности и ситуации ее удовлетворения, и, следовательно, причину задержки поведения следует усматривать не только в ситуации, но и в самом субъекте, потребности которого вошли в противоречие друг с другом.

Учитывая совпадение основных описательных характеристик поведения в работах Д.Н. Узнадзе и деятельности в работах А.Н. Леонтьева, считаем возможным провести сравнение описанного Д.Н. Узнадзе механизма объективации и переживания конфликтных смыслов, в виде которого, с точки зрения А.Н. Леонтьева, осуществляется процесс самосознания [7].

А.Н. Леонтьев, рассматривая вопрос о генезисе самосознания, отмечает, что человек, реализуя в определенный период своей жизни разные отношения с помощью разных деятельностей, находится в потенциально конфликтной ситуации, когда одни и те же действия могут иметь разный смысл в отношении к разным мотивам. Этот смысл можно назвать конфликтным. Он будет позитивным для личности в той мере, в которой отображает связь действия с достижением одного мотива, и негативным в той мере, в которой сталкивает человека с внутренним препятствием, то есть отображает отдаление от другого мотива. В ситуации конфликтного смысла человек может пережить его еще до совершения поступка и отказаться от него, может переосмыслить ситуацию и переиерархизировать отношения между мотивами так, что конфликтность смысла уменьшится. Процесс самосознания происходит в виде переживания конфликтных смыслов. Основная функция самосознания личности – сделать для личности доступной ее собственную сущность, которую личность может либо принять, либо встать на путь активной перестройки, либо частично или полностью отвергнуть [7].

Следует отметить, что личностный смысл может рассматриваться и как отображение в сознании реального бытия человека, отношений действий и обстоятельств их выполнение к мотивам субъекта. Личностный смысл в этом случае возникает и меняется в зависимости от изменений деятельности человека. Смысловые образования в данном случае могут существовать независимо от сознания. Они не подвергаются непосредственному произвольному контролю и вербальным влияниям [4]. Однако применительно к тому аспекту рассмотрения личностных смыслов, который предполагается А.Н. Леонтьевым, можно сказать, что именно осознание конфликтных смыслов является первичной формой осознания личностью себя.

В.В. Столин, основываясь на взглядах А.Н. Леонтьева, определил два класса личностных препятствий, проявляющих себя в специфических для личности ситуациях, в которых столкновение с мотивами актуальных деятельностей приводит к переживанию конфликтного смысла. К первому классу принадлежат препятствия в виде совести, гордости, потребности в независимости и творчестве, ценности родных. Эти препятствия порождают конфликтные смыслы, которые сигнализируют личности о невозможности совершения определенных поступков, а кроме того, раскрывают личности ее собственные качества, ее сущность. Несмотря на то, что эти препятствия могут сделать неосуществимым что-то актуально заманчивое, личность переживает такие ситуации как собственную победу, а не поражение, что приводит к росту самоуважения. Второй класс внутренних препятствий включает слишком большую зависимость от оценок и осуждения окружающих, стремление избежать негативной оценки любой ценой. Внутренние препятствия этого класса образуют в соответствующих ситуациях конфликтные смыслы, которые несут личности чувства

унижения, собственной слабости, невозможности реализовать себя, переживание низкого самоуважения. Недостаточность самоуважения, в свою очередь, может приводить к попыткам скрыть истинную сущность отношения к себе, к разным вариантам психологической защиты [14].

Рассматривая в своей монографии неиспользованные возможности теории установки Д.Н.Узнадзе, А.А. Девяткин отмечает, что установка на уровне объективации имеет особый механизм образования, поскольку для объективации важно не столько наличие ситуации удовлетворения потребности, сколько существование препятствия для ее удовлетворения при наличии ситуации удовлетворения. Сама же направленность объективации и нацелена на решение проблем для удовлетворения потребности. Здесь автор рассматривает идею формирования attitudes на основе прошлого опыта, либо, например, как результата взаимодействия ценности и отношения к ценности. Поскольку объективация есть сосредоточение внимания, то это есть, следовательно, и выработка конкретизированного, аффективно и когнитивно структурированного отношения к объекту установки. Если на уровне установки еще нет такого вполне конкретного отношения, то на уровне объективации оно, несомненно, присутствует [3].

Таким образом, положения теории А.Н. Леонтьева относительно конфликта личного и социального смысла перекликаются с положениями теории Д.Н. Узнадзе относительно акта объективации. Эвристический потенциал механизма объективации относительно проблемы функционирования и развития самосознания определенным образом нашел свое выражение в работе Ш.А. Надирашвили, в которой намечается тенденция синтеза категориальных систем теории деятельности и теории установки [8].

На основе теории установки Д.Н. Узнадзе Ш.А. Надирашвили выделил три качественно различных уровня регуляции психической активности человека: объективация предмета, объективация социальных требований, объективация собственного Я. В случае объективации предмета деятельность по удовлетворению потребности сталкивается с препятствием в виде предмета. Результатом его осознания является коррекция системы операций таким образом, чтобы она полностью соответствовала предмету. При объективации социальных требований происходит осознание их значения, их присвоение индивидом. Результатом процесса объективации собственного Я, когда препятствием в реализации потребности выступают личностные качества и ценностные установки субъекта, является реорганизация ценностных ориентации, захватывающая и мотивационно-потребностную структуру. Объективация собственного Я приводит к постановке оценочной задачи, в результате чего порождается волевой процесс, волевая активность, которая регулируется системой ценностных ориентаций, нравственных принципов, как они фиксируются в самосознании индивида, в его «психологическом автопортрете».

Другим представителем школы Д.Н. Узнадзе - Н.И. Сарджвеладзе - была разработана концептуальная модель самоотношения как социальной установки. Самоотношение данным автором определяется как отношение субъекта потребности к ситуации ее удовлетворения, которое направлено на самого себя. Отношение к себе является одной из структурных единиц диспозиционального ядра личности, под которым понимается предрасположение к определенному взаимодействию личности с социумом и с самой собой, некоторая готовность или фиксированная установка субъекта жизнедеятельности, в которой фиксируются комплексы определенных взаимосвязанных структурных и динамических признаков личности. Возможные паттерны социального и внутриличностного взаимодействия образуют систему соподчинения: одни из них образуют в личности доминантный слой, другие актуализируются изредка или же блокируются огромными усилиями субъекта. Соподчинение диспозиций определяется личностной значимостью каждой из них. Диспозиции с большим «личностным весом» имеют тенденцию актуализироваться непосредственно, что способствует выявлению доминантных характерологических черт конкретного человека. Периферийные, латентные и заблокированные диспозиции образуют слои «потенциальных действий», которые могут актуализироваться при определенной трансформации личности. Механизмом актуализации паттернов отношения конкретного субъекта в конкретной деятельности является первичная установка, возникшая на основе единства трех факторов – потребности, соответствующей ситуации и фиксированных установок или инструментальных возможностей субъекта [11].

Вывод. Несмотря на то, что в современных исследованиях самосознание и Я-концепция достаточно часто определяются как установочные системы, в них зачастую игнорируются те положения, которые были разработаны в теории установки Д.Н. Узнадзе и развиты в рамках психологии установки. В то же время теория установки обладает значительным методологическим потенциалом в разработке проблем самосознания личности.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Субъект – символ российского самосознания / Абульханова-Славская К.А. // Сознание личности в кризисном обществе. - М.: ИП РАН, 1995. - С.10-28.
2. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Бернс Р. ; пер. с англ. В.Я. Пилиповского. – М.: Прогресс, 1986. - 422 с.
3. Девяткин А.А. Явление социальной установки в психологии XX века /

- Девяткин А.А. - Калининград: Калининградский ун-т, 1999. – 309 стр.
4. Зейгарник Б.В. Очерки по психологии аномального развития личности / Б.В. Зейгарник, Б.С. Братусь. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 156 с.
 5. Иващенко А.В. Я-концепция личности в отечественной психологии / Иващенко А.В., Агапов В.С., Барышников И.В. – М.: МГСА, 2000. – 155с.
 6. Кон И.С. Категория «Я» в психологии / Кон И.С. // Психологический журнал. - 1981. - Т. 2, № 3. - С.25-37.
 7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / Леонтьев А.Н. - М.: Политиздат, 1975. - 304 с.
 8. Надирашвили Ш.А. Установка и деятельность / Надирашвили Ш.А. - Тбилиси: Мецниереба, 1987. - 361 с.
 9. Налчаджан А.А. Социально-психическая адаптация / Налчаджан А.А. - Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1988. - 262с.
 10. Психологический словарь / под ред. А.В. Петровского и М.Г.Ярошевского. – М.: Просвещение, 1983. – 450 с.
 11. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой / Сарджвеладзе Н.И. – Тбилиси: «Мецниереба», 1989. – 206 с.
 12. Слободчиков В.И. Психология человека. Введение в психологию субъективности / В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. - М.: Школа-Пресс, 1995. - 383с.
 13. Соколова Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности / Соколова Е.Т. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. – 215 с.
 14. Столин В.В. Проблема самосознания личности с позиций теории деятельности А.Н. Леонтьева / В.В. Столин // А.Н. Леонтьев и современная психология. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 1983. – С. 220-231.
 15. Узнадзе Д.Н. Общая психология / Узнадзе Д.Н.; пер. с груз. Е.Ш. Чомахидзе, под ред. И.В. Имедадзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
 16. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. — М.: Наука, 1966. -451 с.

УДК: 316.64: [378.091.33 — 027.22:796

К вопросу о возможности изменения социальных установок в процессе игровой деятельности

Мельник И.М.

В статье рассмотрены основные теоретико-методологические подходы к проблеме установки, которые разработаны психологами школы Д.Н. Узнадзе. Особое внимание уделено анализу понятий установка, социальная установка и аттитюд. Проанализированы такие составляющие элементы социальных установок, как стереотипы и предрассудки, а также рассмотрены вопросы, связанные с формированием, закреплением или трансформацией социальных установок в условиях игровой деятельности. Разработана и проведена специальная игра, в которую заложена модель манипулятивной деятельности, направленная на трансформацию конкретных социальных установок.

Ключевые слова: установка, аттитюд, стереотипы, предрассудки, игровая деятельность, групповое решение, манипуляции.

У статті розглянуті основні теоретико-методологічні підходи до проблеми настанови, що розроблені психологами школи Д.М. Узнадзе. Особлива увага приділяється аналізу понять настанови, соціальна настанова й атитюд. Проаналізовані такі складові елементи соціальних настанов, як стереотипи й передсуди, а також розглянуті питання, що пов'язані з формуванням, закріпленням або трансформацією соціальних настанов в умовах ігрової діяльності. Розроблена й проведена спеціальна гра, яка містить у собі модель маніпулятивної діяльності, що спрямована на трансформацію конкретних соціальних настанов.

Ключові слова: настанова, атитюд, стереотипи, передсуди, ігрова діяльність, групове рішення, маніпуляції.

In the article considers the basic theoretic-methodological approaches to the problem options which are developed the psychologists of D.N. Uznadze school. The special attention is payed to the analysis of concepts setting, social setting and attitude. Such making elements of social options, as stereotypes and prejudices, are analysed, and also questions, related to forming, fixing or transformation of social options in the conditions of playing activity, are considered. The special game the model of manipulation activity, directed on transformation of concrete social options was developed and conducted.

Keywords: setting, attitude, stereotypes, prejudices, playing activity, group decision, manipulations.

Установка представляет собой готовность субъекта к определенному поведению. Она является нефеноменальным состоянием, выражающемся в преднастройке на активность индивида. Согласно теории Д.Н.Узнадзе [7] установка возникает на основе наличных мотивационных и ситуационных факторов. Благодаря этому она может выступать в качестве реального психологического механизма, обеспечивающего целесообразное осуществление поведения любого вида.

Существует много вариантов и синонимов термина установка. Каждый из этих вариантов направлен на определенную позицию или на желание точно определить специфическую область применения установки. Сюда можно отнести следующие понятия: готовность, детерминирующая тенденция и склонность. Иногда встречается более проблемно-ориентированный вариант: функциональная фиксированность [1]. Установка является относительно временным состоянием, которое склоняет индивидуума к определенной реакции. Это состояние может возникать под воздействием открытых или скрытых инструкций, либо под влиянием контекста, ожиданий или под влиянием предшествующего опыта.

Исходя из определения, которое сформулировал Д.Н.Узнадзе: “Установка является целостным динамическим состоянием готовности к определенной активности, состоянием, которое обуславливается двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией”. Можно рассматривать установку как настроенность на поведение для удовлетворения определенной потребности и в определенной ситуации. Это может закрепляться в случае повторения ситуации, тогда возникает фиксированная установка в отличие от ситуативной. На первый взгляд как будто бы речь идет именно о том, чтобы объяснить направление действий личности в определенных условиях. Предложенное понимание установки не связано с анализом социальных факторов, детерминирующих поведение личности, с усвоением индивидом социального опыта, со сложной иерархией детерминант, определяющих саму природу социальной ситуации, в которой личность действует. Однако при более подробном рассмотрении проблемы выясняется, что такая постановка вопроса сама по себе не может быть применена в социальной психологии. Установка в контексте концепции Д.Н.Узнадзе более всего касается вопроса о реализации простейших физиологических потребностей человека. Она трактуется как бессознательное, что исключает применение этого понятия к изучению наиболее сложных, высших форм человеческой деятельности. Это ни в коей мере не принижает значения разработки проблемы на общепсихологическом уровне, но так же как и возможность развития этих идей применительно к социальной психологии. В связи с этим в специальной научной литературе по теории психологии установки рассматриваются следующие понятия: установка, социальная установка (аттитюд).

При исследовании личности в социальной психологии важнейшее место занимает проблема социальной установки. Если процесс социализации объясняет, каким образом личность усваивает социальный опыт и вместе с тем активно воспроизводит его, то формирование социальных установок личности отвечает на вопрос: как усвоенный социальный опыт преломлен личностью и конкретно проявляет себя в ее действиях и поступках? [3,4]

Только при условии изучения этого механизма можно решить вопрос о том, чем же конкретно регулируется поведение и деятельность человека. Для того что бы понять, что предшествует разворачиванию реального действия, необходимо, прежде всего проанализировать потребности и мотивы, побуждающие личность к деятельности. В общей теории личности как раз и рассматривается соотношение потребностей и мотивов для уяснения внутреннего механизма, побуждающего к действию. Однако при этом остается еще не ясным, чем определен сам выбор мотива. Этот вопрос имеет две стороны: почему люди в определенных ситуациях поступают так или иначе? И чем они руководствуются, когда выбирают именно этот мотив? Понятие, которое в определенной степени объясняет выбор мотива, есть понятие социальной установки.

Социальная установка может быть представлена как некая функциональная система [6].

Ее можно назвать стабильно-динамичной функциональной системой, регулирующей поведение личности по отношению к тому или иному социальному объекту. Кажущаяся противоречивость характеристики “стабильно-динамичная” отражает объективную противоречивость самой социальной установки, которая выражается в ее ригидности, в тенденции к устойчивости и сопротивляемости к изменениям, с одной стороны, и в относительной гибкости, “приспособляемости” и способности изменяться при определенных условиях, с другой. Эти особенности хорошо проявляются в таких явлениях, как, например, когнитивный диссонанс, и в процессах убеждения [5].

Четкая структура социальной установки позволяет выделить две ее важные разновидности — стереотип и предрассудок. От обычной социальной установки они отличаются прежде всего содержанием своего когнитивного компонента. Стереотип — это социальная установка с застывшим, нередко обесцененным содержанием когнитивного компонента. Когда мы говорим о стереотипном мышлении, мы имеем в виду ограниченность, узость или устарелость представлений человека о тех или иных объектах действительности или о способах взаимодействия с ними. Стереотипы бывают полезны и необходимы как форма экономии мышления и действий в отношении достаточно простых и стабильных объектов и ситуаций, адекватное взаимодействие с которыми возможно на основе привычных и подтверждаемых опытом представлений. Там же, где объект требует творческого осмысления или изменился, а представления о нем остались прежними, стереотип становится тормозом в процессах взаимодействия личности с действительностью. Иными словами, “нормальная” социальная установка может превратиться во “вредный” стереотип. Другими причинами возникновения стереотипов такого рода обычно бывают недостаток знаний, догматичное воспитание, неразвитость личности или остановка по каким-то причинам процессов ее развития.

Предрассудок — это социальная установка с искаженным содержанием ее когнитивного компонента, вследствие чего индивид воспринимает некоторые социальные объекты в неадекватном, искаженном виде. Нередко с таким когнитивным компонентом бывает связан сильный, то есть эмоционально насыщенный аффективный компонент. В результате предрассудок обуславливает не только некритичное восприятие отдельных элементов действительности, но и неадекватные при неопределенных условиях действия по отношению к ним. Наиболее распространенным видом таких извращенных социальных установок является расовые и национальные предрассудки.

Основная причина формирования предрассудков кроется в неразвитости когнитивной сферы личности, благодаря чему индивид некритично воспринимает влияния соответствующей среды. Поэтому чаще всего предрассудки возникают в детстве, когда у ребенка еще нет или почти нет адекватных знаний о том или ином социальном объекте, но под воздействием родителей и ближайшего окружения уже формируется определенное эмоционально-оценочное отношение к нему. В дальнейшем это отношение оказывает соответствующее влияние на содержание развивающегося когнитивного компонента, выступая в роли фильтра, допускающего к восприятию лишь ту информацию об объекте, которая соответствует уже сложившейся аффективной его оценке. Повлиять на формирование закрепление или изменение предрассудка может и соответствующий жизненный опыт индивида, эмоционально пережитый, но недостаточно критично интерпретированный, или же возникшие новые жизненно-значимые события [3]. И стереотипы и предрассудки, которые являются составляющими элементами социальных установок, обладают возможностью как к закреплению, так и к трансформации.

Изменение социальных установок (аттитюдов) происходит в связи с возникающей необходимостью конструирования изменяющегося социального образа мира. Познавая мир человек осуществляет выбор наиболее адекватных моделей ориентации в действительности. Каждая модель включает в себя социальные установки (аттитюды).

Аттитюды выражают предрасположенность человека реагировать определенным образом на те или иные изменения в социуме. Аттитюды включают три комплекса элементов: когнитивный, аффективный и поведенческий. Когнитивный связан с формированием

стереотипа конструкта, который непосредственно влияет на поведение и оценку ситуации. Аффективный компонент связан с формированием оценки объекта, представлением о его ценности для субъекта. Поведенческий определяет способ включения поведения в процесс социальной адаптации. Аттитюды выполняют несколько функций: защитную, самореализации, приспособительную, когнитивную. Защитная функция аттитюдов позволяет противостоять отрицательной информации, влиянию, критике и т.д. Функция самореализации (или функция выражения ценностей) определяет самооценку и восприятие других людей, социальных явлений, мира в целом. Адаптивная функция (инструментально-утилитарная) помогает достигать желаемых результатов. Когнитивная функция связана с организацией представлений об окружающем мире, с верной интерпретацией социальных явлений. При этом, чем сильнее аттитюды, тем труднее интегрировать новую информацию или принять во внимание негативную информацию, противоречащую аттитюду. Действие аттитюдов подчиняется закону селективно представленной информации, а это активно используется при манипулировании. В этом случае можно сказать, что аттитюды подобны схемам, которые организуют соответствующее поведение. Изменение этих схем осуществляется через манипулятивную деятельность. Чаще всего манипулирование направлено на формирование, на реконструирование, на трансформирование социальных установок. Одним из возможных вариантов решения этих задач является организация манипулятивной деятельности в ситуации игры.

По мнению Д.Н. Узнадзе [7] “серьезная деятельность опирается на силы развитые в условиях игры”. Игра представляет собой форму воссоздания предметного и социального содержания деятельности, это моделирование таких систем отношений, которые характерны для этой деятельности как целого, благодаря чему происходит формирование и опробирование наиболее успешных моделей поведения. Моделируя или имитируя условия и динамику действий и отношений, игра-игра служит средством актуализации прошлого опыта, применения закрепления или напротив, трансформации различных установок и аттитюдов [8]. Этот эффект достигается через взаимодействие участников игры в данной конкретной ситуации. Игра реализуется на имитационной модели как совместная деятельность по постановке и решению игровых задач, по подготовке и применению индивидуальных и совместных решений. Правила и нормы совместной деятельности, язык имитации и связи задаются заранее или вырабатываются в процессе игры [2]. Игра проводится в режиме диалогового общения, это общение в игре зачастую носит манипулятивный характер, который проявляется в манипулировании подаваемой информацией, с помощью которой можно создавать как новые установки, так и реконструировать уже имеющиеся. В этом контексте осуществляется выстраивание поведения и реакций в соответствии с привнесенными разнообразными установками: истинными и ложными. А сами установки влияют на принятие информации, на избирательность ее принятия, на формирование поведенческих и мотивационных стереотипов.

Социальным образом организованная информация через установки влияет на убеждения людей, на их мнения и социальные настроения. Способы убеждения позволяют менять социальные ориентации и поведенческие реакции. Эти способы универсальны, не зависят от качества и характера информации. Можно сказать, что они будут эффективными даже и тогда, когда речь идет о формировании желаемых установок и убеждений. Принято выделять следующих два способа убеждения — прямой и косвенный.

Прямой способ убеждения связан с соответствующей системой аргументации, стимулирующей соответствующие мысли и поступки. Речь идет о том, что прямой способ убеждения нацелен на использование заинтересованности коммуникаторов в благоприятных, положительных аргументах. Прямой способ связан с использованием положительных когнитивных реакций, с аналитическими установками.

Косвенный способ убеждения сопряжен с использованием случайных факторов, с эмоционально-чувственной акцентировкой, которая приводит к “бездумному приятию” информации. Здесь задействуется ассоциативное мышление, метафорическое отношение к информации. Косвенный способ формируется на основе так называемой “косвенной эвристики”, связанной с доверием к тому, что сообщается, и к тому, кто сообщает. В этом случае особое значение имеет убеждение в том, что “приятность” коммуникатора совпадает с его компетентностью. Усвоение информации связано с расположением к источнику сообщения, с идентификацией с ним, что заменяет оценку и размышление над сообщаемым.

Косвенный способ убеждения ситуативен, построен на симпатии и одобрении. Прямой способ связан с фиксацией внимания на характере аргументации, на ее рациональной оценке, на теме. Убеждения в этом случае формируются более устойчивыми, постоянными, аналитическими, не поверхностными. Они более глубоко могут повлиять на поведение и вызвать запрограммированную реакцию. На усвоение информации и на формирование убеждений непосредственное влияние оказывают те, кто делает информационное сообщение — коммуникаторы. [6]. Для игровой деятельности наиболее действенными оказываются косвенные способы убеждения.

Изложенное выше определило конкретную задачу данной работы: эмпирически изучить возможности изменения социальных установок в процессе игровой деятельности. С этой целью была разработана специальная игра “Странный волшебник”. В логику игры была

положена задача трансформировать устоявшийся жизненный стереотип "этого не может быть никогда..." Перед участниками игры ставилась проблема: придумать три желания, которые не имеют реального способа решения". Это задание выполнялось в процессе группового обсуждения и выработки совместного варианта. Следующий этап игры заключался в том, что играющие подгруппы должны были найти возможные варианты для решения "нерешаемых" желаний, которые были предложены участниками других подгрупп. После группового обсуждения были разработаны креативные варианты, позволяющие изменить стереотипные установки, были заложены ранее в предложенной задаче. Установка на стереотип "этого не может быть никогда" переформулировалась и решалась с позиции "это может быть- если..."

Третий этап игры был направлен на установление факта, связанного с трансформацией предыдущей установки, на закрепление нового креативного варианта решения. Для этого игрокам предлагалось найти способы решения новых других "нерешаемых" задач, которые были предложены игрокам вначале игры. Эта задача решалась на заданиях - желаниях, которые были специально разработаны ведущим для игроков.

При подведении итогов игры было установлено, что 72% участников игры в индивидуальных решениях изменили стереотипность в своих рассуждениях. Кроме этого, в процессе завершающей групповой рефлексии этот факт был подтвержден участниками игры.

Литература

1. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979.
2. Грецов А. Безарева Н. Психологические игры для одноклассников и студентов. - Спб. 2008. с.138.
3. Каландаров К.Х. Управление общественным сознанием. - М.: Гуманитарный центр "Монолит" - 1998. с.80.
4. Социальная психология и процессы общественного развития. - М. 1998. с.39
5. Пащенко Ж., Харченко С. Социальное настроение. - М., 1996.
6. Триандас Гарри С. Культура и социальное поведение. М. - "Форум", 2007. 384с.
7. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии. установки / Психологические исследования/. М., 1966. с.158.
8. Шаронова С.А. Игротехнология как манипулятивная методология. М. "Социс". 2004. № 1 с.8.

УДК 159.9

Теоретичні основи формування предмета психології

Мельник О.А.

В статті йдеться про когнітивний характер сучасної кризи у вітчизняній психологічній науці. Обговорюється протистояння природничо-наукової і гуманітарної парадигм. Вказується на необхідність роботи щодо осмислення методологічних основ у психології. Зазначається, що еволюція поглядів про предмет психології, їх реконструкція мають важливе значення для прогресу психологічної науки. Надається характеристика розвитку знань про предмет психології Рихардом Авенаріусом.

Ключевые слова: предмет психології, принцип детермінізму, психічні явища, науково-природничі та гуманітарні парадигми.

У статті йдеться про когнітивний характер сучасної кризи у вітчизняній психологічній науці. Обговорюється протистояння природничо-наукової і гуманітарної парадигм. Вказується на необхідність роботи щодо осмислення методологічних основ у психології. Зазначається, що еволюція поглядів про предмет психології, їх реконструкція мають важливе значення для прогресу психологічної науки. Надається характеристика розвитку знань про предмет психології Рихардом Авенаріусом.

Ключові слова: предмет психології, принцип детермінізму, психічні явища, науково-природничі та гуманітарні парадигми.

In the article speech goes about cognitive character of present crisis in home psychological science. Opposition comes into question natural-science and humanitarian paradigms. Specified on a necessity robots on the comprehension of methodological bases in psychology. It is marked that evolution of looks in relation to the article of psychology, their reconstruction matter very much for progress of psychological science. Description of development of knowledge is given about the article of psychology of Richard Avenarius.

Key words: the subject of psychology, the principle of determinism, psychic phenomena, scientific, natural and human paradigm.

Актуальність дослідження. На сьогодні багато хто з вчених визнає, що вітчизняна психологічна наука знаходиться у стані кризи, яка виникла ще з моменту становлення психології як самостійної науки наприкінці XIX століття. Головною характерною рисою сучасної кризи психологічної науки виступає її когнітивний, а не соціальний характер. Поряд з великим попитом з боку суспільства на психологічні послуги, викладання психології, існує криза її теоретико-методологічних основ. Як приклад, можна навести невирішеність питання про предмет (що вивчати) і методи (як вивчати) психологічної науки, різноманіття альтернативних, іноді неспівставних моделей розуміння і вивчення психічного і, як наслідок, відсутність реального прогресу у психологічній науці; протистояння природничо-наукової і гуманітарної парадигм, котрі відстоюють різні моделі людини, підходи до вивчення її психіки; різке падіння інтересу до фундаментальних психологічних теорій і шкіл; загальне відчуття кризи у науковому товаристві психологів, яке віднайшло свій вираз у відсутності загально визнаних лідерів, авторитетів.

На думку Н.П. Локалової “психологія не могла б успішно розвиватися як наука без постійної роботи по осмисленню методологічних основ, які являють собою фундамент психологічних досліджень і задають їх загальну спрямованість, спосіб аналізу і характер інтерпретації отриманих даних, а також дозволяють запропонувати конкретне рішення окремих проблем, що мають виражену практичну спрямованість та актуальність, а роздуми про предмет психології мають важливе значення у зв’язку з питанням, від рішення якого багато у чому залежить подальший прогрес психологічної науки, як у теоретичному так і в практичному його аспектах” [4, с. 74].

У психологів, які на сьогодні займаються дослідженням фундаментальних питань, теоретичними та методологічними проблемами, історією психології, все більше затверджується переконання, що сенс сучасної когнітивної кризи полягає у неадекватному визначенні і розумінні предмета психології. Від вирішення цього питання залежить вирішення багатьох інших конкретно-методологічних питань психологічної науки, бо саме біля нього вибудовується вся наукова система психології. Можна констатувати, що кризова симптоматика виходить у значній мірі із багатої кількості, різноманітності підходів до розуміння предмета психології. На сьогодні про несвочасність обговорення проблеми предмета психологічної науки вже ніхто не висловлюється, а навпаки, визнається, що подолання кризи в психології неможливо без філософсько-методологічної підтримки, так як спробою визначення предмета психологічної науки є результат “додослідної” діяльності філософської психології. Специфіка психологічних явищ, що вивчається, одразу ж піднімає питання про предмет психології на філософський рівень. Саме філософський аналіз даного питання дозволяє розгорнути адекватне уявлення про теоретичні основи формування предмета психології.

Таким чином, аналіз проблеми формування теоретичних основ предмета психології з філософсько-методологічних позицій є на сьогодні актуальним для розвитку самої психології. Але для початку необхідно зробити ряд важливих уточнень, що прояснюють сенс поняття “проблема предмета психології”, який використовується.

Перш за все, необхідно визначити, що таке проблема? Проблема – це невирішене

питання, тобто таке питання, відповідь на яке тимчасово або принципово відсутня. Це завдання, яке для суб'єкта "тут-і-зараз" не має рішення. Тобто, якщо суб'єктом з самого початку передбачається визначена відповідь на поставлене питання, то це питання не усвідомлюється як проблема. Питання не народжується, а стає проблемою; для цього необхідна особлива розумова процедура – проблематизація. "Питання, відмічає Г.П. Щедровицький, - у процесі рішення завдання лише провокують, або ініціюють рефлексивні підходи і за рахунок цього здійснюється перехід до процесу проблематизації" [8, с.351.]. Питання вимагає рішення, проблема – осмислення. Проблема виникає, коли зустрічається будь-яке ускладнення, коли щось не зрозуміло, не ясно, і цю не ясність необхідно зняти, тобто коли виникає ситуація, у котрій не має відповідного обставинам рішення і котра примушує тому зупинитися і замислитися.

У проблемній ситуації необхідно "затриматись", а не прагнути одразу ж вийти з неї шляхом остаточного рішення. Інакше кажучи, важливо зафіксувати проблемну ситуацію як об'єктивний стан неузгодженості і суперечливості наукового знання, що виникає в результаті його неповноти та обмеженості. Проблема – це таке питання, яке стоїть на межі відомого і невідомого; поставити проблему – значить вийти за ці межі. Проблема виникає тоді, коли старе знання показало свою неспроможність, а нове знання ще не прийняло розгорнутої форми. На відміну від питання-задачі, або питання-тайни, питання-проблема вказує (але не гарантує) можливість рішення, яке ще не відомо. У цьому полягає методологічна цінність проблеми: вона задає "зону найближчого знання", вказує на необхідність вироблення нового знання. Проблема – це те, що спрямовує наше дослідження, задаючи йому конструктивний сенс і програму "виходу в незвідане".

Виходячи з цього сенсу проблеми, ми можемо констатувати, що ті дослідники, котрі шукають визначення предмета психології, тобто намагаються відповісти на питання "Яким є предмет психології?", не займаються проблемою предмета психології, а вирішують питання про предмет психології, тобто в їх дослідженнях відбувається підміна проблеми на питання-задачу. У найбільш явному вигляді така підміна виявляється у підручниках та "підручничкоподібних" дослідженнях, котрі починаються з визначення того, що ж насправді виступає предметом психології, без попереднього аналізу інших альтернативних визначень. Із вуст прихильників цього підходу часто можна почути, що проблема предмета психології – це виведена, дута проблема.

Слід визнати, що у психологічному товаристві на протязі тривалого часу головували тенденції апроблематизації і депроблематизації предмета психології: значна частина дослідницьких праць психологів по предмету психології відноситься не до проблеми предмета психології, а до питання про предмет психології, оскільки є інтенціонально орієнтованими на отримання результату-відповіді у вигляді того або іншого визначення предмета психології.

Нова хвиля фундаментальних розробок в області проблематизації предмета психології в літературі розпочалась у 90-х роках ХХ століття. Слід зазначити, що за здавалось би однозначністю поняття "проблема предмета психології", насправді криються два хоча і тісно взаємопов'язаних, але все ж таки різних смисли, або дві проблеми – проблема визначення предмета психології і проблема єдності предмета психології.

Метою статті є з'ясування особливостей деяких підходів до розуміння та вивчення предмету психологічної науки.

Для психолога психіка як предмет психології – це, перш за все, психіка людини. Тому предмет психології на філософсько-світоглядному рівні проблематизації міститься у роздумах над питаннями буття людини у світі. Філософська концепція буття людини, її сутності і місця у світі є тим контекстом, у якому відбувається предметне самовизначення мислення психолога. Інакше кажучи, розбіжності у трактовках предмета психології між різними психологічними теоріями полягають у системі більш високого порядку – в області метапсихології, філософії психології у різних уявленнях про буття людини у світі.

При всіх кризах психології у кінцевому рахунку відбувається боротьба "двох психологій", двох різних світоглядів і пов'язаних з ними методологій психологічного дослідження – природничо-наукової та гуманітарної парадигм, центральним моментом у якій є питання про принцип детермінізму психічних явищ, його ролі у психологічній науці [2, 3, 7 та ін.]. Проблема детермінізму – є однією з найскладніших у психологічній науці, яка покликана розглядати і вирішувати питання про свободу волі людини і її свідомих дій: чи є вільною людина у визначені і прояві своїх переживань, знань, дій, вчинків, або все це багатство регулюється зовнішнім по відношенню до людського "Я" силами соціального або біологічного характеру? Саме у таких предметних областях психології, котрі займаються проблемами свідомості і особистості, сьогодні проглядаються теоретико-методологічні труднощі.

Область епістемологічної проблематизації предмета психології задається ідеєю "логоса" у слові "психологія" і може бути зафіксованою в категорії "психологічна реальність". Різниця між психічним і психологічним є очевидною: психічна реальність похідна від ідеї психіки, психологічна – від ідеї психології як системи знань про психіку. Проблематизуючи предмет психології в епістемологічній області рефлексії, психолог задає вже питання не про те, що таке психіка, а про те, що являє собою психологія як наука про психіку. Відповісти на питання "Що являє собою психологія?" неможливо простим посиланням на її предметну

область дослідження (онтологічну картину *psyche*), так як будь-яке визначення предмета психології залежить від прийнятої концепції науковості, науково-пізнавальної діяльності, котра є, у відомому сенсі, первинним і визначаючим по відношенню до змісту психології. Наукове пізнання обов'язково передбачає орієнтири, правила, методологію, розуміння того, що є наукою. Так, питання про предметний зміст психології цілком залежить від критеріїв науковості, котрі її визначають, інакше кажучи, наявною є залежить не від "псіхе", а від "логоса". Можна припустити, що існує різноманіття у визначенні предмета психології обумовлюється не складною, багаторівневою природою психічного, а рівнем науковості психологічного знання. Якщо відстоювати думку про незалежність предмета від концепції науковості, то наше розуміння про людину, як предмета психології не може бути прийнятим ні при яких обставинах в психології як науці.

Разом з тим, онтологічна та епістемологічна області проблематизації предмета психології, розведені на рівні формально-семантичного аналізу, у змістовному плані нерозривно пов'язані між собою. Справа у тім, що визначеним чином сконструйована онтологія психічного має на увазі і визначену його епістемологічну інтерпретацію. В епістемологічній площині розуміння предмета психології відбувається співвідношення онтологічної схеми *psyche* з особливостями науково-пізнавальної діяльності: методами, нормами і ідеалами науковості.

Психологічне знання нерозривно пов'язане з методологією його отримання: уявлення про предмет психології є невід'ємним від уявлень про метод психології. Звісно, психологія на сьогодні використовує сотні і тисячі методів дослідження. Але питання стосується основного методу психології, методу-принципу отримання знань, який визначає розуміння предмета психології. Основний (принциповий) метод психології орієнтує на отримання знань про психічну реальність (у рамках онтологічної картини *psyche*), але не будь-яких знань, а цілком визначених, межі яких і визначаються методом. Особливості отриманих знань про *psyche*, що передбачаються специфікою метода наукового пізнання, який використовується і складають епістемологічне розуміння предмета психології. Таким чином, вивчення методологічних принципів окремих наук, що визначають своєрідність притаманних кожній з них способів розуміння предмета дослідження на сьогодні має першочергову значущість, оскільки є необхідною умовою комунікації вчених.

В епістемологічній проблематизації предмета психології природничо-наукова і гуманітарні парадигми в психології розглядаються як вкорінені у психологічному товаристві епістемологічні традиції отримання знань про *psyche*, котрі в методологічній літературі позначаються як протистояння "двох психологій": пояснюючої (об'єктивістської, номотетичної, позитивістської), природничо-наукової психології і розуміючої (суб'єктивістської, ідеографічної, герменевтичної, феноменологічної) гуманітарної психології.

Епістемологічна проблематизація предмета психології виявляє протистояння природничо-наукової і гуманітарної парадигм в психології у вигляді антитез "двох психологій": об'єктивістської – суб'єктивістської, пояснюючої – розуміючої, номотетичної – ідеографічної психології. Природничо-наукова епістемологічна традиція в психології призводить до того, що, по-перше, в результаті орієнтації на монологічно – суб'єктивістський метод пізнання людина як об'єкт пізнання натуралізується, перетворюється у заочно-пізнаване, "безголосу", пасивну "річ", однозначне, детерміноване буття. По-друге, в результаті орієнтації на пояснювально-номотетичний метод пізнання об'єктом природничо-наукової психології стає психіка "звичайної", "стандартизованої", "середньостатистичної" людини, котра може бути поділена на безліч психічних елементів, а предметом природничо-наукового психологічного знання стає загальне, універсальне, абстрактне у всіх психічних явищах, яке мислиться "необхідним" та "абсолютним" чином і приймає форму законів, що допускають кількісно-математичне уявлення. По-третє, при цьому природничо-наукове психологічне знання презентовано переважно у рамках теоретико-пояснюючого-дескриптивного дискурсу, презентованого у предметних поняттях. Гуманітарна епістемологічна традиція в психології визначає, по-перше, що в результаті орієнтації на діалогічно-суб'єктивістський метод пізнання людина розглядається як неоднозначне, непередбачуване, самодетермінуюче, саморозвиваюче буття. По-друге, в результаті орієнтації на описово-ідеографічний метод пізнання об'єктом гуманітарної психології стає цільність і повнота розвинутого душевно-духовного життя особистості, котра не може бути зведена до сукупності елементарних душевних явищ; предметом гуманітарно-психологічного знання стає унікальність, неповторність, конкретного душевно-духовного життя людини, яке може бути описане в її індивідуальному бутті, що передбачає її розуміння, інтуїтивне осягнення, вчування. По-третє, при цьому гуманітарно-психологічне знання передбачає не лише теоретико-описовий-дескриптивний дискурс, але й наявність символіко-подієвих і практико-прескриптивних знань, спрямованих на конструювання, розвиток душі людини, котрі фіксуються у метафоричних та символічних поняттях.

Розуміння природи психічного визначає теоретичні завдання психології, специфіку психологічного пізнання, предмета психології. У XIX на початку XX столітті у вітчизняних університетах при викладанні психології, формуванні теоретичних основ щодо предмета психології брались до уваги де які іноземні джерела. У якості приклада можна навести вченого Рихарда Авенаріуса. "Визначення предмета психології завжди було, як і в інших науках, функцією загального змісту філософського мислення, - визначення загального

змісту філософського мислення завжди було функцією "прогресуючої елімінації". [1, с. 5]. У розвитку, котре відбувалось у зазначений вище період Рихард Авенаріус виділяє три фази, позначаючи останні наступним чином:

- I. Наївно-емпірична фаза.
- II. Наївно-критична фаза.
- III. Емпіріокритична фаза.

У наївно-емпіричній фазі спочатку предметом психології виступала душа, а належним до душі визнавалось психічне. Душа позначалась як предмет досвіду, а головна ідея цього твердження виходить з наївного (примітивного) досвіду. Таким чином, до наївно-емпіричної фази виходять наступні положення. По-перше, душа є субстанціональним принципом життя, руху, відчуттів. По-друге, душа є просторово відокремленою від тіла; вона може існувати у тілі або безтілесно, а відповідно як після, так і до тіла.

До наївно-критичної фази також входить дві групи: психологія без душі та предмет психології по виключенню душі. У першій групі наївно-критичної фази душа не трактується як досвід, вона виключається із предмету безпосереднього досвіду. Положення другої групи вказаної фази зводяться до трьох підгруп:

I. Предметом психології є психічні, душевні, духовні функції, або стани, факти і явища (феномени).

II. Предметом психології виступають функції, стани, факти або явища (феномени) свідомості; свідомість являє собою суму усіх дійсних або одночасно наявних уявлень крім поодиноких фактів свідомості.

III. Предметом психології виступають факти внутрішнього відчуття, внутрішнього досвіду або внутрішнього сприйняття; стани та процеси у людей – внутрішні події, внутрішні переживання, внутрішні стани людини її мозку, визначення внутрішньої сторони матерії. Ці визначення предмета психології Рихард Авенаріус відносить до внутрішньо-сущого.

Емпіріокритична фаза ґрунтується на розумінні предмета психології при впливі інтродукції, елімінації інтродукції та її продуктів. Фактично з самого початку необхідна складова частина власного, особистого природного поняття про світ або емпіріокритична наявність поділяється на дві головні частини, із котрих одна обіймає все те, що належить особисто людині, тобто так званому Я; друга – все належне тому, що позначається як не-Я, але що більш просто і позитивно можна позначити як середовище, при чому до середовища, що відноситься до Я повинно зачислитися все те, що стоїть до людини особисто, у тому ж аналітично визначеному відношенні. До поняття "Я", за Рихардом Авенаріусом, входить: тіло, думки, свідомість, почуття, поведінка.

Завершуючи стислий огляд слід зазначити, що актуальність поставленого питання щодо особливостей теоретичних основ формування предмета психології, дослідження історичного шляху вказаного формування є очевидним і надто важливим для сучасної психологічної науки. Саме єдність логічного та історичного, орієнтує вченого на пошук фундаментальних основ розвитку наукового знання щодо предмета психологічної науки, щоб у зазвичай складній, визначеній і конкретній історичній дійсності віднайти основну логічну лінію розвитку науки, котра здатна показати та виразити закономірність цього розвитку.

Отже, при вивченні реального процесу становлення і розвитку предмета психології необхідно враховувати еволюцію наукового шляху і разом з тим, людського суспільства. У ній в органічній єдності та цілісності презентований об'єктивний та суб'єктивний зміст, а процес виникнення і формування власне психологічних знань насамперед складає теоретичну основу формування предмета психології.

Література

1. Авенариус Р. О предмете психологии / Рихард Авенариус; [пер. с нем. И. Маркова]. – М.: "Московское книгоиздательство", Типография Н.И. Гросман и Г.А. Вендельштейн, 1911. – 83 с.
2. Бермус А.Г. Естественнонаучная парадигма в психологии: выбор ориентиров / А.Г. Бермус // Вопросы психологии. № 4. – М.: ООО Вопросы психологии, 1998. – С. 79 – 83.
3. Воробьева Л.И. Гуманитарная психология: предмет и задачи / Л.И. Воробьева // Вопросы психологии. № 2. – М.: ООО Вопросы психологии, 1995. – С. 19 – 30.
4. Локалова Н.П. Связь понимания предмета психологии и профессионального мышления психологов / Н.П. Локалова // Психологический журнал. Т. 31. № 3. – М.: Изд-во "Наука", 2010. – С. 74 – 81.
5. Мельник О.А. Рецепція ідей розуміння об'єкта і предмета історії психології / О.А. Мельник // проблеми сучасної психології: зб. наук. праць Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка, Інституту психології ім. Г.С. Костюка НАПН України / за ред. С.Д. Максименка, Л.А. Онуфрієвої. – Вип. 11. - Кам'янець-Подільський: Аксіома, 2011. – С. 464 – 473.
6. Предмет и метод психологии: Антология / под ред. Е.Б. Старовойтенко. – М.: Академический проект: Гаудеамус, 2005. – 512 с. – ("Gaudeamus").
7. Хомская Е.Д. О методологических проблемах современной психологии / Е.Д. Хомская // Вопросы психологии. № 3. – М.: ООО Вопросы психологии, 1997. – С. 112 – 132.
8. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология / Г.П. Щедровицкий. – М.: Наука, 1997. – 656 с.

УДК 159.952.12

Теоретичні уявлення Д.М.Узнадзе про увагу та сучасні теоретичні та емпіричні розробки

Митроченко О.Є.

У статті представлений теоретичний аналіз вчення Д.М.Узнадзе про увагу, її процеси та властивості. Наведені питання, що потребують уточнення та додаткових розробок. Основними моментами, що набули додаткового інтересу у сучасній науці були означені питання рівневого устрою уваги та перебігу її дистрибуції, а також порівняння двох планів дій – об'єктиваційного та імпульсивного. Наведені результати експериментального дослідження, що, з одного боку узгоджуються з вченням Д.М.Узнадзе, з іншого – є спробою відповіді на питання, що імпліцитно присутні у його теоретичних розробках.

Ключові слова: теорія установки Д.М.Узнадзе, розподіл та переключання уваги, рівнева побудова дистрибуції уваги.

The article presents a theoretical analysis of the doctrine DM Uznadze of attention, its processes and properties. These issues require clarification and further development. The main points of the issues that have acquired additional interest in modern science were expressed by the question of level of attention and flow structure of distribution and comparison of two plans - objectivation and impulsive. The results of experimental studies on one hand in line with the teachings of DM Uznadze, on the other - is an attempt to answer a question that implicitly present in his theoretical development.

Key words: the Uznadze's theory of set, switching and distribution of attention, the level organization of distribution of attention.

В статье представлен теоретический анализ учения Д. Н. Узнадзе о внимании, его процессах и свойствах. Приведены вопросы, требующие уточнения и дополнительных разработок. Основными моментами, которые приобрели дополнительный интерес в современной науке были обозначены вопросы уровневого устройства внимания и протекания его дистрибуции, а также сравнения двух планов действий - объективационного и импульсивного. Приведены результаты экспериментального исследования, которые, с одной стороны согласуются с учением Д. Н. Узнадзе, с другой - являются попыткой ответить на вопросы, которые имплицитно присутствуют в его теоретических разработках.

Ключевые слова: теория установки Д.Н.Узнадзе, распределение и переключение внимания, уровневая организация дистрибуции внимания.

Роботи Д.М.Узнадзе охоплюють доволі широкий діапазон психологічного знання, характеризуються обґрунтованістю, змістовністю та методологічною узгодженістю. Вони мали вплив на всю радянську психологію і навіть зараз не втратили своєї актуальності і цінності.

Метою статті є проведення теоретичного порівняльного аналізу поглядів Д.М.Узнадзе на природу уваги і тих теоретичних розробок, які на даному етапі розвитку науки зайняли тверду позицію, а також викладення деяких наших доробок та обґрунтованих дослідними висновків.

Першим питанням, яке потребує ретельного вивчення, є сукупність процесів, які Д.М.Узнадзе відносить до власне уваги. Це бачення науковця є дуже специфічним і сформульованим у специфічних термінах, тому по-перше треба перекласти його думку на мову загальноприйнятних психологічних категорій.

Визначення атенційних процесів Узнадзе дає через характеристики дії, а саме плану дії, який обслуговує увага. Розглянемо докладніше ці плани діяльності, або як він ще називав їх – плани роботи психіки.

Перший план діяльності психіки – імпульсивний. До цього плану відносяться поведінкові реакції, які безпосередньо зв'язують суб'єкта з ситуацією. Сама ситуація відображається у психіці суб'єкта не цілісно, а лише у тій мірі, яка потрібна для наявних цілей поведінки. Треба також відзначити ясність сприйняття тих агентів зовнішньої ситуації, що провокують цю поведінку. Таким чином, імпульсивна діяльність є доцільною, спрямованою на взаємодію з зовнішньою ситуацією, але є обумовленою лише цією ситуацією, тобто про власне активність суб'єкта мова не йде. Цей план діяльності, за Узнадзе, найбільш характерний для тваринного світу.

При виникненні певної потреби суб'єкт намагається встановити відносини з наявною ситуацією, як такою, що може цю потребу задовольнити. Імпульсивна діяльність і є діяльністю задоволення потреб. Ця діяльність обумовлюється певним психічним відображенням актуальної ситуації, її образом. Цей образ названий був установкою. Установка відображає, з одного боку, знання про актуальні потреби суб'єкта, з іншого – можливість їх задовольнити у теперішній час.

Перекладаючи на мову категорій можна відзначити наступне. Нижчі психічні явища, за Узнадзе, спрямовані на безпосереднє задоволення потреб. Психіка на цьому рівні взаємодіє з зовнішнім світом через установку. Наявність нижчих атенційних процесів Узнадзе заперечує, тож він не підтримує поділ уваги на довільну та мимовільну, та ототожнює довільну увагу із поняттям уваги взагалі.

Для того, щоб уточнити зміст поняття увага у вченні Узнадзе, звернемося до другого плану дії, який описував автор. Цей план дії він назвав планом об'єктивації. Це план теоретичної поведінки, яка не має безпосереднього практичного призначення і спрямована на усунення перешкод для задоволення потреб. Продуктом процесу об'єктивації є теоретичний образ, який

є відображенням реального предмету, але має самостійну цінність, поза часом та простором. Процес об'єктивації названий автором увагою є специфічним для людини [5].

Такі атенційні процеси, як опосередковані (зовнішніми факторами, знаком), але не довільні, та післядовільні окремо у теорії установок не були детально розглянуті, тож віднесення їх до власно атенційних у даній теорії утруднене.

Поняття об'єктивації сприяло введенню у психологію принципу ієрархічного устрою психічних процесів. Це відкриття було зроблено ним у кінці 40-х років, що набагато випередило аналогічні розробки рівневого устрою психічного його співвітчизників.

Його книга «Загальна психологія» вийшла у 1940 році та містила основні розробки грузинської психологічної школи. У цій роботі представлені теоретичні розробки питання уваги майже за всіма аспектами [3].

Щодо властивостей уваги, найбільш цікавим є питання їх взаємозв'язків. Аналізуючи його роботу, можна встановити, що між концентрацією та дистрибуцією уваги є три види взаємозв'язків. Перший тип зв'язку – взаемовиключення. У цьому випадку поєднання окремих дій є небажаним, оскільки інтерферентність між ними не дає можливості приділити необхідну увагу жодній з них. Другий тип зв'язку – незалежність. Цей тип можна констатувати при поєднанні дій, які потребують атенційного супроводження з діями, яким увага не потрібна, тобто з автоматизованими чи природними діями. Третій тип – взаємодія. Такі відносини найменш ймовірні, однак мають місце. При цьому типі взаємодії поєднання виконання дій не тільки можливе, але й бажане, оскільки поодинокі виконання дій менш успішне, ніж їх суміщене виконання [4]. Цей ефект може бути пояснений при зверненні до активаційної моделі уваги, а саме до вчення Ухтомського про домінують.

Поняття розподілу уваги достатньо ретельно вивчається автором. Він вказує, що саме слово «розподіл» може ввести в оману, оскільки семантично означає поділення на порції. Однак, Узнадзе під розподілом, або дистрибуцією, розуміє таку організацію уваги, при якій поєднані дії утворюють цілісну структуру, яка не є сумою елементів, а є укрупненою одиницею. Можна також означити розподілений атенційний процес як такий, що обслуговує не окремі дії, а цілісну діяльність. На користь такого трактування виступає і використане автором поняття багатомірної дії – дії, яка є відносно самостійною цілісністю і не піддається залученню до більш укрупненої цілісності.

Узнадзе також вказує на спорідненість розподілу та переключання, як таких властивостей, що мають схожі у однієї людини темпові та точнісні характеристики.

На наш погляд, головні положення, що витікають з поглядів Д.М.Узнадзе на природу уваги, можна сформулювати так.

1) План побудови дії, план роботи психіки – це ті першочергові аспекти, які повинні аналізуватися для розуміння змісту психічного життя і перебігу уваги зокрема.

2) Принципово існує два плани контролю дії: імпульсивний та об'єктивації (план підсвідомого та свідомого контролю, або план автоматизмів та свідомості), які утримують хиткий баланс і змінюють одне одного.

3) Концентрація та дистрибуція є тими головними характеристиками уваги, які повинні враховуватися у аналізі живого руху уваги.

4) Дистрибуція є такою організацією уваги, при якій поєднані дії утворюють цілісну структуру, яка не є сумою елементів, а є укрупненою одиницею.

Ці положення є співзвучними і добре узгоджуються з головними положеннями діяльнісного підходу про рівневий устрій, полімотивованість діяльності та цілісний характер психічного відображення. Разом з цим, сучасні зарубіжні теорії, що розвиваються в межах так званого ресурсного (економічного, екологічного) підходу, також підтверджують дійсність цих положень. Адже дійсно, людина має цілком обмежений нервово-психічний ресурс. Ми здатні реагувати на обмежену кількість стимулів. Тому такий ресурс, зокрема, уваги повинен не просто розподілятися, а реорганізуватися, переструктуризовуватися згідно до зовнішніх та внутрішніх умов діяльності.

Нами було проведене лабораторне експериментальне дослідження, яке також підтвердило ці положення та дозволило співставити їх з рівневими уявленнями у діяльнісному підході та з передовими сучасними розробками, виконаними в межах ресурсного підходу.

На прикладі сенсомоторних та перцептивних задач різного типу, що виконуються сумісно обома руками або одночасно на різних рівнях побудови цілісної діяльності, ми отримали підтвердження уявлень про комплексний характер дистрибутивного процесу в функціонуванні уваги. Використовуючи групу методів на великій вибірці досліджуваних [1], було доведено практичну значимість названих вище положень. На цій основі нами запропонована трьохвимірна модель процесу дистрибуції, яка відтворює взаємодію трьох основних факторів, які на цей процес впливають. Такими факторами є складність, узгодженість та рівнева організація дій [2].

Фактор «рівень складності» відображує діапазон, з одного боку, об'єктивних показників складності завдання (кількість складових частин завдання, різноманіття відповідних дій виконавця, тощо), з іншого боку, суб'єктивну важкість завдання (наявність необхідного досвіду, відповідність психічного потенціалу меті задачі). Складність завдання обумовлюється також залученою кількістю рівнів контролю виконуваної дії. Ми виділяємо чотири рівні

контролю дії, тож завдання може потребувати від одного до чотирьох рівнів.

Фактор «рівень узгодженості» вміщує декілька параметрів: інтерференцію компонентів задачі або декількох задач поміж собою, схожість їх зовнішніх структур (конфігурацій), синхронність руху елементів або рухів виконавця завдання.

Інтерференція проявляється у взаємному „накладанні”, дифузності (нестійкості) елементів завдання, що призводить до утворення зміненої картини стимульного матеріалу, зниження ефективності виконання суміщених завдань або їх елементів. Висока інтерферентність призводить до ускладнення одночасного виконання суміщених дій, а відтак і до необхідності переключання уваги. Низька інтерферентність дозволяє відокремити образи суміщених завдань та виконати їх ефективно при розподілі уваги.

Конкурентність може виникати за різних темпів та траєкторій руху стимульних об'єктів, за різних форм чи різному взаємо розташуванню, яке не підпадає під закони гештальту.

Дії, які схожі конфігуративно потребують схожих ресурсів уваги, тому легше поєднуються і можуть суміщатися за рахунок розподілу уваги.

Зміст рівнів контролю залежить від характеристик матеріалу, з яким взаємодіє суб'єкт. Наприклад, на вербальному матеріалі можна виділити такі складові рівні контролю: рівень окремих літер або фонем, рівень слів, рівень більш крупнених одиниць, таких як речення, та самий загальний рівень – рівень контексту або змісту всього вербального повідомлення.

На іншому матеріалі, наприклад, на сенсорному, можна виділити рівень узгодження перцептивного та моторного компоненту дії, рівень поєднання простих схожих дій, рівень побудови цілісної діяльності та генеральний рівень узгодження актуальної діяльності з досвідом.

На основі проведеного лабораторного експериментального дослідження нами були сформульовані такі головні висновки.

1. Стратегія атенційного супроводження дії має два механізми – переключання та розподіл. Якщо уявити вісь з двома полюсами, то розподіл буде займати один з них, а перемикання – другий. Між цими двома полюсами будуть розташовані різні варіанти комбінацій цих процесів. При виконанні певної дії розподіл уваги може бути безперервний (суміщене виконання дій не відображується на успішності цього виконання), чи сумнівний (коли почергове виконання дій бажаніше за суміщене).

2. Дистрибуція уваги можлива на одному рівні контролю дії та на декількох одночасно. Це означає, що можливе одночасне обслуговування увагою двох дій, схожих за змістом та складністю, а можливе атенційне супроводження дій різного ступеню укрупненості.

3. Дистрибуція уваги між діями, що не доведені до автоматизму, має інші закони устрою, ніж при автоматизованих діях. Вона відрізняється в структурному плані та за рівневою організацією.

Таким чином, проведене експериментальне дослідження уточнює та розвиває теоретичні положення, висунуті Д.М.Узнадзе та грузинською психологічною школою. Було уточнено уявлення про різний механізм протікання атенційних процесів у імпульсивному та об'єктиваційному плані дій. Подальший розробці підлягало питання про рівневий устрій уваги взагалі та її дистрибуцію зокрема. Також експериментально розкрита функціональна єдність процесів перемикання та розподілу уваги.

Література

1. Митроченко О.Є. Діагностика властивостей уваги у рамках вивчення адаптивності студентів // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна №902. Серія психологія. Випуск 43. Харків: ХНУ імені В.Н.Каразіна. - 2010. - С. 200-202.
2. Митроченко О.Є. Рівнева модель дистрибуції уваги // Науково-практична конференція студентів і молодих вчених «Психологія в сучасному світі». Тези доповідей. Харків: НАУ ім.М.Є.Жуковського «Харківський авіаційний інститут», 2011. - С. 27
3. Надирашвили Ш. А. Дмитрий Николаевич Узнадзе (к 100-летию со дня рождения) // Вопросы психологии. - №6, 1986, С.87-95
4. Узнадзе Д.Н. Общая психология / Пер. с грузинского Е.Ш. Чомахидзе; Под. ред. И.В. Имедадзе. – М.: Смысл; Спб.: Питер, 2004. – 413 с.
5. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966. – 451 с.

УДК 159.9(075.8)

Принцип дополнительности деятельности, установки и поступка в многомерной теории личности

Моргун В.Ф.

Реализация рассмотренного принципа на примере многомерной теории личности открывает возможность осуществлять более глубокое психологическое исследование деятельности, установки и поступка.

Ключевые слова: деятельность, установка, дополнительность деятельности.

Realization of the considered principle on the example of multidimensional theory of personality opens possibility to carry out psychological research of activity, setting and act deeper.

Keywords: activities, installation of additional activities.

Реалізація розглянутого принципу на прикладі багатовимірної теорії особистості відкриває можливість здійснювати глибше психологічне дослідження діяльності, установки і вчинку.

Ключові слова: діяльність, установка, додатковість діяльності.

Общепсихологическая теория деятельности (П.Я.Гальперин, А.К.Дусаевичкий [1], П.И.Зинченко [2], В.П.Зинченко, Е.Ф.Иванова, Г.С.Костюк [3], А.С.Кочарян, А.Н.Лактионов [4], А.Н.Леонтьев [5], С.Д.Максименко [6], С.Л.Рубинштейн, А.В.Петровский [11], Г.К.Серета, Н.Ф.Талызина и др.), общепсихологическая теория установки (Д.Н.Узнадзе [15],[16], его научная школа – А.С.Прангишвили, Ш.А.Надирашвили [10] и др.), общепсихологическая теория поступка (В.А.Роменец [13], его последователи – И.П.Маноха, В.А.Татенко [14], Т.М.Титаренко и др.) – являются методологическими вершинами отечественной и мировой психологии. Их современное развитие происходит, на наш взгляд, по трем сценариям, реализацию которых можно найти в психологической литературе: критическое взаимоисключение, игнорирующая альтернативность и взаимообогащающая дополнительность. Примеры таких сценариев в новейшей истории не единичны.

Так, например, Д. и С.Шульцы, анализируя развитие школ психологии, утверждают, что структурная психология, функциональная психология, гештальтпсихология, психоанализ и гуманистическая психология не выдержали конкурентной методологической борьбы и в результате «критического взаимоисключения» прекратили свое автономное существование еще до конца XX столетия [17]. Выдающийся украинский историк психологии В.А.Роменец также не избегает апокалиптических характеристик. В его капитальном труде «История психологии XX столетия» (в соавторстве с И.П.Манохой) встречаем главы с такими названиями, как «...Крах психоанализа» или «Конец идеи интериоризации» [13].

Те же Шульцы полагают, что только две школы психологии – бихевиоризм [18] и когнитивная психология, двигаясь параллельными курсами «игнорирующей альтернативности», пересекли рубеж XXI столетия и имеют виды на «долгожительство».

Имена А.Маслоу, К.Роджерса, их психологическое наследие являются ярким примером реализации третьего сценария развития научных школ, в котором доминирует принцип дополнительности, ибо им удалось в гуманистической парадигме интегрировать достижения как психоанализа, так и академической психологии. С.Л.Рубинштейн, Б.Г.Ананьев и Р.Ассаджоли идут в этом же направлении и предпринимают продуктивные попытки построения «мира человека», «нового синтетического человековедения» и «психосинтеза Я».

Задачей данной статьи является интерпретация многомерной теории личности автора как синтеза психологических теорий деятельности, установки и поступка [7], [8], [9], [12].

В истории построения психологической теории личности выделяются два диаметрально противоположных подхода – идиографический, то есть описательный, понимающий, художественный (В.Дильтей, К.Роджерс и др.), и номотетический, или нормативный, мерный, научный (Г.Оллпорт, В.Штерн, А.Ф.Лазурский и др.). Крайности этих двух подходов пытаются эклектически преодолеть психоанализ (З.Фрейд, К.Юнг, А.Адлер, Е.Фромм и др.).

Снятие противоречия между указанными подходами возможно на основе диалектического метода восхождение от абстрактного к конкретному, который складывается в исследованиях отечественных психологов, – Л.С.Выготского, С.Л.Рубинштейна, А.Н.Леонтьева, Б.Г.Ананьева, Г.С.Костюка, С.Д.Максименко, В.В.Рибалка и др. Согласно этому методу, теория личности должна выводиться из одной категории, из исходной «предельной» абстракции, или «клеточки» анализа, которая в ходе конкретизации поможет дать развернутое психологическое представление о личности, ее сущностном содержании, структуре элементов в их связях и развитии» [8, с. 28]. При этом номотетическое и идиографическое направления становятся полюсами общего научного подхода к изучению личности. Характеристика последней на пути восхождения от абстрактного номотетического понимания к конкретному идиографическому описанию постепенно «обогащается множеством качеств, характеристик, параметров (предельно-бесконечным, то есть уникальным)» [8, с. 28].

В предложенной автором монистической теории многомерного развития личности (далее будет употребляться краткое ее название – многомерная теория личности) проанализировано три этапа, или шага восхождения от абстрактного к конкретному.

I. На первом этапе такого восхождения в качестве исходной «клеточки», избирается категория «деятельная личность». При этом деятельность личности понимается значительно шире, чем индивидуальная предметно-практическая деятельность субъекта, а именно – как система человеческой жизнедеятельности.

II. При системно-методологическом понимании личности следующий, второй, шаг конкретизации на пути восхождения от избранной абстрактной единицы анализа к конкретной ее характеристике должен осуществляться в соответствии с тремя принципами: а) онтологизации структуры личности; б) становление связей элементов (внутренних и внешних) в этой структуре; в) детерминации развития личности. Рассмотрим эти принципы и их реализацию подробнее.

А: Онтологизация структуры личности предусматривает определение таких пяти инвариантов, как:

1) пространственно-временные ориентации (на прошлое, настоящее, будущее); 2) потребностно-волевые эстетические переживания, пристрастность, безучастность (негативные, амбивалентные, позитивные); 3) содержательные направленности деятельности личности (деловая: на предмет – средство – продукт; на общение с другим человеком; игровая: на процесс; самодеятельная: на самого себя); 4) уровни овладения опытом (учение, воспроизведения, познания, творчества); 5) формы реализации деятельности (моторная, перцептивная, рече-мыслительная).

Б: Пять отмеченных инвариантов деятельности увязываются между собой и образуют пучок векторов, которые пересекаются в одной точке, «узле» (по А.Н.Леонтьеву), или «хронотопе» (по М.М.Бахтину). Структура личности при этих условиях может быть представлена в виде схемы (см. ниже рис. 1 [7, с. 9], [9, с. 81]).

В: Детерминация развития индивида в личность осуществляется, согласно данной теории, на основе решения «главного движущего противоречия между ограниченностью человека как естественного биологического существа и универсальностью человека как «родового» (общественного) существа» [8, с. 29]. С другой стороны, через свою определенную ограниченность человек не в состоянии стать тождественным всей совокупности общественных отношений и реализовать соответствующую масштабу этой совокупности общественную сущность. Поэтому возникает необходимость отобразить эту сторону личности в понятии индивидуальности, то есть уникальности личности конкретного человека как в естественном, так и в общественно-личностном аспектах.

Рисунок 1. Схематическое изображение многомерной структуры личности (по В.Ф.Моргуну)

III. Третий этап (шаг) восхождения от абстрактного к конкретному происходит через «психологическую концептуализацию структуры связей», развития пяти выделенных

инвариантов онтологизации структуры деятельной личности. Рассматривая диалектически связанные инварианты, можно выделить конкретные их характеристики и движущие противоречия, которые задают каждый из них:

1) пространственно-временные ориентации личности «состоят из соотношения локализации личности в прошлом, настоящем и будущем» и задаются решением противоречия между бытием и небытием материальных и духовных носителей личности – генома, тела человека, тех, кто ее знал, ее деяний и творений [8, с. 29].

2) потребностно-волевые переживания личности выявляются в эмоциях и эстетических чувствах, за которыми стоят имеющиеся и напряженные потребности (нужды – по С.Д.Максименко), мотивы, личностные смыслы, цели, установки. Структура потребностно-волевых переживаний представлена в виде определенного соотношения негативных (неизменное, безобразное), амбивалентных (трагическое, комическое) и позитивных (прекрасное, возвышенное) чувств. Отмеченные переживания задаются «противоречием между жизнью индивида (удовлетворением потребности) и смертью (блокированием или прекращением обмена веществ, энергии и информации организма со средой)» [8, с. 29].

3) содержательная направленность деятельности личности отвечает устойчивейшей системе разделения труда и жизненному пути субъекта деятельности и состоит по содержанию из следующих ее видов: а) направленность на предметно-орудийно-результативное преобразование природы (труд в узком понимании); б) направленность на субъектно-знаковое познание и изменение других людей (общение); в) направленность на преобразование способов собственной активности (игра, ритуал); г) направленность на преобразование самого себя («самодеятельность» по С.Л.Рубинштейну, но шире, потому что включает не только творческое самоусовершенствование человека, но и возможную самодеградацию).

Содержательная направленность как инвариант личности задается решением противоречия «род-природа», в результате чего человек как родовое существо превращается из индивида как потребителя естественных предметов в субъекта как создателя продуктов для удовлетворения своей потребности, используя орудия и сознательную, идеально-знаковую кооперацию с обществом [8, с. 29-30].

4) уровни овладения личностью опытом выстраиваются в такую иерархию: а) учение (передача опыта от учителя к ученику); б) воспроизведение деятельности личностью; в) познание как «теоретическая установка» (по Ш.А.Надирашвили [10]), «надситуативная активность» (по В.А.Петровскому); г) творчество как высший уровень овладения деятельностью. Указанные уровни задаются решением противоречия между интериоризацией (распредмечиванием) социального и экстериоризацией (опредмечиванием) индивидуального опыта [8, с. 32].

5) формы реализации личностью деятельности представлены таким образом: а) моторная (или материальная по П.Я.Гальперину); б) перцептивная (по Н.Ф.Талызиной); в) языковая; г) умственная (рефлексивная). Они задаются разрешением противоречия между подсознанием и сознанием человека [8, с. 33].

На основе конкретного психологического анализа пяти рассмотренных инвариантов, формулируем следующее определение личности:

Личность – это активно овладевающий и сознательно преобразующий природу, общество и собственную индивидуальность человек, который имеет уникальное динамическое соотношение пространственно-временных ориентаций, потребностно-волевых переживаний, содержательных направленностей, уровней овладения опытом и форм реализации деятельности. Этим соотношением детерминируется свобода субъектного самоопределения личности в ее поступках и мера ответственности за их (включая и подсознательно-непредвиденные) последствия перед природой, обществом и своей совестью [8, с. 33].

Данное определение личности может быть сжато представлено в виде символической формулы как функция (f) вышеупомянутых пяти инвариантов ее структуры [7, с. 10].

$$\text{Личность} = f(\text{O} \cdot \text{П} \cdot \text{Н} \cdot \text{У} \cdot \text{Ф})$$

где: O – пространственно-временные ориентации личности; П – потребностно-волевые эмоциональные переживания; Н – содержательные направленности; У – уровни овладения опытом; Ф – формы реализации деятельности.

Предложенное понимание структуры личности может быть соотнесено с психологическими понятиями, которыми традиционно характеризуется личность [8, с. 33]. Так, темперамент определяется динамической особенностью пространственно-временных ориентаций и свойств личности. Способности связываются с инвариантами уровней и формы реализации деятельности личности. Ценностные ориентации, направленность личности задаются потребностно-волевыми переживаниями человеком содержания деятельности. В конкретном психологическом анализе они описываются как потребности, мотивы, смыслы, цели, установки. Характер заключается в стабильности целостной структуры личности, а акцентуации характера – связаны с избыточным выражением определенной черты характера и сопровождаются или личными рекордами (в случае соответствия акцентуации требованиям деятельности), или перенапряжением, неадекватностью поведения человека во время их преодоления (в случае несоответствия акцентуации и требований деятельности).

Психологическую теорию «поступка» выдающегося украинского психолога В.А.Роменца [13] не следует считать альтернативой деятельностному подходу, потому

что в таком случае происходит скрытая синонимия (или взаимоподмена этих категорий). Поступок не является синонимом любого действия, он предусматривает момент выбора среди альтернатив (И.П.Манюха), волевые усилия для преодоления препятствий (Т.М.Титаренко), а также моральную самооценку субъектного выбора личности (В.А.Татенко). В традиционных соответствиях между источником активности личности и ее видом (по А.Н.Леонтьеву) первичная и вторичная установки (по Д.Н.Узнадзе) лежат в основе и заключают известную иерархию Леонтьева, а поступок (по В.А.Роменцу), на наш взгляд, должен заполнить существующий пробел в центральном звене, потому что является конгруэнтным ключевой категории деятельностного подхода – категории «личностного смысла»:

- потребность (индивидуально-практическая первичная установка, по Д.Н.Узнадзе, Ш.А.Надирашвили, нужда, по С.Д.Макименко)	<=>	поведение (по Б.Ф.Скиннеру);
- мотив (как опредмеченная потребность, по А.Н.Леонтьеву)	<=>	деятельность;
- личностный смысл (как соотношение реально действующего мотива и цели)	<=>	поступок (как действие, которое нуждается в выборе, волевых усилиях и моральной оценке, по В.А.Роменцу);
- цель	<=>	действие;
- вторичная «фиксированная установка» (по Д.Н.Узнадзе)	<=>	операция.

Вторичные социально сформированные (фиксированные) установки, приобретающая побудительную силу, превосходящую первичные витальные установки, становятся «сублимированными потребностями» (по З.Фрейд), «квазипотребностями» (по К.Левину), «ценностными ориентациями» (по М.Рокичу), «направленностями личности» (по А.Н.Леонтьеву и др.).

Как видим, в достаточно традиционной для отечественной психологии личностно-деятельностной парадигме многомерная теория личности, благодаря синтезу достижений теорий деятельности, установки и поступка, приводит к ряду инновационных приобретений.

Во-первых, уточнена номенклатура основных видов человеческой деятельности и их последовательности как ведущих в онтогенезе. Потому что даже в отечественной психологической науке не было общепринятой номенклатуры основных видов человеческой деятельности ни по количеству, ни по содержанию. Так, лидер Санкт-Петербургской школы Б.Г.Ананьев исходил из такого перечня: игра – общение – познание – труд. Лидер одной из Московских школ А.Н.Леонтьев отстаивал несколько другое видение: игра – учение – труд (с имплицитным общением, которое не имеет автономного статуса, ибо присутствует («растворено») в каждом из трехосновных видах деятельности). Как видим, консенсус корифеев психологии имеем только по игре и труду, отмеченных курсивом.

Многомерная теория личности уточняет количество, содержание и последовательность основных видов деятельности личности в ходе жизни: труд – общение – игра – самодеятельность. Превращение в ходе жизни основных видов деятельности в ведущие деятельности (выделены жирным шрифтом) можно показать с помощью такой схемы:

- 1) труд – общение – игра – самодеятельность;
- 2) общение – игра – самодеятельность – труд;
- 3) игра – самодеятельность – труд – общение;
- 4) самодеятельность – труд – общение – игра.

Предметно-манипулятивная деятельность в раннем онтогенезе является первичным видом труда. Еще М.Я.Басов в своей блестящей «Педологии» (1932) рассматривал игру и детский труд как два родственных типа деятельности ребенка. К.Коффка (1934), исследуя основную функцию детства на уровне учения, пришел к такому выводу: «Если мы примем, что учение объективно является трудовой деятельностью, то придем к правильному пониманию детства, в течение которого объем и интенсивность учения (труда – по Коффке. – В.М.) далеко превышает все более поздние периоды» (с. 31). Система воспитания слепоглухонемых детей также доказывает приоритет трудовой деятельности, сотрудничества (самообслуживание, уход, уборка, владение орудиями труда и тому подобное), в развитии психики и личности (Мещеряков, 1974). Не случайно и теория поэтапного формирования умственных действий П.Я.Гальперина предлагает начинать учение в любом возрасте с моторной формы действия, то есть – с реального преобразования предметов или их моделей, что характерно именно для труда.

С момента «комплекса оживления» ребенок из предметного мира выделяет ближайшего

человека; направленность на людей в последующем станет главной в мотивации общения.

Продвижение на пути психической зрелости автономизирует детей, которые посредством игровой деятельности продолжают совершенствовать себя в процессах труда (деловая игра), в процессах общения (ролевая игра, социодрамы – по Дж.Морено), в процессах самодетельности (психодраматическая игра – по Морено, сценаристом, режиссером и соисполнителем которых выступает сам человек). Некоторые ученые настаивают на доминировании игры в течение всего жизненного пути. Ф.Бартлетт, например, своей монографии, посвященной психологии взрослой жизни, дал красноречивое название: «Психика человека в труде и игре» (1959). Но и они не возражают ни против труда (Бартлетт), ни против существования «искренних (неигровых)» отношений между людьми (Е.Берн, 1988), ни против «серьезных» видов деятельности (И.Хейзинга, 1992).

Во-вторых, замена учения (по Леонтьеву), или познания (по Ананьеву) в основных видах деятельности на самодетельность (по терминологии Рубинштейна, но с более широким содержанием) является еще одной инновацией многомерной концепции личности. Но она не преуменьшает роль учения в жизни человека. Напротив, обучение, воспроизведение, познание (учение), творчество, образуя отдельный четвертый инвариант в структуре личности – уровней овладения опытом – становятся причастными к каждому из четырех основных видов деятельности в течение всей жизни человека, а не ограниченной учебной деятельностью, характерной только для школьно-студенческого возраста.

В-третьих, на основе многомерной теории личности предложена конкретная структура («морфология») индивидуальной, особенной деятельности – в развитие рассмотренных выше идей Г.С.Костюка, А.Н.Леонтьева, В.А.Роменца, С.Л.Рубинштейна, Д.М.Узнадзе. Такая конкретизация и модификация индивидуальной деятельности личности представлена ниже в таблице 1 [8, с. 31]:

Таблица 1.

Структура индивидуальной деятельности личности (по А.Н.Леонтьеву, модификация В.Ф.Моргуну)

Источник активности личности	Форма активности	Объект активности
Потребность, первичная установка	Поведение	Естественная и социальная среда
Мотив	Деятельность	Предмет
Смысл	Поступок	Задача
Цель	Действие	Продукт, результат
Вторичная установка	Операция	Результат (в стандартных условиях)

Вывод данного теоретического исследования состоит в том, что реализация принципа дополнительности деятельности, установки и поступка на примере многомерной теории личности открывает возможность осуществлять более глубокое исследование известных и конструирование новых видов деятельности человека, что особенно важно для общей, возрастной, педагогической психологии и психологии труда.

Литература

1. Дусавицкий А.К. Развитие личности в учебной деятельности / А.К.Дусавицкий. – М.: Дом педагогики, 1996. – 208 с.
2. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание / П.И.Зинченко. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. – 562 с.
3. Костюк Г.С. Навчально-виховний процес і психічний розвиток особистості / Г.С.Костюк. – К.: Рад. школа, 1989. – 608 с.
4. Лактионов А.Н. Координаты индивидуального опыта / А.Н.Лактионов. – Харьков: Бизнес Информ, 1998. – 492 с.
5. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. [Электронный ресурс] / А.Н.Леонтьев. – Режим доступа к тексту книги (М.: Политиздат, 1975): <http://lib.ru/PSIHO/LEONTIEV/dsl.txt>
6. Максименко С.Д. Психологія особистості. Підруч. / С.Д.Максименко, К.С.Максименко, М.В.Папуча. – К.: ТОВ «КММ», 2007. – 295 с.
7. Монистическая концепция многомерного развития личности: Аннотированный библиографический указатель с 1984 по 1988 годы / [составитель В.Ф.Моргун]. – Полтава, 1989. – 56 с.
8. Моргун В.Ф. Концепция многомерного развития личности и ее приложения / В.Ф.Моргун // Философская и социологическая мысль. – К., 1992. – № 2. – С. 27-40.
9. Моргун В.Ф. Основи психологічної діагностики. Навчальний посібник / В.Ф.Моргун, І.Г.Тітов. – К.: ВД «Слово», 2009. – 462 с.
10. Надирашвили Ш.А. Особенности закономерностей действия установки на различных уровнях психической активности человека / Ш.А.Надирашвили //

Психологические исследования, посвященные 85-летию со дня рождения Д.Н.Узнадзе / под ред. А.С.Прангишвили. – Тб.: Мецниереба, 1973. – С. 266-273.

11. Петровский А.В. История советской психологии. Формирование основ психологической науки / А.В.Петровский. – М.: Просвещение, 1967. – 368 с.

12. Рибалка В.В. Моністична теорія багатовимірного розвитку особистості у працях В.Ф.Моргуна // Теорії особистості у вітчизняній психології та педагогіці: навч. посібник / В.В.Рибалка. – Одеса: Букаєв В.В., 2009. – С. 352-370.

13. Роменець В.А. Історія психології ХХ століття: навч. посібник / В.А.Роменець, І.П.Маноха; вст. стаття В.О.Татенка, Т.М.Титаренко. – К.: Либідь, 1998. – 992 с.

14. Татенко В.А. Психология в субъектном измерении: монография / В.А.Татенко. – К.: Просвіта, 1996. – 404 с.

15. Узнадзе Д.Н. Мотивация – период, предшествующий волевому акту / Д.Н.Узнадзе // Психология личности. Тексты / под ред Ю.Б.Гиппенрейтер, А.А.Пузырея. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – С. 80-84.

16. Узнадзе Д.Н. Общее учение об установке [Электронный ресурс] / Д.Н.Узнадзе. – Режим доступа к разделам книги «Психологические исследования» (М.: Наука, 1966. – С. 140-152, 164-169, 180-183): <http://flogiston.ru/library/usnadse>

17. Шульц Д.П. История современной психологии / Д.П.Шульц, С.Э.Шульц; пер. с англ. – СПб.: Евразия, 1998. – 528 с.

18. Skinner B.F. About Behaviorism / B.F.Skinner. – New York: Alfred A. Knopf, 1974. – 266 p.

УДК 316.64

Політичні установки особистості в соціальному житті

Москаленко В.В.

Статья посвящена проблеме изучения социального аспекта политических установок личности. Было рассмотрено влияние и роль теории установки Д.М.Узнадзе на формирование политических установок личности. Были проанализированы основные факторы формирования политических установок личности. Представлены теоретические модели, которые объясняют смену политической установки.

Ключевые слова: установка, политическая установка, социальный аспект, политические ценности, политические стереотипы, идентификация.

Стаття присвячена проблемі вивчення соціального аспекту політичних установок особистості. Було описано вплив та роль теорії установки Д.М.Узнадзе на формування політичні установки особистості. Були проаналізовані основні фактори формування політичних установок особистості. Представлені теоретичні моделі, що пояснюють зміну політичної установки.

Ключові слова: установка, політична установка, соціальний аспект, політичні цінності, політичні стереотипи, ідентифікація.

Article is devoted to studying the social aspects of the political attitudes of the personality. It was the influence and role of theory Uznadze install DM on the formation of political attitudes of the personality. Were analyzed basic factors in forming political attitudes of the personality. The theoretical models that explain the change of the political set up.

Keywords: installing, setting the political, the social aspect, political values, political stereotypes, identification.

Вивчення політичних установок є актуальним для сучасної політичної психології. Поведінка суб'єктів, в тому числі в політичній сфері, в значній мірі зумовлена психологічними установками, зокрема – політичними. Політичні установки можуть бути цілеспрямовано сформовані. Конкретні політичні установки суб'єктів безпосередньо впливають на соціальні та економічні умови в країні, змінюють їх. Тому важливим є дослідити феномен «політичні установки особистості» та проаналізувати прояви політичних установок особистості в соціальному житті.

Актуальність вивчення даної проблематики обумовлена також тим фактом, що поняття політичної установки широко використовується, наприклад, при вивченні суспільної свідомості і політичної поведінки виборців в ході виборів (з'ясування стійкості установок виборців, механізмів впливу засобів масової інформації на зміну політичних установок виборців). У сфері політичної діяльності саме установка стає чинником, який регулює поведінку індивіда або співтовариства і моделює позитивне або негативне сприйняття влади, уряди, держави і політики в цілому.

Політичні установки викликають інтерес у дослідників і політиків у зв'язку з тим, що вони можуть виступати як засіб зворотного зв'язку між тими, хто приймає рішення і тими, хто їх виконує, і, до певної міри, допомагають відобразити відношення громадян до тих або інших політичних лідерів, явищ й ін. [4].

Метою нашої роботи є вивчення політичних установок особистості в соціальному житті.

Початок дослідження соціальних установок був покладений роботою У. Томаса і Ф. Знанецького про адаптацію польських селян-емігрантів в США в 1918 році. Були виявлені дві залежності, що описують процес адаптації: залежність індивіда від соціальної організації і залежність соціальної організації від індивіда. Для пояснення значущості соціальної організації для індивіда було запропоновано поняття соціальна цінність, а для пояснення психологічного стану індивіда по відношенню до групи – соціальна установка [2].

Г. Олпорт ще в 1935 році, об'єднуючи різні визначення установки (аттитюд), сформульовані на той час соціальними психологами, інтерпретував її як «стан свідомості і нервової системи, що виражає готовність і організоване на основі попереднього досвіду; аттитюд робить направляючий і динамічний вплив на реакції індивіда відносно усіх об'єктів, до яких він (аттитюд) має відношення» [1, С. 125].

Термін "установка" в російськомовну літературу ввів фундатор грузинської психологічної школи Д.Н. Узнадзе [6, С. 158], який визначав її як передуючу будь-яким, у тому числі психічним актам суб'єкта готовність здійснювати саме ті акти, які адекватні цій ситуації. Він доводив, що реакція суб'єкта на ситуацію обумовлена не лише самою ситуацією, але і його внутрішньою, неусвідомленою схильністю реагувати на неї певним чином.

З точки зору мотивації людини, поняття установки важливе, передусім, тим, що воно розкриває механізм формування такої важливої якості потреб і мотивів, як відносна стійкість їх предметної форми. Завдяки установкам суб'єктові не треба постійно визначати, в чому полягають його потреби і способи їх задоволення: вони вже зафіксовані в його установках [6].

Концепцію Узнадзе було спрямовано проти характерного для сучасної йому психологічної науки «постулату безпосередності» - уявлення про те, що «об'єктивна дійсність безпосередньо і відразу впливає на свідому психіку» [6, С. 159]. Він доводив, що реакція суб'єкта на ситуацію зумовлена не лише самою ситуацією, але і його внутрішньою, неусвідомленою схильністю

реагувати на неї певним чином. Отже, на основі теорії установки вперше стало можливим вивчення психологічної природи тих речей, що існують між середовищем, людською поведінкою та її свідомістю. [3; С.92]

У рамках грузинської психологічної школи теорія установки розроблялася в тісному зв'язку з категорією потреби: функція установки полягає в тому, що вона як би «вказує» потребі її предмет, здатний реалізувати її в цій ситуації, скорочує об'єм, розкриває механізм формування такої важливої якості потреб і мотивів, як відносна стійкість їх предметної форми [6].

До діяльності особу спонукають потреби і мотиви. Установка пояснює, чому люди в певних ситуаціях поступають тим або іншим чином, чому вони вибирають конкретний мотив. Це поняття пояснює особливий стан особи, передумання її реальній поведінці.

Аттитюд найчастіше розглядається як явище свідомості, що виражається в мові, у вербальній поведінці (на чому засновані і багато методів його вивчення), а установка, як показано зокрема в роботах Д.Н. Узнадзе, має неусвідомлений характер [6]. У російськомовній літературі англійський термін «аттитюд» частіше за все не перекладається або виражається поняттям «соціальна установка».

Установки й аттитюди мають дві головні функціональні властивості, які визначають їхнє значення в психології соціально-політичних стосунків. Перше з них можна назвати властивістю відносною стійкості. У загальнопсихологічному сенсі функція установки полягає в тому, що вона забезпечує людину здатністю реагувати на ситуацію і зовнішні об'єкти (наприклад, на ситуацію незадоволеної потреби і об'єкти, сприяючі або перешкоджаючі її задоволенню) на основі минулого досвіду. Установка приводить в дію психічні процеси і практичні дії, адекватні ситуації і об'єктам, тому що в ній міститься попередня ситуації готова «модель» цих процесів і дії. У буденному житті, наприклад в праці, споживанні, міжособистісних стосунках, вона закріплює ті звички і навички, без яких це життя було б неможливим. Установки забезпечують стійкість особи, її діахронічну (таку, що зберігається на продовженні більш менш тривалого часу) єдність.

В той же час той досвід, який формує «буденні» установки, постійно є присутнім і відтворюється в житті будь-якої людини. Знання, що черпаються з цього досвіду, можуть суперечити одне одному, викликати внутрішні психічні конфлікти, але вони в усякому разі відносно доступні і здатні систематично підкріплювати установки або вносити в них необхідні по життю модифікації.

Часто вирішальну роль у формуванні установки грає фіксація предмета потреби: в соціальній психології її називають тоді «установка на об'єкт». Такі установки найчастіше пов'язані з потребами, предмет яких «вибирається» самим суб'єктом, не є чимось само собою зрозумілим [2].

Фіксація в установках предметного змісту потреб підводить до розуміння другої їх функціональної властивості. Вона полягає в їх здатності не лише бути предметною – в результаті пошукової активності суб'єкта, але й практично виступати у якості відносно самостійних потреб і мотивів.

Ще Курт Левин виділив особливий клас потреб, які виникають не з внутрішньопсихічних, але зі зовнішніх, таких, що не мають фізіологічного або глибоко особового змісту імпульсів. Наприклад, намір людини подзвонити комусь по телефону або опустити лист в поштову скриньку може формувати актуальну потребу стан напруги, стимулюючий певну дію і не згасаючий, поки дія не буде завершена (чи не наптовхнеться на непереборні бар'єри). Щоб відрізнити мотиви, що виникають таким чином, від тих, які мають внутрішньопсихічні джерела (такими К. Левин вважав тільки біологічні потреби), він назвав їх «квазіпотребами». Фактично вони є прийнятими суб'єктом установками на певну дію, що перетворилися на потреби.

В сучасній політичній психології є два визначення політичної установки : 1) стійка схильність, готовність індивіда або групи до дії, орієнтованої на соціально значимий об'єкт; 2) психологічне переживання індивідом цінності, значення соціально-політичного об'єкту, організоване на основі попереднього досвіду, таке, що робить направляючий вплив на політичну поведінку [2].

Можна виділити наступні види політичних установок :

- на ситуацію;
- на об'єкт;
- на політичну систему;
- на режим;
- на політичні сили;
- на конкретні політичні інститути;
- на лідерів і ін.

Слід зазначити, що по відношенню до одних і тих же політичних явищ у одних людей можуть переважати установки на ситуацію, у інших – на об'єкт, і ця відмінність робить істотний вплив на їхню свідомість і поведінку. Реакцію суб'єкта на те або інше явище визначає не лише саме явище, але і внутрішня, неусвідомлена схильність суб'єкта реагувати на неї певним чином, тобто установка суб'єкта.

Дилигенський Г. Г. [2, С. 120] у структурі політичної установки виділяє три компоненти: когнітивний, емоційний і поведінковий. Когнітивний елемент політичної установки відбиває попередні знання індивіда, інтерес до політики. Емоційне відношення до політичного об'єкту,

як правило, з'являється раніше критичного оцінюванні об'єкту. Саме емоційний компонент політичних установок грає істотну роль у формуванні політичних забобонів, расових стереотипів, релігійною, національною і інших видів нетерпимості. Поведінковий елемент установок представляє безпосередню готовність до політичної дії.

Засоби масової інформації цілеспрямовано формують і змінюють політичні установки особи лише в тих випадках, коли спрямованість інформаційного потоку відповідає спрямованості психічних орієнтації, особи. У разі невідповідності – відбувається відторгнення соціальної установки, пропонованої інформаційним потоком, що сприяє формуванню особистісної політичної установки з протилежною спрямованістю [7].

Важливо відмітити, що на формування політичної установки значний вплив робить соціальний контекст: політичні установки служать вираженням глибоких соціально обумовлених мотиваційних потреб, таких як відчуття залучення до структури соціальних зв'язків, близькості з соціальним оточенням, безпеки, самопізнання і самоствердження тощо [4].

Прикметно, що у індивіда може існувати одночасно ієрархія політичних установок. Крім того, в конкретній ситуації може відбуватися конфлікт між політичною установкою на політичний об'єкт і політичною установкою на політичну ситуацію [7].

Отже, зміна політичної установки може відбуватися під впливом переконання, масової пропаганди, членства в новій політичній групі або ж завдяки глибокому знайомству з об'єктом політичної установки. Існує дві теоретичні моделі, що пояснюють зміну політичної установки:

1. Бихевіористська: заснована на принципі навчання. Передбачається, що установки індивіда змінюються залежно від того, яким чином організовується підкріплення якої-небудь політичної установки. Зміна соціально-політичної установки залежить від системи винагород і покарань.

2. Когнітивистська (теорія відповідності). Політична установка змінюється, коли в когнітивній структурі індивіда виникає невідповідність. Стимулом для зміни політичної установки є потреба у відновленні впорядкованого сприйняття зовнішнього світу [1].

Установка приводить в дію психічні процеси і практичні дії, адекватні ситуації і об'єктам, тому що в ній міститься попередня ситуація готова «модель» цих процесів і дії.

З компонентів, що формують установку на ситуацію, - потреба, минулий досвід і ситуація – в таких випадках вирішальну роль грають два останніх: потреби (наприклад, в продуктах харчування, стабільному або зростаючому капіталі і доході), що включаються в установку, самоочевидні, не потребують якогось особливого усвідомлення й «опредмечування».

У інших випадках вирішальну роль у формуванні установки грає, навпаки, саме фіксація предмета потреби: в соціальній психології і соціальній політології її називають тоді «установка на об'єкт». Такі установки найчастіше пов'язані з потребами, предмет яких «вибирається» самим суб'єктом, не є чимось само собою зрозумілим, що понад усе характерно для потреб соціального існування [1].

На думку Ольшанського Д.В. «настановно-поведінковий компонент політичної культури складають політичні установки і відповідні стереотипи поведінки, яка сприяє перекладу предствалень і цінностей в площину практичної реалізації» [4, С. 123].

Елементи політичної культури відносно самостійні і в той же час взаємозв'язані, тісно переплетені. Характер політичних знань і предствалень, цінностей і переконань, емоційних станів і психологічних почуттів, позицій і установок, переважаючих зразків поведінки визначають зміст політичної культури, властивої цьому суспільству. Тим самим політична культура визначає найбільш типові зразки і правила політичної поведінки, взаємодії влади, індивіда і суспільства.

Установки, що придбавалися в готовому виді з соціального досвіду і культури – один із найважливіших компонентів соціально-політичної психології і політичної культури людини. Індивід взагалі дуже рідко виробляє своє абсолютно унікальне відношення до громадської і політичної дійсності; оскільки вона на відміну від приватного життя охоплює безліч людей, свої установки відносно цієї дійсності індивід часто-густо запозичує від інших, від тієї або іншої соціальної спільності [4].

На думку Г.Г. Дилигенського, одним із важливих компонентів політичної свідомості являються політичні цінності. Вони пов'язані з політичними установками особи. В порівнянні з іншими компонентами, зокрема в порівнянні з політичними установками, цінності, як правило, розглядаються як фундаментальні ментальні утворення, як «абстрактні ідеали, не пов'язані з конкретним об'єктом або ситуацією, як свого роду уявлення людини про ідеальні моделі поведінки та ідеальну кінцеву мету» [2].

Яка ж відмінність політичних цінностей від політичних установок? Цінності є уявленням людини про ідеальний об'єкт або ряд об'єктів (наприклад, про політичну партію взагалі або про свободу слова), тоді як установки характеризують відношення людей переважно до конкретних об'єктів. Це розділення являється, звичайно, умовним. Крім того, цінності роблять значний вплив на формування конкретних політичних установок, тому можуть розглядатися як один з елементів установок [2].

Політичні установки особистості часто ототожнюють з поняттям «політичні стереотипи». Ці поняття несуть різне смислове навантаження. З політико-психологічної точки зору, стереотип – це стандартизований, такий, що схематизувався, спрощений і сплющений, зазвичай емоційно забарвлений образ якого-небудь соціально-політичного об'єкту (явища, процесу), що має значну стійкість, але фіксує в собі лише деякі, іноді несуттєві його риси.

Іноді визначається як неточне, ірраціональне, надмірно загальне представлення.

Стереотипи мають важливе значення в процесі оцінки людиною соціально-політичних явищ і процесів, але грають подвійну, як позитивну, так і негативну роль. З одного боку, стереотипи «економічні» для свідомості і поведінки, вони сприяють певному «скороченню» процесу пізнання і розуміння того, що відбувається у світі і навколо людини, а також ухваленню необхідних рішень.

Не сприяючи точності і аналітичності пізнання, вони прискорюють можливості поведінкової реакції на основі, передусім, емоційного прийняття або неприйняття інформації, її «попадання» або «непопадання» в жорстко певні рамки стереотипу. У повсякденному житті людина, як правило, позбавлена можливості піддавати критичному сумніву «устої життя» - традиції, норми, цінності, правила соціально-політичної поведінки і т. п. Вона не оперує також повною інформацією про події, по яких їй доводиться висловлювати власну думку і оцінку. Тому у буденній реальності люди часто і поступають шаблонно, відповідно із стереотипами, що склалися, - останні допомагають орієнтуватися в тих обставинах, в яких можна обійтися без спеціальної аналітичної, розумової роботи і не вимагають особливо відповідального індивідуального рішення [1].

Зазвичай політичні стереотипи існують і підтримуються на трьох основних рівнях. По-перше, стереотипи індивідуальної політичної свідомості і поведінки, підкріплені стереотипами, що відповідають позитивним і негативним оцінкам – наприклад, поняття, що вкладаються в зміст, «законослухняний» (добропорядний, лояльний і т. п.) громадянин.

По-друге, стереотипи групової політичної свідомості і поведінки – наприклад, традиції того або іншого етносу, поняття «професійної честі», статuti політичних партій і рухів і т. п. По-третє, стереотипи політичної свідомості і поведінки члена суспільства (соціально-політичної системи) в цілому [7].

Політичні установки особистості формуються під впливом процесу ідентифікації - властивого людині несвідомого ототожнення себе з кимось іншим, переживання тотожності іншому. Існуючі установки на інші «чужі» спільності можуть бути однозначно позитивними, дружніми, однозначно негативними, ворожими, індиферентними або такими, що носять складніший амбівалентний характер.

Політичні установки до певної міри пов'язані з особовими ресурсами індивіда. Соціально-політичне життя дає приклади і таких ситуацій, в яких ті або інші обмеження в психічному ресурсі особи позбавляють її можливості реалізувати власні цінності і переконання. В екстремальних випадках такі ситуації породжують справжні особисті трагедії.

Висновки:

1. Політична установка є одним із видів психологічної установки. Існує два визначення політичної установки: 1) стійка схильність, готовність індивіда або групи до дії, орієнтованої на соціально значимий об'єкт; 2) психологічне переживання індивідом цінності, значення соціально-політичного об'єкту, організоване на основі попереднього досвіду, таке, що робить направляючий вплив на політичну поведінку.

2. На формування політичної установки значний вплив робить соціальний контекст: політичні установки служать вираженням глибоких соціально обумовлених мотиваційних потреб, таких як відчуття включення в структуру соціальних зв'язків, близькості з соціальним оточенням, безпеки, самопізнання і самоствердження і тому подібне.

3. Важливіші функції установки є: перетворення потреб і мотивів в дії; оцінно-орієнтаційна функція; їхня здатність виступати відносно самостійними потребами і мотивами. У індивіда може існувати одночасно ієрархія політичних установок. Зміна політичної установки може відбуватися під впливом переконання, масової пропаганди, членства в новій політичній групі або ж завдяки глибшому знайомству з об'єктом політичної установки.

4. Існує дві теоретичні моделі, що пояснюють зміну політичної установки: біхевіористська та когнітивистська. Установки, які сформувалися в готовому виді з соціального досвіду і культури – один із найважливіших компонентів соціально-політичної психології і політичної культури людини.

5. Поняття політичної установки тісно пов'язане з поняттям політичних стереотипів. В установках проявляється ідентифікація – властиве людині несвідоме ототожнення себе з кимось іншим, переживання тотожності іншому. Політичні установки до певної міри пов'язані з особистісними ресурсами індивіда.

Література

1. Андреев А.А. Политическая психология. – М.: Весь Мир, 2002. – 240 с.
2. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. – М.: Наука, 1999.
3. Надирашвили Ш.А. Дмитрий Николаевич Узнадзе (к 100-летию со дня рождения) // Вопросы психологии, № 6, 1986. – с. 87 – 95.
4. Ольшанский Д.В. Основы политической психологии. – М.: Сфера, 1999.
5. Петрунько О.В. Возможности прогнозирования последствий медиавоздействия на политические установки // Проблемы политической психологии. – Вып. 7, 2007. – С. 33 – 50.
6. Узнадзе Д.Н. Психология установки. – М.: Наука, 1986. – 352 с.
7. Шестопал Е.Б. Политическая психология. – М.: Академический проспект. – 2007. – 237 с.

УДК 159.9(075.8)

Актуальные проблемы психологии установки

Надареишвили В.Г.

В современной психологии актуальным остаётся вопрос об отношении сознательного и неосознанного уровней отражения и различных планов регуляции поведения. В данном тексте указанный вопрос рассматривается с позиции синергии установочной и сознательной психической активности в обеспечении нормативности поведения и предотвращении девиации. Думается, что должное изучение научного наследия Д.Н. Узнадзе и дальнейшая разработка теории установки может внести весомый вклад в решение или оригинальное видение рассмотренных в статье, а также других актуальных задач психологии.

Ключевые слова: установка, теория установки, неосознаваемое, осознаваемое.

У сучасній психології актуальним залишається питання про ставлення свідомого і неусвідомленого рівнів відображення і різних планів регуляції поведінки. У даному тексті зазначене питання розглядається з позиції синергії настановної і свідомої психічної активності в забезпеченні нормативності поведінки і запобігання девіації. Здається, що належне вивчення наукової спадщини Д.Н. Узнадзе та подальша розробка теорії установки може внести вагомий внесок у вирішення або оригінальне бачення розглянутих в статті, а також інших актуальних завдань психології.

Ключові слова: установка, теорія установки, неусвідоме, свідоме.

In modern psychology is relevant question of the relation of conscious and unconscious levels of reflection and various plans for regulating the behavior. The text given is discussed from the perspective of synergies and the installation of conscious mental activity to provide normative behavior and the prevention of deviation. It seems that the proper study of the scientific legacy DN Uznadze and further development of set theory can contribute to the solution of the original vision, or discussed in the article, as well as other urgent problems of psychology.

Keywords: install, set theory, unconscious, to realize.

Создателю одной из всемирно известных общепсихологических теорий, Д.Н.Узнадзе принадлежит привнесение в психологию теоретического гипотетического конструкта, опосредующего субъективное и объективное, психику и вне-психическую реальность. «Постулат опосредованности» Д.Н.Узнадзе «лежит в основе трехчленной схемы анализа, включающей «промежуточную переменную» (установку В. Н.), опосредующую связь между объективными воздействиями и вызываемыми этими воздействиями эффектами в сознании и поведении людей» [5:89].

Поскольку установка относится к категории бессознательного, актуальным остаётся вопрос о взаимоотношении установки и сознания, в частности об антагонизме или же взаимодополняющем сотрудничестве сознательного и неосознанного планов регуляции поведения.

О неразрывности связи различных уровней психического отражения писалось с позиций разных теоретических ориентаций, в том числе, теории деятельности - «Неосознаваемое и осознаваемое не противостоят друг другу; это лишь разные уровни психического отражения» [2:69], и теории установки – «В противоположность психоанализу, психология установки рассматривает отношения в системе «сознание - бессознательное» не только и не столько в свете идеи антагонизма, сколько в свете неустранимым образом проявляющегося в них синергизма. Ибо, в отличие от психоанализа, психология эта опирается на представление о фундаментальном единстве человеческой личности, выражаемом, как своеобразной моделью, феноменом установки» [7:37].

Согласно А.С. Прангишвили, «существенной предпосылкой «презентирования» объекта осознания следует считать акт объективации» [6:104]. Исходя из теории Д.Н.Узнадзе, связь между неосознаваемым (установочным) и осознаваемым уровнями психической активности и регуляции поведения обеспечивается наличием процесса объективации, включающим дифференциацию субъекта и объекта активности и возможность их представления в качестве объектов сознательной психической направленности. «В свете теории установки Д.Н.Узнадзе акт объективации связан с задержкой реализации установки, вызванной неадекватностью фиксированной и актуализированной установки индивида по отношению к изменившейся ситуации деятельности» [5:92].

Необходимо подчеркнуть, что акт объективации может быть связан не только с задержкой реализации актуализированных фиксированных установок. Это означало бы допущение необходимости наличия предварительного опыта/фиксированных форм установки для возникновения предпосылок сознательного отражения, и тем самым лишило оригинальности узнадзевское понятие установки, заключающееся в положении о первичности установки относительно сознания и опыта. Следует учитывать, что установка «выступает «первичным состоянием» не только по отношению к процессу рефлексии, осознания, объективации, но и по отношению к другим процессам, характеризующим сознательную личность» [6:51]. Важно, что акт объективации может быть связан также с задержкой реализации первичных установок. Также, необходимо учитывать, что объективация может быть обусловлена не только задержкой реализации фиксированной или первичной форм установки, но и с фактом невозможности их

модификации или смены новыми. Речь идёт о формировании первичной или «ситуационной» установки, когда проблема, вызывающая акт объективации, т.е. необходимость создания предпосылок для возникновения и подключения сознательного уровня отражения, может заключаться в отсутствии должной данности/представленности факторов, необходимых для возникновения полностью структурированной первичной установки [3:86]. В конечном счёте, как при задержке реализации существующей фиксированной установки, так и при наличии проблемы связанной с формированием новой, ситуационной установки, акт объективации имеет место в случае невозможности осуществления адаптационной активности, основой для которой и являются упомянутые формы установки.

А.С. Прангишвили пишет - «Возникновение плана сознательной активности обусловлено особенностями действия актуализированных установок, а результаты активности, осуществлённой в плане объективации, в свою очередь, ложатся в основу смены актуализированной установки установкой, соответствующей изменениям в объективных условиях деятельности. Так представляется в свете взаимоотношения двух планов деятельности (плана установки и плана объективации) синергия неосознаваемых и осознанных форм психического отражения...» [5:92]. Именно/собственно в описанных выше двух вариантах - возникновение акта объективации по причине невозможности применения существующей фиксированной установки и проблема формирования первичной установки - наиболее отчётливо проявляется указанная синергия сознательного и неосознанного уровней отражения и регуляции поведения. В этих случаях сознанию представляются как данные прошлого опыта (фиксированная установка), так и специфика настоящей актуальной ситуации (первичная установка на начальной стадии формирования), а сознание в свою очередь обеспечивает установку необходимым для её дальнейшего структурирования специфическим (доступным лишь сознательному плану активности) ресурсом. Необходимо подчеркнуть, что вышесказанное не меняет представления об установке, как о процессе бессознательном, поскольку речь идёт об участии сознания лишь на этапе формирования или «совершенствования» факторов установки т.е. предоставления необходимых предпосылок для её возникновения и, тем самым, обеспечения возможности создания основы для целесообразной деятельности. Правомерность подобного видения подтверждает и следующее положение – установка постоянно «корректируется на основе той информации, которая поступает в порядке обратной связи в результате сознательной активности, развёрнутой в плане объективации» [6:106].

Рассмотренные выше закономерности большей частью относятся к необходимости синергии неосознаваемого и осознанного планов психического отражения с точки зрения их взаимообуславливания и взаимодополнения при формировании и функционировании психических образований. В следующем фрагменте текста речь пойдёт о синергии сознательного и неосознанного уровней регуляции поведения. Указанная тема будет рассмотрена на примере нормативного и девиантного поведения.

Известно, что согласно теории Д.Н.Узнадзе психической основой активности любого уровня признается установка. Как было отмечено, одной из её форм является первичная или ситуационная установка, которая прекращает существование по мере того как теряют актуальность факторы, составляющие её структуру. Другую форму установки представляют закреплённые на основании прошлого опыта психические образования – фиксированные установки. Активность личностного уровня, на котором осуществляется нормативное поведение, предполагает существование особой разновидности фиксированной установки – «диспозиционной». Не вдаваясь (учитывая формат данного текста) в дискуссию относительно целесообразности наименования, укажем специфические характеристики подразумеваемых нами установок, условно обозначая их диспозиционными: 1. перманентная актуальность; 2. способность самоактуализации (относительная независимость от внешней стимуляции); 3. чрезвычайно широкий спектр явлений, на который они влияют и 4. которые способны их актуализировать; 5. ориентированность на социальные ценности; 6. высокая степень стабильности и устойчивости; 7. константность. Энергетическое обеспечение подобных установок практически неиссякаема, поскольку оно независимо от актуальности и удовлетворенности конкретной единичной потребности; основу подобного типа установок составляют интернализированные и инкорпорированные в структуру установки социальные ценности, поэтому «удовлетворение» состоит в постоянной реализации установки посредством активности, направленной на реализацию ценностей и не имеет конечной точки окончательной и полной удовлетворенности [3:92]. Исходя из вышеизложенного, в случае диспозиционных установок не существуют состояния их окончательной реализованности, т.е. состояния баланса, понимаемого как статичность/стагнация; состояние равновесия для подобных установок (и субъектов, их носителей) подразумевает пребывание в постоянной динамике, в состоянии непрерывного функционирования. Именно сбой динамики определяет возникновение психического напряжения, т.е. дисбаланса системы, стимулирующего различного рода активность, направленную на его преодоление, в том числе и процесс объективации [3:89].

«Диспозиционные» установки, поскольку им свойственны высокая степень готовности к реализации, открытость/восприимчивость относительно постоянного актуализирующего воздействия широкого диапазона стимулов (релевантных интернализированным в структуру

установки ценностям) и благодаря системной энергетической сетевой поддержке родственных по ориентации установок, практически не нуждаются во внешних стимулах. Поводом для их реактуализации служит сам факт задержки их реализации, нарушающий динамическое равновесие. Подобные установки можно считать фактически самоактуализирующимися, в смысле автономности, отсутствия необходимости в непосредственной (здесь - актуальная потребность; реальная ситуация) и специальной (точно соответствующей первообразующим факторам) стимуляции.

Несмотря на высокую степень стабильности и устойчивости, диспозиционные установки могут быть подвержены целенаправленным изменениям, поскольку в формировании установок лежащих в основе просоциальной, соответствующей социальным нормам, активности принимают участие высшие психические функции. С участием мышления и воли происходит постоянное формирование новых ситуационных установок с привлечением и дальнейшей модификацией фиксированных установок. Для личностного уровня организации человеческой системы свойственно: 1. умышленное, произвольное провоцирование вызовов, т.е. нарушений равновесия путём непрерывной постановки задач более высокого уровня сложности и формирования соответствующих целей, а также 2. осознанное участие в создании условий для модификации или формирования новых, соответствующих задачам, установок. С точки зрения специфики структуры установки, речь идёт о возможности формирования установки с использованием в качестве структурообразующих факторов предвосхищаемых, перспективных, ожидаемых и валентных явлений и состояний, представленных лишь в идеальном плане (имеется в виду версия мотивационной модели ожидаемой ценности, когда в роли мотива выступает тот результат, ради которого была соблюдена норма) [3:92]. Понятно, что формирование подобных установок возможно лишь посредством вовлечения осознанного уровня отражения. Сформированные указанным способом первичные установки, обеспечивающие нормативность поведения, при определённых условиях фиксируются и продолжают существование в виде неосознанных психических образований, не требуя в дальнейшем сознательного вмешательства для обусловливания соответствия активности ранее запечатленным нормативным паттернам.

Выше речь шла о самоактивности личности, в частности, об её участии в формировании системы диспозиционных установок, определяющей индивидуальность поведения. В рассмотренном варианте самоактивность заключается в осознанном провоцировании мотивирующего дисбаланса и соответствующей психической напряженности и тем самым, стимулировании её реализации в активности направленной на восстановление равновесия. Как было отмечено, состояние равновесия подобных установок заключается в постоянной их динамике, в функционировании, реализации. Именно постоянная смена противоположных состояний баланса и дисбаланса представляет собой то желаемое, естественное состояние динамического равновесия, стремление сохранения которого воздействует на субъекта и для достижения которого осуществляется самоактивность.

Отсутствие установок описанного вида, или недостаточно высокий показатель их характеристик определяет нарушение нормативной активности и возникновение риска девиантного поведения. Для создания контекста используем фрагмент из текста А.С.Прангишвили – установка, как «единица динамической структуры целостно-личностного измерения...проявляет себя как барьер, противостоящий аморальным поступкам личности в состоянии гипнотического сна, и как начало, обеспечивающее сохранение идентичности личности при моментальном характере выключения сознания...» [6:51]. Упомянутый риск возникает, поскольку отсутствует система возможностей в виде фиксированных установок, способных обусловить соответствующее нормативное поведение, а также отсутствует организующее индивидуальное личностное начало, которое бы обеспечило заданное структурирование и организацию указанных возможностей, повышение степени их готовности и реализацию. Речь идёт о необходимости наличия субъекта активности, который должен характеризоваться следующим:

1. (а) способностью «целеподчинённого» [1:4] нарушения существующего психического равновесия, исходя из нужд/запросов социальной среды; (б) способностью формирования установок вышеописанного диспозиционного типа на основе перспективных ожидаемых «результатов» реализации социальных ценностей; (г) высокой степенью обладания навыками регулирования импульсивного (установочного) плана активности посредством осознанного, в том числе волевого уровня регуляции. Наличие перечисленных качеств обуславливает высокую степень прогнозируемости социальных субъектов и уверенности в нормативности их активности. Данные характеристики определяют формирование высокого уровня когнитивной формы социального капитала – социального доверия, что, в свою очередь, способствует дальнейшей социальной интеграции, и тем самым, продвижению процесса социализации, создающего оптимальные условия для интернализации нормативных социальных установок.

2. Достаточным сформировавшимся ресурсом психической регуляции неосознаваемого уровня – имеется в виду наличие системы диспозиционных установок, готовых к самоактуализации, способных на инициацию и регулирование активности. Стабильные, устойчивые, находящиеся в постоянной динамике движения в направлении реализации социальных ценностей диспозиционные установки (понимаемые Узнадзе, как «модус субъекта

в каждый дискретный момент деятельности»; всеохватывающее целостное состояние) препятствуют формированию или актуализации несоответствующих им «ненормативных» установок. Описанный механизм участвует в превенции девиантного поведения, поскольку блокирует возможность формирования установок, необходимых для его осуществления, определяя как-бы резистентность относительно ненормативного.

Учитывая вышеизложенное, можно заключить, что для осуществления направленной на воплощение социальных ценностей активности, в том числе нормативного поведения, обязательными условиями являются:

1. наличие бессознательных установок, постоянно стремящихся к реализации, принимающих участие в образовании сознания, определяя его содержание, а также направленность процессов сознания и деятельности - в рассмотренном случае, на реализацию социальных ценностей и обеспечивающих регуляцию и стабильность поведения.

2. вовлечённость осознаваемых форм психической активности, направленных на обеспечение условий (при внешних, «средовых» помехах реализации – «объективация предметная» [4:122]) или возможностей (провоцирование мотивирующего дисбаланса посредством «презентации» субъекту расхождений между наличным и желательным бытием, или же, реальным и идеальным «Я» - объективация «внутренних» препятствий активности [4:128]) реализации «нормативных установок», приобретённых в процессе социализации. Функция осознанных психических процессов, в данном случае, состоит в предоставлении дополнительного, доступного лишь этому уровню отражения, материала и психических возможностей для формирования и корригирования установок.

Синергия неосознанного и сознательного уровней регуляции активности является необходимым условием для обеспечения нормативности поведения и предотвращения девиаций. Установочные и сознательные механизмы регуляции взаимодополняют и «подстраховывают» друг-друга в неординарных условиях среды, тем самым обеспечивая стабильность и адаптивность нормативного поведения. В данном контексте девиация может быть рассмотрена как чрезвычайный, аварийный вариант поведения в случае необходимости её применения как инструмента адаптации. Данная необходимость возникает при отсутствии в арсенале социальных субъектов адекватных инструментов «нормативной» адаптации, в том числе фиксированных установок. Таким образом, девиация может быть связана с вопросами (а) неспособности формирования специфических первичных установок с применением данных лишь проспективно, в плане идеального, результатов реализации социальных ценностей, что свидетельствует о недостаточном уровне развития сознательного, в том числе морального, уровня отражения и регуляции, (б) отсутствия или недостаточной актуальности диспозиционных установок по причине малой степени их фиксированности, исходя из придаваемой им субъектом активности низкой личностной ценности, (г) особенностей социальной среды, неблагоприятной для создания новых, социально ориентированных установок или усвоения и фиксации существующих социальных установок. Успешная социализация подразумевает образование единой структуры личности - сбалансированное, параллельное формирование обоих уровней отражения и регуляции активности, создание благоприятных условий для осуществления оптимально уравновешенной комбинации социальной интеграции и социального контроля и, тем самым, обеспечение предпосылок для стабильности, безопасности и устойчивого развития личности и общества.

Литература

1. Леонтьев А. Н. Воля. Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 14, Психология. 1993. № 2
2. Леонтьев А.Н. «Вопросы философии» №5,1974
3. Надареишвили В.Г. Личность и нормативное поведение. «Психология» т. XXII Тб. 2010
4. Надирашвили Ш.А. Психология установки, т.2. Тб. 1985
5. Прангишвили А.С. Бессознательное (монография), т.1 «Мецниереба» Тб.1978
6. Прангишвили А.С. Психологические очерки. «Мецниереба» Тб.1975
7. Шерозия А.Е. Бессознательное (монография), т.1 «Мецниереба» Тб.1978

УДК 159.9(075.8)

Роль особистісних настанов у формуванні емоційного інтелекту як чесноти

Носенко Е.Л., Четверик-Бурчак А.І.

Обґрунтовано новий підхід до визначення емоційного інтелекту як форми прояву людиною емоційної розумності, що породжується системою її особистісних настанов і надає поведінці ознак доброчинності. Розглянуто результати пошукового емпіричного дослідження, яке продемонстрували, що із зростанням рівня сформованості позитивних настанов людина проявляє більш високий рівень емоційної розумності, психологічного благополуччя при одночасному зменшенні у поведінці ознак дії «темних» рис особистості: макиавеллізму, депресії, істерії тощо.

Ключові слова: емоційний інтелект, емоційна розумність, доброчинна поведінка.

Обоснован новый подход к определению эмоционального интеллекта как формы проявления субъектом эмоциональной разумности, которая порождается системой его личностных установок и придает поведению признаки добродетельности. Рассмотрены результаты поискового эмпирического исследования, которые продемонстрировали, что с ростом уровня сформированности позитивных установок субъект проявляет более высокий уровень эмоциональной разумности, психологического благополучия при одновременном уменьшении признаков наличия у него «темных» черт личности: макиавеллизма, психопатии и др.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, эмоциональная разумность, добродетельное поведение.

A new approach to defining emotional intelligence is substantiated, which interprets the phenomenon as a form of manifestation of the emotionally wise behavior, engendered by a system of personality sets, which imparts to the behavior the virtuous characteristic features. The results of an exploratory empirical research are presented, that demonstrate that with the growth of the level of development of the personality values behavior becomes more emotionally wise and the person experiences higher psychological well-being and lower signs of psychopathological symptoms.

Keywords: emotional intelligence, emotionally wise behavior, virtuous behavior.

Біля 2300 років тому Аристотель на підставі спостережень за проявами людських емоцій у різноманітних ситуаціях життєдіяльності зробив психологічно проникливе зауваження, що емоції можуть переживатись людиною як надмірно інтенсивно, так і занадто невиразно, що в обох випадках не добре, проте відчуті і проявити емоцію у відповідний час і відповідному місці, по відношенню до об'єктів та людей, які на це заслуговують, керуючись при цьому гідними мотивами і виражаючи емоцію стримано і у найкращій спосіб, – це ознака чеснотності. Автор передмови до останньої монографії з проблем емоційного інтелекту, за якою ми цитуємо у вільному перекладі на українську мову це спостереження Аристотеля [6], Дж. Аверилл додав до висловлювання видатного філософа, що його можна вважати цілком адекватним визначенням змісту емоційного інтелекту.

Хоча у новітніх публікаціях з проблем чеснот, емоційний інтелект поки ще не згадувався як вірогідна форма прояву у поведінці людини притаманних їй ознак чеснотності, з таким трактуванням цього феномену можна цілком погодитись.

Емоційний інтелект як інтегративна динамічна властивість особистості був ідентифікований як окремий психологічний конструкт лише 20 років тому. Конструкт є настільки широким за змістом, що й досі не ясно, які властивості особистості можна вважати центральними для нього.

Найбільш поширеними на сьогоднішній день є кілька моделей емоційного інтелекту, з урахуванням вихідних положень яких він вимірюється за допомогою відповідних психологічних тестів. До складу цих моделей відносять найбільш ранню модель здібностей [4], у межах якої емоційний інтелект розглядають як спроможність людини ідентифікувати емоції, сприймати їх зміст, обмірковувати і регулювати емоції. У межах змішаних моделей [2;3] розглядаються як здібності, так і компетентності та особистісні властивості, що формуються в процесі життєдіяльності і адаптації до змінюваних умов.

Диспозиційна модель емоційного інтелекту побудована на обґрунтуванні ролі п'яти глобальних рис особистості у зумовленні, в залежності від рівня розвиненості цих рис, – емоційно розумної поведінки людини [5]. Розробка психодіагностичних засобів на підставі цих моделей все ще залишається складним завданням, оскільки не виокремлено провідну ознаку поведінки емоційно розумної людини.

Постановка проблеми. Адекватне визначення рівня сформованості емоційного інтелекту як основи для його подальшого розвитку і саморозвитку можливе на підставі акумулювання у систему існуючих уявлень про психологічні ознаки феномену положення про провідну роль особистісних настанов у породженні емоційно розумної поведінки як системоутворюючого фактору.

Мета статті. На підставі стислого аналізу наведених авторами теоретичних й емпіричних досліджень з проблеми визначення психологічних критеріїв оцінки рівня сформованості емоційного інтелекту обґрунтувати й емпірично перевірити роль особистісних настанов у породженні емоційно розумної поведінки людини як суб'єкта життєдіяльності.

Завдання дослідження, результати якого викладено у статті.

1. Обґрунтувати з урахуванням психологічного принципу єдності внутрішнього і зовнішнього у детермінації психічного трьохкомпонентну модель рівнів сформованості емоційної розумності людини, найвищому з яких відповідає чеснотнісна поведінка, що спрямовується сформованою в суб'єкта системою настанов.

2. Проілюструвати адекватність моделі результатами емпіричного дослідження.

Основні положення рівневого підходу до визначення емоційного інтелекту як чеснотнісної інтегральної властивості особистості.

Попередні теоретичні дослідження авторів з обраної проблеми [1] дозволили запропонувати наступні положення відносно провідної ролі внутрішніх факторів, зокрема особистісних настанов у зумовленні емоційно розумової поведінки в процесі життєдіяльності.

У структурі внутрішнього світу особистості емоційний інтелект відіграє роль аспекту, що відбиває міру розумності ставлення людини до світу, до інших та до себе як суб'єкта життєдіяльності.

Із позицій когнітивно-експерієнціальної теорії внутрішнього світу особистості зміст «емоційного інтелекту» можна розглядати як форму виявлення позитивного ставлення людини до світу (оцінки його як такого, у якому людина може здійснювати успішну життєдіяльність); до інших (як гідних доброзичливого ставлення); до себе (як спроможного самостійно визначати цілі власної життєдіяльності й активно діяти у напрямку їх здійснення; як гідного самоповаги). Такий погляд на емоційний інтелект передбачає притаманність йому ознак чеснотності.

З урахуванням провідного принципу вітчизняної психології – єдності внутрішнього і зовнішнього у детермінації психічного можна пояснити механізм динамічної взаємодії емоційного компонента з інтелектуальним, що забезпечує єдність внутрішнього і зовнішнього в детермінації характеру емоційного реагування. Емоційний інтелект як складова внутрішнього світу особистості відповідає вищому рівню функціонування суб'єкта життєдіяльності, провідною ознакою якого можна вважати внутрішню мотивацію емоційного реагування як такий тип детермінації поведінки, при якому ініціюючий і регулюючий його фактори впливають з внутрішнього «Я» і повністю знаходяться всередині самого поведінки.

Як встановлено, виявлення емоційного інтелекту опосередковано внутрішніми (онтологічними і феноменологічними) ознаками особистості. В якості онтологічних (сутнісних) ознак можна розглядати чотири з п'яти глобальних факторів особистості, а саме: емоційну стійкість, сумлінність, доброзичливість (готовність до прийняття людей такими, як вони є), відкритість новому досвіду, яким приписується роль диспозиційних компонентів емоційного інтелекту. Особистісний фактор «сумлінність» сприяє (якщо сумлінність є високою), або заважає (якщо низькою) виявленню внутрішньоособистісного емоційного інтелекту, одним із провідних компонентів якого є здатність до самомотивування, наполегливість і методичність у здійсненні діяльності. Фактор доброзичливості (гнучкість у спілкуванні) сприяє підтриманню дружніх стосунків з іншими людьми і тому може вважатися провідним диспозиційним фактором виявлення людиною у спілкуванні міжособистісного емоційного інтелекту (за ознаками емпатії, комунікабельності, товаришкості та ін.). Фактори «великої п'ятірки» – емоційна стійкість і відкритість новому досвіду – сприяють (якщо вони мають високі рівні розвитку) формуванню і виявленню як міжособистісного, так і внутрішньоособистісного підвидів інтелекту. Усі зазначені фактори особистості мають відношення до емоційного аспекту функціонування особистості, оскільки виконують, як встановлено, безпосередньо або опосередковано стресозахисну та адаптивну функції.

Як феноменологічні ознаки суб'єктивного світу людини, опосередковуючі зовнішнє виявлення емоційного інтелекту, пропонується розглядати на рівні індивідуальних уявлень про порядок у світі також цінності, настанови, ідеали й досвід суб'єкта життєдіяльності, що виявляється у навичках самоконтролю, пластичності у спілкуванні, рівні тривожності.

Інтегрованим відображенням внутрішніх детермінант емоційного інтелекту у свідомості людини можна вважати почуття психологічного благополуччя, у формі якого фіксується позитивне ставлення індивідуума до себе як суб'єкта життєдіяльності. Крім цього, формою внутрішньої оцінки ставлення індивідуума до оточуючого світу, себе як суб'єкта діяльності і спілкування є також самооцінка, яку можна вважати диференційованою формою відображення внутрішньоособистісних факторів емоційного

інтелекту (самооцінку можна здійснювати по відношенню до власного ума, характеру, здоров'я, щастя).

Ще одною формою відображення у свідомості людини рівня розвитку емоційного інтелекту можна розглядати вибір долаючих стратегій поведінки в критичних ситуаціях життєдіяльності і спілкування, адже домінування тих чи інших стратегій психологічного подолання відбиває відповідні аспекти внутрішнього суб'єктивного світу особистості.

Зовнішні аспекти прояву емоційного інтелекту теж мають рівневу структуру: їх внутрішнім компонентом можна вважати характер мотивації діяльності (внутрішня або зовнішня), характер контролю (інтернальний, екстернальний), характер вибору актів поведінки: а) з широкими можливостями, не диференційованими суб'єктами; б) з можливостями для себе; в) з можливими альтернативами поведінки. Зазначені аспекти відбивають феноменологічний рівень зовнішнього або внутрішній компонент зовнішнього. Як головну структурну одиницю емоційного інтелекту на рівні аналізу його зовнішніх аспектів можна розглядати перебіг емоційного процесу (це можуть бути як якісні, так і кількісні його характеристики: інтенсивність, частота виникнення емоційних процесів, знак основної емоції, що супроводжує емоційний процес; модальність емоційного процесу; конгруетність/неконгруетність модальності емоційного процесу ситуаційним подразникам тощо).

Найнижчому рівню сформованості емоційного інтелекту відповідає здійснення емоційного реагування по механізму умовного рефлексу (реактивна дія); ініціювання активності на сенсорно-перцептивному рівні; здійснення активності з переважанням зовнішніх компонентів над внутрішніми, на низькому рівні її усвідомлення, при низькому виявленні самоконтролю, з високою ситуативною зумовленістю.

Середньому рівню сформованості емоційного інтелекту відповідає здійснення зовнішньої активності (діяльності, спілкування) довільно, напідставі уявлень (мислення), із застосуванням певних вольових зусиль, що відповідним чином відбиватиметься у свідомості на рівні емоційних переживань; переважання внутрішнього над зовнішнім; високий рівень виявлення самоконтролю; поєднання у подолаючій поведінці стратегії концентрації на задачі зі стратегією емоційного реагування, з відбиттям на рівні відчуття психологічного благополуччя позитивного ставлення до себе як суб'єкта життєдіяльності та спілкування. Для цього рівня сформованості емоційного інтелекту характерним є також і високий рівень самооцінки суб'єкта. Це специфічна усвідомлення суб'єктом власного емоційного інтелекту.

Найвищий рівень сформованості емоційного інтелекту відповідає, як ми обґрунтували теоретично і довели в процесі емпіричного дослідження, найвищому рівню розвитку внутрішнього світу людини. Він базується на наявності у суб'єкта відповідних настанов щодо можливих для нього особисто альтернатив поведінки у конкретних ситуаціях життєдіяльності. Ці настанови відбивають індивідуальну систему цінностей суб'єкта, яка чітко усвідомлена ним. Активність зароджується на рівні уявлень людини про те, як треба поводитись у цілому класі подібних ситуацій життєдіяльності, які свідчать про наявність у нього системи знань про розумну особистісну поведінку. Такий етап розвитку емоційного інтелекту характеризується гармонійним співвіднесенням внутрішнього і зовнішнього, бо людина відчуває себе звільненою від безпосередніх ситуаційних вимог. Вибір характеру поведінки, адекватного ситуації, здійснюється нею без надмірних зусиль волі, бо він відбиває систему соціальних навиків, які сформувались під впливом переконань на рівні свідомості. Мотивування такої поведінки здійснюється суб'єктом не ззовні, а із середини. Достатній рівень самоконтролю має інтернальний локус і людина у зовнішній поведінці виявляє досить помірний рівень чутливості до можливих емоціогенних подразників та інтенсивності реагування на них. Самооцінка суб'єкта, який володіє високим рівнем емоційного інтелекту, то вона є досить високою у всіх аспектах її виявлення. Людина відчуває також досить високий рівень психологічного благополуччя як форми відбиття у свідомості власного оцінювання адекватності своєї поведінки уявлення про те, як її треба здійснювати розумно у гармонії з іншими людьми. В цьому виявляється стресозахисна і адаптивна функції емоційного інтелекту.

Людина з високим рівнем емоційного інтелекту відчуває певну незалежність від ситуації вибору стратегій долаючої поведінки, ці стратегії базуються на настановах, які сформувались і закріпились у досвіді. У суб'єктів з високим рівнем сформування емоційного інтелекту різні форми долаючої поведінки, у тому числі і запобігання певних ситуацій представлені рівномірно у гармонійному поєднанні з загальним переважанням найбільш продуктивної з них – концентрації на задачі.

Емпірична перевірка провідної ролі особистісних настанов у детермінації емоційно-розумної поведінки.

Для перевірки гіпотези щодо з можливості надання особистісним настановам

ролі провідного фактора у зумовленні етичного привабливості емоційного інтелекту як диспозиції до дії, диспозиції до переживання позитивних почуттів, бажань і мотивації поведінки (у відповідності з Аристотелевською концепцією чеснот) ми провели експлораторне емпіричне дослідження на вибірці 68 осіб – молодих людей, з вищою освітою у віці від 22 до 35 років.

Вибірка була розподілена методом кластерного аналізу (алгоритм К-середніх) за ознаками рівня сформованості смисло-життєвих орієнтацій на три групи, які статистично значуще відрізнялись за показниками всіх шкал опитувальника СЖО, а саме: наявності цілей у житті, емоційної насиченості життя, задоволення самореалізацією, локусу контролю Я, відчуття керованості життя і узагальненого показника осмисленості життя.

Міжкластерні розбіжності у показниках цих ознак, які ми розглядали як позитивні ознаки особистісних настанов, що надають поведінці людини характеристики чеснотності, наведені на рис. 1. та у таблиці 1. Усі три кластери відрізняються при їх попарному порівнянні за t-критерієм Стьюдента на статистично значущому рівні.

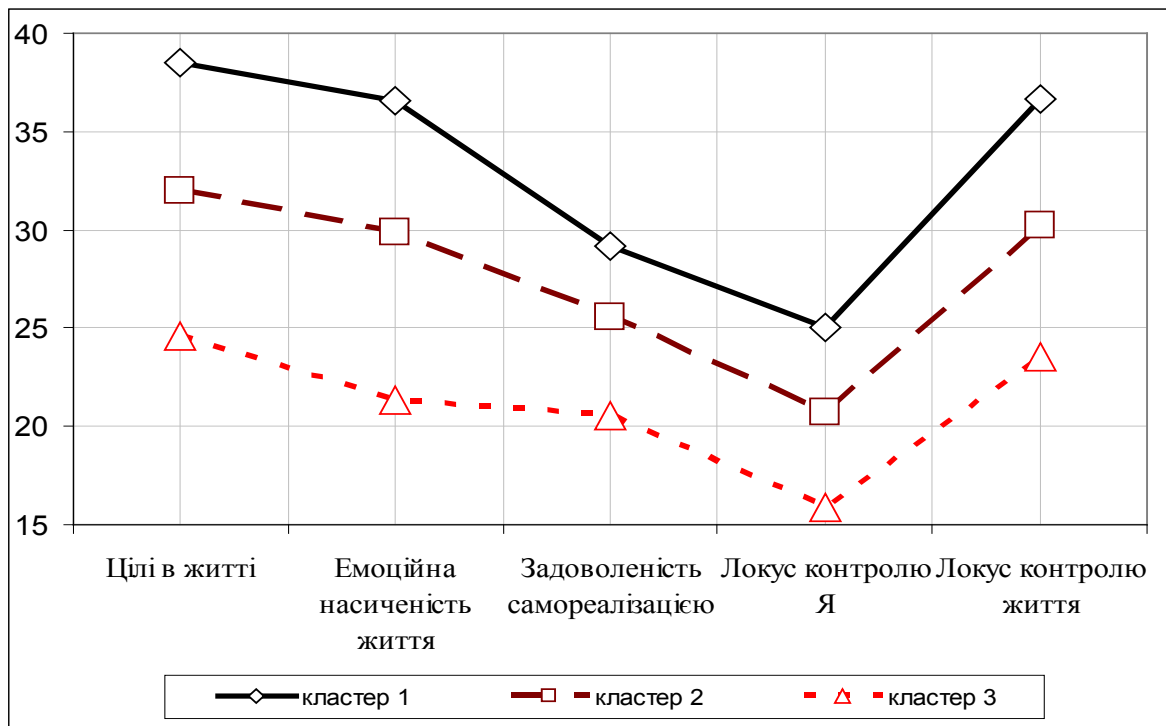

Рис. 1. Розбіжності між показниками смисло-життєвих орієнтацій досліджуваних обраної вибірки.

Таблиця 1

Порівняльні характеристики особистісних показників смисло-життєвих орієнтацій досліджуваних та розбіжностей між ними

а) кластери 1 - 3

Назви тестів та їх шкал		Усереднені величини показників		Величина показника t-критерію Стьюдента	p
		Кластер 1	Кластер 3		
Тест смисло-життєвих орієнтацій	Цілі в житті	38,52632	24,625	9,50971	5,6E-11
	Емоційна насиченість життя	36,52632	21,375	12,11254	1,1E-13
	Задоволеність самореалізацією	29,21053	20,5625	8,581418	6,4E-10
	Локус контролю Я	25,05263	15,875	12,18148	9,3E-14
	Локус контролю життя	36,63158	23,5	11,39841	5,5E-13
	Загальний рівень	122,1053	79,375	13,94943	2,2E-15

б) кластери 2 - 3

Назви тестів та їх шкал		Усереднені величини показників		Величина показника t- критерію Стьюдента	p
		Кластер 2	Кластер3		
Тест смисло-життєвих орієнтацій	Цілі в житті	32	24,625	5,44621	1,9E-06
	Емоційна насиченість життя	29,90625	21,375	9,194088	5,5E-12
	Задоволеність самореалізацією	25,5625	20,5625	5,245503	3,8E-06
	Локус контролю Я	20,71875	15,875	6,651287	3E-08
	Локус контролю життя	30,25	23,5	7,111904	6,2E-09
	Загальний рівень	101,5	79,375	9,139049	6,6E-12

Полярні кластери 1 і 3 відрізняються також за показниками рівня сформованості емоційного інтелекту (тест ЕМІН). Кластер 2, який має середні показники за цим тестом, теж відрізняється значуще від кластера 3 з найнижчими показниками смисложиттєвих орієнтацій (див. табл.2).

Таблиця 2

Міжкластерні розбіжності у рівнях емоційного інтелекту

а) кластери 1 - 3

Назви тестів та їх шкал		Усереднені величини показників		Величина показника t- критерію Стьюдента	p
		Кластер 1	Кластер3		
ЕМІН	Розуміння емоцій інших	35,15789	29,5	4,298763	0,00014
	Керування емоціями інших	31,05263	26,75	4,91173	2,4E-05
	Розуміння власних емоцій	30,63158	26,125	5,118739	1,3E-05
	Керування власними емоціями	22	17,9375	4,032304	0,00031
	Контроль експресії	18,89474	16,875	2,351033	0,02485

б) кластери 2 - 3

Назви тестів та їх шкал		Усереднені величини показників		Величина показника t- критерію Стьюдента	p
		Кластер 2	Кластер3		
ЕМІН	Розуміння емоцій інших	34,25	29,5	4,454201	5,3E-05
	Керування емоціями інших	29,90625	26,75	3,357071	0,00159
	Розуміння власних емоцій	30,0625	26,125	4,330634	8E-05
	Керування власними емоціями	20,71875	17,9375	3,480002	0,00111
	Контроль експресії	18,89474	16,875	2,351033	0,33376

Значущі розбіжності між 1 і 3 та 2 і 3 кластерами встановлено також за шкалами психологічного благополуччя, оцінка самоконтролю у спілкуванні, диспозиційними ознаками емоційного інтелекту, виміряними за показниками п'яти глобальних рис особистості (див. табл. 3).

Таблиця 3

Міжкластерні розбіжності за шкалами психологічного благополуччя

а) кластери 1 - 3

Назви тестів та їх шкал		Усереднені величини показників		Величина показника t- критерію Стьюдента	p
		Кластер 1	Кластер3		
Тест психологічного благополуччя	Позитивні відношення з оточуючими	66,21053	54,5	4,970265	2E-05
	Автономія	61,15789	54	3,347512	0,00205
	Екологічна майстерність	62,57895	52,375	4,729203	4,1E-05
	Особистісне зростання	61,84211	55,375	2,861265	0,00727
	Наявність мети в житті	68,26316	55,8125	5,420741	5,3E-06
	Самовдосконалення	64,73684	49,6875	7,015115	5E-08

б) кластери 2 - 3

Назви тестів та їх шкал		Усереднені величини показників		Величина показника t- критерію Стьюдента	p
		Кластер 2	Кластер3		
Тест психологічного благополуччя	Позитивні відношення з оточуючими	60,5	54,5	2,143087	0,03743
	Автономія	57,53125	54	1,33677	0,18787
	Екологічна майстерність	58,21875	52,375	3,072267	0,00356
	Особистісне зростання	59,9375	55,375	2,618531	0,01192
	Наявність мети в житті	62,90625	55,8125	3,45607	0,00119
	Самовдосконалення	59,03125	49,6875	4,568597	3,7E-05

Переконаливими аргументом на користь гіпотези відносно того, що наявність у людини високого рівня сформованості позитивних настанов зумовлює гуманізуючий вплив на особистість, підвищує рівень її добротності, є те, що кластери, які статистично значуще відрізнялись за показниками тесту СЖО і мали статистично більш низькі психопатичні ознаки (табл. 4), зокрема депресії, істерії, психастенії, шизоїдності, іпохондрії (за відповідною шкалою ММРІ), а також показники макіавеллізму при статистично більш високих рівнях задоволення життям, самооцінки, суб'єктивного благополуччя.

Таблиця 4

Міжкластерні розбіжності за показниками психопатичних ознак

а) кластери 1 - 3

Назви тестів та їх шкал		Усереднені величини показників		Величина показника t- критерію Стьюдента	p
		Кластер 1	Кластер3		
Міні-мульт	Іпохондрія	6,842105	9,625	-4,22632	0,00018
	Депресія	4,210526	9,0625	-7,434102	1,5E-08
	Істерія	8,578947	12,0625	-4,698364	4,5E-05
	Психопатія	8,578947	11,8125	-3,860709	0,0005
	Паранояльність	3	5,25	-3,434707	0,00162
	Психастенія	12,68421	16,25	-4,536278	7,2E-05
	Шизоїдність	11,94737	15,0625	-4,170926	0,00021
	Гипотонія	5,842105	6,25	-0,72183	0,47548

б) кластери 2 - 3

Назви тестів та їх шкал		Усереднені величини показників		Величина показника t- критерію Стьюдента	p
		Кластер 2	Кластер 3		
Міні-мульт	Іпохондрія	7,5	9,625	-2,978513	0,00461
	Депресія	6,3125	9,0625	-3,98375	0,00024
	Істерія	9,96875	12,0625	-2,60939	0,0122
	Психопатія	9,5	11,8125	-3,673542	0,00062
	Паранояльність	3,28125	5,25	-3,543418	0,00092
	Психастенія	13,96875	16,25	-2,947241	0,00502
	Шизоїдність	13,0625	15,0625	-2,753789	0,00841
	Гіпотонія	6,78125	6,25	1,000038	0,32252

Висновки.

Зараз не існує узгодженого погляду на зміст феномена «емоційний інтелект», проте запропоновані різними авторами підходи до його визначення доповнюють один одного і розширюють можливості практичного застосування знань про цей новий конструкт для підвищення рівня емоційної розумності людини. Результати розглянутого у статті дослідження розширюють концептуальну базу феномена і відкривають перспективи його операціоналізації як інтегративної властивості особистості, формування якої може сприяти гуманізації особистості, підвищенню її доброчинності, психологічного благополуччя, задоволення життям і психічного здоров'я.

Література

1. Носенко, Е. Л. Емоційний інтелект: концептуалізація феномену, основні функції [Текст] / Е. Л. Носенко, Н. В. Коврига. – К.: Вища шк., 2003. – 126 с.
2. Bar-On, R. Bar-On Emotional Quotient Inventory (Eq-i) / Technical manual [Текст] / R. Bar-On. – Toronto: Multi-Health Systems, 1997.
3. Goleman, D. Emotional Intelligence [Текст] / D. Goleman. – NY: Bantam books, 1995. – 352 p.
4. Mayer, J. D. Emotional intelligence and the construction and regulation of feelings [Текст] / J. D. Mayer, P. Salovey // Applied and Preventive Psychology. – 1995. – Vol. 4. – P. 197–208.
5. Petrides, K. V., Furnham A. Trait Emotional Intelligence: Psychometric Established Trait Taxonomies [Текст] / K. V. Petrides, A. Furnham // European Journal of Personality. – 2001. – Vol. 15. – P. 425–448.
6. Zeidner, M., Matthews G., Roberts R.D. What we know about Emotional Intelligence. How it Affects Learning, Work, Relationships and our Mental Health [Текст] / M. Zeidner, G. Matthews G. – Massachusetts, Institute of Technology, 2009. – 442 с.

УДК 159.923

Взаємозв'язок життєстійкості, копінг – стратегій та психологічного благополуччя

Олефір В.О.

У дослідженні (N = 168) показано, що копінг-стратегії є своєрідним медіатором, через який глибинний психологічний конструкт життєстійкості забезпечує саморегуляцію поведінки в стресовій ситуації і психологічне благополуччя особистості. Отримана структурна модель, що зв'язує конструкт життєстійкості, копінг-стратегії і психологічне благополуччя. Модель має гарну відповідність спостережуваним даним.

Ключові слова: життєстійкість, копінг-стратегії, психологічне благополуччя.

В исследовании (N = 168) показано, что копинг-стратегии являются своеобразным медиатором, через который глубинный психологический конструкт жизнестойкость обеспечивает саморегуляцию поведения в стрессовой ситуации и психологическое благополучие личности. Получена структурная модель, связывающая конструкт жизнестойкость, копинг-стратегии и психологическое благополучие. Модель имеет хорошее соответствие наблюдаемым данным.

Ключевые слова: жизнестойкость, копинг-стратегии, психологическое благополучие.

In a study (N = 168) showed that coping strategies are a kind of mediator through which the deep psychological construct of resilience provides a self-regulating behavior in a stressful situation and psychological well-being of the individual. Obtained a structural model that relates the construct of resilience, coping strategies and psychological well-being. The model has good agreement with observed data.

Keywords: hardiness, coping strategies, psychological well-being.

Постановка проблеми. У своїй оригінальній теорії установки Д. М. Узнадзе стверджував, що поведінка визначається середовищем. Проте це відбувається опосередковано, через суб'єкта, у якого середовище викликає від-повідну ситуацію установку, а ця остання призводить до поведінки, як своєї реалізації. Поведінка безпосередньо визначається установкою, що є безпосередньою причиною її виникнення. Специфічний стан, що виникає у суб'єкта під впливом об'єктивної ситуації задоволення потреби, Д. М. Узнадзе і назвав установкою [6].

Нині поняття «установка» як визначається як «... деякий поведінковий стереотип (регулятивний автоматизм), який забезпечує пристосовний ефект у рамках певної ситуації при мінімумі пізнавальної активності (орієнтування)» [7, с. 57]. Ситуаційно-залежна установка (диспозиція), визначається як схильність (готовність) до певної поведінки в певному класі ситуацій, сьогодні прийшла на зміну терміну «особистісна риса».

Характерною прикметою сучасної психології є вивчення позитивного функціонування людини. До числа найбільш важливих понять, які його харак-теризують, можна віднести поняття життєстійкості («hardiness»), копінг-стратегій та психологічного благополуччя.

Психологічне благополуччя, життєстійкість та копінг представляють собою систему стійких позитивних рис особистості, що розуміються як ресурси особистості, які сприяють успішному пристосуванню людини до навколишнього світу і практичного оволодіння ним, а також виконують важливу буферну функцію, тобто перешкоджають розвитку психічної патології, девіантної пове-дінки, особистісних порушень [15].

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Сучасні дослідження психо-логічного благополуччя базуються на уявленнях про позитивні аспекти функці-онування особистості, розроблені в різних концепціях гуманістично орієтова-них психологів (А. Маслоу, К. Роджерса, Г. Олпорта, К.-Г. Юнга, Е. Еріксона, М. Яхонди), а також спирається на концепції психологічного благополуччя N. Bradburn, моделі суб'єктивного благополуччя E. Diener, теорії самодетерміна-ції R. Ryan та E. Deci.

Значний вклад в розуміння психологічного благополуччя внесли дослі-дження американського психолога Керол Ріфф [6]. Згідно теорії Ріфф, в струк-туру психологічного благополуччя входять 6 характеристик:

- позитивні стосунки — стосунки з іншими, пронизані турботою і довірою;
- компетентність — здатність виконувати вимоги повсякденного життя;
- життєві цілі — наявність цілей і занять, що надають життю сенс;
- особистісне зростання — почуття безперервного розвитку і самореалізації;
- автономність — здібності наслідувати власні переконання.

Можна припустити, що кожен з цих шести компонентів психологічного благополуччя, являючись, по суті, різними аспектами позитивного функціонування особистості, може досягати різної міри вираженості, тим самим, визначаючи унікальну структуру і інтегральний показник психологічного благополуччя людини.

Особистісна характеристика «hardiness», або життєстійкість, запропонована С. Мадді 12, представляє собою систему установок, що мотивують людину перетворювати стресогенні життєві події. Відношення людини до змін, визначають, наскільки особистість здатна упоратися з труднощами і змінами, з якими вона стикається щодня, і з тими, які носять близько екстремальний і екс-тремальний характер.

Першою характеристикою установок «hardy», згідно С. Мадді, являється «залученість»

— важлива характеристика відносно себе і навколишнього світу і характеру взаємодії між ними, яка дає сили і мотивує людину до реалізації, лі-дерства, здорового образу думок і поведінки. Вона дає можливість почувати себе значущою і досить цінною, щоб повністю включитися в рішення життєвих завдань, незважаючи на наявність стресогенних чинників і змін. «Hardy»-установка, умовно названа «контролем», мотивує до пошуку шляхів впливу на результати стресогенних змін, на протидію впадінню в стан безпорадності і пасивності. В протилежність почуттю переляку від цих змін, «hardy»- установка, позначена як «виклик», допомагає людині залишатися відкритою середовищу і суспільству. Вона полягає в сприйнятті особистістю події життя як виклику і випробування самій собі. Таким чином, можна стверджувати, що «hardiness» — це особливий патерн установок і навичок, що опосередковує вплив життєвих стресорів.

Поняття «hardiness» не тотожно поняттю копінг-стратегій, або стратегій оволодіння життєвими труднощами. З точки зору Лазаруса і Фолкман, це стратегії, спрямовані на подолання життєвих труднощів: стратегію конфронтації, стратегію дистанціювання, стратегію самоконтролю, стратегію пошуку соціальної підтримки, стратегію прийняття відповідальності, стратегію уникнення, стратегію планового рішення проблеми і стратегію переоцінки 10. Відмінності між життєстійкістю і копінг-стратегіями полягають в тому, що:

- копінг-стратегії — це прийоми, алгоритми дії, звичні і традиційні для особи, тоді як «hardiness» — риса особистості, установка на виживаність;
- копінг-стратегії можуть набувати як продуктивної, так і непродуктивної форми, навіть вести до регресу, а «hardiness» — риса особистості, що дозволяє справлятися з дистресом ефективно і завжди у напрямі особового зростання.

Це обумовлено і існуючими підходами до дослідження копінг-стратегій. З одного боку, вибір і реалізація копінг-стратегій є психологічним чинником, що впливає на переживання стресу, ефективність діяльності, здоров'я і хвороби. В цьому випадку копінг-стратегії розуміються і досліджуються як повноправні незалежні змінні.

З іншого боку, копінги як патерни поведінки, самі є наслідком інших психологічних чинників і можуть вважатися залежними змінними. Активна зміна стресової ситуації, її позитивна переоцінка свідчать про успішне співвпливння із стресом. Так, згідно С. Мадді, життєстійкість впливає на вибір копінг-стратегій і тільки через них — опосередковано — на ефективність діяльності, здоров'я і хворобу [13].

В ряді робіт приводяться окремі взаємозв'язки між змінними, що розглядаються. Так, ще в дослідженні Р. Маккрая і П. Кости [11] було встановлено, що використання суб'єктивно ефективніших стратегій опанування пов'язане з щастям і задоволеністю життям.

Л. В. Жуковська та Є. Г. Трошихіна, встановлюючи критеріальну валідність, адаптованої ними шкали психологічного благополуччя, повідомляють про тісний зв'язок ($r = 0,57$; $p < 0,001$) між шкалою особистісного росту опитувальника психологічного благополуччя та шкалою ризику опитувальника життєстійкості С. Мадді [1].

В роботі Моос Р.Н., Nolahan С.Д. в якості важливих предикторів психологічного благополуччя в широкому наборі ситуацій розглядалися два типи копінг-стратегій: 1) активні спроби вирішити проблему і 2) спрямовані на відхід, усунення, уникнення проблемної ситуації. Було виявлено, що перші в більшій мірі пов'язані з психологічним здоров'ям і успішною адаптацією до стресору, чим другі [14].

Встановлено, що важливим фактором у покращенні психологічного благополуччя особистості відіграє різноманітність використовуваних нею копінг-стратегій 8; 9. При цьому копінг-стратегії є своєрідним медіатором, через який глибинні психологічні конструкти забезпечують саморегуляцію поведінки в стресовій ситуації [5].

Аналіз приведених досліджень дозволяє поставити мету дослідження, яка полягала в побудові структурної моделі взаємозв'язків життєстійкості з психологічним благополуччям особистості, в якій копінг-стратегії виступають в ролі медіаторів.

Методика

Учасники. У дослідженні взяли участь студенти ВНЗ м. Харкова у кількості 168 чоловік (90 — чоловічої та 78 жіночої статі). Середній вік випробовуваних 21,2 роки ($SD = 2,6$). Тестування проводилося індивідуально.

Процедура. Учасникам було запропоновано відповісти на батарею тест-опитувальників, яка включала:

1. Версію тесту життєстійкості С. Мадді в адаптації Д. О. Леонтьєва, О. І. Рассказової [3]. Чотири показники методики включають загальний бал життєстійкості і бали за трьома субшкалами: залученість (установка на участь в подіях, що відбуваються), контроль (установка на активність по відношенню до подій життя) і прийняття ризику (установка по відношенню до важких або нових ситуацій, коли останні розглядаються як виклики, а також до можливості отримати новий до-свід і чомусь навчитися).

2. Копінг-тест Р. Лазаруса і С. Фолкмана, адаптований Т. Л. Крюковою Е. В. Куфтяк [2]. Методика призначена для визначення копінг-стратегій, спрямованих на подолання життєвих труднощів.

3. Опитувальник «Шкали психологічного благополуччя» К. Ріфф, адаптований Л. А. Пергаменщиком і Н. Н. Лепешинським [4]. Методика дає інформацію про індивідуальну

вираженість основних складових психологічного благополуччя: самоприйняття; позитивні стосунки; компетентність; життєві цілі; особистісне зростання; автономність.

Обробка даних. Для обробки результатів використовувалися методи опи-сової статистики, кореляційний аналіз, а також шляховий аналіз, що є окремим методом структурного моделювання лінійними рівняннями.

Структурне моделювання — метод аналізу даних, що дозволяє будувати і візуалізувати складні системи гіпотез про зв'язки між змінними, як спостережуваними, так і латентними. У його основі лежить система лінійних регресійних рівнянь, що відбивають вклад спостережуваних змінних в дисперсію латентних.

Розрахунки виконувалися в системі STATISTICA 7.0.

Результати

Описові статистики. Аналіз описових статистик показав, що всі змінні, які задіяні у дослідженні мають нормальний розподіл, що підтверджується тес-том Колмогорова-Смірнова. Це є підставою для коректного проведення подальшого аналізу даних, зокрема, методом структурного моделювання.

Кореляційний аналіз. Як і слід було чекати, виявлені статистично значущі кореляції між шкалами опитувальника життєстійкості. Також майже всі шкали опитувальника психологічного благополуччя статистично достовірних взаємозв'язані між собою. Лише шкала Автономії має дуже слабкий зв'язок з шкалами — Позитивні стосунки з іншими ($r = 0,11$; $p < 0,1$) і Самоприйняття ($r = 0,11$; $p < 0,1$) і помірний зв'язок з шкалою Мета життя ($r = 0,19$; $p < 0,05$). Це дозволяє припустити, що ці зв'язки обумовлені латентними (прихованими) факторами — власне життєстійкістю і психологічним благополуччям.

Особливості зв'язків між змінними, що відбивають копінг-стратегії, полягає в тому, що вони утворюють дві кореляційні плеяди. Одна сформована копінгамі — Конфронтація, Дистанціювання і Уникнення (коефіцієнти кореляції коливаються в межах $0,33-0,34$; $p < 0,001$), а інша — копінгамі — Самоконтроль, Соціальна підтримка, Відповідальність, Планування, Позитивна переоцінка (r від $0,18$ до $0,45$; p від $0,05$ до $0,001$). Перша кореляційна плеяда утворена копінгамі, які умовно можна назвати непродуктивні копінгі, а друга утворена відповідно продуктивними копінгамі.

Копінг-стратегія Дистанціювання має статистично достовірні негативні зв'язки із шкалами життєстійкості: Залученістю ($r = -0,19$; $p < 0,05$), Контролем ($r = -0,22$; $p < 0,01$) та Прийняттям ризику ($r = -0,18$; $p < 0,05$). Копінг-стратегія Уникнення також негативно зв'язана із шкалою Залученість тесту життєстійкості ($r = -0,30$; $p < 0,001$), Контролем ($r = -0,41$; $p < 0,001$) та Прийняттям ризику ($r = -0,30$; $p < 0,001$).

В свою чергу, продуктивні копінг-стратегії мають позитивні статистично достовірні зв'язки з шкалами життєстійкості. Так, копінг Планування має позитивний зв'язок із шкалою Залученістю ($r = 0,33$; $p < 0,001$), Контролем ($r = 0,35$; $p < 0,001$) та Прийняттям ризику ($r = 0,23$; $p < 0,01$) тесту життєстійкості. Один значущий зв'язок виявлено між копінг-стратегією Відповідальність та шкалою Залученість ($r = 0,20$; $p < 0,05$).

Шкали тесту життєстійкості мають статистично достовірні позитивні зв'язки із шкалами психологічного благополуччя. Так, шкала Залученість має зв'язок із Управління оточенням ($r = 0,36$; $p < 0,001$), Особистісним ростом ($r = 0,22$; $p < 0,01$), Метою життя ($r = 0,24$; $p < 0,01$), Самоприйняттям ($r = 0,24$; $p < 0,01$). Шкала Контролю корелює із Позитивним відношенням ($r = 0,18$; $p < 0,05$), Управління оточенням ($r = 0,44$; $p < 0,001$), Особистісним ростом ($r = 0,35$; $p < 0,01$), Метою життя ($r = 0,37$; $p < 0,01$), Самоприйняттям ($r = 0,32$; $p < 0,001$). Шкала Прийняття ризику корелює із Автономією ($r = 0,22$; $p < 0,01$), Управління оточенням ($r = 0,30$; $p < 0,001$), Особистісним ростом ($r = 0,38$; $p < 0,01$), Метою життя ($r = 0,32$; $p < 0,01$), Самоприйняттям ($r = 0,28$; $p < 0,001$).

Копінг стратегії мають значно меншу кількість зв'язків із шкалами психологічного благополуччя. Позитивні статистично достовірні зв'язки виявлено між копінг-стратегією Самоконтроль та Особистісним ростом ($r = 0,30$; $p < 0,001$). Копінг-стратегія Планування має значущі зв'язки з шкалою Особистісний ріст ($r = 0,32$; $p < 0,001$) та Управління оточенням ($r = 0,29$; $p < 0,001$). Копінг-стратегія Позитивна переоцінка зв'язана із шкалою Особистісний ріст ($r = 0,30$; $p < 0,001$) та Мета життя ($r = 0,21$; $p < 0,01$). Три негативні статистично значущі зв'язки встановлено між копінг-стратегією Уникнення шкалами психологічного благополуччя. Так, копінг Уникнення зв'язаний оберненою залежністю із шкалою Управління оточенням ($r = -0,22$; $p < 0,01$), шкалою Мета життя ($r = -0,21$; $p < 0,01$) та шкалою Автономії ($r = -0,18$; $p < 0,05$).

Таким чином, тіснота та напрям кореляційних зв'язків між шкалами життєстійкості, копінг-стратегіями та шкалами психологічного благополуччя дозволяють припустити, що життєстійкість, опосередковано, через вибір копінг стратегій, впливає на психологічне благополуччя. Для перевірки цього припущення будувалася структурна модель та проводилася її емпірична верифікація.

Структурне моделювання. Результати структурного моделювання представлені на рис. 1.

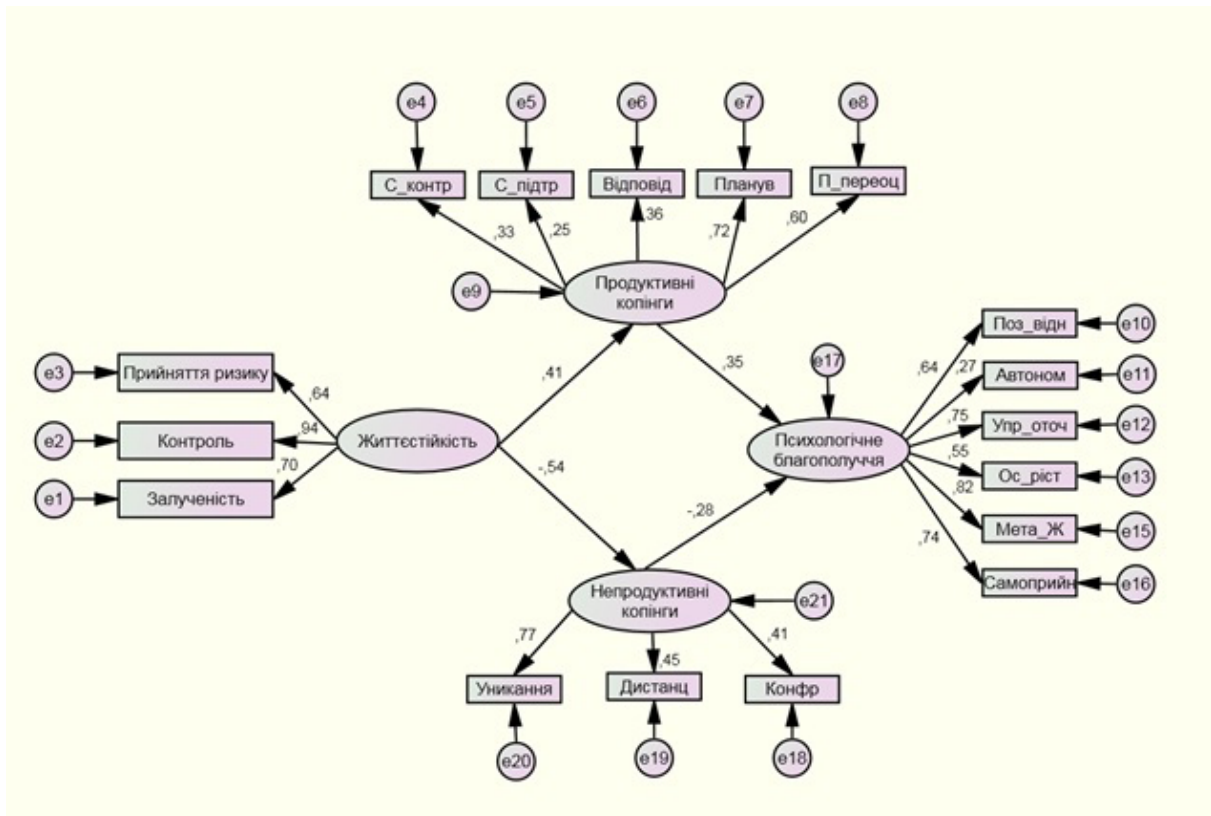

рис. 1.

Примітка. Умовні позначення: Конфр – конфронтація; Дистанц – дистанціювання; С_контр – самоконтроль, С_підтр – соціальна підтримка; Відповід – прийняття відповідальності, Планув – планування, П_переоц – позитивна переоцінка, Поз_відн – Позитивні відношення, Автоном – Автономія, Упр_оточ – Управління оточенням, Ос_ріст – Особистісний ріст, Мета_Ж – Мета життя, Самоприйн – Самоприйняття.

Рис. 1. Структурна модель взаємозв'язків життєстійкості, копінг-стратегій та психологічного благополуччя.

Всі регресивні коефіцієнти структурної моделі статистично значущі. Показники узгодженості емпіричних даних і структурної моделі наступні: Chi-square/df = 1,962; CFI = 0,938; RMSEA = 0,063, тобто модель демонструє гарну відповідність емпіричним даним.

Зміст отриманих регресивних рівнянь полягає в наступному: збільшення життєстійкості на одну умовну одиницю приведе до збільшення на 0,41 одиницю вибору особистістю продуктивного копінгу і зменшення на 0,54 одиниці непродуктивного копінгу, що в свою чергу призводить до збільшення або зменшення психологічного благополуччя. Іншими словами, чим вище життєстійкість особистості тим ймовірніше застосування нею продуктивних копінгів і вище психологічне благополуччя і навпаки.

Висновки

1. Регуляторний вплив життєстійкості на психологічне благополуччя особистості опосередковується копінг-стратегіями.
2. Операціоналізовано два типи копінг-стратегій — продуктивні та непродуктивні.
3. Чим більш виражений рівень життєстійкості особистості, тим вірогідніше вибір нею продуктивних стратегій в стресових ситуаціях і тим психологічно благополучнішою вона є.
4. Чим менше виражений рівень життєстійкості, тим вірогідніше вибір особистістю непродуктивних стратегій в стресових ситуаціях і тим менш психологічно благополучною оцінює себе людина.

Література

1. Жуковская Л. В., Трошихина Е. Г. Шкала психологического благополучия К. Рифф // Психологический журнал, 2011. – Т. 32. – № 2. – С. 82-93.
2. Крюкова Т. Л., Куфтяк Е. В. Опросник способов совладания (адаптация методики WSCQ) // Журнал практического психолога. – М.: 2007. – № 3. – С. 93-112.
3. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. – М.: Смысл, 2006. – 63 с.
4. Пергаменщик Л. А., Лепешинский Н. Н. Опросник «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф: процесс и результаты адаптации // Психологическая диагностика, 2007. – № 3. – С. 73-96.
5. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в структуре личностного

- потенциала // Личностный потенциал. – М.: Смысл, 2011. – 267-299.
6. Узнадзе Д. Н. Общая психология / Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе; Под ред. И. В. Имедадзе. – М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. – 413 с.
 7. Шмелев А. Г. Психодиагностика личностных черт. – СПб.: Речь, 2002.
 8. Cheng C, Cheung M. Cognitive processes underlying coping flexibility: differentiation and integral km // *Journal of Personality*. – 2005. – Vol. 73 (4). – P. 859-880.
 9. Hardie E., Critchley G, Morris Z. Self-coping complexity: role of self-construal in relational, individual and collective coping styles and health outcomes // *Asian Journal of Social Psychology*. – 2006. – Vol. 9. – P. 224- 235.
 10. Lazarus R., Folkman S. *Stress, appraisal and coping*. – N.Y.: Springer, 1984.
 11. MacCrae R., Costa P. Personality, coping and coping effectiveness in an adult sample // *Journal of Personality*. – 1986. – Vol. 54 (2). – P.-385-405.
 12. Maddi S. The Personality Construct of Hardiness: Effects on Experiencing, Coping and Strain Consulting Psychology // *Journal Practice and Research*. – 1999. – Vol. 51. – № 2. –P. 83-94.
 13. Maddi S. Dispositional Hardiness in Health and Effectiveness // *Encyclopedia of Mental Health* / H.S. Friedman (Ed.). San Diego (CA): Academic Press, 1998b. – P. 323-335.
 14. Moos R.H., Holahan C.J. Dispositional and Contextual Perspectives on Coping: Toward an Integrative Framework / *Journal of Clinical Psychology*. – 2003. – Vol. 59. – P. 1387-1403.
 15. Peterson C, Seligman M.E.P. (Eds.) *Character Strengths and Virtues: A Handbook and Classification*. – N.Y.: Oxford University Press, 2004.
 16. Ryff C. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // *Journal of Personality and social Psychology*. – 1989. – Vol. 57. – P. 1069–1081.

УДК 159.9

Установка на життя як фактор збереження фізичного та психічного здоров'я в умовах екзистенціальної загрози

Онщенко Н.В., Тімченко О.В.,

Анотація. В статті наводяться дані щодо вивчення проблеми надання психологічної допомоги постраждалим від надзвичайних ситуацій. Аналізуються питання щодо особливостей поведінки людини, яка пережила зіткнення зі смертю; вивчаються погляди на сприйняття постраждалим кризової ситуації; розглядаються підходи щодо пошуку шляхів переоцінки ситуації та зміни поглядів постраждалої людини на подальше життя. Особливу увагу приділено питанню роботи з установками постраждалих щодо травматичної події.

Ключові слова: психологічна допомога, постраждали від надзвичайної ситуації, настанови постраждалих щодо травматичної події.

Аннотация. В статье приводятся данные по изучению проблемы оказания психологической помощи пострадавшим от чрезвычайных ситуаций. Анализируются вопросы особенностей поведения человека, пережившего столкновение со смертью; изучаются взгляды на восприятие пострадавшим кризисной ситуации; рассматриваются подходы к поиску путей переоценки ситуации и изменения взглядов пострадавшего человека на дальнейшую жизнь. Отдельное внимание уделено вопросу работы с установками пострадавших относительно травматического события.

Ключевые слова: психологическая помощь, потерпевшие от чрезвычайной ситуации, установки пострадавших относительно травматического события.

Abstract. The paper presents data on the problem of psychological assistance to victims of emergencies. The issues of human behavioral characteristics, survived the collision with death; study looks at the perception of crisis victims, examines approaches to seek reassessment of the situation and change perceptions of the affected people in later life. Special attention is paid to work with the affected units relative to a traumatic event.

Постановка проблеми. Будь-яка кризова подія є досить травматичною для особистості. Особливо важкою вона виявляється у випадку екзистенціальної загрози, а саме у випадку зіткнення зі смертю, при втраті близької людини, отриманні важких поранень чи каліцтв. На сьогодні, на жаль, ще не оформлено жодного підходу або концептуальної моделі, яка б задовольняла всіх науковців в процесі пошуку оптимальних шляхів надання психологічної допомоги постраждалому в надзвичайних ситуаціях населенню. Слід відмітити, що кризові стани особистості характеризуються високим рівнем нервово-психічної напруги аж до перенапруги й психічного виснаження. Важливими ознаками кризових станів особистості є високий рівень тривоги, депресії, почуття безпорадності, апатії, суму, гніву, фізичного стомлення, зниження самооцінки, сенситивність, а також наявність психологічної фрустрації як нездоланної перешкоди або життєвої ситуації.

Звичайно, будь-яка загрозна ситуація викликає зміни в почуттях, поведінці й думках людини. Якщо ці трансформації підконтрольні людині й вона у силах самостійно впоратися з ними, то втручання психолога не потрібно. Якщо ж негативні зміни набувають тривалого характеру і виявляються поза зоною самостійного контролю, то виникає необхідність у професійній психологічній і психотерапевтичній допомозі. Особливої уваги це питання заслуговує в контексті надання допомоги людям, які пережили зіткнення зі смертю.

Виклад основного матеріалу. Як свідчить наш досвід роботи з постраждалими від надзвичайних ситуацій, більшість з них майже ніколи не замислювались про питання життя та смерті, про можливість втрати близької людини, тощо. Перш за все це можна пояснити надзвичайно сильним емоційним наповненням зазначених категорій. І втрата близької людини, і власна смерть є важкими з точки зору їх усвідомлення та прийняття людиною. Зазвичай такі думки викликають дію механізмів психологічного захисту, які в свою чергу «спрацьовують» вже при наявності думки про можливе нещастя.

Спираючись на власний досвід організації та надання невідкладної психологічної допомоги в осередку надзвичайної ситуації, можемо констатувати, що найсильнішими критичними ситуаціями для особистості є такі, які пов'язані з усвідомленням власної смертності (невиліковна хвороба, участь у бойових діях і т.п.) або зіткнення зі смертю іншого (переживання втрати близької людини).

Однак в екзистенціально-гуманістичній парадигмі будь-які критичні ситуації можна розглядати як своєрідне зіткнення зі смертю. Причому, смерть у даному контексті розуміється як трансформуючий процес, відмова від старих, звичних способів буття і підбір, удосконалювання нових, більш адекватних умовам, що змінилися. Найчастіше подібний перегляд уявлень спричиняє зміни в структурі особистості. Ці зміни можуть носити як позитивний, так і негативний характер. Згідно з даним визначенням, особистість, яка перебуває в кризі, не може залишатися такою, як раніше. Іншими словами, їй не вдається осмислити свій актуальний психотравмуючий досвід, оперуючи знайомими, шаблонними категоріями або використовувати прості звичні моделі пристосування. А якщо керуватись основними положеннями теорії Д.М. Узнадзе, то можна припустити, що в даному випадку має місце зміна установки особистості.

На наш погляд, досить важливим механізмом при зміні установки особистості є переконання. Людина, яка зіштовхнулася із горем, вважає, що її подальше життя не має сенсу, що в ньому вже не буде нічого світлого та позитивного. Безумовно, така позиція заслужовує місце бути, адже в момент горювання людина керується суто емоціями, які, як вже зазначалось, мають досить сильне негативне забарвлення. В цьому випадку хотілося б процитувати Д.М. Узнадзе, та привести його слова: «Обычно, чем сильнее эмоциональная реакция после события, тем сильнее закрепляется установка» [6, С. 385]. Таким чином, в цей момент досить важливим є проведення психологічної роботи з постраждалим, головною метою якої буде зміна установки задля збереження життєвої стійкості та психологічної цілісності людини.

Крім того, беручи за основу розроблену А.Маслоу ієрархію потреб особистості, можна припустити, що практично всі люди, опинившись в ситуації екзистенціальної загрози, будуть діяти приблизно однаково – результат задоволення потреби в безпеці. Реакцією на стрес в даному випадку може бути саме імпульсивна поведінка, яка буде спрямована на пошук затишку, безпеки та на уникнення загрози. Але слід сказати, що такі імпульсивні дії не завжди можуть бути ефективними, адже домінуючою емоцією в цьому випадку найчастіше є страх, а саме – страх смерті. Безумовно, такий тип поведінки важко назвати раціональним, адже це зазвичай виснажує людину, доводячи її до відчаю.

У випадку, коли людина приймає та адекватно оцінює все те, що з нею відбулося, коли вона «відмовляється» від потреби уникнути та позбутися будь-яким чином загрози, можна говорити про те, що Д.М. Узнадзе назвав «зміною суб'єктивного фактору установки». Іншими словами, в даному випадку має місце змінення попередньої установки або її повна заміна на іншу. «Поведение становится целесообразным и, поскольку в основе всего его протекания лежит одна определенная установка, - упорядоченным ... Таким образом, мы видим, что в основе процесса выполнения решения лежит установка. Это и делает понятным и сравнительную легкость, как бы автоматичность протекания и все же упорядоченную целесообразность данного процесса» [6, С. 387].

У ситуації втрати близької людини, її родич може демонструвати відмову від подальшого життя, пояснюючи це втратою самого сенсу життя. Протягом свого життя людина постійно щось набуває і щось втрачає, такий закон. У східних країнах до народження і смерті ставляться як до традиції. Цьому сприяє ідея реінкарнації - ідея круговороту народження і смертей, постійних перевтілень. Таким чином, на думку східних філософів, у смерті багато життя.

Слід зауважити, що людина, яка втратила близького під час надзвичайної ситуації переживає одні й ті ж стадії горя або реакції на втрату. Після того, як сталася втрата, психіка людини повинна з цим впоратися. Процес цих змін називається реакцією на втрату або горем. Реакція втрати вважається завершеною, коли людина отримує здатність адаптивно функціонувати, відчувати себе безпечно і приймати себе як особистість без того, що вона втратила. Вважаємо за потрібне додати, що реакція втрати йде зі своєю швидкістю, цей процес не можна прискорювати.

На багато складним випадком можна назвати той, коли людина, що переживає втрату, відчуває почуття провини. Зазвичай це почуття ірраціональне, не має під собою реальних підстав. Адже зазвичай головною думкою у цей момент є: «Чому загинув він, а не я?» або «Чому ми не загинули разом?» Але навіть якщо є реальна вина, можна запитати людину про те, хіба була можливість передбачити надзвичайну ситуацію? На цьому етапі завданням екстремальних психологів є навчання людини, яка переживає втрату, навичкам вольової поведінки, яка б полягала у сміливості переосмислення трагічної ситуації та здатності приймати рішення та нести за них відповідальність.

Проте відмітимо, що не можна кардинально змінювати життя відразу після втрати. Потрібно дати час людині оговтатися, оскільки емоційне відновлення відбувається поступово. І саме прийняття постраждалим вольової поведінки буде свідчити про те, що з ним відбулися зміни, які і будуть визначати його поведінку у майбутньому. Підтвердженням цьому можуть бути слова Д.М. Узнадзе: «...волевой акт, феноменологически проявляющийся в сознании активности, в переживаемой активности, в переживании «я действительно хочу», указывает на смену установки: у субъекта возникает установка именно того поведения, по отношению к которому он переживает «я хочу», и реализация этой установки является содержанием его последующей деятельности» [6, С. 388]. Таким чином, ми можемо говорити про те, що в даному контексті установка на життя дійсно може виступати регулятором вольової поведінки.

Майже в кожному другому випадку проведення психологічної роботи з постраждалими в осередку надзвичайної ситуації, з'ясувалось, що вони одразу після трагедії говорили про те, що тепер будуть жити по-іншому. Вони відмічали появу сенсу життя, над яким до цих пір вони не замислювались. Можна припустити, що саме наявність смерті й привносить у життя сенс. Адже смерть – невід'ємна умова людського існування, і про те, що б було в її відсутність, ми можемо робити лише припущення [1].

Зіткнення зі смертю, як і будь-яка інша критична ситуація, за своєю суттю, є амбівалентною. Вона справляє двоякий вплив на людину: з одного боку, така зустріч може вселити жах перед небуттям і кінцем, тобто виразитися в підсиленому страху до смерті, й стати руйнівною силою для людини, а з іншого боку - додати життю сенсу, зробити його

більш повним і змістовним. Таким чином, особистість по-різному може реагувати на критичну ситуацію зіткнення зі смертю [1].

Джанетт Рейнуотер, відомий американський психотерапевт, пише: «Я убедились, що для кожного из нас чрезвычайно важно осознать факт неизбежности собственной смерти, потому что наше отношение к смерти определяет наше отношение к жизни... Мы должны быть благодарны тому, что существует смерть. Именно она заставляет нас искать смысл жизни». [5, С. 206]. Така позиція, з боку оцінки вірогідності появи та розвитку стресогенних розладів у жертв катастроф, є найбільш оптимальною, адже такий погляд на психотравмуючу подію є найбільш раціональним та таким, що детермінує вольову поведінку в складній ситуації, а отже, знижує ризик розвитку у постраждалого негативних психічних станів.

Ще однією реакцією особистості на критичну ситуацію може стати більш глибоке дослідження себе, своєї природи, звернення до власної унікальності та, як наслідок такої переоцінки, - перехід до справжнього існування, конгруентності [1]. Це в певному сенсі також зміна установки, яка знаходить свій прояв у зміні не тільки поведінки, а і стилю життя в загалі. Людина після перенесеної трагічної ситуації звертає увагу на такі речі, які раніше не викликали в неї ніякого зацікавлення. В таких ситуації досить часто спостерігаються випадки, які можна описати, як бажання людини наздогнати все ледве не втрачене та бажання взяти від життя якомога більше. В якості прикладу можна привести випадки, коли після зіткнення зі смертю такі постраждалі намагались відновити втрачені зв'язки з близькими, вони прагнули отримати ще одну освіту, відкривали для себе нові хобі, знаходили нові інтереси, починали «берегти» себе від негараздів.

Ірвін Ялом – відомий екзистенціальний психотерапевт, відзначаючи труднощі визнання позитивного внеску смерті в життя, висловлює переконаність у тому, що смерть є умовою, яка дає людині можливість жити автентичним життям. Зіткнення зі смертю, на його думку, руйнує весь вибудований проти неї захист й найчастіше веде за собою повне внутрішнє перетворення [9].

Про це ж говорить і Ф. Хуземан: « Мы редко используем смерть для жизни. То, что мы называем смертью, является только конечным результатом процесса, который длится всю жизнь и который позволяет нам быть сознательными участниками жизненных процессов» [8, С. 96].

Таким чином, незважаючи на те, що смерть, як нам здається, не несе ніяких надбань, зіткнення з нею здатне наблизити людину до більш повного життя – гостріше відчувати любов, знайти сенс життя, стати собою.

Побічно про це говорить і А. Маслоу: «...за страхом что-либо узнать на самом деле лежит страх перед действием, страх тех последствий, которые это знание принесет, страх ответственности и связанных с ней опасностей. Иногда бывает лучше чего-то не знать, поскольку как только вы об этом узнаете, вам нельзя будет больше отсидиваться и придется действовать» [2, С. 117].

Таким чином, страх смерті через страх змін прямо пов'язаний з відношенням людини до власного життя. Якщо життя й смерть розглядати не як протилежні поняття, а як різні сторони (або, швидше за все, стани) того самого процесу, то страх смерті в дійсності – це все той же звичний страх змін, що супроводжує людину протягом усього життєвого шляху. Просто в цьому випадку людину лякає найбільша й найважливіша зміна в її житті – смерть.

Страх змін – це страх, що стоїть на заваді всього нового і невідомого, що приходить у життя людини. Він може бути у вигляді страху втрати підтримки або страху втратити любов, страху бути використаним і не одержати нічого замість, страху бути вільним і одночасно відповідальним за свою волю. Це може бути острах не впоратися зі своїми емоціями й втратити контроль над собою, страх розчаруватися або стикнутися з болем – чужим або своїм власним. У кожному разі це той страх, який так часто охороняє й підтримує в людині ілюзію стабільності власного життя, але який так само часто робить людину занадто захищеною, щоб вільно рухатися вперед.

Таким чином, у постраждалих, які втратили своїх близьких людей, ми можемо спостерігати поведінку, обумовлену саме такими особливостями. Головне, що їм потрібно зробити – навчитись жити по-новому, навчитись жити без близької людини.

На підставі вище сказаного, ми можемо припустити, що зіткнення зі смертю – досить багатогранний процес, здатний викликати не тільки негативні, але й позитивні зміни, як у світогляді, так і в житті людини в цілому. Більшість екзистенціально-гуманістичних психологів визнають важливість усвідомлення власної смертності (або зіткнення зі смертю) як значущого особистісного досвіду, здатного змінити життя або у бік просування до вищого Я, або у бік ще більшої втрати контакту із собою.

Хотілося б відзначити, що вже давно існує думка, що поведінка людини обумовлюється двома змінними – унікальними особистісними особливостями людини та специфікою ситуації, в якій вона опинилась волею долі. Отже, зміна установки постраждалої людини стосовно сприйняття трагічної ситуації як кризової на її сприйняття, як можливості суб'єктивного розвитку, може мати досить суттєве значення при психологічній роботі з особистістю, яка пережила травматичну подію. Зауважимо, що психологічна допомога повинна бути реалістичною й цілеспрямованою, тому її загальна стратегія може бути побудована за типом навчання стратегії розв'язання проблем. Через припущення, яке полягає у тому, що трагічні ситуації нивілюють індивідуальні розходження між постраждалими, змушуючи всіх

реагувати однаковим чином, в осередку надзвичайної ситуації досить актуальним є питання: «Яким чином трагічна ситуація впливає на установки людини? Яким чином трагічна подія чинить вплив на поведінку та мислення людини?»

Слід пам'ятати, що ми маємо справу з психічною травмою людини, а як відомо, травматичний стрес за інтенсивністю пережитих почуттів пропорційний з усім попереднім життям. Саме через це надзвичайна ситуація здається найбільш вагомою подією в житті, яка розділила його навпіл. Отримана травма міняє бачення не тільки сьогодення, минулого, але й майбутнього. Можна сказати, що постраждала від надзвичайної ситуації людина, зіштовхується з потребою змінення установок задля збереження психічного та фізичного здоров'я. Таким чином, психологічна допомога, основним змістом якої повинна бути робота, націлена на розгляд проблеми щодо прийняття або неприйняття переконуючих повідомлень, залежності ефективності переконуючих повідомлень від певних факторів, тощо.

Екстремальні психологи працюють з переживаннями постраждалого, які проявляються у вигляді психічних станів, у яких злиті емоційні, вольові й інтелектуальні компоненти, що відображають події й обставини життя в їхньому відношенні до самого суб'єкта. Пережите зберігається в пам'яті особистості та служить матеріалом для осмислення в процесі вироблення життєвих планів і цілей, життєвої філософії, що визначає поведінку людини. Але перед здійсненням будь-якої діяльності людина психологічно готується до її виконання, іноді цього і не усвідомлюючи. Саме цей факт підготовки Д.М. Узнадзе називав установкою.

Таким чином, щоб розвиватися, актуалізувати свої потенційні можливості, а іноді й просто вижити, людині необхідно вчитися справлятися з різними критичними ситуаціями. Однак, як пише Т. Йоманс, «проблема полягає в тому, щоб, зустрічаючись із болем, стражданням, близькістю смерті, не намагатися відвернутися від них, уникнути їх або пом'якшити, а навчитися їх приймати. Якщо ми навчаємося включати страждання в духовний контекст, це міняє як переживання саме по собі, так і значення страждання» [4]. Можна сказати, що переоцінюючи ситуацію, людина починає сприймати трагедію крізь призму суб'єктивного сприйняття. Трагедія у свідомості виникає як критичне відношення людини до самої себе у плані її самопізнання. А оскільки одним з головних моментів самопізнання виступає подолання людиною самої себе та пошук сенсу життя, на цьому рівні трагічну подію можна розуміти, як закріплення у особистості установки на життя. В якості підтвердження цієї думки слід сказати, що психологічним механізмом виживання в екстремальній ситуації, коли спосіб життя доводиться чомусь міняти або навпаки, відстоювати всупереч тиску несприятливих обставин, у тому числі трагічних, є воля до життя. Щоб «запустити» волю до життя як механізм виживання в екстремальній ситуації, необхідний досить сильний мотив, який позначається як «спрага до життя», тому що воля як аварійний механізм реалізації сенсу життя у спосіб життя припускає тотальну мобілізацію всіх сил особистості, усього наявного духовного, щиросердечного й фізичного здоров'я. Отже мета такої мобілізації – переборення кризи й повернення до нормального стану.

Висновок. Таким чином, перед людиною, що пережила екстремальну, кризову ситуацію, постає необхідність не тільки справлятися з виниклими внаслідок травматичного впливу переживаннями й необхідністю відновлення зруйнованої когнітивно-емоційної структури, але також стає важливим усвідомлення сенсу того, що відбувалося, й найчастіше – усвідомлення сенсу свого справжнього й подальшого життя, його переосмислення, формування нових життєвих орієнтирів.

Література

1. Відношення до життя та смерті в умовах надзвичайної ситуації: ціннісно-смысловий аспект: Монографія / [Лебедев Д.В., Лебедева С.Ю., Назаров О.О., Оніщенко Н.В., Садковий В.П., Садковий О.В., Тімченко О.В.]. – Х.: НУЦЗУ, 2009. – 128 с.
2. Маслоу, А. Психология бытия / Абрахам Маслоу ; [пер. с англ.]. - М. : Рефл-бук: Ваклер, 1997. - 304 с. - (Актуальная психология).
3. Особливості функціонування механізмів психологічного захисту у рятувальників в умовах екзистенціальної загрози: Монографія / [Олійников О.А., Оніщенко Н.В., Тімченко О.В., Тітаренко Д.С., Христенко В.Є.]. – Х.: НУЦЗУ, 2011. – 151 с.
4. Психосинтез и другие интегративные техники психотерапии / [Под ред. А.А. Бадхена, В.Е. Кагана]. - М.: Смысл, 1997. - 298 с.
5. Рейнуотер, Дж. Это в ваших силах. Как стать собственным психотерапевтом / Джанетт Рейнуотер. – М.: Прогресс, 1993. - 240 с.
6. Узнадзе, Д. Н. Психологические исследования / Дмитрий Николаевич Узнадзе. – М.: «Наука», 1966. – 450 с.
7. Узнадзе, Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки / Дмитрий Николаевич Узнадзе. – Тбилиси, 1961. – 210 с.
8. Хуземан, Ф. Об образе и смысле смерти: история, физиология и психология проблемы смерти/ Фридрих Хуземан; [Пер. с нем.]. - М. : Энигма, 1997. - 135 с.
9. Ялом, И. Д. Экзистенциальная психотерапия / Ирвин Д. Ялом ; [Пер. с англ.: Т.С.Драбкина]. – Москва : «Класс», 2004.-575 с.

УДК 159.9(075.8)

Длительность действия и установка

Плохих В.В.

Психологічний час визначається як синтез тривалості течії психічного процесу та часової послідовності подій життєдіяльності людини. Визначення тривалості розглядається у зв'язку з настановою на дію. У якості первинної одиничної міри оцінки течії психологічного часу визначається настановна тривалість дії. Оцінка тривалості дії у процесі реалізації цільової настанови розглядається у зв'язку зі специфічними переживаннями людини.

Ключові слова: психологічний час, настанова, тривалість, часова послідовність, переживання.

Психологическое время определяется как синтез длительности течения психического процесса и временной последовательности событий жизнедеятельности человека. Определение длительности рассматривается в связи с установкой на действие. В качестве первичной единичной меры оценки течения психического времени определяется установочная длительность действия. Оценка длительности действия в процессе реализации целевой установки рассматривается в связи со специфическими переживаниями человека.

Ключевые слова: психологическое время, установка, длительность, временная последовательность, переживание.

Psychological time is defined as a synthesis of duration of psychological process course and time succession of events of people life activity. The duration defining is considered in connection with setting on the action. As a first measure of course estimation of psychological time is defined the duration of action. The estimation of act duration in the process of realization of aim setting is considered in connection with man specific experience.

Key words: psychological time, aim, duration, temporal sequence, experience.

В качестве ведущих тенденций развития современного общества выделяются тенденции интенсификации различных процессов во всех основных сферах жизнедеятельности человека, тенденции увеличения числа и силы природных катаклизмов, техногенных аварий и катастроф. В таких условиях для человека все более актуальным становится учет динамики и направленности изменений действительности при организации времени деятельности, прогнозирования событий, планировании и регулировании действий.

В целом психологическое время следует рассматривать как синтез переживаемой человеком длительности и рационально определяемой последовательности событий [20, 25, 29]. В качестве теоретического основания для описания синтеза психологического времени может приниматься рассматриваемое в синергетике иерархическое строение процессов действительности с их отнесенностью к различным уровням темпоральности [2]. При этом переживаемая человеком длительность изменений процессов устанавливается согласно со смыслом и значением более высокого уровня темпоральности, тогда как последовательность событий в пределах установленной длительности формируется на нижележащем уровне. И, как отмечает М.К. Мамардашвили, такие структурные соотношения при восхождении человека в понимании закономерностей становления все более масштабных процессов могут выделяться действительно бесконечно, в отличие от «дурной» бесконечности последовательности фактов, уходящей в прошлое и будущее [12].

Отмечаются существенные отличия в восприятии времени и организации действий на осознаваемых – продолжительных и неосознаваемых – малых (доли секунды) временных интервалах [8, 11, 21]. При этом процессы бессознательного, в отличие от сознания, в отношении механизмов временной регуляции действий (в том числе и краткосрочных), исследовались фрагментарно.

Достаточно широкое основание для закономерной интеграции в едином процессе деятельности функций сознания и бессознательного, а также формирования операционального состава этих уровней, предоставляет концепция психического как процесса А.В. Брушлинского [6]. С таким представлением основания психических явлений связываются и уровни функционирования психики, и ключевые свойства психологического времени. К основным характеристикам психического как процесса относится непрерывность как недизъюнктивность и континуальность, выражающая генетически предопределенное единство в человеке биологического и социального. Наряду с этим дизъюнктивный уровень психического составляют психические явления: образы, понятия, действия, чувства, продукты производства. В аспекте представления психологического времени непрерывность и континуальность психического соотносима с длительностью, а дизъюнктивность – с последовательностью изменений действительности [16]. Вместе с этим, с психическим как с процессом в значительной степени связана бессознательная сфера психики, тогда как с ключевыми моментами регуляции деятельности личности, или личностным уровнем, преимущественно связывается функционирование сознания субъекта.

Особое значение с точки зрения организации целостной системы поведения и деятельности человека придается Ф.В. Бассиным «структурному» представлению бессознательного [4]. И как раз именно в этом аспекте бессознательная сфера психики человека получила обстоятельную разработку в теории установки Д. Н. Узнадзе. Установка у Д.Н.

Узнадзе характеризується як целостная, недифференцированная готовность «к определенной активности, возникновение которой зависит от наличия следующих условий: от потребности, актуально действующей в данном организме и от объективной ситуации удовлетворения этой потребности» [23, С. 82]. Из представленного определения можно выделить, по крайней мере, три ключевых характеристики установки: целостность, содержательная целесообразность и неосознаваемость. С точки зрения функциональной нагруженности установки полагается, что через сформированную установку как целостное образование субъект и осуществляет непрерывное, целесообразное регулирование активности, стабилизацию и поддержание направленности процесса деятельности [3, 17, 27].

Исходя из многообразия функций установки в процессах регуляции деятельности, А.Г. Асмолов выделяет три основных уровня установочной регуляции: смысловой, целевой, операциональный; а также уровень психофизиологических механизмов, реализующих установку [3]. Среди выделенных уровней смысловая установка выступает в форме соответствующего отношения мотива субъекта к цели деятельности, целевая установка представляется как готовность к получению осознаваемого предвидимого результата, операциональная установка выражается в готовности субъекта к осуществлению на основе предвосхищения определенного способа действия.

С точки зрения формирования установки как целостного системного образования целевой установке отводится особая роль – роль интегратора, связующего звена для установок других уровней. Учитывая сказанное, вполне обоснованным выглядит и заключение В.П. Зинченко о том, что поддерживающая и сохраняющая цель установка может выполнять функцию системообразующего фактора деятельности [10]. Приведенное представление об установочной организации вполне согласуется и с предложенной Г.К. Середой моделью ориентированного на будущее функционирования памяти как одного из ключевых психологических механизмов организации деятельности [19]. Указанная модель реализует принцип, так называемой, «смысловой воронки», охватывающей ресурсы смыслового, целевого и операционального уровней деятельности. И хотя для реализации принципа «смысловой воронки» в функционировании памяти определяющим называется смысловой уровень, в реальной деятельности, где смыслы реализуются в конкретных операциях, а операции в своем процессуальном и результативном аспектах должны быть осмысленными, непрерывная взаимосвязь между смысловым и операциональным уровнями осуществляется именно через целевые «узлы». И в этом, опять таки, проявляются описанные выше соотношения непрерывной длительности и временной последовательности реализуемых человеком действий.

Следствием содержательной целостности и целесообразности функционирования неосознаваемой установки является то, что она должна охватывать собой весь процесс достижения цели от начала и до его завершения. Последний аспект достаточно наглядно представлен у Ш.Н. Чхартшвили на примере просмотра кинофильма. В этой связи отмечается, что представление о кинофильме как целостной смысловой данности, содержащейся между началом и концом процесса, формируется не в сознании, а в сфере бессознательного психического. «И все это относится ко многим другим явлениям, которые даются нам развернутыми во времени» [27, с. 104]. Эти выводы относятся, как видно, и к содержательной, и к временной характеристике установки в связи с длительностью реализации деятельности. В последнем случае следует предполагать, что установка удерживает временную перспективу действия как неделимое целое, как ограниченную длительность процесса достижения цели. В связи с этим представляется возможным рассматривать и временную регуляцию деятельности на уровне бессознательных установочных структур так же, как осуществляемую на основании целостных временных определений.

С точки зрения связи неосознаваемой установки с временными параметрами деятельности исследовались особенности организации процесса восприятия времени, влияние инструктивных установок на темп и продолжительность действий [5, 13, 28]. Хотя и отмечалось, что компоненты установки относятся к измерениям прошлого, настоящего и будущего, но то, что представляет собой временная развертка (перспектива) установки с точки зрения её связи с целостным содержанием, направленно не рассматривалось.

На содержательную определенность временных интервалов в реализации деятельности указывает непрерывность своеобразного течения лежащего в основе организации действий психического как процесса. Так, уже доминанта, как физиологическое основание психических процессов, рассматривается как активный источник возбуждения в мозгу, накапливающий и проявляющий потенциал соответственно со своей инерционностью в направленных физиологических и поведенческих реакциях [24]. Иначе, уже на момент своего формирования доминанта должна предопределять как целое и длительность, и специфику своей реализации. В свою очередь сознание, прежде всего, выделяет отдельные события и факты действительности. И далее, сознательное присвоение некоторого содержания межсобытийным интервалам производится опосредованно – в связи с уже установленным личностным смыслом [1, 9, 22].

Выраженные различия временных характеристик наблюдаются в специфике актуальной и фиксированной установок [14]. Существенное различие между указанными формами установки связано с их отношением к текущей ситуации, со структурными характеристиками

с точки зрения статичности и динамичности, генезисом. Именно актуальная установка в наибольшей мере может приниматься как динамичная, наиболее полно и соответственно с заданными значениями, синтезирующая текущую информацию (информацию о настоящем) с данными опыта и в этом синтезе ориентирующая на ожидаемые результаты в будущем (на цель). Если же с указанных позиций рассматривать фиксированные установки, то сразу же бросается в глаза их статичность, информационная ограниченность и возможное несоответствие ключевым особенностям текущей ситуации. Фиксированные установки относятся к прошлому опыту субъекта и актуализируются в связи с отдельными и далеко не всегда актуально значимыми характеристикам обстановки. В таком виде их следует рассматривать скорее как структурные основания или предпосылки формирования актуальных установок.

Определенное несоответствие фиксированной установки особенностям текущей ситуации и возможностям субъекта при формировании установки актуальной, как видно, и должно являться причиной осознания последней. При этом, осознание установки может рассматриваться как следствие повышения нервно-психического напряжения, возникающее у субъекта из-за конфликта информации, вызываемого несопадением ожидаемого и действительного представлений о ситуации и о своих возможностях организации адекватного действия. В соответствии с данной посылкой значительные несоответствия фиксированной установки и ситуации должны вызывать и большее нервно-психическое напряжение и обуславливать большую интенсивность осознания процесса реализации установки. И, наконец, если актуальная установка может в достаточной мере повторить фиксированную установку как своего рода норматив, то процесс выполнения действий субъектом должен быть наименее осознаваем, а нервно-психическое напряжение должно быть, соответственно, наименьшим. При этом следует добавить, что нервно-психическое напряжение в процессе реализации установки не может исчезать полностью. Необходимость реализации минимальных усилий по согласованию реализуемой установки с изменяющейся обстановкой, как и активность, требуемая для поддержания жизнедеятельности организма, обуславливают обязательное наличие у действующего субъекта некоторого минимального уровня напряжения. Соответственно с этим, актуальная установка, в пример фиксированной установке, с точки зрения оптимизации психофизиологической «цены» деятельности практически всегда должна быть ориентирована на некоторый минимально необходимый уровень нервно-психического напряжения.

Рассмотренное разделение установок на актуальные и фиксированные возможно принимать как весьма продуктивное и с точки зрения выделения существенных аспектов временной регуляции деятельности. Фиксированные установочные образования Ш.А. Надирашвили предлагает рассматривать как определенный базис-эталон движений [14]. В качестве характерной особенности базис-эталонного движения автором называется его наибольшая точность в сравнении с другими аналогичными действиями. Учитывая то, что фиксированная установка, или базис-эталон, представляет собой динамическую структуру, следует предполагать, что она определяет, в том числе, и временные характеристики действия – его эталонную продолжительность. Именно к такого рода временным эталонам как раз и можно причислить расход времени действия, рассматриваемый К.К. Платоновым и Б.М. Гольдштейном [15]. Сюда же следует отнести и упоминаемый Ю.К. Стрелковым в качестве базовой оси для отсчета хода времени реализации процесса привычный его ход [20].

Текущие временные ограничения, как и влияние других ситуационных факторов, следует отнести к особенностям обстановки, оказывающим влияние на наиболее полную реализацию фиксированных установок. Соответственно с этим, актуальные установки, не отягченные временными ограничениями продолжительности действий, исходя из приведенных выше суждений, следует рассматривать как наиболее приближенные к базис-эталонам. Учитывая последнее, следует полагать, что при отсутствии объективных временных ограничений деятельности соответствующие актуальной установке скорость и темп выполнения действий должны представляться субъекту как наиболее удобные в текущей ситуации. К этому следует добавить и то, что в процессе многократных повторений определенного действия в условиях различных временных ограничений субъект научается соотносить временные характеристики выполнения действия с этими ограничениями.

С точки зрения выявления взаимосвязи установок с временными параметрами деятельности остаются невыясненными, по крайней мере, два глобальных аспекта функционирования установки в связи с динамикой поведенческих актов и действий. Во-первых, большое значение имеет понимание того, включены ли компоненты механизмов временной регуляции деятельности в целостное содержание установки, или временные схемы организации последовательности операций являются для установки внешними. Во-вторых, если установка необходимым образом включена в механизмы временной регуляции деятельности, то требуется определить то, как проявляются особенности ее функционирования при оценке и контроле времени реализации действий. Раскрытие существа указанных аспектов функционирования установки, в свою очередь, возможно рассматривать как предпосылку решения другой масштабной проблемы – проблемы организации целостной системы временной регуляции деятельности на сознательном и неосознаваемом уровне.

В нашем экспериментальном исследовании курсанты (41 человек) в пяти сериях

попыток (по 100 с) решали программно реализованную задачу на поражение целей, используя устройство «мышь» [16]. В серии 1 цели поражались в субъективно удобном темпе. В сериях 2 и 5 цели поражались предельно быстро. В серии 3 требовалось поразить цели в количестве, существенно больше, чем в серии 2, при наличии информации о числе уже пораженных целей, о времени от начала и времени до конца решения. В серии 4 необходимо было действовать возможно быстро при предъявлении информации о рассогласовании действительного и требуемого – субъективно наименьшего, времени решения.

Было установлено, что для 25 испытуемых (подгруппа 1) время поражения целей в сериях 4 и 5 существенно меньше, чем в серии 2 ($t=2,76$ при $p=0,01$; $t=2,08$ при $p=0,04$). Испытуемые, не улучшившие свои результаты, вошли в подгруппу 2. Статистические параметры для времени и избыточности действий в подгруппах в сериях эксперимента представлены в таблице 1.

Таблица 1

Значения временных и точностных (обратно избыточности действий) характеристик поражения целей в подгруппах испытуемых

№ серии	Подгруппа 1 (25 испытуемых)				Подгруппа 2 (16 испытуемых)			
	Время, с		Избыточность		Время, с		Избыточность	
	М	S	М	S	М	S	М	S
1	1,51	0,28	0,14	0,11	1,45	0,27	0,19	0,12
2	1,32	0,22	0,29	0,20	1,25	0,16	0,29	0,13
3	1,28	0,21	0,24	0,18	1,31	0,19	0,27	0,11
4	1,13	0,13	0,27	0,22	1,24	0,16	0,40	0,16
5	1,17	0,15	0,24	0,18	1,26	0,15	0,28	0,12

Примечания: М – среднее значение; S – стандартное отклонение от среднего.

Время поражения целей в подгруппе 1 оказалось меньше, чем в подгруппе 2 в серии 4 ($t=2,31$; $p=0,03$) и заметно меньше в серии 5 ($t=1,87$; $p=0,07$). Избыточность действий больше в подгруппе 2 в серии 4 ($t=2,16$; $p=0,04$).

Было установлено, что, если испытуемые подгруппы 1 пытались за счет неосознаваемой (доли секунды) целенаправленной координации фаз ускорения и замедления движений руки точно наводить указатель на цель («захват» цели), то испытуемые подгруппы 2 ориентировались на вариант поражения цели в момент случайного совмещения с ней указателя. Улучшение временных показателей у испытуемых подгруппы 1 связывается с формированием у них установок на действие на основании новых временных координаций. Соответственно, установочная длительность действия оказывается непосредственно связанной с его содержательными характеристиками (своеобразием структуры координации последовательных двигательных актов).

Так как установка определяется как целостное образование, а сознание оперирует дискретными величинами, вопрос состоит в следующем: установочная продолжительность действия – целостная длительность или интервал времени, складываемый из некоторых психологических единиц времени?

Результаты критического анализа исследований универсальных психологических единиц времени, как составляющих продолжительности действий [7, 26], позволяют заключить, что таких единиц не обнаружено. Человек при оценке времени склонен искать возможности для сознательного использования внешних мер, ориентиров и средств [20]. Однако когда человек сравнивает ряды повторяющихся через равные интервалы времени событий, он рассматривает эти ряды как целостные образования. С учетом сказанного гипотеза следующего экспериментального исследования была такой: неосознаваемая установочная длительность действия имеет неаддитивный, целостный характер.

Методика исследования была построена с расчетом на проявление феномена антиципации человеком момента появления сигнала, и тенденций, представленных законом Хика [16]. В программно реализованной экспериментальной задаче (простая реакция и реакция выбора) 44 испытуемых (студенты) возможно быстро реагировали с помощью устройства «мышь» на появление на экране монитора стимула (сектора круга). Сектора, как потенциальные стимулы, выделялись окраской располагавшихся на биссектрисах их углов, но вне их, малых кругов. Испытуемые выполняли ряд серий. В сериях 1 и 2 требовалось реагировать на стимул из двух или из восьми возможных вариантов (базовые режимы). В рамках других серий варианты стимулов (указатели секторов) актуализировались в случайном порядке и за разное время до появления основного стимула (0,5 с; 0,0 с; 0,4 с; 0,1 с; 0,3 с).

Рассчитывались средние значения и стандартные отклонения от средних значений времени реакции в группе в сериях эксперимента (табл. 2). Сравнивалось время и вероятность ошибок реакций выбора из двух и из восьми вариантов сигналов в группе в сериях. Для режима без предварительной экспозиции вариантов сигналов вероятность ошибочных реакций при двух альтернативах оказалась больше, чем при восьми ($t=2,11$; $p=0,04$).

Таблица 2

Сравнение по t-критерию Стьюдента средних значений времени реакции выбора из двух и из восьми возможных вариантов сигналов в группе испытуемых при различном времени предварительной экспозиции вариантов сигналов

Варианты сигналов	Статистический параметр	Базовый режим	Время предварительной экспозиции возможных вариантов сигналов, с				
			0,00	0,10	0,30	0,40	0,50
2 сектора	Среднее значение	0,410	0,458	0,394	0,378	0,360	0,364
	Стандартное отклонение	0,073	0,076	0,069	0,068	0,075	0,075
8 секторов	Среднее значение	0,493	0,459	0,414	0,415	0,416	0,410
	Стандартное отклонение	0,083	0,072	0,070	0,067	0,073	0,078
t-критерий		4,866	0,062	1,319	2,512	3,468	2,755
Вероятность ошибки I рода		0,000	0,951	0,191	0,014	0,001	0,007

Несоблюдение закона Хика и недейственность антиципации имеют место при времени предварительной экспозиции вариантов стимулов до 0,3 с в случае реагирования испытуемыми на стимулы из 2 вариантов выбора, являющиеся также и составляющими «алфавита» из 8 стимулов (см. табл. 2). Этот факт не объясняется моделями реагирования Хика и Стернберга, «прямого доступа», различной возбудимости представительств альтернатив сигналов в анализаторах. С точки зрения теории установки, модели «прямого доступа» и теории функциональных систем данный факт следует принимать так, что установка на реакцию (действие) может реализовывать свою организующую и стабилизирующую функцию только тогда, когда она сформирована и ею вполне определяется целостная временная перспектива действия, его длительность.

Психологическое время переживается. Субъективная оценка времени деятельности может рассматриваться как результат реализации оценочной, прогностической, мобилизационной (активационной) и компенсаторной функций эмоциональных переживаний в соответствии с эмоциональным опытом субъекта [16]. Существо такой оценки отчетливо представлено у С.Л. Рубинштейна [18]. В соответствии с упомянутой точкой зрения у человека, предчувствующего приближение значимого события, нарастает напряжение, а после свершения события – наступает эмоциональная разрядка. При этом эмоциональный отклик как реакция, отражающая быстрые, неглубокие изменения в системе «человек-ситуация» и наименее деструктивно влияющая на деятельность, и может рассматриваться в связи с оценкой времени. Далее, можно говорить об индивидуальных эмоциональных ситуативных паттернах, относящихся к целостным ситуациям и к их изменениям. В этом аспекте допустимо предположить информативность эмоций в связи с оценками конкретным человеком в конкретной ситуации психологического времени при выполнении действий.

В шести сериях эксперимента, поставленного для проверки приведенного выше предположения, испытуемые (37 мужчины и 32 женщины) решали программно реализованную задачу по поражению мишеней в различном темпе [16]. Мишени, появлявшиеся по очереди на воображаемой окружности радиусом 40 мм, поражались с помощью устройства «мышь». В сериях эксперимента мишени поражались в определенном темпе: 1 – удобном; 2 – максимальном; 3 – удобном с временным ориентиром (ВО); 4 – в два раза медленнее от удобного с ВО (медленном); 5 – предельно быстром с ВО (согласно с наиболее быстрыми реакциями в серии 2); 6 – удобном. Задаваемый временным ориентиром темп в сериях 3 и 4 устанавливался соответственно с удобным темпом в серии 1. Временным ориентиром была предъявлявшаяся в узком «окне» на экране информация об отклонении требуемого времени поражения мишеней (центр «окна») от текущего (подвижная метка в «окне»). Испытуемые должны были действовать так быстро, чтобы минимизировать указанное отклонение. В сериях 3 и 6 диагностировались переживания испытуемых: эмоциональная окраска (цветовой тест отношений А.М. Эткинды); эмоциональное напряжение (кожно-гальваническая реакция – КГР по Фере); самооценка напряжения по 10-бальной шкале (табл. 3).

Таблица 3

Средние арифметические значения кожно-гальванической реакции (КГР – в единицах шкалы микроамперметра) и самооценок напряжения (СоН – баллы) у испытуемых мужской и женской групп в сериях эксперимента

Серия	3 (удобный, временной ориентир)		4 (медленный, временной ориентир)		5 (быстрый, временной ориентир)		6 (удобный)	
	КГР	СоН	КГР	СоН	КГР	СоН	КГР	СоН
Мужская	6,38	3,68	6,35	2,24	9,2	5,76	5,03	2,43
Женская	3,56	3,78	4,44	2,22	6,23	6,28	6,09	3,72

При упорядочивании серий с различным темпом (с ВО) в связи с увеличением КГР (критерий Вилкоксона) и самооценок напряжения (критерий Стьюдента) наблюдаются определенные соотношения. Если для темпа по КГР характерно соотношение: удобный < медленный < быстрый, то для самооценок – соотношение: медленный < удобный < быстрый. Эти соотношения совпадают лишь отчасти. Так, если в мужской группе оценки КГР, представляющие неосознаваемый уровень регуляции, и сознательные самооценки напряжения коррелируют при удобном темпе с ВО ($r_s=0,31$; $p<0,07$) и без ВО ($r_s=0,46$; $p<0,01$), то в женской группе они вообще не связаны. При этом у женщин, в отличие от мужчин, напряжение (КГР) при работе в удобном темпе без ВО выше, чем с ВО ($T=40$; $p<0,01$), а по уровню такое же, как и при быстром темпе (см. табл. 3). Здесь отчетливо выступают различия в оценках нервно-психического напряжения в сознании и на неосознаваемом уровне регуляции деятельности.

Представленные цветовыми ассоциациями импрессиивные реакции испытуемых на определенный темп действий имеют устойчивые очертания (превышение частот выбора цветов над уровнем равновероятных выборов оценивалось по биномиальному m -критерию). При этом общность впечатлений испытуемых подтверждается связями (по Спирмену) между вероятностями цветовых предпочтений в группах (серия 3 – $r_s=0,89$; серия 5 – $r_s=0,84$). Общие цветовые предпочтения такие: медленный темп – серый; удобный темп с ВО – зеленый; быстрый темп с ВО – красный, удобный темп – зеленый. В переживаниях медленного и удобного темпа с ВО выделяется и специфическая эмоциональная «окраска»: медленный темп у женщин – желтый, у мужчин – зеленый; удобный темп с ВО у женщин – серый. Психологические интерпретации приведенных цветовых ассоциаций вполне согласуются с субъективным смыслом выполнения действий в определенном темпе.

Анализ результатов показывает, что представленная уровнем нервно-психического напряжения активационная характеристика переживаний и эмоциональная импрессия для каждого темпа деятельности имеет свою специфику. Эта специфика (изменение состояния и впечатлений человека) проявляется прежде всего на неосознаваемом, установочном уровне психической регуляции, и она показывает себя информативной для оценки и регулировании субъектом переживаемого психологического времени деятельности. Таким образом, возможны два различных варианта оценивания человеком времени деятельности: осознаваемые формальные оценки измеряемого часами физического времени; неосознаваемые эмоциональные оценки психологического времени. При этом сознательные оценки физического времени характеризуют величину несовпадения точечных моментов свершения определенных событий, тогда как эмоциональные оценки времени, как и установка, относятся ко всей временной перспективе действий и к активационному потенциалу, необходимому для выполнения действий.

Выводы

1. Психическое как процесс, принимаемое как основа психических явлений и характеризуемое непрерывностью, континуальностью, целостностью, следует рассматривать в качестве основания для определений непрерывной длительности выполнения действий человеком.

2. Длительность действия определяется качественно специфичной бессознательной установкой и, соответственно, инерционностью соответствующего ей доминантного источника возбуждения в мозгу человека.

3. Необходимая содержательная определенность длительности действия обеспечивается содержательной определенностью установки на это действие.

4. Целостность определяемой установкой длительности действия обеспечивается целостностью организации самой установки на действие, изначально предполагающей все основные аспекты необходимых взаимодействий человека с окружающей действительностью.

5. Оценка психологического времени в процессе реализации деятельности осуществляется человеком на сознательном и неосознаваемом установочном уровне психической регуляции. На неосознаваемом установочном уровне организации деятельности оценка психологического времени осуществляется в связи с интенсивностью и качественным своеобразием эмоциональных переживаний, проявляющихся в психических (импрессия) и физиологических (нервно-психическое напряжение) реакциях на текущую ситуацию и процесс выполнения действия.

Литература

1. Абульханова К.А. Время личности и время жизни / К.А. Абульханова, Т.Н. Березина. – СПб.: Алетей, 2001. – 304 с.
2. Алюшин А.Л. Темпомиры: Скорость восприятия и шкалы времени / А.Л. Алюшин, Е.Н. Князева. – М.: Изд. ЛКИ, 2008. – 240 с.
3. Асмолов А.Г. Деятельность и установка / Асмолов А.Г. – М.: Изд. МГУ, 1979. – 150 с.
4. Бассин Ф.В. Сознание и «бессознательное» // Философские вопросы физиологии высшей нервной деятельности / Ф.В. Бассин. – М., 1963. – С. 425–474.
5. Бжалава И.Т. Установка и восприятие времени // Т.2 : Психологические исследования; ред. А.С. Прангишвили / И.Т. Бжалава. – Тбилиси, 1971. – С.5–13.

6. Брушлинский А.В. Психология субъекта / Брушлинский А.В. – М.: «Алетейя», 2003. – 272 с.
7. Гайслер Г.-Г. Модель временных квантов психической активности / Г.-Г. Гайслер // Психологический журнал. – 1994. – Т. 15, № 6. – С. 69–79.
8. Геллерштейн С.Г. "Чувство времени" и скорость двигательной реакции / Геллерштейн С.Г. – М.: Медгиз, 1958. – 148 с.
9. Головаха Е.И. Психологическое время личности / Е.И. Головаха, А.А. Кроник. – М.: Смысл, 2008. – 267 с.
10. Зинченко В.П. Установка и деятельность: нужна ли парадигма // Бессознательное (The unconscious): Природа, функции методы исследования; [ред. Ф.В. Бассина, А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия] / В.П. Зинченко. – Тбилиси, 1978. – С.133–146.
11. Конопкин О.А. Психологические механизмы регуляции деятельности / Конопкин О.А. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
12. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М. Пруст. «В поисках утраченного времени» / Мамардашвили М.К. – СПб.: Изд. Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – 572 с.
13. Мдивани К.Д. Восприятие времени и установка // Психологические исследования; ред. А.С. Прангишвили / К.Д. Мдивани. – Тбилиси, 1966. – С.114–121.
14. Надирашвили Ш.А. Закономерности формирования и действия установок различных уровней // Бессознательное (The unconscious): Природа, функции методы исследования [ред. Ф.В. Бассина, А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия] / Ш.А. Надирашвили. – Тбилиси, 1978. – С. 111–122.
15. Платонов К.К. Основы авиационной психологии: учебник [для заведений гражданской авиации] / К.К. Платонов, Б.М. Гольдштейн. – М.: Транспорт, 1987. – 222 с.
16. Плохих В.В. Психология временной регуляции деятельности человека: [монография] / Плохих В.В. – Донецк : Ландон XXI, 2011. – 412 с.
17. Прангишвили А.С. К проблеме бессознательного в свете теории установки: школа Д.Н. Узнадзе // Бессознательное (The unconscious): Природа, функции методы исследования; [ред. Ф.В. Бассина, А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия] / А.С. Прангишвили. – Тбилиси, 1978. – С. 84–94.
18. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / Рубинштейн С.Л. – СПб.: Питер, 2003. – 512с.
19. Середа Г.К. Избранные психологические труды: [сборник] / Середа Г.К.; [сост. Е.Ф. Иванова, Е.В. Зайка]. – Х.: ХНУ имени В.Н. Каразина, 2010. – 352 с.
20. Стрелков Ю.К. Инженерная и профессиональная психология / Стрелков Ю.К. – М.: Академия; Высшая школа, 2001. – 360 с.
21. Сысоева О.В. Две мозговые подсистемы кодирования длительности стимула (часть 2) / О.В. Сысоева, А.В. Вартанов // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26, № 2. – С. 81–90.
22. Тейлор С. Покорение времени: Как время воздействует на нас, а мы на время / Тейлор С.; [пер.с англ. Н. Лисовой]. – М.: Альпина нон-фикшн, 2010. –256с.
23. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки / Узнадзе Д.Н. – Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1961. – 211 с.
24. Ухтомский А.А. Доминанта / Ухтомский А.А. – М.-Л.: Наука, 1966. – 274 с.
25. Фресс П. Приспособление человека к времени / П. Фресс // Вопросы психологии. – 1961. – № 1. – С. 43–57.
26. Цуканов Б.И. Время в психике человека / Цуканов Б.И. – Одесса: АстроПринт, 2000. – 217 с.
27. Чхартишвили Ш.Н. К вопросу об онтологической природе бессознательного // Бессознательное (The unconscious): Природа, функции методы исследования; [ред. Ф.В. Бассина, А.С. Прангишвили, А.Е. Шерозия] / Ш.Н. Чхартишвили. – Тбилиси, 1978. – С. 95–110.
28. LaBerge D. Preparatory attention: experiment and theory / D. LaBerge, L. Auclair, E. Sieroff // Consciousness and Cognition. –2000. –Vol.9, №3. –P.396–434.
29. Schatzki T.R. The time of activity / T.R. Schatzki // Continental Philosophy Review. – June 2006. – Vol. 39, № 2. – P. 155–182.

УДК 159.9(075.8)

Методологические проблемы психологии и теория установки Д.Н.Узнадзе

Подшивалкина В.И.

В работе анализируются особенности методологических оснований исследований установки Д.Н.Узнадзе и показано их значение для развития современной психологии.

Ключевые слова: методология, теория установки, установка.

У роботі аналізуються особливості методологічних підстав досліджень установки Д.Н.Узнадзе й показано їхнє значення для розвитку сучасної психології.

Ключові слова: методологія, теорія установки, установка.

In this paper methodological bases of D.N.Uznadze`s attitudes researches are analyzed and their significant for modern psychology is shown.

Keywords: methodology, theory of the installation and maintenance.

Развитие науки невозможно без переосмысления наследия предшественников. Трудно себе представить нашего современника, прежде всего психолога, который не знал бы и не использовал понятия установки. Идеи Д.Н.Узнадзе про установку стали частью мировой культуры и в наши дни используются во многих современных рекламных, маркетинговых, политических, психологических технологиях.

Достоинство оригинальных и глубоких теорий состоит в том, что предложенные в них новый образ реальности, система понятий и логических заключений, пройдя десятилетия переосмысления разными авторами, остаются источником новых идей [4].

В условиях многолетних методологических дискуссий внутри психологии особое значение приобретает переосмысление особенностей методологического самоопределения Д.Н.Узнадзе.

Отметим, что в современной науке можно выделить три самодостаточные парадигмы: классическую, или естественно - научную, неклассическую и постнеклассическую или гуманитарную.

Классическая парадигма берет за научный идеал принципы исследования в естественных или номотетических науках. Из множества характеристик этой парадигмы, обратим внимание на те, которые берутся в качестве основных: это позиция абсолютного наблюдателя, объяснение, акцент на объекте и принципиальное элиминирование всего того, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация является условием достижения объективно-истинного знания о мире.

Неклассическая парадигма учитывает связь между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве необходимого условия объективно-истинного описания и объяснения мира. Вместе с тем, связи между внутри научными и социальными ценностями и целями остаются вне сферы рефлексии.

Постнеклассическая методология предполагает соотнесенность знаний об объекте не только со средствами и операциями деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. Возникновение нового типа рациональности не отрицает тех типов рациональности, которые предшествовали ему, но ограничивает поле их действий.

Рассматривая схематично историю психологии XX века через призму методологических проблем, отметим, что конец XIX – начало XX века характеризовалось активными дискуссиями о возможностях применения экспериментального метода в психологии, как одного из основных в естественных науках. К середине XX столетия экспериментальный метод становится основой многих психологических исследований. Но начало XXI века характеризуется дискуссией об ограниченности сферы применения эксперимента в психологии.

Еще Э.Кант утверждал, что использование математики и эксперимента позволят стать психологии настоящей наукой, но именно эти два условия, по Канту, были невыполнимы, что делало, по его мнению, невозможным достижение психологией высот естественных наук.

Как известно, создатель первой психологической лаборатории в Российской империи Н.Н.Ланге обосновывал особую ценность психологического эксперимента преимущественно в четырех отношениях: во-первых, как улучшенный метод самонаблюдения; во-вторых, как особый логический прием, открывающий зависимость между психическими явлениями; в-третьих, как метод измерения этих явлений; в-четвертых, как прием исследования психической жизни по ее внешним проявлениям — движениям и словам [1]. Иначе говоря, вектор обсуждения проблем эксперимента, предложенный Н.Н.Ланге, можно определить как «массовые экспериментальные наблюдения против массовых неэкспериментальных наблюдений».

Известно, что на Всероссийском съезде по педагогической психологии в 1909 году (в год, когда Д.Н. Узнадзе вернулся в Грузию и начал работать в Кутаисской гимназии учителем истории) Н.Н.Ланге вступает полемику профессором Г.И. Челпановыми, который к тому

времени выпустил учебник «Экспериментальная психология». По сути, доклад Г.И. Челпанова был направлен против бихевиоризма и игнорированием его представителями теории. Его возражения касались правомерности выделения экспериментальной психологии в отдельную самостоятельную дисциплину, и он настаивал на том, что эксперимент, это всего лишь один из методов [2]. Иначе говоря, вектор критики Г.И. Челпановым экспериментальной психологии - «теоретическое - эмпирическое» в психологической науке.

В этой связи, отметим четкость методологических позиций Д.Н.Узнадзе. Он определяет собственную позицию как в отношении использования эксперимента в обосновании идеи установки, так и в отношении основных принципов классической методологии, а именно принципа детерминации и эмпирического принципа.

Экспериментальный метод в работах Д.Н.Узнадзе выступает, прежде всего, как особый логический прием, позволяющий открыть зависимости между психическими явлениями, обосновать теоретические конструкты и сделать необходимые измерения. Выбор метода исследования строится на предлагаемых автором теоретических представлениях об изучаемом феномене, именно они определяют суть методических приемов в обосновании каждого из теоретических конструктов: установка, фиксированная установка и других.

Успехи естественных наук Д.Н.Узнадзе связал с принципом «замкнутой каузальности», который строится на предположении о том, что все физические явления находятся в непосредственной связи друг с другом и определяются в процессе этой взаимной связи. В дальнейшем этот же принцип непосредственной связи явлений был перенесен и в сферу других наук в надежде, что это обстоятельство сделается основой такого же успешного темпа развития и в этих областях знания.

В психологии этот принцип использовался и теми, кто отстаивал идею параллельности физического и психического, так и их взаимодействия. Иначе говоря, общепризнанным принципом традиционной психологии является положение о непосредственности характера связи между обычными психическими или между психическими и физическими процессами.

Всякая наука стремится к отражению тех закономерностей, существование которых подразумевается в пределах изучаемого предмета — определенного отрезка действительности. При этом Д.Н.Узнадзе отмечает, что сравнительно просто решается этот вопрос в естественно-научных дисциплинах, поскольку они изучают природу — объективную, совершенно независимую от человека сферу действительности. Признавая в целом, что этот вопрос можно считать совершенно законным и по отношению к так называемым общественным наукам, Д.Н.Узнадзе, проблематизирует правомерность его применения в языкознании и признания независимого закономерного характера изменений, происходящих в сфере языка. И связывает это с тем, что «область действительности, которую изучает языкознание, совсем не является единой объективной, независимой от человека сферой действительности, например такой, каковой является предмет исследования физики — область физических явлений. Наоборот, то, что исследует языкознание, — язык — является лишь принадлежностью человека, лишь продуктом его творчества: язык возник в обществе людей, и он не существует вне человека; в языке не существует ничего такого, что бы не было сказано человеком, что бы не было создано им» [3, 383]. Он показывает, что мир языковых явлений является производным, зависимым миром, за которым стоит человек, и все, что совершается в нем, совершается посредством человека.

Таким образом, Д.Н.Узнадзе фиксирует необходимость различных по своему вектору методологических установок психолога. С одной стороны, определенные области психологической реальности можно исследовать на основе классических принципов, а с другой существуют сферы психологического знания, в которых принципиальным является произвольность действий и их субъектный характер.

Д.Н.Узнадзе раскрывая смысл эмпирического принципа, показывает, что он сводится к следующему: между живым организмом и средой следует предположить в принципе наличие глубокой пропасти, которая не дает живому организму возможности непосредственно пользоваться данными этой среды. Для того чтобы живое существо могло выделить в среде что-нибудь для него необходимое, что-нибудь подходящее для удовлетворения его потребностей, для этого оно должно обратиться к ряду «проб и ошибок» и продолжать эти «пробы и ошибки» до тех пор, пока случайно не натолкнется на что-нибудь подходящее для удовлетворения его потребности. Д.Н.Узнадзе подчеркивает, что активную роль установки во взаимодействии со средой, которая позволяет «хоть несколько смягчить безусловное господство этой эмпирической предпосылки в нашей науке» [3, 35].

Отметим также особый вклад Д.Н.Узнадзе в углублении принципа развития в современной психологии. Если переформулировать этот принцип в психологии через понятие тождественности человека себе самому во времени, то в соответствии с теорией установки Д.Н.Узнадзе, естественные установки, актуальные установки обеспечивают эту тождественность, как ответ на бесконечное изменение окружающего мира. Вместе с тем, введенное Д.Н.Узнадзе понятия объективация, рассмотренная им как механизм поддержания собственной тождественности, позволяет объяснить сосуществование этих противоположных тенденций в каждом человеке, позволяя ему и развиваться и оставаться самим собой одновременно.

«Если приглядеться к первому уровню — уровню установки, то нетрудно увидеть, что

жизнь на этом уровне представляет собой безостановочный поток ряда изменений, неустанное становление нового: она не знает ничего повторяющегося, ничего тождественного. Здесь, в плане установки, основным принципом действительности является принцип становления, исключаящий всякую мысль о неизменяемой тождественности явлений» [3, с. 153].

Он подчеркивает, что в отличие от отражения, в плане объективации, психологи имеют дело с отражением, построенным на основе логического принципа тождества, необходимого для регулирования актов нашей мысли. Объективация позволяет стоять вне пределов актуальной практической задачи, выше этих пределов и позволяет человеку задерживать импульсивное удовлетворение отдельных потребностей.

Это означает, что человек в процессе всякой своей активности, в частности и особенности в процессе труда, вынужден противостоять непосредственному руководству импульса актуальной установки и, вместо продолжения активности, обратиться к актам объективации.

Таким образом, акт объективации обеспечивает возможность повторного переживания и изучения человеком осуществленных им действия.

Говоря об особенностях установок человека, Д.Н.Узнадзе рассматривает проблемы речи. Именно слово стимулирует объективацию, как у самой личности, так и у другого человека. Содержание речи зависит от того, как отражено субъектом, в каком виде им осознано, то содержание, объективацию которого он должен обеспечить посредством слова.

«Не только воздействие самого объективного положения вещей вызывает непосредственный эффект в субъекте в виде смены его установки, но и воздействие идейных содержаний. Следовательно, ничто не мешает нам считать, что достаточно воздействия хотя бы только идеи на субъекта, чтобы в нем, в соответствующих условиях, проявилась соответственная установка» [3, с.163].

Он подчеркивал, что слово определяется самим субъектом, имеющим ту или иную установку.

Таким образом в творчестве Д.Н.Узнадзе, с одной стороны, представлен классический психологический эксперимент, а с другой обсуждаются проблемы, которые особое звучание приобрели в начале XXI века, в частности понятия субъекта, опредмечивания мира, нарратива.

Идея объективации находит свое развитие в нарративах, как средстве объективации реальности и формирования установки. Через рассказы другим множества происходящих с человеком историй происходит переосмысление собственно опыта и формирование установок на определенные события. Исходя из идей Д.Н.Узнадзе, можно утверждать, что именно в нарративе происходит объективация переживаний, повторение опыта.

Таким образом, творчество Узнадзе составляет сокровищницу неклассического этапа в развитии психологии и нуждается в глубоком изучении, как основы для понимания современных тенденций развития психологии.

Литература

1. Ланге Н.Н. Психологические исследования. Закон перцепции. Теория волевого внимания. – Одесса. 1893. – 296 стр.
2. Прения по докладу Г.И. Челпанова // Тр. II Всероссийского съезда по педагогической психологии. СПб, 1910. С. 68-91.
3. Узнадзе Д. Н. Психология установки. — СПб.: Питер, 2001. «Психология-классика»). 416 с.
4. Юревич А.В. Структура психологических теорий // Психологический журнал, 2003, №1 – С. 5-13

УДК 159.9

Влияние психологических установок на процесс волевого поведения в чрезвычайных ситуациях

Поляков И.А., Побидаш А.Ю.

Аннотация. В статье проанализированы существующие в отечественной психологической науке взгляды на процесс волевого поведения субъекта в очаге чрезвычайной ситуации, а также влияния установки на этот процесс. Описан механизм установки поведения субъекта и проявления им воли в условиях чрезвычайной ситуации. Также описан механизм доминирования ведущих компонентов в поведении субъекта при выполнении профессиональных задач в зоне чрезвычайной ситуации при возникновении непредвиденных ситуаций, описаны их последствия.

Анотація. У статті проаналізовано існуючі у вітчизняній психологічній науці погляди на процес волевої поведінки суб'єкта в осередку надзвичайної ситуації, а також вплив установки на цей процес. Описано механізм установки поведінки суб'єкта і прояви ним волі в непередбачуваних умовах надзвичайної ситуації. Також описаний механізм домінування провідних компонентів у поведінці суб'єкта при виконанні професійних завдань в зоні надзвичайної ситуації при виникненні непередбачених ситуацій, описані їх наслідки.

Annotation. The article analyzes the existing psychological science in the national approach to the subject of volitional behavior in the cell of an emergency, and the impact of installation on the process. We describe the mechanism of setting behavior of the subject and will display it in an emergency contingency. Also described a mechanism of domination leading components in the behavior of the subject in performing their professional tasks in the emergency area in case of unforeseen situations, described the consequences

Постановка проблемы. Известно, что чрезвычайные ситуации (ЧС) оказывают мощное влияние на состояние психического здоровья людей, которые пострадали от них. Часто такое влияние достигает патогенного уровня и становится причиной формирования целого ряда психических и поведенческих расстройств к которым, в частности, относятся: острые реакции на стресс, разнообразные расстройства адаптации, а также стойкие изменения личности после перенесенного катастрофического события [2; 3].

Анализ последних исследований. На сегодняшний день в психологической науке существует ряд исследований, предметом которых являлось изучение поведения личности, оказавшейся в экстремальной ситуации. Методологической основой исследования для нашей статьи стали Б.Г. Ананьев, П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, Л.С. Выготский, Г.С. Костюк, В.И. Лебедев, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, И.И. Рихтер, Д.Н. Узнадзе, А.С. Прангшвили и др., а также ряд современных авторов М.И. Лим, А.В. Тимченко, Д.С. Титаренко.

Мы констатируем, что теория проблемы поведения личности непосредственно в условиях чрезвычайной ситуации в отечественной психологической науке недостаточно разработана. Сейчас существует не так много исследований отечественных ученых, фактически аккумулированные в научно-исследовательской лаборатории экстремальной и кризисной психологии Национального университета гражданской защиты Украины, созданной лишь в 2006 году. Поэтому говорить о большом опыте и научно-теоретических основах по изучению данной проблемы в отечественной психологической науке не приходится.

Такое положение дел мы наблюдаем еще и в связи с тем, что, в современной отечественной психологической науке пока не существует общепринятой концепции, которая полностью объясняет причины, вызывающие изменения психического здоровья людей, оказавшихся в зоне чрезвычайной ситуации.

Цель. На основе анализа существующих научных исследований показать, как влияет психологическая установка на процесс волевого поведения субъекта в очаге чрезвычайной ситуации.

Основной материал. Всех людей, оказавшихся в очаге чрезвычайной ситуации, мы можем условно разделить на тех, кто спасает (например, спасатель) и тех, кого спасают (пострадавшие).

У каждого спасателя изначально присутствует установка на спасение жизни другого человека. Другими словами, спасатель берет ответственность за жизнь человека, благодаря чему он может становиться выше своих потребностей, выступая как субъект воли. Именно эту особенность Д.Н. Узнадзе отмечает, как одну из важнейших характеристик личности в своей теории установки [7]. Установка считается основным регулятивным механизмом поведения человека, определяя его направленность и избирательную активность. Однако сущность личности не сводится к функционированию установки, а определяется наличием таких основополагающих проявлений, как сознание и способность к объективации. Характерной особенностью личности является осуществление далекой мотивации, совершение действий и поступков, цель которых в удовлетворении потребностей, предназначенных для будущей жизни. Высшие потребности – интеллектуальные, моральные и эстетические – соответствуют Я-концепции человека. Установка же проявляется в настоящем времени, хотя и является определённой формой антиципации.

Можно предположить, что фактор опасности в значительной мере повышает ответственность и выступает как «возбудитель активного творчества», «отважного состояния душевных сил». Если фактическое напряжение только понижает физические и духовные силы

человека, то переживание ответственности в ситуации опасности «может явиться моментом потенцирования сил и энергии сопротивления» [5], что способствует преодолению опасности. Напротив, боязнь опасности, как отмечал И.И. Рихтер, лишает человека этих преимуществ, способствуя всяким происшествиям и несчастьям [5].

Человек, оказавшись заложником чрезвычайной ситуации, находится изначально в роли жертвы. Поведение субъекта в данной ситуации может протекать на двух уровнях – как импульсивное (инстинктивное) и регулируемое сознанием. В нашей статье мы будем рассматривать инстинктивное поведение субъекта, как одно из составляющих импульсивного поведения. В первом случае направленность поведения определяется установкой, возникающей при взаимодействии потребностей человека и ситуации, в которой они актуализируются. В случае импульсивного поведения установку создает актуальная ситуация. Другими словами, у индивида появляется определенная конкретная потребность, при этом он находится в определенной конкретной ситуации, в которой должна быть удовлетворена возникшая потребность. На основе взаимоотношения этой актуально переживаемой потребности и актуально данной ситуации у субъекта появляется определенная установка, лежащая в основе его поведения. Так рождается импульсивное поведение. Естественно, что в данном случае переживание субъекта таково, что он не чувствует свое Я подлинным субъектом поведения — он не объективирует ни свое Я, ни свое поведение, поэтому импульсивное поведение никогда не переживается как проявление самоактивности «Я». Но как мы уже отметили выше, мы в своей статье рассмотрим только одну из составляющих импульсивного поведения – инстинктивное поведение. В очаге чрезвычайной ситуации оно выступает в виде инстинктивных реакций на внешний раздражитель чрезвычайной ситуации (защитные механизмы личности, реакции на стресс по типу «бей», «беги» или «стой») [4].

Что касается произвольного (регулируемого) поведения, то здесь установку вызывает не актуальная ситуация. Актуальная, то есть конкретная, ситуация, в которой субъект находится в данный момент, решающего значения не имеет. Дело в том, что субъект здесь заботится не об удовлетворении переживаемой в данный момент потребности, а стремится к удовлетворению отвлеченной потребности.

Какая же ситуация принимает участие в создании установки, лежащей в основе волевого поведения? Обратимся к нашему примеру. Оказавшись в условиях чрезвычайной ситуации спасатель решает, как ему поступить — пойти через неожиданно образовавшуюся преграду или искать новый путь. Он заранее представляет себе обе эти ситуации (и преодоление преграды, и поиск другого выхода); осмысливает все, что может последовать в результате и одного, и другого, и, в зависимости от того, какая потребность Я пересилит, у него возникает или установка преодолеть преграду, или же установка поиска нового пути.

Волево поведение, которое детерминирует принятие решения, должно осуществиться в будущем. Следовательно, и соответствующая ситуация не может быть полностью дана в настоящем, а может быть только представлена и осмыслена. Поэтому установку, возникающую в момент принятия решения и лежащую в основе процесса волевого поведения, создает воображаемая, или мысленная, ситуация.

Можно сделать вывод, что генезис установок импульсивного (инстинктивного) и волевого поведения различен, в частности, в основе первой лежит актуальная ситуация, а второй — воображаемая, или мысленная.

Но даже подготовленный человек при возникновении непредвиденной ситуации может оказаться в роли жертвы, стать на её уровень [4].

И.И. Рихтер выделил два рода опасностей: нормальные и чрезвычайные. К нормальным опасностям он относил те, которые запрограммированы в данной деятельности (экстремальные факторы профессиональной деятельности спасателей). Те же опасности, которые возникают неожиданно из-за каких-то ошибок человека, поломок техники, он считал чрезвычайными. «Такие непредусмотренные опасности, писал он, убивают своей неожиданностью, страхом, смущением» [5].

Субъект оказавшись в специфических условиях очага чрезвычайной ситуации резко меняет своё поведение. В первое время оно характеризуется краткосрочным состоянием оцепенения, дезорганизацией действий и мыслей, нелогичностью мыслительного процесса, общим состоянием растерянности, появляется эмоциональный дискомфорт, напряжение, тревога, страх, паника.

Дальнейшее поведение определяется врождёнными психофизиологическими характеристиками и подготовленностью субъекта действовать в подобных ситуациях.

Процесс восприятия информации о сложившейся ситуации направлен на осуществление акта сенсорного синтеза, в котором все полученные данные объединяются в некую единую систему, подчиненную установкам субъекта. То есть, после непродолжительного замешательства, у него, как правило, снова включается установка на рациональное поведение, которое направлено на выполнение профессиональных задач в очаге чрезвычайной ситуации. Как мы уже сказали, биологическую основу для установки дают психофизиологические характеристики. Далее она формируется благодаря комплексной профессиональной подготовке (профессионально-физической, психологической, тактико-технической), а также субъективному профессиональному опыту и является главной частью организации

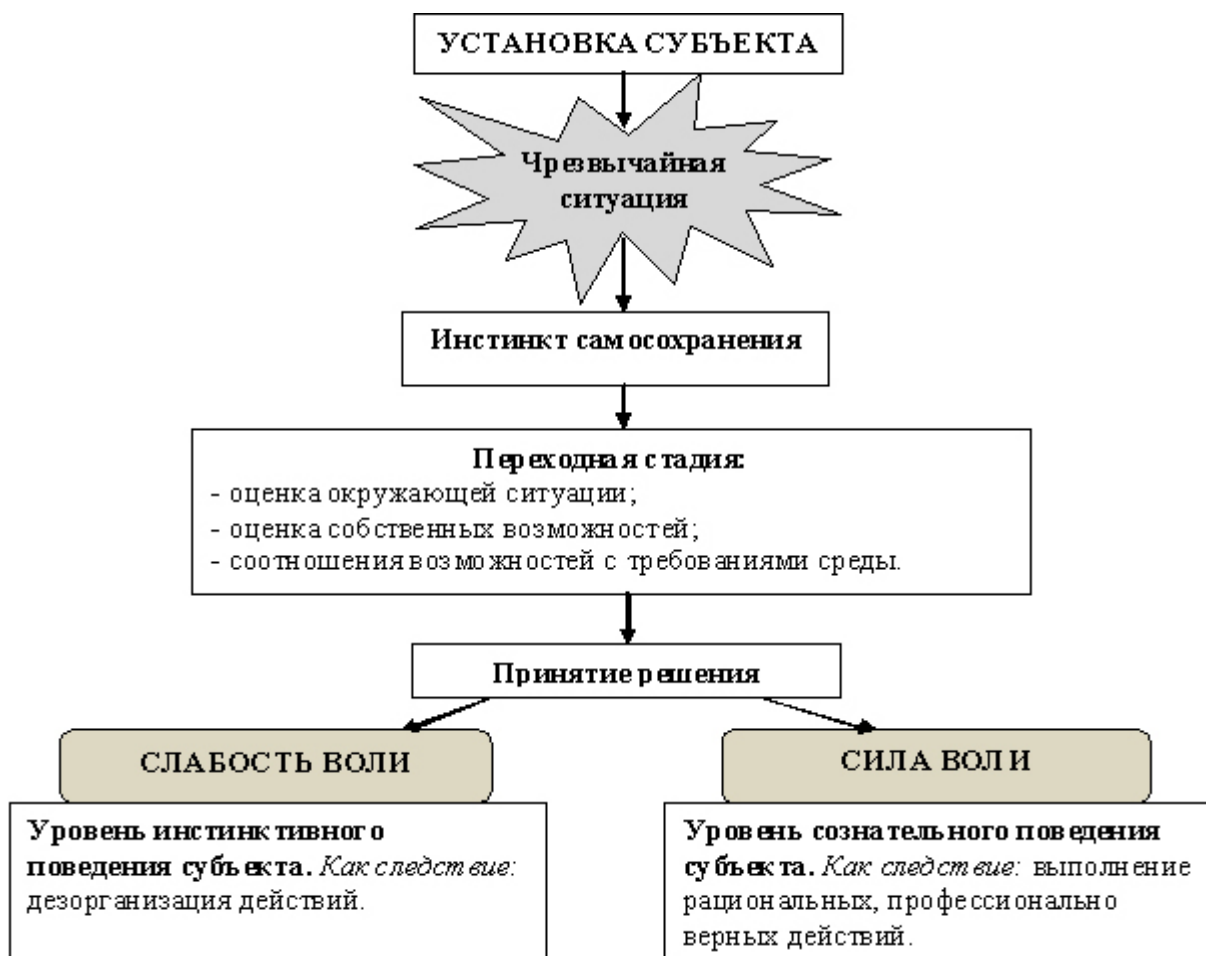
предметного действия. Причем, чем полнее и разностороннее будет отражена в сознании индивида сложившаяся ситуация, тем более обоснованно можно находить адекватные способы ее решения [1].

Неполный сенсорный синтез, отсутствие профессиональной подготовки либо недостаточность опыта могут послужить причинами ошибок действий субъекта в очаге чрезвычайной ситуации [1].

Мы уже сказали о том, что у профессионала изначально присутствует установка на спасение жизни другого. Насколько бы не был подготовлен спасатель к действиям в условиях чрезвычайной ситуации, но в момент стресса он не застрахован от ошибок в действии. Человек по своей природе не может обойти влияния таких механизмов как: инстинктивные реакции, защитные механизмы личности и т.п. Что же происходит с личностью субъекта в момент опасной ситуации? Первым, как правило, срабатывает инстинкт самосохранения, который выражается в двигательном действии (пригнуться, отпрыгнуть, сгруппироваться и т.д.). Далее включается переходная стадия сознания, где оцениваются окружающая ситуация, собственные возможности и соотношения собственных возможностей с требованиями окружающей среды.

Рассмотрим схему установки поведения субъекта до входа в очаг чрезвычайной ситуации и до его выхода из неё.

Схема установки поведения субъекта в ЧС

Если на этом уровне сознание получает ответы на такие вопросы как:

«могу – не могу», «хочу – не хочу», «нужно – не нужно», то личность выступает как субъект воли. При отрицательных ответах у личности начинают доминировать эмоции, которые в наивысшей точке достигают максимального напряжения, после чего в её поведении наступает дезорганизация действий, дезориентация в пространстве и времени, возникает чувство растерянности, паники, истерики и ужаса. В этом случае личность выступает как субъект проявления слабости воли.

Действие человека всегда направлено на достижение определенной цели, образ которой актуализируется в его сознании в виде некоторой модели «потребного будущего». Предметное действие направлено на достижение промежуточной цели: деятельности и движимо мотивами этой деятельности. Поэтому действия расцениваются как вполне осознанный акт, более того, поступок, имеющий социальное значение (спасение людей).

Под влиянием этой цели, а также мотивов всей деятельности центральная нервная система человека и органы чувств настраиваются на восприятие информации необходимой для достижения цели, и прежде всего информации о существующей пока обстановке, ситуации, ведь его управляющее действие как раз и должно преобразовать имеющуюся обстановку в другую - соответствующую поставленной цели. И для этого человек должен прежде всего

достаточно полно оценить то, что пока есть. Объединение всей наличной информации о сложившейся обстановке осуществляется с учетом прошлого опыта, настоящих и прошлых эмоциональных проявлений человека, связанных с выполнением подобных действий.

Если существующая ситуация совпадает с желаемой целью, то нет и нужды в каких либо действиях. Напротив, когда между существующим положением дел и целью имеется расхождение, тогда в сознании человека формируется некий новый образ. Этот образ задачи, сложившийся под влиянием потребной цели действия, обстановочной афферентации и мотивации к выполняемой деятельности, подсказывает человеку, что ему нужно делать. А роль мотивации состоит в том, что она превращает то или иное физическое поведение в определенное психологическое поведение. Это происходит благодаря включению данного поведения в систему основных потребностей личности, в результате чего у субъекта возникает установка его выполнения. А это означает, что основой волевого поведения является определенная установка.

В волевом процессе выделяется такая последовательность: «Весь процесс следует представить следующим образом: сперва установление посредством мышления целесообразного поведения, затем процесс мотивации, и, наконец, акт решения» [6].

Часто для личности кажутся неприемлемым результаты импульсного (инстинктивного) поведения для того отрезка времени и пространства, в котором оно должно осуществиться. Такое положение может возникнуть в случае, если субъект может осознать последствия своего реального поведения (в большей мере это должно относиться к спасателю). Осознание же результатов поведения становится возможным, когда личности удается выскользнуть из актуального течения времени и заглянуть в будущее. Возможность эта дает акт объективации. Благодаря акту объективации человек противопоставляет реальности, что позволяет пережить и осознать не только актуальную данность, но и возможные события и явления. Субъект, манипулирующий возможными событиями, не только живет во времени и пространстве, но и объективирует их (например, спасатель вытягивает пострадавшего из очага ЧС). Тем самым личность в определенной последовательности располагает во времени и пространстве свои возможные действия, чем обеспечивается активное психологическое использование времени и пространства. Благодаря этому при осуществлении импульсного поведения личность может почувствовать импульсы и других возможных действий, что оказывает влияние и на течение реальной активности. Особо данный тезис важен с позиции возможностей реализации содержания этого подхода в практике профессиональной подготовки спасателей МЧС Украины, когда в рамках системы стандартных действий он их будет выполнять в различных пространственных и временных условиях.

Выводы. Таким образом, мы проанализировали существующие в отечественной психологической науке взгляды на процесс волевого поведения субъекта в очаге чрезвычайной ситуации, а также влияния установки на этот процесс и можем сказать, что любой профессионал, оказавшись в специфических условиях очага чрезвычайной ситуации, может проявлять как силу, так и слабость воли. Установка же, присутствовавшая изначально работает тогда, когда включено сознание. При доминировании эмоционального компонента в поведении возникает дезориентация во времени и пространстве, чувство растерянности, страха, паники, истерики, ужаса и как следствие – дезорганизация действий и провал в выполнении профессионального задания. На процесс проявления воли в условиях ЧС влияют врожденные психофизиологические характеристики, профессиональная подготовленность субъекта действовать в подобных ситуациях и умение брать на себя ответственность за жизнь другого человека.

Литература

1. Анохин, П. К. Очерки физиологии функциональных систем / Анохин П. К. – М. : Медицина, 1975. – 448 с.
2. Лебедев, В. И. Личность в экстремальных условиях / Лебедев В. И. – М.: Политиздат, 1989. - 304 с.
3. Лім, М.І. Особливості надання екстреної психологічної допомоги постраждалим при аваріях на шахтах Донеччини : дис. ... кандидата психологічних наук: 19.00.09 – «Психологія діяльності в особливих умовах» / Лім Марина Іванівна. – Х., 2011. – 294 с.
4. Титаренко, Д.С. Особливості функціонування механізмів психологічного захисту у рятувальників в умовах екзистенціальної загрози: дис. ... кандидата психологічних наук: 19.00.09 – «Психологія діяльності в особливих умовах» / Титаренко Діана Сергіївна. – Х., 2011. – 206 с.
5. Рихтер, И.И. Железнодорожная психология / [Рихтер И.И.] // Железнодорожное дело. – 1985. – № 25 – С. 48 – 54.
6. Узнадзе, Д.Н., Теория установки. Избранные психологические труды / Узнадзе Д. Н. – М. : Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж : НПО «МОДЭК», 1997. – 428 с.
7. Узнадзе, Д. Н. Основные положения теории установки / Узнадзе Д. Н. – Тбилиси, 1961. – 210 с.

УДК 902+159.9(075.8)

**Д.Н. Узнадзе и Харьковский университет: страницы
общей истории**

Посохов С.И.

Статья посвящена проблеме влияния Харьковского университета на формирование взглядов выдающегося психолога XX в. Д.Н. Узнадзе, который некоторое время учился в данном университете. Рассматриваются причины, которые могли побудить Узнадзе избрать именно Харьковский университет. Высказывается гипотезе, что высокий уровень развития гуманитарных наук в Харьковском университете, в том числе психологии, способствовал будущим научным достижениям Д.Н. Узнадзе.

Ключевые слова: Д.Н. Узнадзе, Харьковский университет, история экспериментальной психологии

Статтю присвячено проблемі впливу Харківського університету на формування поглядів видатного психолога XX ст. Д.М. Узнадзе, який певний час навчався в цьому університеті. Розглядаються причини, які могли спонукати Узнадзе обрати саме Харківський університет. Висловлюється припущення, що високий рівень розвитку гуманітарних наук в Харківському університеті, в тому числі психології, сприяв майбутнім науковим досягненням Д.М. Узнадзе.

Ключові слова: Д.М. Узнадзе, Харківський університет, історія експериментальної психології

The paper is devoted to the issue of influence of Kharkov University on forming of views of D.N. Uznadze, an outstanding psychologist of the 20th century, who studied for a short period of time at this university. The reasons that might induce Uznadze to choose Kharkov University are analyzed. The hypothesis that a high level of the Humanities at Kharkov University, including psychology, contributed to future scientific advances of D.N. Uznadze is stated.

Keywords: D. Uznadze, Kharkiv university, history of experimental psychology.

История Харьковского университета наполнена множеством интересных событий и связана с именами многих выдающихся людей. В том числе, мы гордимся тем, что в университете учились такие известные грузинские ученые как академик, Герой Социалистического Труда хирург Ю. Ю. Джанилидзе, анатом академик А. Н. Нативили, здесь получил образование выдающийся лингвист академик Г. С. Ахвледиани. С 1910 по 1913 г. на историко-филологическом факультете обучался (сдавал экстерном экзамены) выдающийся психолог XX в., один из основоположников современной психологии, философ академик Д.Н. Узнадзе. В 1913 г. он получил диплом I степени об окончании Харьковского университета.

Дмитрий Николаевич Узнадзе родился в 1886 г. в с. Сакара Кутаисской губернии. Первоначальное образование получил в престижной Кутаисской гимназии, а в 1905 г. отправился в Германию, где поступил на философский факультет Лейпцигского университета. В то время это был один из ведущих университетов мира, в том числе это касалось философии и психологии. Достаточно сказать, что там работал и преподавал Вильгельм Вундт – отец экспериментальной психологии, основатель первой в мире психологической лаборатории. Различные курсы также вели ученые первой величины – Барт, Крюгер, Фолькельт, Шпрангер и др. В этом университете приобщился к науке и Узнадзе. В 1907 г. он написал свою первую научную работу, посвященную Лейбницу (которую ученый совет университета отметил премией), а в 1909 г. – работу о философском наследии Владимира Соловьева. Получив основательное образование, Узнадзе в том же году возвратился в Россию. Он стал преподавать историю в Кутаисской гимназии, вести активную просветительскую и лекционную работу в рамках так называемого «Народного университета». Начиная с 1910 г. в различных газетах и журналах появляются серии его статей под общим названием «Цели воспитания» (1910), «Очерки по экспериментальной педагогике» (1911), «Основная трагедия воспитания» (1912). В 1912 г. выходит книга «Введение в экспериментальную педагогику» [1].

И. Возникают вопросы: насколько харьковский эпизод биографии Д.Н. Узнадзе является случайностью и как он повлиял на его творчество? Сегодня сложно ответить на них однозначно. Прежде всего, сосредоточим внимание на тех факторах, которые могли способствовать этой «встрече». Харьковский период жизни Д.Н. Узнадзе изучен плохо. Иногда можно прочитать, что он учился на «факультете истории философии», «историко-философском факультете» Харьковского университета, хотя, как известно, это был историко-филологический факультет. Прежде всего, возникает вопрос о том, почему вдруг молодой ученый, получивший образование в Лейпцигском университете, защитивший в Германии (Галле) докторскую диссертацию, вдруг решил продолжить свое обучение в качестве студента в Харьковском университете? Объясняется это тем, что зарубежные дипломы об образовании не признавались в России. По крайней мере, со второй трети XIX века. По положению 1837 г. степень доктора наук приравнивалась к российской магистерской к тому же при наличии звания «адъюнкт». И только после трехлетней службы в ведомстве народного просвещения такой соискатель допускался к докторским испытаниям в одном из императорских университетов. Положением 1844 г. иностранцы, даже «остепененные», желавшие получить российские ученые степени, обязывались пройти те же испытания, что и российские подданные. В университетских уставах 1863 и 1884 гг. докторская степень иностранных университетов, независимо от подданства обладателя ею, предоставляла единственное право быть допущенным к магистерским

испытаниям (по уставу 1884 г. – в «особо уважительных случаях» [2. – С. 66]). Возможность сдать экзамены экстерном, чтобы получить диплом, а вместе с ним и определенные права, была наименее затратной и волнительной. Замечу, что в свое время таким образом сдал экзамены исключенный из Казанского университета Владимир Ульянов (известно, что среди тех университетов, где он в последующем готов был сдавать экзамены, фигурировал и Харьковский, но ему было отказано[3]).

Грузия была включена в состав Харьковского учебного округа в момент его создания (в 1803 г.). Харьковский учебный округ первоначально состоял из 11 губерний (Астраханская, Воронежская, Екатеринославская, Киевская, Курская, Орловская, Полтавская, Слободско-Украинская, Таврическая, Херсонская, Черниговская) и 7 областей (Бессарабия, Грузия, Земли Войска Донского, Земли Войска Черноморского, Имеретия, Кавказская область, Мингрелия). И хотя в 1848 г. был создан самостоятельный Кавказский учебный округ, представители многих грузинских фамилий (в том числе аристократических семейств – князей Церетели, Ахвледиани, Амираджиби, Цулукидзе, Шервашидзе и др. [4]) по уже успевшей пустить корни традиции учились в Харьковском университете, а затем и в других высших учебных заведениях в прошлом «своего» учебного округа (так как Кавказский округ не имел не только университета, но вообще светских высших учебных заведений). Так, например, будущий председатель Учредительного собрания Грузии Н. С. Чхеидзе обучался в Харьковском ветеринарном институте. Особенно увеличивается количество выходцев из аристократических грузинских семей в Харьковском университете в конце XIX – начале XX в. В 1913 г. Харьковский университет закончило 632 студента, в том числе среди них встречаем и грузинские фамилии: Трофим Хундадзе (историческое отделение историко-филологического факультета), Василий Кишшидзе (математическое отделение физико-математического факультета), Ипполит Антадзе, Валериан Ахвледиани, Владимир Гоциридзе, Александр Кикнадзе (естественное отделение физико-математического факультета), Сергей Думбадзе, Александр Лоладзе, Владимир Орджоникидзе, Ивлиан Пайчадзе, Михаил Чиджавадзе, Нестор Чиковани (юридический факультет), Павел Кавиладзе, Николай Мchedlishvili, Григорий Натидзе, Николай Нижарадзе (медицинский факультет) [См.: 5]. История грузинских студентов в российских университетах все еще ждет своих исследователей. В данном случае отмечу, что предварительное изучение биографического материала только в рамках обозначенного выше списка фамилий позволило выявить тот факт, что Василий Кишшидзе был одним из организаторов кафедры физики в Тбилисском университете. Вообще вклад выпускников Харьковского университета в дело основания Тбилисского университета – отдельная весьма интересная тема: упомянутый Г.С. Ахвледиани считается одним из основателей Тбилисского университета, А.Н. Натишвили стал профессором медицинского факультета, Д.Н. Узнадзе основал кафедру психологии.

Отметим, что в Харьковском университете на 1910 г., среди других, функционировали и грузинские студенческие землячества. В Центральном государственном историческом архиве Украины сохранились очень интересные документы, отражающие эти страницы истории университета. В частности, в ответ на запрос департамента полиции Министерства внутренних дел начальнику Харьковского губернского жандармского управления о землячествах, существующих при Харьковском университете, были присланы донесения и предоставлен список таких землячеств [6]. Согласно этому документу, при университете насчитывалось 49 землячеств (в том числе грузинское, кутаисское, горцев Кавказа, армянское и др.). Грузинское землячество [6. – Л. 15 - 18] было утверждено 15 ноября 1907 года и в его президиум входили: председатель-секретарь Василий Капшидзе (очевидно, в документе описка, речь идет о Кишшидзе), а также члены: Александр Цулукидзе, филолог 4 семестра; Илия Чедия, юрист 6 семестра, Константин Чиковани, медик 6 семестра, Даниил Кинккладзе, филолог 8 семестра [6. – Л. 16 об.]. В деле имеются сведения о некоторых членах землячества. В частности, о Константине Чиковани, как члене грузинского землячества, в деле имеются следующие сведения: Чиковани Константин Виссарионович (он же Алексеевич), студент-медик, 6 сем., православный, 23 лет, дворянин Сенакского уезда. В 1908 и 1909 гг. дважды подвергался обыску, как совместно проживавший со студентом Лордкипанидзе, являющимся видным членом студенческой фракции социалистов-революционеров [6. – Л. 23]. Да, действительно, многие из студентов, и не только из грузин, были настроены в это время весьма революционно. В Кутаисском землячестве членами правления значатся: Иван Нестерович Лордкипанидзе, медик 4 семестра, Михаил Тотиевич Кинцурашвили, филолог 6 семестра, Мина Малакиевич Маруашвили, медик 6 семестра, Константин Авакумович Сулаквелидзе, математик 8 семестра, Иона Николаевич Джиноридзе, медик 8 семестра [6. – Л. 74]. В деле есть несколько уставов землячеств (Белгородского, Воронежского, Борисоглебского, Орловского, Кутаисского, горцев Кавказа, общестуденческого бюро труда). Примечательно, что как особенность устава Кутаисского землячества в секретном донесении начальнику харьковского губернского жандармского управления от 7 апреля 1910 года отмечено, что в отличие от всех прочих уставов (где главной целью является «оказание материальной поддержки нуждающимся товарищам») этот преследует цель «поднятия умственного и нравственного уровня своих членов» [6. – Л. 79]. Однако, вероятно, это нравилось далеко не всем студентам, так как в архивном деле имеются две копии заявления студентов грузинского

землячества об их уходе из состава землячества «из-за морального разочарования в работе организации» [6. – Л. 91 - 92]. Кроме всего прочего, к делу приложены две копии статьи [6. – Л. 84 - 87] анонимного автора (скрывшегося за псевдонимом «Шх-ли») «Письмо из Харькова», напечатанной в грузинской газете «Момовали» (№ 120 за 23 января 1910 года) и секретные донесения по поводу выяснения авторства этой статьи (сперва автором считался некто Кинцурашвили Михаил Тотиевич студент-филолог 6 сем., позже выяснили, что автор Шакро Шихнели, студент-вольнослушатель при Харьковском университете [6. – Л.83, 88 - 89]).

Возможно, что именно наличие земляков в Харьковском университете определило выбор, который сделал Дмитрий Николаевич Узнадзе, размышляя о том, в каком российском университете следует сдавать экзамены. К слову, Авхледиани, также уроженец Кутаисской губернии, учился в Харьковском университете именно с 1910 г.

Однако, возможно, на это повлияли и другие соображения. В данном случае имеем в виду уровень и известность Харьковского университета. В советской историографии 1913 год традиционно брали для сравнения, чтобы таким образом охарактеризовать успехи экономического развития СССР, так как в этот предвоенный год Российская империя по ряду показателей достигла наивысших результатов. Однако не только в экономической сфере наблюдались позитивные результаты. Пример Харьковского университета показывает, что и в науке, и в образовании также наблюдались немалые успехи. Об этом свидетельствует отчетный доклад ректора Харьковского университета И.В. Нетушила за 1913 г. [5] Отмечу, что на 1 января 1914 г. в Харьковском университете обучалось 3216 студентов и работало 158 преподавателей, в том числе 56 ординарных профессоров [5. – С. 6, 142]. По тем временам это были достаточно внушительные цифры. Не характеризуя результаты работы университета в целом, сосредоточим внимание только на историко-филологическом факультете. В это время в составе его профессоров были такие «звезды первой величины» как Д.И. Багaley (выдающийся историк Украины, один из первых академиков АН Украины), В.П. Бузескул (в будущем академик АН УССР и АН СССР, автор фундаментальных работ по истории Древней Греции, которые продолжают переиздавать и сегодня, в 1913 г. он вел практические занятия по изучению «Афинской политики» Аристотеля), С.М. Кульбакин (к слову, родился в Тбилиси; в 1913 г. преподавал в Харьковском университете сербский и польский языки, после революции – преподавал в Белградском университете, его труды и сегодня переиздаются в Сербии), И.В. Нетушил (член-корреспондент Российской АН, автор ряда научных трудов по ранней римской истории, на него продолжают ссылаться исследователи), А.Л. Погодин (славяновед, затем в эмиграции в Белградском университете), выдающийся лингвист И.М. Эндзелин (в 1913 г. под его руководством студенты изучали литовский, готский, древнепрусский и древнеармянский языки), искусствовед Ф.И. Шмит (преподавал историю и теорию искусства, позже директор Ленинградского института теории искусств и одновременно профессор Ленинградского государственного университета, академик). Деканом факультета был проф. Н.Ф. Сумцов (энциклопедически образованный человек, автор около 1500 работ по истории, этнографии, фольклористике, литературоведению, в начале XX в. он был избран членом-корреспондентом Петербургской АН и Чешской академии наук). К слову заметим, что он, среди прочего, выявлял связи между особенностями этнической психологии и народнопесенного творчества. Российский этнограф В.Ф. Миллер назвал Сумцова наиболее глубоким знатоком малороссийской устной словесности. В конце XIX в. его имя вошло в международный словарь фольклористов, который был издан в Париже. По мнению исследователей Н.Ф. Сумцов занимает почетное место и среди историков-славистов [7. – С. 15].

Даже среди более молодых преподавателей встречаем такие имена как В.И. Веретенников (сегодня его именем названа всеукраинская премия в области архивоведения), пр.-доц. Е.Г. Кагаров (родился в Тбилиси, окончил Тбилисскую гимназию, затем Новороссийский университет, после харьковского периода – профессор Ленинградского университета и Института этнографии АН СССР, одна из его книг была переиздана в 2011 г.), пр.-доц. А.И. Белецкий (преподавал историю русской литературы, в будущем академик АН УССР)... Список трудов ученых историко-филологического факультета за 1913 год включает 67 названий [5. – С. 126 - 131]. Несколько из этих работ вышло в зарубежных изданиях (С.М. Кульбакина, И.М. Эндзелина, Ф.И. Шмита). Среди прочего снова отметим связь Харькова и Тбилиси. На работу В.П. Бузескула «Античность и современность» (СПб., 1913) рецензия вышла в «Тифлисском листке» (1913, №81). Впрочем, даже список оставленных для дальнейшего обучения в качестве «профессорских стипендиатов» содержит имена в будущем известных исследователей: Виктор Барвинский (в будущем выдающийся архивист), Леонид Булаховский (будущий академик), Николай Пакуль (будущий декан исторического факультета) и др.

О признании научных достижений и включенности университетских ученых в мировую науку свидетельствуют также факты об их участие в международных научных конференциях и съездах, которые состоялись в 1913 году (не только в России, но и в Германии, Канаде). К слову, на съезде естествоиспытателей и врачей, который в 1913 г. состоялся в Тбилиси от Харьковского университета была представлена многочисленная делегация в составе 14 профессоров, 3 приват-доцентов и 15 ассистентов и лаборантов.

Таким образом, и уровень Харьковского университета и его связи с Грузией вполне могли определить выбор Д.Н. Узнадзе.

II. Не менее интересен вопрос о том, мог ли Харьковский университет повлиять на творчество Д.Н. Узнадзе. Возвращаясь к биографии Д.Н. Узнадзе, следует отметить, что исследователи, анализировавшие его творчество, прежде всего упоминают о том, что в то время, когда он учился в Лейпцигском университете, там работал один из основоположников экспериментальной психологии Вильгельм Вундт, который не только читал лекции по философии и психологии, но и работал в собственной лаборатории. Тем самым, по сути, ставится вопрос о подосновах научной деятельности Д.Н. Узнадзе в области психологии. Тем не менее, как известно, первые работы Узнадзе, как и его диссертация, которая была подготовлена и защищена в Германии, посвящены истории философии (а именно исследованию творчества Владимира Соловьева, его теории познания и метафизике), а собственно работы по психологии появятся после его возвращения в Россию. Не исключено, что харьковский период был именно тем временем, когда у молодого ученого возникло понимание важности и перспективности именно экспериментальной психологии. Ученые Харьковского университета внесли свою лепту в развитие психологии. Как известно, именно в Харькове трудились А.А. Потебня и его ученик Д.Н. Овсяннико-Куликовский, которые не просто интересовались психологией, но чьи имена вписаны в историю этой науки. Александр Афанасьевич Потебня, по сути, разрабатывал проблемы этнопсихологии, став инициатором построения культурно-исторической психологии (будучи, прежде всего, лингвистом, он анализировал «дух народа» посредством изучения языка). Д.Н. Овсяннико-Куликовский, будучи, прежде всего, литературоведом, внес вклад в изучение психологии художественного творчества. Хотя ряд высказанных ими идей следует признать новаторскими, конечно, это были уже известные попытки сформировать психологию на основе философии. Не отрицая такого подхода, тем более, что такие труды оказывали и оказывают влияния на умы многих, особенно начинающих психологов (напомню, что именно книга Потебни «Мысль и язык» пробудила у гимназиста Выготского интерес к психологии). Вместе с тем, именно в тот период, когда Узнадзе учился в Харьковском университете, здесь уже успели укорениться традиции экспериментальной психологии. Апология опытного познания противостояла построениям в духе принципов В.С. Соловьева. В связи с этим, можно предположить, что новые взгляды на личность и поведение стали значимыми для Узнадзе уже после его возвращения из Западной Европы. Известный психолог и историк науки М.Г. Ярошевский писал об этом так: «Динамика обоих течений пронизывала представления о человеке, складывавшиеся в этот период в русском общественном сознании. Те, чьей интеллектуальной активностью строился этот образ, прежде чем занять собственную, противостоящую другой идейную позицию, испытывали неудовлетворенность этой другой» [8. – С. 314]. В последующем, теория установки Узнадзе станет попыткой соединить экспериментальную и теоретическую психологию.

Как отмечают многие исследователи, успехи психологии были обусловлены внедрением в нее эксперимента. Безусловно, сохраняет свою силу устоявшийся взгляд на то, что возникновение экспериментальной психологии в Российской империи было связано с развитием естествознания и медицины, особенно психиатрии и неврологии [9. – С. 403]. В частности, в Харькове первые психологические эксперименты стал осуществлять выпускник Харьковского университета, а затем профессор кафедры нервных и душевных болезней, декан медицинского факультета Павел Иванович Ковалевский (преподавал в университете до 1894 г.). Как известно, первая в России и вторая в Европе психологическая лаборатория была создана В.М. Бехтеревым в 1886 г. [9. – С. 404]. Считается, что первая университетская лаборатория экспериментальной психологии возникла в 1896 году в Новороссийском университете [10. – С. 43] благодаря проф. Н.Н. Ланге (который стажировался в Лейпциге у Вундта). В основном в литературе внимание авторов сосредоточено именно на этих центрах, а Харьков – остается вне поля зрения. Лишь мимоходом отдельные исследователи отмечали, что «Харьковская психологическая лаборатория, руководимая П.И. Ковалевским, сыграла крупную роль в развитии экспериментальной психологии» [9. – С. 407]. К сожалению, об этой лаборатории известно очень мало (однако, именно она, судя по всему, должна считаться первой университетской психологической лабораторией). Вместе с тем, косвенным подтверждением того, что к началу XX в. умозрительные построения уже не пользовались в Харькове влиянием, свидетельствует статья проф. И.В. Троицкого¹ «Учение о детских капризах (часть историческая)», которая также была опубликована в «Записках императорского Харьковского университета» (1914, кн.1). Это был доклад, прочитанный на заседании Общества детских врачей при Императорском Харьковском университете 28 марта 1914 г. В нем звучал голос не только врача, но и психолога-экспериментатора.

Впрочем, в истории психологии более известен другой Троицкий – профессор Московского университета Матвей Михайлович Троицкий (1835 – 1899). Напомним, что М.М. Троицкий возглавил Московское психологическое общество и первый научный психологический журнал «Вопросы философии и психологии». Он, а затем и другие его последователи в России стали проводить наблюдения за состояниями сознания. В 1886 г.

1 Иван Виссарионович Троицкий - врач-педиатр, выпускник Университета Св. Владимира, профессор кафедры детских болезней медицинского факультета Харьковского университета с 1902 г.

М.М. Троицкий «передал» заведование кафедрой Московского университета, а затем (в 1887 г.) и руководство Московским психологическим обществом Н.Я. Гроту (1852-1899). Система научных воззрений Н.Я. Грота, сочетала в себе философский и психологический аспекты. И все же, последний был убежден, что психология должна быть экспериментальной наукой. Свое видение теории экспериментальной психологии Н.Я. Грот изложил в работе «Основания экспериментальной психологии» (1895). Он одним из первых в России стал осуществлять экспериментальные исследования эмоций. На 1 Международном конгрессе психологов, который назывался конгрессом физиологической психологии, он выступил с предложением назвать следующий съезд конгрессом экспериментальной психологии. Это предложение было принято. Традиционно, Н.Я. Грота характеризуют как московского, киевского или одесского профессора, но, дело в том, что дача Гротов находилась в с. Кочеток на Харьковщине. Не удивительно, что многие харьковские профессора часто бывали у него в гостях, вели переписку (например, М.С. Дринов [11]). Последние свои дни Н.Я. Грот также провел в Кочетке, где и был похоронен. Учеником и продолжателем его стал Г.И. Челпанов – основатель Института экспериментальной психологии, который официально был открыт в 1914 г.

Вероятно, под влиянием М.М. Троицкого и Н.Я. Грота находился харьковский профессор Павел Эмильевич Лейкфельд (1859 - ?). Немец по происхождению, уроженец Бахмутского уезда Екатеринославской губернии, он был выпускником историко-филологического факультета Харьковского университета, после окончания которого был оставлен в качестве профессорского стипендиата (с 1887/1888 уч. года – преподаватель философии). В 1891 г. он защитил магистерскую диссертацию «Различные направления в логике и основные задачи этой науки» (Варшава). С 1893 г. экстраординарный профессор. В 1897 г. защитил докторскую диссертацию «Логическое учение об индукции в главнейшие исторические моменты его разработки». С 1899 г. ординарный профессор. В 1904 г. он был командирован за границу для участия во втором Международном философском съезде в Женеве. Высоко оценивается его вклад в развитие логики. В частности, подчеркивается обоснование им возможности использования математической теории вероятности при построении научных гипотез [12].

Однако помимо логики, П.Э. Лейкфельд активно занимался и психологией. Он не только читал курс психологии для студентов Харьковского университета и Высших женских курсов, но и, как уже отмечалось, руководил психологической лабораторией. К сожалению, известно об этом не так много. «Психологический кабинет» начал существовать в Харьковском университете с января 1908 г. Для его устройства было выделено 2 тыс. руб. Были закуплены некоторые необходимые аппараты, в том числе некоторые из них выписаны из лаборатории экспериментальной психологии в Петербурге (приборы для опытов над ощущениями, а также представлений о времени) [13. – С 144 - 147]. Был подготовлен литографированный конспект лекций по курсу психологии, прочитанному в весеннем полугодии 1908 г. Проф. П.Э. Лейкфельд стал осуществлять психологические эксперименты, реализуя новую линию в психологии. Как отмечено в отчете ректора И.В. Нетушила за 1913 г., «Проф. П.Э. Лейкфельдом демонстрировались психологические аппараты и производились примерные психологические опыты в кабинете экспериментальной психологии» [5. – С 13]. С результатами работы он выступил на 2 съезде по педагогической психологии, который состоялся в Петербурге в 1909 г. (См.: Лейкфельд П.Э. Кабинет экспериментальной психологии в ХУ. Первый год его существования // Труды 2 съезда по педагогической психологии. – СПб., 1910. – С. 132-134). Известно, что в последующем он станет заведующим кафедрой общей психологии Симферопольского педагогического института (бывшего Таврического университета), которая была создана в 1920 г. Здесь он занимался исследованием познавательных процессов, памяти, внимания и др. В этот же период начала создаваться экспериментальная лаборатория, которая к концу 1920-х годов была оснащена большим количеством приборов, в то время изготовлявшихся в Ленинграде под наблюдением известного в стране психолога - профессора А.П. Нечаева. Эти приборы позволяли вести исследования, аналогичные тем, что в свое время велись в Лейпцигской лаборатории В. Вундта. В период оккупации Крыма фашистскими захватчиками лаборатория была разграблена.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет с большой долей уверенности предполагать, что харьковский эпизод биографии Д.Н. Узнадзе не только не являлся «случайным», но в значительной мере именно он мог повлиять на всю последующую творческую деятельность ученого.

Литература

1. Об этом см.: Дмитрий Узнадзе. – Тбилиси, 1986. – 38 с.; Узнадзе: [Сб. пед. пр.; сост. и авт. предисловия Имедадзе Н. В. и И. В.]. – М., 2000. – 221 с..
2. Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи, XVIII – 1917 г. / Иванов А.Е. – М., 1994. – 198 с.
3. См.: Куделко С.М. В.И. Ленин и Харьковский университет: (Об одном малоизвестном факте) / Куделко С.М. // Universitates = Университеты. – 2003. – №1. – С. 82 – 83.
4. См.: Широбокова И.А. Титулованная знать в Харьковском университете / Широбокова И.А. // Universitates = Университеты. – 2009. – №4. – С. 84 – 87.

5. См.: Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1913 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1914. – Кн.1.
6. Переписка с Департаментом полиции и харьковским губернатором о существовании в высших учебных заведениях города Харькова студенческих землячеств. 7 января - 10 мая 1910 г. // ЦГИАК Украины, ф. 705, оп. 1, д. 490.
7. Фрадкін В.З. Життя – на користь України / Фрадкін В.З. // Микола Федорович Сумцов (1854-1922): Бібліогр. покажч.- К., 1999. – 240 с.
8. Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века / Ярошевский М.Г. – М., 1996. – 416 с.
9. Андреева В.Н. Возникновение экспериментальной психологии в России / Андреева В.Н. // Ученые записки Даугавпилского государственного педагогического института. – Сер. Гуманитарных наук. – Даугавпилс, 1958. – Вып.1.
10. Історія Одеського університету (1865 – 2000). – Одеса, 2000. – 226 с.
11. См.: Письма Марина Дринова к Константину Гроту (1901 – 1904): [Упорядк., передм. та ком. – Иващенко В.Ю., Посохов С.И.] // Дриновський збірник. – Харків-Софія, 2011. – Вип. 4. – С. 506 – 515.
12. См.: Юркевич Е.Н. Логика как наука и образовательная дисциплина в истории Харьковского университета / Юркевич Е.Н. // Вісник Харківського університету імені В.Н. Каразіна. – Х., 2004. - № 623: Сер. Філософ. – С. 43 – 53; Піонтковська Т.В. Логіка у структурі академічно-університетської філософії України ХІХ - початку ХХ ст. / Піонтковська Т.В. // Мультиверсум : Філософський альманах : [зб. наук. пр.] / Ін-т філософії ім. Г.С. Сковороди НАН України. – К., 2004. - Вип. 42. - С. 228-236; Піонтковська Т.В. Концепції викладання логіки в Харківському імператорському університеті (ХІХ – поч.. ХХ ст.) / Піонтковська Т.В. // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Сер. Філософія. Політологія. – К., 2006. - Вип. 81-83. – С. 143 – 145.
13. Отчет о состоянии и деятельности Императорского Харьковского университета за 1908 год // Записки Императорского Харьковского университета. – 1909. – Кн.1.

УДК 159.9(075.8)

Установка и индивидуальный опыт

Севостьянов П.А.

В статье было рассмотрено то, каким образом соотносятся понятия установки и индивидуального опыта. При анализе мы определили, какое место занимало понятие опыта в теории Д.Н. Узнадзе. Кроме того, мы рассмотрели значимость понятия установки в теории А.Н. Лактионова, посвященной индивидуальному опыту. Для наглядности было рассмотрено отдельно отношение понятий социальной установки и социального компонента индивидуального опыта. В процессе анализа было произведено соотнесение понятий аттитюда и индивидуального опыта. Отношение понятий установки и опыта было определено как взаимное специфическое влияние этих явлений друг на друга.

Ключевые слова: установка, индивидуальный опыт, социальная установка, социальный компонент индивидуального опыта, аттитюд.

У статті було розглянуто те, яким чином співвідносяться поняття установки та індивідуального досвіду. При аналізі ми визначили, яке місце займало поняття досвіду в теорії Д.М. Узнадзе. Крім того, ми розглянули значущість поняття установки в теорії О.М. Лактионова, присвяченій індивідуальному досвіду. Для наочності було розглянуто окремо відношення понять соціальної установки і соціального компоненту індивідуального досвіду. В процесі аналізу було зроблено співвіднесення понять аттитюда та індивідуального досвіду. Відношення понять установки і досвіду було визначено як взаємний специфічний вплив цих явищ одне на одного.

Ключові слова: установка, індивідуальний досвід, соціальна установка, соціальний компонент індивідуального досвіду, аттитюд.

This article was reviewed by the manner in which concepts relate to the installation and individual experience. In the analysis we have identified the place of the concept of experience in the theory, D. Uznadze. In addition, we examined the significance of the concept of the installation in the theory of A. Laktionov devoted to individual experience. For clarity, the ratio was considered a separate concept of social setting and the social component of individual experience. In the analysis process the relation between the concepts of attitude and personal experience has been made. The ratio of the concepts of setting and experience was defined as the mutual influence of these specific effects on each other.

Keywords: setting, individual experience, social setting, the social component of individual experience, attitudes.

В настоящей работе мы рассмотрим то, каким образом соотносятся понятия установки и индивидуального опыта. Для начала следует обратиться к работам Д.Н. Узнадзе, чтобы определить, какое место занимало понятие опыта в его теории, а затем мы проанализируем работы А.Н. Лактионова с целью анализа значимости понятия установки в теории, посвященной индивидуальному опыту.

На наш взгляд, наиболее наглядную взаимосвязь опыта и установки можно проследить, обратившись к социальной установке и социальному компоненту индивидуального опыта.

Понимание опыта Д.Н. Узнадзе можно проследить, рассматривая его схему: потребности – установка – деятельность и анализируя его эксперименты с иллюзией объема [5]. Очевидно, что опыт демонстрирует формирование установки, не всегда осознаваемой человеком, но влияет на его действия.

Г.М. Андреева говорит о том, что процесс социализации объясняет то, каким образом личность усваивает социальный опыт и вместе с тем активно воспроизводит его, а формирование социальных установок личности отвечает на вопрос: как усвоенный социальный опыт преломлен личностью и конкретно проявляет себя в ее действиях и поступках. Напомним первоначальное определение установки, данное Д.Н. Узнадзе: "Установка является целостным динамическим состоянием субъекта, состоянием готовности к определенной активности, состоянием, которое обуславливается двумя факторами: потребностью субъекта и соответствующей объективной ситуацией" [1]. Настроенность на поведение для удовлетворения данной потребности и в данной ситуации может закрепляться в случае повторения ситуации, тогда возникает фиксированная установка, в отличие от ситуативной. Мы можем говорить о том, что первоначальные положения теории установки не давали нам четкой картины взаимоотношения опыта и установки, и эта взаимосвязь проясняется с введением понятия аттитюда.

После открытия феномена аттитюда начался своеобразный "бум" в его исследовании. Возникло несколько различных толкований аттитюда, много противоречивых его определений. В 1935 г. Г. Олпорт написал обзорную статью по проблеме исследования аттитюда, в которой насчитал 17 дефиниций этого понятия. Из этих семнадцати определений были выделены те черты аттитюда, которые отмечались всеми исследователями. В окончательном, систематизированном виде они выглядели так. Аттитюд понимался всеми как:

1. определенное состояние сознания и нервной системы,
2. выражающее готовность к реакции,
3. организованное,
4. на основе предшествующего опыта,
5. оказывающее направляющее и динамическое влияние на поведение.

Таким образом, была установлена зависимость аттитюда от предшествующего опыта и его важная регулятивная роль в поведении. Было ясно, что аттитюд служит удовлетворению каких-то важных потребностей субъекта, но надо было установить, каких именно. Были выделены четыре функции аттитюдов:

1) приспособительная (иногда называемая утилитарной, адаптивной) – аттитюд направляет субъекта к тем объектам, которые служат достижению его целей;

2) функция знания – аттитюд дает упрощенные указания относительно способа поведения по отношению к конкретному объекту;

3) функция выражения (иногда называемая функцией ценности, саморегуляции) – аттитюд выступает как средство освобождения субъекта от внутреннего напряжения, выражения себя как личности;

4) функция защиты – аттитюд способствует разрешению внутренних конфликтов личности.

С этой позиции влияние сформированного индивидуального опыта на формирование установки очевидно.

А.Н. Лактионов в контексте опыта встраивает понятие установки в некую структуру, противопоставляя статической установке творчество, инициативу: «Довольно устойчивым, традиционным в литературе является представление о том, что на противоположном от стереотипа полюсе располагается творчество личности. Р.М. Грановская и Ю.С. Крижанская пишут: «Сознание современного человека заблокировано различными ментальными установками, стереотипами восприятия и поведения, навязанными семьей и обществом. Эти препоны мешают ему ощутить гармонию с миром, обрести достаточное душевное равновесие, необходимое для продвижения творческой инициативы... В сознании накапливается все больше безличных готовых образцов поведения. Это приводит к тому, что человек может вписываться в общественные отношения, быть достаточно контролируемым только при снижении уровня креативности» [85, с.173].

С этими «стереотипными» утверждениями трудно не согласиться. Вместе с тем возникает необходимость высказаться, так сказать, «в защиту стереотипов». Не будем забывать, что человек в одинаковой мере испытывает потребность и имеет право как на творчество, так и на стабильность, социальную защищенность, прогнозируемость индивидуального бытия. Поэтому он в ходе жизнедеятельности объективно испытывает нужду в формировании необходимого перечня стереотипов, присваивая им достойный ранг базовой характеристики социального опыта.» [4, с.148].

Другими словами, можно говорить о противоположных характеристиках личности при ориентации на прошлый и на новый опыт: «Установка на прошлый опыт достаточно ригидна. Вследствие этого возникает устойчивая латентная структура трансличного опыта, в которой ориентация на прошлое композиционно сопровождается высокой самооценкой, наличием выраженного негативного сдвига от оценки «людей раньше» до «людей сейчас», бимодальность характеризуется асимметрией в сторону экстернальных позиций. На другом полюсе, в случае большей ориентации на новый опыт, картина противоположная. [4, с.325]».

Как мы видим, установка на опыт влияет на особенности деятельности личности, и, как следствие, предопределяет формирование дальнейшего опыта.

На основании вышеизложенного, мы можем говорить о том, что неправомерным будет считать отношение опыта и установки односторонним: очевидно, что накапливаемый опыт влияет на формирование установок, но существует и установка на опыт, которая предопределяет особенности деятельности личности и дальнейшее формирование опыта.

Литература

1. Андреева Г.М. Социальная психология. Третье издание. М.: Наука, 1994;
2. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. М., 1979;
3. Грановская Р.М., Крижанская Ю.С. Творчество и преодоление стереотипов. – СПб.: OMS, 1994. – 192с.;
4. Лактионов А. Н. Координаты индивидуального опыта. – Харьков, 2010: – 366с.;
5. Надирашвили Л.А. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси, 1974.;
6. Узнадзе Д.И. Экспериментальные основы исследования установки // Психологические исследования. М., 1966.;
7. Узнадзе Д.Н., Психология установки, СПб, 2001 г., «Питер», с. 11-12.

УДК 159.9(075.8)

Особливості визначення поняття "мотивації" та "установки" у вітчизняній психології

Скворчевська Є.Л.

В даній статті розглянуті основні підходи у вітчизняній психології, які пов'язані з проблемою установки та мотивацією особистості в діяльності і поведінці, проведений теоретичний аналіз цих підходів. Розглянуті підходи до поняття "соціальної установки" (аттитюда) у вітчизняній психології. Проаналізований механізм утворення соціальної установки. Проаналізовані та уточнені поняття "установка" та "мотивація" в підходах провідних вітчизняних психологів. Виявлений зв'язок мотивації та установки в діяльності та поведінці особистості. Визначені перспективи подальшого дослідження в даній області.

Ключові слова: мотивація, установка, соціальна установка (аттитюд), мотив, потреба, діяльність.

В данной статье рассмотрены основные подходы в отечественной психологии, связанные с проблемой установки и мотивацией личности в деятельности и поведении, проведен теоретический анализ данных подходов. Рассмотрены подходы к понятию "социальной установки" (аттитюда) в отечественной психологии. Проанализирован механизм образования социальной установки. Проанализированы и уточнены понятия "установка" и "мотивация" в подходах ведущих отечественных психологов. Выявлена связь мотивации и установки в деятельности и поведении личности. Определены перспективы дальнейшего исследования в данной области.

Ключевые слова: мотивация, установка, социальная установка (аттитюд), мотив, потребность, деятельность.

The main approaches of native psychology correlated with the problem of suggestion and motivation of personality in activity and behavior are observed in this article, the theoretical analysis of the given approaches is conducted. The approaches to the notion "social attitude" (attitude) in native psychology are observed. The mechanism of formation of the social attitude is analysed. The notions "suggestion" and "motivation" in approaches of leading native psychologists are analysed and specified. The connection between motivation and suggestion in activity and behavior of personality is deduced. The prospects of further research in this area are determined.

Key words: motivation, suggestion, social attitude (attitude), motive, necessity, activity.

Постановка проблеми. Проблемі мотивації та установки у вітчизняній та зарубіжній психології присвячено багато праць, зміст яких доповнює та розширює дані поняття. Величезний вклад у дослідження даної проблеми установки вніс Д. М. Узнадзе, а згодом його послідовники. Механізми формування установки та її впливу на свідомість особистості мають вирішальне значення при мотивації суб'єкта у тій або іншій діяльності. Отже, сутність проблемної ситуації, на аналіз якої спрямована наша робота, полягає у визначенні поняття "установки" у вітчизняній психології та його зв'язку з поняттям "мотивація" у діяльності особистості.

Актуальність даної роботи. Проблеми мотивації та установки є одними з фундаментальних проблем вітчизняної та зарубіжної психології, а також одними з важливих проблем сучасної психології. Поняття "установки" відноситься до різних сфер сучасного життя: сімейної, соціальної, політичної, економічної та ін. Важливо враховувати вплив установки на мотивацію особистості. Слід відмітити необхідність дослідження механізмів формування установки та мотивації особистості у діяльності. У вітчизняних психологічних дослідженнях недостатньо визначений зв'язок мотивації та установки в учбовій діяльності, це питання являється важливим в умовах сучасного суспільства.

Мета даної статті – розглянути та проаналізувати основні теоретичні підходи та напрямки до проблеми визначення зв'язку установки та мотивації у поведінці та діяльності особистості у роботах провідних вітчизняних психологів.

Завдання даної статті: визначити основні теоретичні підходи та напрямки до проблеми мотивації та установки у вітчизняній психології.

Вітчизняні учені, які займаються питаннями мотивації, визначають декілька підходів до проблеми мотивації, відповідно до своїх поглядів: діяльнісний підхід Л. С. Виготського, О. М. Леонтьєва, С. Л. Рубінштейна [3;6;15], особистісний підхід В. М. Мясіщева [9], теорія установки Д. М. Узнадзе [18] і його послідовників – О. Г. Асмолов, Ш. О. Надирашвілі, О. С. Прангішвілі, Н. І. Сарджвеладзе, В. О. Ядов [1;10;13;16;17] та ін.

Для більш докладного аналізу проблеми особливостей визначення поняття "мотивації" та "установки" у вітчизняній психології розглянемо дані поняття.

У сучасній психології терміном "мотив" ("мотивуючий чинник") позначаються абсолютно різні явища, такі як інстинктивні імпульси, біологічні потяги, інтереси, бажання, життєві цілі та ідеали.

Мотивація як психічне явище відомими психологами трактується по-різному. У одному випадку як сукупність мотивів (К. К. Платонов [12]), в другому – як спонування, яке викликає активність організму та визначає її спрямованість. Крім того, мотивація розглядається як процес психічної регуляції конкретної діяльності (М. Ш. Магомед-Емінов [7]), як процес дії

мотиву і як механізм, який визначає виникнення, напрям та способи здійснення конкретних форм діяльності (І. А. Джидар'ян [4]), як сукупна система процесів, які відповідають за спонукання та діяльність (В. К. Вілюнас [2]).

В діяльнісному підході, Л. С. Виготський [3] приділив увагу проблемі “боротьбі мотивів”, він розділив мотив та стимул, а також описав довільну мотивацію. У роботах Л. С. Виготського уперше формується уявлення про довільну форму мотивації разом з іншими процесами. Суть волі він бачить в оволодінні собою, своїми психічними процесами, у тому числі і мотивацією. Мотивація завжди довільна і протиставляти її можна не мимовільній мотивації, а мимовільній (безумовно- і умовно-рефлекторної) детермінації поведінки. Звідси витікає, що детермінація і мотивація – це хоча і взаємно залежні (в тому сенсі, що друга – різновид першої), але не тотожні поняття. Зовнішній або внутрішній стимул може викликати у особистості мимовільну реакцію, але довільні дії виникають тільки внаслідок наявності мотиву [3].

З точки зору О. М. Леонтьєва [6], мотив – це опредмечена потреба. У самому стані потреби предмет, здатний задовольнити цю потребу, не відображений, не зафіксований, але, коли такий предмет виявляється, психіка відображає його і образ цього предмета може стати мотивом поведінки. Мотив виступає як міркування, за яким суб'єкт повинен діяти. Отже, мотив дає потребі певний напрям. Розподіл функцій сенсоутворення і спонукання між мотивами однієї і тієї ж діяльності дозволяє зрозуміти головні відносини, які характеризують мотиваційну сферу особистості, — ієрархію мотивів [6].

Згідно С. Л. Рубінштейну [15] єдність діяльності виступає як єдність тих цілей на які вона спрямовується, і мотивів, з яких вона виходить. Мотиви і цілі діяльності, на відміну від мотивів і цілей окремих дій, мають зазвичай узагальнений, інтегрований характер, виражаючи загальну спрямованість особистості, яка в ході діяльності не лише проявляється, але й формується. Оскільки кінцева мета діяльності досягається в цілому ряді дій, результат кожної з цих дій, відносно до кінцевої мети, являється в той же час для даної конкретної дії метою [15].

З точки зору Л. І. Божович [14] мотиваційна сфера характеризується зміною домінуючих мотивів за змістом, зростанням ролі опосередкованих потреб та їх ієрархізацією. Ієрархічна структура мотиваційної сфери припускає засвоєння певних моральних цінностей – уявлень, понять, ідей, які стали домінуючими мотивами поведінки. Згідно Л. І. Божович [14] “мотив – це те, заради чого здійснюється діяльність, на відміну від мети, на яку ця діяльність спрямована” [14, с. 18]. З точки зору Л. І. Божович [14] відсутній єдиний погляд при вивченні психологічних проблем, і передусім тих, які пов'язані з вирішенням питання про предмет та метод психологічної науки. В якості предмета психологічного дослідження пропонуються “установка”, в якій бачиться єдність психічних та фізіологічних реакцій, діяльність, в умовах якої відбувається “привласнення” особистістю культурних досягнень попередніх поколінь [14].

Явищу психологічної установки присвячено багато експериментальних досліджень, які дозволили виділити три складові (підструктури) установки: когнітивну (пізнавальну) – образ того, що готова пізнати та сприйняти людина; емоційно-оцінну – комплекс симпатій та антипатій до об'єкта установки; поведінкову – готовність певним чином діяти відносно об'єкта установки, здійснювати вольові зусилля.

Теорія, створена класиком грузинської психології Д. М. Узнадзе, є передусім теорією поведінки. Вона покликана пояснити психологічний механізм доцільної поведінки або діяльності особистості. Теорія установки зародилася і розвивалася як теорія, яка намагається пояснити явища сприйняття (відображення дійсності) і поведінки живої істоти, але далі все очевидніше ставало, що факти, які розглядаються нею, і закономірності за своєю природою загальнопсихологічні. Тому теорія установки стала розглядатися як загальнопсихологічна концепція.

Починаючи з 1927 р. Д. М. Узнадзе разом із співробітниками приступає до експериментального вивчення установки. Вченим знайдені експериментальні факти, в яких особливо проявлялася дія установки, а саме: ілюзії тиску, слуху, освітлення, кількості, ваги та об'єму. Шляхом застосування експериментального методу фіксованої установки були виявлені важливі характеристики установки, такі як: збудливість, дифузність, статичність, динамічність, стабільність та ін.

Згідно Д. М. Узнадзе [18] установка суб'єкта – це його основна, первинна реакція на дію ситуації, в якій йому доводиться ставити та вирішувати завдання. Для закріплення і фіксації установки, служить повторна пропозиція досліджуваному експериментальних подразників. Ці повторні досліди Д. М. Узнадзе називав фіксувальними або просто настановними, а саму установку, яка виникає в результаті цих дослідів, фіксованою установкою.

Яскраві результати були отримані в настановних дослідах за допомогою декількох фігур, що значно відрізняються одна від одної за величиною. Виявляється, що, незважаючи на безперервну змінність настановних фігур, при збереженні їх співвідношень, факт звичайної ілюзії установки залишається поза сумнівом. Досліджувані у ряді випадків не помічають рівності критичних фігур, причому пануючою формою ілюзії в цьому випадку являється феномен контрасту. В умовах абстракції від конкретного матеріалу, дія установки виявляється, як правило, менш ефективною, ніж в умовах найближчої схожості або повного

збігу настановних і критичних фігур.

Підводячи підсумки сказаному, ми можемо стверджувати, що розкриті Д. М. Узнадзе феномени вказують на наявність в нашій психіці не лише свідомих, але й досвідомих процесів, які можна характеризувати як область наших установок.

З точки зору Д. М. Узнадзе для виникнення установки досить двох елементарних умов – якої-небудь актуальної потреби у суб'єкта і ситуації її задоволення, за наявності обох цих умов у суб'єкта виникає установка до певної активності. Дослідження Д. М. Узнадзе показали, що установка не може бути віднесена до категорії феномена свідомості, вона має бути деяким загальним станом, який стосується не окремих яких-небудь органів суб'єкта, а діяльності його як цілого. Установка – є стан, який, не будучи саме змістом свідомості, все ж робить вирішальний вплив на її роботу. Вчення про несвідоме базується лише частково на правильному уявленні про психічне життя, воно підкреслює, що свідомі процеси далеко ще не вичерпують усього змісту психіки і що тому виникає необхідність визнання процесів, які протікають поза свідомістю. Можливо, без участі установки взагалі ніяких психічних процесів як свідомих явищ не існує, що для того, щоб свідомість почала працювати в якомусь певному напрямі, заздалегідь необхідно, щоб була активність установки, яка, власне, у кожному окремому випадку і визначає цей напрям. Установка актуалізується внаслідок активності самого суб'єкта. Отже, необхідні для виникнення установки умови у випадках вольової поведінки створюються в результаті активності самого суб'єкта [18].

Таким чином, установка – неусвідомлюваний особистістю стан готовності до певної поведінки або діяльності. Установка найчастіше складається в результаті неодноразового повторення ситуацій, в яких особистість реагувала певним чином.

Згідно з В. М. Мясіщевим [9] установка має властивості, які не можна назвати властивостями або станами, хоча вони змінюються зі зміною стану суб'єкта. Установка має особистісний характер. Несвідоме в значній частині може бути усвідомлено, тобто перейти з несвідомого у свідоме. Факт наявності установки як тенденції може бути усвідомлений, міра вираженості також; але усвідомлення ролі потреби відсутнє, хоча це усвідомлення є лише однією з умов виникнення і фіксації установки. Установка має зв'язок з потребою, але вона не так виразна в її первинній значущості для формування установки [9].

Отже, установка як модифікація цілісного індивіда, визначена суб'єктивними (внутрішніми – актуальна потреба, минулий досвід, особливості цього індивіда) і об'єктивними (зовнішніми – конкретна ситуація) чинниками, відбиває не лише теперішнє і минуле, але й майбутнє.

На базі теорії установки Д. М. Узнадзе було розроблене поняття "соціальної установки" (аттитюда). Саме у соціальних установках фіксуються переконання особистості. Дослідженням проблеми соціальної установки займалися О. Г. Асмолов, Ш. А. Надирашвілі, О. С. Прангішвілі, Н. І. Сарджвеладзе, В. О. Ядов [1;10;13;16;17], та ін.

Згідно О. Г. Асмолову [1] для позначення специфічної базової одиниці особистості, "ядра" особистості, вводить поняття "особистісних сенсів" та "смыслових установок", які реалізують їх, в системі діяльностей. Смыслова установка викликана мотивом діяльності і виражає в діяльності особистісний сенс у вигляді готовності, тенденції до збереження спрямованості цієї діяльності в цілому. Автор виділяє наступні характерні особливості смыслової установки та принципи її дослідження. Смыслова установка може бути як усвідомленою, так і неусвідомленою. Перебудова смыслової установки завжди опосередкована зміною діяльності суб'єкта. Усвідомлення смыслових установок не є достатньою умовою для їх реальної зміни, таке усвідомлення може служити лише першим етапом їх трансформації [1].

Згідно С. Д. Максименко [8] установки людини – це первинна неусвідомлювана реакція на ситуацію, в якій вона усвідомлює і розв'язує завдання. Основною умовою створення актуальної установки є: а) потреби, б) ситуації і в) процес вдоволення потреби або вирішення завдання. Залежно від того, на який компонент діяльності спрямована установка, виділяють три рівні регуляції діяльності людини: смыслові установки, коли їх предметом стає мотивація діяльності; цільові установки – усвідомлення продукту, який має бути створений внаслідок діяльності; операційні установки – здатність здійснювати регуляцію діяльності відповідно до умов її виконання [8].

Ш. О. Надирашвілі [10] доповнив дворівневу характеристику психічної активності особистості Д. М. Узнадзе введенням третього рівня. На першому рівні фізична ситуація пов'язується з життєвими потребами; формується установка практичної поведінки. На другому рівні здійснюється об'єктивування соціально доцільної поведінки, виникає потреба пізнання, формується установка свідомості та оцінки. На третьому рівні ситуацію характеризує соціальна дійсність. У сферу потреб включаються – соціальні потреби, соціальні аттитюди, процеси мотивації, уявна, прийнятна поведінка та автопортрет [10].

Інше бачення проблеми установки розкрито у працях В. О. Ядова [17], згідно його точки зору "аттитюд" або соціальна установка є продукт попереднього досвіду, який виконує регулятивні функції в поведінці суб'єкта. У концепції "аттитюдів" підкреслюється їх прямий зв'язок з певною (соціальною) потребою і умовами діяльності, в яких потреба може бути задоволена. Зміна і закріплення (фіксація) соціальної установки також обумовлені відповідними відносинами між потребами і ситуаціями, в яких вони задовольняються.

Загальний механізм утворення фіксованої установки на тому або іншому її рівні описується формулою $\Pi > Д < З$, де Π – потреба, $Д$ – диспозиція, $З$ – ситуація або умови діяльності. Принципове значення має те, що потреби, ситуації діяльності і самі диспозиції утворюють ієрархічні системи. Диспозиційна ієрархія особистості, яка опосередковує зв'язок, між умовами (або ситуацією) діяльності і поведінкою виконує мотиваційні функції [17].

О. С. Прангішвілі [13] поняттям “установка” позначив усю систему предиспозицій когнітивної та виконавчої сфер психіки. У розширеному розумінні установка є фундаментальним системоутворюючим початком людської психіки, який забезпечує можливість її функціонування в усьому різноманітті та унікальності [13].

Н. І. Сарджвеладзе [16] розглядає поняття “аттитюд” та “соціальна установка” як синоніми. Також автор стверджує, що згідно Д. М. Узнадзе первинна установка є центральним детермінантом конкретної поведінки і вона є певною цілісністю чинників внутрішнього та зовнішнього порядку на відміну від неї аттитюд або фіксована соціальна установка є однією із складових разом з іншими внутрішніми чинниками цілісної структури первинної установки; між первинною установкою та аттитюдом існують відносини за типом “ціле-частина”: у формуванні та виникненні первинної установки як цілісного процесу модифікації суб'єкта, фіксована соціальна установка виступає певною частиною [16].

В роботах І. В. Імедадзе, В. Г. Норахідзе, Д. М. Узнадзе, Ш. Н. Чхартишвілі, [5;11;18;19] та ін. був розглянутий зв'язок мотивації з установкою.

З точки зору Д. М. Узнадзе [18] мотив – це міркування, яке змусило суб'єкта вчинити певний акт, це та потреба, для задоволення якої певна поведінка була визнана доцільною. Сенс мотивації полягає у тому, що суб'єкт знаходить саме таку дію, яка відповідає основній, закріпленій в його житті установці, коли він знаходить такий різновид поведінки, то відчуває до нього тяжіння, переживає готовність до його виконання. Це саме те переживання, яке при акті рішення постає у вигляді специфічного переживання під назвою “я дійсно хочу”. Це переживання наочно вказує, що у суб'єкта сформувалася установка певної поведінки: відбувся акт рішення і тепер суб'єкт спрямований на його виконання [18].

І. В. Імедадзе [5] досліджував проблеми ситуативного розвитку мотивації. В процесі мотивації, як процесі формування та видозміни установки, відбувається об'єднання спонукаючих, спрямовуючих та ціннісно-сенсових основ поведінки. Саме в процесі мотивації, який пронизує усю поведінку особистості, відбувається виникнення та подальша трансформація установки, дія якої забезпечує доцільність поведінки. У цій проблемі автор виділив два аспекти: аспект детермінації поведінки, а саме проблема виникнення поведінки, під час якої початкові мотиваційні утворення мають бути трансформовані відповідно до ситуації і аспект динаміки процесів мотивації згідно якому в процесі мотивації породжуються конкретно-ситуативні мотиваційні утворення, здатні безпосередньо управляти поведінкою особистості [5].

Інше розуміння висуває Ш. Н. Чхартишвілі [19] згідно його позиції суть установки не зводиться ні до психічної, ні до фізіологічної реальності. Ш. Н. Чхартишвілі розділяв думку Д. М. Узнадзе про те, що вольова поведінка не пов'язана із задоволенням актуально переживаємої потреби. Виступаючи за відділення волі від мотивації автор стверджує, що мотив вольової поведінки завжди з'являється у формі оціночного судження, отже, без мотиву вольової поведінки не існує [19].

Згідно В. Г. Норахідзе [11] фіксована установка може виконувати мотиваційну та спрямовуючу функції. Установка може формуватися на першому рівні психічного – на основі єдності життєвих потреб та ситуації їх задоволення, а також на рівні об'єктивування – на перетині потреб “Я” (вищих потреб) та уявної ситуації. Можливі індивідуальні відмінності: для одних особистостей значення мають вищі потреби, для інших – нижчі [11].

Отже, можна підсудати, що починаючи з праць Д. М. Узнадзе, в роботах його послідовників – грузинських психологів значне місце займають питання психології потреби, мотиву, мотивації та волі.

На основі проведеного теоретичного аналізу підходів до проблеми мотивації та установки у вітчизняній психології можна зробити висновок, що саме в процесі мотивації, який пронизує усю поведінку особистості, відбувається виникнення та подальша трансформація установки, дія якої забезпечує доцільність поведінки.

Таким чином, ми можемо зробити висновок, що мотивація з одного боку має довільну форму, з другого – особистісний сенс, з третього – узагальнений, інтегрований характер. З одного боку, установка розглядається як основна, первинна реакція на дію ситуації, в якій особистості доводиться ставити та вирішувати завдання, з другого – як готовність, зв'язок з потребою, з третього – як конкретний стан цілісного суб'єкта та характеризується певною психофізіологічною організацією. Виходячи з вище зазначеного, можна зробити висновки, що існує зв'язок між мотивацією та установками у діяльності особистості, а саме: мотивація має вплив на дію в діяльності особистості, яка відповідає основній, закріпленій в її житті установці.

Перспективами нашого дослідження в даній області є подальше теоретичне та практичне обґрунтування проблеми зв'язку мотивації та установки в учбовій діяльності студентів вищого навчального закладу.

Список використаних джерел:

1. Асмолов А. Г. По ту сторону сознания; методологические проблемы неклассической психологии / А. Г. Асмолов. – М.: Смысл, 2002, – 480 с.
2. Вилюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека / В. К. Вилюнас. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
3. Выготский Л. С. Психология развития человека. / Л. С. Выготский. – М.: Изд-во Смысл; изд-во Эксмо, 2005. – 1136 с., ил – (Библиотека всемирной психологии).
4. Джидарян И. А. О месте потребностей, эмоции и чувств в мотивации личности / И. А. Джидарян. // Теоретические проблемы психологии личности – М.: Наука, 1974. – С. 145-169.
5. Имедадзе И. В. Ситуативное развитие мотивации и установка / И. В. Имедадзе. // Вопросы психологи. – 1989, – № 2, – С. 90-97.
6. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции. / А. Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 40 с.
7. Магомед-Эминов М. Ш. Мотивация и контроль за действием / М. Ш. Магомед-Эминов, И. А. Васильев. – М.: МГУ, 1991. – 144 с.
8. Максименко С. Д. Психологія особистості: Підручник / С. Д. Максименко, К. С. Максименко, М. В. Папуча. – К.: ТОВ КММ, 2007. – 296 с.
9. Мясищев В. Н. Психология отношений. Избранные психологические труды. [Под редакцией А. А. Бодалева]. – Москва-Воронеж, 1995, – 356 с.
10. Надирашвили Ш. А. Установка и деятельность. / Ш. А. Надирашвили. – Тбилиси: Мицниреба, 1987. – 361 с.
11. Норакидзе В. Г. Свойства личности и фиксированная установка. / В. Г. Норакидзе. // Вопросы психологи. – 1983, – № 5, С. 130-136
12. Платонов К. К. Структура и развитие личности / К. К. Платонов [Отв. ред.: А. Д. Глоточкин]. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
13. Прангишвили А. С., Бассин Ф. В., Шишин П. Б. Существует ли диллема «Бессознательное или установка»? / А. С. Прангишвили, Ф. В. Бассин, П. Б. Шишин. // Вопросы психологии. – 1984, – № 6, – С. 95-101.
14. Проблемы формирования личности / Л. И. Божович. [Под редакцией Д. И. Фельдштейна]. / Вступительная статья Д. И. Фельдштейна. 2-е изд. – М.: Издательство Институт практической психологии, Воронеж: НПО МОДЭК, 1997. – 352 с.
15. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).
16. Сарджвеладзе Н. И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. / Н. И. Сарджвеладзе. – Тбилиси: Мецниреба, 1989. – 206 с.
17. Социальная психология: Хрестоматия: Учебное пособие для студентов вузов / [Сост. Е. П. Белинская, О. А. Тихомандрицкая]. – М: Аспект Пресс, 2003. – 475 с.
18. Узнадзе Д. Н. Психология установки. / Д. Н. Узнадзе. СПб.: Питер, 2001. «Психология-классика») – 416 с.
19. Чхартишвили Ш. Н. Проблема воли в психологии / Ш. Н. Чхартишвили. // Вопросы психологии. – 1964, – № 4, – С. 28-39.

УДК 159. 9: 34 (075. 8)

Особливості установки на толерантну поведінку у спілкуванні співробітників державної пенітенціарної служби в процесі професійної діяльності

Сорока А.В.

Стаття визначає актуальність теми дослідження: «Особливостей установки на толерантну поведінку у спілкуванні співробітників державної пенітенціарної служби в процесі професійної діяльності». Аналіз наукової літератури показав, що дану проблему закладено як у завданнях кримінально-виконавчого законодавства України [1 ст. 8], а також у дослідженнях пенітенціарної психології де установки на толерантність як системна якість особистості дозволяє співробітникові залишатися стійким при дії фрустраторів, досягати взаємного розуміння і узгодження різного роду інтересів і точок зору без використання тортур, переважно методами роз'яснення і переконання, а також утримуватися від спричинення шкоди всім і самому собі. Майбутні наші дослідження будуть присвячені реалізації запропонованої нами вище теми дослідження.

Ключові слова: установки, аттitudи, толерантність – інтолерантність, спілкування, професійна діяльність.

Статья определяет актуальность темы исследования: «Особенностей установки на толерантное поведение в общении сотрудников государственной пенитенциарной службы в процессе профессиональной деятельности». Анализ научной литературы показал, что данная проблема заложена как в заданиях криминально - исполнительного законодательства Украины [1 ст. 8], а также в исследованиях пенитенциарной психологии где установки на толерантность как системное качество личности позволяет сотруднику оставаться стойким при действии фрустраторов, достигать взаимного понимания и согласования разного рода интересов и точек зрения без использования пыток, преимущественно методами разъяснения и убеждения, а также воздерживаться от причинения вреда всем и самому себе. Будущие наши исследования будут направлены на реализацию предложенной нами выше темы исследования.

Ключевые слова: установки, аттitudы, толерантность – интолерантность, общение, профессиональная деятельность.

The article determines actuality of research theme: «Features of setting on a tolerant conduct in intercourse of employees of government penitentiary service in the process of professional activity». The analysis of scientific literature rotined that this problem is stopped up as in tasks criminally - executive zakonodatel'sta Ukraine [1 item 8], and also in researches of penitentiary psychology where settings on tolerance as system quality of personality allows an employee to remain proof at the action of frustratorov, to arrive at the mutual understanding and concordance of different sort of interests and points of view without the use of tortures, mainly by the methods of raz'yasneniya and persuasions, and also to hold back from a damnification all and to itself. Our future researches will be directed on realization offered by us higher than theme of research by the adequate methods of psychoactivator in accordance with the put purpose and tasks of research.

Key words: settings, attityudy, tolerance – intolerantnost', intercourse, professional activity.

Актуальність теми дослідження. Необхідність визначення особливостей установки на толерантну поведінку у спілкуванні співробітників державної пенітенціарної служби в процесі професійної діяльності закладено у завданнях кримінально-виконавчого законодавства України (ст. 8): «Засуджений має право на гуманне ставлення до себе і на повагу гідності, властивої людській особистості з боку персоналу пенітенціарної служби України, а також інших відповідних органів міжнародних організацій, членом або учасником яких є Україна, до уповноважених осіб таких міжнародних організацій» [1].

Установка на толерантність як системна якість особистості дозволяє співробітникові залишатися стійким при дії фрустраторів, досягати взаємного розуміння і узгодження різного роду інтересів і точок зору без використання тортур, переважно методами роз'яснення і переконання, а також утримуватися від спричинення шкоди всім і самому собі. Це вихідне положення визначає актуальність теми дослідження.

Ступінь розробки теми дослідження. У вітчизняній психології особливе місце в характеристиці толерантності як системної якості особистості мають значення соціальні установки особистості. На наш погляд, соціальні установки характеризують найважливіший аспект толерантності, пов'язаний з вихованням, вихованістю. У теоретичному плані доцільно співвіднести поняття толерантності з тим поняттям установки, яке розроблене школою Д. Н. Узнадзе. Відомо, що установка розуміється цією школою як неусвідомлюваний стан, який передує тій або іншій діяльності і визначає її здійснення. Розрізняють усвідомлювані і неусвідомлювані установки. Установки характеризують і суспільну поведінку особистості, тим самим свідчать про соціально-психологічний рівень психологічної готовності до виконання поставлених завдань. У соціальній психології вивчаються соціально фіксовані установки особистості (аттitudи). Термін «аттitud» означає фізичний або розумовий стан готовності до дії: позу, фігуру (людини) в сенсі моторного або розумового нахилу. Установка як внутрішня готовність особистості до певної діяльності додає цілісність діяльності особистості і істотно впливає на її ефективність. Установка – певна форма спрямованості особистості на об'єкт діяльності, яка може сприяти особистій толерантності або перешкоджати їй.

Установки прийнято класифікувати на неусвідомлені і усвідомлені, тимчасові (ситуативні) і стійкі (особисті), позитивні і негативні.

На особистому рівні неусвідомлені установки формуються окрім бажання і волі особистості, автоматично, у наслідок практичної діяльності. Залежно від переважання готовності до сприйняття або руху розрізняють установку сенсорну і установку моторну. Усвідомлені установки характеризуються усвідомленням особистості не лише завдання, яке потрібно вирішити, але і необхідністю мобілізувати свою енергію на її рішення. До них відносяться ідейні і моральні установки які поступають у вигляді певних беззастережних принципів поведінки. Проте кожна усвідомлена установка включає підсвідому мобілізацію всіх сил і можливостей особистості. В деяких випадках свідомі міркування, коливання і сумніви людини лише заважають автоматичній неусвідомленій мобілізації психіки на вирішення виникаючих задач [4; 8].

Під впливом ситуації можуть виникнути тимчасові установки, що не завжди виражають переконання даної особистості. Інколи дисциплінована людина може зробити вчинок, вступаючи в протиріччя з її переконаннями [3; 7].

На соціально-психологічному рівні на установки роблять вплив закони колективної психології: груповий тиск, «психічна заразливість», міжособистісна навіюваність. Діяльність спонукає не однієї, а безліччю установок, що знаходяться між собою в складній залежності і взаємообумовленості. Тому в одних випадках може лідувати позитивна особистісна установка, в інших випадках перемагає негативна установка, що набула форми упередження.

Н. І. Сарджвеладзе вважає, що соціальні установки пов'язані безпосередньо з системою стосунків особистості до навколишнього середовища. Виділяють наступні компоненти соціальних установок: когнітивний, емоційний, поведінковий, що дозволяє наочно розглядати природу установки [6]. Установка, як і толерантність, за своєю суттю, валентна, тим самим ми можемо впливати на процес установки на толерантну поведінку співробітників державної пенітенціарної служби в процесі професійної діяльності.

В рамках нашого дослідження основним завданням є розгляд толерантної поведінки співробітників державної пенітенціарної служби в процесі професійної діяльності, яку необхідно вивчати в системі міжособистісних стосунків. Найяскравіше вона виявляється в спілкуванні - комунікативних умінь і навиках співробітника. У даному дослідженні актуальним є розгляд цієї проблеми в рамках юридичної психології, оскільки названа нами тема дослідження вивчена недостатньо. На думку авторів (С. П. Бочарова, О. В. Землянська В. Л. Васильєв, А. В. Дулов, В. Є. та інших) професійна діяльність співробітників правоохоронних органів характеризується специфічними психологічними особливостями, які вимагають від співробітника певної системи особистих якостей, сприяючих ефективності професійної діяльності.

Так, І. А. Папкін вважає за необхідне в рамках професійної підготовки поряд з іншими якостями особистості, розвивати комунікативну толерантність у співробітників з метою зниження рівня професійної віктимності, таким чином, підвищуючи особисту безпеку професіонала [5]. Ми розділяємо підхід до розуміння комунікативної толерантності В. В. Бойко [2], який визначає її як характеристику стосунків до людей, що показує міру переносимості індивідом неприємних або неприйнятних психічних станів, якостей і вчинків партнерів по взаємодії. Саме комунікативна толерантність – одна з найважливіших і інформативних меж людини. Вона є збірною характеристикою, оскільки в ній відбиваються чинники долі і виховання, досвід спілкування особистості і різні її прояви – культура, цінності, потреби, інтереси, установки, характер, темперамент, звички, особливості мислення. Дана характеристика особистості відноситься до стрижневих, бо значною мірою визначає її життєву дорогу і діяльність - положення в мікро і макросоціумі. Таким чином, особливості комунікативної толерантності людини можуть свідчити про її психологічне і психічне здоров'я, внутрішню гармонію або дисгармонію, про здібність до самоконтролю і самокорекції.

У зарубіжній психології досліджувалися: агресивні форми поведінки як прояв інтолерантності (А. Басе, Л. Берковіц, Х. Хекхаузен); міжетнічна толерантність (М. Боуен, Т. Адорно, Т. Нельсон); здатність до емпатії (А. Маслоу, К. Роджерс).

Вивчення системної якості особистості - толерантності співробітників державної пенітенціарної служби, є актуальним і пріоритетним науковим напрямом. Спираючись на провідні методи соціально-психологічної дії і соціально-психологічної діагностики, нами визначена мета дослідження – вивчення особливостей установки на толерантну поведінку у спілкуванні співробітників державної пенітенціарної служби в процесі професійної діяльності.

Відповідно до поставленої мети нами були визначені наступні завдання:

1. Провести теоретичний аналіз стану проблеми установки на толерантну поведінку у спілкуванні і підходів до її розуміння у вітчизняній і зарубіжній психології.
2. Виявити психологічну структуру толерантності як системної властивості особистості.
3. Проаналізувати проблему установки на толерантну поведінку у спілкуванні співробітників державної пенітенціарної служби у юридичній психології.
4. Обґрунтувати і апробувати діагностичний комплекс методів вивчення установки на толерантну поведінку у спілкуванні співробітників державної пенітенціарної служби в процесі професійної діяльності.

5. Встановити особливості установки на толерантну поведінку у спілкуванні співробітників державної пенітенціарної служби в залежності від займаної посади.

Майбутні наші дослідження будуть присвячені реалізації запропонованої нами вище теми дослідження за допомогою адекватних методів психодіагностики відповідно до поставленої мети та завдань дослідження.

Література

1. Кримінально-виконавчий кодекс України. – Х.: ТОВ «Одісей», 2010. – С. 5-6.
2. Бойко В.В. Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других. М.: Филинь, 1996. – С. 200.
3. Лактіонов О. М., Крейдун Н. П., Сорока А. В., Скоков С. І. Основи пенітенціарної психології: Навчальний посібник для вузів. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2007. – С.127-134.
4. Немчин Т.А. Состояния нервно-психического напряжения. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – С.3.
5. Папкин И.А. Методы диагностики и снижения уровня профессиональной виктимности сотрудников органов внутренних дел: Учеб. пособие. Домодедово: ВИПК МВД России, 2006. – С.86.
6. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой. Тбилиси: Мецниереба, 1989. С. 24-40.
7. Свенцицкий А.Л. Социальная психология: Учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2004. – С. 118-131.
8. Сорока А. В. Юридическая психология. Краткий курс: Учебно – методическое пособие. – Харьков – 2010. – С. 90-105.

УДК. 159.9. 072.5: 078

Проективна методика «креативний простір» як психодіагностичний та дослідницький інструмент

Соснюк О.П.

В статті пропонується авторська проективна методика «Креативний простір», що базується на принципі подвійної проекції. Автором детально описуються діагностична процедура та загальна інтерпретаційна схема результатів обстеження, наводяться приклади практичного використання методики, розглядаються можливості використання даної методики в психодіагностиці, маркетингових та прикладних психологічних дослідженнях. Ключові слова: проекція, проективна методика, психодіагностика, дослідницький інструмент.

В статье предлагается авторская проективная методика «Креативное пространство», основанная на принципе двойной проекции. Автором детально описываются диагностическая процедура и общая интерпретационная схема результатов обследования, приводятся примеры практического использования методики, рассматриваются возможности использования данной методики в психодиагностике, маркетинговых и прикладных психологических исследованиях. Ключевые слова: проекция, проективная методика, психодиагностика, исследовательский инструмент.

The article offers author's projective method «Creative space» based on double-projection law. The author describes in detail a diagnostic procedure and overall interpretation of the results of the research, shares some examples of using this method in practice, opportunities of applying it in psycho-diagnostics, marketing and applied research. Key words: projection, projective methods, psycho-diagnostic, research tool.

Прагнення до більш глибокого розуміння поведінки людей є однією з найбільш помітних актуальних тенденцій, об'єктивованих в замовленнях на прикладні психологічні дослідження. Завдяки цьому зростає зацікавленість у проективних методиках, які дозволяють вивчати несвідомі мотиви та почуття. Переважна більшість існуючих проективних методик розроблялась як інструменти клінічної психодіагностики, що значно звужує сферу їх застосування в практично орієнтованих дослідженнях.

Метою нашого дослідження було розробити універсальний психодіагностичний та дослідницький інструмент, який би був чутливим до фіксації несвідомих проявів та водночас розширював можливості психологів, орієнтованих на розв'язання прикладних завдань. Саме для цього, нами було розроблено методика «Креативний простір», яка відноситься до інтерпретаційних проективних технік [3;4].

Методологічну основу для розробки даної методики становили: положення про опосередковуючу роль установки, як універсального психологічного утворення, яке забезпечує зв'язок між свідомим та несвідомим [15], положення про проекцію потреб, почуттів та думок в продуктах творчості [6], положення про ідеоматичну внутрішню сферу яка розглядається як спосіб організації життєвого досвіду [3], методичні вимоги до розробки проективних технік, сформульовані зарубіжними та вітчизняними психологами [3; 7; 9; 14; 18].

Обстеження за даною методикою відбувається у формі глибинного інтерв'ю, відповідно до вимог, розроблених вітчизняними та зарубіжними науковцями [1; 8;11;13].

Процедура складається з трьох основних етапів: попереднього, складання історій та імплементації виявленого набору елементів.

На попередньому етапі відбувається знайомство з людиною, детально вивчаються її біографічні дані, стиль життя, особливості взаємовідносин з соціальним оточенням. Залежно від цільового використання додатково виявляються набори елементів:

- для психодіагностичного обстеження – перелік осіб із соціального оточення, з якими досліджувані часто спілкуються і які їм подобаються, або не подобаються.
- для маркетингових досліджень – набори марок або продуктів, яким надається перевага у споживанні, які вживаються епізодично та такі, від яких досліджувані категорично відмовляються;
- для політико-психологічних досліджень – перелік політиків або партій, які досліджуваним подобаються або не подобаються, які вони готові підтримати та такі, які вони не готові підтримати;
- для етнопсихологічних досліджень – перелік країн, де досліджувані хотіли б жити і таких, в яких вони не хотіли б жити; або національностей які досліджуваним подобаються або не подобаються.

Обстеження проводиться виключно індивідуально. Загальна тривалість – 2-3 години, при використанні методики в діагностичних цілях 4-6 годин. При використанні з психодіагностичною метою відповідно до існуючих рекомендацій передбачається проведення процедури за 2-3 сеанси. Інтервал між сеансами не більше 1-2 днів [7]. При цьому, перший сеанс повністю відводиться на попередній етап.

На другому етапі досліджуваним пропонується скласти історії за спеціально підібраними картинками-стимулами.

В період початкової розробки методики ми користувались картинками Тематичної Апперцепції Тесту Г.Мюррея [18]. Однак нами використовувався не весь набір, а тільки

частина. Можливість використання обмеженого набору таблиць була свого часу доведена А.Хартманом [16], який пропонував використовувати варіанти 1, 2, 3ВМ, 4, 6ВМ, 7ВМ, 13МФ, 8ВМ.

Пізніше доцільність такого підходу було підтверджено у працях Л.Беллак [2]. Запропонований дослідником набір дещо відрізнявся від базового набору А.Хартмана. Зокрема, було запропоновано використовувати: для чоловіків – варіанти 1, 2, 3ВМ, 4, 6ВМ, 7ВМ, 11, 12М, 13МФ; для жінок – варіанти 1, 2, 3ВМ, 4, 6GF, 7GF, 9GF, 11, 13МФ. Але, в цілому, сама можливість такого використання стимулів після цих досліджень під сумнів ніким з практиків не ставилась [7].

Як показали наші дослідження, в деяких випадках корисно використовувати інші картинки. Зокрема, при проведенні маркетингових досліджень ми на додаток до наборів А.Хартмана та Л.Беллак також використовували варіанти 10, 12ВG, 13В, 14, 17ВМ, а при проведенні політико-психологічних досліджень – варіант 12F.

Зараз ми також використовуємо власний стимульний матеріал, який був нами частково валідизований на вибірці у 258 осіб. При валідизації ми аналізували асоціації, які виникали на картинку-стимули, і прагнули, щоб на кожен картинку була приблизно однакова кількість парадигматичних та синтагматичних асоціацій [10]. Такого ж розподілу ми намагалися досягнути і за знаком емоцій, які виявлялися в асоціативних рядах. За результатами попереднього відбору нами визначено набір з 20 картинок-стимулів. В подальшому для валідизації нами передбачається використовувати ТАТ [7; 18], семантичний диференціал [10] та інші психодіагностичні методики [3; 14].

Перед початком складання історій досліджуваному дається інструкція, в якій пропонується виконати творче завдання, склавши історії за картинкою, таким чином, щоб вони були емоційно насиченими, відображали емоції, почуття та думки героїв, розкривали (за можливістю) те що відбувається зараз, те що передувало виникненню тієї чи іншої ситуації, як вона може розвиватися у майбутньому. При цьому, припускається можливість уточнюючих запитань з боку психолога. Але тільки після того, коли історія за окремою картинкою була завершена [7].

За рахунок уточнюючих запитань отримується додаткова інформація про особливості ситуації, характер героїв та взаємовідносини між ними, вікові, статусні та професійні характеристики героїв, їх біографічні дані, склад соціального оточення. Звісно, це певний відступ від існуючих канонів, яких намагаються дотримуватись при використанні ТАТ. Однак такий підхід забезпечує можливість для створення креативного простору (звідси і назва методики), який є необхідним елементом третього етапу.

Відзначимо, що всі результати другого етапу ретельно записуються. Практика показує, що у випадках коли методика використовується в межах маркетингового дослідження можна використовувати відеозапис або аудіозапис. В політико-психологічних дослідженнях з технічних засобів краще використовувати аудіозапис. Але в будь-якому випадку треба гарантувати конфіденційність даних матеріалів і в разі відмови досліджуваних від фіксації технічними засобами, бути готовим фіксувати результати у письмовому вигляді. Зазначені застереження у повній мірі стосуються ситуацій використання методики у діагностичних цілях.

На третьому етапі перед досліджуваним розташовуються всі картинки і пропонується у стислій формі пригадати складені за ними історії. Потім обстежуваних просять сказати: 1) які історії з їхньої точки зору вдалося створити емоційно-хвилюючими і уточнюється чому саме; 2) які історії нагадують їм події з власного життя або життя знайомих людей; 3) які історії нагадують їм відомі художні твори, кінофільми тощо.

Після цього досліджуваному пропонується імплементувати набір елементів, які було виявлено на попередньому етапі. Саме таким чином ми реалізуємо принцип подвійної проекції, закладений в основу даної методики. Далі досліджуваного просять визначити те, з якими історіями асоціюються у нього ті чи інші елементи. При, цьому обов'язково фіксується чому, з ким, з якими емоціями та почуттями, з яким фрагментом історії асоціюється той чи інший елемент. Допускається, що з однією історією може асоціюватись кілька елементів (але не більше трьох).

Загальна схема аналізу результатів передбачає виявлення чотирьох обов'язкових елементів, які описують поведінку героїв, їх внутрішні та зовнішні мотиви, ситуації та почуття, які їх супроводжують. Необхідну підтримку в обґрунтуванні такого підходу ми знайшли в працях Д.О.Леонтьєва, О.Т.Соколової, Н.Мак-Вільямс, Д.Мак-Клеланда та Дж.Аткінсона [7; 9; 14; 17].

Під час аналізу результатів багатьох досліджень (нами було проведено більше 300 інтерв'ю) виявилось, що ці елементи утворюють певні типові і достатньо стійкі паттерни, за визначенням Н.І.Сарджвеладзе [12]. Однак, для зручності спілкування з клієнтами (замовниками маркетингових та прикладних психологічних досліджень), ми назвали її ментальними територіями.

Структурна схема універсальних ментальних територій

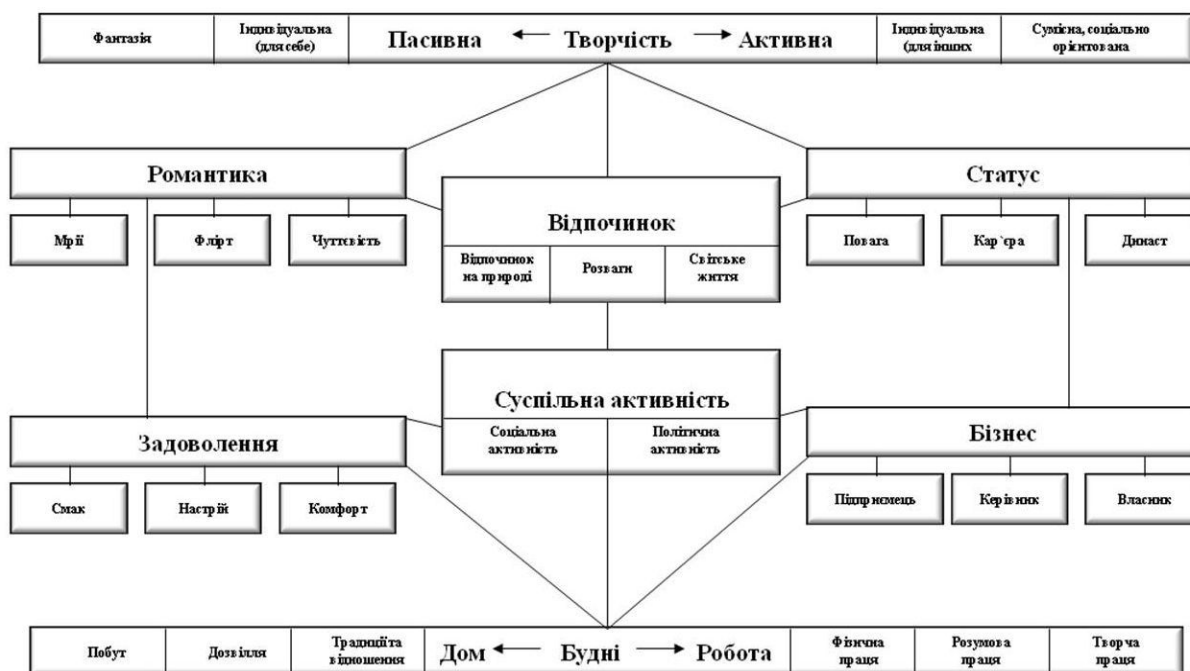

Рис. 1. Універсальні ментальні території.

Узагальнені результати проведених інтерв'ю з використання даної методики дозволили виявити універсальні ментальні території, з властивими їм системами внутрішніх та зовнішніх мотивів, емоціями та почуттями, типовими життєвими ситуаціями (Рис. 1).

Саме цією схемою ми зазвичай користуємось при застосуванні даної методики з діагностичною метою.

Але так буває не завжди. В прикладних дослідженнях, доволі часто ми виявляємо дещо інший набір ментальних територій.

Так наприклад, в наших дослідженнях було з'ясовано, що ментальний простір споживачів шоколаду наповнений шістьма територіями: «Дитинство», «Родина», «Любов», «Дружба», «Догляд за собою», «Статус».

В той же час, ментальний простір мінеральних вод в уявленнях споживачів обмежується п'ятьма територіями: «Повага», «Престиж», «Універсальність», «Сучасність», «Лікування та здоров'я».

З нашої точки зору, такі відмінності можна пояснити існуванням універсальних та парціальних семантичних просторів [10], при сприйманні різних об'єктів оцінювання.

Останнім часом, зростає інтерес до використання проєктивних методик в політико-психологічних дослідженнях. Все більшої популярності набирає ідея про те, що особливості сприймання суб'єктів політичної активності визначаються сукупністю власних проєкцій громадян, спрямованих на політиків [5].

Досвід застосування нашої методики в політико-психологічних дослідженнях підтвердив ці припущення. Крім того, нами було з'ясовано, що методика дає можливість визначити глибинні емоційні почуття, які домінують у сприйманні політиків. Наприклад, у сприйманні трьох провідних сучасних політиків домінують різні почуття. Ставлення до одного з них визначають злість та гнів, до другого – співчуття та жалість, до третього – страх і байдужість.

Потенціал даної методики нами було перевірено і в сфері етнопсихологічних досліджень. Вивчення з її допомогою етнічних аутистеротипів української молоді, дозволило з'ясувати, що серед рис характеру, які найбільше властиві українцям, домінують: щедрість, гостинність, щирість, доброта, працьовитість, байдужість та хитрість. Серед рис характеру, які найменше властиві українцям: жадібність, толерантність, егоїзм, чесність, злостивість.

Слід відзначити, що, на думку досліджуваних, в національному характері українців переважають позитивні особистісні характеристики, в той час, як серед невластивих українцям якостей переважають негативні характеристики. При цьому, позитивні і негативні є добре узгодженими. Наприклад, такі позитивні характеристики як: щедрість, гостинність, щирість і доброта, добре узгоджені з відсутністю таких негативних характеристик як: жадібність, егоїзм та злостивість.

Інші особливості спостерігаються у сприйманні держави. Серед домінантних характеристик у сприйманні держави в уявленнях молоді переважають негативні характеристики, такі як: нестабільність, корумпованість, погана влада, низький рівень економічного розвитку.

В той же час, серед характеристик, які не властиві українській державі, в уявленнях опитуваних присутні виключно позитивні характеристики: високий рівень життя,

стабільність, гарна влада, демократичність, захищеність прав громадян та могутність. Такі результати свідчать про суттєві розбіжності між наявними та відсутніми характеристиками в іміджі держави, що існують в уявленнях молоді і пояснюють чому більше 75% опитуваних мають чітку установку на зміну країни проживання, тобто є потенційними мігрантами.

Спираючись на досвід власних досліджень, ми можемо зробити висновки про те, що запропонований варіант проєктивної методики довів свою діагностичну ефективність та практичну придатність в тих випадках, коли було необхідно:

- глибше зрозуміти досліджуваних, виявити особливості їх мотивації, емоційного ставлення до різних об'єктів, виявити та систематизувати типові життєві ситуації;

- визначити особливості позиціонування об'єктів оцінювання у ментальному просторі досліджуваних.

В сфері прикладних досліджень методика зарекомендувала себе як корисний інструмент для розробки маркетингових стратегій, виявлення особливостей емоційного ставлення до брендів, пошуку прихованих мотивів споживчої поведінки. Методика дозволяє визначити специфіку представленості тих чи інших марок порівняно з марками-конкурентами, виявити потенційно вільні ніші, в яких вони можуть успішно реалізувати унікальність власної торгівельної пропозиції (USP). Ці переваги методики нами перевірено на ринках кондитерських виробів, соків, мінеральних вод, у фармацевтичній галузі.

Методика має широкий діапазон застосування в сфері прикладних досліджень та консалтингу. Зокрема, як провідний інструмент якісних досліджень, спрямованих на розробку комунікативних стратегій в сфері маркетингу, політичного та бізнес-консалтингу. Отримані за її допомогою результати використовуються як самостійна платформа для розробки стратегій, так і як допоміжна інформація для проведення креативних WorkShops. У комбінації з кількісними методами досліджень даний інструмент дозволяє визначити особливості сприймання об'єктів оцінювання (брендів, політиків), їх потенціал та прогнозувати перспективи їх розвитку.

Перспективи наших досліджень полягають у подальшій валідизації та стандартизації методики на розширеній вибірці. Додаткові зусилля будуть спрямовані нами на стандартизацію інтерпретаційних схем, для підвищення надійності аналітичних викладок та діагностичних висновків за результатами методики.

Література

1. Белановский, С. А. Индивидуальное глубокое интервью / С.А. Белановский. – М.: Никколо-Медиа, 1993. – 320 с.
2. Беллак Л. О проблемах концепции проекции // Проективная психология / Л.Беллак. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 10-29.
3. Бурлачук Л.Ф. Введение в проективную психодиагностику / Л.Ф.Бурлачук. – Киев: Ника-Центр: Вист-С, 1997. – 126 с.
4. Бурлачук Л.Ф, Морозов С.М. Словарь-справочник по психодиагностике / Л.Ф.Бурлачук, С.М.Морозов. – Киев: Наукова думка. – 1989. – 198 с.
5. Гуревич П.С. Практическая психология для всех/ П.С.Гуревич. – М.: ОМГ Плюс, 2007. – 512 с.
6. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу / Ж.Лапланш, Ж.-Б. Понталис. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. – 752 с.
7. Леонтьев Д.А. Тематический Апперцептивный Тест (ТАТ) / Д.А.Леонтьев. – М.: Смысл, 2000. – 254 с.
8. Мертон Р., Фиске М., Кендалл П. Фокусированное интервью / Р.Мертон, М.Фиске, П.Кендалл. – М, 2000. – 167 с.
9. Мак-Вильямс Н. Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе / Н. Мак-Вильямс. – Москва: Класс, 1998. – 480 с.
10. Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф.Петренко. – СПб.: ПИТЕР, 2005. – 479 с.
11. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. – Л.: Наука, 1979. – 264 с.
12. Сарджвеладзе Н.И. Личность и ее взаимодействие с социальной средой / Н.И. Сарджвеладзе. – Тбилиси: «Мецниереба», 1989. – С. 70-91.
13. Сарджвеладзе Н.И.Метод монологического интервью / Н.И.Сарджвеладзе. – Вопр.психологию – 1984. – №2. – С.127-129.
14. Соколова Е.Т. Психологическое исследование личности: проективные методики / Е.Т.Соколова. – М.: ТЕИС, 2002. – 150 с.
15. Узнадзе Д. Н. Экспериментальные психологии установки/ Д.Н.Узнадзе. – Тбилиси: Мецниереба, 196. – 210 с.
16. Hartman H. Essays on ego psychology. Selected problems in psychoanalytic theory/ H.Hartman. – N.Y.: Intern, univ. press, 1964. – 492 p.
17. McClelland D. C, Atkinson J. W. The projective expression of need: I. The effect of different intensities of the hunger drive on perception/ D. C. McClelland, J. W. Atkinson. – «J. of Psychol.», 1948, v. 25.
18. Murray H. Thematic Apperception Test Manual / H. Murray. – Cambridge, 1943.

УДК 159.9(075.8)

Установки восприятия, социальное поведение и адаптация

Филенко И.А.

Research of the process of perception, indexes of the socially-psychological adaptation, stylish features of conduct in conflict situations and coping at the persons of youth age is conducted. It is shown that the specific of individual distinctions in descriptions of the studied psychical phenomena shows up in intercommunication of subjective value of the perceived objects with the features of adaptation and conduct of examinees. The indicated distinctions can be related to the typological structure of set of the investigated students.

Keywords: adaptation, perception, interpretation, social conduct, set, coping.

Проведено дослідження процесу сприйняття, показників соціально-психологічної адаптації, стильових особливостей поведінки в конфліктних ситуаціях, копінг у осіб юнацького віку. Показано, що специфіка індивідуальних відмінностей в характеристиках психічних явищ, які вивчаються, проявляється у взаємозв'язку суб'єктивної цінності об'єктів сприйняття з особливостями адаптації і поведінки випробовуваних. Вказані відмінності можуть бути пов'язані з типологічною структурою установок досліджуваних студентів.

Ключові слова: адаптація, сприйняття, інтерпретація, соціальна поведінка, установка, копінг.

Проведено исследование процесса восприятия, показателей социально-психологической адаптации, стиливых особенностей поведения в конфликтных ситуациях, копинга у лиц юношеского возраста. Показано, что специфика индивидуальных различий в характеристиках изучаемых психических явлений проявляется во взаимосвязи субъективной ценности воспринимаемых объектов с особенностями адаптации и поведения испытуемых. Указанные различия могут быть связаны с типологической структурой установок исследуемых студентов.

Ключевые слова: адаптация, восприятие, интерпретация, социальное поведение, установка, копинг.

Психологические особенности личности в значительной степени определяют ее социальное поведение и способность к эффективной адаптации в окружающем мире. Успешность наших межличностных коммуникаций, формирование и проявление тех или иных психических состояний, эффективность стилей взаимодействия с окружающими людьми, умение найти правильное решение в непростых жизненных ситуациях – все это характеризует человека с точки зрения его адаптированности к окружающей социальной среде. В свою очередь качество нашей адаптации и эффективность поведения не всегда зависят от интенсивности и напряженности событий, происходящих вокруг нас, но во многом определяются внутренними свойствами личности, к которым исследователи относят особенности нервной системы, тип темперамента, стрессоустойчивость, мотивацию, адекватность самооценки, уровень самоконтроля и другие психические свойства субъекта (Б.Ф. Ломов [5], А. Г. Маклаков [6], А.А. Налчаджян [7], Г.С. Никифоров [10], А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов [11] и др.).

Также ряд авторов обращают внимание на тесную взаимосвязь особенностей восприятия и интерпретации субъектом окружающего мира (находящих свое отражение в индивидуальном «образе мира») со спецификой его социального поведения и характеристиками адаптации (В.А. Бодров [2], Дж. Келли [3], С.И. Розум [12]). Как отмечает В.А. Бодров: «Можно, по всей видимости, постулировать положения о том, что в основе адаптации лежит процесс восприятия внешней среды... поскольку любое восприятие несет на себе отпечаток индивидуальности, то и картина адаптации, ее направленность и выраженность в той или иной мере будет отражать эту индивидуальность» [2]. Некоторые адаптивные стратегии личности могут быть связаны с «фильтрацией» внешней информации, на основе ее неосознаваемой селекции [11]. В свою очередь, социальное поведение и феномен адаптации, а также процессы восприятия и интерпретации при взаимодействии субъекта с окружающим миром тесно связаны с понятием установки.

Согласно теории установки Д. Н. Узнадзе внешние и внутренние факторы оказывают влияние на поведение не непосредственно, а опосредованно — через установку; вначале возникает установка как модификация, настройка целостного субъекта, выраженная в готовности его психофизических функций к выполнению определенной активности, после чего на ее основе реализуется конкретное поведение [14].

Установка, как отмечает В.Г. Норакидзе [9], является центральным фактором в адаптации личности к среде. В ходе социальной адаптации конкретная жизненная ситуация играет роль связующего звена между потребностью в активности субъекта и установкой на реализацию этой активности. При этом интерпретации адаптивных ситуаций личностью связаны с актуализацией старых и с формированием новых установок.

Процессы нашего восприятия и последующей интерпретации событий и объектов, их свойств, характеристик и взаимосвязей, лежащие в основе создания субъективной картины окружающей реальности, играют важнейшую роль в формировании определенных отношений субъекта к ним, в результате чего формируются и начинают реализовываться вполне определенные адаптивные стратегии, отражающие индивидуальные особенности

личности. В свою очередь процессы восприятия могут разворачиваться в двух планах – на бессознательном, когда актуализируются старые установки, диспозиции, аттитюды личности и на осознаваемом, когда включаются процессы объективации и происходит формирование новых установок (Д.Н. Узнадзе [15]).

В первом случае деятельность и поведение человека строится на основе фиксированных и первичных установок, отражающих личный (или коллективный, обобщенный в нормативных требованиях к действиям личности) социальный опыт. При этом образ мира остается относительно статичным, и успешность социальной адаптации определяется степенью успешности практической реализации конкретных установок. Во втором случае субъект может вносить определенные (иногда очень существенные) коррективы (изменения) в существующую картину мира, формировать новые установки своего поведения, на основе которых и будет разворачиваться дальнейшая деятельность. При этом адаптация личности наступает не за счет селекции информации об окружающей социальной среде в соответствии со своими установками, а за счет изменения этих установок [11].

Очевидно, что особенности реализации первого и второго механизмов поведения и деятельности различны, и различными будут конечные результаты адаптации субъекта в социальной среде, построенные на тех или иных стратегиях восприятия реальности.

В наше время среда обитания человека становится все более динамичной, ее характеризует ряд новых особенностей, определяющих специфику адаптационных процессов и поведения личности в современном обществе. К ним можно отнести следующие:

- наблюдается формирование взаимозависимости, временной и причинной связности событий в отдаленных (в прошлом не зависимых) регионах социальной системы, что находит непосредственное отражение в повседневных условиях жизнедеятельности личности;
- происходят быстротекущие и интенсивные изменения в ранее устойчивых сегментах социальной системы, накладывающие ограничения на пределы возможной перестройки адаптивных механизмов индивида;
- происходит исчерпание традиционных ресурсов (в том числе и относящихся к социальному уровню) поддержки жизнедеятельности субъекта;
- возникают новые факторы (техногенной, социально-экономической, информационной природы), негативно воздействующие на личность;
- повышается неопределенность или недостоверность информации о возникающих опасных или неблагоприятных ситуациях;
- утрачиваются традиционные ценностные и смысловые регуляторы, поддерживающие оптимальные формы адаптивного поведения людей и т.д.

Вследствие этого адаптационные механизмы субъекта часто функционируют в критических режимах, им сопутствуют срывы адаптации, проявляющиеся в распаде смысловых структур личности, в стрессах, психических и соматических заболеваниях, в нарушениях социального поведения, в снижении эффективности и надежности выполняемой деятельности [7,10,12]. Указанные выше проблемы требуют пристального изучения особенностей социальной адаптации и поведения личности, выявления связей этих явлений с процессами восприятия и интерпретации действующим субъектом событий и объектов окружающего мира.

В связи с этим целью нашей работы являлось исследование процессов социально-психологической адаптации, стилей поведения (в конфликтных и стрессовых ситуациях), а также особенностей восприятия лиц юношеского возраста.

В ходе исследования, которое проводилось в Украинской инженерно-педагогической академии (г. Харьков) в период февраль - май 2010 года, использовались следующие методики: тест для определения уровня социально - психологической адаптации (Ж. Роджерса, Р. Даймонда) [13]; методика Н.С. Эндлера, Д.А. Паркера «Копинг - поведение в стрессовых ситуациях» (адаптирована Т.Л. Крюковой) [4]; методика К. Томаса «Исследование особенностей реагирования в конфликтных ситуациях» [8]; метод семантического дифференциала - бланк с 24 полярными характеристиками, а также восемь изображений традиционной украинской символики – триног (1), спираль (2), двойной крест (3), восьмилучевая звезда (4), сетчатый ромб (5), цветы (6), бесконечник (7), Берегиня (8). Методом семантического дифференциала предлагалось оценить качества каждого из представленных символов с помощью 7-и бальной шкалы. Выбор метода семантического дифференциала в данном исследовании был обоснован тем, что ранее была выявленная корреляция между личностными особенностями испытуемых и структурой организации их семантических пространств [1], характеризующих объекты восприятия.

Всего было обследовано 29 студентов (все студенты - лица женского пола в возрасте 20-21 год). В ходе обработки первичных результатов определялись коэффициенты корреляций между исследуемыми показателями (по Спирмену), для выявления различий между подгруппами испытуемых использовался непараметрический критерий различий Манна-Уитни. Также для дальнейшего анализа полученных данных мы ввели понятие интегральной ценности символа. Величина интегральной ценности символа, I , для каждого испытуемого определялась как среднеарифметическая сумма баллов оценок данного символа по шкалам семантического дифференциала, которая была приведена к позитивному полюсу шкалы. При этом меньшая

численная величина интегральной оценки I соответствовала большей ценности символа. В нашем исследовании мы определяли показатели интегральной ценности для каждого из 8 предъявляемых символов. Основные результаты эксперимента приведены в Табл.1-5.

Данные Табл.1 свидетельствуют о том, что существуют значимые корреляции между показателями, которые характеризуют стили копинга, и показателями социально-психологической адаптации. Анализируя данные Табл.1 можно отметить, что исследуемые студенты, которые характеризуются высокими уровнями проблемно-ориентированного копинга, имеют высокие уровни адаптации, самопрятия, эмоциональной комфортности и интернальности. Напротив, студенты с высокими уровнями эмоционально-ориентированного копинга и копинга, ориентированного на отвлечение, имеют относительно низкие показатели социально-психологической адаптации.

Таблица 1.

Коэффициенты корреляции между показателями социально-психологической адаптации и уровнями стилей копинга в группе испытуемых (общее количество – 29 человек).

Показатели социально-психологической адаптации	Показатели стилей преодоления стресса		
	Проблемно-ориентированный копинг	Эмоционально – ориентированный копинг	Копинг, ориентированный на отвлечение
Адаптация	0,48***	-0,35*	-0,51***
Самопрятие	0,49***	-0,31*	-0,47**
Эмоциональный комфорт	0,34*	-0,31*	-0,21
Интернальность	0,47**	-0,44**	-0,37**

Примечание: коэффициенты корреляции достоверны с уровнями значимости - * - $p < 0,1$; ** - $p < 0,05$; *** - $p < 0,01$.

В Табл.2-4 приведены показатели социально-психологической адаптации, стилей преодоления стресса, стилей поведения в стрессовых ситуациях для подгрупп испытуемых, различающихся уровнями оценки ценности символов 4, 7, 8.

Таблица 2.

Показатели социально-психологической адаптации и стилей преодоления стресса для подгрупп испытуемых, различающихся уровнями оценки ценности символа 4 - восьмилучевая звезда (общее количество испытуемых – 29 человек).

Подгруппы испытуемых, различающихся уровнями оценки ценности символа 4	Показатель интегральной ценности символа	Показатели стилей преодоления стресса				Показатели социально-психологической адаптации	
		Проблемно – ориентированный копинг	Эмоционально-ориентированный копинг	Копинг, связанный с избеганием	Копинг, связанный с отвлечением	Адаптация	Стремление к доминированию
Высокая ценность	2,1	56,5	34,13	41	17,25	66,44	61,51
Низкая ценность	3,96	53,1	40	49,5	22,88	61,8	46,98
Различия между подгруппами достоверны на уровне вероятности, p	$p \leq 0,0001$	$p \leq 0,2$	$p \leq 0,1$	$p \leq 0,05$	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,1$	$p \leq 0,01$

Как следует из Табл.2, существуют значимые различия в уровнях показателей социально-психологической адаптации и стилей преодоления стресса для подгрупп испытуемых, различающихся уровнями оценки ценности символа 4. Так, студенты, приписывающие

данному символу набор качеств положительного полюса семантического дифференциала (т.е. характеризующие его как ценный объект), обладают более высокими показателями адаптации и стремления к доминированию (подгруппа 1). Однако они реже используют эмоционально-ориентированный копинг, а также избегание и отвлечение по сравнению с подгруппой студентов (подгруппа 2), характеризующих символ 4, как малоценный. Для подгруппы 1, однако, может быть более характерным проблемно-ориентированный копинг.

Таблица 3.

Показатели стилей преодоления стресса и поведения в конфликтных ситуациях для подгрупп испытуемых, различающихся уровнями оценки ценности символа 7 - бесконечник (общее количество испытуемых – 29 человек).

Подгруппы испытуемых, различающихся уровнями оценки ценности символа 7	Показатель интегральной ценности символа	Показатели социально-психологической адаптации				
		Адаптация	Самопритягивание	Притягивание других	Эмоциональный комфорт	Интернальность
Высокая ценность	2,02	67,73	81,23	69,12	68,67	69,29
Низкая ценность	4,34	57,55	70,13	61,46	54,56	56,37
Различия между подгруппами достоверны на уровне вероятности, p	$p \leq 0,001$	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,05$	$p \leq 0,05$	$p \leq 0,01$

Результаты, представленные в Табл.3, свидетельствуют о том, что высокая ценность в характеристиках символа 7, характерна для лиц, имеющих высокие показатели социально-психологической адаптации, в частности – адаптации, самопритягивания, притягивания других, эмоционального комфорта и интернальности.

Таблица 4.

Показатели стилей преодоления стресса и поведения в конфликтных ситуациях для подгрупп испытуемых, различающихся уровнями оценки ценности символа 8 - Бергегия (общее количество испытуемых – 29 человек).

Подгруппы испытуемых, различающихся уровнями оценки ценности символа 8	Показатель интегральной ценности символа	Показатели стилей преодоления стресса			Показатели стиля поведения в конфликтных ситуациях	Показатели социально-психологической адаптации
		Проблемно-ориентированный копинг	Копинг, ориентированный на избегание	Копинг, связанный с отвлечением		
Высокая ценность	3,03	52,4	50,4	22,5	6,25	15,25
Низкая ценность	5,77	58,9	39	17,3	4,88	12,63
Различия между подгруппами достоверны на уровне вероятности, p	$p \leq 0,0001$	$p \leq 0,05$	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,05$	$p \leq 0,01$	$p \leq 0,1$

Табл. 4 содержит данные, позволяющие заключить, что высокую ценность символу 8 приписывают испытуемые, обладающие более низкими уровнями проблемно-ориентированного копинга, а также более высокими показателями стилей избегания, отвлечения, приспособления и эскапизма по сравнению с подгруппой, характеризующей этот символ как малоценный.

В Табл.5 показаны коэффициенты корреляции между показателями социально-психологической адаптации и показателями шкал семантического дифференциала для символа 7.

Таблица 5.

Коэффициенты корреляции между показателями социально-психологической адаптации и показателями шкал семантического дифференциала, полученные в группе испытуемых для символа 7 (общее количество испытуемых – 29 человек).

Шкалы семантического дифференциала	Показатели социально-психологической адаптации				
	Адаптация	Самоприятие	Приятие других	Эмоциональный комфорт	Интернальность
Активный - пассивный	-0,34*	-0,35*	-0,17	-0,42**	-0,41**
Тяжелый - легкий	0,19	0,14	0,54***	0,19	0,10
Враждебный - дружеский	-0,49***	0,49***	0,36*	0,34*	0,56***
Добрый - злой	-0,44**	-0,49***	-0,33*	-0,41**	-0,49***
Позитивный - негативный	-0,33*	-0,27	-0,25	-0,42**	-0,36*
Плохой - хороший	0,52***	0,45**	0,37*	0,40**	0,47**
Шершавый - гладкий	0,54***	0,44**	0,56***	0,40**	0,36*
Привлекательный - непривлекательный	-0,51***	-0,45**	-0,26	-0,10	-0,54***

Примечание: коэффициенты корреляции достоверны с уровнями значимости - * - $p < 0,1$; ** - $p < 0,05$; *** - $p < 0,01$.

Из приведенных результатов следует, что испытуемые с высокими показателями социально-психологической адаптации (по шкалам – адаптация, самоприятие, приятие других, эмоциональный комфорт, интернальность) характеризуют данный символ на положительный полюсах шкал, приведенных в Табл. 5. Анализируя полученные данные (в частности и по оценкам других символов, которые здесь не приведены) следует отметить, что индивидуальные отличия в их оценках оказываются тесно связанными с поведенческими и адаптивными характеристиками личности испытуемого. При этом для символов - №1,2,4,6,7 большая интегральная ценность символов выявляется в подгруппе испытуемых, которые обладают более высокими показателями адаптации и демонстрируют предрасположенность к оптимальным стратегиям поведения. А для символов №3,5,8 – интегральная ценность выше в подгруппе испытуемых, для которых зафиксированы более низкие уровни адаптации либо неоптимальные стили поведения. Также обнаружено, что наиболее чувствительным личностным показателем, связанным с различиями в ценностных характеристиках стимульных объектов для разных подгрупп испытуемых, явился показатель социально-психологической адаптации, связанный с приятием других людей, характеризующий безконфликтное взаимодействие субъекта с окружающими в социальной среде. Данный показатель для всех символов, кроме символов №3,5, выше в той подгруппе испытуемых, которая приписывает соответствующему символу большую ценность.

Полученные результаты, по всей видимости, связаны с индивидуальными особенностями организации активационных, эмоциональных и когнитивных процессов у испытуемых из различных подгрупп. Так, можно рассматривать общий уровень активности индивида в своей качественной и уровневой специфике, как предпосылку к специфическим проявлениям восприятия на стадии обнаружения, изучения объекта, а также как фактор, определяющий особенность его последующей интерпретации. Настройка целостного субъекта при взаимодействии с объектом или ситуацией проявляется не только в специфике восприятия

и интерпретации явления, но и в определенном стиле поведения, который реализуется, в том числе и за счет адаптационных механизмов личности. То есть обнаруженная связь субъективных особенностей восприятия простых объектов со стилевыми особенностями поведения и показателями адаптации испытуемых позволяет говорить о целостной, специфической готовности индивида к выполнению определенной активности, которая в то же время достаточно индивидуальна у разных лиц.

Объяснение полученных результатов возможно на основе теории установки Д.Н. Узнадзе. В частности, в своей работе «Экспериментальные основы психологии установки» (1949 г.) он выделяет различные группы испытуемых, отличающиеся особенностями проявления установки: лица с динамической установкой, статичные и переменные люди [15]. Последователь и соратник Д.Н. Узнадзе - В.Г. Норакидзе продолжил исследования типологической структуры установки с привлечением дополнительных психологических методов, выявляющих личностные особенности испытуемых. Согласно результатам, полученным В.Г. Норакидзе, у людей с пластично-динамичной установкой «...подтверждаются соответствующие гармоничной структуре личности мотивы и черты, выражающие возможность положительной и совершенной адаптации со средой, показывающие гармоничное состояние личности, когда налицо согласованность между отдельными компонентами ее структуры» [9]. Субъект с такой установкой, имея гибкий механизм адаптации, при резком изменении ситуации может объективировать собственное поведение, выработать новую программу поведения, создать установку, адекватную ситуации, и направить свое поведение в соответствии с ней. Это позволяет исключать внутренние и внешние конфликты, сохранять спокойствие и оптимистичные эмоции, легко устанавливать дружеские связи, социальные контакты и проявлять гармоничное поведение и переживание [9].

В противоположность указанному типу люди с грубо-статической установкой характеризуются внутренними конфликтами, глубокими и интенсивными эмоциями, трудностью сдерживания импульсов потребности и эмоций, неуверенностью, чувством унижения, внутренней индифферентностью, субъективностью, трудностью вынесения решений. Субъект, который относится к данному типу, уклоняется от изменений, стремится сохранить старые привычки, не любит перемены места жительства и т.д., то есть стремится к одному и тому же поведению. Ему трудно адаптироваться в новых условиях, он часто «...проецирует свои скрытые желания, тревогу, веру; этим, возможно, он дает ложную интерпретацию явлений, чужих мыслей, что часто вызывает недоразумения в отношении со средой» [9].

В связи с описанными типами личности с различной установкой, следует отметить, что полярная оценка некоторых воспринимаемых простых объектов (символов), отмеченная выше, и отличия в уровнях адаптации и стилях поведения в подгруппах испытуемых могут и быть связанными с формированием у них различных типов установки, которые и определяют структуру процессов восприятия, интерпретации ситуаций и последующего поведения. При этом лица, попавшие в 1-ю подгруппу при оценке символов 4,7, по своим характеристикам близки к людям с пластично-динамичной установкой, а, соответственно, лица, попавшие во 2-ю подгруппу – могут быть отнесены к типу с грубо-статической установкой. Для символа 8 наблюдается обратная ситуация в поведенческих и адаптационных характеристиках указанных подгрупп. Таким образом, определенные объекты, ситуации или явления проецируются во внутреннем мире личности не однозначно, а преломляясь через призму индивидуальной установочной готовности к восприятию и действию.

Следует также обратить внимание на то, что Д.Н. Узнадзе отмечал принципиальную возможность изменения типологической структуры установки человека - она «...может подвергаться существенным изменениям: например, статически установленный субъект может стать динамически установленным. Но для этого необходимы более или менее резкие переломы в окружающей человека условиях, изменения, выходящие за рамки обычного течения его жизни» [15]. Следовательно, возможно не только изменение типологической структуры установки человека, но и тех психических свойств личности, которые могут определяться особенностями ее формирования и протекания – процессов восприятия, интерпретации, уровня адаптированности и др. в направлении их развития и совершенствования.

В свою очередь такие изменения будут отражаться на повышении успешности субъекта в деятельности, в общении и во всех других аспектах взаимодействия с социальной средой. Это будет выражаться в соответствии выбираемых средств, стратегий и способов социального поведения требованиям ситуации с учетом актуальных субъективных и объективных факторов, что обеспечит гармоничную динамическую интеграцию личности и социальной среды.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Показано, что существует взаимосвязь особенностей восприятия и интерпретации простых объектов (символов) с показателями адаптации и стилями поведения испытуемых студентов.

2. Данная взаимосвязь может объясняться проявлением феномена установки, которая имеет свои типологическими проявлениями у разных лиц.

3. Изменение типологической структуры установки человека (например, с грубо-статичного на пластично-динамичный тип) может сопровождаться специфическими изменениями процессов восприятия и интерпретации субъекта, а также характеристик адаптационных процессов личности и, соответственно, поведения.

Література

1. Артемьева Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. / Е.Ю.Артемьева – М.: Смысл, 1999. – 350 с.
2. Бодров В.А. Психологические механизмы адаптации человека./ В.А. Бодров / Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л.Журавлев. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. - 624 с. – С.42-61
3. Келли Д.А. Теория личности. / Д.А. Келли - СПб.: Речь, 2000. – 249 с.
4. Крюкова Т.Л. Методология исследования и адаптация опросника диагностики совладающего (копинг) поведения/ Т.Л. Крюкова //Психологическая диагностика. - 2005, № 2. - С. 65 - 75
5. Ломов Б.Ф. Личность в системе общественных отношений/ Б.Ф. Ломов // Психологический журнал. - 1981,Т.2, №1. - С.3-17.
6. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях/ А.Г. Маклаков //Психологический журнал. - 2001, Т.22, №1. - С.16-24.
7. Налчаджян А.А. Психологическая адаптация. / А.А. Налчаджян – М.: Эксмо, 2010. – 368 с.
8. Основы психологии: Практикум/ Ред.-сост. Л.Д. Столяренко. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 704 с.
9. Норакидзе В. Г. Методы исследования характера личности. / В.Г. Норакидзе – Тбилиси: «Мецниереба», 1989. – 308 с.
10. Психология профессионального здоровья/ Под ред. Г.С. Никифорова - СПб.: Речь, 2006. – 480 с.
11. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. Анализ. Теория. Практика. / А.А. Реан, А.Р. Кудашев, А.А. Баранов - СПб.: прайм - ЕВРО-ЗНАК, 2006. – 479 с.
12. Розум С.И. Психология социализации и социальной адаптации человека. / С.И. Розум - СПб.: Речь, 2007. – 365 с.
13. Туриніна О.Л. Практикум з психології: Навч. посіб. / О.Л. Туриніна – К.: МАУП, 2007. – 328 с.
14. Узнадзе Д. Н. Общая психология. / Д.Н. Узнадзе — М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004. — 413 с.
15. Узнадзе Д. Н. Психология установки. / Д.Н. Узнадзе — СПб.: Питер, 2001. — 416 с.

УДК 159.9(075.8)

Потенциал теории установки для исследований в психосоматике и психологии здоровья

Хомуленко Т.Б.

В статье показан потенциал теории установки для исследований психосоматической симптоматики. Показано, что в зависимости от состояния больного, установка может быть нормальной установкой динамического человека или болезненно направленной установкой эпилептика с локальной и в некоторых случаях иррадиированной фиксированной установкой. Приведено четыре типа валеоустановок, определяющих индивидуальную феноменологию здоровья.

Ключевые слова: теория установки, психосоматика, валеоустановки.

У статті показаний потенціал теорії настанови для досліджень психосоматичної симптоматики. Показано, що залежно від стану хворого, настанова може бути нормальною настановою динамічної людини або хворобливо направленою настановою епілептика з локальною і в деяких випадках ірадіюваною фіксованою настановою. Приведено чотири типи валеонастанов, що визначають індивідуальну феноменологію здоров'я.

Ключові слова: теорія настанови, психосоматика, валеонастанови.

Potential of theory of fluidizer researches of psychosomatic symptom is rotined in the article. It is rotined that depending on the state of patient, setting can be the normal setting of dynamic man or painfully directed setting of epileptic with local and on occasion irradiated the fixed setting. Four types of valuesettings, determining individual fenomenology of health are resulted.

Keywords: theory of setting, psychosomatic, valuesettings.

Когда говорят об изменениях методологических ориентаций научной психологии, которые позволили бы ей быть эффективной в практической сфере, имеют в виду сближение эмпирического и теоретического уровней психологического познания. Такая возможность существует благодаря реализации принципа целостности в отраслях психологии. Воплощение такого подхода можно найти в разных научно-психологических концепциях. Обращаясь к работам по психологии установки Д. Узнадзе и представителей его школы, убеждаешься, что идя разными теоретическими путями психологи приходили к такому утверждению – механизм порождения психической активности находится в установке, которая является воплощением единства биологического и социального, телесного и духовного. Такой подход позволит преодолеть вечный дуализм в психологии и найти путь для преодоления в этой отрасли знания ряда противоречий и достойно ответить на вызовы современности.

Следует отметить, что в истории науки можно найти источники такого подхода в организмических теориях и концепциях органицизма. Изначально организмический подход как методология научного познания использовал понятие организма как метафору. Такой подход предполагал рассмотрение особенностей функционирования и структуры исследуемого явления по аналогии с организмом. Развитием идей органицизма оказалась общая теория систем Л. Бергаланфи, источники которой можно найти в тектологии А.А. Богданова, где организм понимался как организация органов.

Но в современном научном объяснении организм, в зависимости от уровня решаемых проблем, определяется как живое целое с системой согласовано функционирующих органов или как совокупность физических и духовных качеств человека. Последнее определение можно считать основой для применения организмического подхода в психологии. Примером этому может быть взгляд на единство тела и психики у основоположника гештальттерапии Ф. Перлза, который сформировался под влиянием принципа психосоматического единства и противоположности В. Райха. Так называемый психосоматический подход как разновидность органицизма предполагает включение в предмет психологии не только психику, но и соматику. При этом это не перемещение в психологию тематики предмета физиологии и медицины. Это включение проблем телесности в психологический контекст не исключая существования у соматики самостоятельной проблематики.

Научное мировоззрение общества постмодерна отличается тем, что предполагает новое виденье путей решения проблем. Идея целостности человека, как стремление преодолеть психофизический параллелизм опять становится значимой и мощной в работах современных философов и методологов психологии. Так, например, оттолкнувшись от гуссерлевской идеи жизненного пути, М. Мерло-Понти акцентирует внимание на значимости человеческого тела, как открытой гармоничной целостности, восприятие которой является основой для возникновения человеческих смыслов и значений. Философские концепции персонального соматического бытия человека позволяют преодолеть сформированную в классической антропологии оппозицию тело/душа, природа/культура, биологическое/социальное. При таких условиях соматическое бытие человека представляет собой целостность, в которой названные оппозиции реализуются как процесс проживания жизни и переживания чувств. Персональность соматического бытия является проявлением виталистичности философской антропологии, основателем которой был М. Шеллер. Он в свое время пришел к выводу, что пропасть, которую констатировал Р. Декарт, между телом и душой, сегодня сомкнулась

до достаточно ощутимого единства. Важность отмеченного особенно важна с учетом убежденности М. Шелера в том, что духовные акты приобретают весь свой деятельностный потенциал из так называемой витальной сферы влечений. М. Шеллер в контексте критики кантианства попытался модифицировать параллелизм, введя понятие о «материальной априори» и «ordo amoris» (порядок любви), который господствует в сфере аффектов. В связи с этим припоминается исходная методологема генетической психологии С.Д. Максименко, а именно: в человеке изначально воплощена любовь, как нужда жить и продолжаться.

Таким образом, можно утверждать, что рост интереса к проблемам психосоматики не является случайным, поскольку современный взгляд на психосоматику выходит за пределы представлений о здоровье и болезни и приближается к науке о человеке как психосоматической целостности.

Целостный подход психолога к человеку в контексте, который рассматривается, требует привлечения так называемого психосоматического взгляда на ситуацию, который дает возможность применить эффекты телесности для получения более четкой психологической картины проблемы, определения программы ее решения и видения перспективы развития.

Поскольку установка определяется как целостное состояние субъекта, как свойство, дающее возможность экспериментального изучения организма как целого, ее характеристика оказывается важной для рассматриваемого контекста.

Установку рассматривают и в контексте феномена иллюзии, обусловленной фиксированной установкой, и в качестве одного из центральных психологических понятий, и, как образ «потребностного будущего» или «акцептор действия» (В.Н. Пушкин). Установку рассматривают как позу, ожидание, намерение, сенсорную, моторную или нервную установку, как установку сознания, predisposition, квазипотребность, как целевую, ригидную или заданную установку, и, наконец, как информационную модель, вероятностное прогнозирование, антиципацию, валентность, доминанту.

Представители Вюрцбургской школы мышления определяли установку как состояние, находящееся на пороге сознательного и бессознательного. В результате установка получила свое определение как направляющая протекание психических процессов. З. Фрейд также причислял установку к бессознательному. Но Д. Узнадзе ввел понятие подпсихического, первичной установки, определяющейся как целостное отражение, которое может обусловить созерцательное или действительное отражение. Оно заключается в готовности субъекта к тому, чтобы в нем проявились те акты, которые обеспечивают адекватное ситуации отражение (так называемое установочное отражение).

Кроме первичной установки выделяют фиксированную установку, которую определяют как:

– внесознательный психический процесс, оказывающий решающее влияние на течение сознательной психики;

– то, что представляет тенденцию к определенным содержаниям сознания;

– целостную направленность субъекта на определенную активность;

– изначальную реакцию субъекта на воздействие ситуации;

– целостную модификацию личности.

Характеризуя установку, Д. Узнадзе подчеркивал, что при наличии потребностей и соответствующей ситуации организм обращается к целенаправленной деятельности, которая зарождается в форме установки. Раз активированная установка не пропадает, а сохраняет в себе готовность актуализироваться, лишь вступают в силу подходящие условия. Готовность зависит от прочности фиксации установки, которая измеряется числом установочных повторов. Не существует ни одной значительной сферы отношения субъекта к действительности, в которой участие установки было бы вовсе исключено.

К признакам установки относят следующие:

1) она определяет собой состояние, которое создается в каждом конкретном случае на основе взаимосвязи потребности и ситуации;

2) она отражает в себе все внешние и внутренние факторы, которые обеспечивают реализацию поведения (подвижность);

3) тенденцию перехода в активность вносит в установку потребность (динамичность);

4) она всегда является состоянием самого субъекта поведения (целостная природа);

5) она является переходным состоянием, после ее реализации всегда возникает другая установка;

6) она определяет весь ход течения сознания и сама не становится предметом его непосредственного созерцания.

По утверждению Д. Узнадзе установка может быть зафиксирована, стать хроническим свойством индивида, перейти в латентное состояние соответствующее ситуации. Индивид становится легко возбудимым в направлении подобной установки, а выражается это в готовности повторной актуализации при повторении необходимых условий. Установка не только появляется у человека в связи с пережитым опытом, но и может передаваться по наследству и выступать в роли триггера поведения без соответствующего прежнего опыта конкретного индивида. Д. Узнадзе в противоположность позиции З. Фрейда утверждал, что переживание существует не только в виде конкретного содержания сознания, но и в виде

установки. И когда содержание исчезает, остается установка (комплекс у З. Фрейда), которая является феноменом, управляющим поведенческой стратегией субъекта и его ассоциациями.

Анализируя различия между установкой и фиксированной установкой, Ш. Чхартишвили утверждает, что установка поведения стремится принять структуру объективно данной ситуации с тем, чтобы быть в состоянии на ее основе осуществить соответствующее этой ситуации поведение. А фиксированная установка сама навязывает свою структуру тому отрезку объективной действительности, в отношении которого она приводится в действие. Фиксированная установка производит только ассимиляцию, а установка осуществляет и аккомодационное действие. Отсюда и гипотеза о включенности фиксированной установки в установку.

А. Асмолов в работе «Установка и деятельность» делает систематизацию установок. В результате можно разделять установки на непосредственные (установки практического поведения), к которым относятся индивидуальные установки, возникающие в процессе собственной деятельности человека в плане объективации, и опосредованные, к которым относятся установки, опосредованные чужой объективацией в виде готовых формул, являющиеся следствием воспитания и обучения. Следует отметить, что суть объективации заключается в том, что когда человек сталкивается с каким-нибудь затруднением, то он вместо того, чтобы продолжить активность в том же направлении прекращает ее для того, чтобы получить возможность сосредоточиться на анализе затруднения.

В контексте взаимоотношений деятельности и установки А. Асмолов предлагает иерархическую классификацию установок. Ведущим уровнем является смысловая установка, как выражение личностного смысла в виде готовности к определенным образом направленной деятельности, которая придает ей устойчивый и стабильный характер. Смысловые установки могут быть осознаваемыми и не осознаваемыми субъектом. Особенностью их является то, что они объединяют общую направленность деятельности в целом и являются ориентиром для установок нижележащих уровней. Следующий уровень – целевая установка, как готовность субъекта совершить поведение в соответствии с целью. Ее рассматривали в Вюрцбургской школе К. Марбе и О. Кюльпе и в динамической теории К. Левин. Ее отличает сильное воздействие на избирательность восприятия. А. Прангвишвили подчеркивает тождественность цели и установки, но А. Асмолов и Ф. Бассин не считают установку и будущий результат синонимичными. Скорее обозначение специфической роли осознаваемого образа цели. По А. Лурия, самостоятельность целевой установки проявляется в инертности раз возникшей программы. Целевая установка проявляет себя в тех случаях, где на пути протекания действия возникают препятствия. Нижняя ступень – операциональная установка, как готовность к осуществлению определенного способа действия, опирающегося на прошлый опыт поведения.

Иерархическая структура установки, состоящая из смысловой, целевой и операциональной установок, образование, которое охватывает все сферы поведения человека. Следовательно, установка влияет на стратегию поведения.

А. Прангвишвили утверждает, что установка и направляет и побуждает поведение, а Г. Олпорт разделяет эти функции. По его мнению, побуждают мотивационные установки, направляют – инструментальные.

Подводя итог вышесказанному можно утверждать, что установка имеет сложную иерархическую структуру, выполняет направляющую и регулирующую поведение функцию, обладает динамичностью и способностью взаимоперехода на различные уровни, имеет фоновые свойства (установочная диспозиция) и актуальный характер (триггер поведения).

Возвращаясь к проблематике психосоматики следует отметить, что по мнению многих специалистов одной из ведущих причин психосоматической симптоматики является истерическая конверсия. Предположение о том, что существует некая специфика в формировании и проявлении фиксированной установки у больных истерией принадлежит Д. Узнадзе и его ученикам К. Мдивани и Э. Вачнадзе. По результатам их исследований оказывается, что характерная особенность истеричных заключается в факте вариабельности фиксированной установки. В зависимости от состояния больного она может быть нормальной установкой динамического человека или болезненно направленной установкой эпилептика с локальной и в некоторых случаях иррадиированной фиксированной установкой. У истеричных возникает установка на основе представления легче, чем у обычных испытуемых и она прочнее, чем у здоровых, и обладает такой же силой, как установка, стимулированная актуальной ситуацией.

Следовательно, описанные свойства фиксированной установки у вышеозначенной категории людей могут быть информативными с психодиагностической точки зрения. Кроме того, эвристически плодотворными для психосоматики в плане использования явления установки могут быть исследования:

- особенностей фиксированной установки у лиц, склонных к различным вариантам психосоматической симптоматики;
- особенностей фиксированной установки у лиц, с качествами, обуславливающими психосоматическую симптоматику, таких, например, как, фрустрация, низкая стрессоустойчивость и адаптивность, ригидность, депрессивность, зависимость, тревожность и т.п.;
- средств изменения факторов, обуславливающих особенности фиксированной установки для коррекции психосоматической симптоматики или личностных черт к ней приводящих;
- особенностей фиксированной установки у лиц, с разным уровнем сформированности психосоматических феноменов нормы таких, как дифференцированная и интегрированная категориальная структура телесного опыта; детализированный, стабильный образ тела с четкими границами; позитивное небезразличное отношение к собственному телу; категориальная оценочная шкала интрацепции; телесное самочувствие с

дифференцированным содержанием; система средств невербальной коммуникации; система средств, уровень владения и использования вербализации телесности; стремление, успешный опыт и качество (гибкость, целесообразность) телесной регуляции; валеоустановка.

Валеоустановка – компонент направленности личности, который отвечает за поддержание здоровья и преодоление болезни, Характеризуется готовностью к определенному способу восприятия, отношения и реагирования в ситуациях, которые касаются здоровья человека. Валеоустановки являются интегральным образованием, которое объединяет когнитивные (представления о здоровье и болезни), эмоциональные (отношение к проблемам здоровья и болезни) и поведенческие (модели поведения, направленные на поддержание здоровья и преодоление болезни) компоненты психики, которые определяют индивидуальную феноменологию здоровья. Как и у аттитюда (социальной установки) валеоустановка имеет три компонента и является биполярной, а именно, включает установку по отношению к здоровью и болезни. В своих исследованиях О.С. Васильева и Ф.Р. Филатов выделили и охарактеризовали четыре типа валеоустановок.

1. Ресурсный тип – предусматривает ориентацию на самостоятельное соблюдение основ здорового способа жизни. Когнитивный компонент отличается полнотой и дифференцированностью представлений как о здоровье так и о болезни. Эмоциональный компонент обусловлен больше внутриличностными факторами, чем внешними стимулами; не зависит от позиции значимых других. Ему соответствует позитивный настрой на собственную активность, как физическую, так и духовную, творческую, интеллектуальную. Поведенческий компонент характеризуется активностью как в преодолении болезни и поддержании собственного здоровья, так и в содействии созданию общей здоровой атмосферы в семье, в коллективе, в обществе вообще.

2. Манипулятивный тип валеоустановки отличается тем, что собственное самочувствие является способом влияния на других. Когнитивный компонент отличается тем, что представления о болезни более дифференцированы. Эмоциональный компонент характеризуется тем, что положительное настроение зависит от регламентаций значимых других, а отношение к собственному здоровью характеризуется пассивностью. В поведении часто отмечаются защитные реакции, агрессивные тенденции и демонстративные стратегии.

3. Поддерживающий тип валеоустановок базируется на стремлении получить помощь одного из членов семьи. Когнитивный компонент характеризуется недостаточной сформированностью представлений о здоровом способе жизни, их фрагментарностью. Эмоциональный компонент характеризуется тем, что настроение зависит в большей степени от эмоционального состояния значимых других, а не от положительного подкрепления или отсутствия негативных действий со стороны других. В поведении необходимость заботиться о других становится основным условием активизации ресурсов.

4. Дефицитарный тип валеоустановок. Совместно с несформированностью представлений о здоровом способе жизни отмечается зависимость эмоционального компонента от положительной стимуляции со стороны значимых других, общая пассивность по отношению к здоровью и болезни, а также наличие страхов, повышенная тревожность. Однако если в эмоциональном отношении к собственному здоровью проявляется индивидуальная своеобразность, то когнитивный и поведенческий компоненты являются интерперсональными феноменами, поскольку их содержание определяется характером распространения социальных представлений.

Среди перечисленных типов именно ресурсный тип валеоустановок характеризует полноценно функционирующего человека (по К. Роджерсу).

В соответствии с иерархической классификацией установок валеоустановку следует разделять и формировать как смысловую, целевую, операциональную. Разработка процедур такого формирования может быть перспективным направлением исследований. В этом контексте интересным было бы изучить особенности формирования и функционирования фиксированной установки:

- в зависимости от типа валеоустановки;
- в зависимости от характеристик внутренней картины здоровья;
- в зависимости от уровня внутренней картины болезни;
- в зависимости от типа отношения к болезни.

Литература

1. Асмолов А.Г. Деятельность и установка. – М.: МГУ, 1979.
2. Васильева О.С., Филатов Ф.Р. Психология здоровья человека: эталоны, представления, установки: Учеб. Пособие для студ. Высших учеб. Заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 352 с.
3. Лурия А.Р. Внутренняя картина болезни и ятрогенного заболевания. – М.-Л.: Биомедгиз, 1935.
4. Психосоматика: телесность и культура: Учебное пособие для вузов / Под ред. В.В. Николаевой. – М.: Академический проект, 2009 – 311 с.
5. Узнадзе Д.Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
6. Хомуленко Т.Б. Основы психосоматики: Навч.-метод. посібник. – Вінниця: Нова Книга, 2009. – 120 с.

УДК 159.9

Беспомощность пострадавшего в очаге чрезвычайной ситуации и жизненная установка личности быть жертвой

Христенко В.Е., Титаренко Д.С.

В статье рассматривается поведение человека, который оказался в условиях чрезвычайной ситуации. Описана модель его поведения и эмоциональные переживания, которые он испытывает. На основе теоретических положений Д.Н. Узнадзе определяется роль жизненных установок личности, которые оказывают доминирующее влияние на формирование и закрепление основных моделей поведения человека. Описываются основные потребности, мотивы и установки непосредственно беспомощного поведения пострадавшего в чрезвычайной ситуации.

Ключевые слова: жизненные установки личности, поведение пострадавшего, чрезвычайная ситуация.

В статті розглядається поведінка людини, що опинилася в умовах надзвичайної ситуації. Описана модель її поведінки та емоційні переживання, які вона відчуває. На основі теоретичних положень Д.М. Узнадзе визначається роль життєвих установок особистості, які мають домінуючий вплив в процесі формування та закріплення основних моделей поведінки людини. Також, в даній роботі розкрити питання основних потреб, мотивів і установок, що забезпечують безпорадну поведінку постраждалого в надзвичайній ситуації.

Ключові слова: життєві настанови особистості, поведінка постраждалого, надзвичайна ситуація.

In this paper we consider the behavior of a man who was in an emergency. A model of its behavior and emotional distress which he suffers. Based on theoretical assumptions, D.N. Uznadze defines the role of attitudes of personality that have a dominant influence on the formation and consolidation of basic models of human behavior. Describes the basic needs, motives, and install directly helpless victim behavior in an emergency.

Постановка проблемы. На основе нашего опыта работы в очаге чрезвычайной ситуации с пострадавшими мы можем констатировать тот факт, что все процессы и системы органов функционируют в ином ритме, отличном от повседневного. У одних людей происходит мобилизация всех систем и органов, у других – наоборот, притупляются все протекающие в организме процессы. Возникает вопрос: почему так? Почему одни люди используют все свои имеющиеся резервы в организме для выживания, в то время как другие – спокойно смиряются с возможностью гибели?

Исходя из того, что не все процессы в организме происходят в результате деятельности инстинктов, изменений гормональных соотношений, биохимических реакции и чистой физиологии, можем предположить, что в данном поведении и реакциях есть и психологический компонент. Несмотря на многочисленные работы, связанные с психологическими компонентами личности, на сегодня однозначно все еще не решен вопрос о том, что заставляет человека чувствовать себя беспомощным, ощущать себя жертвой в разных жизненных ситуациях, даже когда данная форма поведения не подкрепляется стимулами извне.

Анализ последних исследований и публикаций. Как ни странно, но все еще в современной психологической литературе под понятиями «жертва», «потерпевший», «пострадавший» принято понимать человека, которому уголовно наказуемым деянием был непосредственно либо косвенно причинен материальный или нематериальный ущерб.

Таким образом, на современном этапе развития психологической науки жертва, пострадавший, потерпевший не рассматривается как участник чрезвычайной ситуации, в рамках которой также может быть причинен моральный, физический и материальный ущерб личности. В связи с этим изучение поведения и переживания пострадавшего проходит в рамках юридической психологии, что откладывает свой заметный отпечаток на научных работах, связанных с данной тематикой. Вопросами, связанными с поведением жертвы занимаются такие психологи как: Н.П. Крейдун, Е.В. Землянская, Н.Ф. Кузнецова, Л.Л. Кругликов, М.М. Апанавичюс, Б.А. Протченко, П.С. Яни, В.Е. Христенко и другие.

За последние 10 лет среди диссертационных работ появились исследования А.А. Гаджиевой, которая изучала роль виктимологии в профилактике преступлений; Д.М. Галушко, исследовавший особенности преступлений против несовершеннолетних, совершенные их родственниками; И.А. Фаргиева, рассматривавшего основные вопросы развития понимания потерпевшего в уголовно-правовой теории.

Отдельные проблемы, относящиеся к виктимологической системе предупреждения преступности, освещаются в исследованиях Н.В. Исаева, Н.Е. Шинкевича и др. Тем не менее, несмотря на возросший интерес со стороны науки к проблемам виктимологической безопасности граждан, на сегодня появляются все новые и новые вопросы, требующие своего более детального изучения.

С нашей точки зрения не целесообразно сравнивать поведение жертвы преступления и жертвы чрезвычайной ситуации, так как они имеют разные физические и психологические основы, что определяет совершенно иные психологические и психофизиологические последствия.

Цель статьи. В данной статье мы попытаемся рассмотреть поведение пострадавшего в очаге чрезвычайной ситуации, основываясь на концептуальных подходах теории установки Д.Н. Узнадзе.

Основной материал. Рассмотрим подробно, что же происходит с человеком, который волей судьбы пострадал вследствие чрезвычайной ситуации, либо оказался участником её событий.

Естественно, что сразу после попадания в специфические условия чрезвычайной ситуации поведение человека резко изменяется. В первое время оно характеризуется краткосрочным состоянием оцепенения, дезорганизацией действий и мыслей, нелогичностью мыслительного процесса, общим состоянием растерянности, появляется эмоциональный дискомфорт, напряжение, тревога, страх и так далее.

Одними из первых к активной работе приступают все необходимые компоненты психологической защиты личности (включаются механизмы психологической защиты личности, адаптационные процессы, копинг-стратегии и копинг-ресурсы человека) [2;3]. Таким образом, сам по себе организм человека стремится снизить уровень полученного стресса, снять нервное и эмоциональное напряжение, уберечь образ своего «Я» от деформации.

За счет активной работы необходимых защитных структур личности человек проходит частичную адаптацию к новым сложившимся условиям чрезвычайной ситуации, к условиям жизни и деятельности в ней. При этом состояние человека становится более стабильным, снижается уровень общей дезорганизации личности, человек предельно мобилизует свои психические и физиологические резервы организма и личности в целом.

Несмотря на то, что пострадавший уже пробыл в условиях чрезвычайной ситуации какое-то время, он все ещё не обрел полной осознанности всего, что с ним произошло, или происходит. Восприятие событий происходит частично (возникают ощущения, что происходящие события вокруг это не реальность, а сон), нет критичности в их оценке.

Основываясь на опыте работы с пострадавшими разных категорий, можем утверждать, что с течением времени их физическое и психологическое состояние будет стабилизироваться и возвращаться к соответствующей для данной личности норме.

Но, к сожалению, процесс восстановления не всегда проходит быстро, равномерно и благополучно. Иногда индивид не может справиться с полученным стрессом и происходит застревание на каком-то определенном этапе переживания чрезвычайной ситуации. Это, в свою очередь, будет требовать не только необходимой психологической работы с ним, но в некоторых случаях, – и оказания профессиональной медицинской помощи.

Отметим, что успешность процесса восстановления личности после пережитого стресса, полученного в условиях чрезвычайной ситуации, зависит от ряда объективных и субъективных факторов, например таких как:

- ✓ психологические и физиологические особенности данной личности;
- ✓ прошлый опыт (имеющиеся знания, умения и навыки, детские душевные переживания, травмы);
- ✓ характера самого стресса и его величины;
- ✓ готовность организма перенести данный уровень стресса, негативные эмоциональные переживания и т.п.;
- ✓ ориентированность личности на выживание и преодоление данной сложившейся стрессовой ситуации.

Работая с пострадавшими в условиях чрезвычайной ситуации, мы зафиксировали такой факт, что некоторые люди, находясь под значительным влиянием стресс-факторов определенное время, привыкают к роли «жертвы», «пострадавшего». У них частично пропадает стремление и желание жить дальше. Таким образом, пострадавший стремится защитить свое «Я». При идентификации себя как жертвы в такой ситуации человек снимает с себя ответственность за ход происходящих событий и за их конечный результат.

Данное внутреннее восприятие себя, как «жертвы», подкрепляется потребностью в постоянной поддержке и внимании со стороны психологов, сотрудников спасательной службы МЧС Украины, близких и родных, окружения в целом.

Наверное, не случайно Д.Н. Узнадзе утверждал, что именно потребность лежит в основе любого поведения, и для каждого отдельного индивида своя потребность будет определять форму поведения, характерную соответственно для данного человека: «Это обстоятельство характерно, для всякого человека, но не для всех одинаково. Для некоторых людей высшие потребности имеют большее значение и большую силу, а для других витальные потребности определяют их жизнь и придают ей стиль. Для одних эстетическая потребность служит источником неиссякаемой энергии, для других же – моральная и интеллектуальная потребности. Словом, между людьми существуют довольно многосторонние различия, в зависимости от того, какая потребность более характерна для их «Я». Разумеется, здесь решающее значение имеет прошлое людей – та ситуация, в которой протекала их жизнь и в которой они воспитывались, те впечатления и переживания, которые имели для них исключительный вес. Без сомнения, в силу всего этого, у каждого выработаны свои особые фиксированные установки, которые так или иначе, с большей или меньшей очевидностью проявляются и становятся основой готовности к деятельности в соответствующих условиях и

в определенном направлении» [4, С. 314].

Наблюдая аналогичные формы поведения у людей, волею судьбы оказавшихся в очаге чрезвычайной ситуации, мы можем сравнить их с тем состоянием «выученной беспомощности», которое мотивирует человека вести себя определенным образом (демонстрировать состояние горя, тяжелых душевных переживаний и т.д.). При этом, как мы уже говорили, личность в своих ощущениях и переживаниях «снимает с себя ответственность» за происходящее. Человек отказывается от активных действий и поведения, направленного на спасение своей жизни, или выхода из сложной ситуации.

Формирование поведения выученной беспомощности зависит от ряда способствующих факторов: убежденность человека в том, что в процессе своей деятельности он не сможет повлиять на ситуацию, решить определенную конкретную задачу, а так же, сформировавшихся в прошлом опыте, ожиданий. Многое определяет и то, - считает ли человек данную задачу не решаемой вообще или он полагает, что она не по силам только ему. Выученная беспомощность развивается только в последнем случае. Если человек признает, что задача решаемая, но решение доступно только тем, кто имеет специальную подготовку, то данная внутренняя позиция не приводит к формированию беспомощности. Это обучение осуществляется только тогда, когда человек знает, что поставленная перед ним задача может быть решена такими же, как и он [6].

Таким образом, обучение беспомощности происходит при наличии следующих факторов:

- ✓ человек не имеет предшествующего опыта решения сложных задач;
- ✓ у него недостаточный уровень потребности в поисковой активности;
- ✓ он считает, что с данной задачей справится любой, равный ему (по критериям физических, психологических и других данных) человек, но не он сам;
- ✓ длительное время он сталкивается с ситуациями, когда он не видит четкой взаимосвязи между своими действиями и их последствиями.

Выраженность выученной беспомощности и степень ее распространения на различные виды деятельности в настоящем и будущем определяется сочетанием психологических установок. Наиболее тяжелые последствия связаны с установками, при которых человек видит причину беспомощности в своих личностных качествах, воспринимающихся как неизменные и распространяющиеся на все формы жизнедеятельности. Таким образом, пострадавший может считать, что он терпит неудачу только здесь и только сейчас, а может и предполагать, что неудачи будут преследовать его в дальнейшем, причем не только в этой конкретной деятельности, но и в другой.

Как уже было сказано ранее, в основе всего поведения человека, в частности выученного беспомощного поведения, лежит сочетание психологических установок. Так, в своих работах Д.Н. Узнадзе говорил: «Между прочим, личность человека создают исключительно эти установки: они являются причиной того, что для некоторых основным источником энергии является одна система потребностей, а для других – другая. Приняв это во внимание, нам станет понятно, что не все для всех имеет одинаковую ценность. Отдельные предметы или явления оцениваются в зависимости от того, какую потребность могут они удовлетворить, а ведь потребности у людей разные. Когда перед человеком встает вопрос, как себя повести, сказывается следующее обстоятельство: из тех возможных действий, какие его разум признает целесообразными, только некоторые привлекают его с определенной стороны, только по отношению к некоторым из них чувствует он готовность, только некоторые приемлет как подходящие, как истинно целесообразные» [4, С. 315].

Для нашего случая наиболее доминирующей личностной установкой будет установка – «Я – жертва», которая откладывает свой отпечаток на всю деятельность индивида. При этом все поведение интегрируется в рамках данной актуальной установки, которая является конечным продуктом мотивации. В процессе мотивации, как процессе формирования и видоизменения установки, происходит объединение побуждающих, направляющих и ценностно-смысловых начал поведения. Именно в процессе мотивации происходит возникновение и дальнейшая трансформация установки, действие которой обеспечивает целесообразность поведения [1].

Следует заметить, что в своей теории установки Дмитрий Николаевич утверждал, что ни потребность, ни ситуация сама по себе, в отдельности не могут породить направленное поведение. Для этого необходимо их обоюдное соединение, которое запускает необходимый психологический феномен, что, в свою очередь, выступает в качестве реального детерминанта поведения. Таким образом, при отсутствии конкретных условий среды, в которых потребность может быть удовлетворена, без конкретизации в ситуации потребность не может вызвать конкретно направленную активность. Однако достаточно появиться ситуации, содержащей перспективу удовлетворения этой потребности, у субъекта возникает конкретизированная установка, лежащая в основу направленного поведения [5]. При этом речь идет о новообразовании: не об изменении самой потребности, а об изменении целостного субъекта. Дело не в том, что до появления ситуации потребность не знала своего предмета и не могла вызвать направленное поведение, а в том, что с появлением последней она определилась и наполнилась конкретным содержанием из окружающего мира, тем самым видоизменилась и стала сама реальной основой поведения, оставаясь при этом потребностью.

В установке, как реальном психологическом механизме поведения, заключено, что, как,

где и когда должно быть сделано. Поведение вырастает непосредственно из установки. Потому она и может рассматриваться как конечный продукт процесса мотивации. Следовательно, установку можно считать ситуативно-определенным мотивационным образованием, если под мотивацией понимать процесс формирования психологической основы поведения [1].

В своих работах Д.Н. Узнадзе также говорил о значительной роли мотива в формировании закреплении установок, и соответствующего к ней поведения: «Смысл мотивации заключается именно в этом: отыскивается и находится именно такое действие, которое соответствует основной, закреплённой в жизни установке личности. Когда субъект находит такую разновидность поведения, он особенно его переживает, чувствуя к нему тяготение, переживает готовность к его выполнению. Это именно то переживание, какое появляется при акте решения в виде специфического переживания, охарактеризованного нами выше под названием «я действительно хочу». Это переживание наглядно указывает, что у субъекта создалась установка определенного поведения: свершился акт решения и теперь вопрос касается, его выполнения» [4, С. 315].

Выводы. Таким образом, можно сказать, что поведение пострадавшего в очаге чрезвычайной ситуации зависит не только от его физиологических особенностей (типа нервной системы, силы и баланса нервных процессов и т.д.), но и от ряда личностных особенностей (в том числе, от базовых и ситуативных личностных установок, от актуальных потребностей данного человека), а также от самих условий сложившейся ситуации.

Рассматривая поведение пострадавшего в условиях чрезвычайной ситуации, следует обращать внимание на его базовые личностные установки, которые в большей степени отображают его личностные характеристики и стиль деятельности, чем актуально существующая потребность. Сформированная в условиях чрезвычайной ситуации личностная установка жертвы может быть генерализована и применяться к дальнейшей жизни и деятельности, тогда она начинает управлять поведением человека, влиять на уровень его активности.

Литература

1. Имедадзе, И. В. Ситуативное развитие мотивации и установка / И.В. Имедадзе // Вопросы психологии. – 1989. – №2. – С.90-98.
2. Особливості функціонування механізмів психологічного захисту у рятувальників в умовах екзистенціальної загрози: Монографія / [Олійников О.А., Оніщенко Н.В., Тімченко О.В., Тітаренко Д.С., Христенко В.Є.]. – Х.: НУЦЗУ, 2011. – 151 с.
3. Психологічні особливості базових копінг-стратегій та особистісних копінг-ресурсів працівників пожежно-рятувальних підрозділів МНС України: Монографія / [Назаров О.О., Оніщенко Н.В., Садковий В.П., Садковий О.В., Склень О.І., Тімченко О.В.]. – Х.: УЦЗУ, 2008. – 221 с.
4. Узнадзе, Д. Н. Психологические исследования / Дмитрий Николаевич Узнадзе. – М.: «Наука», 1966. – 450 с.
5. Узнадзе, Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки / Дмитрий Николаевич Узнадзе. – Тбилиси, 1961. – 210 с.
6. Христенко, В. Е. Психология поведения жертвы / Христенко Виталий Евгеньевич. – Ростов на Дону: «Феникс», 2004. – 416 с. (Серия «Учебные пособия»).

УДК 159.9(075.8)

Психологічні особливості егоцентричних особистісних установок

Цільмак О.М.

Розкрито автором власні погляди на теорію установок, наведено визначення дефініції «установка», визначено її типологія. Зауважено, що егоцентричні особистісні установки обумовлюють типи та види життєдіяльнісних установок. Вони характеризуються системою уявлень індивіда про себе та прийнятими за основу життєдіяльності нормами та аксіомами стосовно власного «Я». Розкрито рівні та види самооцінки індивіда у залежності від його егоцентричних особистісних установок.

Автором раскрыто собственные взгляды на теорию установок, дано определение дефиниции «установка» и ее типология. Подчеркнуто, что эгоцентрические личностные установки обуславливают типы и виды жизнедеятельностных установок. Они характеризуются системой представлений индивида о себе и принятыми за основу собственной жизнедеятельности нормами и аксиомами относительно собственного «Я». Раскрыто уровни и виды самооценки индивида в зависимости от его эгоцентрических личностных установок.

the author in the article reveals own views concerning the theory of the aims, defines the definition of «aim» and its typology. It is emphasized that egocentric personal aims determine the types and kinds of vital activity aims. They are characterized by the system of views of the individual about himself and adopted as the basis of own vital activity by the norms and axioms concerning his personal «ego». The levels and types of self-rating of the individual are revealed depending on his egocentric personal aims.

Постановка проблеми. Останнім часом науковцями все більше приділяється уваги питанням механізму регуляції поведінки особи. Одним із складових елементів цього механізму є особистісні установки, діагностування яких сприятиме прогнозуванню дій та вчинків індивіда.

Аналіз останніх досліджень та публікацій. Термін «установка» (set) був уведений у 1888 році німецьким психологом Л. Ланге. Проблемним питанням феномену установки присвячена низка наукових праць: Г. Оллпорта (1935), Дашіля (1940), Т. Гоббса (1941), Л. Дооб (1947), Ф. Оллпорта (1955), Е.Р. Карлсон (1956), А.Л. Едвардс (1957), А.Р. Коен (1959), П.А. Шеварева (1962), М.Л. Де Флур і Ф.Р. Вестіє (1963), Мак-Гуайєра (1969), М. Рокеах (1968), Мак-Гуайєра (1969), Р.М. Давес (1972), Р.Г. Натадзе (1972), Е. Шерозія (1969, 1973), Ш.І. Чарквіані (1975), П.Н. Шихирьова (1976), Р.Р. Абельсон (1976), О.Г. Асмолова та М.А. Ковальчука (1977), В.Г. Норакидзе (1981), Х. Хекхаузена (1986), Ш.А. Надірашвілі (1974, 1987), А.С. Прангішвілі (1967), Д.І. Фельдштейна (1988), А.Д. Муррелл, Д. Спрінкль (1993), Д.М. Узнадзе (1966, 2001) та багатьох інших.

Проблема установки розроблялася грузинською школою під керівництвом Д.М. Узнадзе і його послідовниками І. Бжалавою, Ш. Надірашвілі, В. Норакидзе, А. Шерозією, А. Прангішвілі. Значний внесок у розвиток теорії соціальної установки зробили Г. Андреева, Б. Паригін, П. Шихирев, В. Циба та ін.

Виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, котрим присвячується означена стаття. Психологічні особливості установок індивіда вивчалися багатьма вченими, однак, складові та детермінуючі фактори виникнення, реалізації, вдосконалення, фіксації або зміни егоцентричних установок не було їх предметом вивчення. Це й буде метою нашої статті.

Виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів. На нашу думку, установка – це суб'єктивний вибір індивідом світоглядних аксіом і норм та прийняття їх за основу власної життєдіяльності. Життєдіяльнісні установки мають певні типи, види та підвиди – особистісні (психофізіологічні, інтрапсихічні, здоров'язберігаючі, загальнокультурні, егоцентричні), діяльнісні (професійні, пізнавальні, творчі, побутові), соціальні (суб'єктивного ставлення та суб'єктивної взаємодії) та об'єктні (матеріальні, духовні).

Особистісні життєдіяльнісні установки є підґрунтям цілісності індивіда. Вони взаємозалежні з діяльнісними, соціальними та об'єктивними установками індивіда (див. рис. 1). У центрі їхнього перетинання знаходяться детермінуючі й обумовлюючі їх егоцентричні особистісні життєдіяльнісні установки, що характеризуються системою уявлень індивіда про себе та прийнятими для себе нормами та аксіомами стосовно власного «Я».

Рис. 1. Взаємозв'язок життєдіяльнісних установок індивіда

Егоцентричні установки виникають у індивіда завдяки самооцінці у напрямках: Я-образу, уявленнь про себе, емоційного й когнітивного оцінювання себе (критиканське, реалістичне, саркастичне, негативне, позитивне, перебільшене); очікуваної власної поведінки. Ці установки можуть мати різні форми вияву (реальну, дзеркальну, ідеальну, віртуальну, перебільшену), у залежності від якої формується самооцінка індивіда. У залежності від образу «Я» («Я-реальне», «Я-дзеркальне», «Я в ідеалі», «Я-віртуальне», «Я-перебільшене») можна виділити такі егоцентричні установки як - реальні, перебільшені, ідеальні, дзеркальні, віртуальні (див. рис. 2).

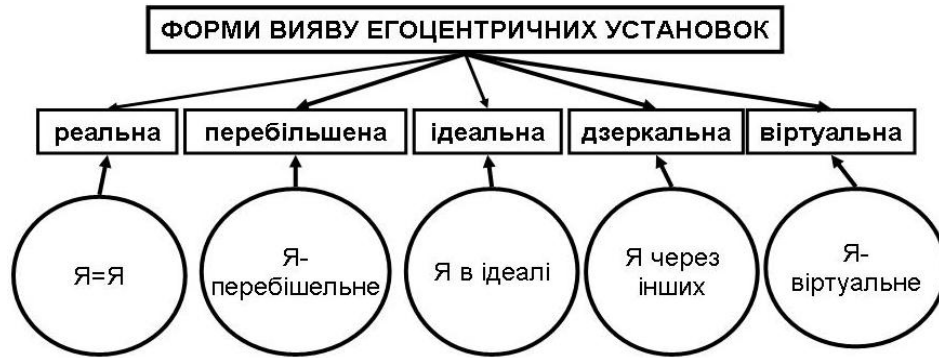

Рис. 2.Форми вияву егоцентричних установок

Розглянемо їх більш детально. Отже, егоцентричні установки «Я - реального», пов'язані з тим, як індивід сприймає та оцінює свої актуальні якості, здібності, ролі, статус тощо, тобто це установки по відношенню індивіда до себе («який Я є»). Наприклад, егоцентрична установка:

- «Я – хороший» - сприяє адекватній і високій самооцінці;
- «Я є той, хто Я є» - сприяє адекватній самооцінці;
- «Я – нікчема», «Я – невдаха» - сприяє лабільній, низькій та дуже низькій самооцінці.

Егоцентричні установки «Я в ідеалі», пов'язані з уявленнями індивіда про те, яким він хотів би стати, тобто - це вибір аксіом та норм стосовно себе відповідно до бажань та прагнень («яким би Я хотів бути»). Вони є підґрунтям для саморозвитку, самовдосконалення та самореалізації.

Егоцентричні установки «Я - дзеркального», пов'язані з уявленнями індивіда про те, як його бачать інші, тобто це установки «Яким мене хочуть бачити інші» та «Я – очима інших». Індивід обирає загальноприйняті соціальні зразки поведінки, як норму й аксіому власної життєдіяльності, та безпосередньо реалізуючи їх, спостерігає за соціальною оцінкою. Іноді індивіди, які спрямовані на соціальне схвалення та оцінку, стають залежними від соціуму та завжди потребують від нього підбадьорення, похвали, схвалення власних вчинків та дій. Егоцентричні установки «Я-дзеркального» є підґрунтям для формування усіх рівнів самооцінки.

Егоцентричні установки «Я - віртуального», пов'язані з уявленнями індивіда про себе у умовах модельованої віртуальної реальності як супер-індивіда та майстра, що все. Тобто це установки стосовно себе у віртуальному світі та інтегрування цього образу у реальне життя. Вони є підґрунтям для формування неадекватної, патологічної самооцінки особистості.

Егоцентричні установки «Я - перебільшеного», пов'язані з ідеалізованими, перебільшеними уявленнями індивіда про себе та власні можливості. Наприклад, егоцентрична установка індивіда «Я – повітря, без якого не можна жити» сприяє високій та дуже високій самооцінці.

Слід відмітити, що егоцентричні установки «Я-реального» та «Я-ідеального» повинні бути узгоджені за змістом. А їх розбіжність може призвести до серйозних внутрішньо-особистісних конфліктів, зниження самооцінки або навпаки стати джерелом самовдосконалення особистості.

У свою чергу розбіжності між егоцентричними установками «Я-реального» та «Я-дзеркального» можуть призвести до погані соціалізації, дезадаптації, зниження самооцінки та продуктивності діяльності. Це відбувається завдяки переоцінці індивідом власних можливостей. У нього може сформуватися егоцентрична особистісна установка «Я-хороший, інші – погані (вороги)».

Велику небезпеку становить інтеграція егоцентричних установок «Я-віртуального» в «Я-реальне». Це призводить до его-розпаду [1] - дихотомії, тобто роздвоєності не пов'язаних між собою частин (віртуального з реальним), неадекватного сприйняття себе і навколишнього світу, життєво небезпечної поведінки, агресивності, прийняття невластивих рідній культурі ціннісних установок тощо.

Проведені в Україні дослідження показали, що комп'ютерні ігри та мережа Інтернет призводять до порушення психічних станів у ігрових адиктів та его-розпаду. Індивід, живучи у

віртуальному світі, всебічно поглинається ним, у нього виникають установки, що натиснувши «delete» - можна стерти неприємності, а перезапустив себе, як комп'ютер - можна розпочати життєву гру спочатку, натиснувши «Ctrl+Z» («відміна») - можна повернути все назад.

Егоцентричні установки ґрунтуються на оцінці індивіда себе, а їхні форми вияву вказують на існування певних рівнів та видів самооцінки. Розглянемо види та рівні самооцінки індивіда та їхні найбільш поширені егоцентричні установки (див. табл.1):

Таблиця 1.

Види та рівні самооцінки

Рівень	Вид	Егоцентричні установки
надмірно завищений	нарцисична	«Я-Бог», «Усе не варте й нігтя мого», «Я - сонце», «Увесь світ навколо мене»
	демонстративно-ригідна	« Я - дуже гарний, всі - погані»
	параноїдальна	Я - дуже гарний, всі - вороги»
завищений або високий	демонстративна	«Я краще, ніж більшість людей», «Є люди, які в чомусь краще, ніж «Я», але Я у своїй галузі - ас»
адекватний	реалістична	«У мене є як позитивні, так і негативні якості», «Я є той, хто Я є»
мінливий	лабільна, циклотимічна	«Іноді Я дуже задоволений собою, а іноді – навпаки»
занижений	тривожна	«Я завжди невпевнений у власних силах»
	компенсаторна	«Я гірше інших людей, але я доведу іншим, що я чогось вартий»
низький	депресивна	«Я гірше, ніж інші», «Всі - гарні, а я - поганий», «Від мене суцільні неприємності»
дуже низький	субдепресивна	«Я - нікчемна особистість», «Я - ніхто, мені не варто жити»

Перший рівень - надмірно завищена самооцінка. До нього слід віднести такі види самооцінки, як: нарцисична, демонстративно-ригідна та параноїдальна. Ці види являють собою гіпертрофовану, неадекватну та непрогностичну самооцінку, яка виявляється в «Я-перебільшеному». Нарцисична особа закохана у саму себе та «гіпнотично засліплена» своїми уявними та надуманими успіхами, уся її енергія направлена на себе, вона асоціює себе з «Богом», «сонцем», «повітрям» (без якого не має життя). Вона вважає, що їй всі щось повинні, що є тільки Вона, а все інше – зайве, непотрібне. Прикладом нарцисичної самооцінки може слугувати міф про самозакоханого Нарциса. З практики психологічного консультування прикладами можуть також бути історія Ольги та розповідь Іван Івановича. Так, під час психологічного консультування Ольга скаржилася на хлопця який до неї нав'язливо залицявся. Коли Ольга йому не одноразово відмовила у зустрічі, то він їй сказав: «Ти повинна бути щасливою, що Я звернув увагу на тебе. Мене не можна не любити, це ж - Я...». Залицяльник настільки самовпевнений та самозакоханий, що й припустити не може, що він не подобається комусь, що його може хтось не любити, або відмовити йому.

Ще один приклад. Клієнт при розповіді про себе дуже багато доброго та хорошого розповідав про якогось Івана Івановича. Психолог запитав його: «Пробачте, Ви увесь час розказуєте про Івана Івановича. Він настільки близький для Вас?» Клієнт здивовано подивився й каже: «Так Іван Іванович – це ж Я».

Ці приклади вказують на надмірно завищений рівень розвитку нарцисичної самооцінки у індивідів. Їх самооцінка спрямована на самозвеличення та самолюбівання собою. Тоді як, особистість з параноїдальною надмірно завищеною самооцінкою спрямовує свою енергію на знищення (пряме та непряме) своїх мнмих або уявних «ворогів» заради збереження цілісності власного «Я». У такої особи егоцентрична установка, що «вона дуже гарна», «Усі не заслуговують й грязі із під її нігтя», «вона – все» (і Бог і диявол), «вона – володар всесвіту», а «всі – вороги, яких заради збереження своєї цілісності треба знищити». Даний вид самооцінки зустрічається у представників маніяків-вбивць.

Прикладом параноїдальної самооцінки можуть слугувати поступки Й. Сталіна. Він вважав, що «є багато ворогів, з якими треба боротися» та для того «щоби з ними боротися слід використовувати мнмих друзів». Завдяки цим егоцентричним установкам Й. Сталіна «органами НКВС було заарештовано 1,58 мільйонів чоловік та засуджено до розстрілу 682 тис. чоловік¹».

1 Под ред. д-ра ист. наук В. В. Шелохаева. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР. Гл. «Государственный террор в 30-е годы». Изд-во «Мосгорархив», 2002 г.

Особи з демонстративно-ригідним видом самооінки не шукають мнмих «ворогів», вони самотверджується за рахунок інших, вважаючи людей гірше за себе («Усі повинні захоплюватися мною, тому що я краще, чим інші», «Увесь світ навколо мене», «Я заслуговую найбільшого»). Ці особи «застрягають» на негативі, дуже підозрілі, скрізь шукають підвоху.

Прикладом демонстративно-ригідної самооінки слугує історія Рити. Мати завжди казала Риті, що «...всі люди дуже погані, їм не слід довіряти. Вони завжди підводять та все роблять тільки для себе. Не має у житті альтруїзму...». У Рити сформувалася егоцентрична установка, що «Вона – дуже гарна, а всі – погані» та, що «людей слід використовувати». Рита росла недовірливою, підозрілою, у неї не було друзів. Вона завжди вважала, що їй всі щось повинні та так вміло поводитися, що люди завжди їй допомагали.

Коли Рита захворіла, вона звернулася на телебачення з проханням їй допомогти зібрати кошти на операцію. Люди відгукнулися та надіслали коштів більше, чим Риті треба було для лікування. Однак, замість того, щоби віддати решту коштів на благодійність, Рита сказала: «Люди дуже багаті, нічого не стане, якщо ці кошти я використаю для оновлення власного гардеробу».

Другий рівень - завищена, або висока самооінка. До нього слід віднести демонстративний вид самооінки. Особи з завищеним демонстративним видом самооінки можуть висловлюватися так: «Я краще, ніж більшість людей», «Є люди, які в чомусь краще, ніж я, але я у своїй галузі – ас», «Я найкращий фахівець у своїй галузі». Тобто такі особи можуть визнавати наявність людей, що є найкращими у своєї галузі, однак завжди підкреслюють власну ключову значимість.

Особи з демонстративним видом самооінки завжди потребують соціального схвалення, привертають до себе увагу та намагається бути у центрі подій. Вони можуть демонструвати всезнайство, свою обізнаність в усіх галузях, але, якщо «копнути глибше», то відразу можна побачити їх некомпетентність. Форми прояву цього виду самооінки можуть бути різними, як позитивними, соціально-схваленими (тамада, актор, любимчик публіки), так й – агресивними, руйнівними. Усе залежить від зовнішніх факторів, які сприймаються індивідами та з якими вони взаємодіють.

Прикладом «позитивного» шляху демонстративної самооінки слугує історія Кирила. Він завжди у кожній компанії був у центрі уваги, його з зацікавленням слухали. Кирил був майстром гумору, його любили та завжди запрошували на різні колективні заходи. Так, одного разу Кирил прийшов на день народження до свого знайомого. Однак, у центрі уваги увесь час був іменинник та тамада. Для того, щоби якось звернути на себе увагу Кирил вдав, що він отруївся. Офіціанти, гості – всі співчували йому, пропонували допомогу, тобто уся увага була спрямована тільки на нього. Хтось з друзів викликав таксі та запропонував Кирилу поїхати додому та полежати. Кирил опирався, але все ж таки поїхав. Коли Кирил поїхав, наступила тиша й хтось сказав, що через півгодини Кирил приїде й скаже, що йому вже стало краще. Через деякий час коли Кирил з'явився у дверях ресторану, усі гості разом зареготали. Кирил ніяк не міг зрозуміти, що трапилося, дивився на всіх та казав: «Що? Що? Що не так?» - це ще більше веселило гостей, які вже добряче були напідпитку. Кирил, не зрозумівши нічого, розсердився й поїхав додому. Отже, коли у особи з демонстративною самооінкою не виходить привернути на себе увагу, вона використовує різноманітні хитрощі для того щоби бути у центрі подій.

Другий приклад агресивного привертання Дмитром уваги на себе. У дитячому садочку на нього увесь час скаржилися вихователі та батьки інших дітей. Він був дуже неслухняним хлопчиком і все робив наперекір. Коли Дмитро хворів, вихователі дуже раділи, тому що у групі царювала гармонія та лад. Після хвороби Дмитро заходив у групу й вихователі казали: «Кінець нашому спокою».

Якось у виховательки дуже боліла голова, вона покликала до себе Дмитра та попросила, що би він побув замість неї вихователем, тому що вона не справиться без його допомоги. Дмитро спочатку недовірливо подивився. Вихователька поскаржилася на головний біль, обняла його й сказала що він дуже хороший хлопчик, він справиться. Хлопчика маже підмінили. Він замість того щоби, як завжди, бити дітей, став з ними гратися, керував ними щоби вони допомагали поставити тарілки на стіл, допоміг їм одягнутися на вулицю. Вихователька до кінця робочого дня не могла натішитися Дмитром та коли прийшли за ним батьки вона сказала, що Дмитро найкращий хлопчик у групі, що він її помічник. З того часу Дмитро став слухняним, а його демонстративну самооінку «Я краще за інших» вихователька спрямовувала у позитивний бік. У дорослому віці Дмитро також залежний від похвали, він любить бути у центрі уваги та намагається бути краще за інших. Коли у дорослого Дмитра запитали: «як вплинула та похвала виховательки на його життя», він відповів, що «...з того дня я для себе вирішив, що краще бути хорошим, чим поганим».

Третій рівень – адекватна самооінка, до нього належить реалістичний вид самооінки. Особи з таким видом самооінки адекватно ставляться до інших та себе (своїх здібностей і можливостей, діяльності, власного місця у певній групі чи організації, у колі друзів).

Четвертий рівень самооінки – амбівалентна. До цього рівня самооінки відносяться особи з лабільною (мінливою від позитивної до негативної протягом дня) - або циклотимічною (мінливою певними циклами) самооінкою.

Прикладом циклотимічної самооцінки може слугувати історія Ніни. Дівчинка у дитинстві була дуже вродливою, всі її хвалили та завжди порівнювали з старшою сестрою - «Ніна красивіша за сестру». Мати, що бачила сльози старшої дівчинки, почала казати своїм дітятам, що «Ніна красива дівчинка, але груба, не мила, а її сестра дуже мила та ніжна». Ніна ніяк не могла збагнути «Чому всі кажуть, що вона красива, а мати навпаки каже що вона груба». Вона повірила мамі, а не іншим людям й стала дуже закомплексованою, боялася показатися на людях, заговорити з ними. Її самооцінка була дуже заниженою. У неї сформувалася егоцентрична установка «Я – гірше ніж сестра. Я - груба». Коли Ніна пішла у школу, вона прагнула нічим не відрізнятись від сірої маси учнів, боялася відповідати на уроках й стала двоєчницею. Так би тривало й надалі, коли б не тривала хвороба Ніни. Після чого Ніну відвезли до бабусі. Бабуся дуже любила Ніну та завжди підкріплювала її самооцінку, вона її називала «принцесою з щасливим майбутнім». Ніну заціпила ця бабусина установка й вона для себе вирішила, що буде вчитися, щоби стати щасливою.

На наступний навчальний рік Ніна пішла другий раз у перший клас. У навчальній школі Ніна була відмінницею, усі її хвалили. Самооцінка потрохи підвищувалася. Якось вона запитала маму, чому та її завжди ганьбить, на що мати відповіла, що Ніна красива, але не дуже, а її сестра мила та красива душею. Після цього Ніна увесь час прагнула доказати матері, що вона теж красива душею, однак мати цього не хотіла помічати. Отже, завдяки зовнішній та материнській оцінці у Ніни сформувалася циклотимічна самооцінка - при досягненнях вона підвищувалася (коли мати хвалила), при невдачах - знижувалася.

Таким чином, якщо ж з боку батьків дитина бачить тільки критику, відторгнення, зневажливе ставлення до себе, то це неодмінно впливає на її самосприйняття і самооцінку.

П'ятий рівень самооцінки – занижений. До цього рівня слід віднести компенсаторний та тривожний вид самооцінки. Занижена самооцінка може привести індивіда до драгівливості, помисливості, саркастичності, депресивності або навпаки запустити у хід компенсаторний механізм.

Особи з компенсаторним видом самооцінки живуть усе своє життя доказуючи іншим, що вони чогось варті («Я гірше інших людей, але я доведу іншим, що Я чогось вартий»). Дуже яскравим прикладом є заняття спортом астенічними підлітками (доказ своєї сили, через спорт) або досягнення інвалідів із фізичними вадами. Так, наприклад, українському атлету Антону Скачко (у нього ампутовані руки) належить світовий рекорд зі стрибків у довжину - 6,88 м. Особистісна воля допомагає таким особам долати всі перешкоди у боротьбі за самоствердження та самореалізацію, робоче місце й освіту. Компенсаторна самооцінка сприяє певним досягненням та особистісному зростанню. Однак, іноді вона може призвести до руйнівних дій та проявів насилля.

Занижена самооцінка часто виступає каталізатором виникнення тривожності. Особистість з тривожним видом самооцінки завжди турбується про майбутнє, поводить себе перебільшено обережно, відчуває себе слабкою, невпевненою. Вона звичайно висловлюється – «Я не впевнена, що можу оцінити себе», «Мене завжди турбує, як мене оцінюють інші», «Я завжди невпевнена у власних силах».

Шостий рівень самооцінки – низький. До цього рівня слід віднести депресивний вид самооцінки. Особи з даним видом самооцінки завжди невпевнені у собі та власних силах, вони не схильні приймати самостійні рішення, завжди підкріплюють свої висновки посиланнями на авторитети. Таким чином, головними рисами характеру такої особи є – тривожність, невпевненість, комформність, залежність від авторитету, чутливість та сенситивність.

Низька самооцінка тісно пов'язана вихованням. Вона формується у дитинстві під впливом батьків, які формують особистісні установки «Будь слухняним», «Будь охайним», «Не сперечайся», що спрямовані на розвиток здатності до акомодатії, тобто до прилаштування. Дитина в цій ситуації виявляється психологічно надламанною й не вистачає відчуття власної особистісної цінності. Прагнення батьків поставити дітей в підпорядковане, залежне становище веде до зниження самооцінки. Причинами низької самооцінки слугують також є суворі форми виховання, та особистісний дисонанс між «Я-реальним» та «Я-дзеркальним» (якщо дитину постійно критикують, муштрують, вказують на її ущербність).

Як результат, люди з низькою самооцінкою: більш схильні відносити невдачі в спілкуванні за рахунок внутрішніх, самозвинувачуючих факторів (Ickes & Layden, 1978); очікують, що інші вважають їх непотрібними (Jones, 1982); більш гостро реагують на заклик до спілкування і відмову в ньому (Berscheid & Walster, 1978); інтерпретують неоднозначний соціальний обмін в більшій мірі як негативний, ніж люди з високою самооцінкою (Jacobs, Berscheid & Walster, 1971); надзвичайно чутливі до критики, вважаючи її підтвердженням своєї неповноцінності, вони ніяк не сприймають і компліменти» (Zimbardo, 1977).

Сьомий рівень – дуже низький. До цього рівня слід віднести субдепресивний вид самооцінки. У осіб з'являються висловлювання: «Я нікчемна особистість», «Я - ніхто, мені не варто жити», «Краще б я не народжувався».

Прикладом дуже низької самооцінки може слугувати історія підлітка Григорія. У Григорія обличчя було покрито гнійними прищами. Дівчата ним нехтували, хлопці насміхалися. Він став соромитися відповідати у дошки. Успішність дуже знизилася. Батьки сварили його увесь час та називали, що він «моральний урод, який не цінить те, що вони для

нього роблять». До того ж Григорій закохався у однокласницю, яка його проігнорувала (на день «Святого Валентина» він їй зізнався у коханні, вона розсміялася та сказала: «Підрости ще»). Ці всі події вплинули на прийняття Григорієм рішення покінчити життя самогубством. Він написав передсмертну записку: «Жити не має більше сенсу. Нехай все закінчиться тепер й зараз.» та вистрибнув з 16 поверху.

Слід підкреслити, що основною умовою формування та подальшого підкріплення позитивної самооцінки у підлітків є тепле, уважне ставлення до них батьків. Отже, самооцінка індивіда формується під впливом установок батьків, особистісного статусу, ставлення та оцінки інших, умов виховання та навчання тощо.

Висновки. Таким чином, самооцінка є психологічним підґрунтям для виникнення різноманітних егоцентричних установок. Егоцентричні установки є центральними та провідними по відношенню до інших життєдіяльнісних установок. Вони впливають на життєвий шлях індивіда та визначають його індивідуальну картину світу.

Література

1. John Suler, Ph.D. The Two Paths of Virtual Reality. – Електрон. дан. (1 файл). – Режим доступу : - <http://www.rider.edu/users/suler/psyber/vrpaths.html>
2. Цільмак О.М. Складові дефініції «установка». [Текст] / О. М. Цільмак // Соціальна психологія. – Київ, 2011. - № 3 (47). - С. 29-35

УДК 159.9(075.8)

Вплив смислової настанови на характер переживання негативних психічних станів

Шевченко Н.Ф.

Стаття висвітлює теоретичні аспекти проблеми впливу смислової настанови на переживання особистістю психічного стану, зумовленого кризовою ситуацією. Подано аналіз поняття смислової настанови. Виокремлено основні форми впливу смислової настанови на перебіг діяльності. Розкрито типи кризових ситуацій, види психічних станів. Розглянуто процес саморегуляції психічних станів.

Статья освещает теоретические аспекты проблемы влияния смысловой установки на переживание личностью психического состояния, обусловленного кризисной ситуацией. Подан анализ понятия смысловой установки. Выделены основные формы влияния смысловой установки на ход деятельности. Раскрыты типы кризисной ситуации, виды психических состояний. Рассмотрен процесс саморегуляции психических состояний.

The article deals with theoretical aspects of the semantic directions' influence on the emotion experiencing of the psychological state, predefined by the crisis situation. The analysis of notion of the semantic directions is given. The basic forms of the semantic directions' influence at the process of activity are selected. The types of crisis situation, the types of psychological states are exposed. The process of self-regulation of psychological states is considered.

На сучасному етапі розвитку цивілізації людина досягла значних успіхів у різних сферах життєдіяльності, але з прадавніх часів і до наших днів вона не перестає відчувати кризові стани, які можуть негативно позначитися на її можливостях. Глобальна соціально-економічна, державна, ідеологічна, екологічна криза, у вирі якої ми живемо, оголює індивідуальні проблеми кожної конкретної людини, розкриває її внутрішні конфлікти, страждання. Постійно перебуваючи в пошуку сенсу власного існування на запаморочливому життєвому шляху, рвучись віковими сходами, починаючи життя спочатку після кожної життєвої кризи, яких попереду ще достатньо, людина дорослішає, зростає, набирається досвіду. Кожна життєва криза є найвідповідальнішим іспитом, який складаємо час від часу, точно не знаючи, яким буде його результат. Така тенденція вимагає від психологічної науки пошуку шляхів та оптимальних способів долання кризових станів та допомоги особистості у критичних життєвих ситуаціях.

Дані досліджень свідчать про те, що існують ефективні, непродуктивні й деструктивні форми долання кризових станів [5, 14, 15]. Способи долання залежать від впливу особистісних настан, які є основою для вибудовування подальших варіацій поведінки, при переживанні кризового стану. Смилова настанова, на думку вчених, має регулюючий вплив на перебіг всієї життєдіяльності суб'єкта [1]. Особливо актуальним є вивчення такого впливу в умовах життєвої кризи особистості, оскільки допомагає виявити приховані механізми, які актуалізують і запускають в дію ті чи інші смислові настанови. Наше дослідження спрямоване на вивчення психологічних закономірностей регуляторного впливу смислових настанов на психічні стани, викликані кризовою ситуацією.

На думку О.М. Леонтьєва, настанова, будучи компонентом діяльності, відображає у своїй структурі структуру умов діяльності, включаючи актуальну ситуацію, мотивацію і операційні можливості, завдяки чому вона здатна здійснити гнучке, доцільно-адаптивне управління всією діяльністю, яка актуально здійснюється [7].

Дослідження впливу смислових настанов на психічні стани розпочаті відносно недавно. Є нечисленні роботи в цій галузі (М.Є. Валіулліна, М.В. Єрмолаєва, Н.І. Наєнко, А.О. Прохоров, Н.Р. Саліхова, А.Р. Утей), у той час як необхідність дослідження ролі смислових структур свідомості в актуалізації та регулюванні психічних станів об'єктивно пов'язана з вивченням фундаментальної психологічної проблеми відношення «психічний стан - свідомість». Ця необхідність і визначила в якості наукової проблеми дослідження впливу смислових настанов на переживання кризових ситуацій.

Метою статті є висвітлення теоретичних аспектів проблеми впливу смислової настанови на переживання психічного стану, зумовленого кризовою ситуацією.

Розкриваючи зміст проблеми, зазначимо, що упродовж усієї історії становлення вітчизняної психології вченими розглядалися питання взаємозв'язку життєдіяльності суб'єкта і його свідомості, відображення й суб'єктивного ставлення людини до навколишньої дійсності, мотивації й свідомості (В.К. Вілюнас, Л.С. Виготський, В.П. Зінченко, О.М. Леонтьєв, О.Р. Лурія, О.Є. Насиновська). Розглянемо деякі з них. Так, О.Є. Насиновська, виділяє смислове утворення як психічне утворення (презентоване або непрезентоване в свідомості), що характеризує власне особистісний розвиток людини й визначальну індивідуально-значеневу сферу мотивації. Відповідно до думки автора, смислові утворення формуються в індивідуальному житті суб'єкта, несуть у собі суб'єктивне ставлення індивіда до різних об'єктів, є одночасно і емоційно-оцінними, і діючими утвореннями [12]. В.К. Вілюнас, аналізуючи механізми смислоутворення, визначає, що смислоутворювальним є не якесь

об'єктивне ставлення і не мотив як об'єктивне, а саме смисл мотиву, який ніби переходить по об'єктивним зв'язкам до всього, що має відношення до мотиву. Автор виділяє вербалізовані та невербалізовані смисли. Вербалізований смисл, на його думку, є широким й багатим, тільки він є справжньою «одиницею» свідомості. У той же час, невербалізований смисл є більш істинним, оскільки усвідомлення смислу не завжди буває повністю адекватним [3].

Робота над розвитком концепції свідомості привела Л.С. Виготського до визначення її структури через значення та смисл [4]. О.М. Леонтьєвим свідомість визначається як специфічно людська форма суб'єктивного відображення об'єктивної реальності, як картина світу, що відкривається суб'єкту, у яку включається він сам, його дії та стани. Зробивши важливий крок у конкретизації структурно-функціональних твірних свідомості, окрім значення, що виражається у формі мовних значень, та особистісного смислу, який додає пристрасності людській свідомості і вказує на зв'язок з мотиваційно-потребнісною сферою людини, він виділив чуттєву тканину свідомості, які додає реальності свідомій картині світу [8]. Концепція свідомості В.П. Зінченка є найбільш пропрацьованою, завдяки великому експериментальному матеріалу. Він описує свідомість, як цілісне формування, що містить два основних рівня: нижчий - буттєвий та верхній - рефлексивний. Рефлексивний рівень утворюють значення і смисл. Буттєвий рівень - біодинамічна тканина живої дії та чуттєва тканина образу [6]. На думку ж О.Р. Лурії, людська свідомість являє собою систему надзвичайно складних семантичних зв'язків, що належать до різних стадій минулого досвіду й рівнів різного ступеня складності [10].

Історія розвитку уявлень про смислову сферу особистості в руслі діяльнісного підходу, дозволяє говорити про те, що концепція особистісного смислу - смислових утворень - смислової сфери особистості займає чільне місце в системі наукової психології. Розвиток уявлення про категорію смисл у діяльнісному підході, за Д.О. Леонтьєвим, можна розділити на три основні етапи:

Перший етап - з кінця 1930-х років до середини 1970-х - це введення О.М. Леонтьєвим поняття смислу (особистісного смислу) як пояснювального поняття і його всебічна теоретична та експериментальна розробка в генетичному, структурному і функціональних аспектах.

Другий етап - з середини до кінця 1970-х років - це введення рядом авторів (О.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, В.К. Вілюнас, О.Є. Насиновська, В.В. Столін, Є.В. Субботський, О.К. Тихомиров) нових, споріднених понять: смислове утворення, смислова настанова, смисловий конструкт, операціональний смисл та ін., ознаменувавши перехід від одного пояснювального поняття до диференційованого набору понять.

Нарешті, третій етап - з початку 1980-х років - етап інтеграції цих уявлень, що знаменує виникненням класифікацій смислових утворень (О.Є. Насиновська та ін), синтетичних понять, таких як «динамічна смислова система» (О.Г. Асмолов), «смислова сфера особистості» (Б.С. Братусь), концепції смислової динаміки (Ф.Ю. Василюк), смислової саморегуляції (Б.В. Зейгарник, В.О. Іванніков). Стало можливим говорити про смислову реальність, що включає в себе самі різні структури і механізми [9].

Єдність і стійкість розглянутих уявлень, що контрастують зі строкатістю підходів до категорії смислу в західній психології особистості, обумовлені тим, що автори, які беруть участь у розробці смислової проблематики, роблять це, виходячи з різних теоретичних моделей, але спираючись на єдині методологічні принципи.

Перейдемо до аналізу поняття смислової настанови, яке об'єднує категорії «смисл» і «настанова». Слід зазначити, що регулюючий вплив життєвих смислів об'єктів і явищ дійсності на перебіг діяльності суб'єкта не обов'язково пов'язані із будь якою формою їх презентації в його свідомості. Добре відомо, що чимала частина регулюючих впливів такого роду передається безпосередньо на виконавчі механізми діяльності, минаючи свідомість, і здійснюються мимоволі і, як правило, несвідомо. Тим самим виникає необхідність говорити про смислові структури, що вбудовані в ці виконавчі механізми і служать провідниками і реалізаторами відповідних впливів. Такими регуляторними структурами є смислові настанови.

Спираючись на дослідження О.М. Леонтьєва, О.В. Запорожець висунув тезу про те, що особистісно-смислові відносини, в яких знаходяться предмети людської діяльності щодо суб'єкта, до його життєвих потреб і інтересів, відображаються у формі настанови. Це положення знайшло своє розгорнуте втілення в ієрархічній моделі настановної регуляції діяльності О.Г. Асмолова. Проте, перш ніж приступити до характеристики ефектів настановно-смислової регуляції діяльності, необхідно окреслити розуміння смислової настанови, яке дозволило б ввести це поняття в схему смислової організації особистості, яка нами розглядається.

Дослідженням смислової структури свідомості, компонентом якої є смислова настанова, у наш час активно займаються такі науковці як О.Г. Асмолов, Б.С. Братусь, Д.О. Леонтьєв, Д.В. Ольшанський, І.Г. Петров, А.С. Сухоруков та ін. Дослідники встановили, що смислова настанова входить до підкласу регуляторних смислових структур, які безпосередньо впливають на процес діяльності та психічного відображення. Смислові настанови є тими регуляторними структурами, які діють мимоволі і, як правило, є неусвідомленими.

О.Г. Асмолов розробляє поняття смислової настанови, розвиваючи висловлену колись Л.В. Запорожцем думку про те, що саме у формі настанови отримують вираження особистісно-смислові відносини. Згідно з думкою О.Г. Асмолова, смислова настанова є вираженням

особистісного смислу в плані діяльності і являє собою готовність до виконання певної діяльності. Воно безпосередньо проявляється в різних діях людини, виражаючи в них тенденцію до збереження загальної спрямованості діяльності в цілому. Смыслова настанова може бути як усвідомлюваною, так і неусвідомлюваною. В ієрархічній рівневій моделі настановної регуляції діяльності смыслова настанова утворює верхній рівень, маючи фільтруючу функцію по відношенню до настанов, що розташовані нижче [1].

Аналіз наукової літератури дозволив виокремити основні форми впливу смыслової настанови на перебіг діяльності - стабілізуючий, преградний, відхиляючий і дезорганізуючий [1; 9; 13]. Найбільш вивченими є стабілізуючі ефекти смыслової настанови. О.Г. Асмолов розглядає стабілізацію діяльності як основну функцію смыслової настанови [1]. Численний емпіричний матеріал, накопичений представниками різних наукових шкіл і напрямів, демонструє прояви настанови саме як інерційного моменту діяльності. Ефект стабілізації проявляється як у предметно-практичній, так і в пізнавальній діяльності. Виділено п'ять класів феноменів, які ілюструють цей ефект.

Д.О. Леонтьєв вказує на те, що по-перше, це феномени селекції та фільтрації, що полягають у вибірковості уваги і реагуванні суб'єкта, предметом яких стають лише об'єкти і явища, релевантні актуальній діяльності. Другий прояв ефекту стабілізації це підвищення чутливості, сенсibiлізація по відношенню до релевантних стимулів, що виражається, зокрема, у феномені виборчого зниження сенсорних порогів. Третій клас феноменів стабілізації - спрямоване пристрасне структурування чуттєвих даних. Четвертий клас феноменів стабілізації - це прояви інерції діяльності, персеверації після її завершення. Нарешті, по-п'яте, стабілізація проявляється у феномені захисту по відношенню до зовнішніх перешкод [9].

Стабілізуючі ефекти в усій різноманітності їхніх проявів аж ніяк не вичерпують феноменологію настановно-смыслової регуляції діяльності. Як справедливо зазначає А.С. Прангішвілі, функція настанови не зводиться до стабілізації діяльності і психічних станів, навпаки, в основі варіабельності діяльності також лежать настановні механізми [13].

Другою формою впливу настанови на перебіг діяльності й психічні стани, що виникають, є її преградний вплив. Він споруджує усвідомлювані або неусвідомлювані внутрішні бар'єри на шляху до досягнення свідомо поставленої мети. Разом із тим, ці бар'єри не є чимось чужим самій діяльності, вони також входять до системи її внутрішніх регуляторних механізмів. А. Маслоу вважав, що людська поведінка часто є захистом проти мотивів, емоцій і імпульсів. Іншими словами, вона виступає формою їхнього придушення і приховування так само, як і формою вираження [11].

Третьою формою впливу смыслової настанови на перебіг діяльності, за Д.О. Леонтьєвим, є відхиляючий вплив, що виражається у зміні перебігу діяльності. Відхиляючий вплив добре ілюструють випадки, коли людина займається якою-небудь важливою для нас справою «через силу». У цьому випадку смыслові настанови, що виникають на базі сторонніх по відношенню до актуальної діяльності диспозицій, всупереч нашим бажанням і часто неусвідомлено відволікають нас, перемикають увагу, сприяють створенню ефекту пересичення і т. і. [9].

Нарешті, четверта форма впливу смыслової настанови на перебіг діяльності - це вплив, зазвичай пов'язаний з надлишковою афективною напругою. Дезорганізуючий вплив позначається на виникненні різних (часто негативних) психічних станів і виявляється в ситуаціях, коли можливість реалізації значущого мотиву фрустрована, обмежена зовнішніми обставинами і рамками та виявляється у формі неконтрольованої внутрішньої напруги, надлишкової моторної активності та повної фіксації на актуальній діяльності, труднощі перемикання. Дезорганізуючий вплив смыслової настанови не тільки пов'язаний з кризовими ситуаціями, а й впливає на їхнє виникнення і перебіг [9].

Зупинимось детальніше на відносинах між смысловими настановами і особистісними смислами у цілісній системі регуляції діяльності. Як указує О.Г. Асмолов, ці два механізми не дублюють, але доповнюють один одного в регуляції пізнавальної і передметно-практичної діяльності. І особистісні смисли, і смыслові настанови належать до тих механізмів свідомості, які мають «буттєві характеристики» по відношенню до свідомості в сенсі індивідуально-психологічної реальності [1].

Згідно з дослідженнями Д.О. Леонтьєва, смыслові настанови впливають лише на спрямування роботи пізнавальних процесів, вони не приймають «форм, характерних для змісту свідомості», у той час як особистісні смисли визначають особливості презентації конкретних образів та їх окремих характеристик. Взаємодію особистісних смислів і смыслових настанов в регуляції психічного відображення можна представити у вигляді такого положення: викривлення, що вносяться в образ, так модифікують його, щоб його особистісний смисл максимально мірою (наскільки дозволяють вимоги адекватності відображення) відповідав спрямованості актуальних смыслових настанов. Не менш чітко взаємне доповнення особистісного смислу і смыслової настанови як регуляторних механізмів, вважає автор, виступає в ситуації предметно-практичної діяльності. Особистісно-смыслова регуляція по відношенню до неї носить завжди випереджаючий характер, однак в окремих випадках вона може або бути відсутньою, або бути неадекватною. Разом із цим, і в тих випадках, коли ситуація представлена у свідомості й «позначена» відповідним особистісним смислом,

останній може виявитися неадекватним, вступивши в конфлікт зі смисловою настановою, що розгортається на основі цього відображення діяльності. Це обумовлено тим, що «здійснена діяльність є багатшою, справжнішою, ніж свідомість, яка передує їй», і своїм здійсненням вона може дискредитувати передуючі регуляційні впливи в плані свідомості [9].

Розкриваючи специфіку впливу смислових настанов на переживання психічних станів, викликаних кризовою ситуацією, зазначимо, що проблема життєвих криз ніколи не залишалася без уваги дослідників. Розробкою цієї проблематики займалися К.О. Абульханова-Славська, Б.Г. Ананьев, Л.І. Анциферова, Дж. Каплан, І.С. Кон, та ін. Останнім часом проведено ряд досліджень, присвячених аналізу життєвих криз. Українськими та російськими вченими Ф.Ю. Василюком, О.А. Донченко, Т.М. Титаренко створені класифікації криз особистості. Криза визначається як конфлікт між актуальним, сьогоднішнім життєвим шляхом і майбутньої лінією, головною життєвою траєкторією [15].

В основі виникнення криз особистості лежать дезадаптаційні процеси, які можуть відбуватися в головних сферах людської діяльності — пізнавальній, перетворювальній і комунікативній. Підтримка певного рівня адаптації сприяє пом'якшенню перебігу кризових явищ. Нормальний стан цього рівня забезпечується за рахунок існування адаптаційного резервного фонду, який актуалізується у кризових ситуаціях.

Існує декілька класифікацій кризових ситуацій, найбільш пропрацьовано з яких, на наш погляд, є типологія розроблена Ф.Ю. Василюком. Автор поділяє кризи, які переживає кожна особистість на нормальні і аномальні [2].

Життя людини, як відомо, складається з певних періодів, етапів, стадій, які відрізняються одна від одної. Той чи інший вік має свій початок і кінець. Людина, як равлик, час від часу ламає стару, тісну оболонку і вчиться жити знову. Стан, який виникає з моменту завершення певного вікового етапу і триває до утворення іншого, переживається як важкий, хворобливий, кризовий. Такі кризи мають у психології назву нормальних, прогресивних - на відміну від криз аномальних, регресивних.

Нормальна криза, на думку Ф.Ю. Василюка, - це перехід від одного вікового етапу до іншого, наприклад, від молодшого шкільного віку до підліткового або від молодості до зрілості. Подібні кризи є нормальними, нормативними тому, що немає людини, яка б не переживала такої кризи протягом життя. Нормативність - це існування у межах норми. Вікові розлади мають недостатньо тривалий, найчастіше непатологічний характер. Для оточуючих і навіть для самої людини ці розлади можуть бути і майже непомітними.

Аномальна криза не пов'язана із закінченням певного етапу психічного розвитку, стадією життєвого шляху. Вона виникає у складних життєвих умовах, коли людина переживає події, які різко змінюють її долю. Такі події можуть відбуватися в професійному, особистому житті. Особливо болісно переживаються життєві колізії після серії випадкових невдач, під час зростання загального незадоволення собою, власною долею, своєю діяльністю, супутником життя. Автор вважає, що тяжкі життєві ситуації, які підштовхують людину до аномальної кризи - це такі обставини, що вимагають від людини дій, які перевищують її адаптивні можливості, енергетичні ресурси. Щогодинні неприємності можуть впливати на виникнення або хід аномальної кризи, якщо їх багато, або якщо вони переслідують людину на кожному кроці.

Наступний тип кризових ситуацій, які виділено автором, це творчі кризи. Творча особистість на відміну від незрілої, нетворчої може перетворити найтяжчі життєві обставини на плацдарм для формування нових «технік» життя, конструктивних життєвих стратегій. Вона не тільки переживає неприємності, не тільки страждає, а й сприймає їх як випробування, яке вчить, дає необхідний досвід, загартує. Серед типів кризових ситуацій Ф.Ю. Василюк виділяє кризи біографічні. Людина в різних формах часто переживає саме непродуктивність свого життєвого шляху: не так жила, не таким уявляла своє життя, не таким було минуле, як могло б бути і т.і. [2].

Усвідомлення суб'єктом кризового стану впливає на гостроту й важкість пов'язаних з цим почуттів, надаючи інтенсивності емоціям, які переживаються, їхній силі, яскравості. Кризовий стан має такі емоційні характеристики як нерівноваженість, загострену чутливість до зовнішніх впливів, що позначається на її настрої, поведінці, діяльності. Життєва криза, викликана, наприклад, тяжким хронічним захворюванням, втратою роботи, смертю близької людини зумовлює психічний стан, який характеризується тяжким емоційним фоном, сповненим тривалими душевними переживаннями, пригніченим настроєм. Такий стан змінює смисловий контекст духовного життя й діяльності суб'єкта, змушує переоцінити власні цінності, призначення в світі, сенс життя. Домінуючий настрій, як вектор, зумовлює розгортку відносно стійких (домінуючих, переважаючих), і актуальних (поточних, перехідних) станів, їх формування і динаміку в конкретній ситуації.

Кризова ситуація позначається на усіх видах психічних станів: мотиваційних (бажання, прагнення, інтереси, потяги, пристрасті); емоційних (емоційний тон відчуттів, емоційний відгук на явища дійсності, настрої, конфліктні емоційні стани - стрес, афект, фрустрація); вольових (ініціативність, цілеспрямованість, рішучість, наполегливість; станах різних рівнів організованості свідомості, які виявляються в різних рівнях уважності. Більшою мірою на поведінку суб'єкта впливає стан, який діє на свідомість, почуття і волю людини одночасно,

наприклад, депресія, стрес [14].

У психічних станах, так само як і в інших психічних явищах, відбивається взаємодія людини з життєвим середовищем. Будь-які істотні зміни зовнішнього середовища, зміни у внутрішньому світі особистості, в організмі викликають певний відгук в людині як цілісності, зумовлюють перехід до нового психічного стану, змінюють рівень активності суб'єкта, характер переживань тощо.

Психічні стани є багатовимірними, вони виступають і як система організації психічних процесів, і як суб'єктивне ставлення до відображуваного явища, і як механізм оцінки дійсності, що відображується. Зміна психічного стану безпосередньо в процесі діяльності виявляється у вигляді зміни суб'єктивного ставлення до відображуваної ситуації або зміни мотивів по відношенню до вирішуваного завдання [16].

Як наголошувалося, смислові структури свідомості «втручаються» у всі прояви психічних станів: у їх виникнення, перебудову, динаміку, тривалість, інтенсивність, модальність. Психічні стани завжди є об'єктом регуляторного впливу смислу. Смислова система є ланкою, яка опосередковує вплив різних чинників буття суб'єкта. Ступінь актуалізації окремих смислових структур у тих чи інших ситуаціях буття, їхнє поєднання і взаємозв'язки у смисловій системі у процесі опосередкування ситуаційних впливів знаходить відображення у різноманітності станів.

У запропонованій О.О. Прохоровим моделі саморегуляції психічних станів смислові структури посідають одне з провідних місць. Дослідження автора доводять, що процес саморегуляції усвідомлюється і пов'язаний з активністю свідомості суб'єкта. Очевидно, що процес саморегуляції, проходить мало ефективно у разі відсутності відповідної мотивації і особистісного смислу, тобто процес усвідомленої регуляції стану несе на собі відбиток його особистісної значимості для суб'єкта. Процес саморегуляції психічних станів передбачає перебудову смислових утворень, умовою якої є їхня усвідомленість. Будучи пов'язаним із формуванням нової смислової системи, процес саморегуляції забезпечується рядом механізмів, які задають загальні принципи співвідношення мотивів і смислів мотивів і цілей у структурі мотиваційної сфери [14]. Наприклад, у ситуації кризи саморегуляція спрямована на перетворення найбільш загальних смислових структур, формування нових провідних цінностей, які складають основу цілісної життєдіяльності людини. При цьому смислове зв'язування виступає у якості одного з механізмів, які забезпечують смислову перебудову. Остання, у свою чергу, змінює психічний стан суб'єкта, який проявляється у вигляді зміни суб'єктивного ставлення до кризової ситуації.

Долання кризового стану допомагає суб'єкту перейти на якісно новий спосіб життєдіяльності: подолавши попередні перешкоди розвитку, він приймає їх у внутрішній досвід, який допомагає йому надалі у побудові свого життя. Залежно від «обраного» типу настановно-смислової регуляції можуть змінюватися і особливості переживання кризової ситуації, і це означає, що одним зі способів подолання особистістю кризової ситуації може бути зміна переважного типу впливу смислової настанови.

Вивчення проблеми впливу смислової настанови на психічні стани в умовах життєвої кризи дозволяє констатувати що, у будь-якому процесі, акті життєдіяльності на психічні стани особистості впливають смислові настанови, які показують стійкі зв'язки в контексті «ситуація – стан». Такий вплив відображає механізм функціонування смислових настанов: вони спричиняють виникнення одних станів в ситуаціях життєдіяльності та неактуалізацію інших.

Поданий матеріал не претендує на вичерпний аналіз особливостей регуляторного впливу смислової настанови на переживання особистістю кризового стану. Предметом подальших розробок буде вивчення психологічного змісту та умов, за яких відбувається зміна смислової настанови при переживанні особистістю стану кризи.

Література

1. Асмолов А. Г. Деятельность и установка / А. Г. Асмолов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 150 с.
2. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. – М., 1984. – 354 с.
3. Виллюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека / Виллюнас В. К. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 288 с.
4. Выготский Л. С. Проблема сознания // Выготский Л. С. Собр. соч.: В 6-ти т. – М.: Педагогика, 1982. – Т. 1. – С. 156-167.
5. Доній В. М. Життєві кризи особистості: науково-методичний посібник / В. М. Доній, Г. М. Несен. - К: ІЗМН, 1998. – 359 с.
6. Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 15-34.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1977. – 204 с.
8. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения. – М.: Педагогика, 1983. – Т. 2. – С. 251-262. – 391с.

-
9. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е, испр.изд. /Д. А. Леонтьев. – М.:Смысл, 2003.–487 с.
 10. Лурия А.Р. Язык и сознание / Лурия А. Р. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 416 с.
 11. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. - М.: Смысл, 1999. – 424 с.
 12. Насиновская Е. Е. Методы изучения мотивации личности / Насиновская Е. Е. – М.: изд-во МГУ, 1988. – 88 с.
 13. Прангишвили А.С. Психологические очерки. Тбилиси: Мецниереба, 1975. - 111 с.
 14. Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009. – 352 с.
 15. Психологія життєвої кризи / Відп. Ред. Т. М. Титаренко. – К.: Агропромвитадав України, 1998. – 348 с.
 16. Психические состояния / Ред.- сост. Л. В. Куликов. - СПб.: Изд-во «Питер», 2000. - С. 11 – 73.

УДК: 159.922:616.8-091.93:615.86

Роль установки у формуванні терапевтичного альянсу між лікарем та пацієнтом

Шестопалова Л.Ф., Бородавко О.О.

В даній статті розглянуто особливості міжособистісних відносин між лікарем та пацієнтом, що складаються в ході лікувального процесу. Досліджено окремі характеристики взаємин в системі «лікар – хворий» з позиції медичних спеціалістів та пацієнтів. Визначено домінуючі комунікативні установки лікарів і хворих на неврологічні та психічні розлади. Показано зв'язок між характером взаємин «лікар – пацієнт» та комунікативними установками учасників взаємодії.

Ключові слова: терапевтичний альянс, лікувальний процес, соціальна, комунікативна установка.

В данной статье рассмотрены особенности межличностных взаимоотношений между врачом и пациентом, складывающиеся в ходе лечебного процесса. Исследованы отдельные характеристики взаимоотношений в системе «врач - больной» с позиции медицинских специалистов и пациентов. Определены доминирующие коммуникативные установки врачей и больных с неврологическими и психическими расстройствами. Показана связь между характером взаимоотношений «врач - пациент» и коммуникативными установками участников взаимодействия.

Ключевые слова: терапевтический альянс, лечебный процесс, социальная, коммуникативная установка.

This article describes the features of interpersonal relations between doctor and patient, folding during the therapeutic process. Investigated individual characteristics of relationships in the system «doctor - patient» from a position of medical professionals and patients. Identified the dominant communication setup of doctors and patients with neurological and psychiatric disorders. Shows the relationship between the nature of the relationship, «the doctor - patient» and communicative attitudes of participants interaction.

Key words: therapeutic alliance, therapeutic process, attitude, communicative setting.

На сьогодні однією з найбільш актуальних медико-соціальних проблем є вивчення психологічних чинників лікувально-реабілітаційного процесу, зокрема, терапевтичного альянсу (ТА) між лікарем і пацієнтом. Дослідження даного питання має велике значення як для організації ефективного лікування хворих, так і для профілактики емоційного вигорання медичних спеціалістів [1, 5 – 7].

В сучасній медичній психології терапевтичний альянс розглядається як складна динамічна система міжособистісних відносин і взаємодій між лікарем та пацієнтом, що формується, розвивається і функціонує в процесі лікування та впливає на ефективність лікувально-реабілітаційних заходів [5 – 7]. Подібне визначення ТА зумовлює необхідність більш детально розглянути його структуру, виявити основні компоненти, а також визначити найбільш значущі чинники формування. Серед таких чинників можна виділити установку особистості, яка з позиції концепції Д. Н. Узнадзе являє собою первинний цілісний недиференційований стан, що передує свідомій психічній діяльності та знаходиться в основі поведінки людини та визначається як «цілісний динамічний стан суб'єкта, стан готовності до певної активності, що зумовлюється двома факторами: потребою суб'єкта та відповідною об'єктивною ситуацією» [4; с. 64].

Також одним з найважливіших чинників, який зумовлює особливості взаємодії між людьми є так звана соціальна установка (або аттитюд), що визначається як стан психологічної готовності особистості поводити себе певним чином в певній ситуації, базуючись на минулому соціальному досвіді [2]. Соціальна установка має складну структуру та виконує ряд функцій. В структурі соціальної установки виділяють когнітивний (усвідомлення об'єкта соціальної установки), афективний (емоційна оцінка даного об'єкта) та поведінковий (послідовна поведінка стосовно даного об'єкта) компоненти [2]. Поняття «соціальна установка» та «установка» в теорії Д. Н. Узнадзе мають різне значення. Їх співвідношення демонструється в диспозиційній концепції регуляції соціальної поведінки особистості В. А. Ядова [8]. Згідно з даною концепцією виділяються чотири рівні диспозицій особистості: перший рівень складають елементарні фіксовані установки, що формуються на основі вітальних потреб та в умовах «предметних ситуацій»; до другого рівня належать більш складні диспозиції – фіксовані соціальні установки (аттитюди), що формуються на основі потреби людини у спілкуванні; третій рівень відображає загальну спрямованість інтересів особистості стосовно конкретної сфери соціальної активності, тобто базові соціальні установки; четвертий рівень диспозицій складає система ціннісних орієнтацій особистості [8]. Безумовно, диспозиції особистості того чи іншого рівня мають певне значення для встановлення міжособистісних відносин між людьми та їх взаємодії.

Таким чином, метою даного дослідження було визначити роль системи професійних установок лікарів та комунікативних установок пацієнтів у формуванні терапевтичного альянсу.

Дослідження проводилося на базі ДУ «ІНПН НАМНУ». В дослідженні брали участь 30 лікарів – 14 (46,66 %) неврологів та 16 (53,34 %) психіатрів (13 (43,33 %) чоловіків, 17 (56,76 %) жінок). Середній вік лікарів становив $45,75 \pm 8,85$ років. Також було обстежено 75 хворих на неврологічні та психічні розлади (38 (50,66 %) чоловіків та 37 (49,34 %) жінок). Середній вік пацієнтів склав $38,16 \pm 14,07$ років. 30 хворих на психічні розлади, які за МКХ-10 мали діагноз «Шизофренія» (F 20.00, F 20.01) – 15 осіб (50,00 %), «Шизотиповий розлад» (F 21.00) – 7 осіб (23,33 %), «Рекурентний депресивний розлад» (F 33.1 та F 33.2) – 8 осіб

(26,67 %). 45 хворих на неврологічні розлади, а саме з діагнозом «Вегето-судинна дистонія» (G 90.8) – 5 осіб (2,23 %), «Гіпертонічна хвороба I-III ступеня. Дисциркуляторна енцефалопатія I-II ступеня» (I 67.4) – 21 особа (55,55 %), «Розсіяний склероз» (G 35) – 19 осіб (42,22 %).

Методи дослідження. Психодіагностичний метод був реалізований за допомогою наступних методик: методика діагностики відносин лікаря та пацієнта (варіант для лікарів) [5], методика діагностики відносин лікаря та пацієнта (варіант для пацієнтів) [6], методика «Спрямованість особистості у спілкуванні» [3]. Статистична обробка даних здійснювалась за допомогою методу встановлення вірогідності відмінностей за критеріями t-Ст'юдента та U-Манна-Уїтні, кореляційного аналізу (коефіцієнт рангової кореляції r-Спірмена). Обчислювання отриманих даних проводилось за допомогою статистичного пакету SPSS 17.0 for Windows.

Для вивчення особливостей міжособистісних відносин лікаря та пацієнта в процесі лікування використовувалась спеціально розроблена методика діагностики відносин лікаря та пацієнта (варіант для лікарів). Результати дослідження наведено в таблиці 1.

Таблиця 1
Результати дослідження міжособистісних відносин лікаря та пацієнта в процесі лікування (з позиції лікаря) (в балах)

Шкала	Лікарі		
	загальна група, n=30	неврологи, n=14	психіатри, n=16
1	2	3	4
Готовність до співпраці	76,20±7,57	79,33±5,56	72,81±7,50
Емпатійність	68,75±12,09	64,88±12,51	71,90±11,31
Формальність	26,00±14,73	30,00±13,33	24,73±15,63
Відкритість	58,30±9,13	61,11±11,02	52,00±6,95*
Конгруентність	62,65±11,13	65,55±10,29	60,27±11,70
Відповідальність лікаря	64,30±11,07	60,44±11,42	67,45±10,22
Відповідальність пацієнта	48,00±19,62	48,88±15,36	47,27±23,27

Примітка. * – достовірність відмінностей за критерієм t-Ст'юдента та U-Манна-Уїтні $p < 0,05$ між показниками у неврологів та психіатрів.

За даними дослідження, у лікарів найбільші показники діагностуються за шкалами «Готовність до співробітництва з пацієнтами» (76,20±7,57), «Емпатійність» (68,75±12,09) та «Відповідальність лікаря» (64,30±11,07); найменші – за шкалою «Формальність взаємин» (26,00±14,73). Тобто лікарі намагаються активно співпрацювати з пацієнтами в процесі лікування, проявляти до них чуйність і співчуття та встановлювати довірчі відносини.

У неврологів, порівняно з психіатрами, відзначаються вищі показники за параметром «Відкритість лікаря при спілкуванні з пацієнтом» (61,11±11,02 та 52,00±6,95 відповідно, $p < 0,05$). Подібний результат відображає специфіку професійних установок лікарів різних спеціальностей, що значною мірою пов'язані з особливостями захворювання тих пацієнтів з якими працюють медичні спеціалісти.

Для вивчення особливостей спрямованості лікарів при спілкуванні з пацієнтами використовувалась методика «Спрямованість особистості у спілкуванні» (С. Л. Братченко, 1997). В даному дослідженні інструкція методики була змінена таким чином, щоб лікарі оцінювали особливості комунікації з більшістю своїх пацієнтів. Результати дослідження наведено в таблиці 2.

Таблиця 2
Результати дослідження спрямованості лікарів у спілкуванні з пацієнтами (в балах)

Спрямованість у спілкуванні	Лікарі		
	загальна група, n=30	неврологи, n=14	психіатри, n=16
1	2	3	4
Діалогічна	3,63±7,26	7,00±9,48	0,83±2,88**
Авторитарна	12,04±9,83	7,50±4,85	15,83±11,44**
Маніпулятивна	15,90±8,11	15,00±5,77	16,66±9,84
Альтероцентристська	27,27±15,63	27,00±16,53	27,50±15,59
Конформна	18,40±7,61	18,50±9,44	18,33±6,15
Індиферентна	22,72±10,66	25,00±10,80	20,83±10,62

Примітка. Достовірність відмінностей за критерієм t-Ст'юдента та U-Манна-Уїтні: ** – $p \leq 0,01$, * – $p < 0,05$ між показниками у неврологів та психіатрів.

За результатами, що наведено в таблиці 2, у лікарів найбільш виражені такі види спрямованості у спілкуванні з пацієнтами, як альтероцентристська (27,27±15,63), індиферентна

(22,72±10,66) та конформна (18,40±7,61). Найменше у них відзначається діалогічна (3,63±7,26) комунікативна стратегія. Можна сказати, що при спілкуванні з хворими лікарі передусім керуються інтересами пацієнтів, проявляють до них чуйність і співчуття, а також спрямовані на вирішення конкретних «ділових» питань, які виникають в процесі лікування. У неврологів, порівняно з психіатрами, більше виражена діалогічна (7,00±9,48 та 0,83±2,88 відповідно, $p < 0,01$) та менше – авторитарна (7,50±4,85 та 15,83±11,44 відповідно, $p < 0,01$) спрямованість у спілкуванні з пацієнтами. Даний результат відображає особливості комунікативних установок медичних спеціалістів.

Для виявлення зв'язку між параметрами взаємин лікаря і хворого та спрямованістю лікарів у спілкуванні з пацієнтами було проведено кореляційний аналіз. Дані дослідження показали, що підвищення готовності до співробітництва з пацієнтами у лікарів поєднується з індивідуальною спрямованістю у спілкуванні з ними ($r_s = 0,37$, $p < 0,05$). Рівень емпатійності лікарів при взаємодії з хворими позитивно корелює з альтероцентристською комунікативною стратегією. Відзначається позитивна кореляція між ступенем формальності лікаря у відносинах з пацієнтом та маніпулятивною спрямованістю у спілкуванні. Рівень відкритості лікарів при взаємодії з хворими позитивно корелює з діалогічною комунікативною стратегією та негативно – з авторитарною ($r_s = -0,41$, $p < 0,05$). Конгруентність лікарів при спілкуванні з хворими позитивно пов'язана з діалогічною спрямованістю у спілкуванні ними ($r_s = 0,55$, $p < 0,01$). Зниження рівня відповідальності лікаря за результат лікування пов'язується з маніпулятивною спрямованістю у спілкуванні з пацієнтами ($r_s = -0,45$, $p < 0,05$). Відзначається зворотній зв'язок між оцінками лікарів рівня відповідальності хворих та їх альтероцентристською комунікативною установкою ($r_s = -0,38$, $p < 0,05$).

Для дослідження особливостей міжособистісних відносин хворого та лікаря в процесі лікування використовувалась спеціально розроблена методика діагностики відносин лікаря та пацієнта (варіант для пацієнтів). Результати дослідження наведено в таблиці 3.

Таблиця 3

Результати дослідження міжособистісних відносин лікаря та пацієнта в процесі лікування (з позиції пацієнта) (в балах)

Параметр	Хворі		
	загальна група, n=75	хворі на НР, n=45	хворі на ПР, n=30
1	2	3	4
Емоційний комфорт	8,70±1,23	8,72±1,44	8,66±0,70
Готовність розуміти позицію лікаря	7,14±1,29	7,16±1,33	7,11±1,26
Готовність до співпраці	7,25±1,40	7,94±1,38	6,18±1,45*
Відкритість	6,88±1,33	6,55±1,09	7,55±1,58
Відповідальність лікаря	7,01±2,38	5,66±2,02	7,66±3,01*
Відповідальність пацієнта	6,08±1,31	5,61±1,33	4,33±1,80*
Конгруентність	6,22±1,69	6,98±1,61	5,18±1,90*

Примітка. * – достовірність відмінностей за критерієм t-Ст'юдента та U-Манна Уїтні $p < 0,05$ між показниками у хворих на НР та ПР.

За результатами таблиці 3, у пацієнтів найвищі показники діагностуються за шкалами «Емоційний комфорт» (8,70±1,23), «Готовність до співпраці з лікарем» (7,25±1,40), «Готовність розуміти позицію лікаря» (7,14±1,29) та «Відповідальність лікаря». Найменші оцінки відзначаються за шкалою «Відповідальність пацієнта» (6,08±1,31). У пацієнтів з психічними захворюваннями, порівняно з хворими на неврологічні розлади, значно менше виражена готовність до співпраці з лікарем (6,18±1,45 та 7,94±1,38 відповідно, $p < 0,05$), власна відповідальність за результати лікування (4,33±1,80 та 5,61±1,33 відповідно, $p < 0,05$) та конгруентність в ході спілкування з медичним спеціалістом (5,18±1,90 та 6,98±1,61 відповідно, $p < 0,05$). Також вони значно вище оцінюють рівень відповідальності лікаря, ніж пацієнти з неврологічними розладами (7,66±3,01 та 5,66±2,02 відповідно, $p < 0,05$). Можна сказати, що пацієнти з психічними захворюваннями займають більш пасивну позицію в ході лікування та покладають більше очікувань на лікаря, ніж хворі на неврологічні розлади.

Для вивчення особливостей спрямованості хворих при спілкуванні з лікарем використовувалась методика «Спрямованість особистості у спілкуванні» (С. Л. Братченко, 1997). В даному дослідженні інструкція методики була змінена таким чином, щоб хворі оцінювали особливості комунікації з тим лікарем, який працює з ними в даний момент. Результати дослідження наведено в таблиці 4.

Таблиця 4

Результати дослідження спрямованості у спілкуванні пацієнтів з лікарем (в балах)

Спрямованість у спілкуванні	Хворі		
	загальна група, n=41	хворі на НР, n=21	хворі на ПР, n=20
1	2	3	4
Діалогічна	1,52±4,63	1,36±3,23	1,66±5,77
Авторитарна	11,21±11,68	8,63±10,50	13,58±12,64*
Маніпулятивна	19,30±10,67	19,09±11,13	19,51±10,73
Альтероцентристська	17,26±8,27	16,36±9,74	18,08±14,51
Конформна	26,91±15,81	28,63±17,47	25,33±14,72
Індиферентна	23,82±14,40	26,81±11,88	21,08±16,41

Примітка. Достовірність відмінностей за критерієм t-Ст'юдента та U-Манна-Уїтні: * - $p < 0,05$ між показниками у хворих на НР та ПР.

За результатами дослідження, у хворих на неврологічні та психічні розлади домінує конформна (26,91±15,81) та індиферентна (23,82±14,40) комунікативна стратегія. Тобто вони здебільшого схильні займати пасивну позицію при спілкуванні з лікарем і спрямовані на вирішення конкретних питань, що виникають в процесі лікування. Найменш вираженою у цих хворих є діалогічна комунікативна стратегія (1,52±4,63). Даний результат відображає особливості комунікативних установок пацієнтів. У хворих на ПР, порівняно з пацієнтами з НР, відзначаються значно вищі показники авторитарної спрямованості у спілкуванні з лікарем (13,58±12,64 та 8,63±10,50 відповідно, $p < 0,05$). Цей результат може вказувати на труднощі у встановленні продуктивного контакту з оточуючими та зниження критики у хворих на психічні розлади та неадекватність їх комунікативних стратегій.

Для визначення зв'язку між параметрами взаємин лікаря і пацієнта та комунікативними характеристиками хворих було проведено кореляційний аналіз. Результати дослідження показали, що рівень емоційного комфорту хворих при спілкуванні з лікарем позитивно корелює з альтероцентристською спрямованістю у спілкуванні ($r_s = 0,37$, $p < 0,05$) та негативно – з маніпулятивною ($r_s = -0,60$, $p < 0,01$). Ступінь готовності розуміти позицію та переживання лікаря в ході взаємодії з ним позитивно пов'язаний з діалогічною комунікативною стратегією ($r_s = 0,39$, $p < 0,05$). Рівень готовності до співпраці з лікарем та ступінь власної відповідальності пацієнтів за характер спілкування з медичним спеціалістом та результати лікування в цілому позитивно корелює з індиферентною ($r_s = 0,49$ та $r_s = 0,37$ відповідно, $p < 0,05$) та діалогічною ($r_s = 0,47$ та $r_s = 0,41$ відповідно, $p < 0,05$) спрямованістю у спілкуванні. Уявлення пацієнтів щодо високого рівня відповідальності лікаря за результат лікування пов'язані з їх маніпулятивною комунікативною установкою ($r_s = 0,39$, $p < 0,05$). Конгруентність пацієнтів при спілкуванні з лікарем негативно пов'язана з їх конформною позицією ($r_s = -0,53$, $p < 0,01$).

Таким чином, особливості міжособистісних відносин лікаря та пацієнта (з позиції медичних спеціалістів) полягають в тому, що лікарі при взаємодії з хворими перед усім керуються інтересами пацієнтів, проявляють до них чуйність і співчуття. Домінуючими комунікативними стратегіями лікарів є альтероцентристська та індиферентна. Даний результат відображає особливості професійних установок медичних спеціалістів. Визначено, що окремі параметри взаємин «лікар-хворий» пов'язані з певним видом комунікативних стратегій лікарів. Так, альтероцентристська спрямованість у спілкуванні поєднується з підвищенням рівня емпатійності лікарів в ході взаємодії з пацієнтами та зі зниженням оцінки ступеня відповідальності самих хворих. Діалогічна комунікативна стратегія пов'язана зі збільшенням рівня відкритості медичних спеціалістів в ході взаємодії з пацієнтами, тоді як авторитарна – зі зниженням даного параметра.

Особливості взаємин з лікарем у хворих на неврологічні та психічні розлади полягають в тому, що дані пацієнти в цілому задоволені характером спілкування з медичним спеціалістом та високо оцінюють власну готовність до співпраці з ним. При цьому вони схильні покладати відповідальність за результат лікування здебільшого на лікаря. Домінуючими комунікативними стратегіями у цих пацієнтів є конформна та індиферентна. Також для них характерні труднощі у встановленні продуктивних взаємин з медичним спеціалістом, які проявляються у вигляді ригідності чи неадекватності комунікативних установок, дисоціації між потребою у формуванні міжособистісних відносин з лікарем та спроможністю встановлювати подібні взаємини. Визначено, що рівень емоційного комфорту пацієнтів при спілкуванні з лікарем позитивно корелює з їх альтероцентристською спрямованістю у спілкуванні та негативно – з маніпулятивною стратегією. Ступінь готовності розуміти позицію та переживання лікаря пов'язаний з діалогічною спрямованістю у спілкуванні з ним. Рівень готовності до співпраці з лікарем та ступінь власної відповідальності пацієнтів за результати лікування позитивно корелює з індиферентною та діалогічною комунікативною стратегією. Уявлення пацієнтів щодо високого рівня відповідальності лікаря за результат лікування пов'язані з

їх маніпулятивною спрямованістю у спілкуванні. Отримані результати свідчать про те, що особливості комунікативних установок лікаря та пацієнта, а також професійних установок медичних спеціалістів є одним з найважливіших чинників формування терапевтичного альянсу.

Література

1. Абрамов, В. А. Об интегративном подходе к разработке концепции шизофрении и психосоциальной реабилитации больных / В. А. Абрамов, Т. Л. Ряполова, А. В. Абрамов, И. В. Жигулина // Журнал психиатрии и медицинской психологии. – 2009. - № 1 (21). – С. 3-12.
2. Андреева, Г. М. Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 365 с.
3. Братченко, С. Л. Диагностика личностно-развивающего потенциала: Методическое пособие для школьных психологов / С. Л. Братченко. – Псков, 1997. – 68 с.
4. Узнадзе, Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
5. Шестопалова, Л. Ф. Дослідження терапевтичного альянсу у лікарів, що працюють у медичному закладі психоневрологічного профілю / Л. Ф. Шестопалова, В. А. Кожевнікова, О. О. Бородавко // Український вісник психоневрології. – 2010. – Т. 18, № 3 (64). – С. 158.
6. Шестопалова, Л. Ф. Особливості терапевтичного альянсу у хворих на психічні та неврологічні розлади / Л. Ф. Шестопалова, В. А. Кожевнікова, О. О. Бородавко // Український вісник психоневрології. – 2011. – Т. 19, № 2 (67). – С. 74-76.
7. Шестопалова, Л. Ф. Особенности формирования терапевтического альянса между врачом и больными с психоневрологическими расстройствами / Л. Ф. Шестопалова, В. В. Артюхова // Архів психіатрії. – 2011. – Т. 17, № 3 (66). – С. 9-12.
8. Ядов, В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности / В. А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

УДК 159.922.

Роль установки в формировании доверия в межличностных отношениях

Яновская С.Г.

В статье описаны характеристики ситуации формирующей установку на доверие в межличностных отношениях. Показано, что наличие ситуации, характеризующейся неопределенностью или риском, оптимистичными ожиданиями субъекта относительно исхода события, принятием уязвимости субъекта и его зависимостью от поведения других, а также открытости, замкнутости, наивности, нескритичности, беззащитности и осведомленности субъекта, способствует формированию доверия в межличностном взаимодействии.

Ключевые слова: установка, установка на доверие, объективная ситуация.

У статті описано характеристики ситуації, що сприяють формуванню настанови на довіру у міжособистісних стосунках. Показано, що наявність ситуації, яка характеризується невизначеністю та ризиком, оптимістичними очікуваннями суб'єкта та його залежністю від поведінки інших, а також відвертості, замкнутості, наївності, нескритичності, беззахисності і обізнаності суб'єкта, сприяє формуванню довіри в міжособистісній взаємодії.

Ключові слова: настанова, настанова на довіру, об'єктивна ситуація.

The article describes characteristics of the situation forming the setting on trust in interpersonal relations. It is shown that the presence of the situation characterized by vagueness or risk, by optimistic expectations of a subject in relation to the result of the event, acceptance of vulnerability of a subject and his dependence on a conduct other, and also to the openness, reserve, naivety, uncriticism, defencelessness and knowledge of a subject, helps in forming of trust in interpersonal cooperation.

Keywords: setting, setting on trust, objective situation.

Доверие в межличностных отношениях является одним из ключевых моментов общения, которое способствует эффективному взаимодействию и развитию личности. Анализ теоретических подходов к пониманию феномена доверия в психологии, раскрывает большое значение доверия в жизни человека, его роль в становлении личности. Проблема доверия исследуется в работах многих зарубежных и отечественных авторов: Э.Аронсона, М.Бубера, К.Р.Роджерса, Э.Фромма, Э.Эриксона, Д.Джонсона, В.П.Зинченко, И.А.Ильина, Б.А.Рутковского, А.Б.Купрейченко, В.А. Сумароковой и др.[1-4] Данные исследователи по-разному определяют содержание доверия и то, к какому классу понятий оно относится. Так, доверие рассматривают как ожидание, отношение, состояние, чувство, процесс социального обмена и передачи информации, личностное и групповое свойство, установка и т.д.

Такое многообразие представлений свидетельствует о том, что исследование феномена доверия находится на начальной стадии изучения. Необходимо накопление, анализ и обобщение большого массива данных, построение теоретической модели доверия. В связи с этим нам представляется уместным рассмотрение феномена доверия через призму установки. Д.Н.Узнадзе определял установку как целостное, недифференцированное и бессознательное состояние субъекта, возникающее при столкновении потребности субъекта с объективной ситуацией ее удовлетворения и, соответственно, предшествующее его деятельности[6].

По мнению Д.Н. Узнадзе, возможность осуществления какой-либо деятельности связана с наличием потребности у субъекта поведения и ситуации, в которой эта потребность могла бы быть удовлетворена. Д.Н. Узнадзе считал, что это - основные условия возникновения всякого поведения и прежде всего установки к нему [5]. Для возникновения установки необходимо наличие соответствующей ситуации, в условиях которой она принимает вполне определенный, конкретный характер. Следовательно, объективным фактором, определяющим установку, следует считать именно такого рода ситуацию [5].

Анализ ситуаций, предполагающих возникновение доверия или недоверия в межличностных отношениях, позволяет выделить нам такие их характеристики как неопределенность, риск, отсутствие регламентации и контроля, с одной стороны, а с другой, заинтересованность в кооперации и мирном сосуществовании. В такой объективной ситуации перспективной формой отношений становится баланс доверия между партнерами. Потребности, которые могут быть реализованы в данной ситуации – это базовая социальная потребность – потребность человека в жизни в сообществе, на которой строятся все остальные социальные потребности: в совместности, общности, принадлежности, уважении и др. Отсюда, не случайно, многие авторы рассматривают доверие человека к миру как базовую социальную установку личности, определяющее развитие отношения личности к миру, себе и другим (В.П.Зинченко, Р.Левицки, Д.Мак-Алистер, Т.П. Скрипкина и др.)

Итак, для возникновения установки на доверие мы имеем условия субъективного и объективного характера: потребность человека в жизни в сообществе и ситуации, в которых она может быть удовлетворена. Установка здесь выступает в качестве опосредствующего звена между отдельными состояниями, функциями, элементами психической сферы индивида и объективной реальностью окружающего мира. Именно это определяет процесс формирования установки на доверие и его уровень в межличностных отношениях.

Проблема изучения установки на доверие также связана с разработкой методических

подходов к исследованию доверия. Наиболее распространенными и несложными в проведении и интерпретации являются опросные методы. Помимо опросных существует целый ряд методических приемов для оценки доверия в рамках экспериментальной процедуры, тренингов и игр. При этом исследователи отмечают несоответствие данных полученных с помощью опросных и экспериментальных приемов. Как показали Е. Глайзер, Д. Либсон с соавторами фактически отсутствует связь между аттитюдами доверия, измеренными при помощи опроса, и доверительным поведением, наблюдаемым в экспериментальной среде [7]. В связи с этим нам кажется уместным использование процедуры шкалирования для измерения установки на доверие. Нами была подготовлена и апробирована экспресс-методика оценки установки на доверие. Конструирование методики предполагало подбор утверждений, описывающих различные ситуации, в ходе которых возникает потребность в другом.

Подобранные нами утверждения описывали условия, которые, по мнению Т.П. Скрипкиной необходимы для возникновения доверия: наличие значимой ситуации, характеризующейся неопределенностью или связанной с риском; оптимистичное ожидание субъекта относительно исхода события; уязвимость субъекта и его зависимость от поведения других участников взаимодействия; добровольность взаимодействия; отсутствие контроля [4].

Утверждения, которые были подобраны нами, имели оригинальную законченную мысль, записанную в лаконичной форме, которая легко запоминается и воспроизводится. Например: «Доверие – ключ к сердцу», «Не доверяй улыбке врага», «Доверие порождает доверие», «Нельзя верить тому, кто всем доверяет» и др.

Далее, методика была апробирована на выборке из 120 человек (58 мужчин и 62 женщины), в возрасте от 23 до 60 лет. Нами были, были решены следующие задачи: 1) отсеять неработающие утверждения, 2) определить независимые шкалы методики.

Для решения первой задачи применялся корреляционный и факторный анализы. Удалось отсеять ряд утверждений, и по окончании нами было выделено 15 утверждений, которые и стали основным материалом нашей методики. Факторный анализ методом главных компонент позволил выделить основные оси доверия в межличностных отношениях. Каждый из выделенных нами факторов не только соответствует определенным характеристикам ситуации, в которых возникает установка на доверие, но и позволяет уточнить ее скрытые латентные переменные.

Фактор 1 «Открытость» % дисперсии - 20,817; факторный вес - 3,123. В данный фактор входят следующие утверждения: «Доверие – это ключ к сердцу» (0,724); «Доверяй людям, и они будут верны вам» (0,645); «Нельзя доверять тому, кто всем доверяет» (0,618); «Я не доверяю тому, кто сам никому не доверяет» (0,564); «Больше всего оживляет беседу взаимное доверие» (0,517).

Данный фактор является униполярным, в него вошли утверждения, которые имеют лишь позитивное значение. Он характеризует такие ситуации межличностного взаимодействия, в которых человек проявляет готовность к доверию, способен открыться другому человеку и устанавливать доверительные отношения. Здесь сделан акцент на таких характеристиках ситуации, которые связаны с оптимистичным ожиданием субъекта относительно исхода события, с его зависимостью от поведения других участников взаимодействия и его открытостью к окружающему миру.

Фактор 2 «Замкнутость» % дисперсии – 16,714; факторный вес – 2,507. В данный биполярный фактор входят следующие утверждения: «Не всем верь, закрывай крепче дверь» (0,735); «Доверчивых легко обмануть» (0,696); «Доверяйте людям, и они будут верны вам» (-0,517).

Фактор «Замкнутость», с одной стороны, указывает на такие характеристики ситуации, которые связаны с неопределенностью и риском, с невозможностью осуществления контроля над ситуацией, а, с другой, на оптимистичность и готовность субъекта к самораскрытию. Также характеризует отдаленность, наличие автономии и дистанцированность от социума.

Фактор 3 «Наивность» % дисперсии – 12,276; факторный вес – 1,841. В данный биполярный фактор входят следующие утверждения: «Люди глупо доверчивы» (0,671); «Нельзя доверять тому, кто всем доверяет» (0,503); «Доверие вызывает доверие» (-0,661).

Этот фактор содержит суждения человека о вещах и событиях, которые возникают в странных и неопределенных ситуациях и обусловлены мечтательностью и нереалистичностью субъекта, реализующему в своем поведении безусловное позитивное ожидание относительно действий другого.

Фактор 4 «Некритичность» % дисперсии – 10,860; факторный вес – 1,629. В данный биполярный фактор с наибольшим весом входят следующие утверждения: «Я склонен верить всему сказанному» (0,716); «Доверчивый человек – добродушный» (-0,707).

Этот фактор указывает на наличие ряда ситуаций, в которых человек может быть безусловно доверчивым, некритическим к окружающим и собственным принципам жизнедеятельности. Все, что происходит в его жизни принимается на веру без осмысления и рациональной оценки, осуществляется им все добровольно, без попыток контролировать ситуацию.

Фактор 5 «Беззащитность» % дисперсии фактора – 8,754; факторный вес – 1,313. В

данный биполярный фактор с наибольшим весом входят следующие утверждения: «Люди глупо доверчивы» (0,573); «Доверие порождает доверие» (-0,535).

Этот фактор указывает на такие характеристики ситуации как уязвимость субъекта и его зависимость от поведения других участников взаимодействия, что делает человека беззащитным в процессе межличностного общения. С другой стороны, готовность продемонстрировать личную уязвимость связана с позитивными ожиданиями относительно разрешения ситуации, добровольностью включения в нее и ее неконтролируемостью.

Фактор 6 «Осведомленность» % дисперсии фактора – 7,524; факторный вес – 1,129. В данный биполярный фактор с наибольшим весом входят следующие утверждения: «Я не доверяю человеку, если плохо его знаю» (0,573); «Я не доверяю тому, кто сам никому не доверяет» (-0,560).

Этот фактор указывает на необходимость контроля над ситуациями, в которых субъект демонстрирует доверие, рационального отношения к окружающим и информации, которую они предлагают. Поскольку доверие возникает в ситуации риска, то увеличение доверия возможно при увеличении осведомленности относительно других. Это также связано с накоплением информации относительно ситуаций, формирующих установку на доверие. Наличие такого опыта позволяет человеку выбирать уровень доверия к той или другой жизненной ситуации.

В целом, факторный анализ позволил подробно охарактеризовать ситуации, в которых возникает установка на доверие в межличностном взаимодействии. Выделенные факторы «Открытости», «Замкнутости», «Наивности», «Некритичности», «Беззащитности» и «Осведомленности» уточнили имеющиеся данные относительно условий, в которых возникает установка на доверие. Данные шкалы соответствуют таким психологическим аспектам установки на доверие, которые связаны с намерением принять личную уязвимость, и основаны на позитивном ожидании относительно намерений и поведения другого.

Перспективой дальнейшего исследования может быть прояснение характеристик ситуаций, формирующих установку на доверие и связанных с различными сферами жизнедеятельности человека.

Литература

1. Джонсон Д. Встановлення та збереження довіри // Практична психологія та соціальна робота – 2003 - №6 – с.22-29
2. Зинченко В.П. Психология доверия – Самара: Изд-во СИОК – 2001 – 104 с.
3. Купрейченко А. Б. Психология доверия и недоверия. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 564 с.
4. Скрипкина Т.П. Психология доверия – М.: ВЦ „Академия”, - 2000 -264с.
5. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования / Д. Н. Узнадзе. – М. : Наука, 1966. – 452 с.
6. Узнадзе Д.Н. Психология установки. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
7. Glaeser E., Laibson D., Scheinkman J., Soutter C. Measuring trust // Quarterly Journal of Economics. 2000. P 811-846.

Відомості про авторів

- Белканія Н.** Декан факультету соціальних та політичних наук Тбіліського державного університету імені І. Джавахішвілі, доктор психологічних наук, професор
- Беседіна Н.О.** Асистент кафедри психології Донецького національного університету
- Беляєва О.Е.** Науковий співробітник групи психології розитку ГУ «Інститут охорони здоров'я дітей та підлітків АМН України»
- Бойко Г.В.** Доцент кафедри соціальної філософії та управління Запорізького національного університету, кандидат психологічних наук, доцент
- Бородавко О.О.** Молодший науковий співробітник відділу медичної психології ДУ «Інститут неврології, психіатрії та наркології АМН України»
- Бурдулі Н.Г.** Старший науковий співробітник Інституту психології імені Д. Узнадзе, кандидат психологічних наук
- Ваханія З.Н.** Заступник директора Інституту психології імені Д. Узнадзе, доктор психологічних наук АПН Грузії, професор
- Габєлкова О.Є.** Старший викладач кафедри загальної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
- Гарькавець С.О.** Доцент кафедри психології Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля, кандидат психологічних наук, доцент
- Гімаєва Ю.А.** Доцент кафедри загальної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, кандидат психологічних наук, доцент
- Глушко О.І.** Старший викладач кафедри психології Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара
- Головнєва І.В.** Завідувач кафедрою загальної та прикладної психології Харківського гуманітарного університету «Народна Українська академія», кандидат психологічних наук, доцент
- Горностай П.П.** Завідувач лабораторією психології малих груп і міжгрупових відносин Інституту соціальної та політичної психології НАПН України, доктор психологічних наук
- Дусаєвицький О.К.** Професор кафедри загальної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, доктор психологічних наук, професор
- Єльчанінова Т.М.** Доцент кафедри практичної психології Харківського національного педагогічного університету імені Г.С.Сковороди, кандидат психологічних наук, доцент
- Жовтянська В.В.** Старший науковий співробітник лабораторії методології психосоціальних і політико-психологічних досліджень Інституту соціальної та політичної психології НАПН України, кандидат психологічних наук
- Заболотна В.О.** Викладач кафедри соціальної психології Київського національного університету імені Тараса Шевченка, кандидат філософських наук
- Зайка Є.В.** Доцент кафедри загальної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, кандидат психологічних наук, доцент
- Зотова Л.М.** Старший викладач кафедри прикладної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
- Іванова О.Ф.** Завідувач кафедри загальної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, доктор психологічних наук, професор
- Коваленко А.Б.** Професор кафедри соціальної психології Київського національного університету імені Тараса Шевченка, доктор психологічних наук, професор
- Крейдун Н.П.** Декан факультету психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, кандидат психологічних наук, доцент
- Кривоконь Н. І.** Завідувач кафедрою соціальної роботи Чернігівського державного технологічного університету, кандидат психологічних наук, доцент

- Кряж І.В.** Доцент кафедри прикладної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, кандидат психологічних наук, доцент
- Кузнєцов М.А.** Професор кафедри практичної психології Харківського національного педагогічного університету імені Г.С.Сковороди, доктор психологічних наук, професор
- Луценко О.Л.** Доцент кафедри прикладної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, кандидат психологічних наук, доцент
- Меднікова А.І.** Доцент кафедри практичної психології Харківського національного педагогічного університету імені Г.С.Сковороди, кандидат психологічних наук, доцент
- Мельник І.М.** Доцент кафедри загальної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, кандидат психологічних наук, доцент
- Мельник О.А.** Науковий співробітник Інституту соціальної та політичної психології НАПН України, кандидат психологічних наук, доцент
- Митроченко О.Є.** Викладач кафедри прикладної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
- Моїсеєнко К.О.** Аспірант кафедри психології Одеського національного університету імені І.І.Мечникова
- Моргун В.Ф.** Завідувач кафедри психології Полтавського національного педагогічного університету імені В.Г. Короленка, кандидат психологічних наук, професор
- Москаленко В.В.** Доцент кафедри прикладної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, кандидат психологічних наук, доцент
- Надарєшвили В.Г.** Професор факультету соціальних та політичних наук Тбіліського державного університету імені І. Джавахішвілі, доктор психологічних наук, професор
- Носенко Е.Л.** Професор кафедри педагогічної та вікової психології Дніпропетровського національного університету імені Олеся Гончара, доктор психологічних наук, професор, член-кореспондент НАПН України
- Олефір В.О.** Доцент кафедри психології Української інженерно-педагогічної академії, кандидат психологічних наук, доцент
- Онїщенко Н.В.,** Старший науковий співробітник, провідний науковий співробітник науково-дослідної лабораторії екстремальної та кризової психології Національного університету цивільного захисту України, кандидат психологічних наук
- Павленко В.М.** Доцент кафедри прикладної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, кандидат психологічних наук, доцент
- Плохих В.В.** Доцент кафедри психології Української інженерно-педагогічної академії, кандидат психологічних наук, доцент
- Побідаш О.Ю.** Начальник відділення впровадження психотренінгових технологій науково-дослідної лабораторії екстремальної і кризової психології Національного університету цивільного захисту України
- Подшивалкіна В.І.** Завідувач кафедри соціальної і прикладної психології Одеського національного університету імені І.І.Мечникова, доктор соціологічних наук, професор
- Поліванова О.Є.** Доцент кафедри прикладної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, кандидат психологічних наук, доцент
- Поляков І.А.,** Старший науковий співробітник науково-дослідної лабораторії екстремальної та кризової психології Національного університету цивільного захисту України, кандидат психологічних наук
- Посохов С.І.** Декан історичного факультету Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, доктор історичних наук, професор
- Севост'янов П.О.** Здобувач кафедри прикладної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна
- Скворчевська Є.Л.** Інженер навчально-методичного відділу Української інженерно-педагогічної академії

- Сорока А.В.** Доцент кафедри прикладної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна, кандидат психологічних наук, доцент
- Соснюк О.П.** Доцент кафедри соціальної психології Київського національного університету імені Тараса Шевченка, кандидат психологічних наук, доцент
- Титаренко Д.С.** Старший науковий співробітник науково-дослідної лабораторії екстремальної та кризової психології Національного університету цивільного захисту України, кандидат психологічних наук
- Тімченко О.В.,** Провідний науковий співробітник науково-дослідної лабораторії екстремальної та кризової психології Національного університету цивільного захисту України, доктор психологічних наук, професор
- Філенко І.О.** Докторант Харківського національного педагогічного університету імені Г.С.Сковороди, кандидат психологічних наук, доцент
- Хомуленко Т.Б.** Завідувач кафедри практичної психології Харківського національного педагогічного університету імені Г.С.Сковороди, доктор психологічних наук, професор
- Христенко В.Є,** Старший науковий співробітник науково-дослідної лабораторії екстремальної та кризової психології Національного університету цивільного захисту України, кандидат психологічних наук, доцент
- Цільмак О.М.** Начальник кафедри юридичної психології та педагогіки факультету підготовки фахівців міліції громадської безпеки Одеського державного університету внутрішніх справ, доктор юридичних наук, доцент
- Шевченко Н.Ф.** Завідувач кафедри педагогіки та психології освітньої діяльності Запорізького національного університету, доктор психологічних наук, професор
- Шестопалова Л.Ф.** Завідувач відділення медичної психології ДУ «Інститут неврології, психіатрії та наркології АМН України», доктор психологічних наук, професор
- Яновська С.Г.** Старший викладач кафедри прикладної психології Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна

Правила оформлення статей для фахового збірника «Вісник Харківського національного університету. Серія Психологія»

Відповідно до постанови Президії ВАК України №7-05/1 від 15 січня 2003 р. «Про підвищення вимог до фахових видань. Внесених до переліків ВАК України» при підготовці статей до фахового збірника слід дотримуватися таких вимог:

- постановка проблеми у загальному вигляді та її зв'язок з важливими науковими та практичними завданнями;
- аналіз останніх досліджень і публікацій, в яких започатковано розв'язання даної проблеми, на які спирається автор;
- виділення невирішених раніше частин загальної проблеми, котрим присвячується означена стаття;
- формування цілей статті (постановка завдання);
- виклад основного матеріалу дослідження з повним обґрунтуванням отриманих наукових результатів;
- висновки з цього дослідження і перспективи подальших розвідок у цьому напрямі;
- список використаних джерел (література оформляється відповідно до вимог ВАКУ)

До редакції подаються паперова та електронна версії статті. Обсяг статті – 6 – 12 сторінок. Електронна версія подається до редакції у форматах *.doc та *.rtf, яку необхідно надіслати на адресу: yanovskaya_s@mail.ru. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, через півтора інтервали. Поля: зверху – 2 см; знизу – 2 см; ліворуч – 2 см; праворуч – 1 см. Папір – А4. В тексті статті забороняється використовувати об'єкти WordArt, автофігури, кольорові діаграми та графіки.

Перед кожною статтею подаються анотації, ключові слова російською, українською та англійською мовами та УДК. Викладення матеріалу в анотації повинно бути стислим і точним (від 500 знаків і більш). Належить використовувати синтаксичні конструкції, притаманні мові ділових документів, уникати складних граматичних зворотів, необхідно використовувати стандартизовану термінологію, уникати маловідомих термінів та символів. Не рекомендується використовувати для перекладу комп'ютерні програми.

Перед основним текстом необхідно вказати ініціали та прізвище автора, установу, контактну інформацію, яка буде вказана у Віснику.

До статті також додаються рецензія та довідка про автора (вказуються прізвище, ім'я та по батькові автора, установа, посада, науковий ступінь та наукове звання, контактний телефон та адреса).

Редакція залишає за собою право не друкувати статтю в разі невиконання вищевикладених правил.

Наукове видання

ВІСНИК
ХАРКІВСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО
УНІВЕРСИТЕТУ

№981

Серія “Психологія”

Збірник наукових праць

Українською, російською та англійською мовами

Комп'ютерне верстання: Севост'янов П.О.

Підписано до друку 12.12.2011 р. Формат 64x80/8.

Папір офсетний. Друк ризограф. Ум. друк. арк. 27,9. Обл.-вид. арк. 32,5.

Тираж 100 пр. Ціна договірна.

61022, Харків-22, пл. Свободи, 4.

Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна.

Видавництво.

Надруковано ФОП «Петрова В.І.»

61144, Харків, вул. Гв. Широинців, 79, к. 137.

Свідоцтво про державну реєстрацію ВОО №948011 від 03.01.03